

«...Японский самолет неумолимо пикировал сквозь стальной дождь. Он получил несколько попаданий и выпустил шлейф огня и дыма, однако продолжал свой смертельный полет...

Палуба вымерла. Все, за исключением зенитчиков, вмиг распростерлись на ней. С ревом огненный шар прошел перед надстройкой и врезался, произведя страшный взрыв...

Корабль вздрогнул. Около 16 метров полетной палубы свернулось в трубку подобно банановой кожуре... Взрывом убило 14 человек — они уже никогда не засмеются и не порадуются снова. Последнее, что они увидели, был самолет-камикадзе с хвостом огня, увеличивавшийся в размерах с молниеносной быстротой...»

КАМИКАДЗЕ ПИЛОТЫ- СМЕРТНИКИ

Юрий Иванов

МИР В ВОЙНАХ

КАМИКАДЗЕ

ЯПОНСКОЕ

САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ ВО

ВРЕМЯ ВОЙНЫ НА ТИХОМ

ОКЕАНЕ

Юрий Иванов

СМОЛЕНСК
«РУСИЧ»
2001

УДК 94/99 (100-
87) ББК 63.3(0-
5Япо)62
И 20

Серия основана в 1998 году

Иванов Ю.Г.

И 20 Камикадзе: пилоты-смертники. Японское самопожертвование во время войны на Тихом океане - Смоленск: Русич, 2001. - 528 с.: ил. - (Мир в войнах) ISBN 5-8138-0311-4

Книга на богатом фактическом материале раскрывает сложный феномен японского самопожертвования в годы войны на Тихом океане. Автор предпринял попытку анализа исторических, психологических, духовных и других предпосылок, приведших к массовому появлению самоубийственных акций во всех родах войск японских вооруженных сил, а также среди гражданского населения. Исследование японского «искусства Смерти» позволит лучше понять историю войны на Тихом океане, полнее уяснить особенности национального характера японцев.

УДК 93/99 (100-87) ББК
63.3(0-5Япо)62

© Текст. Ю. Г. Иванов. 2001
© Оформление, разработка серии. «Русич»,

ISBN 5-8138-0311-4

ОТ АВТОРА

Помню, какое сильное потрясение испытал много лет назад, в юности, узнав о невероятных, чудовищных преступлениях, совершенных в годы войны японской военщиной в так называемом «отряде 731». Оно не прошло и сейчас и заставило пристальней взглянуть в Японию, нашего процветающего дальневосточного соседа.

Открылась удивительная нация, понять которую пытаюсь до сих пор. Нельзя не восхищаться ее культурой, историей, обычаями, искусством... Однако этот необыкновенно добрый, смиренный, вежливый, трудолюбивый народ, будучи напоен ядом национализма, в годы минувшей войны продемонстрировал древний феодальный самурайский дух: фанатичную преданность императору; дикие, переходящие границы человеческого понимания злобу и ненависть к врагам — населению оккупированных стран; массовое самопожертвование — как по приказу свыше, так и добровольное.

Идея посылать солдат на битву, зная со всей определенностью, что они погибнут, не укладывается в голове западного человека.

Японские моряки и подводники, водители человеко-торпед; пехотинцы, своими телами разминировавшие минные поля; летчики-камикадзе, парашютисты, принимая самоубийственные атаки, понимали, что погибнут, но добровольно выбирали путь самопожертвования и с энтузиазмом встречали смерть. Категория таких добровольцев-смертников в японских вооруженных силах периода Второй мировой войны получила обобщен-

ное название «тейсин-тай» («тесинтай») — «ударные отряды». Их формирование основывалось на средневековом морально-религиозном кодексе самураев бусидо, обязывающем презирать смерть.

Погибшие в бою смертники причислялись к лику *ками* — святых покровителей Японии.

В истории многих народов можно найти немало примеров беззаветного героизма. Мы гордимся массовым самопожертвованием и патриотизмом, которые проявляли советские солдаты во время Великой Отечественной войны. Они уходили из жизни добровольно, но своей смертью способствовали выполнению стоящих задач или спасали товарищей.

Бывший свидетель с «той» стороны Ганс Фриспер пишет: «Я собственными глазами видел, как молодые красноармейцы на поле боя, попав в безвыходное положение, подрывали себя ручными гранатами. Это были действительно презирающие смерть солдаты!»

Однако никогда и ни в одной армии мира самопожертвование не являлось специальной или особой тактикой, одобренной сверху и заранее планируемой. Формирование различных отрядов тейсин-тай санкционировал Императорский генеральный штаб. Более того, для самоубийц разрабатывалось и производилось специальное оружие — торпеды, катера, самолеты... Самоубийственная тактика впервые была массово опробована в сражении за Филиппины, а в битве за Окинаву, японское командование сделало на нее уже основную ставку.

Несмотря на то, что самоубийственная тактика доказала свою эффективность, она не приближала победу, да и не могла привести к ней.

В предлагаемом читателю издании впервые в нашей стране предпринята попытка с разных сторон раскрыть феномен массового самопожертвования японских солдат. При этом следует заметить, что для российского читателя война на Тихом океане менее известна, чем Вторая мировая война в Европе. В западной литературе, к сожалению, в описаниях хода сражений на Тихом океане содержится много неточностей. Во многом неиз-

вестной для российского массового читателя эта война остается и в наши дни. Воссоздание достоверной картины того или иного сражения затрудняют часто противоречивые оценки и описания со стороны обеих воюющих сторон.

В нашей стране прежде всего в силу идеологических причин война на Тихом океане рассматривалась как второстепенная. Только этим можно объяснить ограниченное число достаточно полных и фундаментальных работ, посвященных Тихоокеанскому театру военных действий. В данной книге предпринята попытка объяснить феномен японского самопожертвования на широком историческом, политическом, социальном, психологическом и т. п. фоне. Только так, по нашему мнению, можно правильно раскрыть суть японского самопожертвования как явления.

В ряде отечественных изданий единственной причиной самоубийственных атак называется фанатизм. Однако это слишком упрощенное и легковесное объяснение, к тому же не в полной мере соответствующее истине. Первая в России книга о *камикадзе** и других отрядах самоубийц призвана восполнить досадный пробел и изложить реальную картину японского духа самопожертвования и самоубийственных атак, отбросив различные легенды и небылицы, их окружающие.

Названия техники (кораблей, самолетов и т. д.) даются в русской транскрипции, а их буквенно-цифровые обозначения — в латинской.

Согласно существующей традиции, японские фамилии приводятся первыми, а имена — вторыми.

Автор благодарит Т. С. Гуляеву, А. В. Бушуеву, А. Б. Дэвидсона, А. А. Жеребилова, Ю. Е. Ивонина, Ю. Е. Каштанова, Г. В. Корнюхина, Е. К. Леднёву, В. В. Найденова, М. И. Рабиновича, В. А. Суханову, В. В. Тарасенко, А. И. Уткина, В. В. Цветкова за советы, ценные замечания и помощь, оказанные при

* В 1989 году вышла брошюра Лейко О. Ю. «Камикадзе» объемом 74 страницы, представляющая собой научно-популярный очерк по истории японских пилотов-смертников. — *Прим. авт.*

работе над темой. Особую признательность автор выражает издательству «Time-Life» за любезно предоставленное разрешение использовать фотографии.

Понимая, что книга может быть не свободна от недостатков и неточностей, автор с благодарностью примет замечания, отзывы и советы, связанные с этой темой.

Адрес редакции: 214016, г. Смоленск, ул. Соболева, дом 7, издательство «Русич».

ГЛАВА I

РАЗМЫШЛЕНИЯ

О ЯПОНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

ШТРИХИ К ЯПОНСКОМУ ПОРТРЕТУ

Жестокая и коварная японская природа, данная человеку как бы на зло, наложила неизгладимый отпечаток на черты характера населения. В Японии шесть седьмых территории не может быть использовано в хозяйственных целях. В стране ежегодно происходит в среднем около четырех тысяч землетрясений, а безжалостные тайфуны, цунами и наводнения постоянно производят опустошительные разрушения. Все это способствует выработке у японцев мужества, самообладания, терпения и других национальных качеств.

Япония долгие годы проводила политику самоизоляции, что, наряду с ее островным положением, привело к формированию однородного этноса, по-своему интересного и довольно самобытного.

В условиях Японии одинокий человек обречен. Он не в состоянии бороться с суровой природой, победить которую можно только сообща. Лишь земледельческие общины в силах выполнять огромный объем работы по сооружению и поддержанию в порядке дамб, каналов, оросительной системы и т. д.

Японская деревенская община представляет собой микромодель всего общества. Она замкнута, обособлена, подозрительно и даже враждебно настроена к чужакам. В ней вырабатывается и постоянно воспроизводится общинное сознание, феодальный образ мышления. Японец всегда видит себя в семье, рядом с соседями, в общине в целом. Он не представляет своей жизни без

нее. Самое большое наказание для него — оказаться в чужом мире вне родной и знакомой обстановки.

Авторитет общины огромен: она не допускает праздности, нивелирует возвысившуюся индивидуальность до среднего уровня, делит на всех членов и общие трудности и потери, и общие радости, удачи и везение. Именно с общинным сознанием связана японская традиция называть сначала фамилию, а затем имя. Японец прежде указывает свою семью и лишь после нее себя — ее члена.

Общинный дух чрезвычайно стоек. Он поддерживается многочисленными местными праздниками. Каждый год в июле и в декабре японцы стремятся попасть туда, где они родились. Подготовка к праздникам и пышные торжества объединяют и сплавляют людей, дают заряд на следующие полгода.

Высокий уровень научно-технического прогресса почти не сказывается на общинном сознании и на жизни японской деревни. Как и столетия назад, японцы живут в домах без печек с земляными полами и тростниковыми крышами, работая от зари до зари на рисовых полях.

Японцы отличаются трудолюбием, дисциплинированностью, стремлением к согласованным действиям в группе. Удивительно, но японский язык не содержит слова «трудолюбие». Само собой подразумевается, что невозможно работать иначе, как с максимальной самоотдачей. В то же время необходимо безоговорочно подчиняться тому, кто занимает более высокое служебное положение.

Японец не представляет свою жизнь без коллектива. Каждый житель Японских островов состоит членом множества различных обществ, имеющих свою униформу, заповеди, знамена, гимн и другую символику. Для представителя любой нации подобные «мелочи» имеют лишь второстепенное значение, но только не для японцев. Для них «мелочей» вообще не существует. Они привыкли ко всему подходить тщательно, основательно вникая в детали. Бригадир, начальник участка, командир роты и т. п., ставя подчиненным задачу, обязательно взойдет на специальное возвышение — небольшой помост. При этом не имеет значения, где он находится — на предприя-

тии или в полевых условиях. Главное — он выше остальных по положению и поэтому должен непременно возвышаться над ними даже зрительно.

Отличительной чертой японского национального характера является сильно развитое эстетическое чувство. Многие народы отличаются такой же любовью к прекрасному, как японцы. Однако японский эстетический идеал коренным образом отличается от европейского. Ни в одной стране мира не существует традиций проведения массовых организованных празднеств, связанных с любованием природой. Праздник любования цветами, называемый «*ханами*», вероятно, самый популярный. Он зародился еще в VII веке. В Японии наиболее любимы нежно-белые цветки дикой вишни сакуры и цветы белой хризантемы кiku — символа императорской короны. Ранней весной, во время цветения сакуры, в токийском парке Синдзюку устраиваются официальные церемонии коллективного любования ее бутонами. Японцы в этот день пьют саке и сочиняют *вака* — короткие стихотворения. Эти два действия — основные составляющие праздника, любимого во всех уголках Японии.

Сакура традиционно считается любимым цветком военных. В глубокой древности появились поговорки, подчеркивающие особую роль, которую отводили ей самураи. «Сакура — первый среди цветков, самурай — первый среди людей», «Если кто-то спросит о духе японцев, укажи на цветки сакуры, сверкающие на солнце». Самураи считали, что смерть в бою так же прекрасна, как короткая жизнь цветков сакуры.

Цукими, праздник любования луной, проводится в сентябре—октябре. Праздник любования снегом *юкими* прославляет красоту обыденной жизни.

Японцы оценивают мир с позиций дзенской эстетики, основу которой составляют категории *ваби* и *саби*. Ваби означает отказ от роскоши, жизнь в простоте и бедности. Саби — это «прелесть обыденного». Не поиски идеала прекрасного, правильных пропорций, как на Западе, а достижение естественности во всем, максимально полное единение с природой — вот что является главным для представителей этой самобытной нации.

Японцы любят поэзию, песни, театр и другие искусства. Поражает их чайная церемония *тя-но-ю* и искусство аранжировки цветов *икебана*.

Однако не стоит идеализировать национальную психологию японцев. Напoeнные и одурманенные ядом национализма и шовинизма жители японских островов, как показывает история, способны взрастить некоторые свои отнюдь не лучшие черты.

«Нашему народу присуща нелогичность в поступках, — с горечью утверждали Футида М. и Окумия М. — Японец нередко действует под влиянием порыва, случайности... Мы с неохотой расстаемся с предрассудками, вяло реагируем даже на очевидные улучшения, если они содержат элемент новизны. Наша нерешительность порождает высокомерие, переходящее в презрение к другим народам.

Не будучи смелыми и независимыми, мы предпочитаем полагаться на других и рабoлeпно слушаться старших начальников. Не умея трезво оценить действительность, мы часто принимаем желаемое за действительное, действуем без необходимых планов и расчетов...

Все это — отрицательные черты японского национального характера».

Понятно, что такая критическая оценка некоторых качеств своих соотечественников в какой-то мере справедлива. В. Цветов утверждает, что если в 1953 году 20 процентов японцев считали себя существами более высокого порядка, чем американцы и европейцы, то в 1968 году — уже 48 процентов. Другими словами, тезис о «высокомерии, переходящем в презрение к другим народам», действительно подтверждается. И это несмотря на уроки страшной войны! Однако любые оценки всегда субъективны, поэтому неправильно, на наш взгляд, вешать ярлыки на целый народ. Однако не замечать отрицательные черты его психологии тоже нельзя.

Общинное самосознание и феодальный образ мышления ярко проявляются в приверженности японцев к традициям и мифологии. И то, и другое занимает чрезвычайно важное место в их жизни. Именно этим можно объяснить тот благоговейный трепет, с которым каждый

японец относился до и во время войны на Тихом океане к *микадо* ~ потомку богов.

Несмотря на привязанность к группе и коллективу, японец в сущности чувствует себя одиноким. Он строго соблюдает иерархию и в семье, и в обществе; сдержан, стеснителен, стыдлив. Он предпочитает не жаловаться на свои беды. При этом мощное чувство стыда и чувство благодарности и долга (по-японски «*гири*») во многом определяют его линию поведения и образ жизни.

Буддизм привнес в японскую национальную психологию учтивость, простоту, покорность и смирение, равнодушие к вещам.

Невозможно составить подробную, правильную и полную характеристику японской жизни и национальной психологии — настолько она сложна и многолика. Мы указали лишь на те черты японского характера, которые помогут лучше понять мотивы поведения японских солдат во время войны на Тихом океане, разобраться в феномене массовых самоубийственных акций, безропотно, а порой и с воодушевлением осуществлявших на всем протяжении военных действий.

КОРНИ БУСИДО

Невозможно понять японцев, не постигнув суть синтоизма. *Синто* переводится с китайского как «священный путь». По-японски это звучит «ками-но-мити» — «путь богов». Впервые слово «синто» было употреблено в 720 году в императорской хронике «Нихонги». Синто, система традиционных японских верований, — не просто религия, а образ жизни, основа японской национальной психологии. Будучи по своей сути общинной религией, она демонстрирует уникальную живучесть, несмотря на то, что подобный тип верований свойственен лишь примитивным племенам, живущим при родовом строе.

Древняя религия Японии основывается на поклонении человекоподобным божествам и духам, называемым

«ками». Считается, что мир населен миллионами ками. Горы, ветер, деревья, камни, предки, герои, духи и т. Д. — все это ками, число которых огромно и точно не известно. После смерти японец присоединяется к сонму ками. Термин «ками» означает также «сила», «мощь», которая, согласно синто, таится в различных природных явлениях, в определенных местах, в неординарных людях.

Согласно ситоистскому мифу, и Японские острова, и страна Ямато в юго-западной и центральной Японии, и весь японский народ имеют божественное происхождение — были рождены богами (все остальные народы образовались из последи, вышедшего при родах). Боги-ками породили только японцев и поэтому связаны лишь с японской нацией.

Величайшей среди многочисленных синтоистских божеств считается Аматаэрасу ооиками («Великая богиня, освещающая небо»). От нее исходит родословная японских императоров. Правнук Аматаэрасу Дзимму в 660 году до н. э. стал первым правителем объединенной Японии.

Таким образом, синтоизм проповедует, что тенно, или микадо (император), является потомком духов неба, а каждый японец — потомком ками — духов второго разряда. Поэтому для японцев император — не только глава государства и владыка подданных. Он — представитель неба на земле и, благодаря своему божественному происхождению, находится в родстве со всем народом, выступает как глава нации-семьи и как главный жрец синтоизма. Вот почему святой обязанностью каждого японца считалось быть преданным прежде всего императору, то есть личности, и лишь затем — своей стране.

Одно из главных мест в синтоизме занимает культ предков. Вероятно, ни одна нация в мире не уделяет ушедшим в мир иной столько внимания, как японцы, которые ухаживают за могилами даже X века. Средний японец, как правило, знает своих предков до девятого колена. Согласно синтоизму, люди после смерти оказываются в прошлом, где становятся духами-предками. Они при этом сохраняют свои качества. Кто не был при жизни добропорядочным — превращается в злого духа,

хороший человек становится добрым духом. Но потомки обязаны поклоняться всем им. Духи-предки священны для живущих, так как превратились в ками, которые внимательно следят за миром людей, покровительствуя и защищая живущих и Японию. Вот почему, считали японцы, их страну нельзя победить, и завоеватели никогда не осквернят «священную землю Ямато».

В то же время ками не находятся в потустороннем мире, они обитают с людьми. Человек должен стремиться слиться с божествами в своей жизни.

Природа и мир саморазвиваются и не зависят от какого-то высшего разума. Мир не разделяется на живой и неживой, человеческий и природный, земной и загробный. Он — единое целое. Загробный мир является отражением земного. Это вовсе не мрачный мир тьмы. Смерть, согласно синтоизму, — естественный переход из одного состояния в другое.

По всей Японии разбросаны многочисленные синтоистские святилища. В них японцы поклоняются своим местным ками. Синтоистский храм состоит из двух частей: внутренней для хранения символа ками и наружной, где молятся. В Нем нет предметов поклонения и отсутствуют какие-либо украшения. Висит лишь зеркало — символ чистого сердца, отражающего в себе образ бо-- жества.

Кроме того, в каждом традиционном японском жилище обязательно есть синтоистский алтарь *камидана*, соседствующий с буддийским алтарем.

После реставрации власти императоров в 1867 году государство в эпоху Мэйдзи взяло синтоизм на вооружение, но не как религию, а в качестве национальной системы этики (*синто кокутай*). Синтоизм превратился в официальную государственную идеологию. Были возрождены древние мифы о сотворении мира, богине Аматаэрасу, императоре Дзимму. Официальная пропаганда умело использовала их как символы японского национализма. Крайне реакционные и агрессивные силы Японии взяли на вооружение некоторые стороны синтоизма, превратив эту религию в идеологическую основу японского империализма.

В VI веке в Японию начал проникать буддизм. Уход от земных проблем, приемы и методы сохранения душевного покоя — эти и другие его характерные черты получили в Стране восходящего солнца дальнейшее распространение. Скоро в Японии стали признанными две религии, причем буддизм не стремился подавить синтоизм, а осваивал те области духовной жизни, которые оставались свободными от влияния последнего. К X веку японцы умело разграничили две системы верований применительно к своей жизни: обряды рождения, например, проводили согласно синтоистским ритуалам, а обряды похорон — по буддийским. Буддизм проповедовал телесную чистоту, призывал делать все тщательно, с душой. Он признавал смерть как распад плоти, детально разработал мысль о соответствующем посмертном воздаянии за прожитое. Жизнь непрочна и непостоянна, учил буддизм. Он сравнивал ее с росой, высыхающей под первыми лучами солнца. Жизнь должна рассматриваться в единстве со смертью, от которой она не очень существенно отличается. Жизнь и смерть легко меняются местами, переходя друг в друга. Соответственно и человек как носитель жизни живет, умирает, меняет свои формы. А если так, то не имеет смысла размышлять о том, что лучше — жизнь или смерть.

В течение многих столетий буддизм и в некоторой степени даосизм оказывали существенное влияние на культуру и духовную жизнь японского общества, в котором в XII веке зародился, а в XIV—XV веках достиг своего расцвета дзен-буддизм — японский вариант буддизма.

Дзен-буддизм — это не только религия, но и философия, и социально-психологическая доктрина.

Дзен превратился в главную религию самураев, которые нашли в используемой им медитации способ полного раскрытия своих внутренних возможностей.

Дзен-буддизм — миролюбивая религия, и удивительно то, что она покорила сердца самураев. Все дело в том, что дзен никогда не был религией разума, религией мысли. Он выполнял одну, но важную для самураев функцию — побуждал их к действию, помогал мобили-

зовать волю. По существу дзен является психотехникой, которая концентрирует внутреннюю энергию человека без учета ее направленности. Дзен не интересуется, что делает человек, для него важно, как он делает. Он не рассматривает вопрос о бессмертии души, нравственном поведении человека. Однако несмотря на свою однобокость, дзен давал самураю больше, чем любое другое вероучение.

В период Токугава широкое распространение в Японии получила религиозно-философская система конфуцианства. Один из основных ее принципов — сыновней почтительности — отвечал духу средневекового общества. Безоговорочное подчинение отцу соблюдалось не только в каждой семье, но и распространялось на всю государственную иерархию.

Другой принцип — покорность и безоговорочное следование авторитету — также импонировал японскому обществу и незыблемо соблюдался.

Как морально-этическая система, регулирующая поведение человека, конфуцианство учило, что высшим законом деятельности должно быть безусловное выполнение долга.

Таким образом, синтоизм, буддизм и конфуцианство явились тем основанием, на котором сформировался весь комплекс морально-этических норм, составивших самурайский кодекс бусидо.

БУСИДО - ДУХ ЯПОНИИ

Неписанный моральный кодекс самураев, их идеалы и стремления обозначаются термином «бусидо» (буквально «путь воина»). В древней Японии словом «буси» (или «букэ») называли человека меча или учености, а также в целом сословие воинов. В X веке появился другой термин — «самурай», которым обозначали профессиональных солдат невысокого звания. К XVII веку самураем уже называли всех, кто носил два меча.

Суровая жизнь буси была полностью подчинена воле

вышестоящих сюзеренов. Буси должен был уметь хорошо стрелять из лука, скакать на лошади, искусно сражаться на мечах. Ценились прямота и твердость буси, его честь, преданность, бесстрашие и скромность.

Именно эти качества стали затем культивировать самураи, превратив их в свои традиционные ценности.

В 1615 году страна объединилась под властью самурайского клана Токугава. Японское общество длительное время оставалось сословно-замкнутым. Над крестьянами, ремесленниками и самым низшим сословием -- торговцами - - безраздельно господствовали самураи, иерархия которых насчитывала 31 ступень в зависимости от значимости и богатства.

Они распространили собственные ценности на всю нацию. Идеал бусидо в XVII веке достиг своего расцвета. Его корни берут начало в догматических положениях конфуцианства и в двух основных религиях Японии - синтоизме и буддизме. Конфуцианство обеспечило морально-этическое обоснование бусидо, буддизм придал равнодушие к смерти, синтоизм выделил японцев как нацию.

Кодекс бусидо идеализировал исключительность самурайства. Не будучи по большому счету этической системой, он не устанавливал каких-либо стандартов и норм поведения, безразлично относился к верованиям и ценностям.

В то же время он требовал от самурая безусловного выполнения нескольких важнейших положений. Самурай, например, должен был демонстрировать беспредельную преданность своему сюзерену, вплоть до готовности следовать за ним в могилу. В этом представители военного сословия видели свой долг, неразрывно связанный с понятием чести и мужества.

Уже три столетия японское юношество воспитывается в рыцарских чувствах на примере сорока семи *ронин**. История эта такова.

В конце XVIII века жил *даймё'*** Такуми-но ками Асано. Однажды он не вынес оскорблений высокопос-

* Ронин - самурай, утративший вассалитет. — Прим.

авт. ** Даймё - князь. - Прим. авт.

тавленного чиновника Кодзукэ-но сукэ Кира и попытался убить его, обнажив меч во дворе сёгуна. По японским законам это являлось тягчайшим преступлением, и Такуми-но ками приговорили совершить самоубийство, его имущество конфисковали, род разорили, а его самураи превратились в ронинов.

Сорок семь верных вассалов, сознавая, что они не должны жить под одним небом с врагом своего господина, заключили договор, стремясь отомстить за смерть Такуми-но ками. Долгое время они старались усыпить бдительность обидчика, и наконец 14 декабря 1702 года им это удалось. Они ворвались в его дом, захватили Кодзукэ-но сукэ, однако обращались с ним с величайшей почтительностью, настойчиво убеждая совершить сеппуку. Видя, что все их уговоры напрасны, они отрубили ему голову и отнесли ее на могилу своего господина. Их хвалили за мужество и верность. Но верховное судилище за дерзкий поступок приговорило ронинов совершить сеппуку. Ронины встретили смерть мужественно и были похоронены рядом с могилой своего хозяина. Молва об их подвиге распространилась по всей стране, и массы народа до сих пор стекаются поклониться могилам верных вассалов.

Нет в Японии человека, который не знал бы этой истории. Она ярко иллюстрирует принципы вассальной верности, кровной мести и чести, которыми руководствуются самураи.

Но значение истории б сорока семи ронинах этим не исчерпывается. Ее влияние на японцев безмерно: «Она помогает нам понять другую сторону нашей жизни: как далеко в прошлом все еще живут японцы, и почему во время войны они будут вести себя подобно людям предыдущих столетий. Я не сомневаюсь, что многие солдаты помнят те старые средневековые образы, пикируют ли они в облаках или идут ко дну», — с уверенностью характеризовал своих соотечественников в годы войны внимательный наблюдатель.

По Конфуцию, не сделать то, в чем состоит твой долг, есть отсутствие мужества.

Японская пословица сравнивает бесчестие с порезом

на дереве: со временем оно делается все больше и больше.

Характерное для японцев обостренное чувство стыда и чести у самураев было возведено чуть ли не в абсолют. При этом считалось, что сословная честь - это не дар небес, ее необходимо воспитывать, неустанно выполняя свой долг. В японской литературе сложился устойчивый образ типичного самурая - вспыльчивого, надменного и задиристого.

Едкая редька.
И суровый, мужской
Разговор с самураем*, -

такое впечатление от общения с представителями этой касты оставалось, вероятно, не только у Басе.

К XIV веку самураи стали ценить смерть от собственной руки значительно выше, чем смерть в бою. В самоубийстве увидели проявление высшего героизма, силы духа и самообладания.

Выработался особый акт лишения себя жизни через вспарывание живота, называемый «сеппуку» (хара-кири). По японским поверьям, живот считался местопребыванием души и чувств. Сеппуку расценивали не как презрение к смерти, а как презрение к жизни. Это не было лишь простым самоубийством, но актом исправления ошибок, заглаживания своих преступлений, демонстрации верности сюзерену, доказательства высоких моральных устоев, апелляции к общественному мнению. Не проявление фанатизма или отчаяния, а сознательный акт — свидетельство героизма и высшей чести — вот что такое сеппуку.

Решиться совершить утонченное самоубийство (японцы считали его почетным) мог человек хладнокровный и мужественный, почему оно и было привилегией лишь самураев.

Священник и воин XVIII века Ямамото Цунэтомо (1659-1719) в знаменитой книге «Хагакурэ» («Спрятанное в листе») так охарактеризовал смысл жизни саму-

* Перевод В. Н. Марковой.

рая: «Путь самурая — это смерть... В случае необходимости выбора между смертью и жизнью незамедлительно выбирай смерть. В этом нет ничего сложного. Просто соберись с духом и действуй.

Тот, кто выбрал жизнь, не исполнив свой долг, должен считаться трусом и плохим работником...

Чтобы быть хорошим самураем, необходимо готовить себя к смерти утром и вечером, днем и ночью...»

Кодекс бусидо учил, что если самурай решил кого-то убить, то сделать это он обязан не откладывая, ибо боевые искусства не подвластны сомнениям.

Самурай с мечом за поясом всегда готов наступать. Тогда его разум будет сосредоточен на смерти, готовность к которой — главное качество воина.

У самурая желание смерти должно быть полным. Он не имел права бояться ее, мечтать, что будет жить вечно. Все помыслы воина, согласно бусидо, должны быть направлены на то, чтобы броситься в гущу врагов и умереть с улыбкой. Решимость уйти из жизни не появлялась сама собой. Она укреплялась в процессе тщательного обдумывания, когда смерть становилась смыслом жизни, а добровольный выбор ее - самым величественным поступком человека.

И синтоизм, и буддизм во многом способствовали и способствуют тому, что в японском обществе уход из жизни по собственной инициативе не осуждается. Более того, традиция самоубийства возведена здесь в ранг социальной ценности.

Европейскому уму трудно понять эту особенность японского отношения к жизни. Христианство, например, резко негативно относится к самоубийству как к явлению, попирающему естественный закон и направленному против божественного порядка. Правда, православная церковь канонизировала двух самоубийц, Пелагею и Домну. Но она сделала это, отдавая долг их чистоте и святости, качествам, которые обе мученицы ценили выше бесчестия.

У язычников, как известно, самоубийство даже восхвалялось как героизм. Точно так же и у японцев самоубийство не только не осуждается, но даже в какой-то

степени одобряется. Не удивительно поэтому, что самурайский обряд сеппуку считается верхом героизма*.

Согласно синтоизму, не существует коренного различия между богом и человеком. А раз так, то человек может достигнуть сущности бога своими усилиями и самопожертвованием. Вполне естественно, что с точки зрения бусидо самопожертвование означает лишение себя жизни на поле брани. Таким образом, битва превратилась в средство не только приблизиться к божеству, но и самому стать богом. Без сомнения, в ранний период истории Японии подобная вера носила буквальный смысл. Через несколько веков она стала общепринятой и широко распространенной: японцы искренне верили в то, что не существует предела силе духа, если специально готовиться к смерти и в итоге пожертвовать собой. В каждом человеке содержатся скрытые источники силы, которые только он сам может высвободить.

В глубокой древности самураи усвоили искусство *киаи* — мистической силы, которая лежала в основе любого военного успеха. Слово происходит от слияния существительного «ки» — «дух», «воля», и «аи» — сокращения глагола «авасу», означающего «объединять». Таким образом, *киаи* -- это- движущая сила, которая побуждает людей к действию, это сила, которая вселяет в них решительность преодолеть препятствия или победить врагов.

Для того, чтобы привлечь *киаи*, самураи использовали соответствующие выражения, например:

«У меня нет родителей. Я делаю небеса и землю моими родителями.

У меня нет божественной силы. Я делаю честность моей божественной силой,

У меня нет волшебной силы. Я делаю мои личные качества моей волшебной силой.

У меня нет тела. Я делаю стоицизм моим телом.

* Исключением из правила является двойное самоубийство *синдзю*. В надежде на счастливое супружество в следующем перерождении некоторые молодые пары лишают себя жизни. В старину подобная смерть считалась греховной, и трупы совершивших *синдзю* не хоронили. —Прим. авт.

У меня нет ничего сверхъестественного. Я делаю справедливые законы сверхъестественными.

У меня нет друзей. Я делаю мой ум моим другом.

У меня нет замка. Я делаю непоколебимый дух моим замком».

Подобные заклинания обладали для говорящего большим психологическим эффектом. Они помогали ему сконцентрироваться, подготовиться к испытанию, и в этом смысле «дух» действительно в какой-то степени господствовал над «материей».

Искусство *киаи*, или самовнушения (как бы мы сейчас его называли), оказывало большое влияние на самураев. Вера в то, что нет предела человеческим возможностям, и в то, что если кто-то успешно развивает свое «*хара*» (мужество, силу духа), то он может обрести нечеловеческую силу, — сказывалась на интенсивности и тяжести тренировок в японской армии, совершенно не известных в вооруженных силах других стран. Японские подразделения совершали марш-броски с полной выкладкой протяженностью 50 миль, после чего должны были три раза пробежать вокруг спортивного поля. Подобные испытания японский солдат выполнял беспрекословно. Европейцы употребляют выражение «предел человеческих возможностей». Для самураев и солдат японской армии времен Второй мировой войны подобная фраза бессмысленна, так как они полагали, что каждый может собрать силу воли и достичь невозможного. С этой точки зрения самурай никогда не отказывался от приказа по причине невозможности его выполнения. Он должен был атаковать, даже если не хватало сил и вооружения.

Иногда европейцы рассматривают бусидо как восточную форму рыцарства. Применительно к военной стороне жизни это в какой-то мере справедливо, но не более того. Рыцарство подразумевает благородное отношение воина не только с представителями своего сословия, но и корректное поведение по отношению к врагам, гражданским лицам, женщинам и детям. Бусидо рассматривает лишь взаимоотношения между самураями в сражении. Самурай не может иметь никаких дел с врагом, так

как один из них погибнет в битве, а другой победит. Бусидо никак не защищал женщин и детей. Женщины в доме самурая были в полной от него зависимости. Если дочерям самурая было необходимо стать проститутками, чтобы уплатить его долги, то кодекс бусидо предписывал им сделать это без колебаний.

Не следует, однако, оценивать самураев как людей в чем-то ущербных, озабоченных лишь собственным «я» и сохранением воинской чести. Как раз наоборот: самурай, согласно кодексу бусидо, рассматривался как «человек без собственного «я». Нравственные идеалы и устремления японского военного сословия высоко почитались в обществе. Самураи, в свою очередь, хорошо осознавали значимость своего положения и ответственность своей роли представителей высшей касты.

Храбрость, мужество, самообладание, благородство, обязанность выполнять свой долг, милосердие, сострадание — все эти добродетели, согласно кодексу бусидо, непременно требовались от самурая.

С падением феодализма у самураев отобрали поместья. Ореол их славы и былого величия померк. Ушли в прошлое и высокие нравственные требования самураев.

К 1941 году каста самураев была официально отменена уже 74 года. Однако дух бусидо по-прежнему сохранялся в военной среде. Тот факт, что кодекс бусидо не был официально внедрен в армию, не делает его менее важным, так как он существовал как идеал, как вера, как кредо. Бусидо доказал свою способность поднять японцев на самые ошеломляющие дела во имя «священной земли Ямато».

ГЛАВА II

ПУТЬ К ПРОПАСТИ

ШАГИ ЯПОНСКОГО ЭКСПАНСИОНИЗМА

В 1868 году юго-западные княжества в кровопролитной борьбе победили северо-восточные, и власть в стране перешла от правившего в течение многих веков *сегуна** к императору. Этот революционный переворот Мэйдзи (под таким названием он вошел в историю) положил начало развитию нового капиталистического государства. Блок помещиков и крупной буржуазии во главе с самодержавной монархией осуществил ряд крупных буржуазных реформ. Однако во всех сферах японской жизни (экономической, политической, общественной и духовной) сохранились многочисленные пережитки, тормозившие формирование внутреннего рынка. Запоздав в своем развитии, японский капитализм с завистью смотрел на другие страны, владевшие обширными и богатыми колониями. Внешняя агрессия как средство решения внутренних проблем все больше и больше завладевала умами правящих кругов страны. Но возможность реализовать планы завоеваний, вынашивавшиеся императором Мацухито (правил под девизом Мэйдзи (1867—1912), появлялась только при наличии сильной армии. В 1872 году была введена всеобщая воинская повинность, и Япония приступила к формированию армии по французскому, а затем по германскому образцу, и флота с помощью английских специалистов.

США и Германия стремились догнать Англию и Францию, владеющих огромными колониями. В 1898 году США аннексировали Гавайские острова и Филиппины. Это вызвало озлобленность милитаристских кругов Япо-

* Сегун - титул японских правителей, обладавших, в отличие от императоров, реальной властью в 1192-1867 годах. - Прим. ред.

нии: далекая заокеанская держава приобрела новые колонии прямо у них под носом!

Военщина имела немалые основания для возмущения — к концу XIX столетия Япония уже была готова поиграть мускулами, опробовать свою военную силу на соседях. Еще в 1876 году она послала в Корею военноморские силы, чтобы заставить ее подписать выгодный для себя торговый договор. В 1885 году Корея оказалась под совместным протекторатом Китая и Японии, но не прошло и десяти лет, как Япония развязала против своего партнера войну и, к изумлению всего мира, разбила китайский военноморской флот. По Симоносекскому договору Китай уступил Японии права на Формозу, Пескадорские острова, Ляодунский полуостров, предоставил дополнительные торговые привилегии.

' Но насладиться победой в полной мере Япония не смогла. Франция, Германия и Россия с подозрением отнеслись к успехам Японии в Китае и заставили ее покинуть Ляодунский полуостров.

«Вмешательство России в японо-китайскую войну, — отмечал А. Керсновский, — когда мы в 1895 году одним росчерком пера лишили Японию всех плодов ее победы, пробудило ненависть к России в сердце каждого японца. Когда же три года спустя — в 1898 году — Россия приобрела Ляодун с Порт-Артуром, эта скрытая ненависть превратилась в открытую ярость».

Приняв десятилетнюю программу развития тяжелой промышленности и вооруженных сил на 1896—1905 годы, Япония тем самым развернула подготовку к будущей войне.

31 декабря 1903 года она резкой нотой потребовала отвода русских войск из Маньчжурии. Петербург не счел нужным ответить — и 24 января 1904 года токийское представительство известило Россию о разрыве дипломатических отношений, а в ночь с 26 на 27 января японские миноносцы, воспользовавшись беспечностью русского командования, атаковали русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура и корабли в корейском порту Чемульпо.

Бурное негодование в России на «вероломство» и

«предательство» японской стороны в действительности имело мало на то оснований. Во-первых, Япония дала России два драгоценных дня для принятия, экстренных мер, но они так и не были использованы. Во-вторых, Россия сама пользовалась подобным приемом и начинала войны без объявления (например, с Турцией в 1806 году и со Швецией в 1808 году).

С 17 июля 1904 года третья армия генерала Ноги приступила к осаде Порт-Артура, а 8—11 августа предприняла решительный штурм Восточного форта крепости. В этом четырехдневном сражении погибла почти половина японской армии — 20 тысяч человек. Не принесли японцам успеха ни яростные обстрелы из мощных орудийных орудий, ни подкопы и минная война. Наконец в ночь на 14 ноября отряд добровольцев во главе с генералом Накамура в количестве 3100 солдат предпринял внезапную ночную атаку восточных укреплений Порт-Артура. Назвав себя «отрядом белых помочей», японцы в кромешной темноте и без единого выстрела почти овладели Курганной батареей, когда 80 русских моряков стремительным ударом выбили неприятеля и спасли крепость.

За девять месяцев осады Порт-Артура Ноги потерял 110 тысяч человек. Таким образом, защитники крепости отвлекли на себя силы, в четыре раза превышавшие собственную численность. Потери наступающих японцев оказались вдвое больше потерь всего русского гарнизона. Каждый порт-артуровец сразился с четырьмя японцами и двоих из них убил.

Тем не менее русские солдаты считали японцев доблестным и достойным противником. «Традиция, воспитание, весь уклад жизни их народа, — отмечает А. Керсновский, — были направлены к развитию пламенной любви к родине, готовности не задумываясь отдать свою жизнь за ее величие. Высокий уровень народного образования делал патриотизм осмысленным, а военное обучение — легким. Система воинского воспитания была направлена к закаливанию воли, развитию энергии, культивированию широкой инициативы. Тут сказались прусско-германское влияние».

В огненном аду Порт-Артура полки генерала Ноги сводились в роты, роты -- в отделения, а уцелевшие солдаты все с тем же энтузиазмом шли на верную смерть. Японские командиры считали вопросом чести справиться с врагом без помощи подкреплений, отметил А. Керсновский, являя разительный контраст с иначе воспитанными русскими военачальниками, которые зывали о подкреплениях, не успев еще завязать бой.

Отношение японцев к русскому противнику было рыцарским. Они предавали земле тела убитых русских воинов со всеми почестями, отдавая дань их храбрости. «Нет никого лучше нас в атаке, нет никого выше вас в обороне, — говорили они порт-артурцам. — Если бы мы соединились, то завоевали бы весь мир!»

В результате победы в руки Японии перешел Порт-Артур, а также южная часть Сахалина и Курильские острова. Опьяняющий эффект этой победы отрицательно сказался на всех сферах японской жизни. Наконец-таки Япония превзошла на поле боя одну из западных стран — и какую! Теперь она ни от кого не потерпит унижительного диктата! Головокружительный триумф и эйфория от победы над Россией сыграли злую шутку: был дан мощный толчок росту национализма и милитаризма, нация уверовала в свою исключительность. Во всем мире после этого события Японию стали называть не иначе, как восточной империей.

В пропаганде японизма — японского шовинизма — преуспели в это время Нитобэ Инадзо со своей брошюрой «Бусидо» и Окакура Какудзо с книгой «Пробуждение Японии». Они восхваляли самурайство, дух бусидо, приписывали японцам сверхъестественные черты и оправдывали их экспансионистские амбиции. Высшее военное командование обрело уверенность в том, что уникальный японский боевой дух обеспечит победу даже над гораздо более сильным противником. Родилась легенда о непобедимости японского солдата.

Вообще-то идеи японского экспансионизма можно обнаружить еще в период Токугава (1603—1867). Синтоизм с его богами -- ками — превозносил японцев и пренебрежительно относился к другим народам, способ-

ствуя росту национализма и шовинизма. Японский император считался правителем не только Японии, но и других стран. Идеологи феодализма различали страны старшие и младшие, подчеркивали исключительность своей страны и ее «особый путь», предназначение править всем миром. Трактат Ямага Соко (1622—1685) под названием «Сидо» («Путь самурая») раскрыл многие положения, заложившие основу кодекса бусидо.

В XX веке среди японских милитаристов получили широкое распространение идеи Фудзита Ооку (1773—1826), сторонника обогащения нации и укрепления армии, а также Айдзавы Ясуси (1782—1863), призывавшего культивировать воинский дух среди населения. Также были популярны взгляды Ёсида Сёин (1830—1859), который высказывал мысли о том, чтобы сокрушить страны Европы и США, распространив власть императора над всеми нациями. Вплоть до сентября 1945 года все эти идеи активно и настойчиво претворялись в жизнь.

Добившись в 1905 году победы над Россией, Япония развязала себе руки в Китае, Корее и в Маньчжурии. Но усиление японских позиций в этих странах привело к резкому обострению отношений между США и Японией. В Америке увидели в Японии опасного конкурента своим интересам. Не случайно президент Теодор Рузвельт настойчиво порекомендовал Японии не требовать с поверженной России возмещения расходов на войну*. Население Токио и других городов сразу же отреагировало на это антиамериканскими демонстрациями. 5 сентября 1905 года в Токио вспыхнули волнения в связи с подписанием мирного договора с Россией: националисты требовали продолжения войны. Погибли 17 человек, 2 тысячи получили ранения и еще 2 тысячи были арестованы. Беспорядки прекратились лишь через неделю, после введения в городе военного положения.

В свою очередь, общественное мнение США также стало относиться к Японии враждебно. Дело дошло до

* Япония намеревалась получить с России контрибуцию в 7 миллиардов долларов, но вынуждена была совсем отказаться от требования контрибуции и довольствоваться компенсацией за расходы по содержанию русских военнопленных. — *Прим. авт.*

того, что власти Калифорнии запретили детям японских эмигрантов учиться в общих школах. В ответ страницы токийских газет запестрели призывами: «Вставай, японская нация! Наших соотечественников унижают!» Адмирала Того призывали послать корабли в Калифорнию и защитить японское население. Разработав новую оборонительную программу, в первый раз после войны с Россией Императорский флот указал на Соединенные Штаты как на «врага». Такое определение оставалось неизменным в течение последующих 35 лет, вплоть до 7 декабря 1941 года.

В августе 1914 года перед токийским правительством встал сложный вопрос: на чьей стороне принять участие в Первой мировой войне. В том, что в нее следовало ввязаться, — сомнений не было. Японии было важно добиться максимальной выгоды для себя, и 23 августа она объявила войну Германии. К 1918 году Япония сумела сравнительно легко укрепить свои позиции в Китае, завладела бывшими германскими сферами влияния в этой стране, а также прибрала к рукам бывшие германские колониальные владения на Маршалловых, Каролинских и Марианских островах (за исключением острова Гуам, принадлежавшего США). Стратегическое значение этих островов было велико: они являлись не только щитом, прикрывавшим метрополию, но и трамплином для дальнейших территориальных приобретений. В результате Первой мировой войны ни одна из союзных стран не приобрела так много, как Япония, не затратив так мало средств и усилий.

Мировая империалистическая война способствовала значительному росту японской промышленности. Однако ее окончание, затем мировой экономический кризис и последовавшая за ним депрессия положили конец «золотой» эре процветания. Спад в экономике больно ударил по японскому обществу. Галопирующая инфляция, забастовки, разрушительное землетрясение 1923 года — все это самым негативным образом сказалось на уровне жизни среднего японца.

Следствием падения уровня жизни явилось рождение нового аргумента, быстро ставшего популярным, — что-

бы избежать голода, Японии нужны новые территории. За период после реставрации Мэйдзи до 1930 года численность населения страны удвоилась, в то время как площади и урожайность сельскохозяйственных культур остались на прежнем уровне.

После Первой мировой войны японской военщиной прочно овладела мысль о непобедимости Страны восходящего солнца. Ну и что из того, что площадь США превышала территорию Японии в 21,5 раза, а численность населения — в 1,5 раза? Японский дух непоколебим, японский солдат непобедим, японская нация нравственно превосходит любую нацию Запада, пекущуюся лишь о материальном благополучии и колониальном грабеже. Эйфория побед вскружила голову Императорскому генеральному штабу. Но экспансионизм Японии начал испытывать противодействие со стороны США.

В ноябре 1921 -- феврале 1922 года в Вашингтоне состоялась международная конференция, в которой приняли участие США, Великобритания, Франция, Италия и Япония. На ней были рассмотрены дальневосточные проблемы, а принятое соглашение гарантировало неприкосновенность тихоокеанских островных владений каждой из подписавших его держав. По отношению к Китаю был установлен принцип «открытых дверей». Однако конференция не смогла устранить напряженность в регионе: взяв курс на экспансию, Япония неуклонно претворяла его в жизнь, то и дело нарушая соглашение. США, Англия и другие страны безучастно взирали на рост японской агрессии в Китае.

1 февраля 1922 года в возрасте 84 лет ушел в мир иной вершитель судеб Японии маршал Ямагата. Его политику продолжили генерал Кацура Тара, трижды бывший премьер-министром за период с 1900 по 1912 годы, генерал Тэраути Масатакэ (военный министр в 1902—1911 годах и затем премьер-министр) и, наконец, полковник Танака Гиити, ставший ключевой фигурой в формировании японского милитаризма.

Танака родился в 1863 году в городе Хаги. Его отец, обедневший мелкий самурай, занимался изготовлением бумажных зонтиков. Окончив в 1886 году военную ака-

демию, а в 1898 году военный колледж, молодой лейтенант обратил на себя внимание и вошел в армейскую элиту. Четыре года в чине капитана он провел в России, изучая организацию военного дела. Внимательный наблюдатель, он уловил глубокие противоречия между дворянским офицерством и крестьянской солдатской массой, между царской армией и народом России. Не случайно впоследствии именно Танака проявил инициативу и создал централизованную национальную ассоциацию резервистов. Всю свою жизнь он неустанно укреплял связь между армией и населением.

В 1915 году Танака назначили заместителем начальника генерального штаба. Он всегда был решительно настроен по отношению к России, считая ее главным и единственным врагом Японии. В 1925 году генерал-лейтенант Танака ушел в отставку с армейской службы, а весной 1927 года стал премьер-министром и одновременно министром иностранных дел. Именно в этот год (7 июля) им был подготовлен для нового императора секретный меморандум, сутью которого являлся план достижения Японией мирового господства. Этапы японской экспансии были расписаны в этом документе с предельной откровенностью и цинизмом: «Для того, чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того, чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные малые азиатские страны, Индия, а также страны Южных морей* будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится оспаривать наши права».

Танака с солдатской прямоотой утверждал, что будущее японское продвижение в район Северной Маньчжурии неизбежно приведет к столкновению с «красной» Россией, и что скрестить мечи с ней входит в программу национального развития Японии.

- Подобные экспансионистские планы увидели свет задолго до гитлеровских планов мирового господства.

* Страны Южных морей - государства, располагавшиеся в Юго-Восточной Азии. - *Прим. ред.*

Правда, некоторые американские и японские исследователи утверждают, что меморандум является подделкой. Допустим. Но как тогда объяснить удивительную четкость и последовательность японского империализма, на практике осуществлявшего выполнение расписанных в меморандуме планов?

В 30-е годы Японию охватил глубокий экономический и социальный кризис. Правящие классы нашли выход в военной экспансии, милитаризации экономики, крайнем национализме, авантюристическом агрессивном курсе внешней политики.

Правительство Танака Гиити, начиная с 1927 года, стало проводить политику открытой интервенции в Китае в качестве первого шага по установлению японской гегемонии во всех остальных азиатских странах.

На конец 1931 года приходятся два важных события японской истории: во-первых, Япония приступила к оккупации Маньчжурии, и, во-вторых, на пост военного министра был назначен Араки Садао. Энергичный и хитрый, он стоял на позициях крайнего национализма и делал все возможное по реанимации дряхлого духа бусидо. Генерал восторгался исключительностью японцев, постоянно подчеркивал их особую роль в мировой истории. В то же время именно ему принадлежит инициатива в разжигании в стране антисоветской истерии. Человек, питавший к России патологическую ненависть, оказался в числе лиц, определявших судьбу Японии. Он заигрывал с «молодыми офицерами», превозносил силу духа японских солдат и, мало уделяя внимания модернизации вооруженных сил, призывал к немедленному расширению масштабов агрессии в Северном Китае.

18 сентября 1931 года лейтенант японской армии, тщательно связав 42 толковых шашки, взорвал их в полутора метрах от железнодорожного пути на Мукден. Взрыв не нанес вреда железнодорожному сообщению, да это и не входило в японские планы. В случившемся были обвинены китайские войска. Квантунская армия начала военные действия. В последующие месяцы огромный, богатый ресурсами район оказался в японских руках под управлением марионеточного государства Маичжоу-го.

Захват Маньчжурии привел к росту антияпонских настроений в Китае. Страсти быстро накалились и привели к трагедии в январе 1932 года, когда в Чапэе, одном из районов Шанхая, толпа набросилась на пятерых японских буддийских монахов, убив одного из них. Так называемый «шанхайский инцидент» привел к ожесточенным военным действиям, продолжавшимся до марта. На реке Янцзы бросили якорь крейсер, пять эсминцев и два японских авианосца. Адмирал Сиодзава Коити отдал приказ подвергнуть бомбардировкам густонаселенные районы Шанхая. Это была первая в истории крупномасштабная воздушная атака гражданских объектов, в результате которой погибли и получили ранения десятки тысяч женщин и детей.

«Шанхайский инцидент» стал своего рода отправной точкой японской военной политики. С этого времени Япония окончательно сбросила маску лицемерия, представ перед миром как молодой, жестокий, не признающий никаких сантиментов империалистический хищник. В 1933 году мир убедился, что несмотря на то, что Япония официально не объявляла войну Китаю, она сумела захватить его огромные по площади территории. Лига Наций осудила Японию за ее разбойничьи нападения на Китай, что последнюю, впрочем, не очень-то обеспокоило: в мае 1935 года она вышла из ее состава и оказалась в полной изоляции.

25 ноября 1936 года Япония вместе с фашистской Германией подписала «Антикоминтерновекий пакт», к которому вскоре присоединилась Италия. Агрессивная ось Берлин—Рим—Токио была направлена против Советского Союза и стимулировала действия Квантунской армии.

В ночь на 7 июля 1937 года в районе Пекина у моста Луююцяо, или Марко Поло, как называли его иностранцы, Япония спровоцировала новое вторжение в Северный Китай. Ему предшествовали маневры японских войск под командованием генерала Тасиро Коитиро. Японская военщина проводила их на территории вдоль железной дороги Пекин—Ханькоу, контролируемой 29-й китайской армией. Генералу доложили, что пропал японский

солдат. Этот факт, а также одиночный выстрел, произведенный ночью в районе моста Луююцяо непонятно с какой стороны, были тут же использованы для раздувания антикитайской пропагандистской кампании.

Вскоре выяснилось, что солдат не пропал, а всего лишь маялся животом, так как съел слишком жирную утку. Однако японскую сторону это уже не волновало. Таким образом, японское командование умышленно спровоцировало «инцидент», чтобы развязать в Китае войну. Рассчитывая на слабость противника и быстрое завершение войны в два-три месяца, она распространила военные действия и на другие северные провинции Китая.

13 декабря 1937 года пал Нанкин. Его жителям пришлось испытать невиданные жестокости и надругательства. Подобных массовых убийств история еще не знала. Японцы казнили здесь более 260 тысяч мирных жителей. Некоторые исследователи, однако, подвергают сомнению эту цифру и определяют число жертв в 350 тысяч человек. Какова бы ни была истинная цифра убитых в Нанкине жителей, она намного превосходит общие потери гражданского населения во Второй мировой войне любой из европейских стран, за исключением Германии и СССР.

В течение многих веков господства феодализма (мировоззрение которого так и не было изжито в Японии в первой половине XX века) попасть в плен считалось совершенно недопустимым. В клановых войнах побежденные, оставшиеся в живых, непременно уничтожались поголовно, вплоть до женщин и детей. Причем захваченных в плен врагов убивали безо-всякой жалости, самым жестоким образом.

Стоит ли удивляться, что массовое истребление людей в Нанкине осуществлялось японцами самым изуверским способом. Их расстреливали из пулеметов, кололи штыками, рубили головы, обливали бензином и сжигали живыми, травили собаками, топили, замораживали до смерти...*

*Американская исследовательница Айрис Чанг утверждает, что невиданные злодеяния шокировали даже нацистских дипломатов, оказавшихся свидетелями этих зверств. См. Chang Iris, *the Rape of Nanking. The Forgotten Holocaust of World War II*, N.-Y., 1997.

Уничтожив мужское население, захватчики принялись за женщин. Для японской солдатни не имел значения ни возраст, ни беременность жертв — никто не мог избежать насилия. Грузовики объезжали город и деревни вокруг него, солдаты хватали всех в возрасте от десяти до восьмидесяти лет. Затем несчастная женщина или девочка попадала в руки 15—20 солдат и подвергалась групповому изнасилованию.

Согласно приказу по японской армии, запрещалось насиловать женщин противника. Однако изнасилование настолько глубоко сидело в японской военной традиции, что никто всерьез этот запрет не воспринимал. Среди солдат были распространены предрассудки о том, что изнасилование девственниц придает солдату больше сил в сражениях. Встречались случаи, когда солдаты носили амулеты из лобковых волос своих жертв, веря в их магическую силу. Популярным выражением «Нет девственниц после нас» часто бравировали японские солдаты.

В Нанкине насиловали все — от рядового солдата до генерала — командира дивизии. Насиловали всех — крестьянок, молоденьких студенток, пожилых матрон, профессоров университетов, учительниц. До смерти замучили нескольких буддийских монахинь. Изнасилованных убивали — чтобы скрыть преступления. Мерзость, содеянная японской солдатней, не укладывается в голове: отцов принуждали насиловать дочерей, сыновей — матерей. Женщинам обрезали груди, распарывали животы, их прибивали гвоздями к стенам, вырезали различные органы, подвешивали за язык на железные крюки. Изнасиловав хрупких маленьких девочек, тут же разрубали их пополам ударом меча. После группового изнасилования беременным женщинам вспарывали животы и забавлялись выпавшим плодом.

Невозможно установить точное число изнасилованных за шесть недель изуверской, кровавой оргии. Нижнюю цифру определяют в 20 тысяч, верхнюю — в 80 тысяч. История еще не знала подобного рода преступлений, совершенных в таких масштабах и с такой жестокостью*.

* Утверждают, что в 1971 году пакистанские солдаты за девять месяцев изнасиловали от 200 до 400 тысяч женщин Бангладеш. — *Прим. авт.*

Высшему военному командованию Японии было хорошо известно о массовых преступлениях в Нанкине. Опасаясь критики других стран, оно стало создавать систему военной проституции. Сначала в захваченных районах Китая, а затем и на других территориях, начиная с 1938 года начали открывать многочисленные публичные дома. В них за время Тихоокеанской войны было задействовано до 200 тысяч женщин из Китая, Кореи, Филиппин, Индонезии и других стран. Так называемые «комфорт вумен» (японцы называли их «общественные туалеты») обязаны были обслуживать японскую солдатню, скрашивая их нелегкую фронтовую жизнь. В Азии, где женская чистота ценится особенно высоко, эти несчастные узницы борделей превратились в изгоев общества. Их искалеченные судьбы — еще одно свидетельство преступлений японского империализма, по жестокости не имевшего себе равных в мировой истории.

«Нет сомнений в том, — отмечает Айрис Чанг, — что четырнадцать лет господства японской военщины были отмечены бесчисленными случаями почти неопишуемой жестокости. Мы никогда не узнаем всего, что происходило в городках и деревнях, растоптанных ногой завоевателя. Мы знаем историю Нанкина только потому, что свидетелями ужаса оказались иностранцы, оповестившие об этом мир, и несколько выживших китайцев».

Насилие над Нанкином явилось лишь одним из многих случаев, имевших место за долгий период японского варварства. Политика так называемого «три все» («Увидеть все, убить все, сжечь все»), осуществляемая захватчиками в Северном Китае, привела в итоге к невиданному в мировой истории геноциду. По оценкам исследователей, японцы уничтожили более 19 миллионов китайцев*. В течение всего периода военных действий в Китае, который японцы называли «Пятнадцатилетней войной», они столкнулись с упорным сопротивлением китайского народа. Япония завязла в Китае. Его огромный театр военных действий постоянно высасывал и без того скудные ресурсы Японии вплоть до ее поражения.

Иногда приводят другие, более высокие цифры. — *Прим. авт.*

Международная обстановка в 1938 году продолжала накаляться. На границах СССР четко обозначились два района, откуда исходила военная угроза: Дальний Восток и Запад. Причем японская угроза была более опасной и серьезной.

В Кремле ее явственно ощущали многие годы и принимали меры для укрепления дальневосточных рубежей. В середине 30-х годов на аэродромах в районе Владивостока была создана авиационная армия особого назначения АОН-2, вооруженная тяжелыми бомбардировщиками ТБ-3. Таким образом, Советский Союз стал первой и на то время единственной страной, имевшей организационно оформленную стратегическую авиацию. Самолеты ТБ-3 могли достичь территории Японии и нанести по ней бомбовый удар.

Этот авиационный «кулак», расположенный вблизи японских островов, вызывал ярость многих горячих голов в Императорском генеральном штабе.

Их внимание давно привлекала местность у озера Хасан с сопками Заозерная и Безымянная, господствовавшими над местностью. Из этого района, называвшегося Посъет и расположенного у стыка границ трех государств, они могли угрожать военно-морской базе и порту Владивосток.

Дважды (11 октября и 26 ноября 1938 года) крупные японские отряды переходили здесь границу, углубляясь на советскую территорию, но отбрасывались назад силами пограничников. 11 апреля 1938 года над советской территорией сбили японский самолет. На полетной карте, изъятой у летчика Маеда, были нанесены маршруты, выходящие на советскую территорию.

В июле ситуация на озере Хасан продолжала обостряться*, и в конце июля — начале августа здесь вспыхнул военный конфликт.

6 августа советские войска перешли в наступление и через три дня выбили японцев с захваченной ими сопки Заозерная. Потери каждой из сторон превысили пятьсот человек убитыми и тысячу ранеными. Посол

*Вероятно всего, по вине как японской, так и советской стороны. См. «Родина», 1991, № 6-7, с. 12-18. - *Прим. авт.*

Японии Сигемицу обратился с предложением подписать соглашение о прекращении огня, что и было сделано 11 августа.

Сегодня, наверное, можно утверждать, что советское руководство, пограничники и армия не сделали всего от них зависящего для предотвращения конфликта. Что касается роли японской армии в конфликте у озера Хасан, то ее акцию можно оценить лишь с одной точки зрения — как образец агрессивных действий. Атаковать и захватить, а если не повезет — отвести войска и объявить акцию ошибкой низших военных командиров. Подобная тактика японской военщины ранее всегда срабатывала успешно.

Не прошло и года после поражения у Хасана, как японские империалисты вновь организовали военную провокацию против Советского Союза — на этот раз в районе реки Халхин-Гол на территории Монгольской Народной Республики. Советские войска выстояли и, перейдя в контрнаступление, разгромили 23-ю японскую военную дивизию. Потери японцев были велики и достигали 73 процентов, тогда как во время русско-японской войны они не превышали 20 процентов. Два командира полка сожгли свои знамена, один совершил сеппуку, а другой бросился под убийственный огонь и погиб*. Поражение на Халхин-Голе доказало порочность японской тактики. Размахивающие мечами офицеры во главе атакующих солдат могли вселить страх в плохо вооруженные китайские войска. Но такая тактика не могла быть эффективной в сражении с современной армией. Ошибочное положение о том, что дух бусидо превосходит огонь пулеметов, крепко засело в головах ярых японских милитаристов, которые вскоре отправят на бессмысленную и безжалостную смерть миллионы своих соотечественников.

К началу Второй мировой войны Япония с трудом Удовлетворяла свои потребности в продовольствии и почти полностью зависела от импорта сырья. Она ввозила

Подробнее об этом см. главу «Острова смерти, или последние «банзай!»». - *Прим. авт.*

до 90 процентов необходимой ей нефти, от 50 до 75 процентов требовавшихся ей металлов и т. д.

Богатые колониальные владения на юге могли почти полностью удовлетворить потребности Японии. Пока летом 1940 года немецкие войска громили Францию, Бельгию и Голландию, японцы присматривались к их оставшимся беззащитными колониям на Дальнем Востоке. Во время Первой мировой войны Япония удачно сделала свой выбор, выступив на стороне Антанты и прибрав к рукам германские дальневосточные колониальные владения. Теперь логика толкала ее к союзу с Германией, и 27 сентября 1940 года она вместе с Германией и Италией подписала Берлинский пакт — агрессивный договор, предусматривавший раздел мира.

Теперь путь на юг был открыт. Существовало лишь одно препятствие на главной нефтяной дороге из Японии в Голландскую Индию — Филиппины, с которых американцы могли контролировать морское сообщение Японии с югом.

22 июля 1940 года у государственного руля Японии встал кабинет Коноэ, в котором пост военного министра занял Тодзио,

Тодзио Хидеки (1884—1948) участвовал в интервенции на Дальнем Востоке против Советской России, был военным атташе в Берне. Быстро продвигаясь по служебной лестнице, он в 1938 году стал военным вице-министром. Тодзио разделял все страны мира на «врагов абсолютных и врагов относительных». Россия числилась среди врагов абсолютных. Тодзио лучше и полнее удовлетворял интересы японских монополий и империалистических кругов, и через год, 18 октября 1941 года, сменил на посту премьер-министра нерешительного Коноэ. В своем простом кителе военного покроя Тодзио внешне напоминал грубого солдафона, но на деле являл образец тонкого политика западного толка и одновременно изощренного в интригах и коварстве азиата. Он умело заигрывал с народом, лично проверяя цены на рынке. Его сразу же узнавали по лысой голове, очкам и усикам. Оголтелый националист, он стал символом японского милитаризма.

С первых дней своего существования правительство Коноэ направило японскую экспансию в сторону Южных морей, однако до июля 1941 года делало это осторожно, предварительно прощупывая почву для каждого шага. После того, как 22 июня 1941 года фашистская Германия, опьяневшая от легких успехов в Западной Европе, вероломно напала на Советский Союз, в Токио облегченно вздохнули: теперь не надо было бояться «тигра» с севера и можно было устремиться на юг. К тому же 26 июля США, Англия, а затем и Голландия предприняли против Японии экономические санкции, быстро переросшие в эмбарго. Японская внешняя торговля оказалась почти на три четверти замороженной. Этого Япония вынести не могла.

Июль ознаменовался еще одним тревожным для Страны восходящего солнца событием: Рузвельт одобрил Закон о развитии военно-морских флотов обоих океанов. Он пообещал, что американский флот затмит Императорский.

Японские адмиралы уже убедили правящие круги сделать выбор — продвигаться не на север, а в сторону Южных морей. Причем сделать это в максимально сжатые сроки. Япония считала, что экономические затруднения дают ей моральное право на экспансию.

Но на пути стоят Соединенные Штаты. Их форпостом на Тихом океане служил Пёрл-Харбор, одна из сильнейших в мире военно-морских баз, «тихоокеанский Гибралтар». Потопление крупных кораблей деморализует США, которые вынуждены будут запросить мира. Вашингтон, вводящий эмбарго на поставки нефти, американские военные базы на Филиппинах — все эти помехи будут устранены одним ударом. Мощный Императорский военно-морской флот, не знающий поражений и обладающий уникальным боевым духом, обеспечит победу даже над гораздо более сильным противником. Война с Америкой и Англией будет главным образом морской. Англо-американские силы слишком слабы, чтобы противостоять Японии.

Так оценивал ситуацию маршал Ямамото, и так считал Императорский генеральный штаб. А между тем

Япония никогда не участвовала в полную мощь в современных боевых действиях с использованием новейшего оружия. Ее военное руководство утверждало, что поскольку Япония не имела поражений, то и на этот раз войну не проиграет, так как японцы — избранный народ, ему во всех делах помогают боги.

Подобные оценки и заявления свидетельствуют об одном: правящие круги Японии охватила мания имперского величия. «Звездная» болезнь самообольщения глубоко поразила политическое и военное руководство страны, лишив его возможности реально оценивать ситуацию. Воистину, там, где правит безрассудство, отступает здравый смысл. Японские милитаристы попались на удочку собственных мифов о превосходстве японского оружия, о возможностях голых сил, о японском духе и т. д. Подобный авантюризм, как мы увидим, приведет к бесчисленным жертвам и неимоверным страданиям многих народов.

«ДУХ ЯМАТО» ИСТОЧНИК ЯПОНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА И МИЛИТАРИЗМА

Отцом японской армии нового типа считают Ямагата Аритомо (1838—1922). Выходец из бедного самурайского клана, он 27 августа 1871 года был назначен на пост военного министра и приложил немало сил, чтобы создать армию, основанную на системе всеобщей воинской повинности.

4 января 1882 года под руководством Ямагаты был подготовлен «Императорский рескрипт солдатам и матросам» («Гундзин Чокую») — документ, усиливший независимость военного ведомства от правительства.

В обиходе японские солдаты рескрипт называли просто — «Пять слов», — вероятно, потому, что он имел пять основных положений, Отношение к документу в армии

было серьезным и даже благоговейным. «С солдатами мы работали усердно, — вспоминал один из японских офицеров, — храня «Пять слов» в наших сердцах. Я думаю, что мы все жили по его принципам».

В «Императорском рескрипте» излагалась вся особая индивидуальная и групповая мораль, культивировавшаяся в японской армии. Он содержал пять принципов военной этики — верность, вежливость, храбрость, справедливость, умеренность.

Верность считалась сутью солдатского долга: «Помни, что сила государства зависит от мощи его вооруженных сил... Не забывай, что долг тяжелее, чем гора, в то время как смерть легче пера... Даже опытный в военном деле и хорошо обученный солдат или матрос — всего лишь обыкновенная кукла, если он не верен своему долгу. Дисциплинированное подразделение во главе с хорошим командиром, но не до конца верное своему долгу, в случае военных действий — не более чем толпа...»

Учтивым и вежливым называли солдата, который был требовательным в соблюдении приличий. «Подчиненные должны считать приказы их командиров исходящими прямо от императора».

Храбрость означала почитание доблести. Настоящая доблесть — выполнять свой долг солдата или матроса.

Справедливость означала честное выполнение долга и данного слова.

Умеренность и простота должны были стать целью каждого военнослужащего, чтобы помочь ему выполнить свой долг.

В добавление к принципам особо подчеркивалось, каким бесчестьем обернется для солдата и его родных вражеский плен (не говоря о потере пленным солдатом пенсии). Наоборот, смерть в бою означала для солдата и его семьи почет, пенсию для родных и возвращение в Японию урны с прахом погибшего для похорон в храме Ясукуни.

«Сражайся жестоко, если боишься умереть, и ты умрешь в бою. А если не боишься — ты не умрешь... Ни при каких обстоятельствах не сдавайся в плен. Если стал

беспомощным — с честью покончи с собой», — так приказывал император своим солдатам.

Кодекс бусидо наложил глубокий отпечаток на японскую армию XX века. Он предписывал все делать тщательно. Эту тщательность можно проиллюстрировать многочисленными примерами из жизни как солдат, так и офицеров.

Начиная с 1870 года уровень обучения офицеров различным дисциплинам был очень высок. Ни один из командиров не мог быть назначен на штабную должность до тех пор, пока не пройдет серьезные экзамены, тем более он не продвинется в звании до генерала, если не удостоится высоких оценок. Утверждение европейцев о том, что «логику войны можно постичь только сражаясь», в Японии всегда считалось пределом человеческой глупости.

Процесс подготовки будущих японских офицеров в военной академии был невероятно изматывающим. Переполненные казармы, неотопливаемые помещения, плохое питание — все это больше напоминало тюрьму, чем учебное заведение. И при этом — интенсивные и напряженные занятия, по времени почти в три раза превышающие учебные программы в офицерских школах Запада. Кадеты изучали историю, географию, математику, логику, черчение, иностранные языки. Они должны были хорошо усвоить кодекс бусидо — «волю, не знающую поражений». За малейшие проступки их подвергали физическим наказаниям, а провалы на экзаменах настолько часто приводили к самоубийствам, что результаты их сдачи стали держать в секрете.

Военная академия напоминала остров — настолько ее жизнь была изолирована от внешнего мира. Жесточайшая цензура, специальная пропаганда, отсутствие личного времени — все это походило на заточение и служило средством формирования членов особой касты, называемой «японское офицерство».

Будущие командиры получали основательную подготовку, которая основывалась на кодексе бусидо — чисто самурайской философии. При этом механическое перенесение некоторых положений из глубокой древности в

век машин и огнестрельного оружия неизбежно вело к ошибкам и крупным просчетам. Неудивительно, что в системе обучения и подготовки офицеров можно было обнаружить серьезные пороки. Так, например, японская военная наука искренне верила в то, что духовная сила сильнее всего на свете, а храбрость превосходит здравый смысл. Каждый выпускник академии был обучен вести в атаку солдат с самурайским мечом в руке. Прикладывались арифметические подсчеты, подтверждающие эффективность этого метода воздействия на войска: считалось, что такая акция командира стоит огня из двадцати винтовок. Своей храбростью и хладнокровием под градом пуль офицер должен вселять в солдат непоколебимую уверенность в себя.

Японское офицерство воспитывалось в духе крайнего национализма, надменности и высокомерия по отношению к другим народам и их армиям. Для японских офицеров считалось зазорным изучать организацию военного дела в Соединенных Штатах, Советском Союзе и других странах.

В то же время японская военная этика, основанная на бусидо, не считала для себя бесчестным лгать и всячески обманывать врага. «Пройди с человеком семь шагов, и он совет тебе по крайней мере семь раз», — утверждает «Хагакурэ», древняя книга самурая. Традиционно считалось, что самурай не должен лгать лишь своему сюзерену. Что касается врагов, то вранье и обман по отношению к ним не были предосудительными. Ложь в таких случаях приветствовалась и поощрялась, считаясь военной хитростью.

Скудные ресурсы Японии в основном расходовались на нужды военно-морского флота и авиации. Остаточный принцип финансирования не мог не сказаться на армии. Поражение на Халхин-Голе доказало, что японские сухопутные силы значительно уступают по некоторым показателям западным армиям. Фанатизм и упорство японской пехоты не могли компенсировать, к примеру, недостаточную огневую мощь императорских полков, батальонов, дивизий.

Высшее армейское командование нашло выход в раз-

витии наступательной тактики пехоты, в индивидуальной подготовке солдат и укреплении их боевого духа. Японская концепция духа важна для понимания практики самопожертвования, так как являлась стержневой в обучении и воспитании солдат. Их учили, что они принадлежат к особой расе, которая по своей культуре и морали превосходит народы Запада. Японской расе присущ «*Ямато дамаси*» — «*Дух Ямато*», благодаря которому нация с успехом противостоит и превосходит «гнилой» материализм других народов.

Поражение на Халхин-Голе держалось в секрете. Японские офицеры внушали солдатам и верили сами, что могут совершить то, что не дано другим армиям.

Японское офицерство старалось не выделяться из общей солдатской массы. Форма офицеров, даже генералов и фельдмаршалов, была невыразительной и во многом напоминала форму рядового солдата. Рацион солдата и рацион командующего японской армией были одинаковыми и ничем не отличались.

Основываясь на «Императорском рескрипте» и кодексе бусидо, японский офицер имел право приказать подчиненным совершить самоубийственную атаку, например, против вражеских танков. Любой командир мог сказать подчиненному, что кодекс требует от последнего совершить самоубийство с целью загладить какую-то свою вину. И подобное сообщение обычно рассматривалось как приказ.

Призывной возраст в довоенной Японии был установлен в 20 лет. По его достижении призывники подвергались испытаниям с целью проверки уровня их подготовки. Испытания состояли из бега, ходьбы на длинную дистанцию и проверки общего уровня развития. После испытаний призывники разделялись на несколько групп. В группу «А» зачислялись призывники с хорошей физической подготовкой и ростом не менее 1,52 метра. Из них отбирались кандидаты в офицеры. Основная часть призывников зачислялась в группу «Б», которая, в свою очередь, подразделялась на три подгруппы в зависимости от физических данных.

Служба в японской армии проходила в рамках одного полка и, как правило, вблизи родного дома. Такой порядок обладал своим преимуществом. Командиры полков имели возможность навещать семьи своих будущих солдат еще в период их обучения в школе. Они также могли оценить школу, в которой училось их будущее пополнение. Обычно офицеры старались уговорить родителей призывника послать сына в армию, а не в высшее учебное заведение. В семьях, придерживающихся традиций самурайства, в подобных уговорах не было необходимости: в них военная карьера для старшего сына считалась обязательной.

В армии солдаты подвергались усиленной физической тренировке. Ежедневно их заставляли совершать 19-мильные марш-броски под палящими лучами солнца и без головных уборов. И когда рядовые уже валились с ног от усталости, их офицер мог подать команду преодолеть еще такой же протяженный маршрут, причем последние километры — бегом. Утверждалось, что у человеческого организма всегда есть резервы, чтобы совершить невозможное ради императора. Зимой солдат обучали переносить холода. Проводились специальные учения, во время которых они несколько суток находились в открытом поле при минусовой температуре. При этом солдатам не разрешалось спать трое-четверо суток. Случалось, организм не выдерживал подобных перегрузок, и солдат умирал во время учений или тренировок. Прядь его волос, обрезки ногтей посылали родным, а тело кремировали. Семье лишь сообщали, что их сын умер смертью героя за императора. Какая-либо другая информация о смерти солдата не разглашалась.

Офицеры учили солдат всегда идти вперед, всегда наступать и никогда не думать об обороне. «Войска, имеющие хорошую подготовку, твердо уверенные в победе, обладающие крепкой дисциплиной и воодушевленные наступательным порывом, отлично могут преодолеть технические средства противника и добиться победы», — утверждал «Полевой устав японской армии 1938 года».

Пусть враг порезал твою кожу —
Порежь его тело. Пусть враг
порезал твое тело -Порежь его
кости, -

таким настойчивым и целеустремленным воспитывали японского солдата. Свирепый и безрассудный, он никогда не должен был рассуждать, проявляя полную покорность воле командира и неукоснительно выполняя приказ офицера.

Японских солдат принуждали стирать белье офицерам, приучали смиренно выносить пощечины, которыми их «награждал» командир. Синяки и кровоподтеки на лицах рядовых были обычным делом. Распорядок службы (по-японски «*бендатсу*»), которому подчинялась жизнь солдата, считался офицерами «проявлением любви» к нему. Жесточайшая дисциплина в военноморском флоте также основывалась на «*железном кулаке*» — «*теккен сейсай*».

Палка как средство наказания и внедрения покорности полагалась по уставу каждому японскому командиру. Наказание палками являлось распространенным явлением в армии. Практиковались специальные упражнения по развитию умения вынести нанесенные раны. Солдаты поочередно кололи друг друга деревянными кольями и при этом должны были стойко переносить ранения, не издавая ни звука.

Выдающийся японский ас Сакаи Сабуро так описывал порядки, царившие в японской армии и военноморском флоте:

«Наши старшие офицеры были абсолютными тиранами. Их главная навязчивая идея состояла в том, чтобы терроризировать новобранцев, то есть нас. Шесть месяцев чрезвычайно жесткой подготовки превращали каждого из новобранцев в человеческий скот. Мы никогда не смели оспаривать приказы, подвергать сомнению авторитет командира, делать что-либо другое помимо незамедлительного выполнения команд наших начальников. Мы превращались в автоматы, повиновавшиеся не раздумывая».

Молодых солдат обычно презрительно называли «*иссэн горин*» («один сэн пять рин») — по стоимости почтовой открытки с уведомлением о призыве в армию. Жесточайшая воинская дисциплина и жуткие порядки, царившие в армии, довольно быстро превращали призванного на воинскую службу японца в бездушное пушечное мясо, свирепое и беспощадное к противнику и мирному населению оккупированных стран.

Помимо обучения солдат важную роль играла их идеологическая подготовка. Японская система идеологической обработки населения, в том числе и солдат, была чрезвычайно эффективной. Она строилась на основе многолетнего опыта идеологов и основывалась на кодексе бусидо, традиционных буддийских и синтоистских ценностях, охватывая все население страны. Уже в начальной школе еженедельно проводилось по четыре урока истории Японии, а один час посвящался патристическим песнопениям. Солдатам историю преподавали ежедневно, помимо нее они знакомились с историей отечественного военного дела. Солдаты также обучались пению патристических гимнов. Ранний подъем в течение двух лет всегда начинался с пения «Кими га ё» — национального гимна — и с громких криков «банзай» в честь императора.

В японской армии формы и методы идеологической обработки военнотружущих были разработаны основательно и преследовали цель внушить солдату несколько основных догм.

Из древней японской рукописи «Нихонсёки» было взято высказывание «*Хакко ити у*» («Восемь углов под одной крышей»). Оно приписывалось императору Дзимму и первоначально означало распространение гуманности по всему миру. Однако в период Токугава трактовка этого лозунга свелась к идее господства Японии в мире. Раса Ямато, имеющей божественное происхождение, предназначено править миром. Объединив все «восемь углов» света под японской «крышей», она установит на земле процветание и спокойствие.

Чтобы достигнуть целей господства в мире, японский империализм использовал другое понятие — «*кодо*», обо-

значающее «единство императорского пути». Во главе японской нации стоит император. Все японцы должны быть преданными ему. В этом и состоял смысл «кодо» — пути, нацеленного на достижение принципа «Хакко ити у».

Помимо этих двух основополагающих лозунгов японский империализм выдвигал и другие. 1 августа 1940 года министр иностранных дел Мацуока провозгласил идею создания «Великой Восточно-азиатской сферы процветания» («*Дай Тоа Кёэйкэн*»). Первоначально в нее должны были входить Япония, Маньчжурия и Китай. Эта идея панasiatства маскировала агрессивную сущность японского империализма, захватывавшего другие страны Азии под предлогом борьбы с белым колониализмом. Лозунги о «духовной мощи» японской цивилизации («*сейсинсюги*») и о «духе японского государства» («*Ямато дамасии*») преследовали идею о превосходстве и исключительности японской нации, призванной повелевать другими народами.

Печать, кино, театр, выставки, лекции -- все это широко использовалось для распространения милитаризма и национализма. Ультрапатриотический кинофильм «Мадам Ноги Сидзуко», например, в 1935 году не сходил с экранов несколько месяцев.

Постоянно были востребованы документальные фильмы об императорской семье, об акциях, предпринимаемых японской военщиной. Особенно активно власти стали осуществлять военизацию кино в 1939 году — в преддверии мировой войны.

«Императорская военная ассоциация резервистов» и другие военные общественные организации устраивали парады и торжества по случаю Дня армии, Дня военно-морского флота, годовщины издания «Императорского рескрипта солдатам и матросам», взятия Мукдена, Цусимского сражения, Маньчжурского инцидента, 2600-й годовщины основания императорской династии. В каждом японском городе и деревне за год проводилось не менее десяти различных торжеств с патриотическими целями. Все они походили одно на другое как две капли воды: сначала пели национальный гимн, затем толпа кричала три раза «банзай» в честь императора, после чего экзальтированная молодежь

цитировала «Императорский рескрипт», произносились пылкие речи на идеологические и военные темы, распевались песни. Особую популярность в довоенной Японии приобрели баллады на военные темы, называемые *гунка*. В 1904 году при осаде Порт-Артура родилась баллада под симптоматичным названием «Песня воина, жертвующего собой». После русско-японской войны всплеск националистических чувств японцев долгое время поддерживала «Военная песнь», сочиненная неким Г. Фукусима:

...Эта война - война народа.
Владейте Порт-Артуром и городом Харбином
И на самой вершине Урала
Поставьте знамя Восходящего солнца,
А славян старинной столицы Москвы
Прогоните в их леса.
Власть нашего государя
Распространится широко во всем мире,
И будут тогда все наслаждаться ее миром.

После поражения под Халхин-Голом снискала огромную популярность баллада «Боевой друг». Ее печальная и тоскливая мелодия, созвучная тихой грусти японской души, стала классической:

Здесь, в Маньчжурии, далеко-далеко от родной земли,
В земле под камнем, под лучами заходящего солнца,
Нашел свой покой мой боевой друг.

Самой известной в солдатской среде считалась песня «Душа японской армии» («Нихон гун кокоро»), в которой поющий утверждал, что охотно умрет за императора независимо от того, упадет ли в густой траве на склоне горы или потонет в море...

Идеологическим институтом императорской власти и японской военщины явился синтоизм, ставший государственной религией. После реставрации Мэйдзи вновь начали строить синтоистские храмы. В них почитали души воинов, погибших за императора.

Именно в это время (в 1869 году) в центре Токио на

холме Кудан был возведен знаменитый храм Ясукуни-дзиндзя (сёконся) — «Храм Вечного Покоя страны» - главное синтоистское святилище. Здесь стали устанавливать таблички с именами павших за императора воинов. Японцы верили, что в этом храме поселялись души героев, а сами они провозглашались божествами — *гун-синами* («божественными воинами»). Помимо имени в табличках указывалось место рождения воина. Для его семьи, а также деревни или города, откуда он был родом, это считалось огромной честью. Раз в год, в день своего вступления на трон, император брал под свое покровительство всех, погибших за него на поле брани.

В январе 1904 года император отдал приказ начать боевые действия против России. Через два дня без предварительного объявления войны японский флот под командованием вице-адмирала Того Хэйхатиро вероломно напал на русскую эскадру в Порт-Артуре. В борьбе против «исконных врагов народа Ямато» ему нужны были герои, на которых равнялись бы все японские солдаты. И такие герои были найдены.

Того тщетно пытался захватить Порт-Артур с моря или хотя бы обезвредить его, обезопасив себя от неожиданного нападения русского флота. Он решил любой ценой заблокировать порт, взорвав на выходе из него старые пароходы, нагруженные взрывчаткой. Первая попытка преградить вход на внутренний рейд, предпринятая 11 февраля, окончилась полным провалом. Для осуществления новой операции потребовались добровольцы, которые должны были довести брандеры до нужного места и взорвать их. Было ясно, что у моряков этих кораблей были ничтожные шансы вернуться назад живыми.

Того собрал личный состав флотилии, сообщил им свой план и призвал сформировать команды идущих на смерть кораблей. Первым вызвался старший лейтенант Хиросэ Такео. Добровольцы сформированной Люйшуньской эскадры по блокированию порта в составе пятидесяти матросов и двадцати двух офицеров 14 марта 1905 года отправились к Порт-Артуру на четырех пароходах водоизмещением до 4 тысяч тонн и нескольких

мелких военных судах. Перед выходом в море Хиросэ оставил стихотворение:

Хотел бы родиться семь раз, Чтобы
отдать все жизни за Японию.
Решившись умереть, я тверд духом.
Ожидаю успеха и улыбаюсь,
Поднимаясь на борт.

Японцы хотели войти в порт незамеченными, но были обнаружены русским патрулем и обстреляны. Хиросэ Такео вел старый грузовой корабль «Фукуи Мару». Ему помогал уоррант-офицер Сугино Магошита. В бой вступили русские миноносцы. Японские корабли загорелись. Сугино бросился в трюм, чтобы установить взрыватели. В это время в корабль попала торпеда с русского миноносца, и он начал тонуть. Хиросэ уже перебрался в спущенную на воду спасательную шлюпку вместе с другими членами экипажа, когда вдруг понял, что Сугино все еще находится на корабле. Трижды он возвращался на тонущий корабль, но все его попытки найти товарища не увенчались успехом. Шлюпка уже отходила от корабля, когда артиллерийский снаряд попал в появившегося на палубе Хиросэ.

Через несколько минут от японских кораблей остались лишь тонущие обломки. По волнам плыли тела японских моряков. Позднее японские миноносцы обнаружили и останки старшего лейтенанта Хиросэ Такео - его оторванную голову и плечи. Их положили в разукрашенный гроб и отправили в Токио. Здесь они были похоронены перед храмом Ясукуни. Император объявил старшего лейтенанта Хиросэ первым современным гунсином Японии. Он получил посмертно повышение в чине. Его подвиг был описан на табличке, которую повесили на стене храма. Позже, к началу Второй мировой войны, в центре Токио установили статую Хиросэ и его уоррант-офицера. Императорский военно-морской флот получил своего идола, на которого теперь должен был равняться каждый моряк.

Своего гунсина получила и армия. Им стал близкий

друг императора генерал Ноги Маресукэ (1849-1912), командовавший во время русско-японской войны войсками, осаждавшими Порт-Артур. Его примитивные лобовые атаки привели к тяжелым потерям. Погибли и два сына генерала. Виновным в случившемся Ноги считал только себя. Его преследовали угрызения совести, и он обратился к императору с просьбой позволить ему совершить сеппуку, чтобы расплатиться жизнью за всех погибших солдат и за горе их родных. Император Муцухито запретил ему, заявив, что, пока жив, такого разрешения не даст. Через семь лет, 30 июня 1912 года, император скончался. Ноги, ставший к этому времени маршалом, пришел в императорский дворец и в присутствии адъютанта вскрыл себе живот. Адъютант умер вместе с ним, что соответствовало самурайским традициям, согласно которым такой вид самоубийства назывался «*дзюнси*» — «самоубийство вслед».

Супруга маршала Сидзуки покончила с собой, вонзив в сердце шпильку для волос.

После смерти Ноги Япония погрузилась в траур, прославляя национального героя. Служители синто приветствовали поступок маршала как свидетельство безграничной преданности самурая своему господину. Истинные причины самоубийства замалчивались. Синтоистское духовенство построило в Токио храм в честь преданного императору генерала. Ноги был объявлен гунсином среди гунсинов.

Следующие гунсины появились лишь в 1932 году. В феврале этого года во время военных действий в Китае под Цзянванем три солдата 103-го пехотного полка (Сакуэ, Китагава и Эносита) обвешались взрывными зарядами и, «превратившись в три бомбы», бросились на штурм крепости. Они взорвали не только себя, но и 34 вражеских солдата. Так был описан их подвиг на табличке в храме Ясукуни. В центре Токио им поставили памятник.

Подвиг новых героев-гунсинов быстро стал прославляться прессой. Журналисты, поэты, новеллисты, драматурги, режиссеры — все были захвачены этим ярким свидетельством «духа Ямато», безграничной храбростью,

на которую «лишь японцы способны». По всей Японии тысячи учителей изо дня в день начинали свои утренние патриотические беседы с учениками с пересказа подвига *бакудан сан юси* (трех отважных воинов с бомбой): каждый ученик должен помнить и приумножать божественный Ямато дамасии (японский дух).

Однако проведенная вскоре проверка показала, что рапорт командира был сфабрикован; солдаты погибли во время обычной штыковой атаки.

Комиссия, созданная для расследования этого факта, решила вопрос довольно просто: табличку с именами трех солдат сняли, а вместо нее вывесили новую с именами всех погибших солдат 103-го пехотного полка.

«Шанхайский инцидент» занял особое место в истории японских вооруженных сил. История с новыми гунсинами навела военного министра Араки Садао на мысль в полном объеме восстановить древний кодекс бусидо. Этот самурайский кодекс чести, к примеру, провозглашал, что, вынув меч из ножен хотя бы на пять сантиметров, самурай не может поместить его обратно, не окрасив кровью. Соответственно, офицер, организовав атаку, которая провалилась, должен покончить с собой. Но в условиях современной войны подобный подход неминуемо приведет к немыслимым жертвам среди офицерства. Поэтому был придуман новый термин — стратегический отход, за который офицеры не несут ответственности. Что же касается японских войск, то они никогда не отступают и никогда не сдаются. Японская армия тверда, как гранит. Солдат побеждает или умирает — другого не дано. Японские пилоты в Китае никогда не брали с собой парашюты — только пистолеты и мечи.

Генерал Араки любил рассказывать своим подчиненным историю одного японского офицера из 9-й пехотной дивизии. Во время атаки Чапэя он был ранен и остался лежать на поле боя, в то время как его дивизия осуществила «стратегический отход». Его нашел китайский офицер, который был с ним хорошо знаком по учебе в японском университете. Китаец спас японца, поместив его в госпиталь. Выздоровев, японский офицер

вернулся на поле боя и совершил самоубийство на том самом месте, где был сражен.

К началу войны на Тихом океане на табличках в храме Ясукуни было записано более миллиона имен японских солдат, сложивших свои головы за императора и Японию.

После появления «Императорского рескрипта солдатам и матросам» армия приобрела полную свободу действий. Подчиняясь непосредственно самому императору и игнорируя правительство, она получила уникальный статус института, ответственного за безопасность и процветание нации, а офицерство рассматривалось как главный оплот империи.

Если на Западе молодые люди могли найти применение своей энергии и способностям, работая в профсоюзах или политических партиях, то в Японии для них был открыт единственный путь, где они могли сделать карьеру, — стать офицером армии или флота. Получив офицерский чин, они неизбежно приходили к пониманию той ужасающей бедности, в которой пребывали их семьи, находившиеся на грани выживания. Столкнувшись с grimасами общества, молодые офицеры неминуемо начинали критически оценивать действия своих командиров, политиков, высокопоставленных чиновников. Не удивительно, что миллионы молодых, впечатлительных людей, чувствуя отвращение к коррупции в правительстве и в бизнесе, к собственной бедности, увлекались идеей японского мирового господства. Мысли молодых радикалов ярко выразил полковник Хасимото Кингоро в книге «Обращения к молодежи»: «Для Японии существуют лишь три пути избежать проблем с перенаселенностью -- эмиграция, внедрение в мировой рынок и экспансия с захватом территории. Первая дверь — эмиграция — невозможна для нас из-за антияпонской эмиграционной политики в других странах. Вторая дверь... закрыта тарифными барьерами и аннулированием коммерческих соглашений. Что делать Японии, если две из трех дверей для нее закрыты?»

Многочисленные японские апологеты экспансионизма с цифрами в руках доказывали несправедливость

распределения территорий между странами. Они с завистью взирали на обширные земельные ресурсы не только Китая, но и других стран мира. «Почему Япония должна быть удовлетворена 142270 квадратными милями своей территории, большая часть из которой бесплодна, чтобы накормить 60 миллионов ртов, в то время как страны вроде Австралии и Канады, имея более трех миллионов квадратных миль территории, кормят всего по 6,5 миллионов населения каждая?» — этот вопрос одного из столпов японского милитаризма Араки Садао находил отклик у миллионов рвущихся в бой молодых японских офицеров. Они вступали в многочисленные тайные организации, которые призывали к прямым действиям по наведению порядка в стране, защите трона, территориальной экспансии.

День за днем мы лицемерим и лжем,
В то время как честь нации угасает.
Вставайте! Патриоты, вставайте!
Вперед мы идем, отмечая смерть!
Привет, тюремные решетки! Привет, кровавая смерть! -

пелось в песне одной из подобных бесчисленных организаций.

Молодые офицеры верили, что только самураи являлись истинными патриотами, которые могли сохранить душу Японии, сокрушить врагов, укрепить ее мощь. Они не воспринимали разговоров о разоружении, решительно намереваясь ни при каких условиях не расставаться со своим занятием.

В 20-х годах было основано общество «Сакура-кай», в которое вошли главным образом офицеры среднего ранга Квантунской армии. Общество возглавил полковник Хасимото. «Сакура-кай» провозгласило своей целью «очистить жизнь нации», но на практике стремилось захватить больше полномочий для армии у политиков и финансовых кругов.

В 30-е годы появилась конкурирующая организация 'Кодо-ха', или «Путь империи». Ее целью было обеспечить военное руководство страной непосредственно по

указам императора. Общество возглавляли два амбициозных генерала — Араки и Масаки.

Еще одну группу офицеров, называвшуюся «Тосей-ха» («Контрольная фракция»), возглавили генерал-майоры Нагата и Тодзио. В нее вошли средние офицеры из воинских частей, дислоцировавшихся в районе Токио. «Тосей-ха» стремилась к войне с Китаем, невзирая на риск конфликта с Великобританией и США.

Общество «Кокурюкай» («Общество Черного дракона») призывало к войне с Советским Союзом, «Гэньёся» («Общество Черного океана»), «Коёся» («Общество обращенных к солнцу») -- к агрессии против соседей, «Кёкай» («Общество благородных рыцарей»), «Хакурокай» («Общество белого волка») — выступали с откровенно фашистскими призывами.

К какой бы группировке, фракции или тайному обществу ни принадлежали молодые офицеры, все они старались подстегнуть правительство к развязыванию большой войны. С оружием в руках военные поднимали мятежи, убивали высших чиновников. С 1912 по 1941 год в Японии от рук заговорщиков погибли шесть премьер-министров и немало других политиков. Подобное неповиновение, основанное на патриотических мотивах, получило название «*гекокудзё*».

Самое массовое выступление произошло на рассвете 26 февраля 1936 года. В этот день около полутора тысяч солдат и офицеров предприняли попытку совершить переворот под лозунгом «Почитать императора — уничтожить негодяев» («Сонно кокан»). Путч молодых офицеров продолжался четыре дня. Заговорщики убили десяток видных политиков, устроив настоящую охоту за некоторыми из них. Они заняли правительственные учреждения, в том числе здание министерства обороны.

В своем манифесте «Великая цель» мятежники писали: «С глубоким почтением мы считаем, что основа божественности нашей страны заключается в том факте, что нации предопределено распространяться под управлением императора до тех пор, пока она не покорит весь мир... Совершенно очевидно, что наша страна находится на грани войны с Россией, Китаем, Великобританией и

Америкой, которые хотят сокрушить землю наших предков. Мы поднялись сейчас для того, чтобы уничтожить лживых и непреданных людей, окружающих императорский трон и препятствующих проведению курса настоящих реформ...» Наконец вмешался император, повелев прекратить мятеж. Поскольку заговорщики действовали в интересах трона, то их наказание не было суровым. Военный трибунал заседал один час, приговорив пятнадцать человек к расстрелу и разослав остальных по отдаленным гарнизонам.

Уже к началу XX века японская армия превратилась в мощную силу, которая в течение многих лет управляла судьбой нации. Это произошло потому, что армия формировалась на основе послушного в своей массе сельского населения. Начиная с 1910 года высшие офицеры вроде генерала Танака Гиити создали или приспособили четыре крупные организации для распространения националистической идеологии и милитаризации страны. В этом смысле тысячи японских деревень должны были использоваться как своеобразные армейские сельские ячейки.

Самой важной из этих организаций являлась Императорская военная резервная ассоциация («Тейкоку заиго гундзинкай»), основанная в 1910 году. К 1936 году она уже насчитывала 14 тысяч отделений и объединяла 3 миллиона членов в возрасте от 20 до 40 лет.

Танака и другие генералы помогли становлению в 1915 году Японского Союза молодежи («Дайнихон сейнендан») и Японской женской ассоциации национальной обороны («Дай ниппон кокубо фудзинкай») в 30-е годы. Эти организации, насчитывавшие 9-10 миллионов человек, учредили свои отделения в каждой деревне. В итоге к середине 30-х годов военные и патриотические идеалы занимали важное место в крестьянской шкале ценностей. Усилия по укреплению связи военщины с сельскими общинами во многом основывались на идее национального единства. Однако японскому генералитету были нужны не только «гражданские солдаты». Их целью являлась мобилизация всего населения страны при вступлении Японии в эру тотальной войны.

Танака и Угаки основали отделения организаций в каждом селении и в каждой деревушке. Тех, кто не соглашался с их политикой, подвергали остракизму. Как правило, руководителями милитаристских организаций на местах становились старейшины общин и их самые авторитетные члены. Они получали необходимые средства для работы организаций из местных источников и, используя общественное мнение, добивались практически 100-процентной регистрации кандидатов.

Отделения местных военных организаций выполняли свои специфические обязанности в тесной связи с традиционными общинными заботами. К 30-м годам они настолько тесно интегрировались в жизнь селений и деревушек, что лояльность к армии и лояльность к деревне стали рассматриваться как синонимы, а мировоззрение военнообязанных представляло собой сочетание деревенских, религиозных, семейных, воинских и национальных ценностей, среди которых главную роль играло почитание императора. Знание того места, которое занимал император в мировоззрении довоенного японца, чрезвычайно важно для понимания особенностей японского национализма, так как именно император разработал этику солдата, именно он являлся символом единства страны. В отличие от Германии, где национализм был обращен к философии Гегеля и Фихте, японский национализм по своей природе являлся этническим, основываясь на однородности населения, находящегося в длительной изоляции. Для японского националиста человек принадлежал либо к числу уникальных людей Ямато, либо был чужаком. Если он не являлся японцем, то никакого значения не имело его внешнее сходство с японцами, знание языка, обычаев и т. д. Он навсегда оставался врагом.

Император считался потомком божественной прародительницы уникального японского народа — богини солнца Аматэрасу. Его рассматривали как мистического отца-священника и вождя народа, сплывающего японский этнос. Когда японец употреблял термин «*ту*», обозначающий верность императору, он имел в виду не просто политическое повиновение государству и его

символу, а всю гамму чувств, связанных с его убеждением в самобытности и уникальности японского этноса. Идея «отца нации» глубоко проникла в японское общество. Собственно, она никогда не покидала японцев, в мировоззрении которых феодальные черты патернализма были весьма живучими. Поэтому японский национализм был теснейшим образом связан с фигурой императора.

Не случайно все символы и основополагающие документы довоенной Японии — флаг «Хиномару», национальный гимн*, конституция, «Императорский рескрипт солдатам и матросам», «Императорский рескрипт по образованию» — ассоциировались не с государством, не с правительством или с населением, а именно с императором и только с ним. Не японцам и не стране кричали японские солдаты прощальное «банзай», бросаясь в самоубийственную атаку. Японские крестьяне, наиболее последовательные и твердые носители националистического мировоззрения, относились к императору с чувством глубочайшего почтения и обожания. Для них он являлся не просто главнокомандующим армией и флотом. Служа ему, крестьянин служил своей общине и своей деревне.

В предвоенной Японии военщина добилась наибольшего успеха именно в сельской местности, где крестьяне составили основательную социальную базу для милитаризма и национализма. В сельской общине объединение крестьян для совместного труда было жизненной необходимостью. Крестьяне вместе трудились и вместе участвовали в работе военных общественных организаций.

Что же касается городов, то лишь треть их населения вступила в какие-либо военные организации. Несмотря

* Японский флаг, согласно предписанию 1870 года, представляет собой белый прямоугольник в соотношении девять к семи (9х7), в середине которого размещен красный солнечный диск диаметром три пятых ширины флага.

Японская песня «Кими га ё» (эти слова переводятся как «Да продлится ваше господство» — (т. е. императора — Ю. И.) была объявлена национальным гимном в 1888 году.

Ни флаг, ни гимн не были официально закреплены в конституции. Тем не менее они широко использовались для пропаганды национализма, экспансионизма и милитаризма. — Прим. авт.

на то, что военные создавали заводские и фабричные отделения, они все же так и не смогли добиться в городах таких же весомых результатов, как на селе.

В конце 40-х годов более половины населения Японии занималось земледелием и рыболовством. Несмотря на происходившую урбанизацию, страна оставалась преимущественно аграрной, обеспечивая тем самым солидную социальную базу для милитаризма и национализма.

В годы экономического кризиса японские военные круги стали готовиться к тотальной мобилизации, веря в неизбежность войны. С этой целью в 1932 году была создана Японская женская оборонительная ассоциация («Кокубо фудзинкай»). Инициатива исходила от жен высших офицеров Осаки. Армия взяла под контроль новую организацию, и к 1937 году ее отделения были уже созданы в каждом городе и деревне по всей стране, а число членов достигало почти 8 миллионов человек. Спектр деятельности этой женской организации был достаточно широк: проведение лекций и церемоний на патриотические темы, похороны погибших на войне, помощь семьям служащих в армии и т. д. Организация создавала группы женщин (так называемые «бамбуковые пики»), которые должны были участвовать в отражении американского десанта в Японию.

Другая женская организация — Патриотическая женская ассоциация («Аикоку фудзинкай») — была создана еще в 1901 году под патронажем фельдмаршала Сатсума. Ее главной целью являлось облегчить для солдат тяготы войны, и она заслужила немало лестных слов в свой адрес во время русско-японской войны. Однако она не имела местных организаций и представляла собой, по существу, «клуб женщин высшего света». Организация начала их создавать только после того, как почувствовала соперничество женской оборонительной ассоциации. К 1937 году Патриотическая женская ассоциация насчитывала уже три миллиона членов. Она обеспечивала работой семьи военнослужащих, проводила экзамены резервистов, посылала солдатам поздравления и посылки, организовывала похороны погибших и проводы в армию.

Общественные организации и военные выработали особую церемонию проводов в армию новобранцев. Вечером накануне отправки семья будущего солдата устраивала праздничный ужин. Женщины из патриотических организаций помогали приготовить угощение. На торжестве присутствовали учителя, соседи, руководители общины, другие резервисты.

На следующий день призывник в сопровождении активистов, соседей, родственников и официальных лиц посещал местный храм, откуда процессия направлялась на железнодорожную или автобусную станцию. Женщины Японской оборонительной ассоциации одевали белый передник и белую ленту через плечо с названием своей организации. Обязательным было присутствие руководителя общины на селе или старшего десятидворки в городе, а также местного буддийского бонзы.

На станции проводился митинг. Окруженный родственниками, друзьями и активистами, солдат приносил клятву верности императору, пересказывая заученные положения «Императорского рескрипта солдатам и матросам». Собравшиеся размахивали национальными флажками и пели гимн «Кими га ё». После напутствия и призывов не бояться смерти и сражаться доблестно собравшиеся кричали «банзай» и несли новобранца на руках к вагону или автобусу. Слез и объятий не допускалось. Мать молча отвечивала сыну глубокий поклон, подавляя в душе горечь прощания с ним. Именно прощания, а не временного расставания. «Вы совершенно не знаете характера японца, если думаете, что наш маленький народ испугается перед могущественной силой, — пояснял один японский матрос. — Когда солдат у нас еще только собирается на войну, родные уже оплакивают его, как мертвеца; если он напишет из похода письмо к родным, то этим и себя, и всю свою семью покроет несмываемым позором. Японец ни во что не ценит своей жизни, раз дело касается и его собственной чести, и чести родины. Если нужно, мы будем бороться хоть против всего мира!»

Если случалось, что солдат возвращался домой, получив увечье и не будучи в состоянии нести службу, то

организовывалась церемония встречи. Женщины в форме, соседи, родители, школьники сопровождали его от станции до дому, где устраивалось торжество.

Если солдат погибал, то община или десятидворка самым активным образом участвовала в организации похорон. Павшие на полях сражений японские солдаты кремировались, а прах помещался в небольшие ящички, обтянутые белой материей. Они доставлялись семьям, которые устанавливали их в самом почетном углу комнаты. Существовал ритуал встречи похоронных урн; общественные организации выделяли необходимые для этого денежные суммы, убирали соответствующим образом дом и готовили национальное угощение.

После ухода солдата на службу в армию общественные организации поддерживали с ним связь: посещали казармы, посылали письма и деньги. Женщины оборонительной ассоциации отправляли солдатам «посылки поддержки» (*«имон букуро»*) с сигаретами, предметами повседневного обихода, сладостями и т. п.

После начала войны в Китае в 1937 году японские женские организации возобновили обычай, который зародился еще в конце XIX столетия во время китайско-японской войны, — дарить солдатам различные талисманы, якобы оберегающие от всевозможных лишений и смерти. Самым популярным среди них был метровой длины специальный шарф, которым обматывали живот. Он назывался *«сеннин бари харамаки»* («пояс вокруг живота, связанный тысячей женщин»). По поверью, он предохранял мужчину в опасности. Во время войны жены, матери, возлюбленные дарили их своим мужчинам. Обернутый вокруг талии, он, как считалось, обеспечивал защиту богов. Женщины искали тысячу человек, каждый из которых должен был сделать один-единственный стежок. Это означало, что тысяча человек надеется и молит богов во спасение владельца пояса. В военные годы в Японии было обычным делом увидеть женщин, днями простаивавших на углах улиц до тех пор, пока пояс не был готов. Иногда в него зашивали небольшую монетку.

Для японских солдат также было обычным делом

носить на шее небольшие амулеты в парчовых мешочках, которые приобретали в храмах.

Представительницы женских военных организаций навещали в воинских частях тех солдат, у которых возникли какие-либо проблемы со службой. Они предупреждали о том, чтобы солдаты не бросали тень на родную деревню и семью. Более того, они даже угрожали применить санкции к семье солдата. Нет необходимости говорить, что подобное воздействие на нерадивых солдат оказывалось чрезвычайно эффективным.

Все долгие годы войны японская пропаганда постоянно обращалась к японским матерям по радио и через газеты. Им внушалась мысль о том, что для японской матери нет большей чести, чем производить на свет мальчиков и воспитывать их настоящими воинами. Девушек же убеждали в том, что они должны стать *ямато-надешыко* («бархатной гвоздикой») — японским полевым цветком, неприхотливым и выносливым; стоически переносить сообщения о смерти в бою их мужей и сыновей.

Армия уделяла самое серьезное внимание военной подготовке молодежи. В 1928 году была создана система юношеских тренировочных центров. Через семь лет армия и министерство образования объединили их с техническими школами, создав юношеские школы, что позволило избежать ненужного дублирования, сэкономить средства, а главное, значительно улучшить военную подготовку молодежи, которая охватила свыше половины подростков. Каждому юноше вручали ежегодник пехотинца. Он начинался с «Императорского рескрипта солдатам и матросам» и с «Императорского рескрипта по образованию». Четырнадцать страниц текста необходимо было знать наизусть. Затем следовали инструкции о том, как бросать гранату, стрелять из винтовки, пулемета и пушки, как использовать штык, как атаковать, совершать марш-броски, вести разведку, пользоваться картой и компасом и т. д. К 1941 году 85 процентов японских юношей начиная с 13-летнего возраста получали ежегодную 75- 100-часовую военную подготовку.

20-летние резервисты перед призывом на службу проходили дополнительную 55-часовую подготовку.

Сражения на мечях (кендо), борьба (сумо), стрельба пользовались у молодежи большой популярностью. Особое внимание уделялось физической подготовке будущих солдат. Для них были установлены высокие нормы. Надо было пробежать, например, 2 тысячи метров за 7 минут, 4 тысячи метров - за 14 минут, прыгнуть в длину на 5,5 метров, перенести 60 килограммов груза на дистанцию 50 метров за 15 секунд, бросить гранату на расстояние 45 метров и т. д.

Руководители общин настойчиво популяризовали армию, воинскую службу и местные военные организации, рассматривая их активистов и резервистов как добропорядочных граждан. При этом считалось, что все, что делалось во имя армии и во имя благополучия общин, одновременно делалось во имя императора и нации. Выступая в 1924 году перед резервистами, Танака особо подчеркнул роль фигуры императора в милитаризации и росте японского национализма: «Нет другой такой нации в мире, которая бы столь долго непрерывно управлялась императором в течение свыше 2500 лет. Наш долг состоит в том, чтобы защитить нашу национальную политику, оборонять славную нацию и распространить силу Японии и ее престиж по всему миру». Это высказывание часто цитировалось в предвоенной Японии.

Японское офицерство для пропаганды идей национализма часто обращалось к «Императорскому рескрипту солдатам и матросам», утверждая, что военные занимают особое место в уникальном японском этносе. Ведь именно к ним обратился император с этим документом, поэтому армия и флот подчиняются только ему, а не гражданскому правительству.

Как верховный главнокомандующий, император традиционно посещал ежегодные военные маневры, проводившиеся в различных регионах страны. Во время 3—4-дневного визита он инспектировал местных резервистов, молодежные учебные центры, школы и общественные организации.

Один-два раза в год общины при поддержке военных

общественных организаций проводили памятные церемонии чествования павших на поле боя солдат, уроженцев данной деревни. Приводили в порядок могилы, посещали местную школу и буддийский храм.

В 20—30-е годы в Японии были возведены памятники погибшим солдатам. С 24 апреля, когда в Ясукуни, главном военном храме Японии, проводилась памятная ежегодная четырехдневная церемония в честь павших солдат, по всей стране у местных монументов организовывалась такая же церемония. Ритуал ее не был сложным: участники рассаживались согласно воинскому званию, имеющимся боевым наградам и заслугам. Произносились слова благодарности «военным матерям», «военным женам», «детям Ясукуни». Им вручали подарки и деньги. Родственники погибших набирали «священную воду» из храмового пруда, бросали туда монеты. Подобная церемония поднимала престиж семей, связанных с армией, культивировала дух всеобщей поддержки и сплоченности.

Японская армия организовывала ежегодные инспекции резервистов. В жизни довоенной Японии они играли исключительно важную роль, демонстрируя тесную связь между военным и гражданским населением страны. Эти мероприятия проводились летом во время одного из самых важных торжеств сельской Японии — праздника всех душ (Бон)*.

Инспекция состояла из достаточно формального экзамена, на который все военнообязанные должны были являться в чистой солдатской форме, постриженными, с вещмешком (*хоко букуро*). Солдатам запаса задавали общие вопросы о текущих событиях, военной технике, законодательству:

«В чем состоит судьба нашей императорской нации?»

Ответ должен быть таким:

«Наша судьба состоит в том, чтобы выполнить имперскую миссию «весь мир под одной крышей».

* Бон — буддийский праздник поминовения усопших. Отмечается 13—15 числа 7-го месяца. Японцы верят, что в день Бон души усопших предков возвращаются в родные места. Чтобы их порадовать и задобрить, готовят обильную ритуальную пищу и устраивают различные увеселения. - Прим. авт.

Почти каждого резервиста спрашивали об «Императорском рескрипте солдатам и матросам»*.

Особенно важная часть экзамена состояла в проверке вещмешков. Они традиционно размещались в самом почетном месте дома — в нише-алькове (*токонома*) и содержали все, что необходимо солдату во время службы: солдатский дневник (*гундзин тетчо*) с записанными в него поощрениями по службе и наградами, завещанием и фотографией владельца; средства личной гигиены; бумага для упаковки и отсылки домой гражданской одежды; прясть волос и обрезки ногтей для использования во время похорон, если останки солдата не будут найдены; деньги за проезд до казармы, сберегательная книжка; именная печатка (*ханко*). Будучи призван в армию, резервист должен был оставить дома прясть своих волос, обрезки ногтей и сберегательную книжку. Все остальное надлежало взять с собой.

«Где вы храните ваш вещмешок?» — задали вопрос одному из резервистов,

«Я храню его в моем сердце», — искренне ответил тот, вызвав восторг у инспектирующих.

Военные круги Японии старались не упустить из-под своего влияния школы.

Милитаризм начал насаждаться в них сразу же после реставрации Мэйдзи. В конце XIX столетия обучение в начальной школе велось подобно военному. Учителя и ученики размещались в казармах и подчинялись жесткой дисциплине. В 1890 году появился «Императорский рескрипт по образованию», который установил правила этики не только для каждого школьника и учителя, но и для каждого японского гражданина. Этот документ являлся гражданским эквивалентом «Императорского рескрипта солдатам и матросам». В каждой школе текст Рескрипта был вывешен вместе с портретом императора. Каждое утро учащиеся хором читали считавшийся священным документ. Они совершали ритуальные поклоны портрету императора и на вопрос «Каково ваше самое сокровенное желание?» должны были хором отвечать:

* Даже сегодня многие пожилые японцы помнят и могут процитировать его положения. — *Прим. авт.*

«Наше самое сокровенное желание — умереть за императора!»

Военная подготовка школьников — будущих солдат — велась с раннего возраста. Официально обучение детей военному делу начиналось с 8-летнего возраста, когда они еще учились в третьем классе начальной школы.

Недостатка в наставниках не было. После возвращения с советского Дальнего Востока в 1925 году тысячи офицеров стали учителями военного дела — ведь в японской интервенции на Дальнем Востоке участвовало одних пехотинцев 175 тысяч человек, не считая флота и морских пехотинцев.

Учащиеся средней и высшей школы продолжали обучаться военному делу, но уже офицерами регулярной армии. В мирное время на военное дело отводилось два часа в неделю. Ежегодно проводились недельные учения в лагерях.

В 1936 году бывший военный министр генерал Араки Садао стал министром просвещения. Воплощение японского милитаризма, жесткий сторонник удара по СССР, он стал настойчиво претворять в жизнь свой план по обучению и воспитанию нации. Армия, по его мнению, должна стать авангардом общества, а каждый японец был обязан настолько впитать идею полнейшего самоотречения, чтобы чувствовать, что смерть за императора — это привилегия. Конечная цель, по словам Араки, — сформировать у целой нации душу солдата.

Это было не сложно, так как в течение почти тысячелетия Япония представляла собой военное государство. Исключение составлял лишь период с 1922 по 1931 годы, когда у власти были гражданские лица. В 30-е годы военное влияние пустило глубокие корни в японскую жизнь. Прилавки магазинов были завалены игрушечными ружьями, саблями, военной формой, касками и т. д. Самым популярным занятием японских детей была игра в войну. Ватаги мальчишек разыгрывали на улицах «сражения». Некоторые привязывали к спинам поленья, имитируя «человеческие бомбы» и самоубийственные атаки.

По существу, школы превратились в военные подраз-

деления. Бывшие офицеры напоминали школьникам об их долге помочь Японии выполнить ее божественное предназначение подчинить Азию. Они обучали малышей обращению с деревянными ружьями, а старшеклассников — с настоящим оружием.

Школьные учебники стали средством пропаганды. Они оправдывали набиравшую размах японскую экспансию и, более того, подчеркивали особую роль японской нации в Азии и на Тихом океане.

Учителя-офицеры сеяли в детские души неуважение и даже ненависть к другим народам.

Как и в армии, в японских школах была отлажена суровая военная дисциплина, а муштра стала обычным делом. Ежедневно школьники в специальной форме маршировали строем с флагами. Учителя вели себя подобно свирепым сержантам. Избиения и пощечины являлись основным средством воспитания. Школьников заставляли бегать до изнеможения, стоять босыми на снегу и т. д.

Не удивительно, что уроки военной подготовки считались самыми непопулярными. Школьники их ненавидели, старались пропускать под всяческим предлогом, но вырваться из цепких лап военщины не было дано никому. Левиафан милитаризма ;;; погонях и с самурайским мечом безраздельно господствовал в стране, одурманив население ядом милитаризма и шовинизма.

ГЛАВА III МОРСКИЕ

САМУРАИ

СИЛА САМУРАЙСКИХ ТРАДИЦИЙ

В Императорском военно-морском флоте дух самурайства процветал пышнее, чем в других родах войск. Не случайно именно здесь впервые создали специальное оружие для самоубийц. В самоубийственных атаках также широко применяли и обычную морскую военную технику: катера, надводные корабли различных классов, подводные лодки. Среди моряков усиленно культивировались флотские традиции. Сплоченные команды боевых кораблей годились для этих целей как нельзя лучше. Доблестные моряки Ямато считались непобедимыми. Подтверждением этому служило Цусимское сражение, ход которого изучали в японских школах в мельчайших подробностях.

Царизм не мог смириться с очевидным поражением в русско-японской войне и послал Балтийский флот в семимесячное плавание вокруг Европы, Африки и Индии. Преодолев расстояние в 18 тысяч миль, 14 мая 1905 года русские 2-я и 3-я Тихоокеанские эскадры под командованием вице-адмирала З. П. Рожестве некого подошли к Цусимскому проливу.

Командующий японским флотом адмирал Того специально выбрал этот пролив между Корейским полуостровом и Японскими островами. Он искренне верил, что здесь японцам помогут души древних защитников Японии, которые спасли страну от монгольских завоевателей, победив в неравном сражении семь столетий назад. Правильная тактика и превосходство в артиллерии решили исход боя: русский флот был разгромлен. Двухдневное морское сражение окончилось полным поражением России, и она как морская держава сошла с арены на Тихом океане.

Если в сентябре 1894 года морская победа Японии

над китайцами в устье реки Ялу поразила весь мир, то Цусимское сражение заставило считаться с ней как с сильной морской державой. США и Великобритания после Первой мировой войны предпринимали попытки ограничить рост морских вооружений Японии, которая, однако, считала приоритетной задачей усиление мощи Императорского военно-морского флота и не жалела средств для строительства боевых кораблей. В конце 1919 года в Японии был заложен первый в мире специально разработанный авианосец «Хосю», который вступил в строй в конце 1922 года. На вооружение флота принимали корабли самых различных типов и размеров — от сверхмалых подводных лодок до самых больших в мире боевых кораблей.

После Лондонской морской конференции 1934 года Япония приступила к строительству мощных военных кораблей. Были разработаны сверхсекретные проекты гигантских линкоров класса «Ямато». К этому времени японцы создали 457-мм орудия, обладавшие огромной разрушительной силой. Нужны были лишь корабли, на которых их можно было бы разместить.

Для адмирала Ямамото было очевидным, что в грядущих морских битвах самолет будет играть ведущую роль. Однако он не мог переубедить верховное командование, делавшее ставку на гигантские линкоры. В это время еще считалось, что самолет не может потопить линкор. Поэтому Ямамото не считали реалистом. Лишь после смерти вспомнили его язвительные слова: «В мире три великих глупости — Великая китайская стена, пирамиды и линкор «Ямато».

По мнению одного из создателей «Ямато» адмирала Фукуда Кейджи, суперлинкор было «если не абсолютно невозможно, то чрезвычайно трудно потопить». Он являлся самым большим линкором из всех, когда-либо построенных судов этого класса и самым большим военным кораблем*.

Этот «мастодонт» обладал чудовищными характеристиками. При длине 263 метра его водоизмещение состав-

* До введения в 1960 году в строй американского атомного авианосца «Энтерпрайз». - *Прим. акт.*

ляло 67000 тонн. В экипаж входило 2767 офицеров и матросов. Корабль развивал скорость 27,5 узлов. Артиллерия главного калибра состояла из девяти 457-мм орудий, посылавших снаряд весом 1473 килограмма на расстояние 41 километр.

Одним словом, «Ямато» был гордостью Японии, прекрасным кораблем с изящными очертаниями корпуса, но... совершенно бесполезным! Жизнь подтвердила правильность точки зрения Ямамото: японские суперлинкоры сыграли в войне лишь роль «поддерживающей силы». Ни один из кораблей этого класса не проявил себя. Они оказались достаточно неуклюжими и медлительными по стандартам Второй мировой войны. Авиация подписала им смертный приговор.

По расчетам, вместо одного «Ямато» Япония смогла бы за сравнительно меньшее время построить 2—3 авианосца типа «Сёкаку» вместе с самолетами. Японцы, наконец, поняли это, и третий корабль этого класса «Синано» переделали в авианосец.

Что же касается однотипного линкора «Мусаси», то он был потоплен 24 октября 1944 года в море Сибуян. Пять часов 259 американских палубных самолетов непрерывно атаковали линкор, который получил прямые попадания 17 торпед и 19 бомб.

Его командир контр-адмирал Иногути Тосихира отличался особой любовью к линкорам даже в то время, когда авианосцы со всей очевидностью уже доказали свое превосходство. Получив в жестоком бою ранения, с перевязанной рукой, он написал прощальное письмо императору с извинениями за потерю корабля. Затем собрал офицеров, поблагодарил их за службу и приказал, согласно традиции, во что бы то ни стало спасти портрет императора. Он ушел на дно вместе с кораблем, соблюдая еще одну традицию Императорского военно-морского флота. Его сын погиб через несколько дней, будучи летчиком-камикадзе.

Из команды линкора в 2400 человек спаслась лишь половина.

Таким образом, линкоры типа «Ямато» себя не проявили. Они стали дорогими «игрушками», достоявшими-

ми массу хлопот. Их никак не могли эффективно использовать. Более того, они представляли собой настоящую обузу: при каждом выходе в море приходилось принимать усиленные меры по их охране.

Долгое время, еще с 30-х годов, преследовала японских империалистов навязчивая идея атаковать Пёрл-Харбор — американскую «занозу» в Тихом океане. Поскольку различного рода противоречия между США, владевшими значительными территориями в Юго-Восточной Азии, и Японией постепенно возрастали, вполне естественно, что к ней все чаще и чаще возвращалась японская военщина. Пережившие войну японские адмиралы в развязывании войны с Америкой винят лишь одного человека — командующего Объединенным флотом адмирала Ямамото Исороку. Не премьер-министра и не военного министра, а всего лишь командующего одним из родов войск!

С этим невысоким шуплым человеком, одетым всегда в безукоризненный белоснежный мундир, в предвоенной Японии не мог по популярности сравниться ни один человек. Лысая голова, покрытая шрамами, и отсутствующие на левой руке два пальца свидетельствовали о том, что это был человек-легенда, живой герой великого Цусимского сражения, о котором в Японии знал каждый.

Бывший военно-морской атташе в Вашингтоне, он свободно говорил по-английски, увлекался различными карточными играми, был чемпионом Императорского флота по игре в го.

Американцы оценивали его как «исключительно способного, энергичного и сообразительного человека». В конце 30-х годов он занимал пост заместителя морского министра и прикладывал невероятные усилия, чтобы надлежащим образом подготовить Японию к войне. Он хорошо понимал роль и значение авианосцев и авиации в будущей войне на море. Именно ему была обязана Япония тем, что создала к началу Тихоокеанской войны самый мощный авианесущий флот в мире. Это была революция в военном деле, которую США оценили лишь после Пёрл-Харбора.

Однако создание такого флота дорого стоило Ямамото — он нажил себе много врагов. Сторонники линкоров не простили ему своего частичного поражения, а рвавшиеся к немедленной войне экстремисты открыто угрожали расправой.

«Отдать жизнь за своего повелителя и страну, — писал он с горечью в своем дневнике, — самое страстное желание военного человека: не имеет значения, где он отдаст ее — на фронте или далёко от него. Умереть доблестно и со славой в гуще сражения легко, а кто знает, насколько тяжело умереть за свои убеждения вопреки всеобщему осуждению? ...Все, что случается, — есть далеко простирающаяся имперская политика. Слава или стыд, смерть или жизнь — все это не важно. Как сказал Конфуций: «Кто-то может размельчить киноварь*, но не может извлечь ее цвет. Кто-то может сжечь ароматную траву, но не может извлечь ее аромат». Они могут уничтожить мое тело, но не могут забрать мою волю».

Ямамото понимал, что Япония сможет сражаться с Америкой на равных где-то год-полтора, не более того. В затяжной войне она неминуемо будет разбита. За три месяца до войны он заявил: «Мы все прибираем к своим рукам, распространяемся во всех направлениях подобно тому, как осьминог раскидывает свои щупальца. Но это продлится год с половиной, не более. К тому времени нам надо будет готовить соглашения о мире. Это время настанет после падения Сингапура».

Командующий Объединенным флотом был уверен в том, что в случае войны с Соединенными Штатами у Японии нет шансов ее выиграть, не уничтожив американский флот в Гавайских водах.

Трудно сказать, когда Ямамото впервые начал вынашивать идею атаковать Гавайи. Как участник русско-японской войны, он хорошо понимал, что внезапная атака адмирала Того русских кораблей явилась самым важным фактором победы, ее началом.

Еще в 1927—1928 годах лейтенант Кусака Рюносукэ разработал план воздушного нападения на Пёрл-Харбор.

* Киноварь - минерал класса сульфидов, представляющий собой красные зерна. Основная руда ртути. — *Прим. авт.*

Он исходил из того, что в случае войны Японии придется умело использовать авиацию на всей своей подмандатной территории* в Южной части Тихого океана. В этом случае для нее будет крайне необходимо нанести Америке удар в самом ее уязвимом месте — на Гавайях. И единственная возможность уничтожить военно-морскую базу в Пёрл-Харборе появлялась при использовании сил палубной авиации.

Тихоокеанский флот США в 30-е годы часто выдвигался к Гавайским островам, базируясь на гавань Пёрл-Харбор острова Оаху. Ежегодно он проводил военно-морские игры с участием двух сторон — «американцев» и «японцев». Показательны маневры флота и армии, проведенные в 1932 году. Эскадра адмирала Г. Ярнелла вышла с баз в Калифорнии, подошла на расстояние 40 миль до Гавайских островов и подняла с двух авианосцев 152 самолета. Авиация нанесла «удар» и завоевала господство в воздухе. Результат был впечатляющим, но эксперты посчитали, что он не достижим при наличии на острове сильной авиации.

В то же время японцы пришли к противоположным выводам, положительно оценив авиационный удар. Подобные, но более масштабные учения, проведенные американским флотом в 1937 году, еще раз подтвердили возможность нанесения мощного авиационного удара по Гавайям и их последующего захвата.

Японская разведка собирала подробную информацию о Гавайях, и Ямамото не мог ее не использовать. 7 января 1941 года он закончил разработку документа, озаглавленного «Виды на подготовку к войне». На девяти его страницах впервые была изложена идея удара по Гавайям, во многом копировавшая и развивавшая план Кусака. Впрочем, идея внезапной атаки Того не была оригинальной. Любой представитель японской нации, которая презирает ложь и бесчестие, тем не ме-

* Подмандатные территории — бывшие колонии Германии и Турции, управление которыми после Первой мировой войны было передано странам-победительницам на основе мандата по решению Лиги Наций. Япония получила мандат на управление Маршалловыми, Марианскими и Каролинскими островами, а также областью Цзяочжоу в Китае. — *Прим. ред*

нее никогда не считал зазорным нападать первым. «Первый удар — половина битвы», — гласит национальная мудрость. Пёрл-Харбор раздражал японцев, и поэтому участь его можно было предвидеть вполне определенно.

2 июля 1941 года состоялась конференция с участием императора Хирохито. Считая американско-британско-грландско-китайские силы удавкой на шее Японии, конференция приняла решение наращивать военные усилия в южном направлении и укреплять японские позиции в Азии, даже если бы это означало войну. И хотя конференция решила «не объявлять войну Британии и Америке» в процессе достижения национальных устремлений, незамедлительно в армию было призвано свыше миллиона резервистов, а всем японским торговым судам в Атлантическом океане было приказано вернуться в родные порты.

Окончательное решение готовиться к войне было принято на конференции 6 сентября. Понимая, что придется вести войну, Ямамото намеревался использовать самый выгодный вариант, который может привести к победе. Он выбрал Пёрл-Харбор и настаивал на его атаке.

С планом нанесения удара по Пёрл-Харбору было поручено ознакомиться 36-летнему капитану II ранга Гэнда Минору, начальнику оперативного отдела 11-го воздушного флота. Командир группы летчиков-акробатов морской авиации, специалист по торпедам и способный военный теоретик, он с воодушевлением взялся за дело, так как верил в авианосцы как современное оружие и убеждал всех в том, что самолеты способны топить корабли.

После участия в войне в Китае Гэнда служил помощником военно-морского атташе в Лондоне, когда 11 ноября 1940 года группа из двадцати одного торпедоносца с английского авианосца «Илластриес» потопила в гавани Таранто линкор и вывела из строя два других. Вернувшись в этом же месяце в Японию и получив план операции, Гэнда одобрил идею внезапного авиационного удара по американской базе, но внес в него существенные изменения. Ямамото отказался от использова-

ния огневой мощи линкоров, планируя свою операцию против Пёрл-Харбора, Он сделал ставку на авианосцы, которые должны были нанести «катамици когеки» - безответный удар — своими самолетами. Однако адмирал не был до конца последователен и предполагал, что, исчерпав горючее, летчики приводнятся в океане. Уцелевших пилотов подберут эсминцы и подводные лодки. Ямамото готов был принести в жертву всех своих летчиков ради разгрома флота противника. Гэндо, напротив, отверг самурайский подход адмирала. Он вдвое сократил расстояние, с которого должен был наноситься удар, что позволило самолетам садиться на авианосцы и готовиться к новой атаке.

Долго определялась дата нанесения удара. Начальник главного морского штаба Императорского военно-морского флота адмирал Нагано Осами пришел к выводу, что самое благоприятное время — приблизительно двадцатый день лунного цикла, когда Луна ярко светит с полуночи до восхода солнца. К тому же было желательно, чтобы удар наносился в воскресенье — день отдыха. Самой подходящей датой с учетом этих требований оказалось 8 декабря 1941 года (7 декабря по гавайскому времени).

Закипела огромная по масштабам подготовительная работа. Ее возглавил контр-адмирал Ямагути Тамон, закадычный друг Ямамото. Гэнда бился над созданием особых торпед, поражающих цели на мелководье, спешно разрабатывались бронебойные бомбы, способные пробить броню американских кораблей. Но самым важным было подготовить к выполнению операции большое количество летчиков палубной авиации.

Старшим авиационным командиром 1-го воздушного флота назначили боевого летчика капитана II ранга Футида Мицуо. Лучший летчик-торпедоносец Императорского флота капитан III ранга Мурата Сигехару и лучший пилот пикирующих бомбардировщиков Японии Эгуса Такасигэ возглавили подготовку летчиков, отрабатывая действия в предстоящем сражении. Выяснилось, что атака торпедоносцев может оказаться совершенно бесполезной, если американские корабли обезопасят себя

противоторпедными сетями. Проблему решить было невозможно, и тогда Футида и Мурата выдвинули предложение группе летчиков совершить самоубийственные атаки с тем, чтобы уничтожить сети. С выполнением этой задачи остальные пилоты самолетов-торпедоносцев получали возможность беспрепятственно сбрасывать торпеды и поражать корабли.

22 ноября на авианосце «Акаги» Гэнда и Футида провели совещание с летчиками-участниками операции и обсудили множество ее деталей. Следует ли, например, сохранять радиомолчание в случае, если самолет терпит аварию? Ответ категоричен — летчик не имеет права выходить в этом случае на связь, чтобы не открыть врагу местонахождение соединения. Он должен умереть спокойно и молча, как подобает истинному самураю.

К 22 ноября все корабли оперативного соединения поодиночке собрались в заливе Танкан (Хитокапу) на острове Итуруп в группе Курильских островов. Утром 26 ноября оперативное соединение «Кидо Бутай» («Ударный отряд»), как оно именовалось в японских штабных документах, покинуло залив и легло на курс.

И пилоты, и моряки пребывали в радужном возбуждении. Все торжествовали, что идут на Гавайи, но никто не знал, что их там ожидает. По расчетам выходило, что Япония потеряет треть кораблей. Большинство летчиков пребывало в уверенности, что назад не вернутся. Этого они не боялись. Их тревожило только одно — лишь бы атака оказалась успешной и им не пришлось возвращаться в Японию неудачниками. Подобное бесчестье было для них хуже смерти.

А пока они заканчивали последние приготовления к вылету. Надев свежее нательное белье и новую отглаженную форму, они собрались в помещениях для последнего инструктажа. Многие повязали *хатимаки* — полоски белой ткани с патриотическими лозунгами. Они считают традиционной принадлежностью самураев. Ею он обычно повязывал голову перед боем, дабы продемонстрировать свой неустрашимый дух. В практическом плане хатимаки удерживала длинные волосы, чтобы они не мешали во время битвы. Летчики подходили к поход-

ным синтоистским алтарям, выпивали церемониальную чашку саке и молились за успех операции.

Затем им подали праздничный завтрак — *секихан*. Это церемониальное блюдо готовилось из парового риса с красными бобами. Его предлагали лишь в исключительных случаях. Каждому пилоту выдали коробку с запасом пищи для длительного полета: помимо рисовых шариков и сушеных слив в ней содержались также галеты, шоколад и таблетки от усталости.

Еще 2 декабря японский флот получил специальное радиосообщение от адмирала Ямамото: «Начинайте восхождение на гору Ниитака», которое означало: «Произвести атаку». Гора Ниитака на Тайване выше на 100 метров, чем священная гора Фудзи в Японии, и поэтому считалась самой высокой точкой новой Японской империи. Используя эту фразу в коде, Ямамото как бы призывал каждого японского солдата, не щадя своей жизни, достигнуть поставленных целей.

6 декабря на всех кораблях Ударного соединения, нацеленного на Гавайи, был торжественно зачитан приказ адмирала о цели предстоящего удара. На мачте флагманского авианосца «Акаги» взвился знаменитый флаг «Зет», который нес флагманский броненосец «Микаса» в Цусимском сражении. Небывалая волна возбуждения и радости охватила всех: моряков, пилотов, подводников. Все были полны решимости любой ценой выполнить приказ. Никому и в голову не приходило, что Япония не объявляла войну Соединенным Штатам, что это предательский и подлый удар, который не совместим с самурайским понятием чести!

И вот настал день «Х»! Получив последний инструктаж, еще раз взглянув на схему дислокации американских кораблей и обновив данные о скорости и направлении ветра, пилоты заняли места в самолетах. Все внимание на мачту флагманского авианосца «Акаги». 6-00. Сигнальные флаги взлетели и тут же опустились. Прощальные крики, напутственные пожелания, возгласы «банзай», взмахи рук — все потонуло в реве моторов. Первая волна из 183 самолетов, стартовав с шести авианосцев, выстроилась в походный ордер и исчезла в южном

направлении... Многие пилоты отказались взять с собой парашюты, заявив, что если будут сбиты, то все равно не смогут ими воспользоваться, так как неминуемо попадут в плен к американцам, а это позор для воина, что страшнее смерти. Они обещали, что превратят подбитый самолет в бомбу и ценой своей жизни нанесут врагу еще больший урон.

Надо сказать, что японские морские летчики долгое время следовали этому принципу и не брали с собой в полет парашюты. Подобная бравада дорого обходилась Императорскому военно-морскому флоту, терявшему летные кадры с ужасающей быстротой. Дух самурайства оказывал в данном случае японскому флоту медвежью услугу.

Старинная морская практика, когда капитан погибает вместе с кораблем, в японском флоте была возведена в абсолют. Самоубийства совершали не только капитаны, но и высшие по званию и должности чины, находившиеся на гибнущем корабле. Первый такой случай произошел во время сражения у атолла Мидуэй. Ночью 5 июня 1942 года в 2-30 контр-адмирал Ямагути Тамон (1892—1942), командир 2-й дивизии авианосцев, приказал командиру авианосца «Хирю» Каку Томео собрать на полетной палубе оставшихся в живых матросов. Полная луна освещала 800 человек; с которыми прощался адмирал: «Я, командир дивизии авианосцев, один несу всю ответственность за потерю авианосцев «Хирю» и «Сорю». Я остаюсь здесь, на гибнущем «Хирю», до конца. Всем вам я приказываю оставить авианосец и продолжить преданно служить императору».

Ямагути Тамон и Каку Томео приказали привязать себя на мостике, чтобы уйти на дно вместе с кораблем. Гибель авианосца была ускорена. Дополнительно пораженный торпедами, в 5-10 он быстро исчез в морской пучине.

Так погиб один из самых талантливых японских флотоводцев, любимый ученик Ямамото и его вероятный преемник. Дань самурайской традиции дорого обошлась Японии, бессмысленно терявшей лучшие кадры военачальников. Сам Ямамото резко возражал против tradi-

ции высших офицеров погибать вместе с тонущим кораблем. Их опыт и умения представляли собой слишком большую ценность, чтобы ею пренебрегать, совершая ритуальные самоубийства.

Однако традиции в Японии ~ вещь незыблемая и прочная, как меч самурая. От них нельзя избавиться и отбросить, подобно ненужному хламу.

Несколько лет тысячи японских и корейских рабочих-судостроителей круглосуточно трудились, находясь на казарменном положении, в доке № 6 военно-морской верфи в Йокосуке. В обстановке строжайшей секретности они перестраивали линкор «Синано» в суперавианосец водоизмещением 70755 тонн.

28 ноября 1944 года он вышел в свой первый поход и взял курс в Куре, имея на борту 2115 человек личного состава. Авианосцу не повезло — его обнаружила американская подводная лодка «Арчер-Фиш», которая выпустила сразу шесть торпед. Четыре из них поразили цель в правый борт. «Синано» начал быстро набирать воду и крениться. Попытки спасти его оказались безрезультатными. Поступил приказ покинуть корабль. Тем временем крен продолжал увеличиваться, край полетной палубы ушел в воду, и вскоре в широко открытый самолетом подъемник устремилась вода. Образовалась гигантская воронка, затягивавшая в себя матросов. Они прилагали отчаянные усилия, чтобы спастись, но, дико крича, исчезали в чреве корабля.

Командир «Синано» капитан I ранга Абэ Тосио, грубоватый и неулыбчивый человек, воспитанный в суровых воинских традициях, отказался покинуть авианосец и погиб, как и 1435 человек из команды его корабля.

1 апреля 1945 года США приступили к реализации сложнейшей и смелой операции «Айсберг» — высадке десанта на остров Окинава. Реальную помощь защитникам могли оказать лишь летчики-камикадзе, которые, согласно операции «Кикусуй», должны были наносить массированные удары по амфибийным силам и флоту противника.

Линкор «Ямато» и девять кораблей эскорта получили приказ отправиться к берегам Окинавы и оказать под-

держку ее защитникам. Операцию назвали «Тен-Итиго», что можно перевести как «Божественная возможность изменить судьбу». Она являлась составной частью операции «Кикусуй» и также планировалась как самоубийственная.

Команда «Ямато» во время его последнего похода состояла из 3332 человек. На капитанском мостике помимо командира корабля контр-адмирала Арига Косаку находился командующий Специальным ударным соединением вице-адмирал Ито Сейчи.

Моряки знали, что должны умереть, и никто из них не надеялся вернуться назад. Команде сообщили, что корабли соединения имели запас топлива только до Окинавы. Лишь после войны выяснилось, что на самом деле корабли были полностью заправлены, однако это держалось под большим секретом*.

Боезапас линкора превышал сто снарядов на одно орудие. «Ямато» было приказано подойти вплотную к побережью Окинавы, сесть на мель и огнем своих мощных орудий помочь защитникам.

Получив приказ идти к Окинаве, вице-адмирал Ито, суровый и жесткий по натуре, прекрасно понимал его суть: «Просим вас умереть со славой, предвещая гибель ста миллионов японцев, предпочитающих смерть сдаче в плен». «Ямато» был лакомой добычей для врага. Против него будут брошены все наличные силы авиации противника. Это ослабит воздушное прикрытие американских кораблей, чем должны будут воспользоваться летчики-камикадзе.

6 апреля в 15-20 «Ямато» покинул порт. Матросы выстроились на палубе. Их переполняла гордость — все на берегу знали, что линкор уходил в свой последний поход.

В 18-00 свободные от вахты члены команды корабля снова выстроились на палубе, надев чистое белье и форму. Все понимали, что это построение — последнее. Поскольку операция уже шла полным ходом, капитан не мог покинуть мостик. Один из старших офицеров зачи-

* См. Russel Spurr. A Glorious Way to Die: The Kamikaze Mission of the Battleship Yamato, New York, 1981, p. 162.

тал прощальное послание командующего Объединенным флотом:

«Специальное ударное соединение Императорского военно-морского флота совместно с армией делает ставку на свою воздушную, морскую и сухопутную мощь с тем, чтобы нанести массированный удар по врагу в районе Окинавы.

Судьба империи находится в критическом положении. В этих целях мы создали Специальное ударное соединение военно-морского флота и приказали ему произвести атаку, не имеющую аналогов по своему героизму. Мы сделали это, чтобы возвысить славные традиции Императорского военно-морского флота, поддержать сухопутные силы и передать славу флота последующим поколениям.

Пусть каждое подразделение, как специальных атак, так и обычное, сражается яростно, уничтожает вражеские силы при любой возможности, обеспечивая тем самым безопасность на вечные времена основам империи».

Послание зачитано. Матросы отвечивают низкие поклоны в направлении, где должен находиться император. Все поют гимн, затем несколько песен военно-морского флота. Как эхо, слышатся громкие троекратные крики «банзай» с каждого корабля, следующего в боевом порядке.

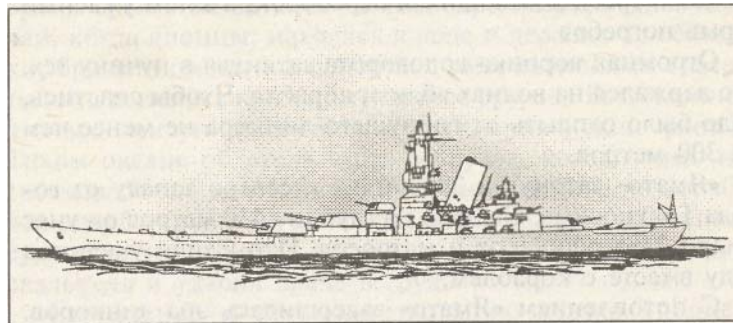
Наступило 7 апреля. Сразу после восхода солнца командир базы в Каноя послал 20 разведывательных самолетов в сопровождении истребителей по маршруту следования японского флота. В нескольких десятках километров по курсу кораблей японские самолеты подверглись атаке американских истребителей. Потеряв более половины самолетов, японские летчики вернулись на базу. Среди них был и младший лейтенант Ито, единственный сын адмирала. Самой страстной мечтой обоих было вместе умереть славной смертью в самоубийственной атаке в дни неизбежной гибели страны. Лейтенант Ито не пропускал ни одного вылета во время операции «Тен-Итиго», но судьба хранила его. Через десять дней он отправился в свой последний самоубийственный полет,

спикировав как камикадзе на американский корабль у Окинавы.

День 7 апреля выдался хмурым. Тучи низко шли над водой, время от времени посылая дождевые залпы. Корабли Специального ударного соединения прошли пролив Бунго. Воздушное прикрытие отсутствовало.

Для американской палубной авиации погодные условия оказались великолепными: ограниченная видимость затрудняла обнаружение самолетов. Американская ударная группа, специально организованная для удара по японским кораблям, включала 280 самолетов, в том числе 98 торпедоносцев. Однако 53 самолета не сумели обнаружить цель, и, таким образом, в атаке на «Ямато» участвовало 227 машин. Еще вылетело дополнительно 106 самолетов, но они опоздали и участия в бою не принимали.

Первый удар был нанесен в 12-32. Через десять минут в «Ямато» уже попали две бомбы и торпеда. Непрерывные воздушные атаки продолжались одна за другой. Малоопытные японские зенитчики не оказали серьезного противодействия американским летчикам. Вскоре надстройки гигантского корабля представляли собой груды обломков. Все орудия среднего и малого калибра оказались уничтоженными. Левый борт «Ямато» одна за другой поражали торпеды, увеличивая крен корабля. Линкор был обречен, получив 11 попаданий торпедами и около 12 попаданий бомб. Мичман Есида вспоминает его последние минуты: «В глубокой печали и в долгом

Самый большой в мире линкор «Ямато»

молчании прощались друг с другом адмирал Ито и начальник штаба. Крен уже составлял 35 градусов, и боевой флаг «Ямато» низко свисал над беснующимися волнами...

Тяжелые артиллерийские снаряды начали выпадать из своих гнезд и взрываться...»

Крен корабля продолжал увеличиваться. Оказавшиеся в воде матросы, отплыв от него на 30—40 метров, выстроились в линию вдоль коричневого днища и дружно прокричали троекратное «банзай», выбросив вверх руки.

Капитан корабля Арига, находясь на мостике, также прокричал «банзай» и затем обернулся к чetyрем матросам, стоявшим неподалеку. Они были слишком преданы своему мужественному капитану, чтобы покинуть его перед лицом неизбежной смерти. Поняв, что они приняли решение умереть вместе с ним, он похлопал каждого по плечу, приободряя не терять присутствия духа, а затем подтолкнул их в воду.

Последний матрос сунул в руку капитана печенье. Его переполняли чувства, и он, в свою очередь, хотел хоть чем-то облегчить участь адмирала. Арига с улыбкой взял его. Он так и ушел под воду вместе с кораблем - с печеньем во рту.

Редкий для боевых кораблей случай — крен «Ямато» почти достиг 90 градусов, тогда как обычно в таких случаях он не превышает 30 градусов. Наконец корабль перевернулся вверх днищем и с шумом скрылся под водой. И уже оттуда, из-под воды, раздался страшный грохот и треск ломающихся переборок, а затем ужасный взрыв погребов.

Огромная воронка водоворота затянула в пучину тех, кто держался на волнах вблизи корабля. Чтобы спастись, надо было отплыть от гибнущего линкора не менее чем на 300 метров.

«Ямато» затонул в 200 милях к северо-западу от города Токуносима. С собой на глубину 430 метров он унес жизни 2488 офицеров и матросов. Ито Сейчи ушел под воду вместе с кораблем.

С потоплением «Ямато» завершилась эра линкоров. Его гибель блестяще иллюстрирует растущую американ-

скую военную мощь. ВМФ США послал против линкора столько самолетов, сколько японцы направили против огромного американского флота при нападении на Пёрл-Харбор 40 месяцев назад. И у американцев оставалось еще достаточно машин для ведения боевых действий в других районах Тихого океана.

«Ямато» погиб, но привлек к себе достаточно американских самолетов, для того чтобы камикадзе сумели поразить в этот день 23 корабля противника — вдвое больше, чем в другие дни.

Можно утверждать, что среди японских моряков предпочтение смерти плену было развито сильнее, чем в других родах войск. Это было связано с традициями, усилено насаждавшимися сверху, более высоким процентным соотношением офицеров.

На флоте сопротивление японских моряков попыткам спасти их носило массовый характер. Одни из них старались намеренно потонуть, для чего отплывали подальше и ныряли. Сделать это было нелегко. Инстинкт самосохранения преодолевается лишь гигантским усилием воли. Обычно это удавалось сделать лишь после нескольких безуспешных попыток.

Существовал более «легкий» способ уйти из жизни, будучи в воде в безвыходном положении, — продолжить драться! В этом случае вражеская пуля значительно упрощала эту процедуру, позволяя японскому моряку умереть «естественным» путем, во время боя. Такой подход получил распространение к 1944 году. Так, например, во время сражения за Филиппины зарегистрированы случаи, когда японцы, находясь в воде и держась за обломки, бросали гранаты в шлюпки с американскими спасателями, пытались применить личное оружие. Естественно, что все они уничтожались. Весь американский флот в Тихом океане облетела весть о случае, когда прямо на своем рабочем месте в операционной одного из кораблей погиб хирург. Он делал операцию японскому матросу, когда тот пришел в себя, схватил у него из рук скальпель и ударил врача в грудь.

Стремление к самопожертвованию делало японцев свирепыми и жестокими. Символом зверств и преступ-

лений японского военно-морского флота могут служить действия экипажа подводной лодки I-8 — единственной, успешно завершившей поход в Европу. 26 марта 1944 года к югу от Коломбо она потопила датское торговое судно «Тусалак». Его команда из 95 человек была зарублена самурайскими мечами. 2 июля 1944 года лодка потопила американское торговое судно «Джин Николет» с командой в 98 человек. Часть плававших моряков японские подводники расстреляли, а оставшихся привязали к палубе подводной лодки, которая вскоре погрузилась. Международный военный трибунал заочно приговорил капитана III ранга Аридзуми к смерти. Лодка нашла свою бесславную гибель 31 марта 1945 года, когда у Окинавы ее потопили американские эсминцы.

Отказ от плена и самопожертвование приводили к невозместимым потерям обученных и подготовленных солдат и матросов, в которых так нуждалась империя. Это хорошо понимали некоторые японские военные авторитеты. Один из лучших командиров подводных лодок капитан Хасимото, например, прямо утверждал, что подобное отношение к смерти, возможно, было хорошо лишь для древнего самурая и его сорока семи ронинов, но оно «просто не подходило» к условиям середины XX века.

Характерен пример, относящийся к 1943 году.

Нападение американцев на атолл Уэйк, наиболее важный форпост между Оаху и Гуамом, показалось адмиралу Кога началом наступления противника в северной части Маршалловых островов. По его приказу подводная лодка I-36 21 сентября 1943 года попыталась направить разведывательный самолет в район острова Оаху. Но операция окончилась неудачей. Командир I-36 капитан Инаба предпринял очередную попытку 8 октября. И опять провал.

К этому времени на островах Гавайского архипелага были установлены радары. Морское пространство вокруг островов контролировалось кораблями, оборудованными радарными. Кроме того, специальный патрульный самолет с радаром отслеживал воздушное пространство на дальних подступах к Пёрл-Харбору.

Задача Инабы состояла в том, чтобы на тихоходном разведывательном биплане Йокосука E14Y1 суметь пролететь над гаванью и собрать необходимую информацию об американском флоте. Эта цель казалась ему невыполнимой: лодка не могла запустить самолет незаметно для противника. Разрешили проблему пилот самолета и его наблюдатель.

— Капитан! Подводная лодка не сможет подойти достаточно близко к острову, чтобы запустить нас в воздух и не быть при этом обнаруженной вражескими радарными, — заявили они. — Запустите нас подальше от острова, вне досягаемости радаров. Мы подойдем к Пёрл-Харбору низко над волнами, и радары нас не заметят. — Допустим, — задумался Инаба, — но дальность полета самолета слишком мала, а у вас топлива только до острова, и его не хватит, чтобы вернуться назад.

Молодые пилоты лишь молча пожали плечами.

Итак, выход был найден. 19 октября Инаба запустил самолет в 300 милях к югу от Оаху. Как и предполагалось, летчики благополучно пролетели над гаванью, что доставило американцам немало тревожных минут. Лодка получила сообщение по радио от пилотов о нахождении на базе четырех авианосцев, четырех линкоров, пяти крейсеров и семнадцати эсминцев. О самолете и его экипаже больше никто ничего не слышал. Скорее всего, летчики направили его в море, чтобы не доставлять радость вражеским перехватчикам.

Понятно, что в основе подобного рода военной «хитрости» прежде всего лежало полнейшее пренебрежение к человеческой жизни и широкое использование присущего японскому солдату стремления к самопожертвованию.

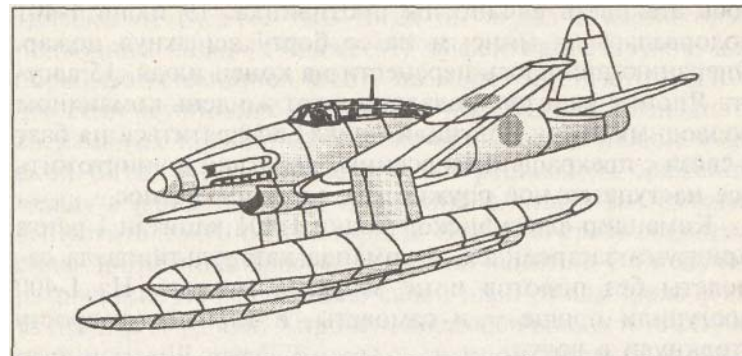
К лету 1945 года, после того, как положение Японии стало совершенно отчаянным, высшее военное командование стало предпринимать меры по защите японских островов от американского вторжения. К этому времени надводный флот уже был уничтожен, а его жалкие остатки парализованы из-за нехватки топлива и заперты на военно-морских базах. Единственной реальной силой оставались подводные лодки.

В конце мая 1945 года штаб Императорского военно-морского флота приступил к формированию группы подводных лодок с экипажами, состоявшими из смертников. 27 июля такая группа была создана. В соединение вошли подводные лодки I-156, I-157, I-158, I-159 и I-162, а также две лодки другого класса. По плану в случае американского вторжения на японские острова экипажи подводных лодок должны были атаковать авианосцы противника, используя торпеды, а также таранить вражеские корабли.

26 июля из военно-морской базы Куре отправились в боевой поход подводные лодки I-400 и I-401. И поход, и лодки были окутаны плотной завесой секретности. Скрывать действительно было что: Японии предстояло испытать в деле принципиально новый вид оружия — подводные авианосцы и ударные самолеты. Идея создания самолетов, запускаемых с подводной лодки, была реализована в Германии еще в начале 1915 года. Но только в Японии в начале 1942 года пришли к мысли превратить самолет в главное оружие субмарин. 18 января 1943 года на верфи в Куре и в феврале этого же года на верфи в Сасебо заложили первые две подводные лодки, специально предназначенные для транспортировки и запуска самолетов. По своим характеристикам они значительно превосходили все субмарины, которые в то время строились в мире. Длина лодок составляла 122 метра, ширина — 12, диаметр прочного корпуса — 6 метров. Водоизмещение в надводном положении равнялось 5223 тонны, а в подводном — 6560 тонн.

Планировалось построить 18 подобных исполинских субмарин. Заложили 5, а сумели сдать лишь две: 30 декабря 1944 года вступила в строй I-400, 8 января 1945 года — I-401.

Проектирование ударного двухместного бомбардировщика-торпедоносца поручили фирме Айти. Самолет должен был обладать выдающимися характеристиками: высотой (до 560 км/час) скоростью, большой дальностью полета (1500 километров). Его вооружение состояло из 850-килограммовой торпеды или одной 800-килограммовой бомбы.

Сверхсекретный японский бомбардировщик-торпедоносец Айти М6А «Сейран», запускаемый с подводных лодок

Первый опытный самолет построили в октябре 1943 года. Он получил обозначение М6А «Сейран» («Горный туман»). Старт самолета производился с помощью катапульты. На палубе подводной лодки у рубки был построен ангар диаметром 3,5 метра для размещения гидросамолетов. В нем помещались без разборки (плоскости, киль и стабилизатор складывались, но не отделялись от машин) три самолета, покрытые специальной люминесцентной краской, что позволяло производить их взлет в ночное время без освещения.

Предполагалось практически одноразовое применение «Сейранов». Поплавки можно было сбросить во время полета. Летчики для самолетов подбирались особенно тщательно. Это были смертники, готовые отправиться на самую рискованную операцию.

Сначала планировалось с помощью нового оружия нанести удар по шлюзам Панамского канала. Экипажи самолетов и подводных лодок приступили к подготовке и закончили ее, когда высшее командование сочло подобный удар бессмысленным. Было очевидно, что он не мог повлиять на ход войны.

Поступил новый приказ: 1-й подводной флотилии в составе подводных лодок I-400 и I-401 атаковать американские авианосцы на атолле Улити. Субмарины должны были подойти к нему ночью и подготовить самолеты к вылету. После чего летчикам-камикадзе предписыва-

лось атаковать авианосцы противника. 19 июня I-401 подорвалась на mine, и на ее борту вспыхнул пожар. Операцию пришлось перенести на конец июля. 15 августа Япония капитулировала, и в тот же день командиры подводных лодок получили приказ возвратиться на базу в связи с прекращением военных действий и уничтожить все наступательное оружие как особо секретное.

Командир флагманской лодки I-401 капитан I ранга Аридзуми застрелился, а команда катапультировала самолеты без пилотов и не запуская моторы. На I-400 поступили проще — и самолеты, и торпеды попросту столкнули в воду.

Так завершилась самоубийственная операция, в которой участвовали летчики-камикадзе и новейшие торпедоносцы, базировавшиеся на самых больших в мире подводных лодках. Даже в этом случае, наряду с использованием самого передового и современного вооружения, японская инженерная и военная мысль не могла обойтись без помощи камикадзе. Все это лишний раз свидетельствует об авантюризме высшего военного руководства, заикнувшегося на использовании смертников, опиравшегося на «японский дух» и разрабатывавшего самые невероятные системы оружия в надежде на чудо.

ГЕРОИ Б СТАЛЬНЫХ «ГРОБАХ»

Идея создания сверхмалых подводных лодок витала в Японии чуть ли не с начала века. Уже в середине 30-х годов фирма «Мицубиси» построила по проекту инженера Нисимуры лодку для подводных исследований. Это двухместное судно с водоизмещением всего в 20 тонн могло двигаться со скоростью 4,5 узла.

В разработке военных сверхмалых подводных лодок приоритет принадлежит капитану Кисимото Канеджи. Еще в 1932 году он заявил: «Если мы пустим большие торпеды с людьми на борту, и если эти торпеды проникнут глубоко в неприятельские воды и, в свою очередь, пустят небольшие торпеды — шансов промахнуться прак-

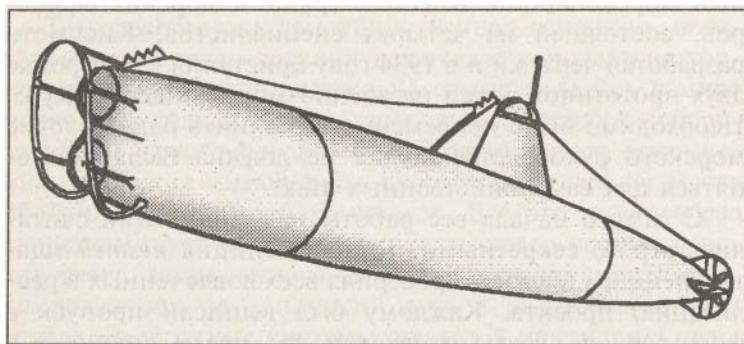
тически не будет». Уже тогда он видел в карликовых подводных лодках (миджетах) эффективное оружие для борьбы с гегемонией США на море. Кисимото считал, что если установить на четырех кораблях по двенадцать сверхмалых подводных лодок, то победа в любой морской битве будет обеспечена. «В решающем сражении между американским и японским флотами мы сможем выпустить почти сотню торпед. Этим мы сразу сократим силы противника вдвое», — заявлял капитан. Он получил разрешение на реализацию своей идеи от адмирала флота принца Фушими Хирояси, возглавлявшего тогда главный морской штаб. Вместе с группой морских офицеров, состоящей из четырех специалистов, Кисимото разработал чертежи и в 1934 году приступил к постройке двух прототипов лодки на военно-морской верфи Куре. Необходимо было непременно выполнить одно условие морского руководства: лодка не должна была применяться для самоубийственных атак.

С самого начала все работы над миджетами считались строго секретными. Тайная полиция *кемпей* тщательнейшим образом проверила всех вовлеченных в реализацию проекта. Каждому был выписан пропуск с фотографией, взяты отпечатки пальцев и подписка о неразглашении тайны. Всякие визиты в цех посторонних лиц категорически запретили. Работы проводились в закрытом цехе. На этапе разработки проекта оружие называлось «А-Канемоно» («Металлическое изделие Тип А»). Через несколько лет, когда лодка появилась на флоте, ее стали называть «Ко-Хиётэки» («Мишень Тип А»). Вплоть до нападения на Пёрл-Харбор большинство специалистов военно-морского флота было уверено, что сигарообразные корпуса этих подводных лодок — не что иное, как специальные мишени, используемые для огневой подготовки подводников.

В 1934 году были построены два прототипа сверхмалых лодок, а в 1936 году — еще две опытные лодки улучшенной модели. Испытания показали, что в целом они обладали неплохими характеристиками. По скорости в 23 узла, развиваемой под водой в течение 50 минут, им в то время не было равных. Самым крупным недо-

статком лодок «Тип А» была их ограниченная дальность плавания. Но она не помешала принятию лодок на вооружение и развертыванию их массового производства. Чтобы обеспечить полную секретность, корпуса лодок изготавливали по частям на различных частных заводах, а собирали на небольшом острове рядом с заливом Куре. Доступ на остров был закрыт для всех, кто не знал о новом оружии.

Подводная лодка «Тип А» имела водоизмещение 46 тонн, была вооружена двумя однотрубными торпедными аппаратами. Ее экипаж состоял из командира,

Сверхмалая подводная лодка «Тип А»

управлявшего лодкой, и моториста, обслуживающего электродвигатель мощностью 600 л/с.

15 апреля 1941 года 24 молодых морских офицера получили секретное предписание войти в состав «специального» формирования. Они встретились на борту гидроавианосца «Тиёда». Капитан судна Харада Каку объявил им, что японский флот обладает сверхсекретным оружием, которое внесет революцию в морские битвы, их же задача — овладеть им. Все молодые офицеры имели опыт подводного плавания, а лейтенант Иваса Наодзи и сублейтенант Акиеда Сабуро уже больше года проводили испытания нового оружия.

Тренировки экипажей подводных лодок проводились на небольшом островке Оуразаки, лежащем в 12 милях к югу от Куре. Он получил обозначение «База П». Перед

каждым выходом лодок в море на тренировку близлежащая к острову акватория очищалась от всех рыбацких катеров, лодок и других гражданских судов. Во время освоения лодок часто случались аварии и поломки. Гибли экипажи, вместо мишеней поражались катера, которые обеспечивали их доставку... Тем не менее со временем накапливался опыт и росло мастерство подводников.

Засекретили не только сверхмалые подводные лодки, но и корабли, предназначенные для их транспортировки.

Карликовые лодки «Тип А» с надводной дальностью 80 и подводной 20 миль не могли использоваться против вражеских баз. Выход был найден в создании специальных кораблей, способных доставлять их в район боевых действий.

В 1938—1943 годах вступили в строй четыре таких корабля: «Титосэ», «Тиёда», «Мидзухо» и «Ниссан». Это были переоборудованные базы гидросамолетов. Каждый из них мог перевозить 12 сверхмалых подводных лодок. Палуба с уклоном к корме и рельсы давали возможность быстро, всего за 17 минут, спустить на воду все лодки.

Но такие корабли-базы сверхмалых лодок можно было использовать лишь вместе с линейными кораблями, а подводные лодки с них — лишь для атаки кораблей противника в морском бою.

Испытатель первых сверхмалых подводных лодок лейтенант Иваса Наодзи выступал активным сторонником нового оружия. Он убеждал своих командиров в том, что сверхмалые подводные лодки без труда смогут проникать на вражеские якорные стоянки флота и производить огромные разрушения. При этом уничтожать неподвижные вражеские корабли на стоянке гораздо проще, чем во время битвы в открытом море. Идею доложили адмиралу Ямамото. Последнему она понравилась, но он указал на два «узких» момента. Во-первых, шансов возвратиться назад у подводной лодки после такой атаки было крайне мало. Во-вторых, будучи преждевременно обнаруженной до начала атаки главных сил флота на якорную стоянку, сверхмалая подводная лодка неминуемо сорвет всю операцию.

Тем не менее к 1940 году высшее японское морское командование стало вынашивать идею использования карликовых лодок для атак защищенных якорных стоянок. С этой целью к осени 1941 года были построены пять подводных лодок* «Тип С1»: I-16, I-18, I-20, I-22, I-24. Каждая из них предназначалась для транспортировки одной сверхмалой лодки на особой подставке позади рубки.

Молодые офицеры-подводники при поддержке высоких чинов из главного морского штаба настойчиво добились включения сверхмалых подводных лодок в операцию против Пёрл-Харбора. И вот, наконец, в октябре командование разрешило включить их с условием, что водители возвратятся после атаки. Закипела работа. В Куре первой прибыла I-22 для внесения в конструкцию необходимых доработок. Несколькими днями позже прибыли еще три. Четвертую лодку I-24 только что построили в Сасебо и сразу же начали ее ходовые испытания.

На подводные лодки прибыли командиры сверхмалых лодок: лейтенант Иваса Наодзи (I-22), сублейтенант Ёкояма Масахару (I-16), сублейтенант Харуно Сигэми (I-18), младший лейтенант Хироо Акира (I-20), младший лейтенант Сакамаки Кацуо (I-24). Вторым членом экипажа были унтер-офицеры Сасаки Наохару (I-22), Уэда Тэдзи (I-16), Ёкояма Харунари (I-18), Катаяма Ёсио (I-20), Инагаки Киодзи (I-24).

Командир соединения пяти подводных лодок капитан I ранга Сасаки Ханку объявил 13—14 ноября днями отдыха перед сложным походом.

Здесь следует отвлечься и пояснить один момент принципиальной важности. Изобретатель сверхмалой подводной лодки Кисимото считал ее не иначе как оружием самоубийц. Это мнение разделял адмирал Ямамото. Тем не менее официально в 1941 году это оружие таковым не считалось. Однако экипажи сверхмалых подводных лодок отбирались достаточно тщательно с учетом физической и психологической подготовки. В отряд зачислялись

* Сверхмалые подводные лодки называют также карликовыми или миджетами. Японские подводники прозвали их «мухами». — *Прим. авт.*

лишь молодые люди с превосходными физическими данными, решительные и энергичные. Характерная деталь: отбирали только неженатых, из многодетных семей и не старших сыновей. Сакамаки Кацуо, например, был вторым из восьми сыновей. Соединение сверхмалых подводных лодок, или, как сегодня их часто называют, миджетов, носило название «Токубецу Когекитай», сокращенно «Токко». Это словосочетание можно перевести как «Соединение специальных атак», или «Специальное морское ударное соединение».

Утром 16 ноября все экипажи сверхмалых подводных лодок пригласили на прием в салон командующего военно-морской базой Куре. Там им объявили, что настал их час и что 18 ноября они уходят к Гавайским островам. Там они должны продемонстрировать свою храбрость и боевое мастерство, накопленное во время годичной подготовки.

На следующий день каждый из молодых подводников запасся флакончиком духов: древние японские традиции предписывали идти в последний бой чистым и надушенным.

Вечером они паковали вещи для отсылки их родным, писали прощальные письма. В них они обещали, что умрут со славой, просили прощения за то, что, «опав подобно лепесткам сакуры», причинят родителям тяжелое горе.

Рано утром 18 ноября подводные лодки покинули Куре, остановившись ненадолго в Оуразаки, чтобы забрать миджеты. Под вечер они взяли курс на Пёрл-Харбор. Лодки шли, держась в 20 милях друг от друга. Флагман - I-22 - находилась в центре. В дневное время лодки шли под водой, боясь обнаружения, и всплывали только по ночам. По плану они должны были прибыть в пункт сбора, обозначенный в 100 милях к югу от Пёрл-Харбора, ночью, после захода солнца, за два дня до начала атаки. Еще раз проверив миджеты под покровом темноты, лодки-носители должны были затем уйти к Пёрл-Харбору, занять позицию в 5-10 милях от входа в гавань и рассредоточиться дугой. За три часа до рассвета первой производит пуск своей сверхмалой лодки край-

няя левая лодка I-16. Затем последовательно с интервалом в 30 минут стартуют сверхмалые лодки с носителей I-24, I-22, I-18. И, наконец, миджет с последней лодки I-20 должен пройти через створ гавани за полчаса до рассвета. В гавани всем миджетам было приказано лечь на дно, после чего присоединиться к воздушной атаке и нанести врагу максимальные разрушения своими десятью торпедами. Предусматривался и другой вариант: в авиационной атаке не участвовать, а, дождавшись темноты, нанести еще один удар. После чего каждая сверхмалая подводная лодка должна была обогнуть остров Форд, расположенный в центре гавани, и покинуть Пёрл-Харбор. Будучи вне гавани, «малютки» следовали в установленный пункт сбора — 7 миль юго-западнее небольшого островка Ланай.

До него — 70 миль. Напомним, что дальность плавания «малюток» «Типа А» — в надводном положении при скорости 2 (!) узла составляла 80 миль. Но вход в гавань, атака и «круг почета» вокруг острова Форд — все это требовало энергозатрат, и не малых, которые неминуемо приведут к значительной разрядке батарей. Таким образом, не было никаких сомнений в том, что лодки обречены. Впрочем, они были обречены и в точке сбора, где лодки-носители забирали лишь их экипажи, а сами лодки топились из-за невозможности их поднять и укрепить на материнских лодках.

Таким образом, план возвращения лодок-малюток был нелеп и нереален. Он заведомо обрекал экипажи на смерть. Надо сказать, что подводники это хорошо понимали. Лишь двое из них — уже знакомый нам лейтенант Иваса и лейтенант Акиеда Сабуро, который примет участие в атаке в мае 1942 года английских кораблей на острове Мадагаскар, являлись добровольцами. Все другие зачислялись в экипажи сверхмалых подводных лодок по приказу. Тем не менее боевой дух молодых подводников был высок: они знали, что идут на верную смерть. Накануне атаки сублейтенант Харуно Сигэру, блестящий певец, спел для экипажа I-18 популярную мелодию, которую моряки хорошо знали:

Не плачь. Не сожалею. Я
обещаю — я буду дома.
Встреть меня на горе Кудан В
храме Ясукуни. Я буду там.

Готовясь к бою, они оставляли родным вместе с последним письмом локоны волос, кусочки ногтей. Переодевшись в спецбундирование (гидрокостюмы «*фундоси*» и кожаные куртки), туго повязали голову хатимаки, обильно надушились одеколоном и взяли с собой длинные самурайские мечи. Подводники попрощались с экипажами подводных лодок и поклялись сделать все возможное, чтобы выполнить поставленную задачу. Настал час действовать.

В 3-00 сверхмалые лодки спустили на воду, а лодки-носители приступили к погружению. Не повезло «малютке» лейтенанта Сакамаки. Вышел из строя гидрокомпас, устранить неисправность не удалось. Уже было 5-30, а она еще не была готова к спуску, опаздывая на два часа от установленного планом времени. Рассвет уже приближался, когда Сакамаки и Инагаки протиснулись в люк своей лодки. Каждый держал в руке мешочек с завтраком и бутылку вина. Меньше всего они напоминали идущих на смерть людей. Своей улыбкой и мешочком с завтраком они больше напоминали отправляющихся на пикник школьников.

Вход в бухту Пёрл-Харбор преграждали два ряда противолодочных сетей. Американские тральщики каждое утро проводили контрольное траление вод, окружающих базу. Проскочить за ними в бухту не составляло труда. Однако планы японцев оказались нарушенными с самого начала. В 3-42 тральщик «Кондор» обнаружил перископ подводной лодки перед входом в бухту. В ее поиск включился старый эсминец «Уорд» постройки 1918 года. Около 5-00 американцы открыли проход в сетях, чтобы пропустить тральщики, а также транспорт, буксир и баржу. Видимо, две сверхмалых подводных лодки сумели незамеченными проникнуть в гавань, а третья была замечена с «Уорда» и с кружащейся над морем летающей

лодки «Каталина». Над поверхностью воды возвышалась рубка лодки и часть сигарообразного корпуса темно-зеленого цвета. Казалось, что она никого не замечала, двигаясь в гавань со скоростью 8 узлов. «Уорд» открыл орудийный огонь прямой наводкой с дистанции 50 метров и со второго выстрела попал в основание рубки. Лодка вздрогнула, но продолжала движение с рваной дырой в рубке. Четыре глубинные бомбы подняли над морем огромные гейзеры: минер потом утверждал, что уже первый взрыв разорвал лодку пополам. Свою лепту внесла и «Каталина», также сбросив несколько бомб. Предположительно, под удар попала лодка лейтенанта Иваса с лодки-носителя I-22. Это была первая потеря Императорского флота в войне на Тихом океане.

Младший лейтенант Сакамаки и унтер-офицер Инагаки больше часа отчаянно пытались выправить дифферент своей лодки. С трудом им удалось это сделать, и они достигли входа в бухту. Гирокомпас по-прежнему оставался неисправным. Сакамаки был вынужден поднять перископ, и лодку заметили с эсминца «Хелм». Погрузившись и уходя от него, лодка налетела на риф и высунулась из воды. Эсминец открыл огонь и бросился на таран. Однако он проскочил мимо, в то время как лодке удалось освободиться от рифа и уйти. «Объятия» с рифом не прошли даром: один из торпедных аппаратов заклинило, в корпус стала поступать вода. Из-за химической реакции воды с серной кислотой аккумуляторов начал выделяться удушливый газ. Где-то в 14-00 миджет снова налетела на риф. Вышел из строя второй торпедный аппарат.

Наступила спасительная ночь. Лодка дрейфовала в полнейшей тишине. Течение и ветер относили ее в восточном направлении. Надышавшиеся ядовитыми парами хлора подводники с радостью открыли люк. Они жадно вдыхали свежий воздух и подставляли лица брызгам волн. Инагаки был совсем плох, он снова спустился в лодку и лежал неподвижно. Люк оказался в полном распоряжении Сакамаки, и он провел всю ночь, прикладываясь к бутылке с вином и наслаждаясь бликами лунного света на волнах.

Под утро беспомощная неуправляемая лодка оказалась вблизи небольшого островка. Сакамаки растолкал полубесчувственного механика. Они решили, что это Ланай, и попытались запустить двигатель. Почти разряженные батареи оставляли мало шансов на то, что это удастся. Но они снова и снова пытались заставить его работать. И — удача! Их отчаянные попытки оказались успешными: лодка двинулась вперед и, о ужас, снова наткнулась на риф! На этот раз она застряла накрепко. Сакамаки принял решение лодку взорвать, а самим добраться до берега вплавь. Вставив в подрывные заряды детонаторы, он зажег бикфордов шнур. Увидев, как побежал огонек, они бросились в море. Было 6-40. Первые лучи солнца робко пробивались из-за горизонта, таял блеклый серп луны.

Вода была холодной, а волна — высокой. Если бы не спасательный жилет, трудно сказать, преодолел бы Сакамаки двести метров, отделявших его от берега. Отравившийся парами хлора Инагаки прыгнул вслед за командиром, но сил выплыть у него не хватило. Он захлебнулся, и его бездыханное тело волны позднее выбросили на берег.

Медленно и с невероятным трудом приближался Сакамаки к берегу.

Под утро 8 декабря пятеро патрульных 298-й американской пехотной дивизии обходили побережье. Они заметили человека, плывущего к берегу. Наконец волны выбросили его на песок, и он лежал неподвижно в полном изнеможении, точно оглушенная рыба. Он был почти голым и сильно порезался об острые кораллы. Придя в себя и поняв, что попал в руки врагов, Сакамаки пришел в полное отчаяние: удача полностью отвернулась от него! Устройство самоуничтожения не сработало, темный силуэт лодки виднелся вдали среди волн.

Через час его доставили на расположенный неподалеку аэродром Беллоу, и он стал первым японским военнопленным во Второй мировой войне.

Итак, лишь одиссея лодки лейтенанта Сакамаки известна нам достаточно подробно, чего не скажешь о четырех других миджетах. Вероятно, только две «малют-

ки» сумели проникнуть в гавань. Лишь лодка лейтенанта Ёкоямы с I-16 прошла незаметно и без особых проблем. Ее заметили, когда она поднялась на поверхность в 700 метрах от базы гидросамолетов «Кертисс». Артиллеристы добились двух попаданий в нее, но она сумела выпустить две торпеды взорвавшиеся на берегу. Эсминец «Монагхэн» протаранил лодку и вдобавок сбросил глубинные бомбы*.

Еще одна сверхмалая подводная лодка, вероятно всего, была потоплена в 10-00 крейсером «Сен-Луис». Направляясь к выходу из бухты, он подвергся торпедной атаке. Уклонившись от двух торпед, крейсер обнаружил лодку за внешней стороной сетевого ограждения и обстрелял ее. Что касается пятой лодки, то ее судьба совершенно не ясна. Предположительно, она сумела пробраться в гавань, где вечером 7 декабря затонула вместе с экипажем, а возможно, была потоплена им.

Опасения Ямамото, таким образом, полностью подтвердились: мidgetы оказались обнаружены за час до начала атаки Пёрл-Харбора. На руку японцам сыграли нечеткость работы американских служб, общая расхлябанность, неорганизованность и плохая связь.

Существуют и другие версии боевых действий трех сверхмалых подводных лодок. Полностью прояснить картину, видимо, не удастся никогда. В целом же японские карликовые подводные лодки показали себя крайне ненадежными и уязвимыми. Их действия в Перл-Харборе окончились полным провалом. Однако японское командование объявило о торпедировании «малютками» линкора «Аризона». Но это был обычный пропагандистский трюк, не более того. Японцы прибегали к нему довольно часто, и не только для того, чтобы поддерживать высокий моральный дух солдат и населения страны. Дело еще в том, что в Японии такое понятие, как престиж, чрезвычайно важно и весомо. Потеря его считается большим позором, который сохраняется длительное время.

В Перл-Харборе японские мidgetы потеряли свой престиж. Ни одна из пяти сверхмалых подводных лодок

не справилась с боевым заданием. И если командование надеялось на их возвращение, то сами подводники полностью отдавали себе отчет в том, что это нереально. Таким образом, это были первые японские подводные лодки-самоубийцы.

Действия команд сверхмалых лодок, несмотря на нулевой результат, полностью отвечали японскому понятию воинской чести (за исключением лейтенанта Сакамаки, оставшегося в живых и невольно нарушившего самурайские принципы). Поэтому девять человек из экипажей мidgetов объявили национальными героями, их действия стали неимоверно возноситься.

18 декабря было опубликовано официальное коммюнике японского командования об итогах операции в Перл-Харборе. Впервые население страны услышало о существовании «Токубецу Когекайтай» — Специального ударного соединения, подводные лодки которого преодолели хорошо охраняемый вход в гавань, атаковали вражеские корабли и потопили по крайней мере один линкор типа «Аризона». Капитан Хирайди Хидео, глава военно-морского информационного отдела, в своей длинной и насквозь лживой речи по радио заявил, что никто из экипажей подводных лодок не вернулся, так как никто даже не имел намерения возвратиться назад. «Их останки навсегда останутся лежать на дне гавани Пёрл-Харбора», - заявил он. «Они знали совершенно точно, что их боевое задание означало верную смерть. Они, однако, горели желанием нанести удар по наглým американцам и хитрым британцам. Успех их атаки нельзя оценить с точки зрения понятий «жизнь» и «смерть». Беспрецедентный, несравненный дух самопожертвования со всей очевидностью демонстрирует традицию Императорского флота и должен считаться одним из величайших достижений начала этой войны... Величайший дух полного самопожертвования, который заставляет плакать даже богов, - это настоящий цветок бусидо, сущность нашего расового духа».

Подобные передачи Хирайди стали весьма популярными. Они регулярно транслировались на всю страну и вызвали широкую волну национализма. Ветераны рус-

*Позднее ее обломки были подняты, а тело подводника похоронено. — *Прим. авт.*

ско-японской войны сравнивали новых героев с Хироси Такео.

Бывший адмирал Арима, руководивший попыткой блокады Порт-Артура в 1904 году и ставший на закате жизни главным священником храма Мэйдзи, объявил девятерых подводников военными богами. «Никто из них не думал вернуться живым, — сказал он, — и если бы последовало обращение к добровольцам, как в Порт-Артуре, весь военно-морской флот подал бы петицию смерти. Без всякого преувеличения или каких-либо личных пристрастий их героическую смерть можно сравнить с серебристым отражением луны или с бесконечностью глубины чистого пруда».

Мать лейтенанта Ивасы, командира Специального ударного соединения, заявила, что она горда тем, что послала своего сына в смертельную атаку. Хирайди противопоставил матерей погибших японских подводников себялюбивым, живущим ради своего удовольствия матерям американских и британских солдат. В то время как последние думают только о деньгах и собственных жизнях, молодые воины Специального ударного соединения будут рождаться снова и снова, чтобы защитить свою страну.

Приравненных к военным богам, девятерых героев-подводников посмертно повысили в звании на два чина, а 8 апреля в токийском парке Хибия была проведена пышная и торжественная церемония похорон военных героев. Это было первое подобное мероприятие после 19 апреля 1904 года — похорон героев Порт-Артура. За катафалком следовали родители и родственники погибших. В синтоистской церемонии приняли участие тысячи японцев, включая командование военно-морских сил. Семьи героев получили в дар по тарту от ее величества императрицы.

Молодых героев сравнивали с лепестками вишни — символом Японии, чистоты, верности и патриотизма. «Среди людей нет равных самураю, среди цветов — цветкам вишни», — эту древнюю пословицу особенно часто повторяли в эти дни.

Месяцем раньше в газетах впервые появились порт-

реты девяти военных богов. Быстро стала популярной сочиненная в это время песня «Дайтоа Сенсо Кайгун но Ута» («Песня моряков Великой Восточно-Азиатской войны»). Она воспевала девятерых военных богов, сравнивая их с героями русско-японской войны. «Их тела разлетелись на тысячи кусков, подобно разбитому драгоценному камню», — пелось в песне*.

Прославление девяти военных героев сильно смущало людей посвященных: они знали, что экипаж каждой подводной лодки состоял из двух человек, и что Сакамаки взят в плен. Военно-морское министерство, узнав об этом, пребывало в замешательстве. Чтобы скрыть от населения правду, была установлена жесточайшая цензура и фамилию Сакамаки предали полному забвению.

А в это время первый японский военнопленный Сакамаки Кацуо находился в Пёрл-Харборе. Еще 8 декабря он выразил свои чувства в стихах:

Когда опадают цветки сакуры —

Пусть опадают.

Пропитаны ветви и листья глубокой печалью...

Сакамаки постоянно просил о достойной смерти — совершить самоубийство. Он хорошо знал наставления Военного Кодекса солдата, разработанного 8 января 1941 года: «Вместо того, чтобы жить и терпеть стыд вражеского плена, он (японский солдат. — Ю. И.) лучше умрет и избежит бесчестия».

Время от времени Сакамаки выжигал зажженными сигаретами точки на щеках, пытаясь избежать фотографирования. Наконец он потребовал, чтобы его расстреляли, поскольку у него не было возможности совершить почетное самоубийство.

Он отказывался отвечать на вопросы. Согласно японскому духу, «даже если мы безоружны, — объяснял он

* Героическая смерть в Японии называется термином «*сюжусай*» («разбитый драгоценный камень»). Термин появился в VI веке и содержится в одной из древних хроник: «Герой предпочитает быть разбитым вдребезги драгоценным камнем, чтобы разлететься на мириады фрагментов, чем походить на черепичную крышу, живая в праздности и бездельи». —Прим. авт.

американцам, — мы должны кусаться и драться до конца. Я молю, чтобы смертью искупить все мои неудачи...». Но ему не дали такой возможности. А в Японии о десятом члене экипажей мidgetов никогда публично не вспоминали. Он для японцев попросту не существовал.

Был еще один неприятный момент. Ведущий первой атаки на Пёрл-Харбор капитан I ранга Футида Мицуо хорошо понимал, что заслуги экипажей карликовых подводных лодок сильно преувеличены. У него имелись неопровержимые доказательства того, что линкор «Аризона» был потоплен в результате прямого попадания авиабомб. Однако его доказательства даже не приняли к рассмотрению. Футида и другие офицеры морской авиации считали заслуженным посмертное повышение экипажей мidgetов в звании на два чина. С другой стороны, они видели, что военно-морское командование потеряло объективность в награждении героев Пёрл-Харбора. Именно летчики нанесли нокаутирующий удар американскому флоту. При этом было потеряно 29 самолетов и погибло 55 членов экипажей. И все они посмертно получили повышение в звании лишь на один чин.

Несмотря на высокую похвалу от Ямамото и высочайшую честь быть представленным императору, Футида пребывал в горьком разочаровании. Ни один из погибших летчиков не стал военным богом на том основании, что их было слишком много. Обида личного состава 1-го воздушного флота ставила под сомнение успех будущих подобных совместных операций авиации с подводными силами, и спустя три месяца все 55 летчиков были, наконец, посмертно повышены в звании на два чина. Однако линкор «Аризона» так и остался на счету подводников. Он официально считался потопленным мощным взрывом (по-японски «*гочин*»)*.

Когда Ямамото узнал о том, что никто из экипажей сверхмалых подводных лодок не вернулся, он с грустью заметил: «Я никогда не послал бы их, если бы знал, что

* Этот термин придумал адмирал Того, когда русский линкор «Петропавловск» в 1904 году подорвался на mine и быстро затонул. - Прим. авт.

мы добьемся столь многого с помощью одной лишь авиации».

Мнимый успех мidgetов заставил японское командование планировать новые операции с их участием. Были выбраны две цели ~ в Индийском и Тихом океанах. Атака британских военных кораблей в бухте Диего-Суарес на Мадагаскаре оказалась успешной. Возглавил поход адмирал Исидзаки на эскадренной подводной лодке I-10 с разведывательным гидросамолетом Йоко-сука E14Y1. Три лодки (I-16, I-18, I-20) несли по сверхмалой лодке «Тип А». После операции в Пёрл-Харборе конструкцию мidgetов несколько улучшили. Усовершенствовали гирокомпас, установили новую подводную звукоопределяющую систему, исправили систему вентиляции, модифицировали сиденья и т. д.

Поход проходил в тяжелейших условиях. Лодки попали в жестокий шторм, причинивший им немало бед.

Начиная с 20 мая гидросамолет безуспешно пытался отыскать неприятельские корабли, облетев множество портов у берегов Южной Африки. Наконец 29 мая он обнаружил в бухте Диего-Суареса большой военный корабль, который определил как линкор.

Поздно вечером 29 мая Исидзаки приказал спустить сверхмалые лодки. Однако у «малютки» с I-18 обнаружили технические неполадки с двигателем, а также оказались деформированными зажимы крепления. Поэтому к атаке были подготовлены лишь две лодки: мidgetы с I-16 (мичман Ивасэ Кацусукэ и унтер-офицер Такада Кодзо) и с I-20 (лейтенант Акэйда Сабуро и унтер-офицер Такэмото Масами).

Подводники должны были пройти 10 миль до берега и войти в проход Оронжиа шириной около 1200 метров и длиной 8 миль. Сложность состояла в том, что проход очень коварен, изобилует рифами и подводными скалами. Атаковав цели на якорной стоянке в Анциране, они должны были затопить лодки и выйти в условленное место на берегу.

Еще при планировании операции предполагалось, что лодки не смогут вернуться. Их же экипажи хотя

официально и не считались смертниками, но таковыми являлись по сути.

Судьба одной из лодок не известна до сих пор. Другая лодка сумела благополучно достичь якорной стоянки. Более того, 30 мая 1942 года, оставаясь незамеченной, она спокойно выбрала удобную позицию и произвела пуск первой торпеды. В 20-25 в левой носовой части британского линкора «Рэмиллис» раздался мощный взрыв, вызвавший серьезные повреждения. Через несколько минут другая торпеда потопила танкер «Бритиш Лоялти». Прочесывание бухты и атаки глубинными бомбами ни к чему не привели. Лишь через пару недель на рифе были найдены остатки уничтоженной сверхмалой подводной лодки. О судьбе двух членов ее экипажа японцы вскоре узнали из английских радиопередач.

1 июня в 11-00 двое японцев были замечены жителями деревушки. На их поиски отправились 15 английских солдат. Наконец, 2 июня в 7-00 утра на холме у побережья японцев обнаружили. Услышав приказ сдаться, они с пистолетами и мечом кинулись в атаку и были убиты. При этом погиб британский солдат и четверо получили ранения. По записям, адресованным капитану I-20, определили, что погибшими были лейтенант Акэйда и унтер-офицер Такэмото*.

В этот же день на берегу недалеко от гавани Диего-Суарес нашли труп еще одного японского подводника.

Что касается британского линкора, то он получил огромную пробоину. Вода быстро заполнила носовые отсеки и погреба. Самоотверженная борьба за живучесть корабля увенчалась успехом. Выгрузка боеприпасов и откачка топлива помогли удержать «Рэмиллис» на плаву. Затем он своим ходом дошел до Дурбана, где надолго встал на ремонт.

Капитан I ранга Сасаки Ханку, командовавший сверхмалыми подводными лодками во время атаки Пёрл-Харбора пять месяцев назад, возглавил поход подводных лодок на юг, к берегам Австралии. Его группа состояла из двух лодок-носителей гидросамолетов (I-21, I-29) и

* Интересно, что из 24 человек личного состава миджетов лишь Акэйда и Такэмото были женаты и имели дочерей. — *Прим. авт.*

четырёх лодок-носителей миджетов (I-22, I-24, I-27, I-28). Установка миджетов должна была производиться на острове Трук, куда и были направлены лодки-носители. Однако 17 мая американская подводная лодка потопила I-28, и к острову добрались только три из них. Через три дня с миджетами на борту они вышли к далеким австралийским берегам. 29 мая лодка I-21 запустила с катапульты разведывательный самолет, который пролетел над Сиднеем. Благополучно вернувшись на подводную лодку, летчик и наблюдатель доложили, что в гавани находятся три больших военных корабля и множество маленьких. Сасаки принял решение произвести атаку силами трех сверхмалых подводных лодок, которыми он располагал.

Командовал миджетом подводной лодки I-22 лейтенант Мацуо Кейю. Это он под видом туриста разведывал вход в гавань Пёрл-Харбора на борту пассажирского судна «Тайо Мару» незадолго до японского нападения.

В сумерках 29 мая I-21 послала на разведку гавани Сиднея небольшой двухместный гидросамолет E14Y1. Для подготовки его к запуску с помощью катапульты было необходимо двадцать минут. Затем подводная лодка погружалась и всплывала в назначенное время, чтобы забрать самолет. Самолет имел небольшую дальность полета (880 километров) и ограниченный запас топлива. И хотя до Сиднея с точки старта было не более 20 миль, летчик не мог вести разведку более получаса.

В свои 27 лет энсин Ито Сусуми был хорошим пилотом и блестяще справился с заданием. Распевая популярную старинную морскую песню «Флот — в море!», он на высоте 400 метров облетел всю ярко освещенную гавань, дав возможность летчику-обозревателю нанести на карту боновые ограждения и другие объекты.

Вечером, накануне атаки, подводники миджетов помолились вместе с экипажами перед синтоистским алтарем. Рядом с зажженной свечой на молящихся смотрели с фотографии девять военных божеств с Пёрл-Харбора.

Идущие на смерть хорошо понимали, что они уже никогда не вернутся. Они постриглись, натерлись аро-

матическими маслами, оделись в свежее белье и полностью привели себя в порядок.

Затем написали прощальные письма родным. Унтер-офицер Тсузуки Масао с миджета подводной лодки I-22 в письме к своему младшему брату сообщил: «Получив это письмо, ты будешь знать, что я погиб у берегов Австралии 31 мая. Я ни о чем не сожалею. Сегодня я войду в гавань, чтобы поразить вражеский линкор. Побойтесь о родителях и сестрах». Он попросил передать 50 иен начальной деревенской школе, в которой учился.

Как и подобает, в полном молчании прошла чайная церемония тя-но-ю. Экипаж I-22 и экипаж мини-подводной лодки (лейтенант Матсуо Кейю и штурман Тсузуки Масао) долго сидели отрешенные, погрузившись в свои мысли.

На борту I-27 лейтенант Туман Кенси передал экипажу 500 иен с тем, чтобы в случае гибели его подчиненного — штурмана унтер-офицера Омори Такеси — их передали его родителям. Туман с Омори должны были идти первыми. Туман взял с собой семейную реликвию — старинный короткий самурайский меч в красивых кожаных ножнах.

На борту I-24 за семь минут до старта лейтенант Бан Кацухиса, сын героя русско-японской войны, торопливо написал карандашом свое последнее пожелание: «Нации, боящиеся смерти, погибнут. Японская молодежь должна помнить об этом. Пренебрежение к смерти — направляющая основа нашего духа, который приведет к окончательной победе».

Унтер-офицер Асибэ Мамори, 25-летний навигатор, третий сын семьи из восьми детей, отличный спортсмен и азартный игрок, написал, обращаясь к матери: «Обо мне не плачь... Если будете в храме Ясукуни, увидите меня там».

31 мая около 4-30 в 7 милях от Сиднея Саасаки дал команду опустить сверхмалые подводные лодки. Он изменил первоначальный план атаки. Подводникам было приказано преодолеть заграждения, лечь на дно и ожидать полной темноты, затем всплыть на перископную глубину и произвести атаку. Лодки должны были пройти

почти 20 миль и нанести удар, после которого они уже не имели возможности вернуться назад. Как обычно, уходящим навсегда подводникам выдали недельный паек из вяленой рыбы и чернослива, а также по бутылке виски на экипаж.

Сверхмалая лодка с I-27 (лейтенант Туман Кенси, унтер-офицер Омори Такеси) вошла в гавань в 20-00. Индукционный контур выдал «эхо» лодки, на который, впрочем, австралийцы не обратили внимания, посчитав его за сигнал от катера. Через пятнадцать минут лодка столкнулась с плавучим боном и была замечена австралийской охраной. В течение двух с половиной часов лейтенант Туман тщетно пытался высвободить свою лодку из капкана. По-видимому, поняв, что она находится в безвыходном положении, он взорвал ее, включив джибаки — систему самоуничтожения. Высоко в воздух взметнулись обломки, и над гаванью пронеслось громкое эхо.

Другая сверхмалая лодка с лодки-носителя И-24 (сублейтенант Бан Кацухиса, унтер-офицер Асибэ Мамори) в 21-48 незамеченной проникла в гавань и попыталась нанести удар по тяжелому крейсеру «Чикаго», однако артиллерийский огонь последнего заставил лодку срочно погружаться. В 23-10 она снова поднялась на поверхность в районе острова Гарден. К этому времени австралийцы, наконец, приняли меры безопасности и погасили огни на кораблях, в городе и, что важнее всего, в доке. Поэтому первая торпеда была выпущена Баном неточно и взорвалась на острове, а вторая, пройдя рядом с «Чикаго», поразила и потопила паром «Куттабул», использовавшийся как плавучая казарма, убив 19 и ранив 10 моряков. После чего Бан сумел уйти от преследования и где-то около 2-00 выйти в открытое море. Дальнейшая судьба лодки неизвестна.

Лейтенанту Матсуо не повезло: его лодка была обнаружена еще до того, как она проникла в бухту. Однако, несмотря на взрывы глубинных бомб, осталась невредимой. Отлежавшись на дне, она предприняла очередную попытку проникнуть в бухту. И ей это удалось. Однако порт находился в полной боевой готовности, и все наличные силы были брошены на поиск дерзкого врага.

По-видимому, многочисленные атаки глубинными бомбами принесли свои плоды: лодка на поверхности больше не появлялась. Лишь через сутки ее обнаружили водолазы. Утверждают, что мотор лодки все еще работал. Матсуо и Тсузуки застрелились и затопили ее. Лодка не сумела выпустить торпеды, так как торпедные аппараты оказались закрыты искореженным ножом для прорезания сетей.

Существует множество версий действий сверхмалых лодок в гавани Сиднея. Достоверно что действительно две из них были потоплены, а затем подняты на берег и тщательно изучены. Австралийцы сумели собрать из их остатков одну лодку*.

Сасаку напрасно ожидал возвращения экипажей в течение двух дней. Поскольку все мыслимые сроки пребывания их под водой прошли, он дал команду отправляться в обратный путь, но перед уходом произвел по городу несколько залпов из пушек.

9 июня австралийцы кремировали тела четырех японских подводников. Урны с прахом были покрыты японскими флагами, прозвучали залпы салюта.

Позже, отвечая на критику местной прессы по поводу оказанных военных почестей, адмирал Мьюирхед-Гулд возразил: «Обязаны ли мы были оказать подобные почести таким храбрецам, как они? Это был высочайший героизм — уйти на задание в подобных стальных гробах. Есть героизм, который не является чьим-то достоянием, он не зависит от традиции или наследия нации. Есть героизм, проявляемый храбрецами как наших, так и вражеских стран. Как бы ни ужасна была война, героизм всегда узнаваемо, и им восхищаются везде. Японские подводники были величайшими патриотами. Многие ли из нас готовы, на самом деле, хотя бы на одну тысячную самопожертвования, совершенного этими людьми?»

Новость о почетной военно-морской церемонии, устроенной в честь японских подводников в Сиднее, быстро достигла берегов Японии. Родились новые военные

боги. Когда в конце года урны с прахом четырех героев прибыли в Иокогаму, тысячи японцев заполнили улицы, прилегающие к порту. Газеты и радио развернули безудержную пропаганду японского патриотизма и самурайского духа. Узнав об этом, высшее военное командование Австралии впредь запретило проводить подобные мероприятия.

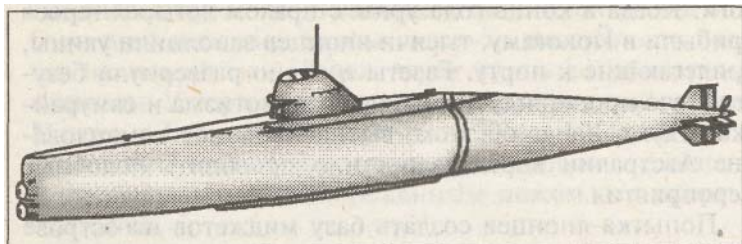
Попытка японцев создать базу миджетов на острове Киске (Алеутские острова) в июне 1942 — первой половине 1943 годов окончилась неудачей. Штормовые воды оказались слишком серьезным препятствием к использованию даже обычных подводных лодок. Японцы успели перебросить на остров несколько лодок-малюток и даже установили рельсы для спуска их на воду. Но они так и не вышли в море: американская авиация уничтожила большую часть миджетов. Остальные были взорваны американцами после взятия острова.

Первый опыт боевого применения сверхмалых лодок показал, что эффективность этого оружия невысока. Поэтому уже в ходе войны развернулись работы по их усовершенствованию. Основное внимание было уделено увеличению дальности плавания. Лодки «Тип А» могли дозарядить свои аккумуляторы только на базе или с борта лодки-носителя. Японское командование к 62 единицам этих лодок намеревалось построить еще 16, однако вынуждено было признать их неэффективность и уже осенью 1942 года сконцентрировать усилия на создании следующих вариантов. В феврале 1943 года первая и, как оказалось, единственная лодка «Тип В» («Оцу-Гата»)* была построена на верфи Уразаки. Ее экипаж был доведен до трех человек. Кроме электромотора на лодке установили дизель-генератор, что дало возможность полностью перезаряжать аккумулятор за 18 часов.

После испытаний в конструкцию внесли ряд изменений и назвали лодку «Тип С»**. От предшественницы лодка «Тип С» отличалась большим запасом топлива, меньшим временем, необходимым для перезарядки батарей. Всего было построено 15 лодок «Тип С».

*В настоящее время хранится в Австралийском Военном музее в Канберре. - Прим. авт.

* Другое название - «Ко-Хиётэки» («Мишень «Тип В»). - Прим. авт. **
Другое название — «Ко-хиётеки» («Мишень «Тип С»). - Прим. авт.

Сверхмалая подводная лодка «Тип D», специально предназначенная для самоубийственных атак

Лодка «Тип В» дала также толчок к созданию еще одного варианта — сверхмалых подводных лодок «Тип D» («Тей-Гата»). Другое их название — «Корю» («Чешуйчатый дракон»). Отличительная особенность «Корю» состояла в том, что она изначально разрабатывалась как оружие самоубийц. Лодки «Тип D» начали проектировать в декабре 1943 года, а их закладка впервые осуществилась в июне 1944 года.

В январе 1945 года первая лодка была спущена на воду. Всего одиннадцать верфей построили в общей сложности 115 миджетов этого типа. Достроить еще 495 единиц японцы не успели в связи с окончанием войны.

Экипаж лодки «Корю» состоял уже из 5 человек. При водоизмещении около 60 тонн, лодка могла двигаться с максимальной подводной скоростью 15 и надводной 8 узлов. Если дальность лодки «Тип С» при надводной скорости в 6 узлов составляла 350 миль, то у лодки «Корю» при скорости в 8 узлов этот показатель достигал 1000 миль.

Понятно, что эта сверхмалая подводная лодка, вооруженная двумя торпедами или мощным носовым зарядом, представляла собой грозное оружие. Американцы это хорошо понимали. Их бомбардировки и нехватка сырья значительно задержали программу строительства лодок, которые так и не сумели показать себя в деле.

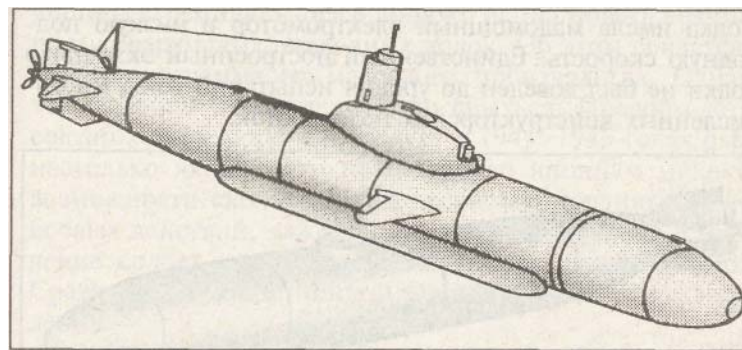
В 1943 году на базе сверхмалой лодки «Тип А» инженер Горо Сато разработал еще один вариант — «Улуч-

шенный Тип D», или «S-Канамоно» («Металлическое изделие Тип S»), Новая двухместная лодка стала известна под названием «Кайрю» («Морской Дракон»). Ее водоизмещение было втрое меньше, чем у лодки «Тип D». «Кайрю» отличали бортовые стабилизаторы в средней части корпуса, в связи с чем лодка обладала неплохой устойчивостью. При надводной скорости 5 узлов ее дальность составляла 450 миль. «Кайрю» сильно напоминала торпеду и фактически ею являлась с установленным в носовой части 600-килограммовым зарядом.

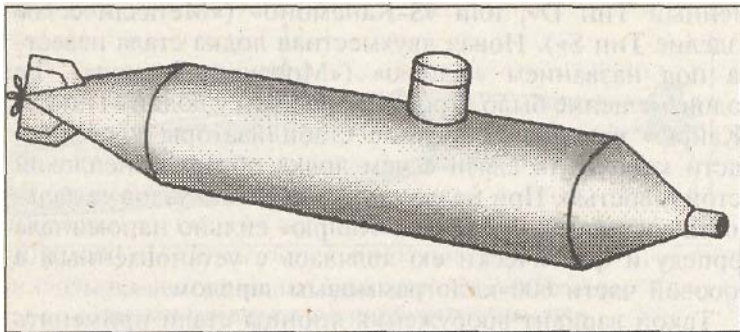
Такой вариант вооружения японцы стали применять в конце войны, когда стала остро ощущаться нехватка торпед. Таким образом, сверхмалая подводная лодка превратилась в человеко-торпеду — специальное оружие для самоубийц.

Было запланировано произвести 760 лодок «Кайрю». Точное количество построенных «Кайрю» не известно, предположительно от 212 до 250 экземпляров. Все они были захвачены американцами в августе 1945 года на верфи в Йокосуке. Еще две сотни лодок находились в конце войны в разной степени готовности.

Надо сказать, что к концу войны мысль о разработке специального оружия для самоубийц всецело завладела умами японских конструкторов. Помимо лодок «Тип D» и «Кайрю» были созданы еще несколько миджетов для

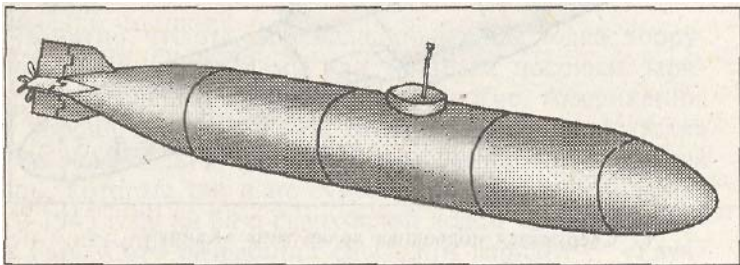

Сверхмалая подводная лодка типа «Кайрю» самоубийц.

Сверхмалая подводная лодка «U-Канамо» (Сверхмалую двухместную лодку «U-Канамо» («Металлическое изделие Тип U»)) даже начали производить серийно в самом конце войны, заложив партию в 14 единиц. По замыслу, она должна была стать массовой. Дешевая и простая в производстве, с ограниченной дальностью плавания, она предназначалась прежде всего для обороны Японских островов в случае высадки союзников.

Другая сверхмалая подводная лодка «9-Канамо» («Металлическое изделие Тип 9»), или «Синкай», разрабатывалась в 1944 году для атак якорных стоянок. Она имела принципиальное новшество — отделяемую боеголовку весом 907 килограмм, которую должна была прикреплять к днищу или подводной части корпуса вражеского корабля. Лодка имела маломощный электромотор и низкую подводную скорость. Единственный построенный экземпляр лодки не был доведен до уровня испытаний из-за многочисленных конструкторских недоработок.

Сверхмалая подводная лодка «Синкай»

Одновременно Урадзакки строилась сверхмалая экспериментальная подводная лодка «М-Канамо» («Металлическое изделие Тип М»). Опустившись на морское дно, она должна была передвигаться по нему на гусеницах, доставляя четыре морские мины к объекту взрыва. Существовали и другие проекты сверхмалых лодок для самоубийственных атак. Проект лодки «Мару-SE», например, был даже реализован в 1944 году в Кавасаки, где построили ее единственный прототип. Информация о ней скудна. Известно только, что двигатель на перекиси водорода должен был обеспечить лодке высокую подводную скорость. Лодка имела много общего с человеко-торпедой «Кайтен-II» и в серийное производство, вероятно, не была запущена именно из-за дублирования последней.

В целом японская инженерная мысль очень напряженно работала над созданием различных моделей сверхмалых лодок, предлагая военному руководству интересные проекты для решения очередных проблем вооруженных сил. Примером могут служить «Анпото» и «Акато» — транспортные средства на базе миджетов, предназначенные для снабжения гарнизона Соломоновых островов. Поскольку рассказ о них выходит за рамки тем книги, скажем только, что аналогов подобным транспортным средствам в мире не было.

На заключительном этапе войны на Тихом океане японцы стремились более широко использовать возможности сверхмалых подводных лодок. Об этом свидетельствует программа их массового производства. Однако этим планам не суждено было сбыться. Превосходство союзников на море и в воздухе в 1944-1945 годах было настолько явным, что не оставляло японцам никакой возможности сколько-нибудь серьезно повлиять на ход боевых действий, даже используя новое оружие, стремление солдат к самопожертвованию и новую тактику. Сражение за Филиппины и Окинаву — тому подтверждение.

Располагавшиеся на Филиппинских островах Себу, Басилан, Негрос сверхмалые лодки предприняли несколько самоубийственных атак. Большинство из них

были потоплены и не причинили союзникам какого-либо вреда, хотя японцы утверждают, что миджеты отправили на дно 13 кораблей противника - крейсеров, эсминцев, транспортов.

Подобным образом обстояло дело и на Окинаве: часть миджетов уничтожила американская авиация, часть - морские силы США. В начале апреля 1945 года, накануне захвата американцами базы сверхмалых лодок в Ун-тене, японские подводники взорвали последнюю уцелевшую лодку и присоединились к защитникам острова, чтобы умереть в бою.

КАЙТЕН - «ПУТЬ В НЕБО»

К декабрю 1941 года у сублейтенанта Куроки Хироси и мичмана Нисина Секио, бывших водителей сверхмалых подводных лодок, оформилась идея нанесения удара торпедой, выпускаемой подводной лодкой, но управляемой человеком (добровольцем). Они пришли к мысли, что, разместив внутри торпеды водителя и разрешив таким образом проблему ее наведения на цель, можно резко повысить эффективность этого оружия. Необходимо уточнить, что замысел подобного применения торпеды не принадлежал бравым подводникам. Приоритет в этом принадлежит капитану I ранга Ёкоу Нориёси. Долгие годы после окончания русско-японской войны он вынашивал эту идею. Его человеко-торпеда являлась не иначе как самоубийственным оружием, что и послужило причиной его отклонения Морским генштабом в 1933 году.

Следует заметить, что японцы еще в 1933 году успешно реализовали проект двигателя, работающего на обогащенных кислородом смесях. Он-то и позволил создать торпеду с исключительно высокими характеристиками - Тип 93. Из-за огромной дальности действия американцы называли ее также «Лонг Ленс» — длинное и тяжелое рыцарское копьё. Это мощное оружие превосходило по многим характеристикам торпеды всех остальных государств. Она была почти вдвое быстрее, чем лучшая аме-

риканская торпеда Mk 15. А ее дальность действия в 40 километров равнялась дальности стрельбы линкоров, превосходя американское оружие подобного рода почти в три раза. Скорость и дальность японских торпед «Лонг Ленс» казалась американцам невероятной.

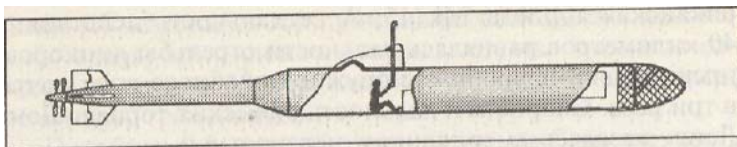
К тому же, в отличие от торпед на сжатом воздухе, «Лонг Ленс» не оставляла следа. Уязвимым местом этого грозного оружия являлось, во-первых, случайное срабатывание сверхчувствительного взрывателя и, во-вторых, невозможность управлять им после того, как его направили на цель.

Однако эту проблему легко решить, если сделать «Лонг Ленс» управляемой человеком! К тому же торпеду можно выпускать с подводных лодок, что уменьшало для нее риск быть обнаруженной противником.

Таким образом, «Лонг Ленс» превращалась в сверхмалую подводную лодку, которая могла стартовать с эскадренной лодки в подводном положении!

Куроки и Нисина работали под руководством конструктора Военно-морского арсенала Куре Судзукавы Хироси.

Взяв за основу «Лонг Ленс», они решили удлинить ее с той целью, чтобы встроить в среднюю часть отсек водителя с минимумом приборов. К концу января 1943 года чертежи нового оружия были закончены. Однако идея молодых офицеров не встретила отклика в главном морском штабе. Они безуспешно пытались пробиться через все инстанции, пока, наконец, не прибегли к средству, часто использовавшемуся на протяжении всей истории Японии как доказательство полнейшей искренности своих намерений - ' представили на рассмотрение рапорт, написанный кровью! Спустя двадцать месяцев после рождения замысла на проект морских Офицеров действительно обратили внимание. Но конструкция человеко-торпеды исключала возможность спасения водителя, который обрекался на верную смерть. Военно-морское командование высказалось против этого,*и тогда офицеры заверили, что внесут в конструкцию торпеды приспособление, позволяющее простым нажатием кнопки выбрасывать водителя в море на расстоянии около 45 километров от цели.

Человеко-торпеда «Кайтен-1»

Следует заметить, что у водителя все равно не было никаких шансов уцелеть: ударная волна при взрыве боеголовки в 1550 килограмм буквально разрывала пополам крейсера и эсминцы...

К сожалению, во многих изданиях, посвященных описанию японских человеко-торпед, в том числе и на русском языке, говорится о том, что по указанию морского командования все они были снабжены люком и устройством, обеспечивающим эвакуацию водителя. Это утверждение неверно. «Я могу пояснить в этой связи, что кайтены не имели средств спасения, как это было ошибочно заявлено в американской морской истории войны. В этом издании говорится, что каждая человеко-торпеда снабжалась устройством, выбрасывающим водителя в то время, когда она была недалеко от цели. Действительно, отдавая приказ на построение человеко-торпед, главный морской штаб настаивал на снабжении их таким средством. Но во время строительства и испытаний пришли к выводу, что это приведет к значительному изменению проекта. После настойчивых доводов Куроки и Нисины данное требование было снято», — так комментирует бывший командир японской подводной лодки I-47 капитан-лейтенант Орита Дзендзи происхождение этого ошибочного утверждения. Ему можно верить: именно его подводная лодка осуществила первый боевой пуск человеко-торпеды*.

* Вероятнее всего, лишь первые две кайтен, размещенные затем на подводной лодке I-47, были оборудованы специальными спасательными люками. Часто подводная лодка и торпеда соединялись гибкой трубой диаметром 50 сантиметров. По ней водитель мог попасть в кайтен в подводном положении. Механик затем задрал за ним люки торпеды и подводной лодки. В момент старта переходная труба попросту отрывалась, так же как и телефонный кабель. Водитель кайтен воспользоваться этим люком, так же как и верхним, для своего спасения не мог; они закрывались и открывались лишь снаружи. - *Прим. авт.*

Термин *кайтен*, которым стали обозначать человеко-торпеду, был придуман не сразу. Первоначально она была засекречена под названием «Круглое металлическое изделие №6». Первые опытные образцы, представленные на испытания, стали называть «Кюкоку хейки» («Оружие национального спасения»). И лишь позднее, при создании школы водителей-смертников, человеко-торпеду назвали согласно самурайским традициям «кайтен», что в переводе с японского языка означает «путь в небо» или «мистическая сила, способная изменить ход войны».

Производство торпед организовали в экспериментальном торпедном цехе судоремонтного завода в Куре на острове Оцудзима. Здесь же, вблизи главной базы флота, на маленьком острове под кодовым названием «База II», 4 сентября 1944 года открыли школу водителей кайтен. Командиром этого секретного учебного заведения был назначен подводник капитан-лейтенант Мицума Итакура, а оба изобретателя торпеды — старшими инструкторами.

Курсантов в школу набирали главным образом в двух школах морской авиации, где ощущалась острая нехватка самолетов и топлива. В каждой предписывалось набрать по 100 добровольцев. Вот как происходила процедура отбора желающих в школе Сатиура (север Токио). 25 августа курсантов выстроили перед главным ангаром базы. Перед ними с речью выступил командир капитан Ватанабе. «Мне очень тяжело говорить вам это, — произнес он, -- однако новости от наших товарищей с передовых позиций неутешительны. За последнее время разрыв между нашими силами и мощью врага еще более увеличился. Несмотря на героическую борьбу наших соотечественников, Сайпан в руках противника, и у нас большие проблемы по обеспечению наших сил в Рабауле и на других передовых позициях».

Затем, не вдаваясь в подробности, Ватанабе объяснил, что только отчаянные меры могут спасти положение и что японские конструкторы разработали военную технику огромной разрушительной силы, и спросил, есть ли желающие освоить ее. Он предварительно предупре-

дил курсантов, что она «невозвращаема». Это было первое публичное упоминание в Японии оружия, специально разработанного для самоубийц. Формирования камикадзе были организованы лишь спустя два месяца.

Добровольцы должны были начертить на листе бумаги два кружка, что означало их согласие. Женатых и колеблющихся отсеивали сразу же. Подбирали только физически крепких и психически уравновешенных молодых ребят.

Отобранные курсанты направлялись в школу, где обучение велось по нескольким направлениям: изучали конструкцию человеко-торпеды, осваивали управление ею и порядок подготовки к пуску.

Для управления человеко-торпедой требовалась серьезная подготовка, которую можно сравнить с обучением летчика-истребителя. Поначалу база располагала всего шестью торпедами. Этого количества было крайне мало для обучения двухсот курсантов. Вскоре была открыта вторая школа водителей кайтен в Хакари, получившая сразу семьдесят человеко-торпед. Помимо нехватки матчасти существовала еще одна проблема, справиться с которой не представлялось возможным — острый дефицит топлива. К этому времени каждая капля бензина в Японии в буквальном смысле была на счету.

Во время подготовки к первому погружению 6 сентября 1944 года произошла трагедия. Кайтен внезапно затонула, врезалась в морское дно и, повредив корпус, наполнилась водой. При этом погибли лейтенант Хироси Куроки, один из изобретателей торпеды, и лейтенант Хигути Такаси. Подобные аварии случались довольно часто: всего во время тренировок погибло 15 курсантов.

В этом нет ничего удивительного. Человеко-торпеды разрабатывались и строились в большой спешке. Их создатели, учитывая характер оружия, его одноразовость, пренебрегали такими понятиями, как «удобство» и тем более «безопасность» водителя. Не случайно курсанты, впервые оказавшись в кабине торпеды, испытывали нервное потрясение. Она была невообразимо тесной. Гирокомпас, указатели глубины, расхода топлива и давления

кислорода, часы — вот и все приборы контроля. Справа от водителя находилась рукоятка подъема перископа, в который можно было смотреть лишь одним глазом. В целом расположение рычагов управления было неудачным и приводило к авариям.

Тем не менее интенсивная подготовка личного состава продолжалась два месяца. Курсантам предлагалось обойти в подводном положении вокруг небольшого островка, а также преодолеть узкий проход шириной 45 метров. При этом необходимо было удерживать торпеду все время на глубине 4,5 метра. Всевозможные конструктивные и технические недоработки, плохие мореходные качества кайтен, сложность управления ею — все это превращало учебные плавания в довольно рискованное мероприятие. К тому же они проводились в значительно меньших объемах, чем было необходимо. Однако моральный дух курсантов был чрезвычайно высок. Они горели желанием поскорей отправиться на боевое задание и ценой своей жизни уничтожить «десять тысяч врагов Японии и императора».

Первая боевая группа водителей получила название «Кикусуй».

Около 800 лет назад императором Японии был Годайго. Умный и образованный, он понимал, что должен править, а не спокойно бездействовать в то время, когда сегун захватил власть вместо него. Но когда Годайго попытался осуществить задуманное, сегун Асикага изгнал его. Однако полководец Кусуноки Масасигэ (1294—1336) защитил императора и восстановил его власть. Годайго же, вместо того чтобы наградить тех, кто дрался и умирал за него, пытался задобрить тех, кто его не поддерживал. Прошло не слишком много времени, и он опять был низложен. Кусуноки снова стал сражаться за императора. В битве при Минатогава он в течение семи часов вместе с 300 воинами отбивал атаки войск противника, в 10 раз превосходившего по численности. Он получил 11 тяжелых ран и вынужден был совершить сеппуку вместе со своим братом Масасуэ. Перед смертью он сказал: «Я хотел бы родиться семь раз, чтобы сражаться с врагами моего императора». Образ самурая Кусуноки стал симво-

лом верности трону, а его предсмертная фраза - крылатой.

В годы войны ее взял на вооружение японский империализм, превратив в короткий лозунг-призыв: «Семь жизней за императора».

Гербом рода Кусуноки являлась хризантема. Ее-то и взяли в качестве эмблемы своего боевого отряда водители первой группы кайтен. А название отряда — «Группа «Кйкусуй» — составили из слов «кику» (хризантема) и «суй» (вода). Оно означает, таким образом, словосочетание «плавающая хризантема».

Рисунок хризантемы и иероглифы «кику» и «суй» нарисовали рядом с флагом Хиномару на рубках трех подводных лодок — носителей кайтен.

Церемония выпуска первой группы водителей кайтен состоялась 7 ноября 1944 года. Все курсанты были выстроены в парадной форме. Отдельно стояли двенадцать водителей группы «Кйкусуй». На левых рукавах их мундиров виднелись зеленые повязки с хризантемами - отличительный знак отряда. На флагштоке развивался огромный флаг Императорского флота с восемью красными лучами.

К этому времени вся Япония уже была насыщена о героизме первых камикадзе, и поэтому церемонии был присущ особо торжественный дух и воодушевление.

Командующий подводными силами 6-го флота вице-адмирал Мива отсалютовал флагу и повернулся лицом в ту сторону, где находилась столица. Все совершили глубокий поклон императору. Затем Мива произнес короткую патристическую речь. Обращаясь к водителям кайтен, он сказал, что Япония возлагает на них и на оружие, которое они выбрали, огромные надежды. Мива вручил каждому водителю короткий церемониальный меч и пожелал удачи. Меч имел особое значение. В старину его использовали для совершения сеппуку. Лоб каждого члена группы «Кйкусуй» был повязан традиционной хатима-ки — полоской белой ткани.

Вечером водители группы «Кйкусуй» упаковали личные вещи для отправки домой, написали прощальные письма, положив в них локоны волос и обрезки ногтей.

Семья предаст их родной земле или возложит на домашний алтарь.

Затем наступило время торжественного ужина. Опять выступил вице-адмирал Мива. После ответного слова водителей последовал тост за успех первой операции. Все выпили по чашечке саке, присланного самим императором, и приступили к еде. По случаю торжества помимо традиционной рыбы, риса и сушеных водорослей подали лучшие кушанья, какие только смогли найти: консервированные фрукты и другие деликатесы. Главным блюдом являлась традиционная праздничная красная рыба — *тай*. Ее употребляли с печеными каштанами *кати куре*, которые, по японским поверьям, считаются пищей победы. Саке хватало, и безудержное веселье продолжалось достаточно долго.

На следующий день в 8 часов утра все энергично махали руками, прощаясь с группой «Кйкусуй», и пели «Кими га ё» * японский гимн. После этого водители кайтен посетили храм, специально для них построенный. Затем, убедившись, что все их посылки и послания родным упакованы и готовы к отправке, двенадцать человек гордо прошли строем между двумя шеренгами своих бывших наставников и учителей. Лейтенант Нисина взял небольшую урну с пеплом Куроки Хироси, которую он намеревался захватить с собой на кайтен. Осушив по чашке с водой, называемой мидзи-сакасуки, являющейся символом чистоты помыслов, члены группы «Кйкусуй» под звуки гимна сфотографировались вместе со своими инструкторами, командирами подводных лодок и вице-адмиралом.

Через час после начала церемонии прощания подводные лодки начали медленно двигаться к выходу из бухты в сопровождении целого эскорта катеров и различных мелких суденышек. Водители кайтен гордо стояли в открытых люках торпед, размахивая обнаженными мечами над головой. Провожающие на берегу и на сопровождающих катерах громко кричали им вслед, произнося их имена и желая удачи. Многие в руках держали транспаранты и плакаты с патристическими лозунгами. Прово-

ды не были долгими: достигнув открытого моря, катера повернули назад, экономя драгоценное топливо.

Для переброски кайтен в район их боевого применения было приспособлено несколько подводных лодок и кораблей. С палуб сняли орудия, катапульты (там, где они были). Вместо них корабли и лодки оснастили киль-блоками*. Лодки в зависимости от типа могли нести от 2 до 6 торпед. Всего было переоборудовано под доставку и пуск человеко-торпед 23 подводных лодки различных типов.

Для этих целей также был перестроен легкий крейсер «Китаками» - ветеран японского флота. На нем установили 20-тонный кран, убрали торпедные аппараты, переставили зенитные орудия, оснастили корму наклонным слипом. Корабль укладывался в строгие нормативы и был способен с его помощью спустить на воду за 8 минут все свои 8 торпед.

Япония строила и специальные десантные судна для транспортировки человеко-торпед и сверхмалых подводных лодок. Успели соорудить 21 судно, обозначавшееся «Тип 1». Корабль обладал приличной скоростью и мог брать на борт шесть кайтен или две сверхмалые подводные лодки.

Другой тип судна для перевозки и пуска кайтен представлял собой легкий эскортный корабль. Он обозначался как «Тип А» или «Тип Б» (в зависимости от того, из какого материала изготавливался корпус). Корабль мог брать 1 или 2 кайтен. Японцы сумели построить всего два таких судна.

Главный морской штаб, охотясь за авианосцами и линкорами противника, приказал группе «Кикусуй» нанести первый удар по врагу 20 ноября. Целью был выбран атолл Улити (Каролинские острова). Естественная глубоководная стоянка его лагуны способствовала превращению атолла в главную базу американского флота в западной части Тихого океана. Туда направлялись две эскадренные подводные лодки: I-36 и I-47, а одна I-37 - к проходу Коссол близ острова Палау. Воздушная

* Кильблок - специальное устройство для установки на борту судна катера, шлюпки и т. д. - *Прим. ред.*

разведка показала, что на стоянке Улити находится крупное соединение американских кораблей (свыше 100 вымпелов), в том числе 4 авианосца и 3 линкора.

Подводные лодки группы «Кикусуй» были переоборудованы для доставки четырех человеко-торпед каждая. Две кайтен крепились впереди рубки и две — позади. Два крепления (первое и четвертое) отсоединялись из рубки подводной лодки. А два оставшихся - только снаружи, для чего лодке было необходимо всплыть. Командирам I-36, I-37 и I-47 строго запрещалось во время перехода производить атаки обычными торпедами. Их главная задача состояла в том, чтобы выйти в район пуска незамеченными, в подводном положении.

Во время двенадцатидневного пути водители кайтен продолжали тренироваться и отдыхали. Наконец, 18 ноября I-36 и I-47 благополучно пришли в намеченный район пуска.

- Нисина, взгляните! — предложил капитан-лейтенант Орита Дзендзи, уступая место у перископа.

- Вот это да! Авианосцы, линкоры в несколько рядов. Такой огромный флот не сможет выйти отсюда за одну ночь. Как жаль, что у нас всего четыре кайтен! Какая блестящая возможность применить их!

- Мы нанесем удар кайтенами утром из точки 4 мили к западу от входа в лагуну, — поставил задачу капитан. - Чтобы избежать поражения одной цели двумя человеко-торпедами, пуски будут произведены последовательно. В 4-00 стартует лейтенант Нисина. Войдя в лагуну, он должен пройти как можно дальше в глубину стоянки. Младший лейтенант Сато стартует в 4-04. Проникнув в лагуну, он должен брать правее. Младший лейтенант Ватанабе уходит пятью минутами позже. Он берет левее. Лейтенант Фукуда — через пять минут после Ватанабе. Он найдет цель поближе к входу.

До атаки всего несколько часов. Долгое и томительное ожидание, скрашиваемое бесконечными играми в шахматы, карты и го, осталось позади. Сато сбрил прекрасную бороду, которую успел отрастить за последние месяцы. Фукуда постригся. Похожий на щеголя красавец Ватанабе еще раз вымылся. Все водители надели

хорошо выглаженные рубашки и повязали мундиры белыми поясами. Затем написали короткие прощальные письма. Письмо лейтенанта Нисина было кратким: «Дневные наблюдения подтвердили: у островов Улити стоят на якоре свыше ста кораблей. Представляется прекрасная возможность применить наши кайтен. Их у нас на двух подводных лодках всего восемь. Этого явно мало! Как жаль!

Благодарю командира I-47, который отлично справился со своей задачей, вывел лодку в удобную для атаки позицию и уточнил состав сил противника.

Желаю экипажу I-47 счастливого плавания и благодарю за помощь, которую мне оказали.

Молю богов послать мне большой авианосец! Привет тем, кто последует за мной. Банзай!»

Вечером за ужином выпили прощальное саке — подарок императора - в специальных лакированных чашках. Готовым к смерти водителям показали карандашный рисунок разламывающегося надвое от удара кайтен американского авианосца. С его полетной палубы в океан падала дюжина самолетов.

Это порадовало ребят, они засмеялись и оставили свои подписи на рисунке.

Над головой — бесконечность мироздания и бесчисленные искорки звезд. Легкий ветерок приятно холодит щеки. Со стороны якорной стоянки слышатся характерные звуки не прекращающихся даже ночью ремонтных работ.

Водители кайтен уже готовы к бою: на боку — короткие мечи, на лбу - туго повязанные белые хатимаки.

- В лагуне спокойно, — пояснил капитан-лейтенант Орита. — Все корабли на месте, и противник не принял никаких дополнительных мер предосторожности. Поэтому наш первоначальный план остается в силе. Надеюсь, что вы в полную меру сумеете продемонстрировать силу нового оружия.

Прощавшись с капитаном за руку, они затем отдали ему честь и поспешили к торпедам. Техники помогли им занять свои места.

Верный самурайским традициям, лейтенант Нисина

захватил с собой небольшую урну с пеплом Куроки: друг и единомышленник должен уйти с ним в последний бой. Нисина нашел место, где ее можно было разместить в узком и невероятно тесном отсеке — под сиденьем, вместе со скудным, скорее символическим запасом риса и сушеной рыбы, а также маленькой бутылочкой виски. Пища являлась прежде всего знаком внимания к водителям-героям, не более того.

Последний взгляд на звездное небо, последний глоток свежего воздуха... За ними навсегда закрываются люки. Часы показывали час ночи. До места пуска оставалось пять миль.

Лодка медленно двигалась на предельно малой скорости. Штурман связался по телефону с водителями, которые томились в тесных рубках торпед уже два часа.

—Как вы там? — спросил он.

—Я пою! — ответил Сато.

—Я вспоминаю мороженое, которым нас угостили за обедом. Оно было бесподобным! — откликнулся Ватанабе.

Водители еще раз сверили компасы. - Первый!

Приготовиться! Лейтенант Нисина, хотите сказать что-нибудь на прощанье?

— Да! — послышалось в ответ. -- Спасибо всем.

Удачи тем, кто пойдет за мной. И удачи I-47!

Пошел! • • последовала команда. Было 4-15 20 ноября 1944 года.

Заработал двигатель торпеды Нисины. Убраны два последних захвата, удерживавших кайтен. Торпеда устремилась вперед, оставляя за собой белый бурун.

Следующей стартовала торпеда под номером «три».

Настала очередь «четверки». В микрофоне послышалось громкое «банзай», и она рванулась в темноту.

Беспокойство вызывал пуск торпеды младшего лейтенанта Фукуды — накануне были отмечены неполадки в ее работе. Однако все обошлось, и экипаж I-47 с радостью воспринял громкое «Тенно хейка банзай!» ее водителя*.

Освободившись от всех кайтен, подводная лодка зна-

* «Тенно хейка банзай!» — «Десять тысяч лет императору!». — *Прим. авт.*

чительно полегчала. Она двигалась на юго-запад. На борту нервничали, томительно ползли минуты. Все ждали результата. Настало 5 часов - расчетное время достижения цели. Огромный красно-желтый шар пламени взметнулся там, где находилась корабельная стоянка. Повалил столб дыма. Было 5-07. В 5-11 раздался еще один взрыв - другой шар пламени, другой столб дыма... Экипаж безудержно ликовав и возбужденно кричал. Все хотели услышать последующие взрывы.

- Капитан! Эсминцы! Правее 5 градусов. Дистанция - 2 мили. Приближаются!

- Срочное погружение!

I-47 нырнула в глубину и двинулась на север...

В это время I-36 тщетно пыталась выпустить свои торпеды. У двух кайтен оказались заклинены крепления, еще у одной обнаружили течь. Лишь торпеда с мичманом Иманиси в 4-45 устремилась к цели.

Команда I-36 дождалась звука двух отдаленных взрывов - в 5-45 и 6-05. Затем ей пришлось лечь на дно и провести там целый день, пока американцы прочесывали море и беспорядочно бросали глубинные бомбы. Лишь к полуночи она смогла подняться на поверхность, перезарядить батареи и отправиться в район острова Лейте, как было предусмотрено приказом.

Третью лодку группы «Кикусуй» - I-37 - постиг злой рок: 19 ноября, всплыв на поверхность, она была замечена неприятелем. Срочно погрузившись, она попыталась уйти от преследования, но не смогла. Американские эсминцы точно сбросили глубинные бомбы и потопили ее вместе с человеко-торпедами и всеми, кто находился на борту.

30 ноября подводные лодки I-36 и I-47 благополучно возвратились в Куре. Двумя днями позже здесь провели важное совещание с участием более двухсот человек, в том числе представителей штаба 6-го флота, инструкторов школы подводных лодок, офицеров морского арсенала в Куре, высших офицеров из Токио. Обсуждались вопросы: надо ли афишировать новое оружие или нет; следует ли продолжать атаки человеко-торпедами якорных стоянок или выйти в открытое море и наносить

удары по вражеским транспортам; и, наконец, каковы результаты боевой деятельности группы «Кикусуй»?

Основываясь на двух столбах огня, замеченных с I-47, двух громких взрывах, услышанных с I-36, принимая во внимание план действий каждой торпеды и наблюдений через перископы, сравнивая результаты воздушной разведки до нанесения удара и после, участники совещания пришли к следующему выводу: считать лейтенанта Нисину, лейтенанта Фукуду и мичмана Иманиси потопившими по авианосцу, младших лейтенантов Сато и Ватанабе - уничтожившими по линкору.

Да, именно так и было: посовещались и решили! Пусть подобные методы подсчета нанесенных врагу потерь нас не удивляют: они были характерны для японского командования, постоянно завышавшего потери, нанесенные противнику. Оно тешило иллюзиями себя, а главное — воодушевляло население! Да еще как! Перед отплытием к атоллу Улити Главный морской штаб выпустил ряд коммюнике, в которых объявил, что японские войска на острове Палау убили или ранили 18 тысяч врагов, уничтожили 200 танков. Потопили также крейсер, 2 эсминца, подводную лодку, сбили 60 самолетов. Еще 8 авианосцев, 2 линкора, 4 крейсера и 1 эсминец были, со слов штаба, серьезно повреждены.

Что касается битвы за Филиппины, где Императорский флот получил сокрушительный удар, то официальные японские данные выглядели следующим образом: потоплено 14 американских авианосцев, 6 крейсеров, 3 эсминца и свыше десятка транспортов.

Стоит ли после этого удивляться, что население Японии, традиционно привыкшее верить властям, даже летом 1945 года, в последние месяцы войны, было убеждено в том, что Япония выигрывает войну! Что и говорить, пропаганда - великое дело, когда она ведется правдиво и нацелена на благо. Низменная японская пропаганда не отвечала ни одному из этих условий. Она нагло обманывала население, используя его доверчивость и играя на присущем японцам национальном чувстве правдивости.

В действительности же результат атаки группы «Кикусуй» оказался намного скромнее. Примерно в 5-30

американские эсминцы, направлявшиеся в море, заметили перископ. Удача была явно на их стороне: один из эсминцев пошел на таран, и объект, определенный как сверхмалая подводная лодка, затонул, не взорвавшись. В это же время вторая кайтен взорвалась, наскочив на риф восточнее лагуны. В 5-47 одна из кайтен поразила танкер «Миссиссинева» водоизмещением 11316 тонн. Груженный большим количеством топлива для кораблей и самолетов, а также сырой нефтью, он взорвался, выбросив гигантский столб огня. Погибли 50 членов экипажа. В 6-00 на поверхности моря была замечена стоящая без движения еще одна торпеда. Ее потопил американский самолет.

Примерно в 6-05 легкий крейсер «Мобил» в водах лагуны едва не столкнулся с другой торпедой. Эсминцы начали прочесывать акваторию и заметили ее перископ. Глубинные бомбы нескольких миноносцев легли удачно: на поверхность воды выбросило два тела. Это укрепило американцев в уверенности в том, что они имеют дело со сверхмалыми подводными лодками.

Таким образом, в целом японцы пожертвовали девятью человеко-торпедами и одной подводной лодкой, уничтожив крупный корабль противника.

Американцы были шокированы появлением нового оружия. К этому времени они понесли потери от ударов камикадзе, испытывая при встрече с ними мистический ужас. Появление нового, подводного оружия самоубийц не было для них полной неожиданностью. Они получили кое-какую информацию из дешифрованных японских радиogramм. Однако первый удар человеко-торпед застал их врасплох и заставил усомниться в надежности якорных стоянок своего флота.

Вскоре был сформирован новый отряд. Его назвали «Конго» - по-японски «сталь». В буддистской религии это слово также означает огромную силу или мощь. К тому же Конго - это название горы в округе Кавати, к югу от Нары, где жила семья знаменитого самурая XIV века Кусуноки Масасигэ.

Штаб 6-го флота запланировал нанести второй, более

мощный удар по врагу человеко-торпедами силами сразу шести подводных лодок.

I-56 опытного подводника, хорошо зарекомендовавшего себя в битве за Филиппины, капитан-лейтенанта Моринага Масахико направлялась к островам Адмиралтейства, где находилась превосходная стоянка американского и австралийского флотов.

I-36 капитан-лейтенанта Тэрамото Ивао должна была снова нанести удар по стоянке на острове Улити.

I-47 капитан-лейтенанта Ориты Дзендзи выдвигалась в район Холландия близ Новой Гвинеи.

I-53 капитан-лейтенанта Тоёмасу Сеихати следовала к проходу Коссол в районе Палау. Прозванный друзьями «Сестра Ганди» за удивительное сходство с индийским лидером, Тоёмасу отличался удивительной мягкостью характера и полным отсутствием страха.

I-58 капитан-лейтенанта Хасимото Мотицуры наносила удар по гавани Апра на острове Гуам.

Атаки этих подводных лодок были назначены на 11 января 1945 года. Лишь I-48 капитан-лейтенанта Тояма Дзенсин должна была атаковать еще раз стоянку Улити несколько позже — 20 января.

Таким образом, в операции были задействованы 24 человеко-торпеды. К началу 1945 года положение Императорского флота стало отчаянным. Он был подавлен корабельной армадой союзников, которые теперь контролировали океан. Нехватка топлива свела на «нет» и без того скромные возможности японского флота. В таких условиях на группу «Конго» возлагались особые надежды.

I-58 на стеньге рядом со своим флагом подняла вымпел с надписью «Неотвратимая кайтен». Она вышла в поход 29 декабря и почти весь долгий переход к Гуаму осуществила в подводном положении. В район пуска торпед лодка пришла ночью 11-12 января. В 2-30 Хасимото отдал приказ готовиться к пуску, наметив его на 3-00. Первые две торпеды стартовали нормально, но и двигатель третьей попала вода, и ее пуск пришлось перенести. Устремилась к цели четвертая торпеда, и, нако-

нец, был произведен пуск третьей. Однако через несколько минут ее взрыватель сработал преждевременно, и раздался сильный взрыв. Лодке пришлось срочно погрузиться. Она двинулась на базу, не узнав о результатах атаки.

Поздно вечером за ужином экипаж I-58 воздал молитву за упокой душ погибших. Капитан-лейтенант Хасимото зачитал предсмертное письмо лейтенанта Исикавы: «Для меня и моих товарищей наступил день решительных действий. Мы здоровы. У нас бодрое настроение. Враги в Апра будут шокированы нашими ударами.

В небе сияет бледная луна и мерцают звезды. Гуам спит в тихом сне, спокойно проплывая перед нами. Представляю смятение, которое там поднимется через несколько часов! Мы пришли сюда во имя нашей великой страны.

Как во сне прожит 21 год моей жизни. Но весь ее смысл понятен лишь сегодня. Сейчас, во время решительной битвы между Японией и Америкой, этим ударом мы укрепим наше положение и тем самым упрочим нашу прославленную Великую Японию, процветающую три тысячи лет.

Наша родина — страна богов. Она вечна и не может погибнуть. Мы не боимся смерти и спокойно отдаем свои жизни за родину. Вместо нас родятся тысячи, десятки тысяч юношей. Отрешимся же от суетности мелких дел!»

По возвращении в Японию на счет I-58 засчитали один потопленный авианосец и два транспорта.

Задача, поставленная перед подводной лодкой I-36, многим казалась невыполнимой: опять идти туда, где месяц назад уже был нанесен удар! Ей и в самом деле не везло. Лодка подошла к атоллу в надводном положении, но в темноте наткнулась на риф. После неоднократных попыток сняться с мели ей, наконец, удалось это сделать. В 6-00 I-36 выпустила все свои человеко-торпеды. Одна из них взорвалась в 30 метрах от левого борта транспорта боеприпасов «Манзана» и разворотила носовой трюм. Погиб один человек и 20 получили ранения. Вероятно, от взрыва еще одной кайтен было потоплено

небольшое десантное судно LCI-660. Спустя шесть часов после атаки в лагуне произошел подводный взрыв, а в 20-45 — еще один. Возможно, это были взрывы двух оставшихся человеко-торпед, не причинившие никаких повреждений.

По возвращении на базу I-36 поздравили с потоплением одного американского линкора, танкера и двух небольших судов.

Несмотря на усиленные меры, предпринятые американцами по охране стоянки на Улити, подводная лодка I-48 сумела 20 января пробраться к атоллу. Она успешно выпустила все торпеды, о дальнейшей судьбе которых ничего не известно. Спустя три дня субмарина была обнаружена и потоплена американскими эсминцами.

Неудачи преследовали подводную лодку I-53. Капитан-лейтенант Тоёмасу сумел провести ее в проход Коссол, несмотря на американскую охрану. Однако запустить первую торпеду не удалось — не завелся двигатель. Приступили к запуску следующей. Она внезапно взорвалась почти сразу после пуска, сильно потрянув лодку. Вероятнее всего, что ее водитель младший лейтенант Казуми Хироши случайно задел тумблер включения детонатора. Две другие кайтен стартовали нормально, но цели поразить не смогли.

I-56 не сумела даже приступить к выполнению задачи: якорная стоянка Манус была надежно прикрыта противолодочными сетями. После нескольких безуспешных попыток проникнуть в гавань лодка вынуждена была вернуться домой.

Что касается знакомой нам I-47, то она благополучно достигла района пуска торпед. 12 января в 2-30 двое водителей кайтен заняли свои места обычным способом через верхний люк, а двое — через соединительную трубу из корпуса подводной лодки. В 4-30 лодка произвела пуск человеко-торпед. Капитан-лейтенант Орита слышал четыре взрыва в районе якорной стоянки. Позднее выяснилось, что был легко поврежден американский транспорт. Тем не менее, по прибытии на базу Ориту поздравили с потоплением четырех транспортов.

Таким образом, операция «Конго» по японским дан-

ным завершилась успешно: противник потерял целый флот - 4 авианосца, 3 линкора, 10 транспортов, 1 танкер. На деле все обстояло совсем не так: противник лишился всего одного танкера и одного десантного судна; два транспорта получили повреждения. Погибло около 50 американских моряков. Японцы заплатили за этот «успех» двумя эскадренными лодками и жизнями 210 своих моряков. Теперь главный морской штаб, наконец, убедился в том, что удары по защищенным якорным стоянкам неэффективны.

В это время американцы нацелились на захват острова Иводзима. Как только японскому командованию стало известно, что флот США обстреливает остров, в срочном порядке был сформирован третий отряд кайтен, получивший название «Тихая» (так назывался замок, где жила семья самурая Кусуноки). В него были включены три подводные лодки с 14 человеко-торпед: I-368 под командованием капитан-лейтенанта Ирисава Мицу-теру, I-370 (капитан-лейтенант Фудзикава Сусуму) и I-44 (капитан-лейтенант Кавагути Генбей).

Тихоходные транспортные лодки I-368 и I-370 несли по 5 человеко-торпед. Они одновременно вышли с базы на следующий день после высадки американцев на Иводзиму.

26 февраля I-370 попыталась атаковать транспортный конвой, но ее засекли радары эсминца «Феннеган». Попытки уйти от преследования не увенчались успехом. Она была потоплена вместе со всем экипажем и водителями кайтен, среди которых числился мичман Окаяма Итару, строгий и хорошо подготовленный инструктор из школы в Хакари. До сих пор остается спорным вопрос: выпустила I-370 свои кайтен или нет? Были зарегистрированы мощные подводные взрывы, не причинившие американским кораблям никакого вреда.

На следующий день подобная участь постигла и лодку I-368. Ее потопил самолет с американского авианосца.

Третья лодка I-44 тщетно пыталась преодолеть завесу охранения американских транспортов и десантных судов. Почти 47 часов провела она в подводном положении. Воздух достиг 6-процентного содержания углекис-

лоты. Подводники были на грани удушья. Командир принял решение отказаться от проведения атаки и вернуться на базу. Это привело в ярость адмирала Миву, командующего 6-м флотом. Он приказал немедленно отстранить Кавагути от командования лодкой. Несмотря на то, что I-44 почти наверняка была бы потоплена, не нанеся урона противнику, Мива все же считал, что Кавагути должен был атаковать, даже пожертвовав при этом экипажем. Так полным провалом закончилась операция отряда «Тихая».

Четвертая группа водителей кайтен была сформирована и отправлена к Иводзиме еще до возвращения лодки I-44. Она состояла всего из двух подводных лодок - I-36 (капитан-лейтенант Сугамаса Тетсуаки) и I-58 (знакомый нам Хасимото Мотицура). Группа получила название «Камитакэ», или «Симбу» - что означает «Путь божественного самурая». Самому молодому капитану японского подводного флота 29-летнему Сугамасе не повезло: из-за поломки двигателя его подводная лодка была вынуждена прервать поход и вернуться в Куре.

Хасимото решил подойти к острову с севера и 5 марта благополучно достиг цели. Он долго пытался перехитрить американские патрули и 8 марта уже был готов нанести удар, когда получил приказ прекратить операцию. I-58 была привлечена в качестве радиомаяка для обеспечения длительного перелета японских бомбардировщиков с Кюсю на Улити, где они должны были совершить самоубийственную атаку на американские авианосцы.

Хасимото пришлось избавиться от человеко-торпед и выполнять приказ.

Новая группа подводных лодок, оснащенных кайтен, а также новая операция по их боевому применению получила обозначение «Татара» - по названию побережья около города Фукуока (север острова Хонсю), где в XIII столетии тайфун помог самураю Ходзё Токиминэ победить монгольский флот, пытавшийся покорить Японию. Группа состояла из четырех субмарин: I-58, I-44, I-47 и I-56. Лодки были переоборудованы для установки шести кайтен и все были снабжены переходным устрой-

ством, позволяющим водителям занимать места в торпедах прямо из ее корпуса.

Целью операции являлись американские корабли, обеспечивающие высадку десанта на остров Окинаву. Первой из базы в Хикари должна была выйти лодка I-47. Ее команда, уже дважды участвовавшая в ударах кайтен, верила в своего капитана и в свою удачу. Эту веру укрепляло название лодки - I-47*.

На прощальном вечере присутствовал адмирал Нагаи Митсури. Хорошая пища и саке были в избытке, произносились тосты за водителей кайтен. Затем все встали и запели в их честь «Песнь воина»:

Можно погибнуть в пучине волн,
Можно в земле найти упокой, Но нам
не о чем будет жалеть, Если погибнем
в битве за Императора.

Водители сидели молча, в то время как остальные во весь голос выводили бравурную мелодию. Потом пели «Морской марш» и другие патриотические песни.

Утром у многих членов экипажа разламывались головы из-за выпитого в больших количествах саке. Короткая прощальная церемония с вручением мечей — и в полдень I-47 снова ушла в поход. На следующий день ее атаковали американские самолеты, и субмарина чудом уцелела, скрывшись в глубинах океана, а ночью Орита ошибся, приняв американские эсминцы за крейсера. Несколько часов лодку сотрясали взрывы глубинных бомб. Уйдя от преследования эсминцев, лодка снова попала под удар, на этот раз самолетов противника. Они сумели нанести ей и всем кайтен повреждения: большие вмятины (их корпус не был прочным - толщиной всего 6,3 миллиметра). У лодки обнаружили течь одной из топливных цистерн. Орита принял решение возвратиться на базу, что привело в отчаяние водителей кайтен. Особенно эмоционально протестовал, нарушая всякую субординацию, младший лейтенант Фурукава, который

* «4» — по-японски «shi!», «7» — «nana», «1» — «i», то есть «shinanai» что означает «Не умирай!». - *Прим. авт.*

уже в третий раз возвращался из подобных неудачных операций.

-Кольцо союзного флота вокруг Окинавы было настолько плотным, что подводные лодки оказались лишены возможности выпустить человеко-торпеды. После нескольких безуспешных попыток это сделать, две из них (I-56 и I-44) были потоплены.

Что касается I-58, то Хасимото снова сумел преодолеть американскую оборону, несмотря на неоднократные атаки с воздуха. Достигнув намеченной точки пуска кайтен, он внезапно получил приказ присоединиться к линкору «Ямато» и сражаться насмерть. Но пока он шел на соединение с линкором, тот был потоплен, и Хасимото пришлось вернуться на базу, так и не израсходовав свои торпеды.

Таким образом, атаки сильно защищенных якорных стоянок противника оказались малоэффективными. Главный морской штаб всерьез задумался о применении кайтен против судов в открытом море, где противнику было невероятно сложнее обеспечить их надежное прикрытие. Однако для водителя человеко-торпеды атака движущейся цели при неспокойной воде являлась чрезвычайно сложным делом. Важно было точно определить скорость и курс цели и при этом не дать противнику обнаружить себя по перископу.

Для определения возможности атаки человеко-торпедами движущихся кораблей противника была сформирована группа «Аматакэ», или «Тембу» («Небесное самурайство»), в составе подводных лодок I-36 и I-47. Подводная лодка I-47 капитан-лейтенанта Ориты вышла в поход 12 апреля с шестью человеко-торпедами на борту. Это было время цветения сакуры, и водители покидали базу в Хакари не только с хатимаки и мечом, но и с веточкой сакуры в руке. Интенсивно тренируясь, они сократили время занятия места в торпедо через соединительную трубу с 2 минут до 30 секунд. Больше недели Орита ждал встречи с врагом. Лишь в начале мая I-47 встретила большой конвой и атаковала его обычными торпедами, а в последующие дни применила, наконец, четыре кайтен. Две человеко-торпеды не были

выпущены из-за отказа телефона и невозможности передать водителям нужные указания. Орита заявил, что добился двух попаданий обычными торпедами и трех попаданий человеко-торпедами, однако американцы этого не подтверждают.

I-36 также выпустила четыре кайтен по американскому конвою, но успеха не добилась. Также безрезультатно окончился выход в море 5 мая одиночной подводной лодки I-367 под командованием лейтенанта Такэтоми Кунио. Этот поход носил название «Симбу», что означало «Успех пути самурая». Три кайтен из пяти получили механические повреждения, а две выпущенные были перехвачены огнем и уничтожены, причинив лишь незначительные повреждения эсминцу «Гиллиган».

Во второй половине мая была сформирована очередная группа. Она носила название «Тодороки» («Великий грохот») и включала в себя четыре подводные лодки: эскадренная I-36 (капитан-лейтенант Сугамаса Тетсуа-ки), транспортные I-363 (лейтенант Мацуура Масахару), I-361 (лейтенант Кихара Сакаэ), а также бывшая учебная I-165 (лейтенант Оно Ясуси). На ней было установлено две кайтен, тогда как все остальные были вооружены пятью.

30 мая, не успев выпустить ни одной торпеды, I-361 была обнаружена и потоплена юго-восточнее Окинавы. Почти через месяц такая же судьба постигла I-165 у Марианских островов. I-363 провела в море ровно месяц. Несколько раз ей встречались вражеские конвои, но лодка со своей скоростью 13 узлов не могла с ними тягаться и выбрать удобную позицию для атаки.

I-36 покинула базу Хакари 4 июня. Ей удалось торпедировать обычными торпедами плавмастерскую и нанести ей значительные повреждения. Через шесть дней она безуспешно атаковала одиночный транспорт, выпустив одну кайтен, но сама попала под удар кораблей охранения. Сугамасе удалось увести тяжело поврежденную глубинными бомбами лодку. Неизвестно, как повернулось бы дело, но ее спасли оставшиеся водители человеко-торпед. Они упростили Сугамасу выпустить их в атаку с предельной для кайтен глубины 66 метров. Это

был отчаянный шаг, и Сугамаса решился на него. Сразу же после пуска послышался сильный взрыв — это взорвалась одна из кайтен. Но другая отвлекла внимание эсминцев, погнавшихся за ней. Израненная I-36, несмотря на течь из топливных цистерн, выдававшую ее, сумела благополучно вернуться на базу.

Восьмая группа кайтен получила название «Тамон». Так в детстве звали сына самурая Кусуноки Масасигэ. В ее состав входили подводные лодки I-47 капитан-лейтенанта Ориты Дзендзи, I-53 капитан-лейтенанта Оба Сайти, I-58 капитан-лейтенанта Хасимото Моти-цуры. Все они несли по шесть кайтен. Еще две лодки (T-363 капитан-лейтенанта Кихара Сакаэ и I-366 лейтенанта Токиока Таками) были вооружены пятью человеко-торпедами каждая. Таким образом, всего в группе насчитывалось 28 торпед.

14 июля ушла в поход I-53. Через десять дней она обнаружила конвой и 8 судов под охраной эсминца «Андерхилл» и сторожевиков. Лодка произвела пуск двух торпед, которые были обнаружены американцами. «Андерхилл» с первого захода уничтожил одну из них. До сих пор не ясно, что стало со второй торпедой — или она была протаранена эминцем, или сама врезалась в него. Страшный взрыв разорвал корабль надвое, уничтожив при этом всю переднюю часть почти до трубы. Погибли капитан-лейтенант Р. М. Ньюкомб, 10 офицеров и 102 матроса.

Израсходовав все человеко-торпеды, I-53 вернулась на базу 13 августа.

Здесь же, в Филиппинском море, подводная лодка I-47 также обнаружила и атаковала неприятельский конвой. Незначительные повреждения получил войсковой транспорт «Марафон».

Безуспешным оказалось плавание для лодок I-363, I-366 и I-367. Они не смогли причинить противнику никакого ущерба.

В то же время подводная лодка I-58 сумела нанести американцам, вероятно, самый чувствительный удар за всю историю японского подводного флота. Хасимото вывел в поход свою лодку вечером 18 июля. Через десять

дней восточнее Филиппин он встретил грузовое судно в сопровождении эсминца «Лоури». Две выпущенные кайтен причинили эсминцу лишь незначительные повреждения.

Ночью 29 июля I-58 обнаружила одиночный американский корабль, который Хасимото определил как «линкор класса «Айдахо». Не выпуская его из поля зрения, он приказал водителям кайтен занять свои места. Корабль шел прямым курсом, не совершая, как предписывалось, зигзаги в качестве меры предосторожности против подводных лодок. Видя подобную беспечность, Хасимото не переставал приговаривать: «Он — покойник! Он — покойник!» Четверо водителей кайтен уже были готовы выполнить свой долг и умоляли капитана направить их на врага. Однако Хасимото приказал им ждать, так как решил применить обычные торпеды. Во-первых, за время пуска кайтен корабль мог уйти слишком далеко и скрыться в ночи, во-вторых, пуск человеко-торпед представлял собой довольно шумную операцию, которая могла быть зафиксирована неприятелем. К тому же видимость, и так плохая, начала еще больше ухудшаться, и водители кайтен могли вообще ничего не разглядеть в свои примитивные перископы. После команды «Пуск!» к врагу устремились сразу шесть торпед. Три из них прошли за кормой, а остальные, одна за другой, поразили американский корабль.

Не погружаясь, I-58 на полной скорости ушла с места боя. В Куре получили сообщение: «Только что торпедировал и потопил линкор класса «Айдахо». Как впоследствии выяснилось, Хасимото торпедировал тяжелый крейсер «Индианаполис». За три дня до своей гибели он доставил из США на остров Тиниан первую атомную бомбу, сброшенную затем на Хиросиму.

И вот теперь, во время перехода с острова Гуам на Лейте, «Индианаполис» получил мощный удар и затонул через 15 минут. Сразу утонуло около 350 человек. Лишь через три дня прибыли спасатели. За это время погибло еще около 500 человек. Всего из 1196 человек команды погибло 883.

Примечательно в этой истории то, что Хасимото по-

топил «Индианаполис» обычными торпедами. И дело не только в том, что условия атаки не требовали напрасных жертв водителей. Главное в том, что опытный подводник Хасимото хорошо понимал сложности атаки человеко-торпедами и не доверял им. Обычные торпеды прекрасно сделали свое дело. А справились бы с ней водители кайтен — ночью, при плохой видимости, волнении и при высокой скорости цели?

Лодка I-58 и ее капитан Хасимото известны также тем, что провели последнюю атаку человеко-торпедами. Выйдя 10 августа на американские коммуникации возле Окинавы, I-58 атаковала одиночный корабль-эсминец «Джон Хатчинс». Выпустив одну кайтен, Хасимото увидел еще несколько американских кораблей. Он быстро выпустил еще одну человеко-торпеду и ушел с места боя. Первая кайтен выскочила на поверхность, и было видно, что она с трудом пытается достичь американского корабля. Наконец, орудейный снаряд поразил кайтен, и она затонула, не взорвавшись. Тут же миноносец обнаружил приближение еще одной кайтен. Со второй попытки «Хатчинс» потопил и ее.

У Хасимото оставалась последняя кайтен, и он решил во что бы то ни стало использовать ее. 12 августа восточнее Окинавы он обнаружил транспорт-док «Оук Хилл» в сопровождении эсминца «Томас Ф. Никел». Хасимото произвел пуск своей последней человеко-торпеды. Ее водителем был унтер-офицер Хаяси Ёсиаки. «Оук Хилл» заметил кайтен, которая, поднявшись на поверхность, пыталась догнать его. Транспорт начал маневрировать, а кайтен погрузилась. Миноносец уже приготовился бросать глубинные бомбы, когда кайтен проскрежетала по его борту. Оказавшись снова на поверхности, она вдруг взорвалась на расстоянии около двух миль от него.

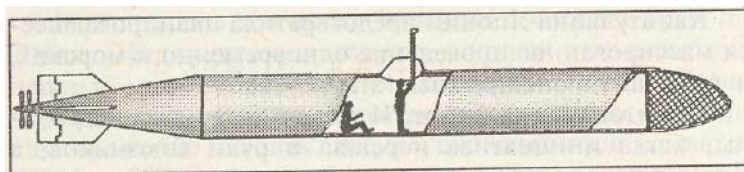
Капитуляция Японии предотвратила планировавшееся массированное проведение одновременно и морских, и воздушных специальных атак.

Подытожим сказанное. Итак, во второй период войны, когда инициатива перешла в руки союзников, а Япония начала терять одну позицию за другой, японское командование стало искать возможность переломить ход

событий. Ограниченные ресурсы все больше и больше усугубляли положение страны в условиях длительной войны. Инициатива ускользала из рук японских стратегов, как вода сквозь пальцы. Чем отчаянней становилась обстановка, тем чаще посещали высшее руководство мысли о чрезвычайных мерах, которые смогли бы спасти страну. В таких условиях была сделана ставка на идею самопожертвования. Надо сказать, что для Японии она не была необычной или случайной. Применительно к человеко-торпедам идея самопожертвования означала, что возможности такого оружия значительно возрастали. Дальность действия, к примеру, увеличивалась в два раза, так как возвращение после атаки не предусматривалось.

Развернув производство кайтен, японцы постоянно совершенствовали это оружие. Было разработано четыре модели человеко-торпед. В боевых действиях применялась лишь первая модель — «кайтен-1». Всего их было построено не более 300 штук. Ее диаметр составлял 1 метр, а водоизмещение — 8,43 тонны. Экипаж из одного водителя обеспечивал наведение торпеды и доставку заряда в 1550 килограмм.

Модели «кайтен-II» и «кайтен-III» серийно не строились. Снабженные экспериментальным двигателем, разработанным с помощью немецких инженеров и работавшим на перекиси водорода и гидразине, они были рассчитаны уже на два человека. Соответственно увеличились габариты этих торпед. Например, диаметр «кайтен-II» составлял 1,4 метра, а у «кайтен-III» — 1,67 метра. Их водоизмещение возросло до 18,6 тонн. Все модели кайтен могли развивать скорость до 40 узлов. Было изготовлено 1600 корпусов торпед «кай-

Человеко-торпеда «Кайтен-II»

тен-II», но они так и не были использованы из-за отсутствия двигателей.

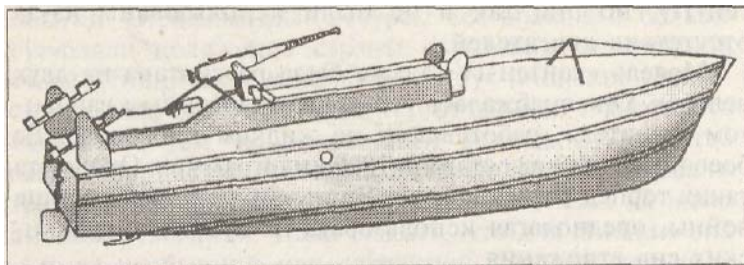
Модель «кайтен-IV» также была рассчитана на двух человек. Она снабжалась усовершенствованным вариантом двигателя, работавшего на жидком кислороде. Ее боевой заряд уже составлял 1800 килограммов. Около ста таких торпед развернули на Японских островах в конце войны, предполагая использовать их против американских сил вторжения.

В истории с человеко-торпедами наиболее волнующими являются описания их боевых действий. Молодые патриоты, искренне верящие в то, что ценою своих жизней смогут изменить ход войны в пользу Японии, шли на верную и, что печальнее всего, бесполезную смерть с прощальным криком «Банзай!». Хасимото прав, утверждая, что «они были не в состоянии отдать больше».

Судьба водителей кайтен, не сумевших по каким-то причинам поразить цель, была поистине ужасна. Кислорода хватало только на один час. Затем они медленно и в муках умирали от удушья, поскольку люк торпеды открывался только снаружи и водитель был лишен возможности это сделать. Впоследствии водителям кайтен для облегчения страданий стали давать яд. Они также могли сами взорвать себя — такой вариант был предусмотрен на случай захвата торпеды врагом. В общей сложности японцы успели использовать 80—88 человеко-торпед из 150, готовых к боевому применению. Цель поразили лишь 8 из них. Итог отчаянных действий кайтен оказался незначительным. Со своей стороны японцы потеряли четыре эскадренные и четыре транспортные подводные лодки с более чем 600 членами экипажа.

СТАВКА НА ВЗРЫВАЮЩИЕСЯ КАТЕРА

В 1943 году стало очевидно, что опора японского командования на одни лишь сверхмощные линкоры и

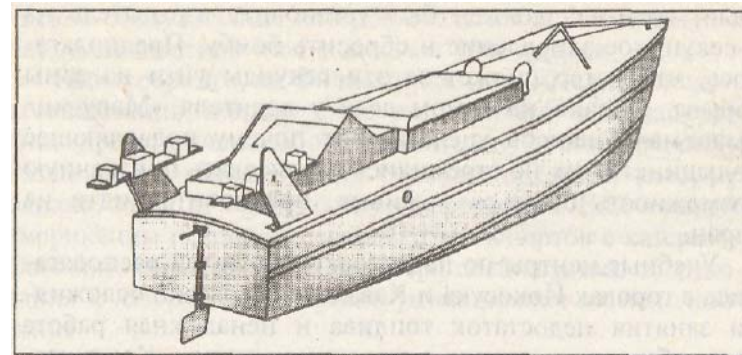

Морской двухместный взрывающийся катер
Тип 5 «Синьё»

другие крупные боевые корабли себя исчерпала. Эффективные действия американских торпедных катеров заставили японцев срочно разрабатывать собственное оружие подобного рода. Однако японские торпедные катера, по замыслу токийских стратегов, должны были стать супероружием. Достаточно дешёвые в производстве и управляемые смертниками, они могли явиться грозной силой, способной переломить ход войны в пользу Японии.

Катерами для самоубийц заинтересовались не только военно-морские силы, но и армия. Ее интерес был вызван тем, что японская авиация оказалась бессильна противостоять десантам США и их союзников. В марте 1944 года Институт военного кораблестроения в Химед-зи (район Кобе) получил задание в кратчайшие сроки создать «специальные катера». Их назвали «Мару-ни» («Грузовой катер»). Подобные работы развернул и Императорский флот, который свои взрывающиеся катера назвал «Синьё» - «Сотрясающий море».

Разработка и постройка катеров развернулась на верфях Иокогамы, Нагасаки, Цуруми, Тойода, а также в оккупированных Сигапуре, Шанхае и Сурабая. И «Синьё» (всех четырех модификаций), и армейские «Мару-ни» изготавливались деревянными прежде всего по причине нехватки металла. На катерах «Синьё» устанавливались автомобильные бензиновые двигатели мощностью 62-67 л/с. «Синьё» тип 5 (командирская модификация) был оснащен двумя автомобильными двигателями общей мощностью 134 л/с. Армейские катера «Мару-ни»

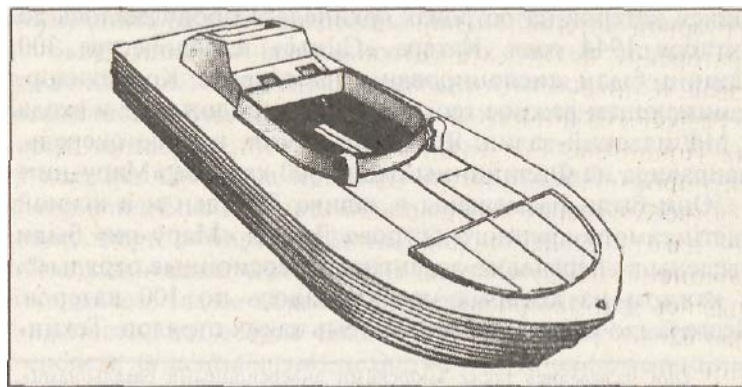

Морской одноместный взрывающийся катер
Тип I «Синьё»

обладали двигателями в 80 л/с. Водоизмещение составляло 1,35—2,15 тонн, а скорость — 20—26 узлов.

«Синьё» оснащались боевым зарядом весом 250 или 300 килограммов, который устанавливался в носовой части катера. Экипажи катеров предусматривались, как правило, из одного водителя, а на «Синьё» тип 5 — из двух моряков.

Армейский катер «Мару-ни» строился одно- и двухместным. На его корме размещалась глубинная бомба весом 200 килограмм. Этот «специальный катер» официально относился к категории взрывающихся. Он предназначался для ночных атак стоящих на якорю десантных кораблей противника. Выйдя на большой скорости к

Армейский взрывающийся катер «Мару-ни»

цели, водитель должен был установить взрыватель на 4-секундное замедление и сбросить бомбу. Предполагалось, что катер сможет за эти секунды уйти из зоны взрыва. Однако на самом деле у водителя «Мару-ни» было мало шансов уцелеть. Вот почему подавляющее большинство их не стремились реализовать призрачную возможность остаться в живых, предпочитая идти на таран.

Учебные центры по подготовке водителей располагались в городах Йокосука и Кавадене. Серьезно осложняли занятия недостаток топлива и ненадежная работа автомобильных моторов в морских условиях. Критическое положение на фронте привело к тому, что необходимые три месяца для тренировки водителей и механиков не были выдержаны: летом 1944 года первым подразделениям было приказано совмещать обучение и подготовку к боевым действиям непосредственно в районе развертывания.

Основным боевым формированием являлся дивизион, состоявший из 40—50 катеров. В начале сентября 1944 года пять дивизионов катеров «Синьё» были направлены для защиты островов архипелага Бонин, семь — на Филиппины.

В истории боевого применения японских взрывающихся катеров Филиппины занимают особое место. Именно здесь они получили боевое крещение. Развертывание армейских и флотских дивизионов взрывающихся катеров на островах архипелага продолжалось до октября 1944 года. Катера «Синьё» в количестве 300 единиц были дислоцированы на острове Коррехидор, занимающем важное географическое положение у входа в Манильский залив. Японская армия, в свою очередь, направила на Филиппины около 800 катеров «Мару-ни».

Они были размещены в заливе Лингаен и в южной части самого крупного острова Лусон. «Мару-ни» были сведены в «передовые десантно-диверсионные отряды»*, в каждом из которых насчитывалось по 100 катеров. Всего было сформировано восемь таких отрядов. Техни-

* Они назывались также «морскими диверсионными батальонами», «морскими десантно-диверсионными отрядами» и т. д. — *Прим. авт.*

ческое обслуживание катеров возлагалось на отдельный батальон штатной численностью 900 человек.

Таким образом, на Филиппинах, по замыслу японского командования, должно было разместиться 1100 катеров. Они представляли собой внушительную силу. Японцы возлагали на новое оружие большие надежды, которые, однако, так и не суждено было реализовать. Еще в дороге американцы потопили несколько транспортов с катерами. Особенно серьезными были потери специального оборудования к катерам, значительно усложнившие их использование.

В местах дислокации наибольшую опасность представляли воздушные атаки. Надежно укрытые и замаскированные, катера становились легкой добычей американской авиации во время тренировок японских водителей. Свою лепту вносила непогода: около десятка катеров было потеряно во время тайфуна.

Неудовлетворительное обеспечение, болезни, низкое качество техники, противодействие противника — все это отрицательно сказалось на качестве подготовки водителей. Оно было крайне низким и компенсировалось присущим японцам высоким боевым духом и желанием умереть во имя императора. Но этот боевой дух лишь дезориентировал командование, позволяя ему выдавать желаемое за действительное. На самом деле боевая часть катеров была ненадежной и конструктивно недоработанной. И если с этим и можно было как-то бороться, то улучшить работу ненадежных автомобильных моторов не было никакой возможности. Их частые поломки, склонность к возгораниям, а также спешка, с которой готовились к боевым действиям катера и их экипажи, часто приводили к гибели людей и техники. Так, 23 декабря 1944 года при запуске по тревоге загорелся мотор одного из катеров. Огонь мгновенно охватил стоявшие борт о борт машины. Последовавшие взрывы почти полностью уничтожили дивизион № 9 вместе с экипажами. Таким образом, пренебрежение мерами безопасности, отсутствие квалифицированных механиков и средств тушения огня, нехватка опыта эксплуатации, вождения и боевого применения самым негативным

образом сказались на ходе боевых действий с использованием японцами своих взрывающихся катеров.

9 января 1945 года американские войска начали высадку в заливе Лингаен на острове Лусон. Они быстро захватили плацдарм и закрепились на берегу, ожидая на следующий день подхода основных сил.

В пяти милях северо-западнее американского плацдарма располагалась база катеров «Мару-ни» 11-го и 12-го «морских десантно-дивизионных отрядов» общей численностью около 90 единиц.

Под покровом темноты 10 января, в три часа ночи, отряд японских катеров с приглушенными моторами подошел к американской якорной стоянке.

На борту многих отправившихся в бой катеров, помимо штатных водителей, находилось по несколько добровольцев из числа обслуживающего персонала. Вооруженные винтовками, гранатами и бутылками с горючей жидкостью, они горели желанием погибнуть со славой. Следует отметить, что и «Мару-ни», и «Синьё» не имели приспособлений для жесткой установки руля. А это значит, что водители катеров, будучи на боевом курсе, не могли их покинуть. Отказываясь от таких приспособлений, водители руководствовались собственными понятиями храбрости и чести.

Первым было атаковано десантное судно LST-925. Три катера на скорости 20 узлов прошли вдоль бортов корабля, сбросили глубинные бомбы с задержкой в 4 секунды у самых его уязвимых частей (например, в районе винтов) и вернулись на базу.

Большая же часть «Мару-ни» шла на таран. Пик атаки пришелся на период с 4-00 до 5-00 часов. Корабли американцев и их союзников оказались в стесненных условиях. Их маневрирование было затруднено, и в результате два транспорта и десантное судно сели на мель. Усугубляла общую неразбериху и суматоху паника: мерещились боевые пловцы, сверхмалые подводные лодки... Такие опасения имели под собой почву — к этому времени союзники уже в достаточной мере испытали на себе действия летчиков-смертников, вселявших в американских моряков какой-то мистический ужас. Именно

на Филиппинах американцы столкнулись в боевой обстановке сразу и с камикадзе, и с взрывающимися катерами. Между тем роль боевых пловцов-самоубийц выполняли японские водители катеров. Неизвестно, какой ущерб они сумели нанести американцам, но то, что бросали гранаты в корабли союзников, яростно сопротивлялись и демонстративно отказывались от спасения, даже будучи в воде, — подтверждается многими очевидцами.

Результаты первого боя «Мару-ни» едва ли можно назвать успешными. Таранными ударами катеров были потоплены три переоборудованные в корабли огневой поддержки десантные баржи типа «LCI», три десантных судна и один транспорт были серьезно повреждены, семь — получили незначительные повреждения. Также пострадал эсминец «Робинсон», поразив у себя под бортом «Мару-ни». В то же время было уничтожено около половины всех катеров, участвующих в операции, — четыре с половиной десятка.

Первое боевое применение японцами взрывающихся катеров настолько напугало командование американского флота, что оно срочно перебросило с юга Филиппин несколько флотилий торпедных катеров и приняло дополнительные меры по защите десантных судов.

Американцы развернули активный поиск баз японских катеров. Используя радиоперехват, авиационную и иные виды разведывательной информации, они сумели воздушными ударами и артиллерийским огнем уничтожить многие из них и полностью завладели инициативой.

Японцы, за исключением нескольких массированных атак, в основном вынуждены были проводить рейды небольшими группами катеров. Технически несовершенные, они могли использоваться лишь в прибрежных водах. Их тщательно прятали у берега или на специальных тележках укрывали на побережье. Эффективность действий взрывающихся катеров во многом зависела от их технических характеристик. Последние по многим показателям были неудовлетворительными. Например, явно недостаточная скорость сводила на «нет» эффект

внезапных атак на американские корабли, которые имели достаточно времени на организацию плотного заградительного огня на пути катеров.

В ночь на 1 февраля около 20 катеров «Синьё» приняли атаку американских десантных судов в Насугбу, что в Южном Лусоне. Как и прежде, удача им не сопутствовала: таранным ударом был потоплен лишь катер-охотник РС—1129. Американские транспортные и десантные суда не пострадали. Однако американцы по ошибке потопили два собственных десантных катера. «Синьё» понесли тяжелые потери и были почти полностью уничтожены.

Ночью 10—11 февраля несколько «Синьё» предприняли очередную атаку, пытаясь помешать американским судам обстреливать остров Коррехидор, расположенный на пути в Манильскую бухту. Однако и они были полностью уничтожены.

Последнюю попытку атаковать американский десант на Филиппинах «Синьё» осуществили 15 февраля. Базировавшимися на острове Коррехидор катерами командовал капитан-лейтенант Оямада. Около 50 катеров выкатили на тележках из укрытий, и они устремились в атаку. «Сотрясатели моря» были встречены огнем переоборудованных в корабли огневой поддержки десантных барж типа «LCI».

Артиллеристы «LCI-27» потопили 6 «Синьё». Лишь седьмой катер сумел прорваться сквозь огонь и тяжело повредил баржу. В этой отчаянной схватке американцы потеряли также баржи «LCI-7», «LCI-26», «LCI-49».

Однако на базу не вернулся ни один японский катер. Оставшийся в живых технический персонал сражался вместе с защитниками острова и погиб в боях.

Бесславно закончилась попытка японцев использовать взрывающиеся катера «Синьё» при защите острова Иводзима. Два их дивизиона были переброшены на остров и тщательно укрыты как раз накануне высадки десанта США. Американцы в поисках оптимальной тактики по овладению сильно укрепленными островами подвергли Иводзиму невиданному до сих пор авиационному и артиллерийскому обстрелу. Японский гарнизон,

укрывшись в пещерах, пострадал не сильно, но взрывающиеся катера были почти полностью уничтожены.

Остров Окинава для японцев имел жизненно важное значение. Вот почему сражение за него было упорным и жестоким. Взрывающимися катерами «Синьё» в количестве двух дивизионов, а также эскадрой сверхмалых лодок (7 единиц) командовал контр-адмирал Ота Минору.

22-й дивизион «Синьё» с 45 катерами размещался возле Тинена на юго-востоке Окинавы. Неожиданный налет американской авиации уничтожил несколько катеров. Погибло 15 водителей.

42-му дивизиону пришлось еще хуже. На его базу в Ионабу (на юго-востоке Окинавы) было доставлено всего 17 катеров.

Подготовилась к встрече американцев и армия. Она развернула в районе Окинавы 8 «морских десантно-диверсионных отрядов» общей численностью около 720 катеров. Около 300 из них были размещены на маленьких островках Керама, расположенных в 27 километрах от Окинавы. Остальные базировались в южной части острова, там, где, по предположению японцев, противник предпримет высадку десанта.

26 апреля американцы в целях создания передовой базы высадились на островах Керама. К счастью для них, большинство водителей катеров во главе с капитаном Оматти участвовали в учениях на Окинаве. Десяток катеров, вышедших в море навстречу американцам, не смог им помешать. Таким образом, почти все соединение армейских взрывающихся катеров оказалось в руках американцев. Часть из них японцы успели взорвать сами. В общей сложности уцелело лишь десять катеров. Они предприняли четыре попытки атаковать американские корабли, но были уничтожены. Всего на островах Керама американцы захватили и уничтожили около 350 «Мару-ни».

Помимо уничтожения значительной части японских взрывающихся катеров, американцы захватили карты с информацией об их размещении на Окинаве, а также важные документы, раскрывающие тактику их боевого применения.

25-31 марта американцы подвергли Окинаву интенсивному обстрелу корабельной артиллерией и мощным воздушным бомбардировкам. В результате взрывающиеся катера понесли тяжелые потери. Особенно пострадал самый боеспособный 22-й дивизион «Синьё». 15 катеров были потоплены американской авиацией, которая, к тому же, выследила их базу в Тинене. После мощного воздушного удара к 1 апреля - началу высадки американского десанта — в двух дивизионах на Окинаве осталось всего около 20 боеспособных «Синьё».

Катерам «Мару-ни» повезло больше, хотя и они несли от бомбардировок значительные потери. Тем не менее боевой дух японских водителей-смертников был очень высок. В ночь на 1 апреля навстречу американским десантным судам вышло около 50 катеров «Мару-ни». Они были обнаружены и обстреляны. Однако сквозь плотный заградительный огонь удалось прорваться примерно трети катеров. В результате десантный корабль «LSM-12» получил тяжелейшие повреждения и выбросился на берег.

Успешными оказались и действия немногочисленных катеров «Синьё». 22-й дивизион располагал 14 уцелевшими катерами, однако на воду смог спустить всего 4, так как тележки остальных были уничтожены воздушными налетами. Получив приказ адмирала Ота идти в атаку, в ночь на 4 апреля 4 катера, на каждом из которых заняли места по несколько человек, вышли на поиск врага. Вскоре они заметили две переоборудованные в корабли огневой поддержки десантные баржи типа «LCI» и разделились на пары. Одна пара не смогла поразить свою цель. Зато катер из другой пары, управляемый унтер-офицерами Исикавой и Судзуки, таранным ударом потопил «LCI-82». При этом погибло 8 и было ранено 11 американских моряков.

Неясной оказалась судьба двух последних катеров 42-го дивизиона. Командир лейтенант Имото повел их в последний бой, и больше ни одна из воюющих сторон их не видела.

Взрывающиеся катера Императорского флота, таким образом, были, почти полностью уничтожены и больше

участия в боевых действиях не принимали. Попытка японцев переправить на Окинаву несколько дополнительных дивизионов «Синьё» с Формозы, Исигаки-Сима и Амами-О-Сима окончилась провалом: по пути транспорты были перехвачены и уничтожены американцами.

Что касается армейских взрывающихся катеров, то они продолжали свои атаки в течение всего апреля. В ночь на 9 апреля группа катеров «Мару-ни» с базы в Нахе на юго-восточном побережье острова Окинава предприняла массированную атаку транспортов противника. Один из катеров удачно взорвал глубинную бомбу у правого борта эсминца «Чарльз Дж. Бедгер». Хотя жертв не было и эсминец удержался на плаву, его повреждения оказались настолько сильными, что в боевых действиях участия он больше не принимал.

Другой «Мару-ни» пошел на таран грузового судна «Старр», однако поразил стоявший у его борта средний десантный корабль «LSM-89». В результате оба судна получили легкие повреждения, также как и пострадавший от огня своих же кораблей эсминец «Портерфилд».

Японские катера вышли в море, имея каждый на борту по несколько человек. Многие водители не имели катеров и горели желанием умереть в бою. Вооруженные винтовками, пулеметами и гранатами, они понимали, что обречены на смерть, но не могли оставаться в роли наблюдателей в то время, как их товарищи пытались остановить противника ценою собственных жизней.

Уничтожив большинство катеров, американцы затем вынуждены были расстреливать японцев, плавающих в воде и пытавшихся бросать в корабли гранаты.

Во второй половине апреля «Мару-ни» предпринимали лишь одиночные атаки. Японцам удалось таранным ударом уничтожить десантное судно «LCS-37», тяжело повредить тральщик и вывести из строя эсминец «Хатчинс». При этом было ранено 18 американских моряков.

Наконец 3 мая японцы провели последнюю на Окинаве массированную атаку. Они серьезно повредили транспорт «Карина». Это был последний успех японских

взрывающихся катеров, за который они заплатили гибелью 15 «Мару-ни».

Так закончилось боевое применение армейских катеров, официально не предназначавшихся для ведения самоубийственных атак, но фактически их выполнявших. Неудовлетворительное снабжение и техническое состояние катеров, слабая подготовка водителей, уничтожение их баз -- все это свело на «нет» грозное, по мысли японского командования, оружие. Как флотские, так и армейские взрывающиеся катера не оказали существенного влияния на ход военных действий. Они не сумели воспрепятствовать действиям флота противника, и тысячи жизней молодых японцев, погибших страшной смертью, по существу, ничего не решили: через три месяца Япония вынуждена была капитулировать. Отвага, самопожертвование, готовность выполнить свой долг — все это оказалось бессильным перед мощью союзников, вынужденных вести бескомпромиссную борьбу с японским милитаризмом.

10 июня адмирал Ота, штабные офицеры и около 200 моряков совершили ритуальное самоубийство. Так закончилась еще одна страница деятельности морских тейсинтай — взрывающихся катеров. Уже после капитуляции Японии на одной из баз на юге Сикоку сильный пожар вызвал взрывы боеголовок на нескольких катерах «Синьё» и гибель 111 человек.

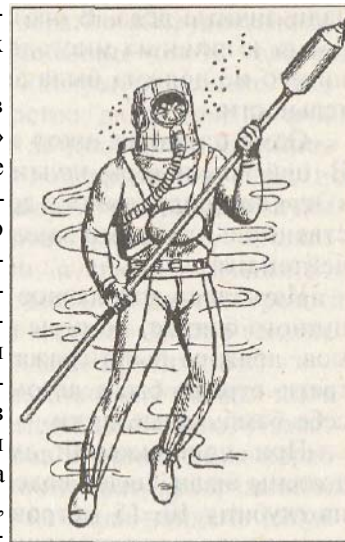
ФУКУРЮ - БОЕВЫЕ ПЛОВЦЫ-СМЕРТНИКИ

Эти подразделения морских смертников, пожалуй, наименее известны*. Вероятно, потому, что их боевые победы не столь очевидны, как в случае с другими категориями самоубийц, а во-вторых, для их оснащения

* Все содержащиеся в различных российских изданиях сведения о них взяты из книги «Подводные диверсанты» бельгийского историка В. Бру, переведенной на русский язык в 1959 году. - *Прим. авт.*

не требовалось дорогостоящих машин или управляемых аппаратов.

Отряды боевых пловцов получили название «Фукурю» («Драконы счастья»). В начале 1945 года японское командование приступило к созданию специальных групп водолазов-смертников. Их задача состояла в осуществлении подводной разведки и проведении диверсий. Снаряжение подводных смертников состояло из дыхательного аппарата с двумя баллонами сжатого кислорода по 3,5 литра в каждом, специального водонепроницаемого костюма и ласт. Аппарат с замкнутой циркуляцией

Японский боевой
пловец-смертник фукурю

воздуха обеспечивал скрытное передвижение, так как использованный воздух не выделялся в воду в виде пузырьков. Снаряжение позволяло тренированному пловцу опускаться на глубину до 60 метров и двигаться со скоростью 2 км/ч, находясь под водой до 8 часов.

Японское командование планировало к осени 1945 года довести количество таких пловцов до шести тысяч. С этой целью в Каватана и Йокосуке были организованы специальные школы, в которые из различных родов войск набирали добровольцев-смертников. Отбор в них проводили следующим образом: выстраивали военнослужащих какой-либо части и объявляли, что война очень тяжелая, что ее ход сможет переломить лишь новое оружие, и что они должны первыми, освоив его, применить в бою - пусть желающие подадут заявление о зачислении в отряд смертников. Заявление состояло из одного слова — «желаю» или «не желаю».

Как правило, соглашались все, так как горели желанием попасть в бой и умереть за родину.

Отобранных подвергали медицинскому осмотру, изу-

чали личные дела. В школу зачисляли совершенно здоровых и лишь из многодетных семей. Семья смертника ничего не должна была знать о его выборе и роде деятельности.

Одна из таких школ находилась на острове Кюсю. В ней числилось почти тысяча человек. Руководил «Отрядом спрятанного дракона» полковник, непосредственно с пловцами занятия вели лейтенант и старший лейтенант.

Изучалось водолазное оборудование и приемы сухопутного боя: те, кому не хватило бы водолазных костюмов, должны были сражаться на суше. Для этой цели у трети отряда были автоматы, а остальные смастерили себе бамбуковые пики.

При приближении американского десанта пловцы должны были, надев водолазные костюмы, войти в воду на глубину 10—15 метров и ждать в местах возможной высадки подхода десантных барж. Они вооружались самодельными импровизированными взрывными устройствами, представлявшими собой длинный бамбуковый шест с прикрепленной на конце миной весом 10 килограммов, а также надутым свиным пузырем, обеспечивавшим плавучесть тяжелого заряда во время его транспортировки к взрываемому объекту. Приблизившись к вражескому кораблю, смертник протыкал ножом пузырь, нырял под днище корабля и с силой ударял взрывателем по обшивке корпуса. В результате взрыва образовывалась пробоина в подводной части корабля. Неизбежно погибал сам водолаз, а также все, находящиеся рядом с ним: ведь пловцы должны были располагаться под водой цепью на расстоянии пяти метров друг от друга. К сентябрю 1945 года японцы успели подготовить 1200 водолазов-самоубийц. Кроме того, около трех тысяч проходили обучение. Большинство из них не имело мин, гидрокостюмов и дыхательных аппаратов.

Отряды «фукурю» составили основу при организации особой системы обороны при входах в крупные японские порты. Например, опасаясь внезапных атак подводных лодок и американских боевых пловцов в Токийской бухте, японцы затопили в определенных местах три тор-

говых судна. Внутри них были заранее оборудованы водонепроницаемые кабины, вмещающие 40—50 человек. Забравшись через специальные камеры, несколько человек постоянно несли там дежурство, следя при помощи гидролокаторов и микрофонов за подводной обстановкой у входа в бухту. Пловцы поддерживали связь по телефону с расположенным на берегу командным пунктом. На каждой из подводных позиций были установлены по три торпедных аппарата, а также размещались запасы продовольствия на 10 дней. В случае тревоги около сорока боевых пловцов с минами быстро занимали места в такой кабине и ожидали противника.

Оценить эффективность атак японских боевых пловцов-смертников не представляется возможным. Известны факты необъяснимых взрывов американских кораблей во время операций в районе островов, занятых японцами. Во время войны им не было найдено разумного объяснения. После окончания боевых действий американские исследователи выдвинули предположение, что эти взрывы вполне могли быть результатом деятельности боевых пловцов.

ГЛАВА IV

ОСТРОВА СМЕРТИ, ИЛИ ПОСЛЕДНИЕ «БАНЗАЙ!»

БЛИЦКРИГ ПО-ЯПОНСКИ

В Англии отлично понимали роль и значение Малаккского пролива как важнейшего морского пути между Тихим и Индийским океанами. В течение двадцати лет англичане укрепляли крепость Сингапур, контролировавшую пролив. Они были убеждены, что с моря Сингапур неприступен, а с суши ему вообще ничто не угрожает, так как на многие сотни километров к северу тянулись сплошные джунгли.

Поздно вечером 7 декабря 1941 года у малайского побережья на северо-востоке страны бросили якорь два японских транспорта. Здесь, в Кота Бару, находилась важная военная база английской армии и основной аэродром северной части страны.

Уже в сумерках на борту транспортного судна «Авагисан мару» выстроились пятьдесят японских солдат в полном боевом снаряжении. Что было необычным — так это белые хатимаки на лбу у каждого из них. Все они принадлежали к 56-му пехотному полку. Речь их командира не была длинной. Он напомнил о славном боевом пути японской армии, о величии Японии, которая ждет новых побед от своих солдат. Он пообещал повисить каждого погибшего на один чин, а его имя навечно внести в почетный список полка.

Идейная основа японской армии — кодекс бусидо — воспитывал рядовых и офицеров в духе сознательного и беспрекословного принесения "себя в жертву ради интересов воинского начальника.

Во время войны на Тихом океане японские милитаристские круги пошли еще дальше. Из солдат, приученных уже заранее считать себя смертниками и намеренно

ищущих гибели в бою, для достижения тех или иных боевых задач стали формировать специальные подразделения, а выполняемое ими массовое самоубийство, при котором тело солдат разрывалось взрывами на части, получило название «*тай-атару*». Подобное самоубийство — не просто физическое воздействие на противника. Это сочетание как физического, так и психологического удара по врагу, своего рода психическая атака, ошеломляющая и деморализующая противника невиданным самопожертвованием, демонстрацией презрения к смерти.

Психическая атака являлась широко распространенным средством достижения победы в XIX веке. С появлением пулеметов и другого автоматического оружия она превратилась в анахронизм и исчезла из тактического арсенала европейских армий. Иначе обстояло дело в Императорской армии Японии, где к технической отсталости добавилось традиционное увлечение психологическими аспектами военного дела, своеобразно переплетенное с воззрениями бусидо о смерти как о венце жизни.

Итак, пятидесяти солдатам, построенным на палубе «Авагисан мару», была поставлена задача умереть в бою, обеспечив успешную высадку всего японского десанта.

Командир приподнял чашечку с саке: - Идите и умрите в бою! — последовала его команда.

Началась высадка десанта. Японцы приступили к ней на час раньше, чем далеко на востоке, в просторах Тихого океана, морская авиация нанесла удар по Пёрл-Харбору.

По японским десантным судам открыла огонь артиллерия. С аэродрома Кота Бару поднялись самолеты и потопили «Авагисан мару» и «Аятосан мару». А в это время японский десант в спасательных жилетах уже плыл к берегу. Первыми вперед, прямо на минные поля, бросились солдаты с белеющими на лбу повязками. Они должны были своими телами проложить в них проходы. То тут, то там раздавались взрывы, но место погибшего смертника тут же занимал его товарищ и бежал дальше, пока новый взрыв не разрывал самоубийцу в клочья.

Оборонявшиеся индийские солдаты с ужасом наблюдали, как с молниеносной быстротой оказались разминированными минные поля, через которые, не задерживаясь ни на минуту, устремились в мокрых мундирах японские пехотинцы.

Впереди по-прежнему можно было видеть значительно поредевших смертников в белых повязках. Они закрывали своими телами амбразуры, взрывали вражеские огневые точки гранатами.

Взяв первую линию укреплений, японцы не задумываясь бросились ко второй. К четырем часам дня 8 декабря 1941 года японские войска достигли аэродрома Кота Бару. Он сразу же был приведен ими в порядок для приема собственных самолетов.

На следующий день командующий 25-й армией, осуществившей вторжение в Малайю, генерал Ямасита Томоюки получил сводку о потерях. В 56-м пехотном полку погибло 320 и получило ранения 538 солдат. Но боевая задача была выполнена: захвачен плацдарм для быстрого продвижения в южном направлении к Сингапуру — оплоту английского владычества на Дальнем Востоке.

Ночью 8 декабря на квартире губернатора Сингапура Томаса Шентона зазвонил телефон. Командующий британскими войсками в Малайе и Сингапуре генерал-лейтенант Артур Персиваль доложил о высадке японского десанта в Кота Бару.

— Сбросьте этих обезьян в море, — порекомендовал губернатор. Англичане были невысокого мнения о японской армии. Но прошло всего 54 дня, и японские войска, преодолев 800 километров джунглей, захватили Малайю и оказались у сильнейшей в мире морской крепости.

Генерал Персиваль имел в своем распоряжении около 100 тысяч солдат — в три раза больше, чем у японцев. Но Ямаситу это не смущало. Он блефовал, как заядлый игрок в истинно японскую игру го, смысл которой — захватить максимально большую территорию в кратчайший срок.

Английское командование оказалось деморализован-

ным. Умный, но осторожный и нерешительный Персиваль потерял контроль над войсками. Солдаты презрительно прозвали его «заяц»,

В ночь на 9 февраля японцы приступили к штурму Сингапура. Через шесть дней крепость перешла в руки 30-тысячной японской армии. Репутация английских вооруженных сил оказалась подорванной. Произошла, по словам У. Черчилля, «самая гибельная, самая крупная капитуляция за всю английскую историю». Премьер-министр был изумлен, узнав, что Сингапур не имел оборонительных сооружений со стороны суши. Такая глупость, по его словам, не укладывалась в голове и напоминала строительство линкора без днища.

Взошла звезда генерала Ямасита. Бывший японский военный атташе в Берне, он хорошо знал немецкий язык и был сторонником стратегии «молниеносной» войны. Честолюбивый, безжалостный и жестокий, он после кампании в Малайе стал национальным героем, уравнившись славой с адмиралом Ямамото. «Тигр Малайи» — такое прозвище он получил за свою блестящую победу, хотя сам предпочитал называть себя «Великий кедр». Суровый по натуре, он обладал не по-японски мощным телосложением и высоким ростом. Однако в полной мере насладиться славой Ямасита так и не смог. Ему стали прочить пост военного министра. Премьер-министр Тодзио, ревниво относившийся к его славе, отправил своего потенциального соперника командовать 1-й группой армий в Манчжурию и запретил ему появляться в Токио*.

И американцы, и англичане пребывали в уверенности, что к декабрю 1941 года Япония глубоко увязла в продолжавшихся уже четыре года боевых действиях на обширных просторах Китая, и на войну с другими государствами у нее нет сил.

Это был серьезный просчет западных аналитиков.

* После отставки Тодзио опытный генерал был назначен оборонять Филиппины. Имея в распоряжении 250 тысяч слабо подготовленных и вооруженных солдат, при полном господстве и воздухе американской авиации, он сражался до капитуляции Японии. Был осужден как военный преступник и повешен 23 февраля 1946 года. — *Прим. авт.*

8 декабря, одновременно с высадкой в Малайе, расположенная в Индокитае 15-я японская армия перешла границу Таиланда, правительство которого 21 декабря заключило союз с Японией,

Начав в декабре 1941 года операцию по захвату Индонезии, японские войска в феврале 1942 года оккупировали острова Борнео, Цейлон, Бали, Суматру, сломив слабое сопротивление голландских войск.

В январе 1942 года японские вооруженные силы захватили западную и центральную часть острова Новая Гвинея, острова Гилберта, остров Новую Британию, большую часть Соломоновых и ряд других островов.

Метабазы японской агрессии распространялись на все новые территории. 10 марта 1942 года Япония заняла остров Яву. Оккупация Голландской Индии дала в руки империи огромные запасы стратегического сырья. 6 мая 1942 года капитулировали блокированные на полуострове Батаан и в крепости Коррехидор американские войска.

Мир трепетал перед японским натиском. Казалось, что победному шествию японских солдат не будет конца.

7—8 мая в Коралловом море произошло крупное морское сражение. Потеряв авианосец и крейсер, японцы отступили. Они перенесли направление удара, решив захватить Мидуэй. Грандиозное морское сражение у безвестного атолла закончилось поражением Японии. В конце июля 1942 года она перешла к обороне на линии Алеутские острова, Уэйк, Маршалловы, Гилберта, Соломоновы, Новая Гвинея, Тимор, Ява, Суматра, Никобарские и Андаманские острова.

К середине 1942 года Япония контролировала огромную территорию в 9801 тысячу квадратных километров. Население Восточной и Юго-Восточной Азии на оккупированной японскими войсками территории составляло летом 1942 года около 400 миллионов человек.

КРОВЬ И КОРАЛЛЫ

Победив у Мидуэя, американское командование поверило в свои силы и решило перейти к освобождению захваченных Японией тихоокеанских островов. 7 августа 1942 года несколько батальонов морской пехоты высадились на остров Гуадалканал — «развилку на дороге, которая приведет к чьей-то победе». Японцы захватили его еще в мае и сразу же приступили к строительству аэродрома. Американцы быстро очистили Гуадалканал от врага, но радость их оказалась недолгой. Бесконечные дожди, грязь, болезни, нехватка продовольствия — все это значительно осложнило жизнь морских пехотинцев.

18 августа на острове высадился японский пехотный полк под командованием полковника Итики Киуно, того самого, который в 1937 году руководил войсками во время так называемого инцидента на мосту Марко Поло. Теперь, через шесть лет, Итики должен был возглавить высадку двух тысяч японских солдат на атолл Мидуэй. Полковник считался видным тактиком, сторонником эффективных массированных ночных атак.

На этот раз его подвела самоуверенность. Итики считал, что американская морская пехота плохо подготовлена и не способна выдержать вражеское наступление на узком участке фронта.

Через три дня после высадки он повел своих солдат в ночную атаку. Морская пехота оказалась застигнутой врасплох. Японцы сумели бесшумно приблизиться к американским позициям, однако встретили неожиданное препятствие — колючую проволоку. Это и помогло американцам в критический момент боя. Пока морские пехотинцы дрались врукопашную с отдельными японскими солдатами, сумевшими преодолеть проволочное ограждение, их артиллерия открыла убийственный огонь по основной массе войск противника.

К рассвету японцы были разгромлены. По одним данным, Итики сжег знамя и совершил сеппуку. По другим, он погиб еще в начале боя. Какой бы ни была

его судьба, эта одна из первых «банзай-атак»* закончилась сокрушительным провалом: в течение нескольких часов погибло восемь сотен японских солдат. Под утро американцы могли наблюдать во всей своей трагичности картину массового самоубийства солдат противника. Многие раненые японцы шли к американским позициям, держа на голове гранаты. Взять их в плен не было никакой возможности: они взрывали себя при любой попытке пленения.

Для американских морских пехотинцев сражение на реке Тенару (под таким названием оно вошло в историю) стало великолепным дебютом, которым они заслуженно гордились.

Японская же сторона получила убедительное доказательство того, что каким бы ни был морально-боевой дух японского солдата, он бессилен против огневой мощи.

И США, и Япония продолжали наращивать на острове свои силы. В ноябре 1942 года 30 тысячам японцев противостояли 35 тысяч американцев. Подвоз снаряжения и подкреплений для японских войск был затруднен — солдаты голодали, испытывали тяжелые лишения, умирали от болезней. Однако никто из них не жаловался, и никому не приходила в голову мысль о сдаче в плен. Истощенные войска потеряли боеспособность, и в начале февраля в течение нескольких ночей с острова было вывезено свыше 10 тысяч японских солдат.

За шесть месяцев Япония потеряла на Гуадалканале убитыми и умершими от болезней 20,8 тысячи человек. Потери США составили 1600 человек убитыми.

8 февраля американское командование объявило об окончании военных действий на Гуадалканале. Победа означала конец японской агрессии на Тихом океане; она развеяла миф о непобедимости Императорской армии. Поражение Японии ознаменовало начало американского наступления, которое с тех пор стало вестись в нарастающих масштабах.

11 мая 1943 года американские амфибийные силы

* «Банзай-атаки» — так американцы называли японские самоубийственные атаки. Сами японцы никогда не пользовались этим термином, называя самоубийственные атаки «тай-атару». — *Прим. авт.*

высадились в заливе Чичагова маленького скалистого островка Атту (Алеутские острова). Сломив слабое сопротивление японцев, войска повели наступление по двум направлениям — на север и на юг. Японские войска укрепились на высотах, господствовавших над заливом, с которых наносили чувствительные удары по американцам. В течение двух недель 11 тысяч морских пехотинцев США пытались выбить японцев с их позиций. Корабельная артиллерия без устали обстреливала противника огнём главного калибра. Авиация подвергала укрепления штурмовым ударам. Плотная блокада исключала всякую возможность доставки японцам подкреплений.

Но они держались, несмотря ни на что. 28 мая полковник, командующий гарнизоном, пришел к выводу, что поражение неизбежно. Продовольствие уже давно закончилось, боеприпасы были на исходе. Первоначальные силы в количестве 2600 человек сократились до 1000. Поздно вечером он собрал подчиненных, описал тяжелую ситуацию, в которую они попали, и предложил предпринять самоубийственную атаку с тем, чтобы убить как можно больше вражеских солдат. Полковник напомнил о рукопашном сражении, которое пользовалось особым почетом у «древних самураев», и приказал «погибнуть славной смертью».

Солдаты все, как один, ответили, что готовы умереть за вечную Японию. После совещания больных и раненых, не способных принять участие в последней атаке, убили. Некоторым ввели смертельную инъекцию, других застрелили в затылок.

Ночью японцы тихо спустились вниз. Оружия не хватало. Многие были вооружены лишь ножами и штыками. Они смогли бесшумно снять посты охранения, а затем сгруппировались и перед рассветом с громким криком напали на спящих американцев. Многие морские пехотинцы были застигнуты врасплох и убиты в спальных мешках. Началось страшное побоище. Японцы наносили удары сразу по нескольким направлениям, оставляя после себя красные от крови, смятые и порезанные палатки. Выскакивающие в панике американские солдаты тут же падали под ударами японских шты-

ков и мечей. Ворвавшись в находившийся неподалеку полевой госпиталь, японцы прикончили всех, кто в нем находился, — врачей, санитаров, раненых.

С восходом солнца американские солдаты сумели прийти в себя и организовали успешную контратаку. Уцелевшие от огня японцы, оказавшись в кольце американских войск, стали совершать самоубийства. Кто-то вскрыл себе вены, кто-то взорвал себя гранатой. В плен попала лишь горстка раненых. Японский гарнизон перестал существовать. Внезапная атака стоила американцам около 600 убитых и 1200 раненых.

К середине 1943 года штаб командующего военноморскими силами США в зоне Тихого океана Ч. Нимица предложил продвигаться к Японии через острова Гилберта, Маршалловы, Каролинские, Марианские, Бонин. При этом предполагалось занимать лишь ключевые из них — те, которые пригодны для сооружения аэродромов. Конечной целью являлись Филиппины.

К освобождению островов Гилберта американцы приступили в ноябре этого же года. Три коралловых острова — Бетио, Макин и Тарава — были японцами укреплены и подготовлены к сражению. Гарнизон Бетио состоял из 3-х тысяч, Таравы — 5-ти тысяч солдат, а на острове Макин находилось всего 800 человек. После мощных артиллерийских обстрелов морская пехота приступила к высадке десантов. Три дня продолжались напряженные бои на Бетио. В плен было взято 17 японцев. На острове Макин 6500 морских пехотинцев двое суток сражались с японским гарнизоном, стоявшим насмерть. Три дня не стихало сражение на острове Тарава. 5 тысяч морских пехотинцев США встретили здесь особенно яростный отпор японских войск во главе с Сибасаки Кейдзи.

Десантные суда застревали на коралловых рифах и становились удобными неподвижными целями для японской артиллерии. По крайней мере двадцать кораблей оказались в западне, безжалостно расстреливаемые артиллерийским огнем. Особенно ужасными были выстрелы одного тяжелого орудия. Несколько раз его снаряды точно ложились в десантные суда, которые тут же уходили на дно, оставляя на поверхности моря огромные кровавые пятна.

Из первой волны десантных кораблей лишь 30 процентов достигли берега, из второй — еще меньше, из третьей — практически ни одного.

Открытое побережье, точно стреляющие японские пушки, коралловые рифы, ошибки американских военачальников — все способствовало тому, чтобы впоследствии считать Тараву символом разгрома американских войск. Тысяча убитых и две тысячи раненых — такой ценой достался этот остров США. Американцы получили хороший урок и задали себе простой вопрос: следовало ли сражаться за Тараву? Не лучше ли было обойти его?

На всех островах японские солдаты оборонялись стойко. Будучи обескровленными, жалкие остатки гарнизонов предпочитали банзай-атаки. Смысл их заключался в том, чтобы умереть на поле боя. В плен попадали лишь тяжелораненые.

Следующий «прыжок» американцы совершили на Маршалловы острова, лежащие в 800 километрах севернее от островов Гилберта. Их внимание привлек самый большой в мире атолл Кваджелейн. К его штурму американские войска приступили после мощного обстрела из корабельных орудий и многочисленных бомбардировок с воздуха. Если на Тараву было выпущено 3 тысячи тонн снарядов, то на Кваджелейн — в четыре раза больше. По словам одного очевидца, после артобстрела острова впечатление было такое, словно его подняли на шесть километров вверх и сбросили вниз.

1 февраля 1944 года армейские части США приступили к высадке десанта. Более половины японского гарнизона погибло уже при артобстреле. Однако уцелевшие японские солдаты, дрались со свойственной им яростью и упорством. Они поднимались из снарядных воронок и бросались в атаки, в которых почти все погибали. В плен попало 437 оглушенных и тяжелораненых солдат. Американские потери составили 368 человек убитыми и 1148 ранеными.

Расположенный рядом атолл Энтиветок* подвергся атаке морской пехоты 19 февраля 1944 года. Он оказался

* В переводе с одного из местных языков его название означает «земля между западом и востоком». — *Прим, авт.*

плохо укреплен и был захвачен за два с половиной дня. Японцы потеряли 2700, американцы •• 339 человек. В руках Императорских войск оставалось еще более пятидесяти островов этого архипелага, не представлявших для США никакого интереса. Их не тронули, и японские силы оставались там до конца войны. Американскому флоту лишь зачем-то понадобился атолл Бикини, и взвод морской пехоты занял его. Пять японцев сопротивления не оказали и покончили с собой.

Весной 1944 года Объединенный флот отправился в метрополию для пополнения. Рабаул, центр японского сопротивления на юге на острове Новая Британия, и войска в джунглях Новой Гвинеи оказались отрезанными от внешнего мира. Доставка им пополнения, продовольствия и боеприпасов стала невозможной. На этих островах японские войска так и остались до окончания войны.

Лишенные возможности вести активные боевые действия, подвергаемые частым ударам авиации противника, изолированные японские гарнизоны были осуждены на бездействие и медленную, но верную гибель.

В начале лета 1944 года американцы предприняли новую, смелую и неожиданную для японского командования и весьма важную в стратегическом плане операцию — вторжение на Марианские острова. Протянувшиеся на 700 километров с севера на юг и лежащие более чем в 2,5 тысячах километров от Маршалловых островов и в 3 тысячах километров к югу от Токио, они являлись внешним поясом японской обороны. Сайпан, Гуам и Тиниан имели для Страны восходящего солнца жизненно важное значение и служили исключительно важным узлом ее оборонительной системы. Японское высшее командование стремилось удержать их во что бы то ни стало.

С географической точки зрения после захвата Маршалловых островов прежде всего напрашивалось освобождение островов Каролинских, в частности острова Трук, который называли японским Пёрл-Харбором. Однако американцы не стали торопиться с его захватом, подвергнув весной 1944 года располагавшуюся на нем

японскую военно-морскую базу мощным воздушным ударам и парализовав ее.

Первоочередным объектом для штурма адмирал Ч. Нимиц наметил самый крупный остров Сайпан — главную морскую базу Марианских островов. Длинной 25 и шириной 8 километров, он изобиловал горными кряжами и сильно изрезанной местностью, облегчавшей его оборону. На острове находилось 32 тысячи солдат под командованием старого генерал-лейтенанта Сайто Йошитсуго, в том числе около 7 тысяч моряков флота центральной части Тихого океана под командованием вице-адмирала Нагумо Тюити. Именно он отказался нанести третий удар по запасам топлива в Пёрл-Харборе (что позднее было расценено как крупнейшая ошибка); его нерешительность стоила японцам потери четырех авианосцев в битве у Мидуэя; он не сумел вернуть Гуадалканал... В конце концов Нагумо назначили командиром военно-морской базы в Сасебо, а в 1944 году — командующим флотом, защищавшим Сайпан.

Утром 15 июня 1944 года после трехдневного обстрела на остров стала высаживаться морская пехота США. На рассвете следующего дня на окопавшихся американцев двинулись японские танки. Сопровождавшую их пехоту удалось сразу же отсечь плотным пулеметным огнем. Время от времени танки останавливались, выскочившие экипажи горланили песни и размахивали мечами. По сигналу горна танкисты снова занимали места в машинах и возобновляли движение. Подобные атаки, безрассудные и плохо организованные, вели к бессмысленным потерям техники, в которой так нуждались защитники острова.

С двадцатых чисел июня сражение уже превратилось в изолированные схватки мелких подразделений. Американские пехотинцы шаг за шагом уничтожали японцев в пещерах, применяя огнеметы, подрывные заряды, заваливая выходы при помощи бульдозеров. Японцы подрывали себя гранатами, предпочитая смерть плену.

В ночь на 26 июня крупная группа японских солдат прорвалась к аэродрому, захваченному американцами.

Японский отряд тщательно подготовился к этой операции. Был даже выдвинут лозунг «Семь жизней, чтобы отомстить за родину», по-видимому, означавший, что каждый японец должен уничтожить семь вражеских солдат до того, как погибнет сам.

Не известно, сколько человек участвовало в атаке. Японцы не смогли достичь заветной цели — убить семь за одного. Они едва ли убили более семи американцев, уничтожили один и повредили два самолета. Сами же потеряли почти 500 солдат и офицеров.

В начале 1944 года японские войска на островах стали терпеть одно поражение за другим. Внимательные аналитики из Императорского генерального штаба быстро установили причины, в числе которых назывались отсутствие эффективного противотанкового оружия. Имевшиеся у пехоты 37-мм пушки и 75-мм минометы были бессильны против американских средних танков.

21 февраля 1944 года генерал Тодзио взял на себя роль начальника Императорского генерального штаба. Своим заместителем он назначил друга по военной академии генерала Усироку Дзун. Поскольку противотанкового оружия на южных островах не хватало и доставить его туда не представлялось возможным, то Усироку решил проблему просто, в чисто самурайском духе — приказал снабдить солдат ранцами с подрывными зарядами. Обычный солдатский ранец из прорезиненной ткани одевался на спину с помощью матерчатых лямок. Легкий и практичный, он имел размеры 20х20х7 сантиметров и вмещал 10 килограмм взрывчатки. Солдаты должны были уничтожать вражеские танки, бросаясь под них и подрывая себя. Такие случаи самоубийства имели место в японской армии и раньше. Впервые американцы столкнулись с подобной японской тактикой борьбы с танками в боях за северную часть Новой Гвинеи и за остров Бугенвиль. Но тогда, в начале 1944 года, это были отдельные случаи добровольного самопожертвования. Теперь же любимец Тодзио генерал Усироку официально превратил самопожертвование в обязательную часть военной системы. По его настоянию Императорский генеральный штаб издал приказ о формировании самоубийственных подразделе-

ний по борьбе с танками и о широком применении тактики самоубийственных «человеческих зарядов» (другое ее название - «*никудан*» - «человеческие пули»). Солдат, добровольно жертвовавший своими жизнями, так и называли — «*никудан*», то есть «телесные пули».

В марте 1944 года Усироку назначили командующим всеми вооруженными силами на Сайпане. Однако он покинул остров как раз перед американским вторжением, напоследок приказав войскам чаще применять самоубийственные «человеческие заряды».

Безусловно, подавляющее большинство японских солдат отдавали свои жизни без жалоб и упреков в адрес командования. Воспитанные на кодексе бусидо, они были к этому готовы. Однако это не означало, что они были свободны в своем выборе, испытывая сильное давление со стороны командования. Солдатам приказывали стать «человеческими пулями» и убить себя — это было страшно и пугающе даже в условиях суровых японских военных традиций.

Японские солдаты на Сайпане становились «человеческими зарядами» и атаковали врага. Конечно, это было блестящим проявлением негибкого человеческого духа. Но в этом крылось и очевидное поражение Японии.

В начале июля американские силы на Сайпане уже почти не встречали сопротивления. Как выразился один из морских пехотинцев, началась «охота на кроликов». Не сумев создать оборонительную линию, японские войска оказались к 5 июля вытесненными на северную часть острова.

На следующий день генералы Игета, Сайто и адмирал Нагумо приняли решение собрать все оставшиеся силы для последней атаки. Однако вместе с солдатами в пещерах укрывались тысячи японских поселенцев. Что с ними делать? «Нет больше каких-либо различий между гражданскими лицами и войсками, — заявил Сайто. — Для них будет лучше присоединиться к атаке, вооружившись бамбуковыми пиками, чем быть плененными».

По мысли Сайто, неслыханная психическая атака должна была продемонстрировать врагу несокрушимый дух японских солдат, их полное пренебрежение к смерти.

Он приказал разослать триста копий приказа о последней атаке, но до того, как это было сделано, поступил приказ из Токио продолжать сражение, чтобы «выиграть время». Защитникам острова было обещано подкрепление.

Однако Сайто уже не имел сил выполнить этот приказ. Он послал в Императорский генеральный штаб последнее радиосообщение, в котором извинился перед императором за то, что не сумел удержать Сайпан, и сообщил, что на следующее утро собирается организовать последнюю банзай-атаку жалкими остатками своих сил. Затем, посоветовавшись с Нагумо и Игета, он объявил о том, что они умрут в 10 часов, и зачитал вслух последнее обращение к защитникам острова. В нем он писал:

«...Наши солдаты гибнут один за другим. Несмотря на горечь поражения, мы дали торжественное обещание отдать семь жизней за нашу страну.

...Пойдем ли мы в атаку или останемся здесь, где находимся, — нас ждет одна лишь смерть. Однако и в самой смерти заключена жизнь. Мы должны использовать возможность возвеличить настоящее японское мужество. Мы пойдем в последнюю атаку, и я буду с вами и сложу свою голову здесь, на Сайпане — японском бастионе Тихого океана...».

Закончив чтение, Сайто объяснил присутствующим в пещере, что совершить сеппуку займет слишком много времени, и попросил офицеров встать у генералов за спиной и выстрелить в затылок. Нагумо, Сайто и Игета перешли в небольшую пещеру неподалеку. Они уселись, скрестив ноги, у ее входа. Двое молодых офицеров с пистолетами стали у них за спинами. Три выстрела — и тела распростерлись на земле.

Ночью, перед атакой, тела командующих сожгли на костре вместе со знаменами частей. Ровно в полночь разбитые на группы японские солдаты начали выдвигаться к американским позициям.

Сайто разработал план атаки заблаговременно, но американцы получили информацию о готовящемся наступлении, хотя и не знали, когда и на каком участке

оно произойдет. Наступление возглавил командир 135-го пехотного полка полковник Судзуки. Неясно, сколько точно японцев участвовало в самой массовой атаке самоубийц на Тихом океане. По количеству трупов предполагают, что их было свыше трех тысяч.

Готовясь к последнему бою, японские солдаты опустошили все запасы sake и пива, усеяв склон, ведущий к американским позициям, тысячами пустых бутылочек. В 4 часа 7 июля сначала с пением военного гимна «Уми юкаба», а затем с боевыми криками «Вах!» толпы японцев бросились на позиции двух батальонов 105-го полка. Удержать огромное количество людей, единственная цель которых состояла в том, чтобы умереть, было невозможно. Американские силы оказались разбиты. Японцы хлынули дальше, к артиллерийским позициям. За их боевыми порядками двигалась жуткая процессия: хромые, слепые, калеки, больные и раненые — все встали с коек с единственной целью умереть в бою. Безногие с трудом передвигались на костылях. Легкораненые помогали ослабевшим и беспомощным. Кое у кого были гранаты или штыки, прикрепленные к длинным бамбуковым шестам. Некоторые шли с дубинками, другие вообще безоружные. Для них важно было одно — погибнуть в бою. Тех, кто был настолько слаб, что не смог встать с койки, японцы прикончили еще в госпитале. Таких оказалось около трех сотен.

Две американские батареи 105-мм орудий вели ураганный огонь прямо по толпе атакующих. Японцы гибли массово, но оставшиеся в живых продолжали идти вперед и смяли артиллеристов. Затем они волнами атаковали наспех оборудованные позиции морской пехоты, продолжая нести огромные потери. В некоторых местах тела убитых лежали друг на друге так высоко, что американским пулеметчикам приходилось менять позицию для того, чтобы иметь открытую зону обстрела.

Подоспевшие американские части пленных не брали, да и сами японцы предпочитали умереть с оружием в руках. Многие из них (по оценкам, четвертая часть) покончили с собой. Так закончилась эта массовая психическая атака. К ночи остались лишь две группы япон-

ских солдат. Прижатые к морю, они упорно сопротивлялись.

На следующий день американцы начали очищать остров. В своей основной массе японские пехотинцы не помышляли о сопротивлении. Леденящие кровь события развернулись у высокого мыса Марпи, крайней северной точки острова. Здесь собралось около тысячи мирных жителей. Внизу, у воды, выстроилась сотня японских солдат. Раскланявшись перед появившимися американскими морскими пехотинцами, они разделись, окунулись в море, переоделись в чистую одежду и снова выстроились в шеренгу под огромным флагом. У каждого в руке — граната. Раздалась команда, и каждый японец, строго соблюдая порядок, выдергивал кольцо и взрывал себя.

Несколько десятков женщин с детьми замешкались... Шестеро солдат подбежали к ним и продемонстрировали, как надо взрывать себя. Мирные жители последовали их примеру.

В других местах японцы не церемонились: они штыками подталкивали толпы мирного населения к обрыву, заставляя стариков, женщин и детей бросаться в море. Тех, кто отказывался покончить жизнь самоубийством, пристреливали. После чего с громкими криками «банзай» японские солдаты бросались в смертельную атаку под град американских пуль, взрывали себя гранатами, рубили друг другу головы самурайскими мечами.

Переводчики и пленные японцы через громкоговорители обращались к японским солдатам и к гражданскому населению с призывами сдаваться. Лишь немногие последовали этим призывам. В то же время почти две трети из 12 тысяч лиц гражданского населения выбрали самоубийство. Капитан патрульного катера жаловался, что «продвижение его судна было медленным и сильно затруднено из-за сотен трупов, плавающих в воде».

Японский снайпер увидел на скале супружескую пару с четырьмя детьми, которая никак не могла решиться совершить самоубийство. Первым выстрелом он убил мужчину, который свалился в море. Вторая пуля пора-

зила женщину. Она упала в воду, но, вся в крови, попыталась спасти детей. Снайпер высунулся из пещеры, чтобы лучше прицелиться и сразить и женщину, и детей, но попал под сосредоточенный огонь сотен американских стволов...

9 июля, на 25-й день операции, было объявлено о занятии Сайпана. При этом было убито почти 24 тысячи японских солдат, 1800 взято в плен. Точное число жертв среди гражданского населения так и не было установлено. Однако совершенно ясно, что находившиеся на Сайпане 50 тысяч японцев, гражданских и военных, погибли почти все.

Американцы потеряли 3143 человека убитыми, 13208 ранеными и 335 числились пропавшими без вести. Взамен они получили базу для В-29, и теперь Япония стала досягаемой для воздушных ударов.

Скрыть правду или умолчать о поражении на Сайпане не представлялось возможным: за сражением, затаив дыхание, следила вся Япония. Впервые Императорскому генеральному штабу пришлось сказать правду.

Страна была шокирована. Подобного удара нация еще не получала. Миллионы жителей стали понимать, что Япония начинает проигрывать войну. Впервые японцы услышали о «человеческих зарядах».

Ирония судьбы заключалась в том, что как раз 15 июня, в день высадки десанта на Сайпане, Тодзио хвастливо заявил: «Время созрело для общего наступления вооруженных сил держав оси против их врагов».

18 июля последовала отставка его кабинета. Усироку за внедрение пехотной самоубийственной тактики наказали и с позором перевели командовать 3-й армией в Маньчжурии. Через год его войска разбила Советская армия, а сам он сдался (!) в плен*. Однако концепция пехотных самоубийственных атак, которую развивал Усироку, осталась жить. Несмотря на то, что высшее военное руководство Японии во всеуслышание заявило после падения Сайпана: «Никогда больше «человеческие заряды» использоваться не будут», — уже через несколько

* Находился в плену до 1956 года. — Прим. авт.

месяцев защитники острова Лейте применяли ее как лучшее средство борьбы с танками.

С падением Сайпана участь последнего острова Марианского архипелага Тиниан была решена. Этот остров, значительно меньший по размерам, чем Сайпан, к тому же обладал довольно открытым и ровным ландшафтом.

24 июля 15 тысяч морских пехотинцев и моряков быстро высадились на его пляжах и не встретили серьезного сопротивления противника. Американская авиация непрерывно наносила удары по японским укреплениям, впервые используя напалмовые бомбы. Уже на второй день операции гарнизон острова как организованная сила прекратил свое существование. В течение следующих семи суток лишь небольшие группы японцев использовали ночные часы для психических атак.

Последняя такая атака была проведена 31 июля, В 2-00 около роты японских солдат при поддержке трех танков атаковали позиции 4-й американской дивизии. Банзай-атака, как и следовало ожидать, оказалась совершенно бессмысленной и бесполезной. Ее участники были уничтожены до последнего человека.

К 1 июля на Тиниане остались лишь мелкие группы японских солдат, скрывавшихся в пещерах, среди камней, в лесах обрывистого хребта на юго-восточном побережье острова. Сюда же отступило вместе с солдатами много японскою гражданского населения. И здесь повторилась такая же картина, как в северной части Сайпана: солдаты использовали своих соотечественников в качестве живого щита, продолжая вести огонь по морской пехоте. ,

Гражданскому населению не разрешали сдаваться. Матери бросали со скал своих детей и прыгали вслед. Группу беженцев всех возрастов человек в пятьдесят японские солдаты погнали на минное поле, заставив всех умереть ужасной смертью. Затем солдаты подорвали себя гранатами. Обычно в таких случаях они клали гранату себе на голову и выдергивали предохранительную чеку.

Американцы сбрасывали листовки, обращались через громкоговорители, пытались свести к минимуму бессмыс-

ленную бойню. Однако не всегда эти меры приносили плоды. Лишь после уничтожения остатков японских частей удалось остановить самоубийства среди мирного населения.

На Тиниане погибло 6050 японских солдат. В плен попало 255 человек. Американцы потеряли 290 человек убитыми, 24 пропавшими без вести, 1515 ранеными. В их руки перешел превосходный аэродром, лучший на Марианском архипелаге. Именно отсюда отправятся в полет В-29 с атомными бомбами на борту.

21 июля США приступили к высадке десанта на остров Гуам -- собственной территории, захваченной Японией. Борьба за этот самый крупный из Марианских островов длилась двадцать дней. Как -и везде, японцы сопротивлялись упорно. На шестой день сражения они предприняли наступление, которое вызвало недоумение даже у выдавших виды ветеранов тихоокеанской войны. Еще 25 июля в расположении японских сил была отмечена повышенная активность. Ночью японцы организовали многочисленные вылазки, прощупывая уязвимые места обороны противника. Надо сказать, что боевые порядки 3-й американской дивизии оказались растянутыми более чем на пять километров и располагались на сильно пересеченной местности.

Около 4-00 началась главная атака. Японцы наступали крупными отрядами и понесли тяжелые потери, однако смогли прорвать растянутые боевые порядки американцев. Многие подразделения просочились в тылы противника, где атаковали командный пункт одного из батальонов и дивизионный госпиталь.

К рассвету в тылу американцев находилось, вероятно, больше японцев, чем перед фронтом. Однако их силы действовали совершенно разрозненно, инертно и безынициативно. Возможно, у японцев не хватало офицеров. Возможно, что они растерялись оттого, что банзай-атака неожиданно для них увенчалась успехом и теперь просто не знали, что делать. Немаловажную роль играло то, что личный состав находился в состоянии тяжелого похмелья. На Гуаме размещались склады алкогольных напитков, снабжавшие гарнизоны других островов. Районы

сосредоточения японцев были усеяны пустыми бутылками из-под виски и саке. Американцам приходилось отбивать атаки вдребезги пьяных солдат. Несколько японцев вспороли себе животы. Некоторые безучастно ждали рассвета, потеряв волю к борьбе и не видя смысла сопротивления.

Позже выяснилось, что в атаке 26 июля принимали участие до десяти батальонов японских войск - чуть ли не в два раза больше, чем при знаменитой банзай-атаке на острове Сайпан. Наряду с храбростью японцы проявили очевидную глупость, фанатизм, истерию и даже безволие. Все это говорило о том, что они хорошо понимали трагичность своего положения и не видели выхода из него.

Упорные бои происходили в районе аэродрома, в расположении 1-й сводной морской бригады США. Японская атака была встречена интенсивным артиллерийским и минометным огнем. Японцы понесли ужасные потери. «Оторванные руки и ноги мелькали в воздухе подобно хлопьям падающего снега», - отмечал один из очевидцев. Только в двух банзай-атаках погибло около 3500 человек, а всего на Гуаме потери японцев составили 17300 солдат и офицеров убитыми и 485 пленными. Американцы потеряли 1919 человек убитыми, 70 пропавшими без вести и 7122 ранеными.

К 10 августа остров был окончательно очищен от противника, и американцы приступили к сооружению на нем большой военно-морской базы.

15 сентября американские десанты при поддержке флота и авиации высадились на острове Пелелиу - одном из самых южных островов архипелага Палау. Архипелаг этот, в свою очередь, является частью цепи Каролинских островов. Захватом Палау американцы захватывали брешь в кольце окружения Японии.

Мощнейшая оборонительная база Японии на Тихом океане, острова Палау расположены менее чем в тысяче километров от Филиппин, то есть на расстоянии радиуса действия средних бомбардировщиков. В руках японцев они создавали потенциальную угрозу любой операции, предпринимаемой войсками США в северном направлении.

Первоначально американцы планировали оккупировать три острова - Пелелиу, Улити и Яп. Пелелиу среди островов Палау - далеко не самый крупный, но наиболее важный и наиболее уязвимый. Это и явилось основанием для проведения здесь десантной операции. В южной части острова японцы построили аэродром. Коралловые края Пелелиу изобиловали пещерами различных размеров — от небольших до огромных длиной в двести метров. Японцы усовершенствовали их и подготовили к обороне: проделали амбразуры, оборудовали освещение, вентиляцию, изготовили деревянные полы и ступени, оснастили телефонами и радио. Одна из пещер имела девять этажей и огромное количество входов, которые американцы при всем желании не могли замуровать. Некоторые пещеры закрывались железобетонными и даже бронированными дверями.

На рассвете 15 сентября американская морская пехота сумела высадиться и закрепиться на берегу. Во второй половине дня японцы провели контратаку. За огневым валом в наступление устремились японские танки, сопровождаемые пехотой. Американцы к этому времени сумели доставить на остров 30 своих танков «Шерман». Японские танкисты, вместо того, чтобы сосредоточить внимание на уничтожении пехоты противника, ударить по артиллерийским позициям и, таким образом, нанести американским войскам существенный урон, предпочли пойти на таран «Шерманов». В этой атаке сказалась приверженность танкистов духу самурайства. Они потеряли свои 17 танков, которые так и не успели осуществить задуманное и причинить хотя бы какой-то вред противнику. Однако одну свою задачу — умереть на поле боя — их экипажи выполнили. Следует в связи с этим заметить, что у Японии не было танков, заслуживающих уважения. Японская военная промышленность была нацелена на обеспечение нужд флота и авиации. Японские танки могли проявить себя лишь в сражениях со слабо вооруженным противником. Они считались средством поддержки пехоты и не использовались в качестве самостоятельной силы, как это было в европейских армиях. Слабое бронирование, сравнительно невысокая огневая

мощь и малый калибр пушек не оставляли японским танкам никаких шансов при встрече с советскими или американскими машинами. В ходе боев на островах рассеянные среди пехотных подразделений небольшие группы танков* применялись японцами редко и без особой надежды на успех.

Отличительной особенностью сражения за Пелелиу явилось то, что в ходе боевых действий японцы ни разу не прибегли к банзай-атакам. Это свидетельствовало о том, что они поняли бессмысленность идти на смерть во имя самой смерти. Японские солдаты сражались умело и со знанием дела, их ночные контратаки проводились со свойственным им ожесточением и организованностью.

На Пелелиу они довели до совершенства тактику просачивания сквозь боевые порядки противника. Японские войска применяли ее повсюду, и хотя такая тактика не приносила решающей победы, тем не менее причиняла американцам немало забот.

В сражении за Пелелиу японские войска совершили совершенно не свойственный для них тактический маневр - они отступили в полном порядке, по плану, оставив сильно укрепленные позиции, чем вызвали недоумение американского командования.

Активно действовали на острове японские смертники. Они привязывали к себе подрывные заряды и пытались подорвать танк, грузовик, какое-либо сооружение или группу солдат. Американцам пришлось оборудовать целую систему позиций вокруг опорных пунктов и создавать так называемые санитарные кордоны.

Борьба за Пелелиу официально закончилась 12 октября, но многие японцы еще держались в пещерах. Некоторые из них сдались после окончания войны. В ходе операций американцы уничтожили 10695 солдат и офицеров и взяли в плен 301. Собственные потери составили свыше 1000 человек убитыми и 5 тысяч ранеными. Захват Пелелиу, таким образом, оказался одной из самых кровавых операций США на Тихом океане.

* Главным образом использовался танк-амфибия Тип-2 «Ка-Ми». - *Прим. авт.*

Остров Улити имел весьма слабую оборону, преодолеть которую не представляло труда. Первоначальная оккупация острова Яп была отменена, и он до конца войны оставался в руках японцев.

Таким образом, к 12 октября США одержали очередную победу: отбили у врага основные острова в группе Палау.

Филиппинский архипелаг — это более 7 тысяч островов, протянувшихся на тысячу миль от острова Лусон до острова Минданао. Осенью 1944 года он стал местом важнейших сухопутных и морских сражений войны на Тихом океане, прежде всего из-за своего стратегического положения. Япония хотела удержать Филиппины во что бы то ни стало и обезопасить тем самым морские перевозки из Юго-Восточной Азии. Союзники стремились овладеть архипелагом, чтобы построить авиабазы и создать плацдарм для дальнейшего наступления на Японию.

На рассвете 17 октября японский наблюдательный пост на острове Сулуан доложил о приближении с юга большой группы американских крейсеров и эсминцев, следующих в залив Лейте. Как затем выяснилось, их задача состояла в захвате небольших островов Динагат, Сулуан, Каликоан и Хомонхон, отделяющих залив Лейте от Филиппинского моря.

Японцы следили за американскими кораблями с высокого белого маяка, стоявшего на берегу. Их было всего сотня человек под командованием младшего офицера. Крейсер «Денвер» начал обстреливать берег из орудий. Японский гарнизон приготовился к бою. Когда десантное судно с американцами достигло берега, японцы приняли «банзай-атаку». Они знали, что обречены, и, передав по радио: «Тенно хейка банзай!», предпочли героическую смерть сдаче в плен.

Действия крошечного японского гарнизона были достаточно симптоматичны. Премьер-министр генерал Койсу требовал от войск максимального напряжения сил. Он называл сражение на острове Лейте «решительной борьбой, которая определит исход войны на Тихом океане». На четвертый день с начала десантной операции

американцы овладели городом Таклобан — важнейшим центром острова.

Императорский генеральный штаб из Токио и маршал Тераути из Сайгона требовали оборонять остров Лейте всеми имеющимися силами. Подкрепления, которые они туда отправляли, уходили как вода в песок и часто вообще не достигали острова в связи с плотной блокадой его авиацией и флотом США. Легковооруженные японские войска, сумевшие высадиться, сразу шли в бой.

«Тигр Малайи» Ямасита считал, что оборонять Лейте бессмысленно, однако вынужден был подчиниться приказу и ввязаться в тяжелую драку.

На севере острова в районе города Каригара высадились части 1-й кавалерийской дивизии. Этот рыбный порт являлся ключом ко всей обороне острова. От него через горы шла на юг дорога к главной японской базе Ормок и на юго-запад к главной американской базе Таклобан. 2 ноября войска США вышли к Каригару, однако продвинуться дальше по дороге на Ормок не смогли. Японская 1-я дивизия укрепилась на труднопреодолимых позициях, созданных природой. Крутые скалы, глубокие ущелья японские солдаты дополнили системой траншей, огневых позиций, окопов. Здесь они намеревались остановить противника и затем перейти в контратаку. Американским войскам никогда еще не приходилось встречать такой сильно укрепленной обороны, и они прозвали горы, через которые она проходила, «кряж Сломай шею».

Бои за «кряж Сломай шею» стали самыми яростными и кровопролитными на острове Лейте. Они длились три недели. Обе стороны дрались жестоко, часто сходились врукопашную на скользких и грязных склонах. Дни летели, ряды сражающихся таяли, силы обеих сторон уравновешивались. Американцы обладали преимуществом в артиллерии. Сложный рельеф местности благоприятствовал японской обороне. В итоге образовался кровавый пат. Сражение велось в ущельях, на отрогах гор и вокруг них. Часто было невозможно определить линию фронта, понять, в чьих руках находилась та или иная гора.

Постоянно шли дожди, они заполняли водой окопы и препятствовали доставке боеприпасов и продовольствия. Танки на сильнопересеченной местности оказались бесполезны и беспомощны. Их нужно было постоянно защищать от японских подрывников-самоубийц.

Японцы мастерски использовали своеобразные окопы *такотсубо* — «осьминожки капканы». Они представляли собой узкий лаз глубиной 1,4 метра, со дна которого в боковой стороне выкапывалась ниша. Спрятавшись в ней, японский солдат был в безопасности от разрывов шрапнельных снарядов и выстрелов из огнестрельного оружия. Японцы могли долгое время прятаться в подобных «лисыих» норах такотсубо, в то время как американцы прочесывали местность. После их ухода они вылезали, сея панику в тылу войск США. Случалось так, что иногда целые взводы японских солдат оставались обнаруженными в таких норах, и при приближении колонны войск противника открывали с близкой дистанции беглый ружейно-пулеметный огонь на поражение. Как правило, после таких коварных ударов войска США пленных не брали, тем более, что сами японцы часто совершали самоубийства.

Японцы сражались героически и умирали толпами. Сумевшие выжить быстро росли в должности. Капрал Камико Кияси прибыл на «кряж Сломай шею» командиром отделения. Он сплотил своих восьмерых солдат и умело держал с ними оборону. Через три дня Камико назначили командиром взвода. Объявляя приказ о его повышении, командир роты сказал: «Скоро придут подкрепления. Когда здесь будут главные силы дивизии, мы разобьем врага. До тех пор мы должны защищать эти позиции до конца. Я надеюсь, каждый командир взвода сделает все возможное, несмотря на состояние людей».

На рассвете 7 ноября в роте насчитывалось 80 солдат. После очередной американской атаки их осталось 25. Прошло три дня. Американцы постоянно обстреливали позиции японцев из орудий и минометов. Непрерывно шли дожди. Подкреплений не поступало. В каждом взводе осталось по несколько человек. На четвертый день у американцев был замечен свежий пехотный батальон.

Командир роты скомандовал: «Тенсин!» Этот термин появился в армейском лексиконе недавно, его смысл мало кто понимал. Он означал «Повернись вокруг и наступай». Так японцы стали обозначать отступление, не употребляя при этом самого слова.

Камико приказал своим пяти оставшимся в живых солдатам бросить во врага последние гранаты, а затем совершить тенсин. В тылу офицер поздравил их с «великой победой», а Камико с горечью думал о подкреплении, которое так и не пришло.

Американская авиация безраздельно господствовала в воздухе над островом Лейте, блокируя доставку обороняющимся свежих войск, боеприпасов и продовольствия. Чтобы защитить с воздуха конвои для японских сил, Ямасита и командующий 4-й воздушной армией Томинага разработали крупномасштабную наступательную воздушно-наземную операцию «Ва» против пяти американских аэродромов, уже созданных на острове. Помимо массированных бомбовых ударов по американским взлетным площадкам в Таклобане и Дулаге, специальное подразделение самоубийц «Каору» из 80 десантников должно было на транспортных самолетах совершить посадку на два аэродрома около города Бурауена и блокировать их. Уничтожив все, что возможно, десантники должны были уйти на запад в горы для соединения с войсками 16-й дивизии. Выведенные из строя на какое-то время авиабазы давали возможность беспрепятственно доставлять подкрепление.

Ямасита считал, что выполнение операции откроет широкие возможности «уничтожения вражеской воздушной мощи» и устранил угрозу японским морским перевозкам из Юго-Восточной Азии.

Выполнение операции «Ва» с самого начала складывалось неудачно. После двух дней атак камикадзе и бомбардировок американских аэродромов и кораблей в заливе Лейте в 2-30 27 ноября с аэродрома на юге острова Лусон взлетели три транспортных самолета с десантниками-подрывниками. Один самолет упал на взлетную полосу аэродрома Бурауен, сбитый зенитным огнем. Все, кто находился на борту, погибли.

Два других самолета сумели благополучно совершить посадку, но довольно далеко от американских аэродромов. В темноте американцы приняли их за своих и даже пытались помочь японцам выбраться из поврежденных самолетов. Последовала короткая стычка, в результате которой несколько японцев погибли, а остальные скрылись в ночи, оставив в самолетах взрывные заряды.

27 ноября из-за сильных дождей американские самолеты весь день оставались на земле. Ямасита пришел к выводу, что подразделение «Каору» задание выполнило, и приказал 16-й и 18-й пехотным дивизиям захватить аэродромы.

Высадку парашютистов, которые должны были атаковать аэродром в Бури, из-за нехватки самолетов разбили на три этапа, да еще отложили на один день из-за плохой погоды. На рассвете 5 декабря жалкие остатки 16-й дивизии генерала Макино внезапно ударили из джунглей по аэродрому в Бури. Японцы закололи штыками часть наземного персонала. Однако остальные, разутые и в нижнем белье, сумели организовать оборону, и не отступили. Японские войска захватили половину аэродрома и окопались на его северной стороне. Этим же вечером была выброшена первая часть десанта — около 360 парашютистов. Однако лишь 60 из них приземлились на аэродроме и вступили в контакт с солдатами Макино. Из-за сильного зенитного огня остальные были выброшены в двух милях от аэродрома. Лишь к рассвету они добрались в Бури. Таким образом, 7 декабря в руках японцев оказался захваченный весь аэродром. Около 300 солдат сожгли запасы горючего, боеприпасов, уничтожили несколько связанных самолетов. Больше подкреплений они не получили — десантников направили в другое место.

Японские войска яростно сражались, пытаясь удержать взлетную полосу. Однако в течение двух последующих дней американцы собрали значительные силы и уничтожили большую часть японцев. Остальные ушли в горы, где и погибли от голода.

Так закончилась операция «Ва», в которой японцы потеряли свои последние отряды парашютистов-десантников. Хорошо изложенная на бумаге, она оказалась

голою схемой, реализовать которую японская армия не могла даже несмотря на дух полного самоотречения.

К середине декабря положение защитников острова стало совсем отчаянным. Не хватало всего. Из-за отсутствия бензина Ямасите пришлось бросить половину из пяти тысяч имевшихся в его распоряжении автомашин, танков и другой техники. Солдаты уже давно ели траву, кору, коренья, насекомых и лягушек. Сначала их рацион урезали до 400 граммов риса в день, теперь не стало и этого. Японцы стойчески выдерживали голод и невзгоды, встречали смерть спокойно и на первый взгляд даже равнодушно.

26 декабря США официально объявили о завершении операции против японцев на острове Лейте. Последняя большая битва в Юго-Восточной Азии закончилась очередным поражением Японии. Императорский генеральный штаб называл ее «решительным сражением». В течение трех месяцев около 70 тысяч японских солдат упорно противостояли четверти миллиона американцев, которые при этом безраздельно господствовали на море и в воздухе. Около 60 тысяч японцев сложили на острове Лейте свои головы, лишь 5 тысяч сумели выбраться с острова. Американцы потеряли 3,5 тысячи человек убитыми и 12 тысяч ранеными.

Ослабив флот, авиацию и сухопутные силы Японии в боях на Лейте, США приступили к главной операции на Филиппинах — к овладению островом Лусон. Высадка американского десанта в заливе Лингаен происходила, по существу, беспрепятственно, так как Ямасита отвел свои войска в горы северной части Лусона, где и организовал оборону. Он не собирался оборонять столицу страны Манилу, так как понимал бессмысленность подобной операции. Однако на следующий день после его ухода в город вошли морские части контр-адмирала Ивабути Саньо. Они должны были взорвать портовые сооружения Манилы. Однако Ивабути решил оборонять столицу. В его распоряжении имелось 16 тысяч моряков и 4 тысячи пехотинцев, не успевших уйти в горы. Адмирал приказал им, а также гарнизону острова Коррехидор сражаться до последнего человека.

Японцы возвели баррикады, протянули проволочные заграждения, перегородили улицы троллейбусами и грузовиками, в домах оборудовали пулеметные гнезда, установили на опасных направлениях тяжелые корабельные орудия. По приказу Ивабути в Маниле взорвали мосты, водопроводную систему и подстанции электрических сетей, а также сожгли северную часть города, застроенную бамбуковыми хижинами. Пламя горящего города можно было видеть на расстоянии 90 километров.

К 7 февраля войска Ивабути были полностью окружены, но не собирались сдаваться. Подобная ситуация сложилась и вокруг крепости Коррехидор, расположенной на одноименном острове. Для американцев, называвших его «Скала», этот островок имел особое значение. В свое время силы США героически обороняли его почти месяц и капитулировали лишь в мае 1942 года. Теперь войска Ивабути находились в подобной безвыходной ситуации. Адмирал предпринял все меры, которые были в его силах, чтобы укрепить крепость, контролировавшую вход в Манильский залив. В подземелье укрыли запасы продовольствия и боеприпасов, заминировали подходы к укреплениям. Американцы считали, что Коррехидор обороняли 850 японских солдат, в то время как на самом деле там укрылось более 5 тысяч человек. Они начали атаку 16 февраля. В 8-30 после ожесточенного обстрела крепости из тяжелых артиллерийских орудий и бомбардировок с воздуха был выброшен воздушный десант. Много десантников разбилось о скалы, но все же 503-й парашютный полк блестяще выполнил свою задачу. Около 30 десантников опустились прямо на крышу наблюдательного поста. Они убили капитана Итагаки Акира, командующего японскими войсками, и семь солдат. Связь между отдельными узлами обороны была нарушена, и японцы теперь не могли координировать свои действия.

Американская пехота благодаря десантникам смогла без особого труда высадиться на острове. Однако несколько машин и танков взлетели на воздух, подорвавшись на японских минах. Войска США заняли холм Малинта, пронизанный туннелями. Японцы укрылись в

подземельях, где они разместили 35 тысяч артиллерийских снарядов, 2 миллиона патронов, 93 тысячи гранат, 80 тысяч мин и другие боеприпасы. Около недели американская пехота находилась в прямом смысле слова на «бочке» с порохом.

Каждый день американские саперы пытались взрывными зарядами расчистить входы в туннели. Ночью 21 февраля около 2 тысяч японских солдат, запертых в каменном «мешке», решили вырваться из ловушки. Они намеревались открыть входы в туннели с помощью небольших взрывов. В 21-30 раздался приглушенный раскат мощнейшего подземного взрыва. Большая часть японцев и шесть американцев, охранявших вход, погибли.

Через пять дней сдетонировал еще один арсенал, размещавшийся в подземельях. Этот самоубийственный взрыв был еще мощнее, чем взрыв холма Малинта. Он произошел в восточной части острова. Вход в туннель превратился в огромный кратер. Погибло две сотни японских солдат. Сражение за Коррехидор закончилось. Японцы потеряли около 4,5 тысячи человек, американцы — 1,2 тысячи. Из всего японского гарнизона в плен попало всего 20 солдат.

Тем временем сражение за Манилу продолжалось. Оно было жестоким и осложнялось присутствием 700 тысяч человек гражданского населения. В этих условиях американцы не могли достаточно эффективно использовать авиацию и артиллерию. Упорные бои развернулись за здания почты, Филиппинского университета, отеля «Манила» и других объектов. Отступая, японцы проявляли звериную жесткость, убивая толпы филиппинцев. Их кололи штыками, обливали бензином и сжигали заживо. В древней испанской цитадели Интрамурос в центре города японцы захватили в заложники около 4 тысяч жителей столицы. Сотни японских солдат погибли от сильного артиллерийского огня. Укрывшихся в подземных туннелях выкуривали огнеметами и забрасывали гранатами. Всего Интрамурос защищало около тысячи японцев. Все они были уничтожены. Американские потери соста-

вили всего 25 человек. Исторический центр столицы был полностью разрушен и лежал в руинах.

Бои за Манилу завершились к 3 марта. Американцы потеряли больше тысячи человек убитыми и 5,5 тысячи ранеными. Японские потери составили 16 тысяч человек.

Отправляясь на тот свет, японцы устроили страшный террор. Резня в Маниле стала одной из самых кровавых драм войны на Тихом океане. Она обошлась филиппинскому народу в 100 тысяч человек. Количество погибших в столице мирных жителей в шесть раз превысило общие потери воюющих сторон.

В Маниле и Коррехидоре японские войска сражались с невиданной яростью. Они использовали тактику камикадзе на земле. Императорский генеральный штаб вычеркнул их из жизни. Но не это их волновало, поскольку истинный самурай должен быть всегда готовым к смерти. Они хотели забрать с собой как можно больше врагов. Может ли это хоть как-то объяснить жестокость озверевших новоявленных самураев? Возможно, но оправдать — никогда.

С 24 апреля 1944 года В-29 начали систематически бомбить с Сайпана Японские острова. Расстояние в 2400 километров самолеты преодолевали с увеличенным запасом горючего, но с уменьшенной бомбовой нагрузкой, составлявшей всего три тонны бомб вместо десяти. При таких полетах сопровождение истребителей исключалось, бомбометание проводилось с больших высот (6—7 тысяч метров). Поврежденные машины, как правило, были обречены и не могли Дотянуть до своих столь отдаленных баз.

Во время рейдов на Японию американские бомбардировщики пролетали над островом Иводзима, расположенным в Восточно-Китайском море на расстоянии 1200 километров и от Токио, и от Сайпана. Он являлся единственным местом, которое можно было использовать для вынужденных посадок бомбардировщиков. Японцы хорошо это понимали и разместили на острове самолеты-истребители. Американцы нейтрализовали

действия японских перехватчиков, но остров по-прежнему играл важную роль в оповещении метрополии о пролете американских бомбардировщиков. Несмотря на свои небольшие размеры (длина -• 7,2 и ширина -4 километра), Иводзима был единственным островом, на котором можно было построить длинные взлетно-посадочные полосы для тяжелых бомбардировщиков. На южной его оконечности возвышался действующий вулкан Сурибати.

Летом 1944 года командиром 109-й дивизии, оборонявшей Иводзиму, был назначен 60-летний генерал-лейтенант Курибаяси Тадамити. Высокого роста, рассудительный и трезвомыслящий начальник, он происходил из старинной самурайской семьи. Окончив военную академию, он с 1914 года служил в кавалерии, затем был помощником военного атташе в США, атташе в США, военным атташе в Канаде. В 1939 году участвовал в военных действиях на Халхин-Голе, где командовал кавалерийским полком. В 1943 году был назначен командиром элитарной 1-й Императорской гвардейской дивизии, охранявшей дворец императора.

Прибыв на остров, Курибаяси организовал работу по строительству укреплений. Вулканический пепел, смешанный с цементом, позволял получать высокопрочный бетон. Японцы в кратчайший срок прорыли 30 километров туннелей, построили многочисленные укрытия и огневые точки со стенами толщиной до двух метров. Все гражданское население было эвакуировано.

Курибаяси знал, что он не получит помощи ни от флота, ни от армейской и морской авиации. Он понимал, что его 21-тысячный гарнизон ждет то же, что случилось с защитниками других островов, занятых войсками союзников. Он не тешил себя иллюзиями и, отправляясь на остров, оставил дома семейный самурайский меч, а заодно и саблю, подаренную императором. «Это очевидно, что твоего отца ждет та же судьба, что воена начальников, командовавших обороной Сайпана, Тиниана и Гуама, - писал он своему сыну. - Возможности выжить нет».

Генерал к этому времени стал убежденным противни-

ком психических атак. Он считал, что к тактике смертников следует прибегать лишь в крайних случаях, и если проводить банзай-атаки, то целеустремленно, энергично, добиваясь нанесения противнику максимально возможного урона. Курибаяси сплотил гарнизон, подготовил своих солдат к упорным оборонительным боям. На стенах бункеров, орудиях, зарядных ящиках, в кармане у каждого солдата имелся текст «Клятвы отважной битвы»*. Японские солдаты клялись:

«Отдадим обороне острова все свои силы и самих себя. Будем бросаться на вражеские танки с гранатами в руках, уничтожая их.

Будем проникать в расположение противника и убивать его солдат.

Каждую нашу пулю пошлем точно в цель. Каждый из нас убьет десять вражеских солдат, прежде чем сам погибнет в бою.

До последнего человека мы будем изматывать врага партизанскими атаками».

Курибаяси требовал прочно удерживать занимаемые позиции, исключив капитуляцию и отступление. Солдатам вручили хатимаки, и они с гордостью носили их. Они знали, что обречены, и были заражены суровой решимостью погибнуть, подороже продав свою жизнь. Незадолго до высадки американцев на Иводзиму Курибаяси, обращаясь к солдатам, сказал: «Мы здесь, чтобы защитить этот остров нашими ограниченными Силами. Мы должны полностью посвятить себя выполнению этой задачи. Каждый из ваших выстрелов должен убить много американцев. Мы не можем позволить, чтобы нас пленили враги. Если наши позиции захвачены, мы возьмем бомбы и гранаты и бросимся под танки, чтобы уничтожить их. Мы будем просачиваться через вражеские линии обороны, чтобы истреблять врага. Никто не должен умереть, пока он не убил по крайней мере десять американцев. Мы будем изводить врага партизанскими действиями до тех пор, пока жив хоть один из нас».

* Иногда название документа переводят как «Горжественная клятва воинов». — Прим. авт.

Генерал ничего не сказал о победе. Он не хотел говорить солдатам слова, которым они не поверят. В то же время Курибаяси хорошо понимал, что их ждет, и писал домой:

«Враг может скоро высадиться на остров. Когда он это сделает, нас ждет судьба защитников Атту и Сайпана.

Наши офицеры и солдаты знают много о понятии «смерть». Жаль заканчивать жизнь здесь, сражаясь с Соединенными Штатами Америки, но я хочу защищать этот остров как можно долго и предотвратить вражеские воздушные рейды на Токио».

Высадка американского десанта началась утром 19 февраля. Японцы оказали ожесточенное сопротивление. Курибаяси оказался прав: тактика затяжных и кровопролитных боев полностью Себя оправдала. Американцы планировали захватить Иводзиму за четыре дня, а затратили пять недель тяжелейших боев.

Спустя неделю японцы все еще упорно сопротивлялись, хотя стала ощущаться слабая координация действий между частями. Были предприняты отчаянные меры, чтобы остановить американские огнеметные танки. Добровольцы со взрывчаткой на спинах становились живой западней, кидаясь из укрытий в колею перед приближающимися машинами.

Полная воздушная и морская блокада Иводзимы должна была привести к тому, что рано или поздно защитники острова окажутся обескровленными. «Наш единственный источник поставок - дождевая вода, - писал Курибаяси. — Я получаю чашку воды, чтобы вымыть лицо, фактически только глаза, затем ее использует мой адъютант лейтенант Фудзита. После чего я получаю ее обратно для туалетных целей. Солдаты в своей основной массе не имеют и этого. Каждый день, после инспектирования оборонительных позиций, я тщетно мечтаю выпить чашку холодной воды. Здесь много насекомых. Также в изобилии тараканы, ползающие по нам. Они омерзительны. К счастью, нет змей и ядовитых гадов».

В начале марта прекратилось организованное сопро-

тивление японского гарнизона, а в конце первой декады японцы предприняли атаку всеми силами.

К этому времени ситуация стала казаться настолько безнадежной, что командир 2-й смешанной бригады генерал-майор Сенда Садасу обратился к Курибаяси за разрешением совершить последнюю общую атаку. Рассерженный командующий приказал оборонять позиции. Оставить пещеры означало ускорить крах. Однако Сенда, участник боев на Халхин-Голе, не подчинился. Вечером 8 марта он собрал офицеров в лабиринтах своей пещеры и предложил им свой план общей атаки: огонь из минометов, мортир и ракет в шесть часов вечера следующего дня предврат массовую атаку с юга по направлению к горе Сурибати. Моряки поддержат атаку с обоих флангов. «Я буду во главе войск», — пообещал Сенда. Собравшиеся передали по кругу единственную чашку воды. «Встретимся в храме Ясукуни!» — поблагодарил он всех.

Сообщение об атаке морякам передали устно, при этом оно оказалось неправильно понятым: после победы в Пёрл-Харборе в восьмое число каждого месяца восторженные японцы стали вкладывать особый смысл. В темноте почти полторы тысячи моряков из различных подразделений направились к месту атаки, вооруженные бамбуковыми пиками, ружьями, гранатами и несколькими легкими пулеметами. Некоторые обвязались подрывными зарядами.

В полночь неорганизованная толпа двинулась в южном направлении на позиции 4-й американской дивизии. В ночи то и дело раздавались крики «Банзай!». Американцы среагировали, начав мощный артиллерийский обстрел. Шрапнель разила наповал. Разрывы снарядов вздымали в воздух землю и куски человеческой плоти. Плотный и убийственный пулеметный огонь выкашивал всех, кто сумел преодолеть шквал артиллерийского огня.

Утром перед американскими позициями обнаружили тела 564 японских солдат и офицеров. Так закончилась одна из немногих на Иводзиме банзай-атак.

16 марта США заявили об освобождении острова, а еще через десять дней - о полном уничтожении японского гарнизона и завершении на нем боевых действий.

Итоги сражения оказались для американцев удручающими: морская пехота потеряла 6821 человека убитыми и почти 20 тысяч ранеными. Это составило третью часть всех сил, высадившихся на острове. Выбыли из строя 19 из 24 командиров батальонов.

В первый раз в сражениях за острова японцы уничтожили больше живой силы противника, чем потеряли своих солдат.

Было объявлено, что на Иводзиме было убито 20703 японских солдат, а 216 тяжело раненых взято в плен. В конце марта американцы утверждали, что на острове в пещерах скрывалось около 300 японцев. Однако за апрель и май сменившие морскую пехоту армейские части уничтожили еще 1602 японских солдата и пленили 867. И при этом еще не все японские солдаты были обезврежены!

Не осталось свидетелей смерти Курибаяси. Утверждают, что 27 марта генерал совершил сеппуку. Если это так, то почему он не погиб на поле боя, к чему постоянно призывал своих солдат? В Японии считали Курибаяси героем. Император посмертно повысил его в чине.

Американцы признают, что сражение за Иводзиму - одна из самых кровавых битв на Тихом океане. Они прокляли этот ужасный остров, за который заплатили слишком дорогую цену. Но зато территория Японии оказалась доступной для массированных налетов американских бомбардировщиков. Истребители Р-51, взлетая с Иводзимы, получили теперь возможность сопровождать их во время рейдов. Сбылось мрачное пророчество старого генерала: «Вражеская высадка на мой остров — вопрос времени. Если защита острова падет, тогда Токио подвергнется рейдам днем и ночью. Нет слов, чтобы описать хаос, ужас, тяжелые разрушения и неразбериху после воздушного рейда. Живущие праздно в Токио едва ли могут представить себе, что это такое».

В это же время (с 8 по 25 марта) продолжалось кровопролитное сражение далеко на юге Тихого океана — на

острове Бугенвиль. Самый крупный из Соломоновых островов, Бугенвиль почти весь покрыт джунглями. В его центральной части возвышаются горы. Это делает остров труднодоступным.

Американские войска в составе двух пехотных дивизий, батальона морской пехоты и танкового батальона высадились на его западном побережье еще 1 ноября 1943 года. Японцы к этому времени уже прочно обосновались на южной оконечности острова,

К январю японское командование поняло, что американцы не собираются наступать на их позиции, намереваясь всего лишь построить авиабазу на мысе Торокина.

Японскими войсками на Бугенвиле командовал генерал-лейтенант Хиятутаке Харуюоши, ранее возглавлявший оборону Гуадалканала. Императорский штаб сухопутных сил приказал ему ликвидировать неприятельский аэродром и «сбросить» американцев в море.

В конце января 19 тысяч хорошо вооруженных японских солдат начали медленно продвигаться к району, где высадились войска США. Никогда еще в южной зоне Тихого океана японцы не собирали такие большие силы для одной операции.

Опытный Хиятутаке знал, каким шквалом огня встретят его солдат американцы. Тем не менее он сознательно посылал их на верную смерть: «...Это наш долг — стереть унижение Гуадалканала. Атаковать! Наступать! Уничтожить всё! Резать, рубить, косить всех! Пусть эмблемы на ваших рукавах окрасятся кровью американских негодяев. Наш громкий победный крик на мысе Торокина достигнет родины. Мы — непобедимы!..».

На одиночные выстрелы четырех 150-мм пушек, которые японцы сумели доставить к месту сражения через джунгли, американцы ответили мощным и концентрированным огнем своей артиллерии. Последняя банзай-атака японской пехоты на юге Тихого океана закончилась сокрушительным поражением. Японцам не помог ни высокий морально-боевой дух солдат, ни призывы Хиятутаке.

Американская артиллерия уничтожила большинство японских солдат еще при их выдвижении на рубежи

атаки. Оставив на поле боя 5522 человека убитыми, японцы отступили, так и не выполнив поставленную боевую задачу.

К 20 марта Императорский генеральный штаб, готовясь к обороне Окинавы, разработал новую военную стратегию. В ее основе лежало полное взаимодействие всех видов вооруженных сил в интересах сухопутных сил, защищающих остров.

Планируя операцию по захвату Окинавы, американское командование обратило внимание на большую группу островов Керамо Ретто, лежащих в тридцати километрах к югу от нее. Их следовало захватить в первую очередь. К 26 марта острова были уже в руках американцев. Здесь, как ранее на Сайпане, морским пехотинцам открылась страшная картина; в пещерах и на поверхности лежали сотни трупов солдат и гражданского населения. Цельте семьи совершили самоубийства, подорвавшись гранатами. На одном лишь острове Токасики обнаружили 250 тел гражданских лиц, покончивших с собой. Они поддались пропаганде из Токио и добровольно ушли из жизни, так как боялись страшных пыток и надругательств, к которым, как им объясняли, непременно прибегнут американцы.

1 апреля 1945 года огромная американская армада из 1200 кораблей с 180 тысячами солдатами морской пехоты на борту подошла к острову Окинава. Началась самая крупная десантная операция США на Тихом океане. Лежащий в шестистах километрах к юго-западу от Японии, этот гористый остров был силой присоединен к Империи восходящего солнца в 1879 году.

Население Окинавы составляло полмиллиона человек, а гарнизон — 10 тысяч солдат. С августа 1944 года в командование 32-й дивизией, расположенной на острове, вступил генерал-лейтенант Усидзима Мицуру. Уравновешенный, хладнокровный и знающий свое дело военачальник, 58-летний Усидзима пользовался полным доверием своих подчиненных. Участник боев в Бирме, а затем начальник японской военной академии, он приложил немало сил, чтобы обеспечить успешную оборону острова, раскинувшегося на 110 километров в длину и от 10 до

20 километров в ширину. Сделать это было непросто, так как и без того малочисленные силы были ослаблены переброской в декабре с Окинавы на Филиппины лучшего боевого соединения, прославившегося еще в период русско-японской войны - 9-й пехотной дивизии*.

Усидзима тщательно разработал схему предстоящих боевых действий с учетом недостатка собственных сил, близости острова к метрополии, использования новейшего оружия, управляемого смертниками. Помимо активных действий камикадзе планировалось широко применять против американского десанта взрывающиеся катера. На архипелаге Окинава размещалось семь отрядов смертников, в каждом из которых было по 100 катеров.

Усидзима принял решение не распылять силы, пытаясь организовать круговую оборону вдоль всего побережья, а сосредоточить усилия на защите наиболее выгодных с оборонительной точки зрения участков местности. Зарывшись в землю и закрепившись на эшелонированных в глубину позициях, вести борьбу на истощение сил противника. После того, как смертники уничтожат корабли противника, на остров будут переброшены подкрепления. Сохраненные японские боевые части окончательно уничтожат «наглых захватчиков». Дух готовящейся к обороне 32-й армии был высок, о чем свидетельствует ее боевой девиз:

Самолет - за корабль,
Катер - за корабль,
Солдат — за десять врагов или за танк.

Для действий в тылу врага японское командование сформировало диверсионные отряды, называвшиеся «Кровь и меч на службу императору». В них вошли 750 студентов высших учебных заведений, готовых отдать свои жизни ради победы над оккупантами. Молодые фанатично настроенные юноши за два месяца прошли обучение приемам просачивания через боевые порядки, способам ведения партизанской войны и тому

* До Филиппин 9-я дивизия так и не смогла добраться. Она оказалась блокированной союзниками на Формозе до конца войны. — *Прим. авт.*

подобным методам. Около 600 бывших студентов пополнили войсковые части в качестве связных и курьеров.

В целом план Усидзимы по обороне острова был достаточно необычным, а поведение японской армии в момент высадки оказалось для американских десантников сюрпризом. Японцы не только не препятствовали высадке десанта, как следовало ожидать, но отдали без боя аэродромы Йонтан и Катэна. Однако радость американцев оказалась недолгой. Упорные кровопролитные бои развернулись в центральной части острова вокруг старинного города Сюри. Гористая местность, множество естественных пещер, а также туннелей и фортификационных сооружений позволяли японцам наносить врагу тяжелые потери и успешно отражать атаки. «Мы выпускали по этим позициям огромное количество снарядов, не только нашей артиллерией, но и корабельной, -г вспоминает один из участников сражения. - Казалось, никого не осталось в живых там, где падали и взрывались снаряды. Но когда мы снова поднимались в атаку, японцы были на месте, сопротивляясь даже яростней, чем прежде».

Лишь к 22 мая американцам удалось занять весь район города Сюри, за исключением древней крепости, которая являлась ключом ко всей системе японской обороны. До предела измученные войска были обречены, и японское командование решило организованно их отвести. Отход прикрывали несколько отрядов смертников общей численностью до 4 тысяч человек. Они сражались до последнего солдата и помешали американцам осуществить преследование.

Организованно отвести войска японцам помогла также погода. С вечера 21 мая зарядил непрекращающийся дождь. Уже через сутки дороги развезло. Танки беспомощно застревали в грязи. Глина сползала с брустверов и вместе с водой заполняла окопы. Прекратилась доставка продовольствия и боеприпасов. Мертвых не хоронили, и трупы разлагались в течение многих дней.

Защищая Сюри, погибло более 6 тысяч японских солдат. 62-я, 24-я дивизии, 44-я отдельная смешанная бригада прекратили свое существование, подвергаясь

непрерывным бомбардировкам, обстрелу из корабельных орудий и танковым атакам.

В ночь на 25 мая японцы предприняли очередную атаку камикадзе на корабли американского флота. Она сопровождалась попыткой высадить воздушный десант. В сумерках, под покровом дождя, группа самолетов Ki-21-II намеревалась высадить десант на захваченные американцами аэродромы Йонтан и Катэна. На борту каждого из самолетов находилось по 1.2 десантников отряда «Гирецу кутэ бутай» 1-й японской воздушно-десантной бригады. Однако американские истребители и дивизионы зенитной артиллерии сбили японские самолеты. Прорвался лишь единственный Ki-21. Весь изрешеченный осколками снарядов, он скапотировал при посадке на взлетно-посадочной полосе аэродрома Йонтан. При этом погибло 8 десантников. Шесть уцелевших японцев (в том числе два члена экипажа), используя подрывные заряды и гранаты, произвели большое опустошение. Рассредоточившись по аэродрому, они за короткое время сумели уничтожить семь и повредить 26 бомбардировщиков В-29, поджечь склад горючего (2600 бочек).

Прежде чем десант был ликвидирован, японцы убили 2 и ранили 18 морских пехотинцев США, охранявших аэродром.

Таким образом, боевые действия японских смертников-командос оказались весьма эффективными: авиабаза была выведена из строя на 10 часов.

Американцев потрясли масштабы разрушений. Они с ужасом представляли, что могло произойти, если бы удалось приземлиться еще одному или двум японским самолетам.

Подобные атаки смертников-командос японцы готовились осуществить и на других американских аэродромах, в частности, на Марианских островах. Операция была намечена на 14 июля. Сформированные для этой цели десантные отряды получили название «Отори» («Ловушка»). 105-й особый десантный отряд военно-морской базы Йокосука, 101-й особый десантный отряд военно-морской базы Куре и другие подразделения «Отори»

всего состояли из солдат, преисполненных решимости пожертвовать своими жизнями во имя избавления страны от опустошительных действий американских бомбардировщиков В-29.

Для проведения операций коммандос были подготовлены 30 самолетов. Предполагалось, что в каждом разместится по 15 десантников. С целью упростить и ускорить процесс прикрепления взрывчатки к самолету изготовили специальные присоски.

Но плану не суждено было сбыться. Массированным ударом по аэродромам американская авиация успела уничтожить почти все японские транспортные самолеты.

В сражении за Окинаву американцы часто использовали танки, взламывая ими оборону противника. Но вскоре оказалось, что они сильно уязвимы от действий японских летучих отрядов, вооруженных взрывными зарядами.

Защита танков от самоубийственных японских атак превратилась для американских солдат в сложную задачу. Многие японские юноши жертвовали жизнями при попытках уничтожить американские танки. В огне сражений школьники, зачисленные для обслуживания армии, погибали целыми группами. Так, например, была полностью уничтожена команда «Химэюри бутай» — группа «отряд лилий» — японских девушек-учащихся 12—16 лет, несших санитарную службу. У японцев не хватало лазаретов. Лечение как солдат, так и гражданских лиц было примитивным и неэффективным. Не случайно штаб 32-й армии приказал всем раненым, не способным сражаться, покончить с собой.

В одной из обширных пещер находилось три сотни тяжело раненых японских пехотинцев. Зная, что они обречены и неминуемо погибнут от американских огнеметов, главному врачу было приказано избавить пациентов от дальнейших страданий. Раненые приняли смерть достойно: они молча протянули руки, в которые ввели смертельные инъекции.

22 апреля прекратилось организованное сопротивление японской армии на севере острова. Дальнейшее сражение свелось к уничтожению японцев в пещерах.

Их сжигали огнеметами, хоронили заживо, засыпая выходы бульдозерами. Пораженный струей из огнемета, японский солдат вспыхивал как факел. Через считанные минуты от него оставалась лишь горстка пепла.

13 июня свою последнюю атаку отчаяния совершили моряки адмирала Ота. Еще 6 июля он послал в Токио последнее сообщение: «...Ожесточенные бомбардировки и обстрелы могут разрушить горы Окинавы, но они не в состоянии поколебать верноподданнический дух наших людей. Мы надеемся и молимся за вечность Империи и с радостью отдаем наши жизни во имя этой цели...».

Банзай-атака моряков была свирепой. Они все легли на поле боя. Больше об адмирале и его подчиненных ничего не известно.

17 июня американские войска захватили последнее японское укрепление.

Вечером 21 июня Усидзима передал по радио свое прощальное сообщение Императорскому генеральному штабу:

«...Горя желанием уничтожить надменного врага, мои подчиненные дрались с ним почти три месяца. Нам не удалось сокрушить противника, несмотря на наше презирающее смерть сопротивление...

К моему величайшему сожалению, мы больше не в состоянии сражаться. За эту неудачу я приношу глубокие извинения Императору и моим соотечественникам. Мы предпримем последнюю атаку, чтобы убить как можно больше врагов. Я молюсь за души людей, погибших в битве, и за процветание Императорской Семьи...

Зеленая трава жухнет на островах,

не дожидаясь осени.

Но она вновь буйно зазеленеет весной. Смолкнут орудия, наша кровь оросит землю. Но наш дух переживет все. Он вернется, чтобы защитить Японию».

Начальник штаба 32-й армии генерал-майор Те Иса-му свое послание изложил на бумаге, надеясь, что оно

дойдет до адресата. «Наша стратегия, тактика и методы - все было полностью использовано, мы сражались доблестно. Но всего этого оказалось мало против превосходящих сил врага», — писал он, добавив, что покидает жизнь «без сожаления, страха, стыда и каких-либо обязательств».

Свой долг генералы выполнили и теперь стали готовиться к смерти. Полковник Яхата обратился к Усидзиму с просьбой разрешить ему совершить самоубийство. Генерал мягко отказал: «Если вы умрете, не останется никого, кто бы знал правду о битве за Окинаву, Переживите стыд поражения. Это приказ вашего командующего армией».

Генералы Усидзима и Те спокойно поужинали. Они произносили тосты и пили виски, оставленное на крайний случай. Вскоре после восхода солнца 22 июня Усидзима попросил, чтобы его постригли согласно ритуалу. Затем он открыл банку с консервированными ананасами. Это была последняя еда, оставшаяся в пещере. Генерал разделил ее со всеми, кто находился рядом.

В 4-22 Усидзима и Те проследовали к выходу из пещеры. Они уселись на колени на расстеленное одеяло. Гремела канонада, неподалеку от пещеры шел ожесточенный бой. Верхнюю галерею пещеры уже захватили американские солдаты.

Генералы низко поклонились. «Окинава должна принадлежать мне», - с грустью произнес Усидзима и распорол себе живот. Адьютант довершил обряд сеппуку, избавив генерала от мучений. Те умер подобным образом. Семеро штабных офицеров тут же застрелились, сведя счеты с жизнью по примеру своих командиров.

22 июня США официально объявили об окончании боевых действий.

За всю компанию на Окинаве японцы потеряли до 90 тысяч человек убитыми, не считая тех, кто был заживо похоронен или убит в пещерах американскими войсками или самими японцами. Число пленных составило 10755 человек. Кроме этого, в сражении погибло 92 тысячи мирных жителей острова. Многие из них

пали от рук самих японских солдат, которые выгоняли окинавцев из пещер и укрытий, чтобы занять их. Считая их второсортными японцами, защитники империи расстреливали мирных жителей точно так же, как на Сайпане.

Битва за Окинаву оказалась для США самой кровавой кампанией на Тихом океане. Американцы потеряли 12281 человека убитыми. Свыше 50 тысяч было ранено.

При обороне Окинавы японское командование сделало основной упор на широкое использование смертников. Готовность солдата умереть была положена в основу создания многочисленных отрядов смертников во всех видах вооруженных сил. Никогда еще самоубийственная тактика не применялась так интенсивно, целенаправленно, скоординированно. Камикадзе и водители взрывающихся катеров действовали строго в интересах сухопутных сил, обороняющих остров. Смертники-командос должны были деморализовать тылы американских войск. Пехота почти полностью отказалась от бессмысленных банзай-атак, оказав американцам упорное сопротивление. Впервые на Окинаве стали формировать отряды смертников из гражданского населения. В безнадеежных ситуациях такие отряды предпочитали умереть в бою. Так, например, поступил отряд из одиннадцати японских женщин, атаковавших американские позиции. Он был полностью уничтожен пулеметным огнем.

Американцев страшила решимость японского населения защищать свою страну до последнего человека. Японцев же перспектива национального самоубийства не пугала: для них это была обычная норма поведения.

«У ВЫСОКИХ БЕРЕГОВ АМУРА...»

Начиная с 1931 года Маньчжурия превратилась в огромный военный лагерь. Японское правительство вынашивало далеко идущие планы военной агрессии против Советского Союза, стремясь использовать в этих

целях расположенную там Квантунскую армию*. После коренного поворота в Великой Отечественной войне японское командование срочно приступило к строительству пограничных укреплений.

К лету 1945 года было построено 17 укрепленных районов, каждый из которых защищал до 100 километров по фронту и имел в глубину до 50 километров. К обороне был подготовлен Южный Сахалин и Курильские острова.

Огромная по численности Квантунская армия в 1,2 миллиона солдат представляла собой мощную силу. Войска были воспитаны в духе беспрекословного подчинения командиру, тупого повиновения и фанатизма. Как и в других японских армиях, идеология основывалась на кодексе бусидо, согласно которому смерть за императора на поле боя считалась высокой честью для солдата. Армия планировала измотать на границе советские части, нанеся затем контрудар из центральной части Маньчжурии.

Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение нанести два основных встречных удара — с восточного выступа МНР и из Приморья. Глухая тайга, болота, горы — на востоке; бездорожье, хребет Большой Хинган — на западе. Все эти естественные препятствия казались японцам непреодолимыми для военной техники.

8 августа в 17-00 японскому послу было объявлено что с 9 августа Советский Союз находится в состоянии войны с Японией. 9 августа в 00-10 без артиллерийской и авиационной подготовки двинулись вперед передовые части Забайкальского фронта, за ними в прорыв ринулась 6-я гвардейская танковая армия. Забайкальский фронт наступал в направлении Мукден, Чаньчунь, Порт-Артур. Из Приморья на Гирин, навстречу частям Забайкальского фронта, наступал 1-й Дальневосточный фронт,

* Квантунская армия была создана в 1931 году на базе войск, расположенных на территории Квантунской области (юго-западная оконечность Ляодунского полуострова), по соглашению с Китайским правительством для защиты железной дороги. Ее штаб располагался и Порт-Артуре. На момент создания армия насчитывала 10400 солдат и офицеров. - *Прим, авт.*

а 2-й Дальневосточный сковывал действия Квантунской армии.

Одной из серьезнейших проблем для японской пехоты являлась борьба с танками. Состоявшие на вооружении противотанковые средства были малоэффективны и не справлялись с бронетанковой техникой союзников и тем более с лучшими в мире советскими машинами.

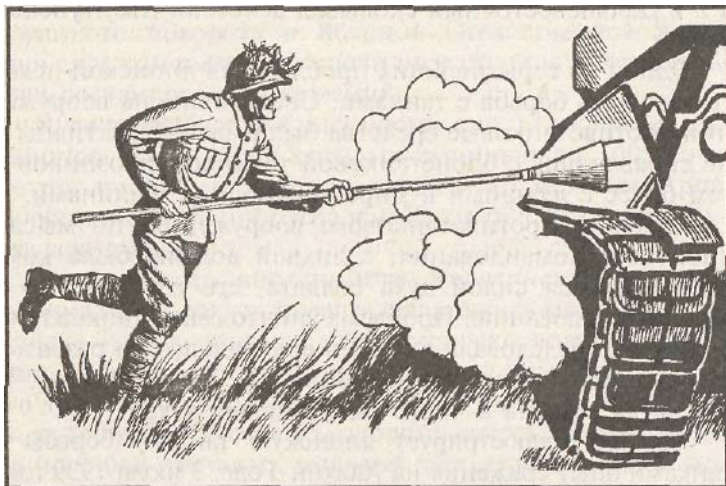
Слабость противотанкового вооружения, по мысли японского командования, с лихвой должна была компенсироваться силой духа солдата, его готовностью к самопожертвованию. Проблема уничтожения танков противника преследовала японцев еще задолго до развязывания широкомасштабной войны на Тихом океане. И она была решена в чисто самурайском духе.

Хорошо иллюстрирует японскую тактику борьбы с танками опыт сражения на Халхин-Голе. 3 июля 1939 года при контрударе в районе горы Боин-Цаган 11-я танковая бригада М. П. Яковлева потеряла больше половины из 150 машин, участвовавших в атаке. Но это были потери от огня японской артиллерии.

Позже, 20-31 августа, когда советско-монгольские войска перешли в наступление и окружили основные силы 6-й японской армии, основная тяжесть борьбы с танками легла на плечи пехоты, так как японцы к этому времени уже потеряли значительную часть своих противотанковых средств. В этом ожесточенном сражении бросающийся прямо под танк смертник с бамбуковым шестом был массовым явлением. Сегодня, вероятно, невозможно установить их число и оценить нанесенный ими ущерб. Остался запечатленным лишь образ такого солдата-самоубийцы в художественной литературе*.

В каждой роте японцы создали команды истребителей танков. На вооружении у них были бутылки с зажигательной смесью, связки ручных гранат и длинные бамбуковые шесты с прикрепленными к ним минами. Входящие в команды истребителей танков солдаты считались смертниками, хотя имели теоретические шансы уцелеть. Они располагались в одиночных узких окопчи-

* См. К. Симонов. Повесть «Далеко на Востоке». — *Прим, авт.*

Японский смертник-истребитель танков с кумулятивной миной па шесте.
Бирма, Филиппины. 1945 год

ках на расстоянии 150—200 метров перед узлами сопротивления. При подходе неприятельских танков они пытались шестами подтащить под них мины. Но длина бамбуковых шестов составляла 2—3 метра, и если танк шел не на окоп, то смертники бросались ему наперерез. Часто они пропускали танки, а затем сзади бросали в них бутылки.

Позже, в ходе войны на Тихом океане — в Бирме, на Филиппинах, Окинаве и других островах — для уничтожения танков японцы разработали усовершенствованный вариант мины на шесте. Это оружие представляло собой мину конусообразной формы с кумулятивной выемкой и тремя килограммами взрывчатого вещества. Спереди мина снабжалась несколькими штырями, а сзади — втулкой, в которую вставлялся полуметровый бамбуковый шест. При ударе штырями по взрываемому объекту шест соскакивал с зажима, двигался внутри втулки вперед и ударял по бойку. Мина детонировала, прожигая даже достаточно толстую броню. Понятно, что солдат с таким оружием был обречен.

Вместе с тем для борьбы с танками японцы применяли и традиционное оружие — противотанковые гранаты,

подрывные заряды, гранаты с зажигательной смесью. Последние представляли собой по сути те же бутылки с горючей смесью, но в металлическом корпусе*.

Во время Маньчжурской операции 1945 года советские войска впервые столкнулись с действиями японских смертников — истребителей танков, специально для этого обученных и организованных.

Готовясь к войне с СССР, Квантунская армия сформировала специальную бригаду самоубийц. Четыре тысячи ее солдат были обучены бросаться под танки, жертвуя собой, взрывать мосты вместе с неприятельскими танками и т. д.

Отряды смертников формировались штабами всех дивизий и полков. Каждый батальон и рота организовывали свои группы самоубийц. Главная и основная их задача заключалась в уничтожении танков противника.

Типичным способом борьбы с танками была засада. Сильно пересеченная лесисто-болотистая местность как нельзя лучше подходила для засад как отдельных солдат-смертников, так и целых подразделений. К тому же необходимо признать удивительную способность японских солдат тщательно маскироваться и не обнаруживать своего присутствия даже в нескольких метрах от противника. Отмечено несколько случаев, когда ремонтировавшие свою машину танкисты случайно находили рядом с танком узкую щель с японским солдатом. С двухпудовым зарядом взрывчатки, привязанным к спине и груди, он мог просидеть сутки и более, выжидая подходящий момент, чтобы действовать наверняка. Редко удавалось захватить в плен обнаруженного смертника: они немедленно подрывали себя зарядами.

Другой способ остановить советские танки заключался в использовании «живых мин». В мемуарной литературе часто описывается бой под станцией Мадаоши (на подступах к Муданьцзяну). Обвязавшись сумками с толом, с гранатами и минами, двести смертников образо-

* Бензино-фосфорная смесь загоралась от соприкосновения с воздухом. Впервые бутылки с зажигательной смесью были применены во время войны в Испании, где получили название «коктейль Молотова». — *Прим. авт.*

вали живое, подвижное противотанковое минное поле. Заросли густого гаоляна позволяли им скрытно подкрадываться к советским танкам и взрывать их.

Минно-взрывные заграждения, приводившиеся в действие смертниками, активно применялись 13 и 14 августа на муданьцзянском направлении, где в эти и два последующих дня развернулись самые ожесточенные бои. Этому способствовало то обстоятельство, что в городе Нингута (под Муданьцзяном) дислоцировалась 1-я мотомеханизированная бригада смертников, насчитывавшая пять тысяч солдат и офицеров. Генерал армии А. Ф. Белобородов в своих мемуарах «Прорыв на Харбин» вспоминает одно из сражений этих дней: «...Из придорожных кюветов, из замаскированных «лисых нор», выбирались солдаты в зеленых френчах и, сгибаясь под тяжестью навьюченных на них мин и взрывчатки, бежали к танкам. Десантники били по ним в упор из автоматов, бросали гранаты. Смертников косили очереди танковых пулеметов. Мгновенно долина покрылась сотнями трупов, но из нор и узких щелей, из-за бугров появлялись все новые смертники и кидались под танки. Японская артиллерия и пулеметы вели огонь, не обращая внимания на то, что пули и осколки одинаково поражали и чужих, и своих...». Японцы таким образом подбили и сожгли около десятка советских танков, но 1-я мотомеханизированная бригада смертников была почти полностью уничтожена.

В ходе Маньчжурской операции зафиксированы случаи, когда советские танки подвергались атакам японских самолетов, стремившихся уничтожить их воздушным тараном. Так, в течение 12 и 13 августа на колонну 5-го гвардейского танкового корпуса совершили налеты 14 вражеских самолетов. Камикадзе пикировали на отдельные танки, однако ущерба не причинили: 2 самолета были сбиты зенитчиками, 3 — истребителями. Остальные 9 летчиков-смертников врезались в землю, не сумев поразить боевые машины.

Японское командование активно использовало смертников для проведения диверсий и провокаций в тылу наступавших советских войск. Группы смертников со-

вершали диверсионные акты на железных дорогах, принимали нападения на советские военные комендатуры. Такие отряды беспощадно уничтожались. В освобожденных Советской Армией районах Китая и Кореи ликвидация мелких групп смертников продолжалась и в сентябре 1945 года, уже после официальной капитуляции Японии 2 сентября. Вероятно, последняя атака крупных сил самоубийц произошла 5 сентября в китайском городе Пиняньчжэнь. Отражая ее, советские бойцы уничтожили около полутора сотен смертников со взрывными зарядами, которые пытались атаковать комендатуру.

Отдельные смертники охотились за одиночными советскими воинами, особенно за офицерами и генералами, нападая на них с холодным оружием. Так, под Ваньмяо двумя смертниками был убит командующий артиллерией 17-й гвардейской стрелковой дивизии полковник П. Ф. Васильев, а днем позже — тяжело ранен старший ветврач полка капитан Лютых.

Во время Маньчжурской операции зафиксированы случаи бессмысленного уничтожения смертниками собственных жен, матерей, детей, других японских колонистов. Так, в 12 километрах южнее города Дзиси были обнаружены трупы более 400 женщин и детей. Как выяснилось, это массовое убийство было совершено японскими смертниками, которые не могли взять их с собой в сопки.

Солдаты-самоубийцы составляли значительную часть личного состава гарнизонов укрепленных районов. Это были фанатики, воспитанные в духе тупого повиновения, оболваненные ядом шовинистической пропаганды и убежденные в том, что смерть за императора — высшая награда.

Квантунская армия использовала смертников в дотах и других укреплениях еще в 1939 году на Халхин-Голе. Тогда было зарегистрировано несколько случаев, когда смертников приковывали цепями к пулеметам. Это делалось как бы для «гарантии» и, как правило, с личного согласия солдата-самоубийцы. Подобное использование смертников наблюдалось и во время Маньчжурской кампании 1945 года. Так, например, во время штурма силь-

но укрепленного города Фугдин войска 2-го Дальневосточного фронта столкнулись с фанатичным сопротивлением смертников. Некоторые из них размещались на двадцатиметровых металлических вышках с бетонированными колпаками. Для надежности смертники были прикованы к пулеметам.

Вообще штурм населенных пунктов, обороняемых смертниками, представлял собой чрезвычайно большую сложность. Характерен пример боев за город Муданьцзян — важный узел японской обороны, крупный административный и политический центр Маньчжурии. Это была главная база японской военщины. В Муданьцзяне были сосредоточены крупные силы противника, в том числе и два отряда смертников, которые упорно обороняли город, не допуская форсирования одноименной реки на подступах к нему. 13 августа 15 смертников с зарядами взрывчатых веществ бросились на бетонные устои одного из мостов, пытаясь его взорвать. Взрывы, однако, не причинили мосту никакого вреда. 26-му стрелковому корпусу 1-й Краснознаменной армии пришлось ввязаться в тяжелые, изматывающие бои, отражать внезапные нападения сотен японских самоубийц.

Необходимо заметить, что слепой фанатизм японских смертников, как правило, не давал желаемых результатов. Подавляющее большинство их уничтожалось огнем бдительных автоматчиков. Лишь в единичных случаях японцам удавалось достичь цели.

Попытки противника компенсировать слабость боевой техники формированием специальных самоубийственных подразделений, созданием «непреодолимых» рубежей обороны оказались безуспешными и не оправдали его надежд.

Часто атаки смертников носили совершенно безрасудный характер. Они преследовали единственную и формальную цель — погибнуть на поле боя. Так, в боях за железнодорожную станцию Балтай группа японских солдат-самоубийц численностью до 40 человек бросилась в контратаку против танкового батальона 61-й танковой дивизии. Естественно, она была уничтожена за несколько минут.

Во время десантной операции на Курильских островах японцы, зная об отсутствии у десантников противотанковых средств, применили своеобразную танковую психическую атаку. Возглавлял ее командирский танк. Высунувшись до пояса из башни, офицер держал развернутое знамя. Отбить подобную атаку советским солдатам, дошедшим до Берлина, не составляло труда, несмотря на то, что у них отсутствовала артиллерия. Японцы понесли значительные потери в живой силе и технике.

Стремительное наступление советских войск и быстрый разгром Квантунской армии породили кое у кого совершенно неверное представление о Японии как о слабом противнике. А между тем основной недостаток японской армии заключался лишь в слабости ее вооружения. Что касается японских солдат, то они сопротивлялись упорно, временами фанатично, беспрекословно выполняя приказы. Симптоматично, что, получив приказ императора о капитуляции, они в большей своей части послушно сложили оружие и организованно сдались в плен. Случаев самоубийства, таких, например, как на Мукденском аэродроме, где четверо летчиков-истребителей, не желая сдаться, спикировали и врезались в землю, было немного. Сдавались даже солдаты-смертники, не успевшие пожертвовать своими жизнями.

ПОСЛЕДНИЕ «БАНЗАЙ!»

В 1941-1945 годах в зоне Тихого океана и на других азиатских театрах военных действий японским войскам противостоял миллион с четвертью американцев. Гигантское сражение развернулось на одной трети земного шара - от Аляски до Новой Зеландии и от Индии до Гавайев. Солдаты США и их союзники сражались и умирали на ледяных и туманных Алеутах и живописных и прекрасных островах Полинезии. Однако в основном боевые действия велись в тропических джунглях, в зонах с постоянной жарой, ливнями, духотой и влажностью, грязью, тучами насекомых, болезнями...

Но все это составляло лишь своего рода ужасную «декорацию», на фоне которой происходили сражения. Самая же важная особенность войны на островах Тихого океана заключалась в том, что против восточной нации с феодальным мышлением вступила в противоборство коалиция западных стран. Их мировоззрение и психология значительно отличались от японских.

Японская армия преподнесла союзникам немало сюрпризов. Прежде всего она использовала немецкую тактику и стратегию блицкрига, который по-японски назывался «*ден гиги сен*». Своеобразие японского блицкрига состояло в том, что танки, не эффективные в войне на островах, не использовались. Тактика и стратегия блицкрига импонировала японской военщине, так как соответствовала ее традиционным методам ведения войны. Тщательное планирование операции, стремительное продвижение, мощная атака — все это было направлено на то, чтобы ошеломить противника, сломить его волю к сопротивлению.

Например, согласно японским воззрениям, каждый солдат был обязан научиться спокойно принимать смерть. Он должен понимать, что раз он на войне, то может быть разорван на куски, покалечен, застрелен, зарезан, ранен при самых ужасающих обстоятельствах.

Армии на Западе готовились к войне совсем не так. Отправляясь на фронт, европейский Солдат, например, не осознавал полностью того, что его ждет, психологически настраивался на удачу, надеясь на то, что все обойдется. Он отгонял дурные мысли и предчувствия, внушал себе, что если кто-то и погибнет, то это будет не он.

Вот почему ни одна из армий Запада не могла сравниться с японской по степени самопожертвования. Генерал Слим во время кампании в Бирме заявил по этому поводу: «Все болтают о сражении до последнего человека. Но только японцы действительно делают это».

Интересно, что сами японские солдаты вовсе не считали себя храбрыми: английскому исследователю Свинсону они заявили: «Вы рассказываете, какими храбрыми

мы были. Это неправда. Мы были сильно напуганы, и нам приходилось повиноваться приказам».

Это высказывание свидетельствует, что солдаты Императорской армии и моряки Императорского флота были наделены такими же человеческими качествами, как и солдаты других армий. Они так же страдали от боли, тяжелых условий жизни на фронте, голода и относились к смерти подобно любому человеку. Фаталистическая покорность смерти вовсе не свойственна японскому характеру. И среди японцев было немало молодых людей, которые пытались избежать воинской повинности, как это происходило в других странах. Японцы прибегали к тем же самым уверткам, пытаясь добиться освобождения от военной службы. Однако, будучи призванными, солдаты проходили интенсивный трехмесячный курс обучения, который превращал их в фанатиков, готовых умереть за императора, страну и за честь своего подразделения.

Во время войны на Тихом океане можно было часто наблюдать картину, когда японские рядовые во главе с офицерами, размахивающими мечами, бросались в атаку на сильно укрепленные позиции противника. Это были так называемые «банзай-атаки», которые производили яркое впечатление на обороняющихся.

Большинство банзай-атак было не чем иным, как проявлением отчаяния, крушением надежд на победу у войск, понимающих бесполезность своего дальнейшего сопротивления. Банзай-атаки, бессмысленные с тактической точки зрения, предпринимались прежде всего с целью погибнуть на поле боя. Это в полной мере соответствовало самурайскому идеалу. Шансы погибнуть под шквальным огнем противника и не попасть в плен были чрезвычайно велики. При этом не преследовалась цель добиться каких-либо боевых успехов. По возможности врага надо было убивать, но даже такая задача ставилась не всегда. С этой точки зрения банзай-атаки были достаточно эгоистичны: главное — добиться своей личной цели и уйти из жизни, — как самурай. А то, что противник при этом потерь не понесет и завтра пойдет в атаку на

соотечественников, стремясь в конечном итоге завоевать Японию, — эти проблемы для солдата-смертника, участника банзай-атаки, отодвигались на второй план и становились менее важными.

Банзай-атаки всегда вселяли в союзников ужас. Полное самопожертвование значительного числа японских солдат, их ярко выраженное желание умереть ставили обороняющихся в сложную ситуацию: «убей, или погибнешь сам».

Лишь к концу войны американцы сумели понять, что психические банзай-атаки — это проявление шока у японских солдат, чьи нервы не выдерживали напряжения боев, чьи физические и моральные силы полностью истощились. Это не были на самом деле свидетельства героизма. Скорее всего это были своеобразные примеры упадка духа и воли, решимости свести счеты с жизнью по-самурайски.

Японцы смотрели на смерть в бою совсем не так, как противник. Если для американцев смерть представлялась ужасным уходом в небытие, то для японцев главным была не сама смерть, а обстоятельства, при которых она произошла. Не случайно они использовали для обозначения вида смерти несколько слов. Помимо слова «*сеппотсу*», обозначающего смерть в бою, в японском языке имелись и другие (в зависимости от степени проявления героизма). Под понятием «*гиокусай*» подразумевался «поиск смерти вместо бесчестия». Для японцев это означало, что солдату лучше погибнуть в безвыходной ситуации, чем сдать врагу. Но поскольку было нежелательно, чтобы солдат отдавал свою жизнь без пользы, то существовало понятие «тай-атарии». Оно означало смерть посредством взрыва или тарана. При этом тело самоубийцы уничтожалось взрывом и разрывалось на части.

Если раненый солдат подрывал себя и подошедших к нему близко врагов гранатой, то такая смерть называлась «*джибаку*». Если же не было никаких надежд на спасение и не было рядом врагов, то такое самоубийство обозначалось «*джикетсу*» (европейцы обычно называли его «хара-кири»).

Особенностью войны на Тихом океане был полный отказ японских солдат сдаваться в плен в ситуациях, когда любая западная армия считала бы капитуляцию единственным выходом.

Японцы рассматривали сдачу в плен как признак слабости. Плен считался бесчестием для солдата и его семьи. Как итог, оказывались пленными лишь 1 процент японских солдат.

Во время войны на Тихом океане идеи бусидо были возведены в абсолют, они опутали всю нацию, глубоко проникнув в сознание рядового японца. Подавляющее большинство японских солдат были искренне убеждены в том, что отдать жизнь за императора — высшая честь. Поэтому если японцы брали в плен солдат союзников по сравнению с убитыми в соотношении 1:3 (то есть 1 пленный к трем убитым), то сами сдавались в плен в соотношении 1:120 погибшим на поле боя.

С развязыванием Японией Тихоокеанской войны в армии утвердился самурайский идеал, согласно которому для солдата считалось несмыслимым позором пытаться продолжить свою жизнь путем сдачи в плен. Его долг состоял в том, чтобы сражаться до тех пор, пока он не будет убит или не убьет себя сам.

Эта идея зародилась в Японии в глубокой древности. Составляя суть воззрений самурая, она коренным образом отличала японские вооруженные силы от любой другой армии мира.

Солдатам внушалось, что враг будет пытаться их, если захватит в плен, после чего обязательно расстреляет. Они в это верили. Однако их отказ сдаваться основывался не на страхе плена как такового, а на традиционной самурайской этике, превозносившей верность долгу и смерть на поле боя.

В западных армиях смерть в бою имела смысл лишь в том случае, если способствовала победе над врагом. Солдат заставляли рисковать жизнью на фронте, но от них не требовали совершать самоубийство. Если ход сражения показывал, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, то сдача в плен по английским, например, или французским понятиям не считалась бесчестным

поступком. Она вела к сохранению не только собственного личного состава, но и вражеского. Сдача в плен, таким образом, представляла собой своего рода соглашение между воюющими сторонами.

Японские войска на островах Тихого океана сражались с полным безразличием к смерти. Тысячи солдат умирали бессмысленно. Сломав хрупкие ограничения, предлагаемые почетной сдачей, японцы открыли ворота для войны без пощады и без правил. Из-за их отношения к смерти каждая встреча с японцами представляла для союзников смертельную опасность. Союзники боялись японцев, но это не был страх труса, убежавшего с поля боя, это был страх, заставлявший их не раздумывая уничтожать японские войска, вместо того, чтобы предпринимать попытки пленения.

Американская морская пехота быстро привела свою тактику в соответствие с японской готовностью умереть. Американцы научились встречать банзай-атаки «морем» огня. Вот почему гарнизоны на многих островах были поголовно уничтожены. Все же при этом американские потери оказались гораздо тяжелее, чем если бы они сражались с противником, который предпочитает сдаться в безвыходной ситуации.

Японцы не всегда придерживались тактики самоубийственных атак. При возможности они эвакуировали свои силы, понимая, что у них нет возможности совершить что-нибудь полезное. Так, они сумели вывезти терпящие поражение войска с Алеутских островов и Гуадалканала. Однако, будучи загнанными в угол и не имея возможности выбраться из западни, они организовывали последнюю атаку, стремясь погибнуть на поле боя.

Американцы отмечали, что японские солдаты во время сражения на островах дрались с необыкновенной смелостью и искусством. Войска США были шокированы их фанатизмом. В начале войны казалось, что японцы — лучшие в мире солдаты. Быстрые победы в Малайе и в Бирме вызвали слухи о том, что японские солдаты хорошо подготовлены для сражений в джунглях. В действительности лишь немногие из них видели джунгли до службы в армии.

Вместе с тем они стойко переносили трудности и лишения, которые вывели бы из строя большинство солдат союзников. Однако несмотря на подобные обстоятельства, когда бы им ни приходилось вступать в бой с силами США, японцы атаковали яростно и с величайшим самопожертвованием. Они стремительно и бесстрашно наступали, упорно и цепко оборонялись.

Американцы считали японских солдат достойным противником и с уважением относились к опасности, которую они собой представляли. Но они не уважали японцев как нацию за их неразумные, явно глупые психические атаки, часто бессмысленное упорство, за самоцель умереть на поле боя безо всякой пользы для своей страны, за самоубийства вместо смерти в бою.

В то же время невольное восхищение союзных войск вызывала невероятная выносливость, терпение японских солдат, их военная хитрость, способность безропотно довольствоваться самым минимальным пайком.

Японские солдаты были физически слабее американцев, всегда проигрывали в рукопашном бою, несмотря на отработку всевозможных приемов.

Американцы отмечают, что в первый период войны среди японских войск отсутствовала сдерживающая военная этика. Они, например, не задумываясь убивали капеллана, читающего молитву у изголовья умирающего; раненых, беспомощно лежащих на поле боя; врачей и санитаров.

В начале войны американцы еще не понимали, что сражаются, по существу, со средневековой нацией, имеющей соответствующие понятия о войне. Возможно, именно японская игра не по правилам привела к тому, что и американцы стали отвечать тем же. Ядерные бомбардировки незащищенных городов — это такое же варварство, как и варварские методы ведения боевых действий, предложенные японской военщиной.

Американцы вскоре открыли для себя немало сюрпризов, связанных с японской манерой ведения войны. Оказалось ясно, например, что японцы проявляют полнейшую беспечность в соблюдении военной тайны. Солдаты шли в бой с дневниками, письмами, картами, на

которых в деталях были расписаны замыслы сторон, диспозиция сил, планы боя и т. д. В захваченных штабах союзники находили тонны документов. Никому из японцев и в голову не приходила мысль об их уничтожении.

В тех редких случаях, когда японские солдаты попадали в плен, они охотно помогали американцам, служили проводниками, делали все, чтобы противник добился победы. В этом не было ничего удивительного: они должны были умереть. Случаи с пленением вообще не рассматривались японской военной доктриной и тем более не существовало инструкций о том, как вести себя в плену.

Японцы в совершенстве отработали тактику просачивания сквозь боевые порядки союзников. Они искусно использовали фактор внезапности. Не было предела их изобретательности и хитрости на поле боя. Они притворялись, что хотят сдаться в плен, и, приблизившись к переднему краю, подрывали гранатами и себя, и противника. Под трупами американских солдат устанавливали минные ловушки. Выдавали себя за раненых американцев и возгласами «Санитар!», «Помогите!» заманивали в ловушку санитаров.

Японские солдаты были большими любителями ночных атак и умели искусно маскироваться. Они предпочитали сражения, выигранные тайком, путем какой-либо увертки, неожиданно для врага. Такие победы они особенно ценили и славил их выше, чем победы, добытые «реками» крови.

Утверждают, что ни в одной армии мира порядки не были такими строгими и требовательными, как в японской. Японцы превратили смерть и страдание в патристический долг. Солдаты ревностно выполняли приказы командиров, даже если они неминуемо вели к гибели. Весной 1974 года весь мир был поражен, когда второй лейтенант Онода Хироо вышел из Филиппинских джунглей. В течение 30 лет он находился там, выполняя приказ*. Японские солдаты работали до полного изнеможения при строительстве оборонительных укреплений. Объемы фортификационных сооружений и тща-

* См. Onoda Hiroo. No surrender. My Thirty-Year War.-Annapolis, 1999.

тельность, с которой они выполнялись, всегда приводили американцев в изумление.

Отношение японцев к врагу было различным. Они восхищались противником, который сражался фанатично, но жестоко вели себя по отношению к вражеским войскам, которые предпочли сдаться, вместо того чтобы сражаться и убить больше японцев. •

Японские офицеры отдавали должное врагу, который дрался героически и пал в бою.

Характерен следующий пример: 17 августа 1937 года 44 китайских бомбардировщика вылетели в район Шанхая. Один из китайских самолетов был сбит зенитным огнем, его пилот Йен Хайуен посадил горящую машину на занятой японцами территории. Японские солдаты окружили его, но он убил нескольких из них и застрелился. О подвиге китайского летчика сообщили японские газеты. Его с почестями похоронили как героя и написали на памятнике: «Могила мужественного китайского воздушного бойца».

Однако японское восхищение распространялось лишь на героическую смерть. Попавший в плен даже в бессознательном состоянии, отважно сражавшийся герой считался лишенным чести. С ним японцы вели себя жестоко и всячески унижали его человеческое достоинство.

Подобное обращение японцев с пленными оказалось для Запада неожиданным. Отношение к русским военнопленным после русско-японской войны 1904—1905 годов было расценено в мире как цивилизованное и даже мягкое. Японцы снискали уважение за медицинскую помощь раненым пленным, за достойное отношение к находившимся в неволе 80 тысячам русских солдат.

Пройдет всего сорок лет, и японцы продемонстрируют уже совсем иное отношение к пленным. В 1943 году японский пропагандистский буклет охарактеризовал американских военнопленных как «сбрасываемые по канализации нечистоты страны». После войны на Тихом океане мир содрогнулся, узнав о безграничной дикости японской военщины, о применявшихся ею немыслимо жестоких и изуверских пытках и истязаниях.

Массовые убийства японскими милитаристами воен-

нетленных, гражданских интернированных лиц были обычным явлением на всем протяжении Тихоокеанской войны. Они носили организованный характер и охватывали всю оккупированную японскими захватчиками территорию. Неописуемы страдания и унижения, которым подвергались народы многих стран: людей морили голодом, кололи штыками, пытали водой и электрическим током, подвешивали... На них японские офицеры совершенствовали свою утонченную технику рубки голов, которой обучались в военной академии. Вскрывали животы и грудные клетки у живых людей и вынимали сердце и печень. Над военнопленными производились бесчеловечные опыты с применением вивисекции. Символом несмываемого позора и преступлений японских милитаристов стала деятельность «Отряда 731», проводившего опыты по бактериологическому заражению людей.

У цивилизованного человека не укладывается в голове организованный каннибализм, до которого скатилась японская армия к концу Тихоокеанской войны. При этом людоедство имело место даже тогда, когда хватало другой пищи. Этот факт подтверждает мысль о том, что японская армия была глубоко поражена дикими предрассудками и поверьями. Согласно одному из них, считалось, что съеденное тело поверженного врага укрепляет дух и прибавляет сил победителю.

Понятно, что если японские офицеры не ценили жизни своих солдат, обязанных сражаться до смерти, то они тем более презрительно относились к жизням попавших в плен солдат противника. Как итог, за время войны в японских лагерях погибло свыше 27 процентов американских и английских военнопленных, тогда как в немецких и итальянских лагерях — всего 4 процента.

Зная об японских жестокостях и зверствах, солдаты союзников испытывали к врагу сильное чувство ненависти, у 42 процентов американских солдат было лишь одно желание — убить взятых в плен японских солдат. Для сравнения, на европейском театре военных действий лишь 18 процентов американцев чувствовали, что готовы убить немецких пленных.

Японские милитаристы не только развязали крова-

вую войну на Тихом океане. Способами ее ведения, массовыми убийствами и зверствами, дикой средневековой моралью и нравами они превратили ее в яростный и бескомпромиссный поединок не на жизнь, а на смерть. Можно ли осуждать американских ветеранов Второй мировой войны за то, что среди них нет ни одного человека, который сожалел бы о сброшенных на Японию атомных бомбах?

Японский империализм был обречен. Реакционный и варварский характер войны, которую вела Япония, неминуемо должен был привести ее к поражению. Своим зверством она восстановила против себя поработенные народы Азии и породила бурю, сметающую все на своем пути.

ГЛАВА V

ЕЩЕ НЕ КАМИКАДЗЕ, ИЛИ

НЕОРГАНИЗОВАННОЕ

САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ

Война неумолимо продвигалась к Японским островам. Летом 1944 года создалась чрезвычайно сложная экономическая ситуация. Перенаселенное островное государство, Япония не имела достаточных ресурсов для ведения крупномасштабной современной войны. Она полностью зависела от импорта и была особенно уязвима от ударов по морским коммуникациям.

А между тем потери торговых и военных судов возмещались судостроительной промышленностью не более чем на 40 процентов. Резервы истощались значительно быстрее, чем планировалось. Нехватка горючего приняла угрожающие размеры. Положение не спасали строгие ограничения на работу транспорта.

С каждым днем все сильнее и сильнее ощущался недостаток продовольствия и повседневных товаров. Для среднего японского жителя рис превратился в недоступную роскошь. Закрылись рестораны и дома гейш. Последним было рекомендовано подыскать другую работу. Главным продуктом стала тыква. Ею и другими овощами был засажен каждый пригодный клочок земли по всей стране. Стадион японской столицы напоминал огромный огород. Процветал черный рынок, где на еду обменивались семейные реликвии, одежда и другие предметы быта.

Падение поставок сырья из Юго-Восточной Азии пытались компенсировать из внутренних источников. По всей стране были изъяты медные, алюминиевые и жестяные горшки, сосуды, подносы и прочая кухонная утварь. Даже милитаристскую святыню храм Ясукуни не обошла подобная судьба: отправили на переплавку огромные бронзовые ворота ~ тории. Из-за нехватки досок гробы использовали лишь для проведения похоронных процессий, но не для самих похорон.

И все же положение Японии к осени 1944 года не было катастрофическим. Правительство генерала Коисо сумело упорядочить управление страной. Был создан Высший совет по руководству войной. Тайный совет информировал императора о положении в стране и на фронтах. Руководила военными операциями Верховная ставка.

Первой важной задачей Высшего совета явилось проведение решающей операции у Филиппин. Императорский штаб рассматривал различные варианты очередного удара американцев — на Тайване, на Окинаве и на Филиппинах. План операции по отражению высадки американских войск был завершен в июле 1944 года и получил громкое название «Се-Го» («Победа»). Согласно этому плану, было не важно, где высадутся американцы. Главное — встретить их всеми наличными силами. Поскольку наиболее вероятной считалась высадка на Филиппинах, то именно здесь японский штаб и решил дать последний «*хонто кессен*» — решительный бой с тем, чтобы добиться победы. При этом следует заметить, что смысл, вкладывавшийся японцами в это слово, менялся на всем протяжении войны на Тихом океане. До поражения при острове Мидуэй слово «победа» подразумевало всецелое господство Японии на Тихом океане. После Мидуэя оно стало означать победу Японии в решающей битве, которая принудит Америку остановить свое наступление и заставит подписать мир на благоприятных для Японии условиях. После захвата Сайпана под словом «победа» японское командование стало подразумевать победу над американским флотом и, как следствие, создание благоприятной обстановки для переговоров о мире с тем, чтобы сохранить неизблемыми свои довоенные позиции. Доходившие в это время до японского руководства предложения о безоговорочной капитуляции единодушно и решительно отвергались и всерьез не рассматривались.

Японский военно-морской флот, несмотря на серию тяжелых поражений, все еще представлял собой грозную силу. Количество самолетов и кораблей вселяло уверен-

ность в том, что можно добиться превосходства над американцами.

Ставка значительно занижала силы военно-морского флота США и в то же время была заморожена числом собственных кораблей и самолетов. Она не в полной мере учитывала тот факт, что значительные силы тяжелых надводных кораблей ослаблены недостатком эсминцев, авианосцев и летчиков авианосной авиации. Нехватка топлива парализовала флот. Он оказался неспособным базироваться там, где предполагало командование. Поскольку не было никакого смысла спасать флот за счет потери Филиппинских островов, то было решено пойти на риск, выставив против США все наличные боевые корабли и собрав для этого все топливо.

Только при мощной поддержке с моря и воздуха сильная японская армия на Филиппинах могла выстоять против американских сил вторжения. Она получила подкрепления из Маньчжурии. Оттуда же вызвали прославленного генерала Ямаситу, томившегося в изгнании по вине Тодзио. Но как армия, не имея возможности быть одинаково сильной на всей территории Филиппин, могла определить, где ей следует быть сильнее? Поэтому ставка выработала простое решение: удерживать линию обороны там, где она будет проходить, бросив для решительного сражения все силы Объединенного флота, армии и базовой авиации. Это был отчаянный план, но других вариантов попросту не было. Сделав ставку на использование артиллерийской мощи своих линкоров, японский флот, безнадежно уступающий противнику и численно, и качественно, вынужден будет «израсходовать» себя в самоубийственной атаке против американских десантных сил.

Таковы были намерения японской ставки. Высшее военное руководство по-прежнему стремилось уверить население в том, что дух японской нации победит любого врага, как бы силен он ни был. К концу лета 1944 года правящие круги страны усилили кампанию идеологической обработки населения с тем, чтобы японцы приготовились к новым испытаниям. Народ должен был впитать дух Сайпана. Доблесть, самопожертвование,

страдания — все это составляло основной смысл бесчисленных статей в газетах и передач по радио. Особенно часто муссировался тезис о том, что на землю Японии никогда не ступала нога завоевателя.

Американская авиация нанесла удары по островам Палау и Себу. 16 сентября американцы высадились на островах Пелелиу и Моротай. 22 сентября впервые подверглась бомбардировке Манила. Японцам сообщалось обо всем этом в общих словах. Никаких комментариев. Новости были неутешительными, и нужно было поддерживать моральный дух любой ценой.

С этой целью Императорский генеральный штаб и правительственное агентство информации приготовили серию статей, направленных на культивирование духа бусидо. Смысл их сводился к показу превосходства японской военной машины и непобедимости Японии. В одной из статей военного корреспондента Накадзимы описывались очевидные вещи. Например, утверждалось, что авиация составляет ударную силу флота. «И если враг будет подавлять нас численностью, — заявлял автор, — то мы готовы встретить его самоубийственными взрывами самолета в корабль».

Эти слова были достаточно симптоматичны: официальный репортер неофициально призывал к самоубийственным атакам.

Пропаганда делала свое дело. Население страны знало, что при первой возможности Объединенный флот совершит акцию «сделай или умри». Таран сержанта Нобе 20 августа и уничтожение в результате двух В-29 переполняли гордостью сердца японцев: вот как дерутся за свою землю доблестные воины Ямато!

Между тем Марианские острова — внутренний обвод японской обороны — пали под натиском американцев. Правительственный режим скомпрометировал себя. Премьер-министр Тодзио Хедеки, заявлявший, что американцы не посмеют атаковать Сайпан, оказался окончательно дискредитированным. Обвиненный в неспособности вести войну, он был вынужден уйти в отставку после тридцати трех месяцев руководства страной. Никто с захваченного Сайпана не вернулся в Японию.

Наконец-то японское верховное командование стало осознавать, что нужны авианосцы и самолеты, а не огромные и неуклюжие динозавры-линкоры. Снабдить вооруженные силы самолетами было реально. Но где взять опытных пилотов? Накануне войны на Тихом океане Императорский флот, без сомнения, обладал лучшими летчиками в мире, тщательно отобранными, выученными по чрезвычайно строгим стандартам. Во время войны в Китае они отработали способы и методы воздушной войны. К концу 1941 года в японском флоте насчитывалось около 1500 пилотов, включая тех, кто закончил летные школы, но не завершил всю необходимую подготовку. Фактически уже в это время опытных летчиков не хватало, чтобы обеспечить все имеющиеся самолеты — 650 на авианосцах всех типов и еще несколько сотен машин на линкорах, крейсерах, около 500 самолетов наземного базирования и т. д. Всего Императорский флот насчитывал 2210 самолетов.

Система подготовки летчиков была сложной и длительной. Школьники получали авиационную подготовку уже в возрасте четырнадцати лет как продолжение обычной военной учебы в школе, начинавшейся с восьмилетнего возраста. Способные, проявившие себя юноши, подходящие для полетов с авианосцев, отбирались на трехгодичные курсы. Проведя предварительный год учебы в общей авиационной школе в Токио или Отсу, все курсанты еще раз «просеивались» и направлялись или в специальные летные учебные подразделения, или в группы механиков. В течение двух лет пилоты-кадеты «*токусю*» совершенствовали летное мастерство. Получив базовую подготовку, они становились летчиками-истребителями, пилотами бомбардировочной авиации и т. д.

Перед нападением на Перл-Харбор пилот Императорского военно-морского флота считался подготовленным, если имел 700 часов летной подготовки, в то время как летчик США — лишь 305 часов. Поэтому в начале войны на Тихом океане почти 75 процентов американских летчиков имели налет меньше, чем японские.

В то же время японская программа подготовки пилотов была настолько строгой, что за год летчиками становились

всего около ста человек. Причем быстро исправить положение не представлялось возможным: программа была рассчитана на период от 50 до 64 месяцев. В январе 1940 года некоторые предусмотрительные офицеры предложили реорганизовать систему подготовки летчиков морской авиации — сделать ее приемлемо короткой, более активной и продуктивной, нацелив на обучение 15 тысяч летчиков. Тогда эти предложения были расценены как прожектерство и отклонены.

С началом масштабной Тихоокеанской войны Императорский военно-морской флот начал терять летчиков быстрее, чем мог восполнить. В июне 1942 года в битве при атолле Мидуэй японцы лишились целой авианосной группы вместе с 234 самолетами и большим числом незаменимых квалифицированных летчиков. Тяжесть этого поражения имела для Японии катастрофические последствия: воздушная мощь страны стала неуклонно приходить в упадок, в то время как противник быстро наращивал силы. Жестокие воздушные бои с американцами приводили к постоянным и невосполнимым потерям. Через два года, в июне 1944 года, произошло до тех пор невиданное в истории авианосное сражение, последствия которого оказались для японского флота еще более страшными, чем после Мидуэя.

Марианская морская битва, получившая у американцев название «Марианская охота на индюков», привела к потере только за один день 19 июня 346 японских самолетов против 26 американских. Причина этого грандиозного поражения японцев крылась в неумелых действиях их плохо обученных летчиков. Японский флот уже давно терял пилотов больше, чем получал. И это несмотря на то, что программу обучения летчиков уже сократили до десяти, затем до трех месяцев*. Молодые летчики слабо разбирались в навигации, тактике воздушного боя, часто не владели даже азами воздушного пилотажа. Уже в сражении за Рабаул в 1943 году плохо обученные летчики-подростки становились легкой добычей американских асов. Инструкторы летных школ

* Наоборот, время подготовки морских летчиков США возросло и стало составлять около 18 месяцев. - *Прим. авт.*

скорее с сарказмом, чем в насмешку называли отправлявшихся на фронт юнцов «черные цветки вишни». Было ясно, что они погибнут напрасно, вообще не сумев причинить врагу вреда.

Тяжесть воздушных боев по-прежнему ложилась на опытных пилотов со стажем. Они участвовали в сражениях до тех пор, пока не погибали или не получали серьезные ранения. Интенсивность боевых вылетов и нагрузка были настолько велики, что ветераны не имели возможности поделиться своим опытом с молодежью. В то же время усталость и ее результат — невнимательность, привычка к бою и ее следствие — потеря осторожности неминуемо приводили к смерти даже самых опытных пилотов-ветеранов.

В самом начале «Шанхайского инцидента» произошло событие, поразившее мир. 19 августа 1937 года китайский летчик Шен Чангхай, горя желанием остановить врага, направил свой самолет на японский корабль. Несмотря на то, что это могло быть и случайностью, так как его самолет был поражен зенитным огнем, многие японцы верили, что в данном случае имел место сознательный акт, и восхищались невиданным подвигом. По сообщениям китайских газет, подобные действия приобрели среди китайских летчиков массовый характер и в общей сложности пятнадцать пилотов пожертвовали своими жизнями, обрушив самолеты на японские корабли у китайского побережья. Они потопили семь небольших вражеских судов. Родилась новая тактика боевого применения авиации. Она вызвала восторг у японских летчиков, достойным образом оценивших героизм противника.

Через два года во время боев на Халхин-Голе подобный подвиг совершил батальонный комиссар М. А. Ююкин. Приказав экипажу покинуть горящий бомбардировщик, он бросил самолет в гущу вражеских огневых точек, совершив первый в нашей стране огненный таран. С Ююкиным был хорошо знаком командир экипажа бомбардировщика ТБ-3 Н. Ф. Гастелло, также воевавший на Халхин-Голе. Пройдет всего два года, и 26 июня 1941 года капитан Гастелло последует примеру своего

боевого товарища и совершит такой же подвиг. «Гастелловцы» — так стали называть летчиков, произведших огненный таран и пожертвовавших своими жизнями во имя победы над врагом.

Точное число огненных таранов, совершенных советскими летчиками, вероятно, установить невозможно. Более шестисот пилотов, штурманов, стрелков-радистов нанесли около трехсот пятидесяти последних ударов по врагу, превратив подбитый самолет в разящее оружие. Большинство таких атак было совершено в первый период войны. Тогда враг имел превосходство в силах, которому советские летчики противопоставили непоколебимую волю к победе.

Следует отметить, что в безвыходной ситуации в пылу боя огненные тараны совершали летчики многих стран. Прекрасно понимая, на что идут, они сознательно управляли самолетом с тем, чтобы подороже отдать свою жизнь. Уже 8 декабря, то есть в самом начале войны на Тихом океане, подобный подвиг совершил лейтенант 1-й эскадрильи Королевских военно-воздушных сил Австралии Дж. Г. Лейтон-Джоунс. Отражая высадку японского десанта в районе Кота Бару, его самолет «Хадсон-П» был подбит. Горящая машина была обречена, и летчик, поняв, что до аэродрома не дотянуть, развернул бомбардировщик и направил его на японское десантное судно. По свидетельству японцев, самолет врезался в него. Ужасным взрывом корабль был потоплен. Погибли все 60 японских солдат, находившиеся на борту в ожидании высадки десанта.

Через два дня после нападения на Пёрл-Харбор капитан американских ВВС К. Нелли совершил аналогичный подвиг. Его тяжелый бомбардировщик В-17D «Летающая крепость» получил сильные повреждения. Командир машины приказал экипажу немедленно покинуть горящий самолет. Направляемый рукой отважного капитана, В-17 таранил японский линкор «Харуна».

Лейтенант Пауэр, летчик с авианосца «Лексингтон», часто уверял товарищей, что он поразит японский авианосец. 8 мая 1942 года, во время сражения в Коралловом море, он спикировал на авианосец «Сёкаку». Однако

вместо того, чтобы сбросить бомбу и тут же вывести машину из пике, Пауэр продолжал пикировать. Лишь в 50 метрах от цели он сбросил смертоносный груз, который поразил полетную палубу. Летчик не мог не знать, что на такой малой высоте он будет непременно поражен взрывом собственной бомбы. Так и случилось: самолет резко вздрогнул и упал на авианосец огромным огненным шаром. Японский авианосец оказался выведенным из строя более чем на месяц.

Другой американский летчик капитан Ричард Флеминг совершил огненный таран во время сражения у атолла Мидуэй. 5 июня самолеты его эскадрильи морской пехоты взлетели с атолла, чтобы нанести удар по японским тяжелым крейсерам. На подлете к цели старый «Виикейтор» Флеминга получил попадание зенитного снаряда и начал гореть, но капитан не прервал полет и сбросил бомбу, которая, однако, в цель не попала. Тогда летчик направил свой самолет на крейсер «Микума». Подобно комете, объятый пламенем «Виндикейтор» врезался в кормовую башню японского корабля. Вспыхнул сильный пожар, перебросившийся во внутренние отсеки, в том числе в машинное отделение правого борта. Горящий и искореженный крейсер попытался выйти из боя, но был потоплен на следующий день американской палубной авиацией. Нет сомнений в том, что американский летчик сознательно направил свой самолет на цель, так как он мог покинуть машину с парашютом или приводниться и ожидать помощи.

Японские летчики также совершали огненные тараны. Причем зарегистрировано подобных случаев довольно много. Современные японские историки установили, что до 21 октября 1944 года по крайней мере восемнадцать их соотечественников направили самолеты на наземные военные цели. Никто не вел подобной статистики, и все эти атаки лишь неофициально считаются действиями летчиков-камикадзе.

Вероятно, первым среди японских летчиков совершил огненный таран командир звена истребителей с авианосца «Кага» энсин СёноДзиро. 21 февраля 1941 года во время японского наступления на китайский город

Куньмин, административный центр провинции Юньнань, он направил поврежденный истребитель на китайские укрепления.

Трагично закончился день 7 декабря 1941 года для летчиков 64-го сента* 3-й Императорской авиадивизии, базировавшейся на аэродромах Южного Индокитая. В 17-30, незадолго перед наступлением темноты, шесть истребителей Ki-43 под командованием майора Като вылетели для воздушного прикрытия десантных сил, направлявшихся для высадки в Кота Бару. Из-за плохой погоды летчики нашли сменяемые самолеты 2-го сента слишком поздно — в 19-10. Патрулирование пришлось ограничить одним часом из-за недостатка топлива. Турман, густая облачность и темнота затруднили возвращение, и три пилота не вернулись на аэродром, пропав бесследно.

В этой истории нет ничего необычного. Такие случаи бывали довольно часто. Во время войны на Тихом океане лишь четвертая часть потерянных машин приходилась на боевые действия. Остальные потери самолетов вызывались другими причинами. Плохая погода, трудность посадки на авианосцы, разрушающий эффект тропического климата — все это приводило к высокому уровню небоевых потерь.

На трагическом случае 7 декабря, может быть, и не стоило заострять внимание. Повторяем — в этом не было ничего необычного. Однако некоторые японские историки именно этот эпизод склонны считать предтечей всех самоубийственных атак в войне на Тихом океане. Подобное утверждение не соответствует действительности: не было самоубийственного порыва в действиях летчиков 64-го сента, действовавших на предельной дальности полета своих истребителей, застигнутых темнотой и попавших в тяжелые погодные условия.

Возможно, первую действительно самоубийственную атаку совершил 7 декабря 1941 года при налете на Пёрл-Харбор лейтенант Судзуки Мимори с авианосца «Ака-

* Базовая авиация Императорского военно-морского флота состояла из воздушных флотов (*коку кэнтай*), которые, в свою очередь, подразделялись на *коку сентай* — воздушные флотилии. — *Прим. авт.*

ги». Японские летчики к нанесению удара по американскому флоту готовились с особой тщательностью и думали при этом о смерти. Все они надели свежее нательное белье, отглаженную форму, выпили перед вылетом церемониальную чашку саке и помолились за свой успех. Многие повязали хатимаки, что было достаточно симптоматично, так как свидетельствовало о решимости погибнуть, но выполнить приказ.

Во время бомбового удара по плавучей базе гидросамолетов «Кертис» бомбардировщик «Вэл», управляемый Судзуки, был подбит зенитным огнем и врезался в кран для подъема гидросамолетов на правом борту судна, вызвав сильный пожар. Самолет получил попадание снаряда как раз в тот момент, когда выходил из пике. Летчик или потерял управление, или использовал тактику самоубийц.

Спорным остается также случай, происшедший 1 февраля 1942 года. Авианосец «Эмтерпрайз» наносил удар по атоллам северной группы Маршалловых островов. Уже по возвращении в Пёрл-Харбор он подвергся атаке пяти японских бомбардировщиков. Казалось, корабль счастливо избежал попадания авиабомб, как вдруг один из подбитых самолетов, падая, попытался врезаться в его палубу. Самолет промахнулся, упав в море в полуметре от авианосца. При этом он задел и оторвал хвост американского самолета, стоявшего на палубе, и оставил свое крыло на левой оружейной площадке.

20 февраля 1942 года самоубийственной атаке японских смертников подвергся другой американский авианосец — «Лексингтон». Два поврежденных, но не потерявших управления бомбардировщика попытались врезаться в его палубу. Один из них нацелился прямо на мостик корабля и вел по нему пулеметный огонь до последнего мгновения.

По устремившемуся в последнюю атаку японскому самолету, шедшему на высоте 60 метров, открыли сосредоточенный огонь все орудия и пулеметы правого борта «Лексингтона». Бомбардировщик не смог преодолеть плотный огонь и рухнул в море всего в пяти-шести метрах от борта авианосца, на котором даже почувство-

вали жар от горящего самолета. Второй бомбардировщик, делавший такую же попытку, был сбит эсминцами на расстоянии 90—100 метров от корабля.

Не ясно, сознательно ли совершил самоубийственную атаку или всего лишь не справился с управлением самолета летчик-истребитель Кудо Осами. Он погиб 3 марта 1942 года во время обстрела с бреющего полета порта Брум в Западной Австралии.

Во время сражения у атолла Мидуэй самоубийственную акцию совершил лейтенант Томонага Ёити. Он знал, что из боя не вернется, так как отправился в последний вылет, имея бензин лишь в правом крыльевом баке. Левый бак его самолета был пробит, но летчик не мог оставаться в стороне в то время, когда шла жестокая схватка и ускользало военное счастье.

В начале августа 1942 года американцы начали высадку десанта на остров Гуадалканал. Развернулись ожесточенные бои, которым еще не было равных в американской военной истории. 8 августа японцы предприняли во многом неожиданную атаку торпедоносцами войсковых транспортов противника. Один из самолетов получил прямое попадание зенитного снаряда и загорелся. Объятый пламенем торпедоносец управлялся до самого конца и обрушился на транспорт «Джордж Ф. Эллиот». Американцам пришлось бросить разбитый корабль.

Наиболее удачными и масштабными следует признать самоубийственные атаки японских летчиков в битве у острова Сайта-Крус. 25 октября 1942 года авианосец «Хорнет» подвергся удару 27 японских бомбардировщиков и торпедоносцев. «Вэлы» с пикирования поразили авианосец четырьмя фугасными бомбами. Кроме того, в дымовую трубу «Хорнета» врезался подбитый зенитным огнем самолет командира японской эскадрильи. Было видно, что поврежденный самолет специально покинул строй и устремился на корабль. Он получил еще несколько попаданий, но с курса не свернул. «Вэл» до последнего момента вел огонь из пулеметов. Поразив трубу, самолет отскочил и взорвался на палубе. Его две 250-килограммовые бомбы сдетонировали, образовав огромную пробоину и разрушив укрытие для сигнальщи-

ков. Взрывы вызвали большой пожар на полетной и ангарной палубах, поразили многих матросов.

Одновременно с ударом бомбардировщиков слева с кормы и с правого борта ринулись в атаку еще более смертоносные и опасные торпедоносцы «Кейт». Две торпеды поразили машинное отделение, а затем рядом с шахтой носового самолетоподъемника взорвался сбросивший торпеду поврежденный и горящий самолет. «Хорнет» получил тяжелейшие повреждения и оказался совершенно беспомощным. Попытки спасти его не увенчались успехом, а новые бомбовые и торпедные удары окончательно привели судно к гибели. Авианосец затонул 27 октября.

Уже вечером 25 октября во время очередной атаки японских бомбардировщиков один самолетов врезался в орудийную башню № 1 эскадренного миноносца «Смит», вызвав на нем сильные пожары. Американские моряки смогли потушить их, лишь направив пылающий корабль в высокую кильватерную струю шедшего на скорости 25 узлов линейного корабля «Сауз Дакота».

Таким образом, 1942 год оказался богат примерами самоубийственных атак, совершенных летчиками разных стран. Ни один из приведенных случаев таких атак не носил характера заранее спланированной акции. Все они происходили непосредственно в ходе боя, и летчики приносили в жертву свои жизни в безвыходных ситуациях, решив своей смертью нанести удар по врагу. Что их заставляло поступать именно так? Мы никогда этого не узнаем. Патриотизм и любовь к родине? Вероятно, это так. Однако мир человеческих эмоций – тонкая и сложная сфера. Несомненно, что патриотизм подкреплялся ненавистью к врагу, жаждой и азартом боя, болью от полученных в сражении ран и ожогов, твердой решимостью достичь цели операции, отчаянием от превосходящих сил врага и многими другими чувствами, индивидуальными в каждом конкретном случае.

Самоубийственные атаки японских пилотов совершались на протяжении всей войны. В следующем 1943 году число самоубийственных воздушных атак про-

должало расти. Однако всплески подобной активности наблюдаются во время крупных и наиболее яростных сражений. Так, например, во время отражения высадки войск союзников на остров Бугенвиль в ноябре 1943 года было отмечено сразу несколько случаев самоубийственных атак японских летчиков.

В войне на Тихом океане японцы сражались с героизмом и ожесточением, которое шокировало американцев. Когда в начале 1943 года военное счастье стало ускользать из рук японских милитаристов, и в армии, и во флоте стали появляться слухи об использовании «специальных атак». «Специальные атаки» – это типично японское обозначение самоубийственных операций. В японских вооруженных силах уже давно существовала тактика, называвшаяся «*кессхи*» («готовность умереть»). Она предполагала ведение военных действий с максимальной самоотдачей, граничащей с самопожертвованием. Поэтому слухи о «специальных атаках» попали на подготовленную почву и не вызвали удивления в военных кругах, тем более, что еще с 18 декабря 1941 года стал использоваться термин «*токко*» — «подразделение специальных атак».

Некоторые западные авторы утверждают, что первая официально запланированная самоубийственная атака против кораблей США была осуществлена 27 мая 1944 года. В этот день два японских истребителя «Торю» заранее разработали, а затем предприняли попытку таранить американские десантные корабли у острова Биак (район Западной Новой Гвинеи). Оба самолета были сбиты, но один из них упал рядом с небольшим кораблем «Субчасер-699». При этом погибло два американских моряка.

Несколько случаев самоубийственных атак зафиксировано в Марианском сражении. 19 июня 1944 года в ходе битвы у Марианских островов один из японских пилотов заметил, что флагманский корабль Императорского флота атакован американской подводной лодкой. Он резко спикировал и принял удар вражеской торпеды на себя.

В этот же день энсин Ямамото Итиро, ветеран Перл-

Харбора, направил свой поврежденный американскими самолетами истребитель на неприятельский корабль.

В июне и в начале июля 1944 года американский флот предпринимал непрерывные морские и воздушные атаки острова Иводзима. Удары по аэродромам и воздушные сражения свели на «нет» действия японской авиации. Неопытные летчики не могли на равных сражаться с американскими асами.

4 июля после очередного налета авиации США на Иводзиму осталось всего 17 исправных самолетов. Получив сообщение о том, что американский флот замечен в пятистах милях к югу от острова, капитан Миура Канзо приказал летчикам срочно собраться у палатки командира пункта. Оглядев присутствующих, он обратился к ним со следующими словами:

«Вы должны снова ударить по врагу, именно теперь, когда оборонительные сражения закончились. Вы — летчики авиационного соединения Йокосука, самого прославленного в Японии. Я надеюсь, что сегодняшняя акция добавит славы вашему полку.

Я приказываю увековечить вашу честь и выполнить задачу, которая ставится перед вами. Вы не можете, я подчеркиваю, вы не можете надеяться на то, что выживете. Вы должны держать в уме только одно слово — атака! Вас всего семнадцать, но сегодня вы, вероятно, встретитесь с сотнями американских истребителей.

Вот почему забудьте об индивидуальных атаках. Вы не должны наносить удары по целям поодиночке. Наоборот. Вам надо держаться тесной группой. Вы должны проложить дорогу через американское истребительное прикрытие и... спикировать все вместе на вражеские авианосцы! Спикировать вместе с торпедами, жизнями и душами... Обычная атака бесполезна. Даже преодолев заслон истребителей, вы будете сбиты по возвращении на остров. Ваша смерть окажется бесполезной для нашей страны. Ваши жизни будут потрачены напрасно. Мы не можем это разрешить.

Пока вы не достигнете целей, летчики «Зеро» не допустят атаки вражеских истребителей. Пилоты бомбардировщиков не сбросят торпеды преждевременно. Дер-

житесь все вместе, и ничего не случится. Крыло к крылу! Ничто не остановит вас от выполнения вашей миссии. Вы должны пикировать группой, чтобы удар был эффективным. Я знаю, что то, что я говорю, трудно выполнить. Даже кажется невозможным. Но я знаю, что вы можете это сделать и что вы это сделаете. Каждый из вас врежется прямо во вражеский авианосец и потопит его... Это приказ!»

В завершение речи командира пилоты по традиции должны были громко прокричать «банзай». Но сейчас установилась гробовая тишина. Летчики глубоко погрузились в собственные мысли. Месяцами они отчаянно сражались, имея мало шансов остаться в живых. Но никогда их не покидала надежда. Каждый верил, что его очередь умереть еще не пришла. Сейчас было не так: им было приказано умереть. Причем умереть сознательно...

В назначенное время 17 самолетов (9 «Зеро» и 8 торпедоносцев «Тензан») взяли курс на юг. В 60 милях до цели формация была перехвачена американскими «Хеллкетями». 60 истребителей в считанные минуты сбили почти все японские самолеты. Лишь четыре «Зеро» смогли укрыться в облаках. Летчики не смогли обнаружить американский флот и вернулись на остров, чтобы совершить новую атаку. Радостно встреченные друзьями, они так и не смогли совершить задуманное: на следующий день остров подвергся мощному обстрелу из тяжелых корабельных орудий. Все четыре «Зеро» превратились в обломки.

25 июля военное министерство объявило, что майор Кацусиге Такада и семь других пилотов армейской авиации были упомянуты императором за то, что направили свои самолеты в корабли союзников во время высадки сил генерала Макартура на остров Уэйк. При этом, как отмечалось в коммюнике, они потопили два вражеских крейсера и повредили два других. И хотя союзники этих потерь не подтвердили, важно было следующее: самоубийственные атаки, причинявшие потери врагу, были официально признаны актами героизма.

Через несколько дней, 29 июля, был опубликован очередной, 20-й по счету, императорский «список чes-

ти>>, в котором традиционно указывались лишь героически павшие на поле боя японские военнослужащие. Это был исключительно японский подход — отмечать заслуги и чествовать не живых, а мертвых. Какие бы героические поступки солдат не совершал, каким бы воинским искусством он не обладал — все это не влияло на его повышение в чине и на награды. Но если герой пал на поле боя, его посмертно повышали в звании и награждали медалью. Среди 9300 человек, отмеченных в императорском списке, большинство совершили героические поступки и погибли в сражениях за Гуадалканал и за Соломоновы острова.

Известно, что тактика банзай-атак, способ уничтожения врага тай-атари широко применялись японцами на протяжении всей войны. Это были самоубийственные акции, и не зная об этом император, высшие правящие круги и генеральный штаб не могли. Тем не менее, ни в каком варианте термин «самоубийственная атака» не упоминается в июльском императорском списке. Согласно кодексу бусидо, воин должен быть готовым к смерти в любой момент. Но кодекс вовсе не принуждал воина рассматривать собственную смерть как единственный итог его военных действий, тем более сознательно ее планировать. Кроме того, подобное расточительство людскими ресурсами противоречило существовавшему тогда подходу.

Чем напряженнее становилась ситуация у Филиппин, тем активнее газеты развивали тему любви к стране, семье, героизма и т. д. В конце сентября появилась рубрика «Письма японских погибших героев». Практически все статьи в ней заканчивались констатацией веры в победу Японии и призывали к самопожертвованию.

В одной статье из Филиппин приводилось высказывание одного авиационного командира. Он рассказал о подвиге японского летчика, вступившего в бой с восемью американскими истребителями. Летчик героически сражался с противником и взорвал свой самолет и себя, врезавшись в истребитель противника. По наблюдениям с земли, это была типичная акция тай-атари. Командир сожалел, что его пилоты не могут нанести врагу более

тяжелые удары. Необходим приказ свыше, заявил он, чтобы завершать все атаки таранами или пикированием на вражеские корабли. И тогда летчики при первой возможности снова кинутся в объятия смерти, уничтожая при этом врага.

Только доблестью, волей к победе и боевой яростью можно было преодолеть американское превосходство в технике и боевой выучке. Так считали многие представители высшего военного командования Японии. Идея не отличалась новизной: ее применяли на всем протяжении войны на Тихом океане отдельные японские воинские отряды. Часто, как уже рассказывалось, японские пилоты бросали свои поврежденные машины на корабли врага или таранили самолеты противника в воздухе.

15 октября американский флот был замечен к востоку от Лусона. Немедленно были подняты все исправные самолеты — и армейские, и морские. Вторую волну атакующих самолетов вызвался повести в бой лично контр-адмирал Арима Масафуми, командир 26-й воздушной флотилии.

Щепетильный и пунктуальный до мелочей, всегда одетый по полной форме даже несмотря на угрожающую тропическую жару, Арима являлся человеком с высоким чувством собственного достоинства. Обходительный и вежливый, он происходил из семьи преподавателей конфуцианского учения, которые веками служили феодалам Кагосимы на юге Кюсю. Детские годы он провел в Англии. Там он посещал английскую школу, получил морскую подготовку в Британском королевском флоте,

В редкие свободные минуты он любил читать потрепанный фолиант, давно потерявший обложку. «Это книга по тактике моего дедушки!», — улыбаясь, объяснял он любопытным. В свете ровного и спокойного поведения контр-адмирала с подчиненными его последний отчаянный поступок казался невероятным.

21 сентября американская палубная авиация впервые нанесла удар по Маниле. Плохая связь и работа радаров помешали японцам достойно встретить противника. Но сентябрьские налеты были всего лишь прелюдией к более мощным последующим ударам.

К середине октября высшее военное командование в Токио продекларировало: «Судьба отечества зависит от следующей великой битвы, и каждый, как ожидается, делает все возможное».

Сражаясь, каждый пилот делал все возможное. Но как командиру флотилии сделать все возможное? К этому времени Арима был глубоко опечален тем, что он называл бесполезной активностью. Он хорошо понимал проблемы, с которыми столкнулась Япония. Поступавшие в части молодые летчики не умели воевать. Они страстно желали драться и были способными и неглупыми молодыми людьми. Попав в бой, они быстро учились. Тем не менее, в массе своей они были настолько плохо подготовлены, что более чем треть из них даже не достигала филиппинских берегов на своих самолетах. Они либо исчезали над морем, не сумев найти верный курс, либо беспощадно сбивались американцами, представляя из себя по существу беззащитную цель. Но даже благополучно достигнув Филиппин, они не могли тягаться на равных с опытными американскими морскими летчиками.

Адмирал Арима разделял аргументы вице-адмирала Ониси, высказанные последним во время сражения за Сайпан. Эти аргументы шокировали многих и вызвали протесты и споры среди высшего командования военноморских сил. Ониси призвал пилотов, неспособных сразиться с врагом обычным способом, таранить его своими самолетами. Таким образом, утверждал адмирал, эти молодые люди совершат великий подвиг во имя своей страны. Предпринять что-либо иное и другим способом они не в состоянии.

Арима серьезно призадумался над словами Ониси в сентябре во время воздушных рейдов американских палубных самолетов на Филиппины. Два-три удачливых пилота могли потопить авианосцы и остановить американские силы вторжения. Адмирал поделился своими мыслями с командующим 1-м воздушным флотом адмиралом Тераокой, по получил вежливый и твердый отказ. Профессионал до мозга костей, Тераока за свою долгую службу никогда не занимался авантюрными экспери-

ментами. Если Токио дало ему оружие, он будет драться. Но никогда не разрешит организовать сознательную бойню своих людей.

И вот 15 октября, узнав о неудаче своих летчиков первой волны атаки, адмирал вдруг объявил, что лично поведет в бой вторую волну. Штабные офицеры пытались отговорить его, но Арима оставался непреклонным. Он сорвал с мундира знаки отличия, сел в истребитель «Сусей» и повел за собой группу из 13 бомбардировщиков и 86 истребителей. В 15-54 Арима обнаружил американские корабли и отдал приказ атаковать их. Находясь над целью, он произнес слова, которые впоследствии часто любил цитировать Ониси: «Прямой атакой я потоплю неприятельский авианосец. Меня ведет путь самурая и правила боевой этики, и потому я спокоен. Да здравствует его величество император и Япония!».

Произнеся эти слова, Арима направил самолет на цель. Позже японская пропаганда во всех деталях расписывала, как истребитель врезался в палубу американского авианосца, и страшной силы взрыв вывел его из строя.

На самом деле самолет Аримы был сбит зенитным огнем и упал в 30 метрах от авианосца «Франклин». При ударе об воду оторвалась часть его крыла, которая упала на полетную палубу. Позже авианосец был серьезно поврежден бомбами с двухмоторного бомбардировщика С4М.

Ариму стали считать первым камикадзе. Вероятно, это так: он добровольно ушел из жизни, намереваясь при этом уничтожить врага. И если второе не удалось, то первое -- умереть на поле боя -- было выполнено в лучших самурайских традициях.

ГЛАВА VI

ФИЛИППИНЫ: РЕШИТЕЛЬНАЯ БИТВА

«ОТЕЦ» КАМИКАДЗЕ

Среди высших офицеров Императорского военно-морского флота особо следует выделить несколько человек, которые выступали горячими сторонниками претворения в жизнь идеи авиационных самоубийственных атак. Среди них вице-адмирал Тоёда Созму, главнокомандующий Объединенным флотом, вице-адмирал Угаки Матоме, командующий 5-м воздушным флотом, и другие. Однако история камикадзе прежде всего ассоциируется с именем вице-адмирала Ониси Такидзиро. Будущий «отец» камикадзе родился в 1891 году в деревне Асида. Его семья придерживалась старых самурайских традиций, что не могло не оказать влияния на молодого человека. Самурайское происхождение позволило ему без труда поступить в Императорскую академию военно-морского флота в Этадзиме. Старательный и способный слушатель, он окончил ее в 1912 году и получил назначение в зарождающуюся морскую авиацию. Служба его полностью захватила. Во время Первой мировой войны Япония, стремясь извлечь для себя выгоду, выступила на стороне Антанты и осадила расположенную в Китае крепость Циндао.

Действовавшие против Циндао японские силы включали в себя семь самолетов. Три гидросамолета «Фарман» располагались на плавучей базе «Вакамия Мару». Ониси вместе с другими пилотами принимал участие в атаках на немецкие тральщики и другие небольшие корабли. Японский генерал Ватанабе отмечал, что «бросание бомб производило на противника главным образом моральное впечатление и лишь отвлекало его внимание, не нанося каких-либо серьезных повреждений». Это не

удивительно: авиация тогда делала только первые шаги. Однако Ониси приобрел боевой опыт и получил свою первую боевую награду за участие в потоплении германского минного заградителя.

Ониси часто сталкивался с защитниками старой морской тактики. Являясь горячим приверженцем новых идей во всем, что касалось боевого применения самолетов и кораблей, адмирал всегда подчеркивал их преимущества, которые неизбежно скажутся в будущей войне. В 1938 году он основал «Общество по изучению воздушной мощи». Ониси всегда грубил своим старшим по возрасту идейным противникам. Они платили ему тем же, прозвав его «гусо» — «дурацким адмиралом». Прозвище навсегда прилипло к нему. В свой адрес Ониси не терпел ни лести, ни нареканий. Он обладал буйным нравом, и его часто обвиняли в разгульном образе жизни. Завсегдатай ночных увеселительных заведений, Ониси слыл большим ценителем коньяка, азартных игр и красивых женщин. Подобный образ жизни не был характерным для японского офицера, и в конце концов Ониси выгнали из специального военно-морского учебного заведения, где он учился. Однажды в изрядном подпитии он дал пощечину гейше, не захотевшей остаться с ним наедине. Но на этом не успокоился, а отправился в казарму в открытой пролетке, распевая непристойные песенки. В состоянии опьянения Ониси мог надавать по физиономии кому угодно, невзирая на чины, звания и положение, занимаемое обидчиком. Комендант учебного заведения немедленно исключил Ониси со службы в военно-морском флоте. Однако его боевой опыт приняли во внимание, и все обошлось лишь исключением из военно-учебного заведения как раз накануне экзаменов. Впрочем, Ониси не принял это близко к сердцу. В 1918 году он уехал на двухгодичную стажировку в Англию и Францию. Затем поступил на службу в морскую разведку и отправился в японское представительство на Гавайях. За бутылкой виски или коньяка Ониси узнавал от американских офицеров немало ценных сведений о базе, ее оборонительных сооружениях, военных кораблях и т. д. Впоследствии личное

знакомство с островом Оаху и американскими военными силами на Гавайях очень помогли Ониси при разработке плана нападения на Пёрл-Харбор.

Как один из первых японских морских летчиков, он в 20—30-х годах много времени и сил уделял формированию могучего авианосного флота, который, по его мнению, должен навсегда изменить характер морской войны. Он также нашел время принять участие в боевых действиях в Китае и даже стал асом, Небольшого роста, крепко сложенный, Ониси считался одним из самых выдающихся авторитетов морской авиации. В процессе ежедневной работы он уделял большое внимание вопросам, связанным с поведением командиров, подходя к ним с психологической точки зрения. Прежде всего его интересовало поведение младших офицеров и унтер-офицеров в критических боевых ситуациях. Помимо этого, Ониси изучал вопрос о готовности подчиненных выполнить боевое задание даже ценой собственной жизни. Свои соображения он изложил в работе «Боевая этика Императорского военно-морского флота», изданной в 1938 году. С тех пор эта работа широко использовалась в воспитании японских моряков. Усердие Ониси было замечено: в следующем году ему было присвоено звание контр-адмирала.

Примером фанатизма Ониси может служить случай, имевший место в самом начале войны на Тихом океане. В то время он занимал должность начальника штаба 11-го коку кантай, расположенного на Формозе. Оттуда вылетела группа бомбардировщиков Мицубиси G3M из состава 1-го кокутай*. Самолетам было приказано произвести бомбардировку американских баз, находящихся на Филиппинах. Во время налета один из самолетов был сбит, а экипаж попал в плен. В книге регистрации вылетов записали, что самолет «погиб при выполнении боевого задания». В результате стремительного наступления японских войск экипаж вскоре был освобожден, и летчики возвратились в свое подразделение. Они пребывали в ужасе. Согласно правилам японской военной этики, экипаж не имел права сдаваться в плен. Падая в

Кокутай - морской авиакорпус. - Прим. авт.

подбитом самолете, нужно было нанести как можно больший вред противнику. Летчики нарушили неписаный кодекс бусидо, и освобожденный экипаж стал по существу пленником в своем родном подразделении. Пилотов изолировали от коллег и лишили всех званий. Через неделю их вызвал Ониси и долго с ними беседовал. Когда в следующем месяце подразделение перебазировалось в Рабаул, каждому члену экипажа вернули звание и позволили совершить разведывательный вылет в Порт Морсби.

Несмотря на разведывательный характер полета, самолет загрузили бомбами, и вылетел он без сопровождения истребителей. Бомбардировщик достиг цели, и командир экипажа сообщил, что приступает к выполнению дополнительного задания -- бомбардировке крупного объекта. Самолет из полета не вернулся, и Ониси приказал весь экипаж вновь считать героями. В книге боевых вылетов не пришлось делать никаких поправок. Таким был Ониси, неуклонный последователь кодекса бусидо.

Летом 1944 года Ониси предпринимал все меры, какие только мог, чтобы убедить высшее командование удерживать Сайпан любой ценой. Потерять остров, заявлял он, — означает разрушить всю японскую оборону.

После падения Сайпана он развил бурную деятельность, настаивая на перемене порочной оборонительной тактики. Поскольку верховное военное командование отказало ему в своей поддержке, Ониси отправился в Токио, чтобы добиться приема у императора. Однако император Хирохито, узнав о цели аудиенции, отказал ему в ней. Одержимый идеей самоубийственных атак, Ониси считал, что ничто, кроме самопожертвования молодых защитников отечества, не сможет уничтожить вражеский флот и привести Японию к победе.

«Существует лишь два вида воздушных бойцов, - заявлял он, — победители и побежденные. И хотя Япония испытывает серьезную Нехватку опытных пилотов, есть средство справиться и с этим. Если летчик, видя вражеский самолет или корабль, напряжет всю свою волю и силы, превратит самолет в часть самого себя —

вот самое совершенное оружие. А разве может быть для воина более великая слава, чем отдать свою жизнь за императора и за страну?»

13 октября 1944 года адмирал Ониси, только что назначенный командующим 1-м воздушным флотом, вылетел в Манилу, чтобы сменить на этом посту своего бывшего товарища по академии адмирала Тераоку Кимпей.

Японское командование напряженно ожидало нового наступления союзников. Наконец 17 октября были замечены американские десантные силы, направлявшиеся для захвата островов у входа в залив Лейте. Узнав об этом, адмирал Тойода приказал Ониси немедленно привести в действие на Филиппинах план «Се-Го».

Командующий 1-м воздушным флотом сразу же вылетел в Мабалакат, пыльный филиппинский городишко на острове Лусон в 70 километрах к северу от Манилы.

Здесь размещался штаб 201-й воздушной группы. Сформированное 1 декабря 1942 года, это соединение участвовало в жестоких воздушных боях в районе Рабаула. За полгода его летчики сбили 450 самолетов союзников. Однако и собственные потери были огромными. Во время сражения за Сайпан летчики 201-й воздушной группы первыми стали изучать технику таранных атак бомбардировщиков В-24. Именно это принял во внимание Ониси, направляясь в штаб соединения, переведенного на Филиппины для пополнения.

Адмирал понимал, что на него возложена огромная ответственность. Покидая столицу после нового назначения, он твердо заверил Императорский генеральный штаб в том, что сделает все от него зависящее, чтобы достигнуть требуемых результатов. Настало время доказать на практике правильность собственной теории.

Встретившись с Тераокой, Ониси был поражен. Бывший командующий не знал даже числа самолетов, которые у него остались! Он потерял контроль за ситуацией и был совершенно подавлен. И было от чего.

Американское командование хорошо понимало роль Филиппин как островной «завесы», прикрывающей мор-

ской путь доставки сырья из Юго-Восточной Азии в Японию.

С 9 по 12 сентября авиационный флот США нанес первый удар по Филиппинам.

Рейд авианосцев адмирала Холси имел далеко идущие последствия: вскрылась слабость японской авиации, что позволило американскому командованию перенести начало наступления на более ранние сроки. Еще более ухудшили положение мощные авиационные удары по Маниле 21—22 сентября. 10—11 октября американский авианосный флот совершил первый воздушный налет на аэродромы Окинавы. С 12 октября авианосная авиация США в течение трех дней подвергала сокрушительным ударам аэродромы и другую военную инфраструктуру на Формозе, одном из самых сильноукрепленных районов Японии. В итоге с 10 по 17 октября японские вооруженные силы понесли чудовищные потери. Лишь на Формозе американский флот уничтожил 500 японских самолетов, потеряв всего 79 собственных.

Вот как обстояли дела у японцев, к примеру, 12 октября. В этот день утром, обнаружив огромную армаду американских самолетов, приближающихся к Формозе, командующий японской авиацией, базировавшейся там, вице-адмирал Фукудome Сигеру послал навстречу ей все свои истребители -- 230 самолетов. Он знал, что его пилоты едва научились летать и некоторые видели воздушный бой лишь в кино. Однако надеялся, что японские летчики возьмут верх своим количеством. Находясь на командном пункте, он наблюдал за ходом боя во всех деталях: «Наши перехватчики мощно ударили сверху по вторгшимся вражеским самолетам. Один за другим самолеты стали падать, объятые пламенем. «Сбит! Сбит! Огромный успех!», — захопал я в ладоши. Увы! К моему глубокому разочарованию, я вскоре понял, что все сбитые самолеты — наши истребители, а те, которые гордо кружили над головами — вражеские! Короче, воздушный бой закончился нашим полным поражением».

Вице-адмирал Фукудome сравнивал японские самолеты, управляемые малоопытными летчиками, с яйцами,

которые кидают в каменную стену, — настолько неэффективно они действовали, Потери Японии в самолетах в сентябре и начале октября в итоге имели катастрофические последствия*.

А между тем Императорский 2-й воздушный флот на Формозе должен был по плану принять самое активное участие в «решительном сражении» на-Филиппинах. Таким образом, лишь сотня исправных самолетов, в основном истребителей, — это все, на что мог рассчитывать новый командующий 1-м воздушным флотом.

Только теперь Ониси понял, в какой ситуации он оказался. Прибыв в Мабалакат, он приказал немедленно собрать летный состав. К этому времени в 201-й воздушной группе оставалось всего 25 исправных истребителей «Зеро». Однако боевой дух летчиков был, как всегда, высок. Ониси хорошо знал командира полка капитана** Ямамоту Сакаи и считал его своим единомышленником.

Было 18-30. Быстро сгущалась темнота. Адмирал предложил пройти в штаб, который располагался в большом двухэтажном доме, построенном в западном стиле. В комнате на втором этаже за столом помимо Ониси разместились пятеро офицеров: старший офицер 1-го воздушного флота капитан Иногути Рикихей, заместитель командира 201-й воздушной группы капитан Тамаи Асаити, штабной офицер 26-й воздушной флотилии Йосиока Туити, два командира эскадрилий первые лейтенанты Исусуки и Йокояма.

Адмирал внимательно взгляделся в лица собравшихся. Спокойно и четко он делился своими мыслями: «Вы знаете, что ситуация угрожающая. Подтверждено появление мощных американских сил в заливе Лейте. Судьба империи зависит от хода операции «Се-Го», которая разработана Императорским генеральным штабом с целью предотвратить вражеское наступление на Филиппины. Наши сухопутные силы уже действуют. Наша ударная сила, 2-й флот вице-адмирала Куриты, будет

* Только за один октябрь 1944 года Япония потеряла больше самолетов, чем Германия в течение двухмесячной «Битвы за Британию», — *Прим. авт.*

** Звание капитана I ранга военно-морского флота соответствует званию полковника в армии. — *Прим. ант.*

направлен в залив Лейте и уничтожит вражеские силы вторжения. Задача 1-го воздушного флота состоит в том, чтобы обеспечить силы адмирала Куриты надежным воздушным прикрытием с тем, чтобы они достигли залива. Чтобы выполнить эту задачу, мы должны поразить авианосцы противника и нейтрализовать их по крайней мере на одну неделю.

Я думаю, что существует единственный способ использовать наши скудные силы с максимальной эффективностью — создать соединение самоубийственных атак, вооруженных истребителями «Зеро» с 250-килограммовыми бомбами. Каждый самолет спикирует и врежется во вражеский авианосец... Что вы об этом думаете?»

Адмирал оглядел офицеров. Все молчали. Однако, как отмечал позднее полковник Иногути, слова Ониси «зажгли искру в каждом из нас». Тактика таранных ударов тай-атари уже использовалась летчиками в воздушных битвах против тяжелых вражеских бомбардировщиков. Пилоты считали, что подобную тактику можно с успехом использовать против авианосцев. «Это трудно понять, — утверждал Иногути, — но люди приветствовали смерть. Однако их позиция становится более ясной, если учесть, что в 1944 году шансы уцелеть во время очередного налета на вражеские авианосцы были ничтожными, какой бы метод атаки они не использовали. Если пилот так или иначе погибнет, не логичней было бы умереть с пользой, с максимальными потерями для врага?»

На первый взгляд может показаться, что чрезвычайная мера -г создание отрядов летчиков-самоубийц - явилась следствием глубокого отчаяния, поразившего японскую авиацию. Это не совсем так. Поняв, что авиация несет огромные потери, а страна испытывает острую нехватку ресурсов, Тодзио сделал ставку на расширенное производство прежде всего истребителей. Ведь вместо одного бомбардировщика можно было построить пять истребителей. К тому же Япония располагала выдающимся истребителем «Зеро», достаточно скоростным и маневренным. Сопровождая бомбардировщики до цели, японские летчики-истребители испытывали разочарова-

ние и неудовлетворенность от того, что остаются не у дел и не наносят потерь американскому флоту. К этому времени на вооружение американской зенитной артиллерии в достаточном количестве появились снаряды с дистанционными взрывателями. Они автоматически подрывали снаряд в момент его пролета вблизи самолета. Эффективность зенитного огня значительно возросла. Особенно пагубно она отразилась на бомбардировщиках, которые стали теперь более легкой добычей из-за своей низкой маневренности.

В условиях растущих потерь бомбардировочной авиации родилась идея атаковать американские корабли одними истребителями. Легкий «Зеро» не был способен поднять тяжелую мощную бомбу или торпеду, однако мог нести 250-килограммовую бомбу. Конечно, одной такой бомбой авианосец не потопишь, но вывести его из строя на длительный период было вполне реально. Достаточно повредить полетную палубу.

Эксперименты с подвеской бомбы на самолет «Зеро» показали, что подобное оружие наиболее эффективно при использовании метода топмачтового бомбометания, то есть бомбометания, осуществляемого с высоты мачты атакуемого корабля. В 1944 году оно широко применялось авиацией многих стран. Летчик атакующего самолета должен приблизиться к цели на малой высоте, например, совместив глазом на одном уровне линию горизонта с плоскостью палубы. При таком полете низко над водой возможность обнаружения корабельным радаром сводилась к минимуму. Проблема состояла в том, что нужно было лететь низко над морем на максимальной скорости и сбросить бомбу с высоты ниже уровня палубы. В этом случае бомба, ударяясь об воду, рикошетом поражала борт корабля наподобие торпеды. Погодные условия, дым сражения, разрывы снарядов — все это значительно усложняло задачу. Летчику необходимо было учитывать высоту сброса бомбы, скорость самолета, дистанцию до цели, направление ветра, высоту волн, другие факторы. Еще одна проблема этого метода состояла в том, чтобы обезопасить собственный самолет. Ведь бомба, сбрасываемая с высоты четырех метров, отскакивала от воды на

высоту пяти метров, и получалось, что самолет пролетал под ней! Поэтому установили оптимальную высоту полета — 9 метров. При этом пилот сразу же после сброса бомбы должен был мгновенно совершить сложный и искусный маневр. Секундная задержка неминуемо вела к потере самолета. Техника топмачтового бомбометания не совсем подходила для атаки авианосцев. Гораздо эффективней было пикировать на них, сбрасывая бомбу в самый последний момент.

Только это давало возможность повредить корабль такого типа. Бомба, сброшенная на его палубу, могла причинить разрушения, которые не позволяли выпускать и принимать самолеты.

Тяжелый груз ответственности лег на плечи заместителя командира 201-й воздушной группы капитана Тамаи: ему поручил Описи довести свой план до летчиков — непосредственных исполнителей. Офицер не понаслышке знал об угрожающей ситуации, которая требовала чрезвычайных мер. Он читал самые сокровенные мысли своих подчиненных. После долгой паузы он попросил у адмирала несколько минут, чтобы обдумать его предложение. Приказав лейтенанту Ибусуки следовать за ним, Тамаи покинул комнату. Он хотел знать, каково будет отношение к предложению адмирала летчиков-офицеров и других пилотов.

Лейтенант Ибусуки заверил, что летчики одобряют предложение Ониси. Вернувшись в комнату, Тамаи доложил адмиралу, что 201-я воздушная группа готова к разработке программы самоубийственных атак. Он попросил позволить летчикам самим создать такое подразделение.

Адмирал отправился отдыхать, а Тамаи, посоветовавшись с командирами эскадрилий, приказал срочно собрать всех пилотов. Он объяснил двадцати трем летчикам суть предложения Ониси. Неистовство эмоций, радость, вскинутые вверх руки — все это лучше всяких слов свидетельствовало о полном одобрении идеи адмирала.

«Они так молоды. И хотя не могут объяснить то, что в их сердцах, я никогда не забуду твердую решимость их лиц, блеск глаз в сумраке комнаты», — делился позже своими впечатлениями ошеломленный Тамаи.

Собрание затянулось далеко за полночь. Предупрежденные о сохранении в тайне принятых решений, летчики разошлись по своим кроватям, а Тамаи задумался о выборе лидера группы, опытного и волевого летчика. Он остановился на кандидатуре лейтенанта Секи Юкио. Всего месяц назад тот прибыл с Формозы. И хотя он летал на палубных бомбардировщиках и не был истребителем, у командования не возникло сомнений в том, что Секи справится с любой задачей. Но согласится ли лейтенант возглавить группу летчиков-самоубийц? Он ведь недавно женился...

Вызвав Секи, Тамаи изложил ему суть дела: адмирал Описи лично прибыл в 201-ю воздушную группу и представил план огромной важности для Японии. Самоубийственные атаки против вражеских авианосцев должны обеспечить успех операции «Се-Го». Не мог бы Секи возглавить подразделение летчиков-самоубийц?

Войдя в помещение, Секи очень удивился, увидев столько важных особ, ожидающих его прибытия. Услышав предложение Танаи, он был шокирован. Томительно тянулись секунды. Лейтенант пребывал в глубоком раздумье. Он закрыл глаза, стиснул зубы и крепко сжал кулаки. Было видно, что в душе у него идет борьба.

Секи происходил из семьи владельца антикварной лавки в городе Сеи на острове Сикоку. Его отец-пацифист отказывался принимать участие в каких бы то ни было военных действиях. Он не служил в армии, но в Китае погибли трое из его четырех братьев. Для сына он выбрал профессию историка. Юкио был способным учеником и закончил школу одним из лучших. Поступить в университет ему помешал Ивамото Сигео, или, как его называли, «профессор военного дела». Он хотел, чтобы в школах как можно больше времени уделялось военным наукам и самой войне. Ивамото вел долгие беседы с учениками и агитировал их вступать в ряды армии. Он свято верил, что для того, чтобы стать великой державой, Японии необходима сильная армия и флот. Благодаря красноречию и демагогии Ивамото удалось уговорить многих учеников, в том числе и Секи. Несмотря на протесты близких, он в 1938 году поступил в Импера-

торскую академию военно-морского флота в Этадзуме. Военное ремесло полностью захватило его. Молодой человек навсегда расстался с отцом, обвинявшим сына в том, что он дал присягу воевать и убивать людей. После окончания академии в 1941 году Секи послали служить на авианосец «Хитосэ», на борту которого он участвовал во многих боевых операциях в Тихом океане. Через два года пилота перевели на авиабазу в Касумигара, где он продолжал совершенствоваться в летном мастерстве. Там же он познакомился с дочерью командира Ватанабе Марико, и в мае 1944 года они поженились. Вскоре после этого он уехал сначала в Корею в Носан, затем был переведен на тайваньский аэродром в Тайпее, и, наконец, оказался на филиппинском аэродроме Мабалакат.

Секи оказался в безвыходной ситуации. Выбора не было. Его, выпускника академии, в любом случае ожидала смерть в бою и слава. Так происходило со всеми его товарищами. Можно было отказаться от предложенной чести. Но тогда по его вине пострадал бы командир, а на все подразделение пало бы нескрываемое пятно позора.

Сомнений в выборе лейтенанта не было. Он поправил длинные волосы, поднял голову и произнес: «Я готов. Как выпускник Этадзимы и потомок самураев, я знаю свой долг. Вы обязаны позволить мне сделать это».

К утру 20 октября 1944 года формирование подразделения самоубийственных атак было завершено. В его состав вошло 26 самолетов, половина из которых предназначалась для таранных ударов по авианосцам, а другая половина — для выполнения эскортных задач. Подразделение состояло из четырех отрядов по шести самолетов в каждом; «Ямато» (древнее название Японии), «Асахи» («восходящее солнце» — символ Японии), «Сикисима» (поэтическое название Японии) и «Ямасакура» (название дорогого сердцу японца цветка горной вишни)*.

* Все эти названия содержались в одной из строк поэмы Норинога Мотоори (1730-1801): «Японский дух подобен цветкам горной вишни, сияющим в лучах нисходящего солнца». Строка пришла на память полковнику Иноуги, который и предложил использовать содержащиеся в ней названия для обозначения отрядов. — *Прим. авт.*

ками—кадзе

син—фу

Поскольку перед разделением стояла специальная задача, полковник Иногути предложил для него и специальное название — «Атакующая группа «Симпу». «Симпу», или «Син-Фу» («бог» и «ветер», Японские иероглифы, то есть

«божественный ветер» обозначают слово «камикадзе» — это другое, торже-

ственное и возвышенное прочтение (произношение) китайско-японских иероглифов, обозначающих слово «камикадзе».

Все японские иероглифы имеют двойное произношение. Иероглифы «божественный ветер» можно произнести и как «*симпу*», и как «камикадзе». Во время войны на Тихом океане японские летчики-смертники никогда не называли себя «камикадзе». Так их стали называть только после окончания военных действий. Во время войны их официально называли «Симпу Токубетсу-Когекитай» («Специальный атакующий корпус») в военно-морских силах и «Симбу Токубетсу-Когекитай» в армии. «*Симпу*» означает «божественный ветер», а «*Симбу*» — «Объединение сил смельчаков». В самом начале формирования групп летчиков-самоубийц и армейские, и морские камикадзе назывались «Токубетсу-Когекитай», или коротко «Токкотай».

Один из японских авторов Нагатсука Рюдзи в книге «Я был камикадзе» утверждает, что термин «камикадзе» обязан своим появлением японцам американского происхождения. Их называли «*нисей*». Проходя службу в вооруженных силах США, они произносили иероглифы, обозначающие «божественный ветер», на своем местном простонародном диалекте не совсем правильно, как «камикадзе».

КАМИКАДЗЕ - БОЖЕСТВЕННЫЙ ВЕТЕР

Слово «камикадзе» было известно любому грамотному человеку в Японии. Каждый школьник за годы учебы бесчисленное количество раз слушал рассказы о камикадзе — «божественном ветре», спасшем страну.

Еще в глубокой древности японские правители придерживались изоляционизма, всецело сосредотачиваясь на своих внутренних проблемах. На официальном уровне с Китаем, огромным северным соседом, не было никаких контактов. Лишь китайские торговые корабли доставляли в Японию товары, а из Японии на материк — монахов, желающих постичь учение буддизма. И если к Китаю японцы еще проявляли снисходительность, то к Корее относились совершенно пренебрежительно.

Однако к середине XIII столетия политика самоизоляции внезапно подверглась серьезному испытанию. В 1264 году, после смерти великого завоевателя Чингизхана, власть перешла в руки его внука Хубилая. Последний, упрочив свое положение, перенес столицу в Пекин, подчинил Корею и обратил взоры дальше — на восток. В 1268 году он отправил в Японию послание, в котором предлагал мир в обмен на дань. Подобные угрозы повторялись и в последующие годы. Шесть посольств Хубилая пытались склонить Японию к повиновению, но все они не добились успеха. И вот в начале ноября 1274 года монгольская армия, погрузившись в корейском порту Хаппо (сегодняшний Масан) на девять сотен китайских и корейских кораблей, отправилась к берегам непокорной Японии.

Сопrotивление малочисленных самурайских сил на островах Ики и Цусима было быстро сломлено, и вскоре монголы и их союзники китайцы и корейцы начали высаживаться на северо-западном побережье острова Кюсю.

Силы были неравны, и захватчики занимали одно селение за другим. Но наступила ночь, и монголы вер-

нулись назад на корабли, чтобы, переждав темноту, на следующий день продолжить атаки.

Осенью в этих местах часто случаются штормы. Один из них разыгрался и в эту ночь. Он превратился в ужасный тайфун. За несколько часов затонуло более двухсот кораблей, унеся жизни 13 тысяч завоевателей.

Жалкие остатки монгольской армии спешно покинули японские воды. Было, однако, ясно, что непобедимого Хубилая эта неудача не остановит. Император повелел незамедлительно готовиться к отражению нового нападения. Все получаемые доходы он направил на укрепление обороны своего государства. Денно и ночью в святынях древних японских военных богов совершались молитвы и бдения. Император направил письмо в святилище своих предков, прося их помощи. Было предпринято все возможное для защиты страны. Занятый завоеванием непокорного южного Китая, Хубилай дважды направлял послов в Японию с требованием подчиниться. Получив в мешке их головы, Хубилай, наконец, понял, что угрозы и запугивания в этом случае бесполезны. И вот в самом начале лета 1281 года он решил двинуть две огромные флотилии к западным берегам острова Кюсю. Одна из них отплывала из корейского порта Хаппо. В ее составе было 900 кораблей и 42 тысячи воинов. Главные силы - свыше 100 тысяч воинов со всевозможными осадными и метательными орудиями - отправлялись из города Нинбо китайской провинции Цзянсу. Так началось беспрецедентное монгольское вторжение, по масштабам не имеющее аналогов в мировой истории*.

Японцы были готовы к нему. Они построили флот небольших маневренных гребных судов. В месте предполагаемой высадки монголов соорудили стену длиной 20 километров. Сотысячная армия самураев была настроена решительно.

Захватив несколько островов, монгольская армия к концу июня высадилась в бухте Хаката. Развернулось

* Знаменитая испанская "Непобедимая армада" 1588 года, к примеру, состояла всего из 128 кораблей, на которых находилось около 30 тысяч солдат и матросов. — *Прим. авт.*

многодневное ожесточенное сражение. Монголы быстро сожгли японские укрепления, но теснота прибрежной полосы сковывала их действия. Японцы мужественно сопротивлялись, сражаясь с презрением к смерти. Юркие суденышки самураев наносили неуклюжим кораблям монгольского флота существенные потери. Видя это, монголы решили отступить, объединить силы с другой своей флотилией, запаздывавшей с отплытием из Хаппо, и всей мощью подавить отчаянное сопротивление противника.

В конце июля объединенные силы монголов снова двинулись в атаку. Перед лицом смертельной опасности, нависшей над страной, японцы неистово молились, прося поддержки у богов синто. И, о чудо! В полдень 16 августа 1281 года на чистом и безоблачном небе в течение получаса зародился свирепый тайфун. Он бушевал два дня, и когда закончился, то армия и флот завоевателей представляли собой жалкое зрелище. Пучина унесла жизни около 100 тысяч человек, по японским хроникам - четырех пятых всей монгольской армии. Затонуло 4 тысячи военных судов.

Япония торжествовала. Однако, несмотря на небывалое ликование, охватившее всю страну, японцы еще двадцать лет были бдительны и держали армию в состоянии боевой готовности. Лишь в 1300 году они решили, что опасность миновала.

Весь народ благодарил тайфун, вновь спасший Японию. Его называли «камикадзе» — «божественный ветер». В сознании японцев сформировалась твердая уверенность в том, что страну защищают национальные боги и поэтому завоевать ее невозможно.

Шесть с половиной веков в Японии повсеместно культивировались мифы о «божественном ветре» и о «божественном» происхождении страны. Правящие круги охотно прибегали к ним в пропагандистских целях. Так было в конце XIX века во время войны с Китаем, в начале XX века во время русско-японской войны. Мифы широко использовались для идеологической обработки населения в 40-х годах. Японские газеты утверждали, например, что это Kami отвели советскую угрозу от

границ Маньчжурии, направив германские войска в Россию 22 июня 1941 года. Более того, «божественный ветер» ниспослал японскому правительству благоприятную возможность установить свое господство в Азии.

Популярность термина «камикадзе» в Японии первой половины XX века можно уловить хотя бы по тому, что этим словом был назван эсминец образца 1905 года и целый класс эсминцев 1921-1922 годов. Фирма «Хитачи» производила моторы «Камикадзе» для учебных самолетов. В апреле 1937 года вся Япония ликовала, когда летчики Масасаки Иинума и Кендзи Тсукакоси установили мировой рекорд скорости на скоростном связном самолете Ki-15 «Камикадзе», построенной фирмой «Мицубиси». За 94 часа 17 минут и 56 секунд они с посадками на дозаправку преодолели расстояние в 15315 километров между Татикава и Лондоном*.

20 октября, сформировав первое подразделение летчиков-самоубийц, его организаторы должны были как-то назвать его. Нет ничего удивительного в том, что полковник Иногути вспомнил о словах «божественный ветер», которые великолепно отражали суть и характер действий специального подразделения.

ПЕРВЫЙ УСПЕХ: ПОТОПЛЕНИЕ «СЕНТ ЛО»

Утром 20 октября летчики первого специального подразделения были построены для того, чтобы выслушать напутственные слова адмирала Ониси. «Япония в величайшей опасности. Ее спасение теперь не под силу министрам, генеральному штабу и нижестоящим командам вроде меня. Только вы, молодые и сильные духом люди, можете спасти родину. Поэтому я от имени ста миллионов наших соотечественников прошу вас пойти на эти жертвы и молюсь за ваш успех, — голос адмирала вздрогнул, и он продолжил: — Вы уже боги без земных

* Чистое летное время составило 51 час 17 минут и 32 секунды. — *Прим. авт.*

желаний. Но одно вы хотите знать — не будет ли напрасным ваше самоубийственное пикирование. Сожалею, но мы не сможем рассказать вам о результатах. Однако я буду следить за вашими усилиями до конца и доложу трону о том, что вы совершили. Можете быть в этом уверены». Со слезами на глазах он завершил свою речь: «Прошу сделать все, от вас зависящее». Пожав руку каждому пилоту, он отправился в Манилу.

В этот же день полковник Тамаи поставил задачу полковнику Накадземе Тадаси вылететь на авиабазу Себу вместе с группой «Ямато» и организовать там другое подразделение специальных атак. Во второй половине дня пилоты групп «Асахи» и «Ямасакура» отправились на аэродром Давао, а восемь «Зеро» группы «Ямато» взяли курс на юг. Им предстояло преодолеть 649 километров в условиях неустойчивой погоды, характерной для сезона муссонов. Прибыв на аэродром, Накадзема приказал немедленно собрать всех летчиков. Встав на деревянный ящик в качестве подиума, он рассказал летчикам о событиях прошлой ночи и призвал их сформировать свое собственное подразделение специальных атак. Желающие вступить в него должны были написать свою фамилию на листе бумаги и вложить его в конверт. Тем, кто не желал, предлагалось вложить чистый лист бумаги. Накадзема пояснил: «Я не ожидаю, что все станут добровольцами. Мы знаем — все вы хотите умереть, защищая свою страну. Однако мы также понимаем, что некоторые из вас из-за семейной ситуации не могут предложить свою жизнь подобным образом. Вы должны также иметь в виду, что количество требуемых добровольцев ограничено небольшим числом исправных самолетов. Доброволец летчик или не доброволец — будет известно только мне. Я прошу каждого из вас в течение трех часов принять решение, полностью основываясь на собственной ситуации. Специальные атаки начнутся завтра. Ввиду чрезвычайной секретности не должно быть никаких разговоров о них».

Вскоре он получил 20 конвертов. Лишь два из них содержали чистые листы бумаги. Как позднее выяснилось, их вложили пилоты, прикованные к постели. Та-

ким образом, оказалось, что все молодые летчики желали пожертвовать своими жизнями.

Американский флот был впервые обнаружен во второй половине дня 20 октября. Он находился слишком далеко, за пределами радиуса действия японской авиации. Было решено дожидаться более благоприятной обстановки, что вызвало огромное разочарование пилотов.

На следующий день с первыми лучами солнца австралийский крейсер «Австралия», прикрывавший высадку десанта на побережье залива Лейте, подвергся внезапному удару бомбардировщика ВЗА. Японский самолет летел над самыми волнами и, пользуясь рассветной темнотой, незамеченным достиг австралийского корабля. Лишь в самый последний момент его повредил зенитный огонь. Японский летчик резко направил свой самолет в крейсер. Бомбардировщик врезался в фок-мачту. Раздался взрыв, и огненный шар накрыл капитанский мостик. При этом погиб капитан Е. Десчайно и 19 моряков, ранения получили 54 человека, в том числе командующий соединением австралийских кораблей Д. Коллинз. Повреждения крейсера оказались серьезными, и он выбыл из строя. Совершивший самоубийственную атаку японский летчик не был камикадзе в полном смысле этого слова. Он лишь оказался в безвыходной ситуации.

Однако в этот день 21 октября 1944 года были совершены и первые вылеты летчиков, входивших в подразделения специальных атак. В 9-00 самолеты-разведчики доложили о силах вторжения союзников, находящихся к востоку от Лейте. Ведомые лейтенантом Секи, восемь истребителей «Зеро» стартовали для встречи с врагом. Вместе с Секи Юкио в группу «Сикисима» входили достаточно опытные пилоты Накано Ивао, Тани Нобуо, Намаминэ Хадзимэ, Осано Сигео. Группу прикрывали три истребителя сопровождения. Однако поиск противника не увенчался успехом. Все самолеты группы «Сикисима» вернулись на свой аэродром в Мабалакате. Лейтенант Секи со слезами на глазах извинился за неудачу.

В 15-00 на аэродром Себу было передано сообщение: «Вражеские силы вторжения в составе шести авианосцев обнаружены в шести милях к востоку от остова Сулуан».

Немедленно началась подготовка к самоубийственной атаке пяти «Зеро», однако во время внезапного налета американской авиации самолеты были сожжены.

Накадзима приказал подготовить три резервных истребителя, которые взлетели в 16-25. Возглавил группу «Ямато» один из самых опытных пилотов Куно Йосиясу. Полет происходил в условиях сплошной облачности, и летчики едва различали океан. Поздно вечером два самолета вернулись назад, так и не обнаружив врага. Лейтенант Куно из полета не вернулся. Ударов камикадзе в тот день зарегистрировано не было. Тем не менее его стали считать первым камикадзе из «подразделения специальных атак», погибшим при выполнении боевой задачи.

Таким образом, первый день вылетов камикадзе закончился с нулевым результатом. Японцы потеряли шесть самолетов и одного великолепного летчика.

Штормовая погода не прекращалась следующие три дня. Ни один из японских летчиков не имел возможности нанести смертельный удар по врагу. В то же время американская авиация, используя радары, продолжала совершать разрушительные атаки на японские аэродромы и корабли. В результате адмирал Курита, потеряв к концу дня 24 октября линкор «Мусаси», несколько крейсеров и эсминцев, запросил воздушного прикрытия, чтобы избежать еще больших потерь. Из военных действий за 22—24 октября можно сделать только один вывод: японцы так и не сумели преодолеть за годы войны свое техническое отставание.

Плохая погода и малое количество поисковых и разведывательных самолетов также усугубляли ситуацию. Проходил час за часом, а американские авианосцы так и не были обнаружены. Лишь к концу дня 24 октября было установлено их местоположение, курс и скорость. Немедленно с аэродрома Себу взлетела шестерка «Зеро», ведомая сержантом Сиёда Хироси. Однако и на этот раз они не нашли американские корабли, попав в зону сильного дождя.

И все же в этот день один из кораблей ВМС США был потоплен японским летчиком-самоубийцей. В буксир «Сонома», входивший в состав сил адмирала Барби, врезался самолет и потопил его. Однако это не был

самолет, принадлежащий к какому-либо из подразделений специальных атак, созданных Ониси. Летчик был пилотом армейской авиации.

24—25 октября развернулось последняя большая морская битва Второй мировой войны, вошедшая в историю как сражение за залив Лейте. Оно не только привело к почти полному уничтожению японского военно-морского флота, но и открыло двери для вторжения в собственно Японию.

Одним из эпизодов этого грандиозного морского сражения явилось неожиданное столкновение соединения американских эскортных авианосцев с японским линейным флотом. Нам оно интересно прежде всего потому, что именно в этот день и именно против авианосцев была впервые проведена массированная атака камикадзе.

На рассвете 25 октября малые эскортные авианосцы занимали позиции тремя группами восточнее залива Лейте. Северная группа Таффи-3 в составе шести авианосцев двигалась на север вдоль берега острова Самар, центральная группа Таффи-2 находилась у входа в залив Лейте, а южная Таффи-1 маневрировала значительно южнее Минданао.

Как японский вице-адмирал Курита, так и американское командование не были готовы к бою. Что касается Куриты, то он был полностью сбит с толку, не представляя сил встретившегося ему противника.

Первыми испытали на себе атаки камикадзе авианосцы южной группы Таффи-1.

В то время когда снаряды с японских кораблей уже достигли авианосцев группы Таффи-3, группа эскортных авианосцев Таффи-1 под командованием адмирала Томаса Спрэгга готовила самолеты к вылету. В 7-40 радиолокационные станции обнаружили четыре истребителя «Зеро». Они шли в облаках на высоте около 3 тысяч метров. Трое из них тут же перешли в почти отвесное пикирование, а четвертый кружил, выбирая цель.

Эскортный авианосец «Сэнти» оказался застигнутым врасплох. На нем кипела работа по заправке и вооружению самолетов. Глубинные и фугасные бомбы только что доставили на полетную палубу. «Зеро» быстро пики-

ровал со стороны солнца. Зенитчики не успели открыть огонь, а капитану Р. Блику не хватило времени предпринять какой-либо маневр.

Зайдя с кормы, японский истребитель обстрелял палубу, а затем обрушился на нее немного впереди кормового подъемника. Итогом тарана явилась пробоина размером 9х4,5 метра. Подвешенная под самолетом 135-килограммовая бомба от удара взорвалась под палубой и вызвала пожар. При взрыве погибли 16 и были ранены 27 человек. Пламя охватило и полетную, и ангарную палубы. К счастью, удалось предотвратить взрыв восьми 450-килограммовых бомб, которые экипаж сумел сбросить за борт.

Через несколько секунд после удара камикадзе по «Сэнти» другой «Зеро» зашел с кормы авианосца «Суони» и задымился, пораженный зенитным снарядом. Снизившись по спирали, самолет начал пикировать под углом 45 градусов уже в сторону авианосца «Сэнгамон». «Зеро» нацелился в его переднюю часть и наверняка поразил бы корабль, но единственный снаряд из 127-миллиметрового орудия, выпущенный с «Суони», заставил самолет упасть в море справа по носу «Сэнгамона».

Третий «Зеро» выбрал своей целью авианосец «Петроф Бей». Сильный зенитный огонь и маневры корабля не оставили шансов японскому летчику поразить цель. Поврежденный несколькими взрывами зенитных снарядов, самолет вышел из-под контроля пилота и упал в море рядом с авианосцем, обдав водой его полетную палубу.

Едва экипаж авианосца «Сэнти» взял под контроль пожар, как в 7-56 столкнулся с новой бедой. Корабль поразила торпеда, выпущенная с необнаруженной подводной лодки. Взрыв торпеды привлек всеобщее внимание, однако зенитные расчеты кораблей по-прежнему не сводили глаз с четвертого самолета, все еще кружившегося на высоте 2,5 тысячи метров. «Зеро» оказался под интенсивным огнем многих кораблей, и вскоре за ним потянулся длинный хвост дыма. «Хеллкет» попытался перехватить камикадзе, однако тот уклонился от преследования, перевернувшись через крыло, и под углом 45 градусов устремился на авианосец «Суони». В 8-04 «Зеро» вместе с 250-килограммовой бомбой обрушился

на свою жертву, протаранив полетную палубу в 12 метрах впереди кормового самолетоподъемника. Передняя часть самолета вместе с бомбой проникла до ангарной палубы, где бомба взорвалась, образовав 6-метровую пробоину и выведя из строя рулевое управление. Однако в целом число пострадавших и масштабы разрушений не были большими. Уже через 15 минут огонь был погашен, а в 10-09 авианосец возобновил полеты самолетов. С полнейшей невозмутимостью капитан У. Джонсон заметил: «Все, что мы нашли от японца, - это куски мяса. Мы снова готовы к сражению».

Таким образом, соединение эскортных авианосцев Таффи-1 стало первой мишенью японских летчиков-самоубийц. А удар нанесла поднявшаяся с аэродрома в Давао только что сформированная группа «Кикусуй» («Плавающая хризантема»), возглавляемая унтер-офицером Като Тойобуми.

25 октября 1944 года «северной» группе американских эскортных авианосцев Таффи-3 под командованием контр-адмирала Клифтона Спрэга (суда «Фэншо Бей», «Сент Ло», «Уайт Плейнз», «Калинин Бей», «Киткун Бей», «Гамбиер Бей») удивительным образом повезло. Попав под неожиданный убийственный огонь артиллерии главного калибра, который открыли корабли вице-адмирала Кури-ты, авианосцы США оказались на краю гибели. Казалось, спасения нет. Американские адмиралы уже видели себя плавающими в океане вместе с командами своих кораблей, как вдруг в 9-11 Курита отдал приказ прекратить огонь и покинуть район сражения к востоку от острова Самар*. Радость американских моряков была беспредельна: они чудом избежали смерти.

* До 25 октября включительно японские военные, начиная обыкновенным летчиком и кончая адмиралом, не были способны различить эскортный авианосец на котором размещалось до тридцати самолетов, и тяжелый авианосец с сотней самолетов.

К 1944 году в американском флоте уже четко определились три подкласса авианосцев. В боевых действиях на Тихом океане принимали участие 16 тяжелых (их называли также быстроходными) авианосцев типа «Эссекс» (CV), 9 легких со скоростью 33 узла (CVL) и 53 эскортных, или конвойных (CVE) со скоростью хода не более 18 узлов. Курита, таким образом, не представлял, что имеет дело с тихоходными авианосцами, которые он мог догнать и легко уничтожить. - *Прим. авт.*

Четыре раза лейтенант Секи настраивал на смерть пилотов своей группы «Сикисима» и отправлялся с ними в последний полет. Четыре раза летчики возвращались, полные отчаяния, не найдя корабли противника.

Наконец, счастье им улыбнулось. 25 октября в 7-25 пять истребителей «Зеро» с 250-килограммовыми бомбами, ведомые лейтенантом Секи, стартовали с аэродрома Мабалакат. На этот раз они не имели сведений об американском флоте и должны были сами найти его. Предназначенные для самоубийственных атак самолеты сопровождали четыре истребителя «Зеро», ведомые старшим уоррант-офицером Нисизавой Хирояси. Видимость была ограниченной. Частые дождевые шквалы серьезно затрудняли поиск. Наконец, в 10-40 Секи сообщил, что обнаружил четыре авианосца и шесть эсминцев в 90 милях к западу от Таклобана. Снизившись до самых волн, «Зеро» устремились к авианосцам. Они получили большое преимущество, так как не были обнаружены американскими радарам.

«Зеро» взмыли на высоту 1,5 тысячи метров и немедленно ринулись в атаку. Один из самолетов нацелился на авианосец «Киткун Бей». Выйдя из пикирования над носовой частью корабля, он сделал горку, перевернулся и, обстреливая мостик из пулеметов, попытался таранить надстройку. Интенсивный зенитный огонь сделал свое дело: сначала от истребителя отлетело одно крыло, затем другое. «Зеро» сбил часть узкого мостика возле левого борта и упал в море в 22 метрах от его левой скулы. Сам самолет вреда не причинил, однако оторвавшаяся от него бомба вызвала пожары и причинила большие повреждения.

В это же время пара японских истребителей предприняла атаку авианосца «Уайт Плейнз», который встретил их шквальным огнем. Пикируя на него с носа, самолеты на высоте 1,5 тысячи метров вышли из пике и повернули влево. Один из них развернулся и зашел на авианосец с кормы, намереваясь поразить конец полетной палубы.

Корабль сумел быстро переложить руль лево на борт и встретить самолет ливнем огня. За несколько метров

до корабля «Зеро» перевернулся и тут же взорвался над его кормой.

Другой «Зеро», прекратив атаку «Уайт Плейнз», резко изменил направление полета и устремился к авианосцу «Сент Ло». За десять минут до атаки авианосец принимал самолеты, вооружал и дозаправлял их. На палубу подняли четыре торпеды.

Противовоздушная оборона корабля слишком поздно заметила опасность. Разрозненный и нескоординированный огонь не причинил самолету вреда. «Зеро» пикировал так быстро и так внезапно, что некоторые моряки не успели вовремя броситься на палубу. С высоты не более 15 метров самолет сбросил бомбу, которая, пробив полетную палубу, вызвала пожар на ангарной палубе. Сам истребитель врезался в полетную палубу авианосца в нескольких метрах от того места, где разорвалась бомба. Сильный взрыв далеко разбросал его обломки. Горящим топливом оказалась охвачена вся центральная часть корабля.

Находившемуся на мостике капитану МакКенне разрушения не показались серьезными: дыру диаметром полметра на полетной палубе можно было заделать за пару часов работы.

Однако под палубой ситуация была не простой. Бомба взорвалась как раз над самолетом, который заправляли топливом и вооружали. Его взрыв значительно расширил площадь пожара, прервалась связь с мостиком. Через 45 секунд разлетелся на куски еще один самолет. Этот взрыв был более мощным и сместил значительную часть полетной палубы по всей ее ширине.

Авианосец получил незначительные повреждения, и лишь пожар вызывал беспокойство. Но давление воды в противопожарных средствах не было достаточным.

В 10-55 раздался гигантский взрыв, подбросивший высоко в воздух куски полетной палубы и целые самолеты. Носовой самолетоподъемник был вырван из шахты. Погибло много людей. По словам выживших моряков, впечатление было такое, словно корабль разорвало пополам, как лист бумаги. Это сдетонировали торпеды и бомбы. Стало ясно, что авианосец обречен. Последую-

щие внутренние взрывы завершили агонию «Сент Ло», превратившегося в огромный костер. Жара от него ощущалась в сотнях метров на других кораблях. Люди вынуждены были прыгать в воду. Взрывы продолжали разносить обреченный корабль, и в 11-10 капитан приказал покинуть его. В 11-25 нос авианосца поднялся вертикально, и он исчез в морских глубинах. Большую часть команды авианосца спасли, за исключением 114 моряков, погибших при взрывах.

Позже японские авторы приписали потопление «Сент Ло» лейтенанту Секи. Однако американские исследователи отвергают это утверждение. По их мнению, это сделал один из летчиков его группы «Сикисима». Сам же Секи выжидал время, выбирая цель, и начал атаку после 11-00, примерно в то же время, когда другая группа самолетов камикадзе атаковала авианосец «Киткун Бей».

Пара истребителей (американцы утверждают, что это были лейтенант Секи и его ведомый) обрушились на авианосец «Калинин Бей» с высоты нескольких километров. Зенитная артиллерия открыла плотный заградительный огонь, и ведущий самолет получил ряд попаданий. Тем не менее он продолжал упорно идти к цели. Оставляя за собой шлейф дыма, «Зеро» зашел с кормы и врезался в левую часть полетной палубы. Взрыв повредил ее и вызвал пожар. Второй самолет круто пикировал под углом 70 градусов со стороны правой раковины. Истребитель был поврежден зенитным огнем и, сильно дымя, таранил среднюю часть авианосца. Он уничтожил заднюю трубу, переходной мостик и тоже вызвал пожар, впрочем, быстро потушенный.

В 11-10 с эскортного авианосца «Киткун Бей» заметили группу из 15 японских самолетов «Сусей». Следует сразу оговориться, что в отношении нее многое не выяснено до сих пор. Неясно, откуда она вылетела. У японцев вылет этой группы вообще не зафиксирован. Утверждение о том, что это были самолеты подразделения «Ямато», остается спорным. Сомнительно также их количество. Тем не менее, занятые спасением экипажа авианосца «Сент Ло», корабли соединения Таффи-3 оставили другие авианосцы без прикрытия. В 11-21 один

из самолетов «Сусей» начал пикировать на «Киткун Бей», но встретил интенсивный зенитный огонь. Взрывы оторвали сначала одно, а затем и другое крыло, и бомбардировщик упал в 15 метрах от авианосца. В это же время удару камикадзе (вероятно, это был лейтенант Секи и его ведомый) подвергся авианосец «Калинин Бей». После них еще один камикадзе попытался поразить авианосец, но промахнулся.

На этом атаки камикадзе 25 октября закончились. Япония потеряла к этому времени в сражении за Филиппины 26 кораблей, среди которых был супер-линкор «Мусаи». Однако японская пропаганда твердила о «величайшей битве» в морской истории. Японское радио преувозносило успех корпуса камикадзе.

Конечно, потопив 1 авианосец и повредив 6 из них ценой потери 17 самолетов и 18 летчиков, японцы добились относительного успеха в сравнении с традиционными атаками. Накануне 2-й воздушный флот адмирала Фукудоме Сигеру потерял 150 самолетов, вообще не добившись успеха.

Получив поздравления от генерального штаба и расценив уклончивый комментарий императора как одобрение самоубийственных атак, адмирал Ониси вечером 25 октября снова обсудил с Фукудоме вопрос о совместных операциях двух воздушных флотов. У Ониси осталось около 50 самолетов, и он хотел вовлечь в самоубийственные атаки две сотни машин Фукудоме. Его предыдущие попытки не увенчались успехом: Фукудоме не одобрял самоубийственные атаки, считая их бессмысленными. На этот раз Ониси одержал победу, и Фукудоме сдался. В спорах между адмиралами Императорский генеральный штаб занял нейтральную позицию и лишь призывал к сотрудничеству. Ониси уступил Фукудоме пост командующего новым авиационным соединением — Юго-западным объединенным территориальным воздушным флотом наземного базирования. Ониси довольствовался второй ролью — постом начальника штаба.

Приобщение Фукудоме к самоубийственным атакам имело важные последствия. Теперь филиппинская морская авиация наземного базирования могла бросить в

бой гораздо больше летчиков-смертников, чем прежде. Значительно возросла интенсивность полетов разведывательно-поискового характера.

Необходимо отметить, что тактика камикадзе привлекла внимание не только морской авиации, но и армейской. Ориентированная на поддержку сухопутных войск, армейская авиация традиционно находилась в тени морской. Доминирующая роль последней была обусловлена, наряду с другими причинами, самим характером войны на огромных просторах Тихого океана. Уже к 1943 году армейская авиация оказалась неспособной противостоять растущей воздушной мощи США. Нехватка самолетов, а главное, опытных летчиков, негативно отразилась на армейской авиации еще раньше, чем на морской. Последняя оказалась не в состоянии в одиночку противостоять авиации США. Однако армейская авиация не имела для этих целей ни опыта боевых действий на море, ни тактики, ни соответствующей техники и вооружения. В этой связи нет ничего удивительного в том, что именно в недрах армейской авиации впервые стала вызревать идея самоубийственных атак. Генерал-лейтенант Ясуда Такео, командующий армейской авиацией, обратил на нее внимание еще в марте 1943 года. Считая тактику тай-атари обычным делом, он пытался применять ее массово. Однако не получил одобрения со стороны своего высшего командования. Тогда генерал убрал из своего подразделения офицеров, не разделявших его взглядов, и стал тайно готовиться к проведению подобных операций. Своими приказами он запретил информировать летчиков, обучающихся тактике тай-атари, о том, что они составят костяк будущих боевых самоубийственных подразделений.

К лету 1944 года трагичное положение армейской авиации склонило в поддержку Ясуды высшее командование. Самоубийственная тактика, таким образом, пробила себе дорогу в армейских кругах и была признана официальной. Началась подготовка к формированию армейских подразделений летчиков-самоубийц.

Дело пошло быстро. Уже к 20 октября 1944 года было создано 1-е подразделение специальных атак, известное

под названием «Банда» («Десять тысяч вишневых лепестков»). Оно было сформировано на базе учебной авиадивизии в Хокота (префектура Итараги). Группу из 16 пилотов под названием «Манда Сакура» возглавил капитан Ивамото Масуоми. Через два дня бомбардировщики Ki-48 этой группы вылетели на филиппинскую авиабазу Кларк Филд. Туда же из Хамамацу направилось еще одно армейское подразделение специальных атак «Фугару» («Гора Фудзи») на бомбардировщиках Ki-67 «Хириу».

Всего было сформировано сразу шесть армейских подразделений специальных атак. В них вошли курсанты летных школ, обучавшиеся по ускоренной программе. Им объявили, что они проходят специальную тренировку, но не объяснили, почему. Таким образом, формирование отрядов камикадзе в морской авиации и в армейской происходило по-разному. Если морские камикадзе все были добровольцами, то подразделения летчиков армейской авиации автоматически переводили в самоубийственные, вообще не интересуясь мнением пилотов. Это вовсе не означает, что у армейских пилотов не хватало патриотизма и желания сложить голову за императора. Дело в том, что уже в начале ноября высшее военное командование Японии взяло курс на увеличение числа подразделений «специальных атак», а так как в добровольцах недостатка не было, то принцип добровольности был отброшен, как ненужный хлам. Все армейские подразделения камикадзе имели общее название «Хакко Тай» («Восемь направлений»), которое отражало один из главных японских милитаристских принципов — «Хакко ити у» — «Восемь углов под одной крышей».

Два армейских подразделения камикадзе носили название авиационных школ, два — армейских тренировочных центров, двум присвоили имена героев, что должно было символизировать решимость достичь успеха. Всего в подразделения вошло 78 летчиков и было вовлечено 72 самолета. Подразделения «Акатсуки» и «Хитати» были вооружены истребителями, «Хакота» и «Ситаси Киуо» — легкими двухместными бомбардировщиками

Тип 99 (Кавасаки Ki-48), которые меньше всего подходили для самоубийственных атак.

Подразделения армейских камикадзе состояли из бывших выпускников университетов. Курс обучения длился 57 дней, из которых один день был посвящен отработке техники тай-атари. Наспех обученные новички объединялись во временные группы для самостоятельного перелета на Филиппины. Это было непростым делом, поскольку армейские пилоты не обладали навыками полетов над морем. Поэтому перелеты-прыжки с острова на остров (Хонсю — Кюсю — Формоза — Филиппины) явились для них серьезным испытанием.

Армейскую авиацию на Филиппинах представляла 4-я воздушная армия, располагавшая 650 самолетами. Значительное количество среди них составляли бомбардировщики, летчики которых наносили удары с большой высоты и почти всегда безуспешно. Так, 24 октября сотня армейских самолетов атаковала американский флот в заливе Лейте. Но лишь один самолет добился успеха, потопив океанский буксир «Сонома» таранным самоубийственным ударом.

ОХОТА ЗА АВИАНОСЦАМИ

На заре 26 октября разведывательный самолет сообщил по радио координаты нескольких групп американских авианосцев и кораблей. На авиабазе Себу полковник Накадзима отправил в полет две группы самолетов подразделения «Ямато». В 10-15 стартовало два истребителя «Зеро» с 250-килограммовыми бомбами и одним истребителем сопровождения. Ни один из самолетов на базу не вернулся. Все они были перехвачены американскими истребителями.

В 12-30 в полет отправилась вторая группа камикадзе, состоявшая из трех истребителей с подвесными бомбами и двух истребителей сопровождения.

Группа эскортных авианосцев Таффи-1 находилась в прежнем районе. Посадка самолетов была в полном раз-

гаре, когда локаторы зафиксировали самолеты камикадзе на удалении 35 миль. Один из них был сбит огнем возвращающегося на авианосец «Авенджер», но другие два остались кружить высоко в воздухе, выбирая жертвы.

Один из «Зеро» устремился к «Суони», на палубе которого находился десяток самолетов. Огромный огненный шар, столб черного дыма — все это мгновенно окутало палубу корабля. Бомба, сброшенная с небольшой высоты, пробила самолетоподъемник и взорвалась в ангаре. Пламя охватило и полетную палубу, и ангар. Если внутренний пожар был сравнительно легко локализован, то горящая полетная палуба представляла собой ужасное зрелище. Моряки, рискуя жизнью, спасали тех, кто оказался отрезанным огнем в различных рубках, на мостике и в других местах.

Через несколько минут второй японский самолет поразил авианосец бомбой. К счастью, этот взрыв не привел к значительным потерям. Тем не менее «Суони» был серьезно поврежден, погибло более 100 человек и еще 170 ранено. Однако авианосец остался на плаву, был отремонтирован и снова вступил в строй.

Пока «Суони» горел, другой авианосец, «Петроф Бей», тщетно пытался избежать подобной судьбы. Пикируя почти вертикально, японский истребитель нацелился в центральную часть полетной палубы. Зенитчики вели яростный огонь, пытаясь не допустить его прорыва. И вот — удача! Всего в 150 метрах от корабля взрыв снаряда оторвал истребителю хвостовое оперение. Перевернувшись в воздухе пару раз, самолет упал в море в 15 метрах от авианосца.

Лишь один «Зеро» вернулся на аэродром из этого полета. Летчик доложил о большом успехе: все три камикадзе успешно поразили вражеский авианосец и потопили его. Он сознательно лгал — авианосец получил повреждения, но не был потоплен. С психологической точки зрения ложь японского пилота понять можно: его товарищи отдали свои жизни, и было бы немыслимо утверждать, что их жертвы были напрасными.

Так при подведении итогов атак камикадзе стал практиковаться старый подход — приукрашивание результа-

тов военных операций, которым уже давно грешили все виды вооруженных сил.

К 27 октября из летчиков-истребителей 12-го воздушного флота, переброшенного на Филиппины с Курильских островов, сформировали второе подразделение «специальных атак».

Оно состояло из четырех отрядов: «Чуйю» («Доблесть»), «Сейчу» («Преданность»), «Гиретсу» («Храбрость»), «Дзюнчу» («Непорочность»). Командиром подразделения назначили капитана Кида Тасухико. Получив сообщение об американских кораблях в заливе Лейте, Ониси отдал приказ нанести по ним удар силами только что созданного подразделения. В течение дня в свой последний вылет отправились пять групп камикадзе общей численностью 14 самолетов, среди которых был всего один истребитель «Зеро». Остальные — бомбардировщики «Сусей» и пикирующие бомбардировщики «Вэл». Их переоборудовали для использования в само-убийственных атаках. Камикадзе сопровождали 20 истребителей. Они вернулись без потерь и доложили, что летчики-самоубийцы повредили линкор, крейсер и три транспорта. Однако американцы утверждают, что не понесли 27 октября никаких потерь от действий камикадзе. В 16-00 с аэродрома Николе Филд стартовала группа «Дзюнчу». Ее командир лейтенант Фукабори Наодзи в полете обнаружил, что у бомбы неисправен взрыватель. Приземлившись на аэродроме Легаспи, он устранил неисправность. Два пилота его группы кружились над аэродромом, ожидая своего командира. К этому времени стемнело, и пилоты группы «Дзюнчу» потеряли связь с другими камикадзе и самолетами сопровождения. Три бомбардировщика «Сусей» кружили в ночи над заливом Лейте. С высоты тысяча метров было сложно что-то различить внизу. Но и тихоходным бомбардировщикам с 500-килограммовыми бомбами ночная темнота оказалась на руку: истребители противника бездействовали, а зенитная артиллерия пыталась обстрелять цели по звуку.

Летчики группы «Дзюнчу» были полны решимости идти до конца, и они направили свои самолеты на

корабль, с трудом различимый в темноте. Напрасно Фукабори ожидал взрыва — летчики цель не поразили. Разочарованный, он решил действовать наверняка и приземлился на ближайшем аэродроме Себу.

Полковник Накадзима предложил ему отправиться с другой группой камикадзе, но Фукабори не хотел ждать. Он встал рано утром, привел себя в порядок, вежливо поблагодарил за ночлег, позавтракал и, взяв с собой бенто (небольшую коробку с едой), направился к своему бомбардировщику. Все, чем смог помочь ему Накадзима, — послать четыре «Зеро» для сопровождения.

Лейтенант Фукабори сумел пробраться сквозь плотный заградительный огонь и поразить цель. Повреждения получил легкий крейсер «Денвер».

После неудачных ночных атак 27 октября все операции летчиков-самоубийц стали проводиться только в дневное время. Но разочарование, вызванное невозможностью атак камикадзе ночью, было не таким сильным, как общее недовольство ходом боевых действий. Вечером в этот день Ониси признался Иноугути: «Тот факт, что мы прибегли к атакам камикадзе, показывает, как слаба наша стратегия. Камикадзе — безусловно, необычная команда». Адмирал при этом не считал летчиков-самоубийц «чистыми фанатиками». Он характеризовал их как людей, принявших для себя решение, основываясь на «реальности войны».

Ониси только что получил рапорт от лейтенанта Фукабори, который был написан в Себу перед повторным самоубийственным полетом. Рапорт оказался исключительным документом: кроме Фукабори, из летчиков-камикадзе никто и никогда не делился своими мыслями о пережитом. Поразителен дух полного самоотречения пилота. Для него не существует проблемы смерти. Она его нисколько не волнует и не ею заняты мысли пилота: «Я успешно совершил посадку на аэродроме Себу в 20-30. Намерен вылететь отсюда завтра рано утром и найти приемлемую цель для атаки. Предлагаю следующие наблюдения, которые, я надеюсь, будут полезны для тех, кто последует за мной:

1. Стопор взрывателя от бомбы необходимо тщательно проверять перед вылетом самолета.

2. Загруженный одной 250-килограммовой бомбой и четырьмя 60-килограммовыми, самолет может лететь со скоростью 250 км/час. Зная это, можно рассчитать точное время старта. Тип корабля распознать невозможно, если достигнешь цели позже 18-20. С воздуха трудно найти цель на море, даже при полной луне.

3. Я уверен, что даже палубный пикирующий бомбардировщик «Вэл» сможет преуспеть в выполнении точно выверенной по времени самоубийственной атаки в сумерках.

4. Я рекомендую осуществлять атаки на рассвете, используя Себу как остановочный пункт. Во время атак на заре меньше шансов быть перехваченными вражескими истребителями, а дополнительное топливо для самолетов увеличит разрушительную силу ударов.

5. Помимо всего прочего, не терять терпения. Ожидать благоприятных условий для атаки. Если пилот теряет терпение, то он оказывается перед необходимостью поразить незначительную цель.

Постскриптум: Счастливая судьба наших пилотов убеждает меня в том, что престиж императора будет вечным. Наши пилоты молоды, но их поведение неэтично. Нет нужды беспокоиться о выборе летчиков-камикадзе. Желаю вам удачи и здоровья.

Сайонара*».

День 29 октября стал одним из самых тяжелых для японских вооруженных сил. Самолеты с американских авианосцев всю первую половину дня наносили мощные удары по стоянкам японского флота в Манильском заливе и аэродромам комплекса Кларк Филд. Японский флот получил еще один удар, окончательно сломивший его могущество на Филиппинах. Аэродромный комплекс вокруг Манилы был разрушен до такой степени, что дальнейшее его использование стало невозможным. Американцы уничтожили на земле 13 и сбили в воздухе 71 японский самолет.

* До скорой встречи. - Прим. авт.

В качестве ответной меры японцы нанесли удар по авианосцам группы контр-адмирала Джеральда Богана. В налете на американские авианосцы участвовало большое количество самолетов, в том числе три группы камикадзе, вылетевшие с аэродрома в Николе. Истребители и зенитчики США сбили 22 японских самолета. Из 13 самолетов камикадзе 4 вернулись на аэродром. Из 9 истребителей сопровождения уцелело всего 2 самолета. Опытные японские летчики-истребители сделали все возможное, чтобы защитить самолеты камикадзе, и частично им это удалось. При этом один из пилотов сопровождения направил свой истребитель на авианосец. Он врезался в основание мостика «Интерпида», флагманского корабля Богана. Погибло 10 и было ранено 6 моряков. Разрушения не были значительными, и корабль продолжал выполнять боевую задачу. Этот случай примечателен тем, что впервые удару камикадзе подвергся тяжелый авианосец США. Два самолета камикадзе были сбиты в самый последний момент на подлете к авианосцу, и лишь легкий и маневренный «Зеро», не обремененный бомбой, смог преодолеть шквал зенитного огня и обрушиться на огромный корабль.

На следующий день японцам удалось нанести более организованный удар силами «специального ударного корпуса». В 13-30 с аэродрома в Себу поднялись шесть самолетов камикадзе, сопровождаемые пятью истребителями. Эта группа носила название «Хатсуо» («Ранний вишневый цвет»). Она применила новую, более эффективную тактику. Поскольку для самоубийственных атак стали применять более широкий круг самолетов, в том числе и устаревших, то было решено приближаться к цели не на малой, как раньше, а на большой высоте. Это позволяло избежать обнаружения радаром, а барражировавшие истребители противника не успевали сориентироваться и организованно пресечь японскую атаку.

Камикадзе, разбившись на две группы по три самолета, атаковали авианосцы с различных направлений и с различной высоты. Как минимум один самолет сумел поразить авианосец «Франклин», тот самый, который атаковал адмирал Арима. Он пробил огромную дыру в

полетной палубе (12 метров длиной), уничтожил 33 самолета и повредил самолетоподъемник. От взрыва погибли 56 и были ранены 14 человек. Другой камикадзе врезался в палубу легкого авианосца «Белли Вуд», убив 92 и ранив 44 моряка.

Оба авианосца были вынуждены отправиться на атолл Улити для ремонта.

С японской точки зрения удары «человеческих бомб» 30 октября были успешными. Ценой потери восьми самолетов и восьми пилотов (шестерых летчиков-камикадзе и двух истребителей) удалось на какое-то время исключить из участия в боевых действиях два авианосца.

1 ноября авианосцы Оперативного соединения-38 собрались на стоянке атолла Улити для отдыха, пополнения боеприпасов и ремонта. Ситуация в воздухе над заливом Лейте для американских сил значительно осложнилась. Малочисленная армейская авиация США не могла эффективно противодействовать японским атакам.

Воспользовавшись ситуацией, Фукудome выслал 37 «Зеро» и 11 истребителей «Сиден», которые должны были расчистить «дорогу» бомбардировщикам. Несколько встретившихся истребителей были тут же сбиты. Уже давно японцы не встречались с ситуацией, когда они полностью господствовали в воздухе. А целей внизу было предостаточно. Японские бомбардировщики наносили один удар за другим. В рейде на корабли у побережья Таклобан приняли участие сразу три отряда камикадзе: «Темпей» («Небесное ниспослание»), «Сисей» («Преданность»), и «Симпей» («Божественные солдаты»). В них насчитывалось шесть самолетов камикадзе и восемь истребителей сопровождения. Кроме того, самоубийственные атаки в этот день совершили подразделения «Сакура Хана» («Вишневый цвет»), «Уме Хана» («Сливовый цвет»), «Зуйун» («Благоприятные облака»), в которых участвовало восемь бомбардировщиков.

Всего в течение 1 ноября в свой последний полет отправились 14 самолетов. Все они нашли цели и произвели самоубийственные атаки. Поскольку авианосцев обнаружено не было, всю силу ударов камикадзе приняли на себя эсминцы.

Двухмоторный бомбардировщик «Гинга» врезался в эсминец «Клакстон» и нанес ему сильные повреждения. «Клакстон», таким образом, стал первым эсминцем типа «Флетчер», который поразил камикадзе. Еще один самолет-самоубийца спикировал в эсминец «Аммен». Самолет снес мостик и соскользнул в море. Погибли 5 и получили ранения 21 человек. Вместе с самолетом в море упала и бомба. Это и спасло эсминец от еще более сильных разрушений. Зенитчики «Аммена» сумели сбить еще один самолет-камикадзе, нацелившийся на эсминец.

В этот день американским эсминцам пришлось не сладко. Они приняли удар на себя, защищая линкоры и крейсера. Вскоре после полудня атаке камикадзе подвергся эсминец «Абнер Рид». Устремившийся на корабль «Вэл» пылал как факел, но упорно летел к цели даже после того, как ему взрывом оторвало крыло. Фюзеляж самолета врезался в заднюю дымовую трубу, пробил палубу и взорвался внутри корабля. Вспыхнул пожар, который быстро распространился по кораблю и вызвал многочисленные взрывы, разорвавшие эсминец на части. В 13-42 «Абнер Рид» затонул, потеряв 22 моряка. Таков был последний успех японской авиации 1 ноября.

Уже к началу ноября генерал Ямасита осознал всю трагичность своего положения. Он отчаянно нуждался в подкреплении, а флот не мог обеспечить доставку вооружения, боеприпасов и свежих войск. Он знал, в каком печальном состоянии находилась морская авиация: на 30 октября в строю числилось 149 боевых самолетов и 173 нуждались в ремонте. Силы армейской авиации также таяли с ужасающей быстротой: вести боевые действия могли 140 самолетов, а 123 были неисправны.

Генералу было ясно, что операция «Се-Го» провалилась и что Филиппины уже по существу потеряны.

А между тем Императорский генеральный штаб пребывал в эйфории. Он оказался заложником собственной пропагандистской кампании. Сначала население узнало о величайшей победе в воздушных сражениях над Тайванем. Затем слышало о самоубийственных атаках мор-

ских летчиков на Филиппинах и о грандиозных потерях американцев.

Преувеличивая результаты атак камикадзе, генштаб уверовал, что камикадзе выигрывают войну. Адмирал Описи таких иллюзий не разделял. Если сначала думали, что результативность действий камикадзе достигает 30 процентов, то к концу месяца стало ясно, что она составляет менее 9 процентов (считая потерянные самолеты с летчиками и количество поврежденных и потопленных кораблей). Адмирал понимал, что морская авиация находилась в отчаянном положении.

Несмотря на то, что операция «Се-Го» провалилась, идея самоубийственных атак поразила воображение и захватила многих молодых людей. Ставку на такие атаки сделал и Императорский генеральный штаб.

Тем временем каждодневные безвозвратные потери корпуса камикадзе рано или поздно должны были заявить о себе. Настал момент, когда сил стало слишком мало, чтобы защищать Филиппины, и в начале ноября адмирал Ониси, больной и ослабленный настолько, что его в самолет заносили на носилках, отправился за помощью в Токио. Он проинформировал генеральный штаб и командование Объединенного флота о сложившейся критической ситуации и потребовал подкрепления. Ониси верил, что, получив 300 самолетов для самоубийственных атак, он сможет успешно противостоять американцам в сражении за Лусон.

Адмиралу удалось убедить в этом генштаб, но где взять 300 самолетов? Все понимали, что бессмысленно брать прямо с заводов совершенно новые машины, чтобы использовать их один-единственный раз. Поэтому самолеты для Ониси собирали по всем учебным центрам, летным школам и т. п. Всего удалось собрать 150 старых и учебных машин. Летчики, приписанные к этим самолетам, имели средний налет в сотню часов летного времени. Это были пилоты резерва, курсанты и их инструкторы. Все они вошли в состав 1-го воздушного флота и были сведены в отдельный корпус специальных атак.

Самая главная проблема состояла в том, чтобы пере-

гнать самолеты на Филиппины. По всем оценкам выходило, что туда могли благополучно долететь не больше половины молодых летчиков, так как с этой задачей справлялось всего лишь 70 процентов даже опытных пилотов.

Однажды на Филиппины был отправлена группа из 15 самолетов. Окинавцы достигло десять, Формозы -восемь и Манилы — только пять машин. Во время посадки на аэродроме Николе Филд один летчик сломал шасси, а другой — хвостовое колесо. Таким образом, лишь три самолета прибыли к месту назначения пригодными к полетам.

Понятно, что ожидать от молодых камикадзе успешного перелета было нельзя. Поэтому решили сначала отправить их на Формозу для дальнейшей подготовки. Ко всеобщему удивлению, через семь дней летчики прибыли туда. Но еще более удивительным было то, что до места назначения добрались 148 пилотов, которые перегнали 140 самолетов. Было потеряно всего десять самолетов. Подготовка новых камикадзе проходила ускоренными темпами, и новые группы «специальных атак» незамедлительно отправлялись на Филиппины.

5 и 6 ноября над Лусоном вновь разгорелись ожесточенные воздушные сражения. Палубные истребители и бомбардировщики США обрушились со всей яростью на 14 аэродромов на острове и в районе Манилы. Уничтожая самолеты противника на земле, американцы ослабляли мощь подразделений камикадзе.

Тем не менее 5 ноября считается днем официального участия в боевых действиях армейских групп летчиков-самоубийц.

Генерал-лейтенант Томонага Куодзи, подобно адмиралу Ониси, также обращался к своим пилотам с напутственным словом. Окинув взором выстроившихся летчиков и обслуживающий персонал группы «Манда Сакура» во главе с капитаном Ивамото, он сказал: «Когда люди приняли решение умереть, как вы, они волнуют сердце императора. И я уверяю, что смерть каждого из вас тронет императора. Она сделает больше - она даже изменит историю мира. Я знаю, что вы чувствуете сей-

час, отбросив печаль и радость, так как судьба императора под угрозой. Не беспокойтесь о том, что произойдет после вашей смерти, и о том, что вы оставляете после себя, так как вы станете богами. Я надеюсь, что вскоре и я получу привилегию присоединиться к вам в славной смерти».

Капитан Ивамото повел своих пилотов к заливу Лейте, но на пути они встретили большую формацию американских палубных бомбардировщиков. Ивамото доложил о них на базу и тут же отдал приказ идти в атаку. Без промедления пять самолетов камикадзе устремились на врага. Каждому из пяти летчиков удалось таранным ударом сбить по одному бомбардировщику.

Ошеломляющая массовая таранная атака быстро стала достоянием средств массовой информации. Специальным рескриптом император объявил летчиков группы Ивамото национальными героями. В честь этой атаки была сочинена поэма, которая вскоре стала известна каждому летчику-камикадзе. Фамилия отважного командира «падающих звезд» превратилась в девиз среди летчиков армейской авиации, символ патриотизма.

В 12-05 с аэродрома Мабалакат стартовала группа из двух самолетов камикадзе и одного истребителя сопровождения. Через десять минут на боевое задание отправилась другая группа в составе трех камикадзе и двух истребителей. Восемь японских самолетов сумели перехитрить патрульные истребители США и атаковали вражеские корабли. Зенитчики неистовствовали, заполнив небо шапками взрывов. Три самолета были сбиты сразу же. Один из камикадзе устремился на авианосец «Тикондерога», но не смог поразить его, упав в море в десятке метров от корабля. Одновременно с ним, в 13-39, другой самолет врезался в мостик авианосца «Лексингтон». Корабль пострадал не сильно. Однако 41 человек из его команды погиб и 126 были ранены.

Вылеты двух групп камикадзе 6 ноября окончились неудачно. Все восемь самолетов и летчиков, в них участвовавших, были потеряны, не добившись каких-либо результатов. Ситуация не изменилась и в последующие дни. В течение 7, 9 и 11 ноября было совершено четыре

самоубийственных атаки. В них участвовало 18 самолетов камикадзе, половина из которых вернулась назад, не сумев по различным причинам нанести удар.

Тем не менее именно в эти дни у армейских пилотов появился новый герой. Вылетев еще затемно, сразу после трех часов ночи, группа «Нисио» подразделения «Томатаке» в составе четырех самолетов направилась в указанный ей район для нанесения удара по вражеским кораблям. Плотная облачность не позволила осуществить задание, и группа была вынуждена лечь на обратный курс. Неожиданно для всех лейтенант Ямамото развернул свой самолет и вернулся назад. Он сумел пробить облака и обнаружить американские корабли. Последнее, что от него услышали, — сообщение об атаке, которую он собирается совершить. Самолета сопровождения не было, и никто не знает, что произошло дальше. Известно только, что в период с 6 по 12 ноября ни одного американского корабля повреждено, а тем более потоплено не было.

Как и в случае с капитаном Ивамото, поступок лейтенанта был воспринят в Японии с восторгом. На родине камикадзе в префектуре Сузиока правительственные и патриотические организации объединили свои усилия и установили памятник молодому пилоту, отдавшему жизнь за императора и страну.

12 ноября японцы предприняли массированные атаки американских транспортов в заливе Лейте. В течение дня совершили вылеты шесть групп камикадзе морской авиации общей численностью 24 самолета. Их сопровождали 13 истребителей.

И если в этот день морские летчики-камикадзе успеха не добились, то армейские сумели поразить цели. Четыре бомбардировщика группы «Манда» стартовали на рассвете с аэродрома в Колокан. Их прикрывали одиннадцать истребителей «Зеро». Во время полета мотор самолета лейтенанта Окухары, ведущего группы камикадзе, начал давать сбои, и тому пришлось вернуться на базу. Возглавил звено самолетов-камикадзе Танака Хайябусо, который, несмотря на сильный туман, сумел обнаружить несколько американских транспортных су-

дов. Покачав крыльями, он ринулся в пикирование с высоты 4,5 тысячи метров. Пораженными оказались два судна, на которых вспыхнул сильный пожар.

Атаки как морских, так и армейских камикадзе продолжались почти ежедневно с 13 по 24 ноября. Как правило, самолеты из полета не возвращались, но и потопленных судов зафиксировано не было. Повреждения получили лишь два американских транспорта.

15 ноября Императорский генеральный штаб издал специальный приказ с объявлением благодарности армейскому корпусу камикадзе. Особенно были отмечены группы «Манда» и «Томигаку», которые за две недели непрерывных боев полностью потеряли свой первоначальный летный состав. В эти дни родилась песня армейских камикадзе, ставшая их символом:

Незаметные песчинки,
Мы преданны стране.
За нее идем в свой последний путь. .

Американцы уже свыклись с тем, что ежедневно их флот подвергается одному-двум ударам групп камикадзе. Однако в течение последней декады ноября они внезапно ощутили, что интенсивность японских самоубийственных атак возросла. Императорский генеральный штаб, оказав Ониси помощь, потребовал, чтобы армия и флот объединили свои усилия и попытались приостановить американский натиск в заливе Лейте.

Генерал Ямасита взял под козырек. С 23 ноября начались непрерывные и мощные атаки японских войск, которые продолжались почти до конца месяца. Различные операции сухопутных сил поддерживались армейской авиацией. Морская авиация участвовала лишь в половине из них. Ее главная задача заключалась в атаках вражеских транспортов, авианосцев и других кораблей. 23 ноября морская авиация нанесла удары по американским судам в заливе Лейте и повредила транспорт «Джеймс О. Хара». И днем, и ночью следующего дня продолжались непрерывные атаки кораблей ВМФ США. В этот день 27 морских истребителей и бомбардировщи-

ков нанесли удар по вражеским авианосцам. Группа лейтенанта Такатакэ Кимиёси из шести «Зеро» и двух бомбардировщиков «Сусей» легко повредила три больших авианосца типа «Эссекс» и легкий авианосец «Индепенденс». Одновременно около сорока самолетов армейской авиации подвергли бомбардировке аэродром Таклобан.

Активизировали действия и американские авианосцы. С 25 ноября палубные самолеты США стали наносить мощные удары по всей северной части Лусона, включая Манилу. На аэродроме Кларк Филд были застигнуты врасплох и уничтожены готовые к вылету самолеты групп «Манда» и Томатаке». При этом погиб командир одной из групп Окумура Эйко. Авианосные соединения уже несколько недель находились в одном районе — 150—175 миль к северо-востоку от Манилы. Их палубная авиация сумела потопить тяжелый крейсер «Кумано», а также разгромить конвой с подкреплением с Формозы, которое так долго ждал Ямасита.

Адмирал Фукудоме вынужден был отменить удары авиации, выполнявшие в интересах сухопутных войск, а Ониси ввел в действие все имеющиеся в его распоряжении силы камикадзе. Всего с пяти аэродромов стартовали 24 бомбардировщика, использовавшихся для выполнения самоубийственных атак. Их сопровождало 17 истребителей «Зеро».

Группа «Есоно Бутай» в составе шести истребителей «Зеро» и двух пикирующих бомбардировщиков «Сусей» вылетела с аэродрома Мабалакат в 11-30. Ею командовал старший лейтенант Такатака Кимоси. Группу сопровождали шесть истребителей прикрытия.

Камикадзе обнаружили американские авианосцы адмирала Богэна «Хэнкок», «Кэбот» и «Интрепид» и устремились в атаку с большой высоты. Американские истребители пытались этому помешать, но оказались связаны боем с японскими истребителями сопровождения. Мощная завеса зенитного огня с легкого авианосца «Кэбот» не смогла помешать двум камикадзе поразить его. Один из самолетов взорвался прямо на палубе, а другой, получив повреждения еще в полете, упал рядом

с кораблем, но причинил ему серьезные разрушения. Погибли 15 и были ранены 16 американских моряков. Авианосец «Хэнкок» атаковали сразу четыре истребителя «Зеро». Два из них были сбиты зенитным огнем, третий успел перехватить и подожгли американские истребители. Четвертому самолету зенитными снарядами оторвало крылья, и он, пролетев мимо авианосца, врезался в миноносец. На авианосец упали лишь крылья и обломки корпуса, не причинившие значительных повреждений: оказался разбитым один зенитный автомат. После полудня два самолета камикадзе нанесли удар по авианосцу «Интрепид». Первый из них врезался в зенитное орудие, уничтожил его, отрикошетил и пробил палубу, вызвав пожар.

Вскоре авианосец поразил еще один самолет, вероятно, уже из другой группы камикадзе. Он пробил полетную палубу и взорвался в ангаре, где загорелись стоявшие там самолеты, заправленные горючим и вооруженные боеприпасами. Авианосец охватило пламя. В небо поднялся столб черного дыма. Серия взрывов расширила зону огня. Пожар потушили через два часа. Ангар оказался загроможден обломками конструкций и сгоревших самолетов, в нем скопилось большое количество воды. Повреждения были серьезными, и самолетам с «Интерпида» пришлось садиться на другие авианосцы. Погибли 79 моряков, 43 человека были ранены.

Последним был атакован авианосец «Эссекс» из другой авианосной группы. Один из самолетов был сбит, а второй рухнул на левую сторону полетной палубы, убив 15 моряков. Разрушения не были большими, так как его бомба не взорвалась.

В целом повреждения, причиненные американским авианосцам в этот день, оказались самыми серьезными. «Интрепид» был вынужден следующей ночью отправиться в Пёрл-Харбор для ремонта.

Самоубийственные атаки японских летчиков сильно озадачили американцев. Если в конце октября их рассматривали как временное явление, то теперь, спустя месяц, стало ясно, что японцы выковали новое оружие - гораздо более эффективное, чем обычные воздушные

бомбардировки. Токийское радио без усталости превозносило новое супероружие и летчиков, добровольно его выбравших.

Ответить на вопрос: являлись ли атаки камикадзе обыкновенным актом отчаяния или организованным и спланированным способом ведения боевых действий - помог случай. 11 ноября один из американских эсминцев спас японского летчика-камикадзе, который не сумел поразить цель на своем пикирующем бомбардировщике «Вэл» и упал в море рядом с кораблем. Летчик входил в состав 2-го воздушного флота адмирала Фукудome, переброшенного с Формозы 22 октября для участия в операции «Се-Го». Он пояснил, что по прибытии на Филиппины не велось никаких разговоров о самоубийственных атаках. Но 25 октября группы камикадзе начали спешно создаваться и во втором воздушном флоте. Уже 27 октября командир эскадрильи, в которой служил летчик, объявил своим подчиненным о том, что их подразделение предназначается для выполнения самоубийственных атак.

Сам пилот считал саму идею таких ударов глупой. Естественно, что он не имел возможности поделиться с кем-то своими сомнениями. Летчик не прошел никакой специальной тренировки по выполнению самоубийственных атак. У него не было намерения умереть, и пилот совершенно искренне признался, что никогда не испытывал желания совершить самоубийство.

Таким образом, к концу ноября у американского командования не осталось сомнений в том, что японцы избрали для себя мрачную, но действенную тактику самоубийственных атак. Поддерживаемая мощной пропагандистской компанией, эта тактика постепенно стала вытеснять традиционную тактику боевого применения авиации. Росли масштабы атак камикадзе. Соответственно увеличивались и потери американского флота. Над кораблями ударных и десантных сил ВМС США нависла реальная угроза.

КАК ЛУЧШЕ ПОРАЗИТЬ БРАГА: ТАКТИКА КАМИКАДЗЕ

Адмирал Ониси пришел к выводу, что три самолета камикадзе и два истребителя сопровождения представляли собой небольшую, а потому достаточно мобильную и оптимальную по составу группу. Сформированная по формуле «три плюс два», такая группа могла легче избежать вражеских истребителей. Ей было проще держаться вместе при полетах в сложных метеоусловиях.

С другой стороны, схема «чем меньше, тем лучше» действовала до определенного предела. К примеру, единственный самолет камикадзе не мог нанести эффективный удар по кораблю таких габаритов, как авианосец.

Поэтому было определено, что пять самолетов в одном вылете составляли оптимальное число. При этом на три самолета камикадзе должно приходиться два истребителя сопровождения. Такое соотношение не являлось твердо установленным и зависело от складывающейся ситуации, возможностей, погодных условий.

Истребители сопровождения играли чрезвычайно важную роль. Им приходилось отражать атаки вражеских перехватчиков до тех пор, пока самолеты камикадзе не устремятся на цель. Бой с истребителями противника всегда был для них оборонительным. Летчики эскорта не могли вступать в воздушную дуэль или пытаться обеспечить себе выгодное положение в воздухе. При любых обстоятельствах они были обязаны оставаться рядом с защищаемыми самолетами. Атакуемые сзади, они не могли спастись бегством. Все, что им было дозволено в такой ситуации, — лишь незначительно изменить курс, причем так, чтобы не оторваться от беззащитных самолетов с бомбами. Главным оружием пилотов эскорта оставалась способность ловко уклоняться и обманывать врага. Сбивать вражеские истребители -- такой цели перед ними не стояло. Единственный долг летчика эскорта состоял в защите самолетов камикадзе. Смертники должны были оправдать предназначение и завершить свой первый и последний боевой вылет сокрушающим

ударом по врагу. Для достижения этой цели пилот эскорта должен был предпринять все, от него зависящее, даже пожертвовать жизнью.

Летчиками эскорта назначались пилоты выдающегося мастерства и опыта. Потребность в пилотах, способных защитить самолеты камикадзе, была настолько велика, что им категорически запрещалось совершать самоубийственные атаки несмотря на желание. Как правило, летчиками эскорта становились командиры групп и подразделений самоубийц. Все они без исключения горели стремлением совершить самоубийственную атаку. С этой точки зрения летчик-камикадзе, сумевший преодолеть мощный заградительный огонь и поразить 29 октября авианосец «Интрепид», продемонстрировал высокое летное мастерство, но одновременно нарушил приказ и установки командования.

Со временем на аэродромах выработалась простая и эффективная процедура подготовки к вылету группы камикадзе. Поисковый самолет по радио передавал сообщение с характеристикой цели и ее координатами. После ее анализа принималось решение — наносить удар или нет. Отдав приказ нанести удар, командир доводил до пилотов данные о погодных условиях, цели, курсе и другую информацию.

Полковник Иногути Рикихей, старший офицер в штабе адмирала Ониси, непосредственный разработчик концепции самоубийственных атак и их организатор, оставил живое описание типичного вылета группы камикадзе:

«Наземный персонал выкатил из укрытий самолеты на стартовые позиции с подвешенными бомбами, заправленные горючим и с прогретыми моторами. Вся эта рутина все еще предстает предо мной живой картиной. Пилоты забираются в кабины готовых к взлету самолетов... Прощальный взмах... Рев моторов.... И они взлетают и пропадают из вида, поднимаясь вверх и уходя на восток над океаном цвета индиго, пока остаются лишь небо и вода.

Отправившись в полет над морем, летчик бросает последний взгляд на землю и видит сочную зелень кокосовых рощ, резко очерченных узкой полоской сияю-

щей белизной береговой линии, перед тем как земля отступает перед бесконечной синевой океана. Однако мысли о красоте должны также отступить перед мыслями о предстоящем деле. Самолеты настойчиво поднимаются на большие высоты, где меньше шансов встретить вражеские перехватчики. Летчики надевают кислородные маски, так как на высоте воздух становится разреженнее.

Далеко впереди в океане внезапно появляются крошечные черные черточки. Ведущий самолет направляется прямо на вражеские корабли, идущие полным ходом на восток. Время от времени облака закрывают их.

Приближаясь к цели, камикадзе увеличивают скорость, а несколько истребителей сопровождения занимают положение, чтобы блокировать вражеские перехватчики. Летчики-камикадзе готовят бомбы для сбрасывания, освобождая их от предохранителей.

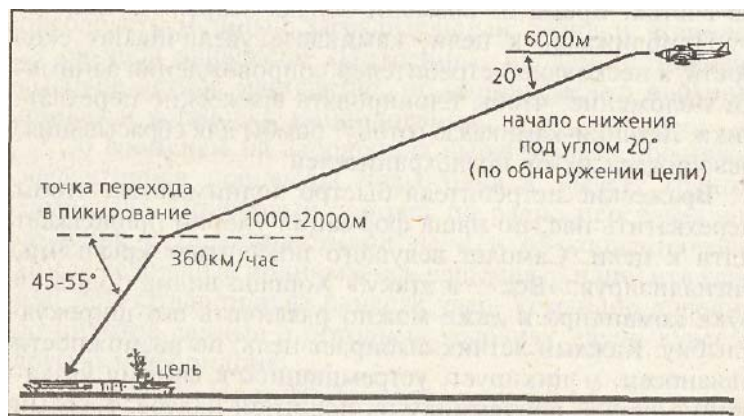
Вражеские истребители быстро поднимаются, чтобы перехватить нас, но наша формация упорно продолжает идти к цели. Самолет ведущего покачивает крыльями, сигнализируя: «Все — в атаку!» Хорошо видна поднятая рука командира и даже можно различить его широкую улыбку. Каждый летчик выбирает цель, по возможности авианосец, и пикирует, устремившись к самому уязвимому месту — подъемнику на полетной палубе. Каждый самолет поражает цель, преодолевая заградительный огонь, проходя через стену стальных осколков. Каждый взрыв вздымает столб пламени, который выбрасывает длинные клубы густого черного дыма.

После каждого вылета камикадзе я на командном пункте с надеждой ожидаю известия об успехе операции. Он не гарантирован, хотя мечта об удаче и надежда меня никогда не покидают».

Обучение новых пилотов «Специального ударного корпуса» было рассчитано на семь дней. Первые два дня они отрабатывали технику взлета самолета с подвешенной 250-килограммовой бомбой. Следующие два дня были посвящены тренировочным полетам в составе формации и совершенствованию взлета. В последние три дня летчиков обучали практике выхода на цель и ее

атаки. Но при этом продолжались тренировки взлета и полетов в составе группы. Если позволяло время, подобное обучение проводилось повторно.

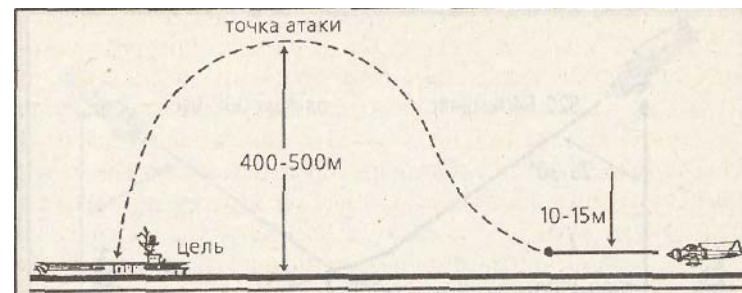
Летчики-камикадзе использовали два метода выхода на цель — на предельно малой и на большой высотах полета. Более предпочтительными с точки зрения навигации и обнаружения цели являлись средние высоты. Тем не менее большая вероятность встреч с истребителями противника именно на средних высотах и привела к появлению тактики предельно низкого и предельно высокого выхода на объект атаки.

Атака камикадзе с большой высоты

Высота полета от 6 до 7 тысяч метров позволяла наилучшим образом избежать атак вражеских истребителей. Несмотря на то, что радары обнаруживали приближение самолетов камикадзе заблаговременно, все же истребителям требовалось много времени, чтобы подняться на высоту их полета. К тому же на больших высотах, где воздух разреженнее, сложнее осуществлять перехват, так как летчику приходилось использовать кислородную маску и более осторожно пилотировать самолет.

Выход на цель на предельно низкой высоте имел важное преимущество: он позволял избежать раннего

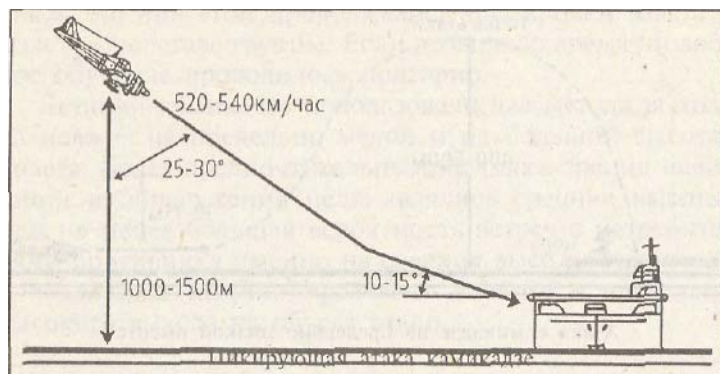
Атака камикадзе на предельно низкой высоте

обнаружения вражескими радарами. В 1944 году они могли засечь самолет, летящий на большой высоте на расстоянии ста миль. В то же время самолет на предельно малой высоте мог быть обнаружен на расстоянии менее чем десять миль. Затруднено было и визуальное обнаружение самолетов камикадзе, приближающихся на предельно низкой высоте. Таким образом, опасность быть перехваченным истребителями противника при полете на малой высоте резко снижалась.

Оба метода выхода на цель в филиппинской кампании применялись достаточно часто. Если в операции участвовало несколько групп летчиков-самоубийц, то могли использоваться сразу оба метода, к тому же на разных курсах и при разных вариантах атаки.

При выходе на цель на предельно большой высоте необходимо было следить, чтобы угол пикирования не был слишком крутым. Длительное крутое пикирование вело к возрастанию силы тяжести и затрудняло управление самолетом. Летчик-камикадзе должен был выдерживать по возможности наиболее пологий угол пикирования, учитывая при этом направление ветра и движение цели.

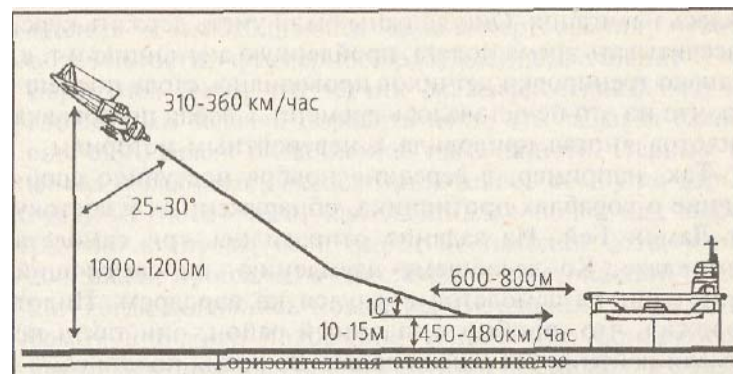
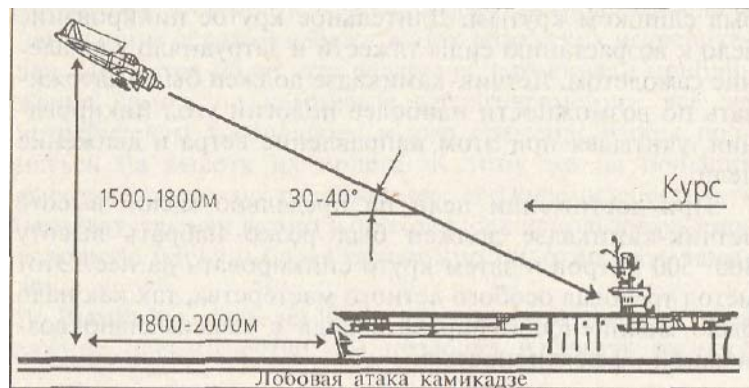
При достижении цели на предельно малой высоте летчик-камикадзе должен был резко набрать высоту 400—500 метров и затем круто спикировать на нее. Этот метод требовал особого летного мастерства, так как надо было молниеносно поразить цель с максимально возможной эффективностью.

Существовало несколько вариантов атаки морской цели. Наиболее эффективной и типичной считалась пикирующая. При скорости свыше 500 км/час летчик пикировал с высоты 900—1500 метров, пытаясь поразить наиболее важные части корабля. Однако при таком варианте атаки самолет камикадзе, как правило, почти всегда поражался на удалении 600—150 м, будучи визуально достаточно большим.

При лобовой атаке летчик-камикадзе обладал лишь одним небольшим преимуществом: зенитный заградительный огонь по курсу корабля вести несколько сложнее, чем при отражении атаки с бортов.

В качестве точки прицеливания летчик-камикадзе старался выбрать центральный самолетоподъемник, располагавшийся на расстоянии примерно одной трети дли-

ны авианосца, считая от носа. Передний и кормовой подъемники также представляли собой прекрасную цель, будучи достаточно уязвимой частью корабля. Разрушение или повреждение этих отсеков всегда выводило авианосец из строя, резко снижая его оперативную эффективность. На кораблях других типов наиболее важной точкой прицеливания являлся капитанский мостик. Прямое попадание в этот центральный нерв корабля надолго исключало его из боевых действий и требовало больших ремонтных работ. Любое попадание в центральную часть эсминца, транспорта и других небольших военных кораблей обычно заканчивалось для них фатально. Их палубы, не имевшие защиты, были чрезвычайно уязвимы от попадания даже единственного самолета.

Для выведения из строя тяжелого авианосца, по японским расчетам, требовалось четыре самолета: два для удара по центральному подъемнику и по одному на передний и кормовой. Теоретически для эскортного авианосца считалось достаточным два-три удара камикадзе. На практике, однако, борьба летчиков-камикадзе с американскими авианосцами происходила далеко не так, как первоначально рассчитывалось. Сказывалась нехватка самолетов и огромная мощь американского флота, использовавшего на Тихом океане почти сотню авианосцев. Вот почему обычной практикой было посылать против авианосца всего один самолет.

Слабым местом в подготовке летчиков-камикадзе яв-

лялась навигация. Они должны были уметь держать курс, рассчитывать время полета, пройденную дистанцию и т. д. Однако тренировки летчиков проводились столь поспешно, что на это не оставалось времени. Слабая подготовка пилотов иногда приводила к невероятным историям.

Так, например, в середине ноября поступило сообщение о кораблях противника, обнаруженных к востоку от Ламон Бей. На задание отправились три самолета камикадзе. Ко всеобщему изумлению, на следующий день один из самолетов вернулся на аэродром. Пилот доложил, что, прибыв в заданный район, они так и не сумели найти вражеские корабли. Во время полета самолеты потеряли друг друга. Не найдя цели и потеряв товарищей, летчик направился на запад в поисках острова Лусон и своей базы. Увидев землю, он приземлился на первом пригодном месте в 150 милях к северу от Манилы. На следующий день он вылетел на юг и совершил посадку на родном аэродроме.

Выясняя все детали этого невероятного самоубийственного вылета, командование вдруг открыло для себя, что у летчика не было карты и даже часов! Единственным мерилем времени для пилота были позывы пустого желудка. Без ведущего группы он практически летел вслепую.

Подобный случай не был единичным. От каждого из летчиков постоянно требовали, чтобы он собственноручно прокладывал схему полета и чертил карту Филиппин с тем, чтобы лучше представлять себе район полетов. Однако часто в суете и в спешке на подобные требования закрывали глаза, надеясь, что каждый пилот тщательно и внимательно приготовится к выполнению своего последнего вылета.

Иногда пилоты эскорта докладывали о попадании самолета камикадзе во вражеский корабль, однако взрыва при этом они не видели. Это было следствием того, что летчик забыл снять перед пикированием предохранитель с бомбы. В результате пораженная цель получала лишь поверхностные разрушения. Причины для подобной непредусмотрительности могло быть много: раздумья о божественном статусе, который получал смертник, со-

мнения в необходимости самопожертвования, чувство обреченности, чрезмерное возбуждение, волнение и т. д. Вероятнее всего, что летчик оказывался настолько поглощенным задачей поразить цель, что забывал сделать еще один шаг к выполнению намеченного. Первым камикадзе рекомендовалось приготовить бомбу ко взрыву сразу же после того, как начинался полет над морем. Однако в случае, если пилот не находил цель, у него возникали проблемы с обеспечением безопасной посадки. Тогда появились новые рекомендации — приводить бомбу в боевое положение только при обнаружении врага. Ведущему эскортной группы вменялось в обязанность подлетать поближе к самолетам камикадзе и сигнализировать пилотам о необходимости выдернуть чеку и привести таким образом взрыватель в боевое положение.

Уже на Формозе летчики учебных подразделений камикадзе не обучались практике выхода на цель на предельно малой высоте, так как выполнение крутой горки и резкого пикирования представляло для молодых пилотов слишком сложную задачу. Главным маневром для них считалась отработка пикирования под углом 45—55 градусов на командный пост. Иногути позднее вспоминал, что летчики выполняли упражнение на такой скорости, что вероятность катастрофы чрезвычайно возрастала. Было страшно смотреть — настолько низко они выходили из пикирования. Несмотря на короткий период учебы, тренировки оказывались полезными и эффективными. Не случайно многие из обучавшихся на Формозе пилотов-камикадзе достигли хороших результатов.

Жизнь летчиков-камикадзе по существу ничем не отличалась от жизни любого японского летного подразделения. Особый характер боевых заданий никак не сказывался на общей атмосфере. Летчики знали, что погибнут, и, более того, горели желанием поскорее отправиться в свой последний полет. Причем в их поведении не было ничего притворного, никакой бравады — они вполне искренне мечтали совершить подвиг, нанести удар по врагу и при этом погибнуть на поле боя.

Интересное описание мыслей и настроения пилотов

приводит полковник Накадзима, руководивший их боевыми действиями на Филиппинах. Где-то в середине ноября подразделению камикадзе на авиабазе в Себо подарили дюжину бутылок саке. Однажды во время застолья в боевых вылетах летчикам было разрешено устроить вечеринку и распить напиток, что и было сделано вечером после ужина. Летчики пригласили Накадзиму, на руках принесли в помещение лейтенанта Кано, у которого была сломана нога.

Саке развязало языки, и, пользуясь случаем, летчики начали атаковать командира различными вопросами. Один из них спросил: «Когда я совершу специальную атаку? Почему вы не отправляете меня?» Другой пилот также был недоволен: «Я член корпуса специальных атак с самого начала его организации, и тем не менее более поздние добровольцы уже сделали свое дело. Сколько я должен ждать?»

Накадзима нашелся что ответить. Он привел историю одного воина XIV века, известную каждому школьнику: «Помнишь, как накануне своей последней битвы Кусуноки Масасигэ, великий воин Японии, отправил домой к матери одного из своих солдат, горевшего желанием принять участие в сражении? Раньше или позже настанет время для каждого из нас. Специальные атаки различного рода будут продолжаться до тех пор, пока не установится мир. Твои товарищи считают себя первыми из многих и не жалуются, что отправятся на задание на пару дней позже, чем кто-то еще».

Летчики согласно закивали головами, и один из них заговорил снова: «Да, я понимаю, что вы имеете в виду, но все же думаю, что лучше быть более старым Кусуноки».

Другой пилот изменил тему разговора, задав неожиданный вопрос: «Существует ли субординация согласно званию в храме Ясукуни?»

«Нет, — ответил Накадзима. — Первенство полностью определяется временем прибытия».

«Тогда я превзойду тебя, командир. Ты ведь должен послать в полет многих перед тем, как вылететь самому».

«А что мы сделаем с командиром, когда он предстанет перед нами в Ясукуни?» — вдруг раздался чей-то веселый голос.

«Давайте назначим его дежурным по кухне!»

Предложение потонуло в раскатах смеха.

«А не будет ли это для меня лучше, чем сейчас?» — попытался возразить Накадзима.

«Ну, вероятнее всего, быть ему дежурным по кухне», — заключил кто-то. Снова хохот до слез.

Летчики-камикадзе отправлялись на задание почти каждый день. Никто из них наперед не знал дату своего будущего вылета. Боевая задача ставилась не более чем за сутки до нанесения удара. Летчики прилежно учились, стараясь постичь все тонкости единственного боевого задания. Они считали самоубийственные атаки частью своего долга. Накадзима утверждал, что неоднократно слышал от своих подчиненных следующие утверждения: «Когда мы стали солдатами, то предложили наши жизни императору. Вылетая на задание, мы твердо убеждены, что выполним свое предназначение и поможем защитить страну. Мы не можем думать по-другому. Вот почему «специальная атака» — это просто название. Это тактика, необычная по форме, — всего лишь другой способ выполнения нами воинского долга».

Такое мнение преобладало и особенно было характерно для летчиков 201-й воздушной группы, которые делали свое дело без истерии и показухи.

Обычно вылеты камикадзе следовали сразу после обнаружения кораблей противника. На передачу по радио координат с поискового самолета, принятие решения на нанесение удара и старт самолетов уходило около четырех часов.

Подготовка к самоубийственной атаке обычно проводилась с особой тщательностью. Особенно усердствовали механики самолетов, которым приходилось нелегко при отсутствии запасных частей. Накадзима вспоминал, что если на базу из-за поломки возвращался самолет, то на унылого, обескураженного пилота было жалко смотреть. Зная о том, каким подавленным в таких случаях

чувствует себя летчик, наземный обслуживающий персонал предпринимал все от него зависящее, чтобы самолет был в порядке.

Работа механиков продолжалась и днем, и ночью. Они не только готовили самолеты к вылету, но и засыпали воронки от авиабомб, убирали осколки с взлетной полосы и т. д. Поскольку вражеские налеты случались почти ежедневно, подобной работы было много.

ЗАЛИВ ЛЕЙТЕ: НОВЫЙ ВИД ВОЗДУШНОЙ ВОЙНЫ

26 ноября удар по американским транспортам в заливе Лейте пытались нанести армейские камикадзе группы «Ясуоку». Низкая облачность затрудняла обнаружение целей и их атаку. Самолеты эскорта доложили о повреждении самоубийцами двух судов, однако американцы не подтверждают этого.

Зато на следующий день камикадзе провели одну из самых мощных своих атак. В них участвовали морские летчики-самоубийцы из корпуса «3-Токубецу Когекитай» из Мабалаката и армейские камикадзе из Негрос Филэнд. В 7-03 в полет отправилась группа «Касуга Бутай» под командованием Инизуко Киохи. В ее состав входило 7 истребителей «Зеро» и 2 пикирующих бомбардировщика «Сусей». Вместе с морскими летчиками атаку производила группа армейской авиации «Хакко Сентай» под командованием старшего лейтенанта Танаке Хидеси. В его распоряжении было 10 истребителей «Хаябуса». Каждый нес по две бомбы. Прикрытие обеспечивали 18 истребителей «Хаяте».

В 11-25 японские пилоты появились над кораблями 9-го флота, находившегося в заливе Лейте.

Плотный зенитный огонь не смог помешать японцам начать атаку кораблей с разных сторон. Первый удар был нанесен по легкому крейсеру «Сент Луис». Два самолета врезались в орудийную башню и в катапульту для гидросамолетов. Погибли 33 моряка.

Очередной мишенью японские летчики выбрали легкий крейсер «Монтпелиер», который в это время загружался топливом. Кораблю сильно повезло: интенсивный зенитный огонь не дал камикадзе возможности достаточно точно нанести удар.

Три самолета поразили цели, однако их бомбы не взорвались. Четвертый камикадзе был сбит артиллерийским огнем и упал в море.

Пятый самолет таранил орудийную башню крейсера, шестой взорвался у его правого борта. Всего «Монтпелиер» атаковало восемь самолетов, пять из которых поразили цель.

Удару камикадзе подвергся также линкор «Колорадо». На его борту погибли 19 человек. Было потоплено транспортное судно SC-744.

В течение двух часов команда крейсера «Монтпелиер» противостояла бесконечным атакам камикадзе и боролась с пожаром. Благодаря самоотверженности моряков корабль выстоял в жестокой схватке и даже сохранил боеспособность.

Избавившись в конце концов от леденящей душу опасности, моряки приступили к устранению повреждений. Они выбрасывали за борт многочисленные обломки и омывали палубу из брандспойтов. В некоторых местах вода была красной от крови. Шокированные моряки, словно на бойне, собирали фрагменты человеческих тел. Язык, волосистой покров головы, мозги, колленные чашечки и другие кости — все это было собрано и выброшено в море. Один из моряков отрезал палец с подобранной на палубе руки, чтобы снять с него кольцо.

Все еще находясь во власти эмоций от пережитой атаки, моряки совершенно буднично собирали человеческие останки и тщательно мыли корабль. Теперь они хорошо изучили тройной разрушающий эффект, вызываемый падением самолета: сначала взрыв бомбы, за ним следовал удар самолета, после чего взрывались топливные баки, разбрасывая далеко вокруг струи горящего авиационного бензина.

28 ноября камикадзе совершили две атаки на американские амфибийные силы у побережья Лейте, однако

удача на этот раз отвернулась от них. Никаких разрушений кораблям причинено не было.

День 29 ноября прошел спокойно. Лишь в 16-30, перед тем как стемнело, камикадзе нанесли новый удар. Погода была промозглой. Низкая облачность помогла японцам скрытно достичь района атаки. Если бы не радары, то была бы обеспечена полная внезапность нападения. Поэтому непосредственно над целью, как и всегда, самолеты встретил шквальный огонь зенитной артиллерии. Небо заполнилось шапками взрывов. Один из самолетов начал пикировать, нацелившись прямо в линкор «Мериленд». Однако был поражен взрывом и упал в океан, подняв огромный столб воды высотой до двадцати метров. Задымилась и, потеряв управление, круто пошла вниз еще два самолета. Остальные не стали искушать судьбу и оставили в покое заманчивую цель.

Не успели американские моряки перевести дыхание, как около 17-00 снова заметили японские самолеты. Не известно, были ли это самолеты прежней группы или прибыла новая группа камикадзе. Снова тусклое небо почернело от взрывов. Один из камикадзе устремился в крутом пике на тяжелый крейсер «Портленд», однако в последний момент изменил курс и врезался в мостик находившегося поблизости эсминца «Аулик». Столкновение самолета с кораблем оказалось настолько сильным, что последний резко развернуло. Мостик и два зенитных автомата оказались уничтоженными. Погибли 32 и получили ранения 64 человека, то есть из строя была выведена треть команды корабля. К счастью, удалось быстро потушить вспыхнувший пожар.

Другой самолет нацелился на линкор «Мериленд». Зенитный огонь не смог помешать самолету, и моряки упали на палубу, с ужасом ожидая взрыва. Однако самолет вдруг вышел из пикирования и взмыл вверх. Никто не понял, почему. Однако затем он снова вернулся и продемонстрировал целую серию фигур высшего пилотажа. Моряки не могли не оценить мастерства летчика, который в конце концов направил самолет в почти отвесное пике. «Мериленд» вздрогнул от мощного взрыва. Самолет «Зеро» врезался в орудийную башню главного

калибра, причинив огромные разрушения и убив 31 моряка. На палубе моментально вспыхнул огонь.

Пока моряки «Мериленда» как зачарованные следили за пируэтами камикадзе, другие японские самолеты попытались нанести удар по остальным кораблям. Несколько из них были тут же сбиты, однако один все же сумел преодолеть заградительный огонь. Самолет получил повреждение и, будучи не в состоянии дальше продолжать полет и выбрать подходящую цель, устремился на оказавшийся внизу эсминец «Сауфлей», который едва не переломился от удара. На корабле вспыхнул пожар, с которым команда боролась в течение четырех часов. «Сауфлей» спасли, однако он подлежал серьезному ремонту.

На следующий день токийское радио прославило героические атаки, совершенные камикадзе 29 ноября, и оценило их почти как «окии сенсо» — великую победу.

30 ноября несколько самолетов из группы «Томата-ке» пытались нанести удар по американским кораблям в заливе Лейте. Сложные метеоусловия не позволяли японцам обнаружить неприятельские корабли, и атака не состоялась. Активность камикадзе в первых числах декабря заметно снизилась. В день совершалось лишь по одному вылету небольшими группами, а 1 декабря из-за погодных условий полеты вообще не проводились. Тем не менее 3 декабря им удалось потопить эсминец «Купер». Корабль совершал одиночное плавание. Два самолета камикадзе, летевшие над морем на бреющем полете, встретили его на своем пути и совершили молниеносную атаку. Эсминец затонул сразу же. Большая часть команды погибла.

Командование армейской авиации предпочитало участвовать в совместных атаках с морскими летчиками. Оно не разделяло мнение адмирала Ониси об использовании летчиков-самоубийц небольшими группами. Кроме того, Ониси не уделял должного внимания ударам по вражеским транспортам.

Поэтому армейское авиационное командование решило сконцентрировать усилия на собственных самоубийственных операциях, сведя к минимуму обычную

тактику. Однако реализации новых подходов к самоубийственным атакам мешала нехватка истребителей, необходимых как для прикрытия бомбардировщиков, так и для непосредственного поражения целей таранными ударами.

Следует отметить, что армейские летчики-камикадзе действовали совсем не так, как морские. Поразив цель бомбой или торпедой, они сами решали, следует ли им совершить самоубийственный таран или возвратиться на базу. Другими словами, они вовсе не были обязаны непременно жертвовать собой, подобно морским пилотам, хотя и принадлежали к подразделениям камикадзе.

К концу ноября 1944 года больше потопленных и поврежденных боевых кораблей числилось за морскими камикадзе. Армейские же самоубийцы наряду с боевыми атаковали и грузовые корабли — не только американские, но и новозеландские, австралийские, а также других стран. Они считали, что только так можно остановить натиск американских десантных сил в заливе Лейте.

Командование морских камикадзе, изучив мнение армейских летчиков, согласилось объединить усилия против американских транспортов. Удобный случай не заставил долго себя ждать. 5 декабря японцы обнаружили конвой, перевозивший войска с восточного побережья Лейте на западный берег острова в район Ормок. Смешанные силы морской и армейской авиации в составе восьми самолетов нанесли удар в 11-00. Японские истребители сопровождения связали боем американские самолеты, прикрывавшие конвой с воздуха. Пять самолетов смертников было сразу же сбито, однако остальные все же смогли прорваться сквозь истребительное заграждение и нанести удары. Один транспорт был потоплен, погибло 6 моряков. Другой получил серьезные повреждения. Восьмой самолет нацелился на эсминец «Дрэйтон». Его капитан Р. Крейгхилл скомандовал открыть огонь. Самолет на большой скорости намеревался поразить мостик, однако проскочил мимо, лишь едва задев его кончиком крыла. Поняв, что в цель не попал, летчик в самое последнее мгновение резко повернул самолет на правое крыло и врезался в переднее орудие. Большая

часть самолета упала за борт, однако крыло и шасси поразили 6 и ранили 12 моряков. Команды других кораблей с трепетом и восхищением следили за поединком «Дрэйтона» с самолетом камикадзе. Эсминцу при этом здорово повезло: бомба с японского самолета не взорвалась, и повреждения, которые получил корабль, оказались незначительными.

Перед заходом солнца появился одинокий японский самолет. Он сбросил бомбу на эсминец «Магфорд», однако промахнулся. По всей видимости, это не был самолет камикадзе. Во время второго захода самолет поразила корабельная артиллерия, и пилот направил поврежденную машину на корабль. Поскольку бомбы не было, «Магфорд» пострадал не сильно.

7 декабря солдаты 77-й американской пехотной дивизии высадились в 6 километрах к югу от города Ормок на западном побережье острова. Десантные корабли едва успели закончить разгрузку, как в 9-34 появились двенадцать японских бомбардировщиков и четыре истребителя. Это были самолеты армейской эскадрильи «Тзутоко» («Слуги императора»), возглавляемые лейтенантом Ямамото Такутсуку. Японские пилоты совершили одну из своих самых необычных и разрушительных атак. Бомбардировщики были вооружены торпедами, и летчики пытались их прицельно сбросить. Однако если самолет получал повреждение или от зенитного огня, или от действия американских «Лайтнингов», то пилот тут же направлял машину на американские корабли.

Первым принял на себя удар сторожевой эсминец «Махэн». Один из самолетов камикадзе был сбит и упал в 15 метрах от корабля, другой поразил его переднюю часть. Третий и четвертый самолеты были сбиты, пятый врезался в мостик, шестой таранил корабль на уровне ватерлинии. Седьмой сбросил бомбу, но промахнулся и улетел. Восьмой получил попадание зенитного снаряда и загорелся. Японский пилот пытался направить горящий, как факел, самолет на «Махэн», но не дотянул до цели несколько метров. Девятый самолет сбросил бомбу и скрылся в облаках.

Команда эсминца проявила чудеса героизма, стараясь

спасти «Махэн». Однако все было напрасно, и капитан Кэмпбелл приказал покинуть корабль, после чего он был потоплен артиллерийским огнем. Удивительнее всего то, что из команды эсминца погибло лишь десять человек.

В этот же день 7 декабря ко дну пошел переоборудованный в транспорт устаревший эсминец «Уорд». Именно он произвел первый выстрел в войне на Тихом океане ровно три года назад в Пёрл-Харборе 7 декабря 1941 года.

Корабль атаковали три камикадзе. Первый самолет летчика Ямамото получил попадание зенитного снаряда и загорелся. Тем не менее опытный пилот сумел произвести пикирование под углом 45 градусов и поразить эсминец в правый борт выше ватерлинии. Два других самолета сбита артиллерия, и они не причинили кораблю вреда. Однако и мощного взрыва, произведенного тараном первого самолета, оказалось достаточно, чтобы уничтожить «Уорд». Покинутый командой, он был расстрелян орудийным огнем эсминца «О'Браен» которым командовал Уильям Оутегбридж, бывший капитан «Уорда» в Пёрл-Харборе. Такие удивительные сюрпризы иногда преподносит судьба!

В этот же день атаки армейских пилотов поддержали морские камикадзе 1-го воздушного флота. С аэродромов Мабалакат и Кларк Филдз стартовало 14 самолетов «Второй эскадрильи камикадзе». Девять бомбардировщиков и пять «Зеро» взлетели с аэродрома в Себу.

После обеда в бой снова вступили летчики армейской авиации. Два самолета предприняли попытку таранить эсминец «Эдварде», но промахнулись. Третий камикадзе внезапно вынырнул из-за маленького островка и с молниеносной быстротой поразил эсминец «Лэмсон». Самолет крылом зацепил дымовую трубу и разбился на палубе. Сильный взрыв разворотил корабль, убил и ранил 71 моряка.

Несколько истребителей «Зеро» атаковали эскортный эсминец «Лиддл». Один из них сумел таранить корабль. Он попал прямо в мостик, убив всех, кто на нем находился. Сильные повреждения получило также десантное

судно LST-737, на которое упал один из самолетов камикадзе.

Около девяти часов американский флот подвергался непрерывным самоубийственным ударам японских смертников. С атаками подобных масштабов и такой интенсивности американцам еще не приходилось встречаться. Стало совершенно ясно: самоубийственные атаки — не помрачение ума и не какое-то массовое психическое отклонение. Это новый вид воздушной войны, и нужно срочно искать контрмеры.

АМЕРИКАНСКИЕ КОНТРМЕРЫ

Если пилоты камикадзе целью своих атак считали уничтожение вражеских кораблей, то адмирал Ониси вкладывал в понятие «самоубийственная атака» еще и психологический эффект. Камикадзе, по его мнению, должны морально сломить врага, подавить его волю к победе.

Психологические последствия самоубийственных атак и в самом деле были ошеломляющими. Подобный метод ведения боевых действий до сих пор не встречался ни у одной армии мира. Американцам и их союзникам, которые сражались за жизнь, было трудно понять людей, сражавшихся для того, чтобы умереть. С западной точки зрения считается непозволительным предпочитать смерть даже самой постыдной жизни. Американские моряки прозвали летчиков-камикадзе «дьявольскими пикировщиками». Их замешательство и страх росли по мере того, как расширялись масштабы атак камикадзе. Мысль о том, что японские пилоты умышленно направляют свои самолеты на корабли, пугала до оцепенения. Поблекла бравада мощью американского флота. Все поняли, что наступил новый период войны, требующий иных подходов.

Следует подчеркнуть, что самоубийцы сильно напугали американских моряков, но не сумели деморализовать их. Общей паники и смятения во флотах союзников

не было. Японскому порыву к самопожертвованию союзники противопоставили хладнокровие и рассудочность. Они действительно были близки к панике, впервые столкнувшись с бесчеловечными, заранее продуманными самоубийственными атаками. Но смогли выдержать этот психологический удар и выработать свои контрмеры.

Адмирал Нимиц прежде всего приказал установить строгий режим секретности в отношении сведений о действиях камикадзе и результатах их атак. Общественность США и их союзников ничего не должна была знать об этой угрозе. Личный состав флота, военные корреспонденты были предупреждены о строгом соблюдении режима умолчания. Ни единого слова о камикадзе не должно было просочиться в прессу.

Американская военная цензура тщательно скрывала правду о самоубийцах и не позволяла распространять неизбежные в таких случаях вымысел и небылицы. Это был психологический ответ Америки на психологический удар Японии. Австралия и Великобритания поддерживали США и также всю войну хранили молчание о новом ужасном феномене.

Впервые Америка узнала о камикадзе 12 апреля 1945 года • в день смерти президента Франклина Делано Рузвельта. На фоне этого события новость о самоубийцах не привлекла всеобщего внимания.

В конце ноября адмирал Хелси и его штаб приступили к разработке контрмер против новой угрозы. Вскоре оборонная доктрина против камикадзе была сформулирована. По предложению офицера штаба 38-го оперативного соединения Джона Тэча она получила название «Большой голубой покров». Доктрина базировалась на нескольких основных положениях. Если прежде оперативное соединение состояло из четырех групп авианосцев, то теперь их количество свели к трем. В результате в каждой группе стало больше авианосцев, которые, соответственно, стали обладать и большей военной мощью.

Многие командиры кораблей аргументированно считали, что противостоять крутому пикированию самолета камикадзе на корабль практически невозможно. Вот почему японские самолеты необходимо перехватывать до

того, как они получают возможность выбрать цель и перейти в пикирование на нее.

Чтобы справиться с этой задачей, летный персонал каждой истребительной группы на тяжелых авианосцах был увеличен с 54 до 105 пилотов. Раньше количество истребителей и бомбардировщиков было примерно одинаковым. Увеличение истребителей автоматически уменьшало количество бомбардировщиков и торпедоносцев до 15 на каждом авианосце. По меньшей мере пять авианосцев класса «Эссекс» стали действовать с истребительными эскадрильями, состоявшими из 70 «Хеллкетов». Однако ударная мощь авианосцев от этого не уменьшилась, так как «Хеллкеты» могли нести бомбовую нагрузку до 400 килограммов.

Таким образом, истребители являлись первой линией обороны. Количество самолетов в каждом боевом воздушном патруле над авианосцами оперативной группы было решено довести до 20—24 «Хеллкетов».

Кроме того, с каждой из четырех сторон оперативную группу охраняла пара истребителей. Они барражировали на малой высоте (не более 900 метров) вне зоны огня зенитной артиллерии. Их задача состояла в перехвате низколетящих камикадзе, действовавших ниже потолка эффективного обнаружения радаров.

Наведение истребителей на цель решено было осуществлять с участием офицеров-наводчиков истребительных оперативных групп. Новая доктрина позволила каждому кораблю, имеющему в распоряжении истребители, устанавливать контакт с неопознанными самолетами на экранах радаров и указывать направление перехвата. Это позволило значительно ускорить принятие решений в то время, когда была дорога каждая минута.

Согласно «Большому голубому покрову», пары эсминцев радарного обеспечения, называемые «томкет», должны были занимать позиции на наиболее вероятных направлениях атак камикадзе на расстоянии не менее 40 миль от оперативного соединения. Каждый «томкет» имел в распоряжении как минимум одно звено истребителей для проведения дальних перехватов. Кроме того, «томкеты» распознавали собственные самолеты.

Адмирал МакКейн предложил еще одну идею, оказавшуюся на редкость эффективной, — выявить все аэродромы камикадзе в радиусе действия палубной авиации и нейтрализовать их постоянными атаками днем и ночью. Когда 14 декабря быстроходные авианосцы приступили к боевым действиям, они в течение трех дней подвергали аэродромы Лусона непрерывным бомбежкам. В результате ни один японский самолет не смог взлететь с острова, чтобы помешать высадке десанта на Миндоро. Камикадзе наносили удары с авиабаз Себу и Давао. Американцы объявили об уничтожении за три дня 270 самолетов противника. Конечно, японские потери были явно завышены, тем более, что они умело использовали муляжи для обмана американцев. Тем не менее реальные потери японской авиации действительно оказались достаточно высокими.

Американская доктрина предусматривала и дальнейшее совершенствование корабельной зенитной артиллерии. Максимально увеличили количество зенитных автоматов типа швейцарских «Эрликонов» калибра 20 мм и калибра 40 мм типа шведских «Бюфорс». На эскортных авианосцах их стали устанавливать до 50, на легких и тяжелых -- соответственно до 70 и 120 единиц. Для повышения точности стрельбы с артиллеристами стали проводить интенсивные тренировки. «Зеро» с подвешенной бомбой не обладал свойственной ему маневренностью и скоростью полета. Этот фактор также приняли во внимание. Артиллеристы изобрели оригинальный метод борьбы с низколетящими самолетами, доставляющими особое беспокойство. Они стреляли в море вокруг кораблей. Поднимавшиеся столбы воды затрудняли полеты самолетов на предельно низких высотах. Оправдала себя идея использования прожекторов для ослепления пилотов. Предлагались и другие методы борьбы с камикадзе (запуск 125-мм ракет, использование мощных высокочастотных радиоволн и т. д.), но все они были полуфантастическими и всерьез не рассматривались.

Союзники постоянно совершенствовали технику борьбы с камикадзе, и вскоре японским смертникам стало чрезвычайно трудно прорваться и поразить цель. В то же

время подразделения «специальных атак» не имели возможности улучшать свою тактику и технику, так как камикадзе, предприняв атаку, из нее не возвращались.

БИТВА ЗА МИНДОРО И ЛУСОН: РЕКВИЕМ «ОММАНИ БЕЙ»

10 декабря американский флот в заливе Лейте был атакован восемью бомбардировщиками С4М. В результате самоубийственных таранов эсминца «Хьюз» получил сильные повреждения, а торпедный катер РТ-323 затонул.

На следующий день идущий в Ормок конвой подвергся нападению одиннадцати самолетов «Зеро» (четыре камикадзе и семь самолетов прикрытия). Три истребителя группы «Кондо Бутай» под командованием старшего лейтенанта Сузуки Киеси атаковали эсминца «Рейд». Два самолета были сбиты зенитным огнем, а третий упал на корабль. Для эсминца удар оказался смертельным — сдетонировали боеприпасы, он накренился и стал тонуть. Раздался мощный подводный взрыв. Удалось спасти лишь тридцати морякам.

12 декабря группа из трех «Зеро» провела удачную операцию против эсминца «Колдуэлл». Пока два самолета бомбили корабль, третий начал пикировать на него, затем попытался выйти из пикирования над самым кораблем, но крылом зацепил мостик, а фюзеляж самолета врезался в главную радиоантенну. В это время другой самолет удачно положил бомбу вблизи орудийной башни.

В результате атаки камикадзе погибли 33 и получили ранения 40 человек. Больше часа команда боролась с огнем и смогла спасти корабль. Однако повреждения оказались серьезными, и эсминца пришлось отправить на ремонт.

Утром 13 декабря над морем расстилались густые кучевые облака. Они помогли японскому самолету-разведчику, обнаружившему американский флот вблизи пролива Суригао, благополучно ускользнуть от вражес-

ких истребителей. Было ясно, что непременно появятся камикадзе, поэтому над кораблями непрерывно барражировали истребители прикрытия: двенадцать до обеда и тридцать пять — во второй половине дня. Однако это не спасло американские корабли. Около 15-00 в районе южной оконечности острова Негрос одиночный бомбардировщик «Вэл» сумел на малой высоте незамеченным подлететь к конвою. Самолет с двумя подвешенным бомбами таранил флагман контр-адмирала Артура Страбла легкий крейсер «Нэшвилл», поразив его левый борт и каюту капитана. Сильные разрушения и пожар, причиненные кораблю, вызвали серию взрывов боеприпасов. Мостик, центр связи и боевой информационный центр были уничтожены. Крейсер потерял 133 человека убитыми и 190 ранеными. Погибли и получили ранения несколько высших офицеров, командовавших операцией на острове Лейте.

Пожар потушили быстро — всего за десять минут, однако корабль оказался выключенным из боевых действий.

В 16-30 с аэродрома Себу поднялись семь самолетов камикадзе и три истребителя эскорта. Это была группа «Кондо Бутай № 2» под командованием сублейтенанта Комацу Хироси. Ее дополняли еще несколько групп камикадзе.

На расстоянии в 120 километров до цели японских смертников встретили американские истребители. В жарком бою было сбито по меньшей мере 18 японских самолетов. Многие камикадзе не сумели преодолеть заслон и были вынуждены вернуться назад. Однако трем самолетам удалось избежать атак истребителей. Один из них — истребитель Накадзима Ki-43 — устремился на эсминец «Хэраден». Интенсивный зенитный огонь не смог поразить самолет или сбить его с курса. При падении он зацепил правым крылом мостик и проник в артиллерийский погреб. Гигантский взрыв вызвал пожар по всему кораблю. Из разорванных трубопроводов хлестало топливо, расширяя зону огня. «Хэраден» потерял ход и пылал как стог сена. Тем не менее благодаря хорошим средствам пожаротушения и самоотверженной

борьбе команды эсминец удалось спасти. В отличие от «Нэшвилла» потери среди команды оказались небольшими: 14 убитых и 24 раненых.

Второй камикадзе выбрал для атаки авианосец «Манила Бей», но стена зенитного огня оказалась для него непреодолимой. Подобно комете он устремился вниз и упал в море далеко, от корабля.

Третий самолет пытался поразить линкор «Уэст Вирджиния», но также был сбит.

Тем временем конвой десантных судов с войсками для высадки на Миндоро двигался на запад через пролив Суригао. Было ясно, что японцы сделают все возможное, чтобы помешать новой десантной операции. Рано утром 14 декабря 11 самолетов было отправлено на поиски американских кораблей. И хотя их так и не нашли, в воздух поднялась формация камикадзе: 66 самолетов, из которых 26 предназначались для выполнения таранных атак. Однако плохая погода и встреченные на пути американские истребители помешали обнаружить вражеские корабли. Неблагоприятные обстоятельства не смутили эсина Игути Яносукэ, командующего второй специальной группы самоубийственных атак. Вместе с пилотом младшим офицером второго класса Такебе Такедзи он продолжал вести свой бомбардировщик «Сусей» по заранее определенному маршруту. Не найдя кораблей противника в проливе, Игути направился в залив Лейте. «Сейчас 12-37. Мы пикируем. Банзай!» — такое последнее сообщение получили по радио от экипажа.

Утром 15 декабря американские десантные силы приступили к высадке на острове Миндоро. Они не встретили сильного сопротивления противника на суше, чего не скажешь о воздухе. В небе над Миндоро разгорелись жаркие схватки. Еще было темно, а над районом высадки десанта уже кружились японские разведывательные самолеты и непрерывно сбрасывали осветительные бомбы.

В 7-15 над американским флотом появилось около сорока японских самолетов, взлетевших с аэродромов Давао и Кларк Филд. Огонь открыла зенитная артиллерия, в бой вступили истребители прикрытия. В 7-22 к

земле пошел объятый пламенем первый сбитый японский камикадзе — истребитель «Зеро». В 8-12 смертники предприняли первую реальную атаку. Предположительно торпедоносец Накадзима B5N, прорываясь к авианосцам, встретил на своем пути эсминец «Ральф Тэлбот». Взрыв зенитного снаряда разорвал самолет на части. Однако горящие обломки упали на эсминец и причинили ему легкие повреждения.

В 8-22 с эскортного авианосца «Маркус Айлэнд» заметили несколько истребителей «Зеро». Они летели на высоте 6 тысяч метров и явно намеревались атаковать корабль. В то время как один из самолетов скрылся в облаках, два других устремились в пике, причем один с левого, а другой с правого бортов. Последний вдруг прекратил пикирование, сделал «свечу» и снова начал пикировать, но уже на корму. Для моряков с авианосца ничего страшного в этих маневрах не было. Перед операцией на нескольких авианосцах площадки самолето-подъемников, прежде очерченные белой краской, были закрашены под цвет остальной палубы. В других местах палубы были нарисованы новые линии, очерчивавшие фиктивные подъемники. Этим оригинальным способом американцы значительно снизили уязвимость самых слабых мест палубы — самолетоподъемников, повреждение которых выводило авианосец из строя.

Камикадзе нацелился на передний подъемник, но в самый последний момент раскрыл уловку и был вынужден повторить атаку. Тем временем зенитчики 20-мм автоматов, увидев реальную опасность, сосредоточили на камикадзе шквал огня. Самолет загорелся на дистанции 400 метров от корабля. Пилот или был ранен, или убит, так как самолет не попал в авианосец. Уже пройдя корабль, он резко изменил курс и упал в море, подняв столб воды в восьми метрах по правому борту. Авианосец серьезных повреждений не получил, однако концом крыла самолета срезало голову вахтенному моряку, находившемуся на наблюдательном посту. Его напарник получил ранение.

Не прошло и десяти секунд, как второй самолет, пикировавший на авианосец, был вынужден прервать

атаку. Проходя над кораблем на высоте пятьдесят метров, он начал резкий разворот и упал в море в двенадцати метрах по левому борту. Бомба, сброшенная самолетом, взорвалась в воздухе, ранив осколками 6 моряков.

Третий самолет не сумел поразить маневрирующий авианосец бомбой и сам промахнулся, врезавшись в воду.

Около 9-40 появилась новая группа камикадзе. Три самолета были сбиты зенитным огнем с авианосцев, и атака не состоялась.

Самоубийственные вылеты предпринимались японскими летчиками в течение всего дня. Они оказались более свирепыми, чем обычно. Повреждения получили эсминцы «Паул Хамилтон» и «Хоуорт». Десантные корабли LST-472 и LST-738 были потоплены. Мужественно сажались артиллеристы с LST-472, уничтожив три самолета камикадзе перед тем, как четвертый отправил корабль на дно.

Следующий день прошел сравнительно спокойно. Густая облачность надежно закрыла авианосцы. Несколько камикадзе были сбиты, пытаясь под покровом облаков незамеченными нанести удар. После 13-00 авианосцы и линкоры покинули район высадки десанта и отправились на восток, чтобы принять топливо с танкеров. 17 декабря в 10-00 флот приступил к заправке топливом. Ветер и волны сначала усложнили эту операцию, а затем сделали ее опасной. В 13-10 адмирал Хэлси приказал прекратить дозаправку как можно скорее. Метеослужба проморгала приближение тайфуна, и флот оказался в его эпицентре. Невероятной высоты волны, ураганный ветер — все это с неистовой силой обрушилось на корабли. Эсминцы «Халл», «Монагэй» и «Спенс» опрокинулись и затонули. Тяжелые повреждения получили 10 кораблей и еще 19 — легкие, 146 самолетов было снесено ветром за борт, сгорело или разбилось в результате столкновений, погибли 790 человек.

Оперативное соединение выглядело так, словно оно участвовало в крупном сражении. Тайфун нанес американцам сокрушительный удар: 3-й флот оказался временно выведенным из строя.

Японская сторона знала о случившемся. Пропагандист-

ская машина тут же объявила тайфун «божественным», проводя историческую параллель, известную каждому японцу. Тайфун, таким образом, сделал то, чего уже почти два месяца пытался добиться другой «тайфун» - «божественный».

Тем временем операции союзников на острове Миндоро и на коммуникациях к нему продолжались. 21 декабря камикадзе нанесли удар по конвою судов, доставлявших предметы снабжения, и потопили танко-десантные корабли LST-460 и LST-749, а также повредили эсминец «Фут». Вылеты летчиков-самоубийц осуществлялись каждый день.

30 декабря японская авиация подвергла удару еще один конвой, обеспечивающий снабжение войск на острове Миндоро. Камикадзе удалось потопить несколько транспортов, повредить эсминцы «Принт» и «Гансивурт». В результате тарана камикадзе был поражен корабль охранения «Орестес», перевозивший боеприпасы. Он взорвался и затонул со всей командой. «Орестес» увлек на дно еще один корабль, оказавшийся рядом. На этом атаки камикадзе в районе Миндоро внезапно прекратились, так как японцы переключили внимание на силы союзников, направлявшиеся к Лусону.

После высадки союзников на остров Миндоро стало реальным освобождение главного острова Филиппин Лусона. Высадку первого десанта на остров планировалось осуществить севернее Манилы, в заливе Лингаен. Но перед этим было намечено нанести подготовительный удар силами поддержки в составе 164 кораблей. Эти силы под командованием вице-адмирала Олдендорфа должны были очистить залив от мин, нанести удары по береговым укреплениям за три дня до прибытия десантных сил.

В действительности же силы поддержки оказались приманкой для корпуса камикадзе, который истощил свои силы в атаках кораблей Олдендорфа еще до прибытия транспортов с десантом.

Вышедшие из пролива Суригао корабли сил поддержки 2 января достигли Моря Сулу. Японцы не замедлили прекратить боевые действия против судов у острова

Миндоро. Они перенацелили свою авиацию на атаки американских кораблей в другом районе, увидев в них реальную опасность. Обнаружив флот противника, японцы приготовились встретить его интенсивными атаками камикадзе. Первым принял на себя удар самоубийца танкер «Кованескви». Спикировавший на него «Вэл», промахнувшись, упал рядом с кораблем. Танкер получил легкие повреждения, погибло два моряка.

Американские моряки напряженно ждали атак камикадзе. 3 января налеты японских самолетов успешно отразили, и флот потерь не понес. Рано утром 4 января истребители прикрытия отразили еще одну попытку камикадзе добраться до кораблей. В течение дня несколько раз объявляли тревогу. Вскоре после 17-00 локаторы обнаружили приближение с запада группы из пятнадцати самолетов. Японцев ждали, и еще на дальних подступах к кораблям в бой вступили армейские «Тандерболты».

Японцы понесли потери и покинули район боя. Вот почему внезапная атака камикадзе в 17-12 оказалась для американцев полной неожиданностью. Эскортный авианосец «Оммани Бей» готовился принять топливо. Команда обедала. Вдруг двухмоторный «Гинга» в крутом пикировании устремился на авианосец. Станным было то, что его никто не заметил. Накануне капитан Юнг, зная, что непременно придется иметь дело с камикадзе, приказал тщательно проверить надежность противопожарного оборудования. Он предупредил наблюдателей об их особой ответственности, так как не всегда радар мог обнаружить неприятельские самолеты. Более того, число наблюдателей увеличили с шести до десяти. Специальный наблюдатель находился на сигнальной платформе над мостиком. Надев темные солнцезащитные очки, он следил за воздушной обстановкой в той части неба, где находилось солнце.

И вот никем не замеченный «Гинга» пикировал на авианосец. Лишь с линкора «Нью Мексико» заметили самолет и произвели по нему несколько залпов. Только теперь наблюдатели «Оммани Бей» увидели самолет, пикировавший на них под углом 45 градусов с высоты 400 метров. Но было слишком поздно что-либо пред-

принять. Самолет проскользнул в метре над открытым мостиком (при этом капитан и его офицеры едва успели пригнуться), сбил крылом сигнальный мостик вместе со всеми, кто на нем находился, и взорвался на полетной палубе. Одна из бомб пробила палубу и взорвалась в машинном отделении, другая -- на ангарной палубе. Самолет камикадзе поразил стоявший там «Авенджер», который вспыхнул, распространяя вокруг пламя.

Ангар превратился в ад. Бомба повредила несколько самолетов. Заправленные и вооруженные, они начали взрываться один за другим. Через считанные секунды вся передняя часть ангара представляла собой сплошное море огня. От высокой температуры корабельные переборки коробились и разрывались, помогая распространяться огню. Связь и освещение вышли из строя, упало давление в гидрантах. Огонь быстро распространялся. Сильная жара заставляла людей искать спасение вне корабля. Юнг понял, что корабль обречен. После атаки камикадзе прошло чуть больше получаса, и ему пришлось отдать приказ покинуть авианосец. В 18-12 он последним оставил горящий корабль, а через шесть минут раздался громopodobный рев страшного по силе взрыва — взорвались торпеды, расположенные в кормовом хранилище. В 20-00 торпеда с эсминца «Барнс» отправила агонизирующий корабль на дно моря Сулу. Погибли 95 и получили ранения 65 человек. Потопление авианосца относят на счет командира группы «Киоку Джитсу Бутай» лейтенанта Казана Маннен.

Американский флот продвигался все ближе и ближе к району, где располагались основные аэродромы японской авиации. Следовало ожидать активных действий противника. Так и произошло: 5 января все исправные самолеты 1-го Императорского воздушного флота были подняты в небо. К ним присоединились армейские камикадзе. Генерал Томонага приказал задействовать в самоубийственных атаках всех камикадзе 4-й воздушной армии.

Желающих отправиться в последний полет было гораздо больше, чем самолетов. В конце концов решили

отобрать пилотов для самоубийственных атак по старшинству в званиях.

С 3-27 до 9-00 американские истребители сумели отразить атаки двух формаций японских самоубийц. Это были армейские самолеты. Их перехватили американские истребители. Потеряв 9 самолетов, японцы покинули район боя и попытались произвести повторную атаку с запада.

Через четыре часа с аэродрома Мабалакат поднялась в воздух группа «Конго № 19» в составе пятнадцати камикадзе и двух истребителей эскорта, ведомая старшим лейтенантом Аоно Ютака. Лишившись четырех самолетов, она также была вынуждена прекратить атаку на американские корабли.

В 16-50 в сотне миль от американского флота была замечена большая группа самолетов камикадзе: возглавляемые лейтенантом шестнадцать самоубийц под прикрытием четырех истребителей предприняли попытку преодолеть истребительный заслон и атаковать корабли. Шесть японских самолетов, оставляя шлейф дыма, упали в море. В 17-12 атаке подверглись головные корабли. Два самолета упали в море, причем один из них настолько близко к австралийскому эсминцу «Арунта», что тот потерял ход, а его команда тушила пожар в течение четырех часов.

Еще один камикадзе, несмотря на шквал зенитного огня, врезался в орудийную башню тяжелого крейсера «Луисвилл». Огонь на корабле быстро потушили. Погиб 1 человек и 59 получили ранение, включая капитана.

Один из армейских самолетов камикадзе поразил эсминец «Стаффорд», прикрывавший авианосец «Тулаги». Пробив дыру в правом борту, самолет вызвал пожар в машинном отделении. Погибли 2 моряка и 12 были ранены. Эсминцу пришлось вернуться в залив Лейте. Повреждения получили также эсминцы «Дэвид У. Тейлор» и «Хелм», а также корабли «Орса», «Апач» и LCI-70.

Два истребителя «Зеро» атаковали эскортный авианосец «Манила Бей». Это были пилоты прославленной 201-й авиационной группы, которые знали, что надо

делать. Используя тактику адмирала Ониси, они приблизились к кораблю на предельно малой высоте, затем резко набрали высоту 240 метров, перевернулись на спину и пикируя в таком положении, устремились на корабль. При этом они обстреливали палубу из пулеметов. Один из камикадзе поразил надстройку авианосца. Ее окутал огненный шар взрыва. Надстройка получила большие повреждения, но устояла. Самолет пробил полетную палубу и проник в ангар, где взорвалась его бомба. Несколько самолетов загорелись, однако предварительно (за несколько секунд до удара) включенные системы водяной завесы, разбрызгивания воды и подачи пены не позволили огню распространиться.

Через десяток секунд в авианосец врезался другой камикадзе. Не ясно, получил ли летчик ранение или был ослеплен мощным передним прожектором, но самолет лишь немного задел корабль по правому борту и упал в море в десяти метрах от него.

В результате атаки двух самолетов камикадзе погибли 15 и получили ранение 51 человек. Обширные разрушения оказались легко устранимыми, и уже через сутки авианосец приступил к участию в операциях.

Через несколько минут после «Манилы Бей» наступила очередь эскортного авианосца «Саво Айленд». «Хаябуса» получил попадание зенитного снаряда и задымился, однако не отклонился от курса и продолжал пикировать на совершавший сложные маневры авианосец. В последний момент капитан корабля приказал включить прожектор. Вероятно, это и спасло «Саво Айленд». Рыская влево-вправо, самолет прошел над кораблем, едва не задев мачту. Но все же он сбил антенну радара и упал в море.

Тем временем другой камикадзе атаковал авианосец «Натома Бей». «Зеро» подкрался над верхушками волн с левого борта, взмыл на высоту 400 метров и перешел в пикирование. Трассы 20- и 40-мм снарядов впились в самолет, который внезапно потерял левое крыло и, беспорядочно кувыркаясь в воздухе, упал рядом с кораблем.

Не прошло и минуты, как очередной самолет камикадзе врезался в центральную часть тяжелого австралий-

ского крейсера «Австралия». Это было уже второе поражение корабля самоубийцами, во время которого погибли 25 и получили ранение 30 моряков.

Один из камикадзе по ошибке оказался между авианосцем «Натома Бей» и линкором «Уэст Вирджиния». Артиллеристы линкора огня не открывали, боясь поразить авианосец, в то время как их коллеги с «Натома Бей» о таких «пустяках» даже и не задумывались. Уже после боя кто-то из команды авианосца признался, что 80 процентов выстрелов поразили линкор, 10 — воду и рикошетом линкор и еще 10 — одну лишь воду. Только один выстрел попал в самолет, который упал за кормой корабля. С «Уэст Вирджинии» сразу же просигналили: «Натома Бей», прекратите огонь! Мы сдаемся!»

• К концу 1944 года войска генерала Ямаситы оказались в сложнейшей ситуации. До них доходило лишь 30 процентов вооружения, боеприпасов, войск. Японские транспорты тонули под ударами американских самолетов, так как японская морская и армейская авиация отбросила всяческие попытки обеспечить воздушное прикрытие своих кораблей. Они берегли самолеты для атак вражеского флота, вполне аргументированно доказывая, что камикадзе никогда не предназначались для оборонительных операций.

Ямасита и его штаб выступали за немедленное прекращение операций в заливе Лейте. Вместо того, чтобы распылять силы на защиту всех островов, не лучше ли сконцентрировать их на оборону главного острова Лусон? Императорский генеральный штаб поддержал Ямаситу.

Вскоре на Филиппины пожаловала делегация штаба Объединенного флота во главе с начальником адмиралом Кусакой. Отвечая на вопросы прибывших, адмирал Фукудоме заявил, что во время сражения в заливе Лейте камикадзе участвовали в боях ежедневно. И каждый день топили и наносили повреждения десяти военным кораблям и десяти транспортам, всего шести сотням кораблей. Он попросил поддержки самолетами и летчиками и пообещал значительно увеличить интенсивность боевых вылетов и их результативность.

Как раз в эти дни, 23 декабря с Формозы на Филиппинский аэродром Кларк Филд прибыло последнее пополнение камикадзе, подготовленное полковником Иногути. Но и оно не могло компенсировать острую нехватку пилотов и самолетов. В 201-й группе на аэродроме Мабалакат осталось сорок исправных самолетов, на авиабазах Давао, Кларк, Николе и Себу не насчитывалось и сотни машин. Несколько сотен самолетов все еще оставалось у армии, однако не все из них входили в подразделения камикадзе.

Пока еще японские авиазаводы работали в полную силу, и недостаток самолетов вызывался главным образом трудностями их доставки на Филиппины. Рьяные японские механики 1-го воздушного флота с авиабазы Мабалакат сумели собрать пять истребителей «Зеро» из обломков разбитых самолетов. Наземный обслуживающий персонал при этом заметил, что они также являются камикадзе. Адмирал Ониси объяснил, что вовсе не обязательно летать, чтобы быть «императорским самоубийственным самураем». Для него дух камикадзе был образом мысли, а не специальностью. Самолеты проверили и нашли, что по крайней мере для одного полета они вполне годятся. Лейтенантов Накано Юсо и Накано Кунитане назначили командирами новых групп самоубийц, в которые вошло три и два самолета. «Безлошадным» пилотам Гото, Таниути и Тихара повезло: три храбрых мичмана получили возможность отдать свои жизни за императора! Разве может быть большая честь для воина?

Наступило 6 января. Американский флот вошел в залив Лингаен и приступил к выполнению боевой задачи — обстрелу побережья, разминированию, бомбардировкам целей в глубине территории.

Камикадзе не заставили себя долго ждать. Инициативу взяла армейская авиация, так как 1-й воздушный флот почти исчерпал свои возможности. Однако и 29 морских летчиков совершили в этот день самоубийственные атаки. На рассвете были замечены десять японских самолетов. Их встретили американские истребите-

ли и сбили половину. Остальные улетели, так и не преодолев воздушный заслон.

Около 11-00 смертники предприняли еще один налет на корабли. С 10-40 и по 16-55 стартовали три группы самоубийц: «Конго Бутай № 20» под командованием лейтенанта Накао Кунитаме, состоявшая из пяти самолетов «Зеро» и одного «Сусей», «Конго Бутай № 22» под командованием лейтенанта Мияке Терухико (пять истребителей «Зеро») и «Конго Бутай № 23» под командованием лейтенанта Омори Сигеру (четырнадцать самолетов «Зеро» и один «Сусей»).

Один из самолетов спикировал на эсминец «Ричард П. Лири», но промахнулся и упал совсем рядом с кораблем, сумев все же повредить его. Другой эсминец — «Уолк» — яростно отбивался от четырех камикадзе и сбил двух из них. Однако третий самолет врезался в мостик. Командир эсминца капитан II ранга Джордж Дэвис как раз находился на боевом посту. Взрыв обдал его горящим бензином. Моряки отчаянно пытались сбить пламя с человека, пылающего как факел. Им удалось это сделать, но капитан сильно обгорел. С удовлетворением проследив за падением четвертого сбитого камикадзе, он позволил отнести себя вниз. Ожоги были слишком тяжелые, и через несколько часов капитан умер.

Линкор «Нью Мексико» обстреливал побережье, когда подвергся атаке камикадзе. Он представлял собой отличную цель, так как стоял на якоре и не мог маневрировать. Горящий самолет камикадзе врезался в левое крыло штурманского мостика и причинил сильные разрушения. Погибло 26 человек, в том числе командир корабля капитан I ранга Р. У. Фленинг, генерал-лейтенант Герберт Ламсен (офицер связи Уинстона Черчилля при штабе Макатура). Чудом уцелели два адмирала, находившиеся в тот момент рядом. Ранения получили 87 человек. На линкоре вспыхнул пожар, который быстро потушили. Ничто не могло помешать «Нью Мексико» выполнять боевую задачу. Как ни в чем не бывало, линкор продолжал обстрел побережья.

Пять летчиков камикадзе из четырех различных групп

объединились для нанесения удара по американским кораблям. Ивахира Ти, Согава Буси, Окасо Тадаки, Накамура Сукоми и Такава Коитиро взлетели вместе с авиабазы Кларк Филд. Они обманули американские истребители прикрытия и один за другим устремились в смертельную атаку. Один из самолетов поразил эсминец «Аллен М. Самнер». Погибли 14 и были ранены 29 моряков. Корабль покинул район боя и отправился на ремонт.

Два самолета произвели атаку на малой высоте. Один из них выбрал в качестве цели минный заградитель «Лонг». Несмотря на сильный заградительный огонь, он сумел невредимым прорваться к кораблю и нанести таранный удар чуть выше ватерлинии. Корабль начал набирать воду, и капитан приказал покинуть его. Преждевременно оставленный корабль представлял собой хорошую цель, так как не двигался. В конце дня еще один камикадзе поразил его, и на следующий день «Лонг» затонул.

Эсминец «Брукс» оказался мишенью еще одного камикадзе, который таранным ударом сильно повредил корабль. Судну пришлось покинуть район сражения и отправиться на ремонт.

Эсминцы «Бартон» и «О'Брайен» подверглись атаке двух японских истребителей. Каждый из них вступил в противоборство с самолетом противника. И если первому повезло — камикадзе промахнулся, то второй упал на палубу своей жертвы, вызвав сильный взрыв. К счастью, разрушения не оказались большими.

Жаркий бой продолжался и всю вторую половину дня. На взлетной полосе авиабазы Кларк Филд ожидали команды на взлет четыре камикадзе группы «Кувахара». Неожиданно появились американские палубные самолеты и подожгли три японские машины, летчики которых погибли. Сержант Харухи Генки, пилот четвертого самолета, сумел под обстрелом взлететь и скрыться в облаках. Он направился к заливу Лингаен, нисколько не смущаясь своим одиночеством. Он нашел американский флот и направил свой самолет во вражеский корабль. По японским данным, это оказался линкор «Калифорния». Аме-

риканцы считают, что удар по «Калифорнии» нанес один из камикадзе группы «Конго Бутай № 20». Сегодня, пожалуй, истину установить невозможно. Известно, однако, что действительно самолет камикадзе врезался под основание фок-мачты, в результате чего погибли и получили ранения 45 человек.

Два камикадзе выбрали целью легкий крейсер «Коламбия». Один из самолетов упал в море рядом с кораблем, через несколько часов другой на большой скорости врезался в его орудийную башню, пробил три палубы и взорвался внутри корабля. Самолет едва не попал в артиллерийские погреба, что привело бы к неминуемой гибели крейсера. Сильный пожар, вспыхнувший на корабле, был потушен быстрым затоплением девяти отсеков. Ни частичное затопление, ни потеря орудий главного калибра не заставили «Коламбию» прекратить обстрел побережья. Среди погибших оказались семь моряков, спасшихся с авианосца «Оммани Бей».

В 17-32 самолет камикадзе поразил эсминец «Саутхард», в 17-34 удар второго японского самолета за время операции принял на себя тяжелый крейсер «Австралия». Вчерашние потери среди команды корабля возросли на 14 убитых и 16 раненых.

Большие повреждения были причинены тяжелому крейсеру «Луисвилл». Камикадзе поразил мостик, на котором сильные ожоги от вспыхнувшего бензина получил контр-адмирал Теодор Чендлер. Пламя обожгло его легкие, и адмирал скончался днем позже. Всего на крейсере погибли 31 и получили ранения 56 человек. «Луисвилл» был вынужден прекратить участие в операции.

День 6 января 1945 года оказался для американского, а также австралийского флотов поистине ужасным: союзники потеряли один корабль, одиннадцать получили повреждения различной тяжести. Флот США понес самые большие потери после тяжелейшего сражения в районе острова Гуадалканал. Палубные истребители непрерывно весь день висели в воздухе. Они нанесли камикадзе существенный урон, но полностью предотвратить самоубийственные атаки не могли. Это сражение было во многом странным: пули не свистели и воздуш-

ная тревога не объявлялась, но пять часов непрерывно с неба, подобно ударам молнии, падали самолеты и поражали цели.

Массовое применение камикадзе оказалось тактической неожиданностью. Американцы были в шоке в этот день. Появились суждения о необходимости свернуть операцию и убраться назад в залив Лейте. Эти разговоры, однако, пресекались. И вообще говорить о деморализации американских моряков действиями камикадзе было бы неверно. Героизм команд поврежденных кораблей, не вышедших из боя, — лучшее тому подтверждение.

Американцы тщательно проанализировали итоги трех последних дней. Они были неутешительными. Стало ясно, что палубные истребители сбивают много японских самолетов, но не могут сбивать все. Единственная возможность исправить такое положение дел — использовать столько истребителей, чтобы гарантированно перехватывать каждый японский самолет.

Серьезно осложняли борьбу с камикадзе две технические проблемы. Высокие горные пики окружающих островов затрудняли использование радаров для обнаружения приближающихся японских самолетов, а флот к тому же не имел радарного оборудования для определения высоты их полета.

Американские адмиралы с горечью признали, что многие их корабли и самолеты были серьезно повреждены и даже уничтожены беспорядочной, хаотичной и бесконтрольной стрельбой. В этой связи случай с «На тома Бей» был показательным, но далеко не единичным.

Атаки камикадзе в заливе Лингаен оказались на удивление яростными и интенсивными. Однако отчаянная решимость японских летчиков во что бы то ни стало достичь цели и уничтожить врага натолкнулась на мужество американских моряков, которые не пали духом перед невиданным до сих пор испытанием.

К 7 января морские подразделения камикадзе почти полностью себя исчерпали. На острове Лусон американцам теперь противостояли в основном лишь около 400 самолетов армейской авиации. Но ожесточенные

самоубийственные атаки предыдущего дня обескровили и ее. Вот почему японцы, обнаружив десантные силы адмирала Д. Э. Барби, с раннего утра 7 января стали проводить атаки парами камикадзе. На большее просто не хватало сил, и командование армейской авиации невольно стало использовать тактику, предложенную в свое время Ониси.

Первой паре удалось подлететь незамеченной. Но плотный заградительный огонь над кораблями не оставил ей никаких шансов. Самолеты не успели даже приступить к нанесению удара, как были сбиты. Один из них упал в море в нескольких метрах от легкого крейсера «Бойз», на котором находился верховный командующий союзными войсками в юго-западной части Тихого океана Дуглас Макартур.

После полудня три пары камикадзе снова атаковали американские десантные силы. Один из бомбардировщиков Ki-46 сбросил две бомбы на минный заградитель «Палмер». Корабль затонул, 28 человек погибли и 38 получили ранения. И хотя бомбардировщик был сбит, его, по-видимому, не стоит относить к камикадзе. Этот пример примечателен тем, что японская авиация стала охотиться за одиночными кораблями охранения, радиолокационного дозора и другими, противоздушная защита которых не была значительной.

Камикадзе в этот день удалось поразить десантное судно LST-912, перевозившее боеприпасы. Страшный взрыв слышали на расстоянии многих миль. К удивлению американцев, корабль не потонул. Когда рассеялся дым после взрыва, все увидели покачивающийся на волнах его безжизненный остов. Атаке подверглось также транспортное судно «Каллавэй», получившее незначительные повреждения по правому борту. Погибли 29 и получили ранения 22 моряка. Повезло войскам, находившимся на борту, — никто из 1200 солдат не пострадал.

В целом день 7 января прошел относительно спокойно. Ночью японцы потеряли двух камикадзе, пытавшихся прорваться к кораблям. На рассвете была предпринята попытка атаковать крейсер «Австралия». Наблюдатели этой излюбленной мишени смертников доложили, что видят

пять самолетов, приближающихся к кораблю. В действительности лишь первый самолет был камикадзе. Его упорно стремились догнать четыре американских истребителя. Сделать это им не удалось. Камикадзе сразил зенитный огонь, и он упал у самого борта крейсера, поразив его своими осколками. От зенитного огня получили повреждения и все американские истребители, один из которых затем упал в море. Спустя несколько мгновений в «Австралию» врезался другой самолет камикадзе. Вероятно, его машина получил повреждение и летчик с трудом выдерживал курс. Самолет пробил огромную дыру в борту. Вода затопила два отсека. Команда произвела ремонт, и корабль остался в строю.

В 7-00 с первыми лучами солнца с авианосцев «Маркус Айленд» и «Кадашэн Бей» стартовали две группы истребителей. Спустя некоторое время локаторы зарегистрировали приближение большой формации японских самолетов. Дополнительно в воздух была поднята еще одна группа американских истребителей. Разгорелся жаркий полчасовой воздушный бой. Превосходство американских летчиков было очевидным, и небо то и дело перечеркивали извилистые хвосты дыма, тянувшиеся из падающих горящих японских самолетов. В 7-46 один из японских самолетов устремился в пике на авианосец «Кадашэн Бей». Американские пилоты «проморгали» его, а когда заметили, то уже не могли ничего поделать. На авианосце открыли ураганный огонь. Появившийся дым свидетельствовал о том, что самолет поврежден. Однако он упорно шел к цели. Корабль отчаянно маневрировал. «Хаябуса» нацелился на мостик, где все в оцепенении ждали столкновения, будучи бессильны предпринять какие-то шаги для своего спасения. Неожиданно самолет резко «клюнул» носом и через мгновение врезался в борт авианосца на уровне ватерлинии. Он пробил в борту дыру размером 2,7х5,3 метра. Вода быстро заполнила располагавшиеся в этой части корабля каюты младшего офицерского состава. От взрыва на палубе столкнулись несколько самолетов. Вспыхнул огонь, который быстро потушили. Однако людей пострадало на удивление мало — получили ранения всего три человека. Один

из них, пилот лейтенант Баддингтон находился в каюте, когда раздался взрыв. Он потерял сознание и пришел в себя в океанских волнах. Вода, заполнив каюту, вынесла его наружу. При этом ему очень повезло: он не поранился об острые края искореженного борта. В следующие несколько минут ему повезло еще больше: он был без спасательного жилета и навряд ли долго продержался на воде. С проходившего мимо торпедного катера Баддингтона заметили и подняли на борт.

Несмотря на то, что полученные авианосцем повреждения на первый взгляд не были большими, кораблю пришлось прекратить боевые операции. Авианосец принял много воды, значительно осел, вышли из строя некоторые системы. 10 января «Кадашэн Бей» покинул залив Лингаэн и в боях больше не участвовал.

Вечерело, когда в 20-06 была замечена группа японских самолетов, приближающихся с юго-запада. На перехват послали 12 истребителей. Американские летчики обнаружили самолеты противника, из которых четыре «Вэла» смогли сбить. Это были камикадзе, так как на бомбардировщиках не было стрелков.

Однако паре японских самолетов удалось избежать перехватчиков и прорваться к кораблям. Солнце село, и уже в сумерках два камикадзе устремились в смертельном пикировании на авианосец «Киткун Бей». Один из них не выдержал интенсивного зенитного огня и свернул с курса, однако другой, набирая скорость, продолжал пикирование. Надвигающаяся темнота затрудняла точное прицеливание. Развив высокую скорость, самолет врезался в левый борт корабля на уровне ватерлинии и пробил дыру размером 2х4,5 метра. К счастью, обе бомбы, находившиеся на самолете, не взорвались, что свело число жертв к минимуму. Погибли лишь 4 человека.

Огонь быстро охватил помещения левого борта. Авианосец потерял ход и начал крениться, так как вода заполняла отсеки. К всеобщему хаосу, вызванному сильным пожаром, добавился шальной разрыв 125-мм снаряда, выпущенного с одного из кораблей охранения. Он унес жизни 13 моряков.

Угроза жизни корабля нарастала. Крен на левый борт достиг 13 градусов, авианосец осел на корму на 120 сантиметров. Но команда не сдавалась: эвакуировали часть экипажа, пожарные рукава перекинули на правый борт и с него стали подавать воду, самолеты также переместили на правый борт. Через полчаса заделали пробоину и, откачав часть воды, добились уменьшения крена до 4 градусов. Это была победа, корабль удалось спасти. 9 января авианосец даже возобновил полеты самолетов. Однако мореходные качества корабля остались неудовлетворительными, и судну пришлось покинуть район боевых действий и отправиться на ремонт. В строй он вернулся лишь в июле.

Всего в этот день в самоубийственных атаках приняли участие 14 армейских и небольшое количество морских камикадзе. Многие из армейских пилотов принадлежали к 4-му воздушному флоту генерала Томинади. Их горячее желание отдать жизнь за императора и Японию не могло компенсировать изношенность техники и недостаток опыта. Миура Уяити, к примеру, вел звено камикадзе, намереваясь атаковать авианосцы. Однако во время полета один из его летчиков не справился с управлением и его самолет столкнулся с машиной командира. Обломки самолетов упали в море.

9 января в 7-00 американцы приступили к высадке десанта в заливе Лингаен. Палубная авиация охотилась за каждой машиной в пределах радиуса действия самолетов. Во многих случаях бомбить было нечего, и самолеты возвращались ни с чем. Подавляющее превосходство в силах позволило союзникам довольно легко, по существу, без сопротивления высадиться на побережье и начать продвижение вглубь территории.

Для эскортных авианосцев на этот раз обстановка была спокойной: истребители охраняли суда бдительно и держали камикадзе на приличном от них расстоянии, чего нельзя сказать о других кораблях флота.

В начале января Императорский генеральный штаб одобрил предложения адмирала Ониси распустить 2-й воздушный флот, а его самолеты передать 1-му воздушному флоту. Последний должен был продолжить сраже-

ние за Филиппины. Одновременно на него возлагалась оборона Формозы. Штабу 1-го воздушного флота, летчикам и обслуживающему персоналу предписывалось начиная с 8 января приступить к эвакуации на Формозу. Что касается Филиппин, то авиабазу Кларк Филд следовало оборонять до последнего, в то же время по возможности продолжать атаки камикадзе.

К концу первой недели января систематические налеты американских палубных бомбардировщиков значительно ослабили силу японской авиации. Однако несмотря ни на что самоубийственные атаки продолжались. Искусно замаскированные, самолеты укрывались на многих аэродромах по всей территории Филиппин. Правда, из 1586 самолетов, находившихся в строю 40-й воздушной армии на начало декабря 1944 года, значительная часть уже была уничтожена в воздухе и на земле. Поэтому генералу Ямасите пришлось просить в Императорском генеральном штабе подкрепления. На момент высадки союзников в заливе Лингаен у японцев оставалось всего около 50 самолетов, пригодных для самоубийственных атак. Но Императорский генеральный штаб уже поставил на Филиппинах крест. К тому же доставить туда самолеты из-за американской воздушной блокады не представлялось возможным.

Высадка американского десанта в заливе Лингаен не застала японцев врасплох. Но и оказать достаточное сопротивление они не могли. Флот США в заливе Лингаен привлек к себе внимание камикадзе, которые приняли участие в сражении, хотя в значительной степени исчерпали свои возможности. В бой пошли последние девять самолетов адмирала Фукудоме.

Вскоре после восхода солнца над заливом появились три самолета «Сусей» группы «Хисей», взлетевшие с аэродрома Николе. С кораблей их заметили поздно. Устремившись в атаку, первый камикадзе не рассчитал. Самолет лишь зацепил мачту и антенну эскортного эсминца «Ходгес». Пролетев мимо, он взорвался за его кормой. Корабль получил легкие повреждения. Никто на его борту не пострадал.

Второй самолет устремился на легкий крейсер «Ко-

ламбия», который тремя днями раньше уже был атакован самолетами камикадзе. На этот раз повреждения корабля оказались серьезными. Самолет взорвался в средней части крейсера, при этом погибли 24 и получили ранения 63 человека.

В третий самолет попал 125-мм зенитный снаряд, и бомбардировщик рассыпался в воздухе.

В этот же день после 13-00 два «Бэла», стартовав с аэродрома Тугуегарао, атаковали линкор «Миссисипи», впервые принявший участие в боевых действиях, и тяжелый крейсер «Австралия». Бомбардировщик рухнул на правый борт линкора, уничтожив зенитную установку, убив 23 и ранив 63 человека.

Крейсер «Австралия» потерь избежал. Камикадзе не рассчитал. Самолет врезался в мачту. Силой удара его отбросило в море. Повреждения оказались небольшими, однако четвертое поражение самолетами камикадзе заставило отважный корабль отправиться на ремонт.

10-11 января высадка в заливе Лингаен продолжалась, соответственно последовали и новые атаки камикадзе. Серьезные повреждения получил эскортный эсминец «Лерей Уилсон», который, однако, остался в строю.

Еще более тяжелые последствия имела атака камикадзе транспорта «Дюпаж». Снизившись с высоты 3 тысячи метров до самых волн, японский летчик достиг корабля на предельно малой высоте. Артиллеристы не смогли поразить самолет, который врезался в мостик. Его таранный удар, взрыв бомбы, а также разлившееся на палубе горящее топливо привели к огромным потерям среди команды - 189 человек убитыми и ранеными.

Четыре истребителя с разных сторон атаковали транспорт «Белкнап». Один из них загорелся и, объятый пламенем, устремился на корабль. Он врезался в трубу. В результате тарана и взрыва бомбы погибли и получили ранения 87 человек.

12 января камикадзе на Филиппинах предприняли последнюю массовую атаку. 130-я истребительная авиационная группа кое-как собрала около тридцати самолетов. Недостатка в добровольцах-камикадзе не было: летчики групп самоубийственных атак «Сохана», «Отари», «Хита-

ри», «Тамитаке» горели желанием, отдав свои жизни, нанести удар по врагу.

Взлетевшему на рассвете первым капитану Немоку Кимада не повезло -- он не сумел пробиться сквозь плотное истребительное прикрытие и вернулся назад.

Следующим в воздух поднялся бомбардировщик Мицубиси G4M капитана Синфудзи Коко. Вместе с ним вызвался лететь капрал Ута Томифуку. Взяв на себя функции стрелка, Ута помог капитану преодолеть заслон истребителей. Двухмоторный бомбардировщик врезался в эскортный эсминец «Гиллаган», причинив ему тяжелые повреждения.

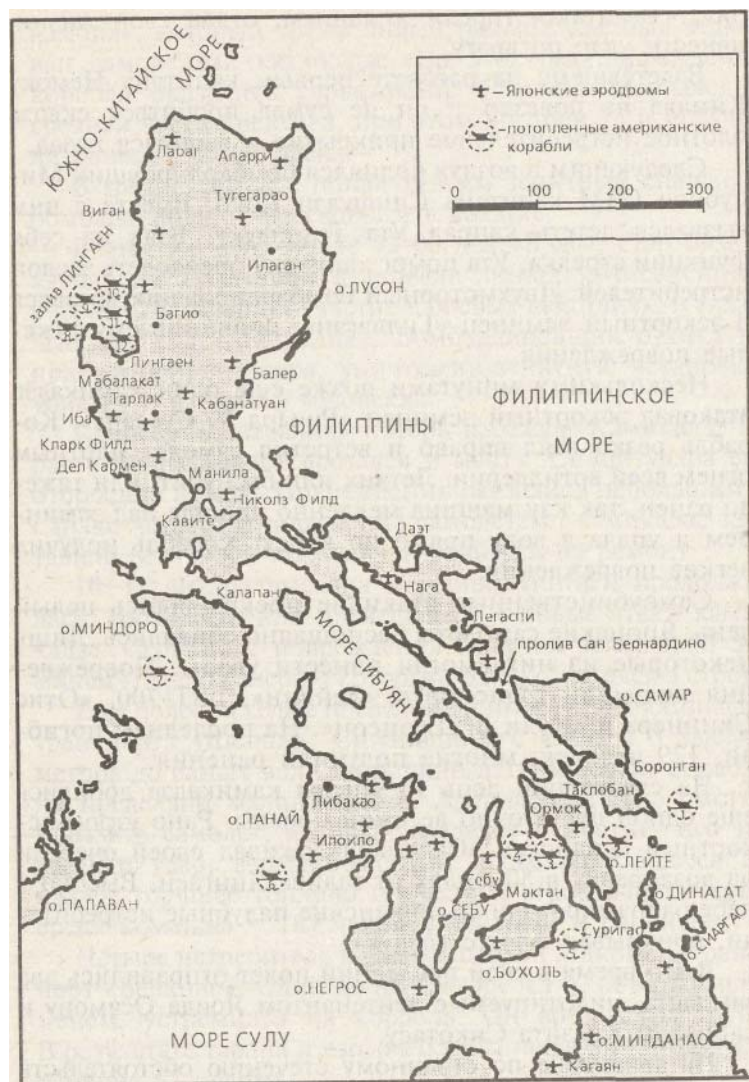
Несколькими минутами позже еще один камикадзе атаковал эскортный эсминец «Ричард У. Суесенс». Корабль резко взял вправо и встретил самолет плотным огнем всей артиллерии. Летчик или был убит, или тяжело ранен, так как машина медленно прошла над эминцем и упала в воду прямо по курсу. Корабль получил легкие повреждения.

Самоубийственные атаки не прекращались целый день. Японские самолеты беспощадно сбивались. Лишь некоторые из них смогли нанести удары. Повреждения получили транспорты «Зейлин», LST-700, «Отис Скиннер» и «Кули В. Джонсон». На последнем погибли, 129 человек, многие получили ранения.

На следующий день 13 января камикадзе добились еще одной достаточно весомой победы. Рано утром эскортный авианосец «Саламайя» ожидал своей очереди на дозаправку в 80 милях от залива Лингаен. Высоко в небе барражировали американские палубные истребители, прикрывая флот с воздуха.

В это время в свой последний полет отправились два самолета, пилотируемые лейтенантом Ясида Осамору и капралом Кадзита Сикотасу.

На авианосце по странному стечению обстоятельств угрозы не замечали. Лишь в самый последний момент увидели пикирующий почти вертикально одинокий японский самолет! С оглушительным взрывом он врезался в палубу авианосца. Пробив в ней дыру размером 6х13 метров, самолет с двумя бомбами проник глубоко в ко-

Американские корабли, потопленные камикадзе на Филиппинах

Американские корабли водоизмещением более 1000 тонн, потопленные атаками камикадзе во время Филиппинской кампании

Название	Тип корабля	Дата	Место	Порядковый номер на схеме
1944				
«Сонома»	океанский буксир	24 октября	Лейте	1
«Сент Ло»	эскортный авианосец	25 октября	Лейте	2
«Купер»	эскадренный миноносец	3 декабря	Ормок	3
«Махэн»	эскадренный миноносец	7 декабря	Ормок	4
«Уорд»	транспорт	7 декабря	Ормок	—
«Рейд»	эскадренный миноносец	11 декабря	Ормок	5
LST-472	танко-десантный корабль	15 декабря	Миндоро	—
LST-738	танко-десантный корабль	15 декабря	Миндоро	—
LST-460	танко-десантный корабль	21 декабря	Миндоро	—
LST-749	танко-десантный корабль	21 декабря	Миндоро	—
«Поркупайн»	танкер	30 декабря	Миндоро	7
1945				
«Омани Бей»	эскортный авианосец	4 января	Панай	6
«Ховей»	минный заградитель	6 января	Лингаен	8
«Лонг»	минный заградитель	6 января	Лингаен	9
«Брукс»	транспорт	6 января	Лингаен	10
«Палмер»	минный заградитель	7 января	Лингаен	11
«Белкнап»	транспорт	11 января	Лингаен	12

рабль. Одна из бомб прошла через него и вышла по правому борту у ватерлинии, так и не взорвавшись, Другая взорвалась внутри авианосца, вызвав многочисленные пожары. Взорвись она немного впереди - и корабль ожидали бы более тяжелые последствия — там размещался склад боеприпасов. Пожары на полетной и ангарной палубах были быстро потушены, за исключением одного. Он бушевал в ангаре и угрожал взрывом бомб. Сложнее обстояло дело с затоплением корабля. Вода, поступающая сквозь полуметровую дыру, проделанную неразорвавшейся бомбой, хлынула в машинное отделение, вызвав крен в 8 градусов на правый борт. Авианосец потерял ход, нарушилась связь. Потери составили 15 человек убитыми и 88 ранеными. На этом участие авианосца в операции в заливе Лингаен закончилось: вечером этого же дня авианосец отправился в залив Лейте.

В этот день камикадзе пытались поразить и другие авианосцы — «Тулаги» и «Хоггатт Бей», но успеха не добились. Все камикадзе были сбиты и нашли свою смерть в водах залива.

Повреждение авианосца «Саламайя» оказалось последней успешной атакой камикадзе в сражении за Филиппины. Организованные вылеты камикадзе в январе 1945 года больше не проводились. В последующие недели японские летчики самовольно предпринимали отдельные самоубийственные атаки по собственному усмотрению. Это было отчаянием «в квадрате». Неопытные молодые пилоты, не имея возможности преодолеть мощный заслон истребителей и зенитного огня, атаковывали теперь любую одиночную цель, включая тральщики и торпедные катера. Был случай, когда четыре камикадзе пожертвовали своими жизнями и самолетами, чтобы потопить один Ханко-десантный корабль, убив при этом трех моряков.

Операция на Филиппинах далась американцам нелегко. Атакам камикадзе подверглись девять авианосцев, из них один был потоплен и пять получили повреждения различной степени. Эскортные авианосцы оказались легко уязвимыми, что заставило призадуматься американское военно-морское командование.

Всего в сражении за Филиппины самоубийственные атаки совершили 719 армейских и 480 морских камикадзе. Они потопили 2 эскортных авианосца, 3 эсминца, 5 транспортов и 6 кораблей различных типов, повреждения получили 7 тяжелых, 2 легких и 13 эскортных авианосцев, 5 линкоров, 10 крейсеров, 23 эсминца, 12 транспортов, 5 эскортных эсминцев и 10 кораблей различных типов.

Согласно японским данным, морские камикадзе потопили 37 и повредили 68 американских кораблей. Армия объявила о потоплении 116 и повреждении 191 корабля. Понятно, что и армия, и флот значительно приукрашивали результаты своих побед, которые оказались гораздо скромнее. Тем не менее было очевидно, что потери США в кораблях во время Филиппинской кампании сильно возросли. Правда состояла в том, что за три месяца боев камикадзе потопили и повредили больше кораблей противника, чем в любом другом предыдущем сражении, включая Пёрл-Харбор.

Одновременно тактика камикадзе, мрачная и в то же время достаточно практичная в сложившихся обстоятельствах, неизбежно вела к отказу от обычной воздушной войны. В сражении за Филиппины летчики каждого десятого потерянного Японией самолета совершили самоубийственные атаки. Но это было только начало...

Шокирующая своей экстраординарностью, тактика камикадзе, тем не менее, не смогла привести Японию к победе на Филиппинах. Будучи тактикой истекающих кровью, она по своей природе не была способна обеспечить победу над противником, многократно превосходящим в силах.

ГЛАВА VI! АПОФЕОЗ

СМЕРТИ

ТРАГЕДИЯ «БИСМАРК СИ»

Прибыв на Формозу, адмирал Ониси с присущей ему энергией приступил к обустройству на новом месте. Свой штаб он разместил в пещерах неподалеку от аэродрома Такао на юго-востоке острова. Главной задачей 1-го воздушного флота после эвакуации с Филиппин являлась организация новых подразделений камикадзе.

Самолетам, доставлявшим летчиков, приходилось совершать посадку во время коротких интервалов между рейдами американских бомбардировщиков. Двенадцать бомбардировщиков G4M с «безлошадными» летчиками были сбиты во время перелета. Ощущалась острая нехватка опытного наземного обслуживающего персонала. Он остался на Филиппинах в составе 26-й воздушной флотилии и сражался вместе с пехотными подразделениями. Ониси надеялся вывезти механиков, но сделать это было уже невозможно.

Между тем Императорский генеральный штаб, считая следующим шагом американцев высадку на Окинаве, не уделял Формозе особого внимания. Он наращивал военно-воздушные силы на самом южном острове Кюсю, выделив для Формозы не более ста боевых машин. Они - си пришлось иметь дело лишь с теми летчиками, которых он вывез с Филиппин, а также с молодыми пилотами, обучавшимися на острове.

18 января адмирал завершил формирование первого подразделения специальных атак. В 17-00 на аэродроме Тайнан выстроились в шеренгу молодые пилоты, составившие «Камикадзе Тобетсу Когекайтаи Ниитакайтаи» - «Специальное самоубийственное бомбардировочное подразделение «Ниитака». Название самой высокой горы

острова оказалось, таким образом, снова использовано японским командованием*.

Перед ними с краткой речью выступил «отец» камикадзе. В основном его речь мало отличалась от той, которую он произнес на авиабазе Мабалакат три месяца назад. Однако в конце адмирал добавил: «Даже если мы потерпим поражение, все равно доблестный дух корпуса камикадзе сохранит наше отечество от уничтожения. Без этого духа за поражением неизбежно последует уничтожение».

Вечером для молодых камикадзе устроили праздничный ужин. Несмотря на то, что все знали, что операции нового подразделения будут проводиться в форме организованного самоубийства, на ужине установилась непринужденная и спокойная атмосфера. Ониси, обычно отчужденный и строгий, на этот раз был разговорчив. К концу вечера он обошел всех летчиков подразделения и предложил каждому по маленькой чашечке саке.

В то время как молодые и пылкие пилоты, главным образом 18—24 лет, рвались в бой, чтобы ценой жизни остановить врага, некоторые их командиры и воинские начальники смотрели на все происходящее трезво и расчетливо. Неоднократно бросавший в атаку молодых летчиков-смертников командующий 4-й воздушной армией генерал-лейтенант Томинага Кёдзи имел приказ сражаться за Филиппины до последнего человека. Сколько бы самолетов у него не оставалось, он обязан был использовать их для организации воздушной разведки и прикрытия войск генерала Ямаситы.

Однако 17 января Томинага самовольно улетел на Формозу, объяснив свой поступок намерением принять участие в формировании там самоубийственных подразделений. Генерал Ямасита обвинил Томинагу в бегстве перед лицом врага и стал категорично настаивать на немедленном судебном разбирательстве и наказании труса. Высшее военное командование Японии оказалось в сложной ситуации. С одной стороны, налицо было явное неподчинение, которое негативно влияло на дис-

* Первый раз — 7 декабря 1941 года, в зашифрованном приказе о нанесении удара по Пёрл-Харбору. - *Прим. авт.*

циплину в армии и на флоте. С другой стороны, все знали Томинагу как протеже генерала Тодзио. И хотя последний уже не был премьер-министром, его влияние все еще оставалось огромным. В конце концов дело Томинаги рассмотрели в Сингапуре. Генерала сместили с должности и отправили в Маньчжурию командовать 138-й пехотной дивизией.

Утром 21 января поступило донесение о том, что в двухстах милях к юго-востоку от Формозы замечен американский флот. Ониси принял решение нанести удар, для чего он разделил подразделение «Ниитака» на три группы. В первую вошло два бомбардировщика «Сусей» и два истребителя «Зеро», а также еще два «Зеро» в качестве прикрытия. Вторая группа камикадзе имела точно такой же состав, но эскорт осуществляли три истребителя «Зеро». Третья группа состояла лишь из двух бомбардировщиков «Сусей», сопровождаемых двумя «Зеро».

Через несколько минут после того, как 17 японских самолетов вылетели на задание, над аэродромом показались американские бомбардировщики. В этот день летчики США произвели 1 100 боевых вылетов. Они бомбили аэродромы и другие военные объекты острова, потопив 10 стоявших на якоре японских кораблей и уничтожив на аэродромах 60 самолетов.

В то время, когда военные объекты Формозы подвергались ожесточенным бомбовым ударам, три группы камикадзе подлетали к кораблям американского флота. Встреченные «Хеллкетами», они понесли тяжелые потери. Прорваться к кораблям удалось лишь четырем японским самолетам. В это время формации американских бомбардировщиков стали возвращаться на авианосцы. Среди них трудно было опознать японские машины, которые не замедлили воспользоваться этим обстоятельством. Первую атаку на корабли произвел появившийся со стороны солнца одномоторный японский бомбардировщик. Это не был камикадзе. Од удачно сбросил свои бомбы. Одна из них прошла сквозь полетную палубу авианосца «Лэнгли». Тем не менее повреждения от нее оказались небольшими, и их быстро устранили. Через

две минуты один из самолетов камикадзе поразил авианосец «Тикондерога» в районе носовой части надстройки. Его бомба разорвалась в ангаре, и на корабле вспыхнул сильный пожар. Вскоре еще один самолет врезался в основание надстройки. Бомба, сброшенная с самолета, разорвалась над палубой в трех метрах от левого борта. Пламя горящего бензина охватило надстройку и центральную часть палубы. Всего на авианосце погибли и получили ранения 140 человек.

Уже под вечер самолет камикадзе нанес удар в среднюю часть эскадренного миноносца «Мэддокс». Погибли 4 и получили ранения 16 моряков.

Можно считать, что первый боевой вылет подразделения специальных атак «Ниитака» оказался успешным: авианосцу «Тикондерога» и эсминцу «Мэддокс» пришлось отправиться на атолл Улити для проведения ремонтных работ.

Предваряя высадку на остров Иводзима, американские авианосцы предприняли массированные воздушные атаки целей вокруг Токио. Прибыв в район, расположенный всего в 60 милях южнее острова Хонсю и в 150 милях к юго-востоку от японской столицы, они в течение 16 и 17 февраля совершали мощные бомбовые удары по аэродромам и авиазаводам. Этот первый налет на Японию американских палубных самолетов явился также и первой подобного рода операцией в истории военного дела. И без того потрепанная японская авиация понесла большие потери. Ее способность проводить воздушные атаки в районе Иводзимы снизилась.

Начиная со дня высадки десанта на остров 19 февраля и в последующие дни авианосцы осуществляли воздушную поддержку морских пехотинцев.

Между тем удар по району Токио-Иокогама убедил японское командование в том, что целью следующей десантной операции союзников будет Иводзима. По существу беспрепятственная бомбардировка жизненно важного японского индустриального района оказалась болезненной. Стало ясно, что у Японии нет сил помешать подобным налетам. Летчики 3-го воздушного флота, понесшего существенные потери, проявляли особую

настойчивость в организации корпуса специальных атак. К их желанию прислушались, и вице-адмирал Тераока Кимпей приказал командиру 601-й воздушной группы капитану I ранга Сугияма Риити приступить к его созданию. 601-я воздушная группа предназначалась для действий с авианосцев. Но авианосцев не было, и отличавшиеся особым мастерством морские летчики воевали как пилоты армейской авиации. Сугияма объявил о создании подразделения камикадзе и поручил лейтенанту Такеда Синтаро отобрать кандидатов. Такеда задание выполнил, но подняли протест летчики, не зачисленные в группу смертников. В конце концов после индивидуальной беседы с каждым из пилотов конфликт удалось уладить. Командиром нового подразделения смертников «Митате № 2» («Священный щит № 2») был назначен лейтенант Муракава Хироси.

19 февраля адмирал Тераока официально объявил о создании нового подразделения самоубийственных атак. В него входило 32 самолета в составе пяти групп: группы № 1, 2 и 3 — по 4 истребителя и по 4 бомбардировщика, группа № 4 - 4 палубных торпедоносца-бомбардировщика, группа № 5 - 4 торпедоносца-бомбардировщика.

Рано утром 21 февраля подразделение «Митате № 2» взлетело с авиабазы Катори. Оно приземлилось на острове Кюсю, где летчиков встретил адмирал Угаки. Он напомнил пилотам об их долге и предложил выпить по чашечке специального саке — «подарка императора».

Погода не благоприятствовала японцам. Тяжелые облака, ветер и дождь серьезно осложнили выполнение боевой задачи. Дозаправившись на одном из островов, летчики снова вылетели на поиски врага. Солнце уже садилось, когда они обнаружили группу авианосцев в тридцати милях к северо-востоку от Иводзимы.

В 16-28 радары авианосцев зафиксировали приближение группы из 32 самолетов. Это были 12 бомбардировщиков «Сусей», 8 торпедоносцев «Тензан», половина из которых несла торпеды, а другая — бомбы. Их эскортировали 12 истребителей «Зеро».

Через несколько минут самолеты разделились на две группы. Одна направилась прямо к авианосцу «Сарато-

га». Поднятые на перехват «Хеллкеты» сбили два самолета, один поразили зенитчики, но два горящих самолета сумели на малой высоте достичь авианосца и врезаться в его борт на уровне ватерлинии. Бомбы взорвались внутри корабля, произведя большие разрушения. Другой самолет сбросил бомбу, которая упала на палубу. Четвертый упал на левую катапульту. Еще один таранил кран для подъема самолетов. Шестой, последний самолет группы промахнулся и упал в воду.

Прошло всего три минуты с начала атаки, и «Саратога» уже получила серьезные повреждения. Но машины работали, авианосец был на ходу, а пожар - под контролем. Однако на этом испытания авианосца не закончились.

В 18-46, уже в сумерках, судно атаковали еще три камикадзе. Два из них сразу загорелись, получив прямые попадания зенитных снарядов. Третий камикадзе сначала сбросил бомбу, после чего спикировал. Однако он лишь скользнул по борту, не причинив особых повреждений. Зато его бомба пробила огромную, около восьми метров в диаметре, дыру в полетной палубе и взорвалась на нижних палубах. 42 самолета сгорели, а также оказались сброшенными за борт. Война для старого авианосца, вступившего в строй в 1927 году, еще во времена бипланов, закончилась. Потеряв 123 человек убитыми и 192 ранеными, сильно поврежденный корабль отправился для ремонта в США*.

В 17-45 одинокий «Тензан» на большой скорости спикировал на группу десантных кораблей и повредил один из них - LST-477. Было темно, когда внезапно с северо-востока на малой высоте появилось еще пять или шесть самолетов «Тензан». Они устремились на эскортный авианосец «Лунга Пойнт». Первый самолет успел сбросить торпеду и тут же был накрыт зенитным снарядом. Оставляя за собой шлейф огня, он упал в море в 180 метрах от корабля. Торпеда в цель не попала.

Торпеда с другого «Тензана» также прошла мимо.

* Авианосец был потоплен 25 июля 1946 года во время испытания атомной бомбы на атолле Улити. — *Прим. авт.*

Сам самолет избежал судьбы первого и скрылся невредимым.

Третий «Тензан» был сбит зенитным огнем еще при заходе в атаку. Он взорвался в воздухе. Еще один торпедоносец, несмотря на яростный огонь, сумел зайти с правого борта и сбросить торпеду. Она прошла всего в десяти метрах за кормой. Самолет загорелся. Летчик пытался поразить надстройку авианосца, и в какой-то мере ему это удалось: у самолета загорелись топливные баки, и огромный огненный шар накрыл среднюю часть корабля. Горящий бензин разлился по палубе. Однако разрушения, полученные судном, оказались на удивление незначительными. Огонь потушили уже через три минуты. Полетную палубу лишь слегка вспорол винт японского самолета, а его крыло снесло несколько антенн. Потерь среди команды не было. Моряки теперь во время налетов камикадзе охотно надевали противопожарные костюмы, хотя обычно старались не тратить на это время — облачение в эти тяжелые и неудобные средства защиты представляло для них настоящую пытку.

Таким образом, авианосец «Лунга Пойнт» отделался легко и уже с раннего утра следующего дня принимал участие в боевых операциях.

Авианосец «Бисмарк Си» вместе с другими эскортными авианосцами открыл ураганный огонь по самолетам камикадзе. В момент атаки авианосца «Лунга Пойнт» наблюдатели с «Бисмарк Си» с ужасом обнаружили, что их кораблю угрожает не меньшая опасность: у самой воды на высоте 7—8 метров к ним стремительно приближался японский самолет! С дистанции 1000 метров все орудия правого борта открыли беглый огонь. Однако самолет продолжал свой стремительный полет как ни в чем не бывало. Он врезался в борт авианосца в районе заднего самолетоподъемника. От удара огромной силы находившаяся на уровне полетной палубы площадка подъемника обрушилась в ангар. Мгновенно вспыхнул пожар, однако системы распыления и подачи воды, водяная завеса — все вышло из строя. В довершение к этому лопнули крепления, удерживающие четыре торпеды по правому борту, и они начали кататься по ангарной

палубе, грозя взорвать корабль. Команда авианосца быстро протянула гидранты с носовой части в ангар, и появилась надежда, что ситуацию удастся удержать под контролем. Однако спустя всего две минуты после первого тарана второй самолет обрушился на «Бисмарк Си». Он упал почти вертикально, поразив авианосец рядом с районом бушующего пожара. Самолет пробил в палубе огромную дыру, вызвав мощный взрыв. Погибло много пожарных и моряков, боровшихся за живучесть корабля. Огонь начал быстро распространяться и вскоре стал неконтролируемым. Пламя поднялось высоко в небо. В 19-05 поступила команда покинуть авианосец. Моряки начали сбрасывать в море авиационные надувные спасательные плоты. В это время судно потряс взрыв огромной разрушительной силы. Вероятно, взорвались торпеды, находившиеся в ангаре. Взрыв разворотил оба борта корабля и кормовую часть полетной палубы. Появился крен на правый борт. В течение часа команда покидала гибнущий корабль. В 20-07 крен резко увеличился. Надстройка сорвалась с места и скрылась под водой. Спустя несколько секунд авианосец перевернулся и затем ушел под воду. Взрыва не последовало. Место погружения корабля закрыло огромное облако пара, долго расстилавшееся над волнами.

Эвакуировать людей с «Бисмарк Си» оказалось непростым делом. Шторм, темнота, холодная вода, прекращающиеся атаки японской авиации -- все это доставило немало хлопот шести эсминцам, спасавшим команду авианосца. К утру удалось подобрать 625 человек. Потери составили 318 человек. Погиб капитан корабля Дж. Прэт.

В этот же день самолет камикадзе врезался в грузовое судно «Кеокук». Он повредил мостик и, скользя по палубе, снес 20-мм зенитный автомат. Огонь потушили. Погибли 17 и получили ранения 44 моряка.

В целом самоубийственная атака подразделения «Митате № 2» оказалась достаточно успешной. Однако следует помнить, что осуществили ее опытные пилоты, и их смерть была значительной потерей. Япония лишилась незаменимых инструкторов летного дела, летчиков-

истребителей высокого класса. С этой точки зрения трудно сказать, оказались ли оправданными такие жертвы.

Интересно, что несколько пилотов эскорта, выполнив свою основную задачу по сопровождению камикадзе, также совершили таранные удары по вражеским кораблям. А командиры группы № 2 младший лейтенант Иидзима и группы № 5 младший лейтенант Сакураба обнаружили во время промежуточной посадки перебои в работе моторов. Они пересели в другие самолеты и выполнили приказ атаковать американский флот. Иидзима, как утверждают, японцы, врезался в транспортный корабль, а Сакураба поразил авианосец.

В январе-феврале 1945 года перед военным командованием Японии еще острее, чем прежде, встала жизненно важная проблема: как пресечь настойчивое и уверенное продвижение врага к собственно японской территории? С падением Иводзимы и захватом Филиппин Японские острова оказались отрезанными от ресурсов юга — Малайи, Борнео, Суматры. Открытым оставался вопрос о следующем объекте наступления союзников. Будет ли это Формоза, Окинава или южное побережье Китая? Императорский генеральный штаб и Объединенный флот пришли к выводу, что вероятнее всего следующей целью американского наступления станет Окинава.

Японский флот и палубная авиация к этому времени оказались в основном разгромлены и не могли противостоять противнику. Единственной надеждой Страны восходящего солнца оставалась армия и авиация наземного базирования.

11 февраля все военно-морские воздушные флоты были реорганизованы с целью увеличить мощь авиации.

В итоге в начале марта военно-морские воздушные силы Японии состояли из четырех воздушных флотов (1-й, 3-й, 5-й, 10-й), насчитывавших в общей сложности 2100 самолетов. Однако молодые летчики, составлявшие основу авиационных флотов, не были в действительности готовы к сражению — сказывалась слабая подготовка и отсутствие боевого опыта. Летная и боевая подготовка летчиков 10-го воздушного флота, например, все еще не была завершена и проводилась в полевых условиях.

Императорский генеральный штаб оценивал силы авиации союзников в 12200 самолетов. Японское командование считало, что обычная тактика использования авиации не имеет шансов на успех.

Из четырех воздушных флотов лишь 1-й флот, переброшенный на Формозу с Филиппин, специализировался на самоубийственных атаках. Учитывая сложившееся положение, Императорский генеральный штаб сообщил 5-му и 10-му флотам о том, что теперь не существует альтернативы всеобщему использованию самоубийственных атак, в которых даже необученные пилоты могут поразить цель. Было решено нацелить лучше подготовленных летчиков 5-го флота против ударных сил противника, в то время как 10-й флот возьмет на себя транспорты и малые корабли американцев.

В воздушных флотах и их подразделениях спешно приступили к формированию новых групп камикадзе. При этом не всегда подобные группы создавались добровольно.

2 февраля вице-адмирала Угаки Матоме назначили командующим новым 5-м воздушным флотом. Ближайший сторонник адмирала Яомото, он участвовал в разработке плана нападения на Пёрл-Харбор, в битве при Мидуэе. Он также сопровождал Ямамоту 18 апреля 1943 года во время его гибели в районе Соломоновых островов. Угаки летел тогда во втором бомбардировщике, который также сбили американские истребители. Однако адмиралу повезло — он выжил.

В битве в заливе Лейте Угаки принимал участие как начальник штаба соединения главных сил вице-адмирала Куриты.

Теперь Угаки предстояло организовать 5-й воздушный флот. Одновременно Императорский генеральный штаб поручил ему подготовку операции «Тан-Го» — самоубийственной воздушной атаки, нацеленной на авианосцы США на якорной стоянке Улити.

Атолл Улити, расположенный на западе Каролинских островов, американцы заняли без единого выстрела 23 сентября 1944 года. Небольшой японский отряд скрылся, не оказав сопротивления. Тридцать маленьких остров-

ков, соединенных между собой выступающим из воды кольцом кораллов, образуют глубоководную лагуну размером 18 на 36 километров, идеально подходящую для создания крупной военно-морской базы. За два месяца американцы построили жилища, взлетные полосы, установили системы защиты якорной стоянки с моря и т. д. Один из самых секретных американских объектов, база Улити вскоре стала принимать военные грузы из Калифорнии и с Гавайских островов. Американские эскадры пополняли здесь запасы продовольствия и боеприпасов, производили ремонтные работы. Расположенная на расстоянии 1670 километров от Иводзимы, база представляла собой отличный отправной пункт для вторжения на Окинаву. Около 2700 километров отделяло ее от Японии, и американские моряки чувствовали себя здесь в полной безопасности.

Операция «Тан-Го» против американских баз в Тихом океане замыслилась давно. Сначала мыслилось нанести удар с островов Сайпан или Трук. Но Сайпан оказался в руках американцев, а Трук союзники окружили плотным кольцом.

Возможность использовать Филиппины к марту 1945 года также отпала. Наконец возникла идея совершить авиационный рейд на базу Улити с использованием двухмоторных бомбардировщиков «Гинга». Эти самолеты недавно поступили на вооружение и обладали дальностью полета в 1900 километров. С подвесными баками они были способны достичь атолла Улити. Правда, назад «Гинга» вернуться не могли. Таким образом, операция «Тан-Го» разрабатывалась исключительно как самоубийственная.

По мере продвижения войны к берегам собственно Японии Императорский генеральный штаб стал считать атаки камикадзе самым эффективным средством ведения войны, имеющим почти стратегическую важность. К началу февраля идея нанесения самоубийственного удара стратегического значения, «второго Пёрл-Харбора», нашла конкретное воплощение в создании 5-го воздушного флота и выбора объекта атаки — главной американской базы в Тихом океане на атолле Улити. Однако

атаку пришлось отложить почти на три недели: войска США начали высадку десанта на Иводзиму.

После мощной атаки камикадзе 21 февраля обеспокоенные американцы ждали следующих атак, но их не было. Причин этому было много, но главная состояла в том, что Императорский генеральный штаб плыл по течению собственных заблуждений. Уверовав в тактику камикадзе, он стремился придать ей массовый размах и использовать для решения не только тактических задач.

Захватив в начале марта несколько аэродромов на Иводзиму, американцы смогли высвободить авианосный флот, который во избежание потерь отправился на отдых на базу Улити.

Японцы сразу же узнали об этом из радиоперехватов. А 9 марта японский разведывательный самолет «Саюн», вылетевший с острова Трук, подтвердил, что американский флот находится на якорной стоянке Улити. Пилот доложил, что обнаружил 5 тяжелых, 3 легких и 7 эскортных авианосцев, 8 других военных кораблей, 31 летающую лодку и 54 транспортных корабля. Кроме того, на внешнем рейде он насчитал 4 авианосца и группу эсминцев, готовых войти в лагуну.

Японское высшее командование приняло решение незамедлительно осуществить давно планируемую операцию «Тан-Го». Она была назначена на 10 марта и включала в себя следующие этапы:

1. Одна летающая лодка взлетает с залива Кагосима в 3-00 для разведки погоды по курсу мыс Сата — Оки нотори Сима — Улити.

2. Четыре бомбардировщика наземного базирования взлетают с авиабазы Каноя в 4-30 и осуществляют патрулирование впереди главных сил.

3. Четыре летающие лодки взлетают с залива Кагосима в 7-30, чтобы сопровождать главные силы до Улити.

4. Главные силы в составе двадцати четырех бомбардировщиков «Гинга» должны встретиться с самолетами сопровождения над мысом Сата и следовать до Улити для выполнения специальной атаки вражеских надводных сил. Каждый бомбардировщик несет одну 800-килограммовую бомбу.

Для участия в операции «Тан» выбрали 762-ю воздушную группу. Из ее летчиков сформировали на добровольной основе подразделение специальных атак, которое назвали «Азуса» (дерево, из которого делали самурайские луки). В него входили две группы. Первой командовал старший лейтенант Куромару Наото, второй — старший лейтенант Фукуда Коесу.

Итак, все было готово для проведения операции. Двадцать четыре японских бомбардировщика должны были остановить американский авианосный флот. Поскольку серьезно повредить авианосец одной 800-килограммовой бомбой не представлялось возможным, то предполагалось использовать против каждого корабля по несколько самолетов.

С позиций сегодняшнего дня кажется невероятным, что высшее военное руководство Японии могло всерьез рассчитывать, что двадцать четыре самолета уничтожат вражеский флот и изменят ход войны. Но было именно так. Японская военная доктрина, основанная на внезапных ударах, всецело основывалась на авантюризме.

В свое время адмирал Ямамото предостерегал о недопустимости ведения с США затяжной войны. Теперь адмиралы Тойода и Угаки вместе с Императорским генеральным штабом оказались заложниками собственной обанкротившейся политики. Им ничего не оставалось, как верить в чудо, в миф, который они сами создали. Они были настолько далеки от реальности, что считали операцию «Тан» вполне возможной.

Как жестоко они ошибались и обманывали себя иллюзиями! Даже планируемое уничтожение восьми американских авианосцев уже ничего не решало весной 1945 года. В это время в США авианосцы покидали верфи с завидным постоянством. Для американцев было сложнее подготовить команды, чем построить и ввести в строй новые боевые корабли. Великобритания высвободила свои авианосцы в Европе и направила их в район Тихого океана, да и сама Америка могла, в случае необходимости, дополнительно увеличить свой авианосный флот.

Всего этого японское военное командование, вероят-

но, не знало. Но если оно верило в божественное происхождение императора, если считало, что дух может победить материальную силу, — то становится понятным его образ мыслей. «Утопающий хватается за соломинку» — так по-русски можно объяснить действия японского командования. Двадцать четыре экипажа жертвуют самолетами и своими жизнями и меняют ход войны. Такова была ставка операции «Тан» с позиции высшего военного руководства.

Адмирал Тойода приказал послать к атоллу Улити подводную лодку. Вместе с самолетами с острова Трук она должна была выполнять разведывательные задачи.

Рано утром 10 марта летчики подразделения специальных атак «Азуса» подготовились к выполнению своего последнего полета. После завтрака они повязали хатимаки и выпили по чашечке саке, преподнесенного от имени императора. Адмирал Угаки зачитал послание командующего Объединенным флотом:

«По приказу командующего Объединенным флотом, основываясь на заслуживающей доверия информации, подразделение специальных атак «Азуса Токубетсу Когекитай» отправится сегодня в полет в соответствии с заранее полученными инструкциями.

С налетами вражеских «Би-ни-дзу-ку»* на страну военная ситуация осложняется день ото дня.

Авианосные силы противника дважды нанесли удар по району Канто, и мы оказались не в состоянии помешать им.

На Иводзиме наши солдаты вовлечены в смертельную схватку. Они сражаются днем и ночью и будут стоять до конца.

Империя выживет или потерпит неудачу — в зависимости от этой попытки, предпринятой против американского 5-го флота.

Пусть все члены подразделения специальных атак проявят прилежание и предпримут все, чтобы уничтожить врага. Командиры нацелят подчиненных на успех, те сделают все, от них зависящее.

* Так японцы называли американские бомбардировщики В-29. —Прим. авт.

Вы остаетесь и наших сердцах. Мы прощаемся с вами, и вы уходите в полет над морем, чтобы выполнить это чрезвычайно трудное задание. Достигнув объекта атаки, вы должны быть уверены, что ваша честь и величие останутся в памяти людей. Вы доказали, что обладаете высочайшей силой духа, и мы восхищаются вами.

После месяца боевых действий вражеские авианосцы были обнаружены вчера возвращающимися на стоянку. Ключом к успеху является скрытность полета, которая обеспечивается в борьбе с огромными трудностями, связанными с погодой.

Каждому командиру группы: если по какой-либо причине самолеты вернутся назад, то мы предпримем другую попытку.

И последнее. Помните: не торопитесь излишне. Пусть души ками будут с вами в этот день. Нам не придется увидеть проявленной вами бескорыстной верности и преданности. Многими годами тренировок вы обрели мастерство. Оно и Священный дух Ямато вселяют уверенность в том, что вы добьетесь успеха, отправляясь на вечный покой».

После церемонии прощания пилоты сфотографировались и в 8-30 стартовали с аэродрома Каной (остров Кюсю), взяв курс на юг. Погода благоприятствовала. Неожиданно Угаки получил приказ отменить выполнение операции, так как согласно новым разведывательным данным на стоянке был обнаружен всего один авианосец. По возвращении обнаружилось, что при расшифровке сообщения пилота разведывательного самолета допустили ошибку и количество обнаруженных на стоянке авианосцев осталось неизменным.

Решено было повторить операцию на следующий день. Утро 11 марта выдалось солнечным. Однако в районе острова Окинатарисима погода резко ухудшилась. Сильный ветер, дождь и ограниченная видимость значительно усложнили полет. Пилотам пришлось подняться выше над облаками. Снизившись в расчетное время, они безуспешно пытались обнаружить цель.

Уже через полчаса после взлета японские пилоты столкнулись с общим недугом, поразившим японскую

военную машину: низким качеством топлива. Моторы бомбардировщиков выходили из строя и останавливались. Пять машин совершили вынужденную посадку. После восьми часов полета в воздухе осталось только пятнадцать самолетов.

В 18-30 летающие лодки повернули назад, покинув сопровождаемые бомбардировщики, которые кружились в воздухе, пытаясь выйти на цель. Им повезло: в просвете между облаками удалось заметить остров. Это оказался Яп. Проложить от него правильный курс до цели не составляло труда. Однако у некоторых машин стало заканчиваться горючее, и они вынуждены были садиться на остров. Два самолета упало в море. Осталось всего одиннадцать «Гинга». В 18-52 солнце зашло, и полет в целях экономии горючего продолжался в темноте на самой малой крейсерской скорости. Вскоре справа по курсу засветились огни якорной стоянки: американцы чувствовали себя здесь в полной безопасности.

После двенадцати часов, проведенных в воздухе, баки самолетов почти опустели. Из-за ветра и плохой погоды маршрут полета оказался, возможно, на треть длиннее.

Расстояние от острова Яп до атолла Улити — 220 километров. Его из-за нехватки горючего смогли преодолеть лишь шесть самолетов. В 20-07 первым в атаку пошел старший лейтенант Куромару. Его самолет упал на переднюю часть полетной палубы авианосца «Рандолф». При взрыве на палубе образовалась дыра 30x18 метров. 36 человек погибли, трое пропали без вести и 105 получили ранения различной тяжести. Сдетонировал весь боезапас к 20-мм автоматам — 20 тысяч выстрелов.

К счастью, в это время большинство команды находилось на ангарной палубе. Только что закончился просмотр музыкального фильма Чарльза Видора «Незабываемая песня». Включили свет, и моряки начали покидать импровизированный кинозал.

Разрушения на авианосце были бы гораздо большими, если бы в баках самолета оставалось топливо. Но они были пусты, и самолет при столкновении с кораблем даже не взорвался.

После удара бомбардировщика в авианосец мгновен-

но выключилось освещение по всей базе. В кромешной темноте слышался лишь шум моторов японских самолетов, которые оказались в сложной ситуации, не видя целей. Один из «Гинга» поразил остававшуюся освещенной площадку для бейсбола, приняв ее за авианосец. Другие тщетно пытались обнаружить якорную стоянку и кружили над морем, пока позволяло горючее.

Американцы навели на море прожекторы. Они были уверены, что взрыв причинила японская подводная лодка, пробравшаяся на базу. В памяти были живы воспоминания о событиях глубокой ночи 20 ноября 1944 года, когда на базу проникли человеко-торпеды и атаковали американские корабли*. В море вышли торпедные катера. Картину прояснили падавшие в море японские самолеты, полностью выработавшие горючее.

Команда «Рандолфа» с честью справилась с испытанием. Со звуком сирены заработала система разбрызгивания воды. Хорошо подготовленные отряды отважно, уверенно и надежно боролись с пожаром.

Разрушения оказались не слишком велики. Авианосец отремонтировали здесь же, на базе, и через 18 дней он присоединился к остальному флоту для выполнения боевых задач.

Сложная по выполнению операция «Тан-Го», таким образом, потерпела полный провал. Япония потеряла 24 средних бомбардировщика «Гинга». Из 72 камикадзе подразделения «Азуса», отправившихся в последний полет (экипаж каждого бомбардировщика состоял из 3 человек), уцелело 24, совершивших вынужденные посадки, в том числе и командир подразделения Нагамине Рюосай. Два месяца он провел в океане, пока его не подобрала подводная лодка.

Через два дня после повреждения авианосца «Рандолф» американские военно-морские силы получили пополнение: на базу Улити прибыли после ремонта авианосцы «Интерпид» и «Франклин». Эти бывшие жертвы атак камикадзе присоединились к другим кораблям, отправлявшимся к японским берегам для нейтрализации вражеской авиации. Готовилась высадка на Окинаву...

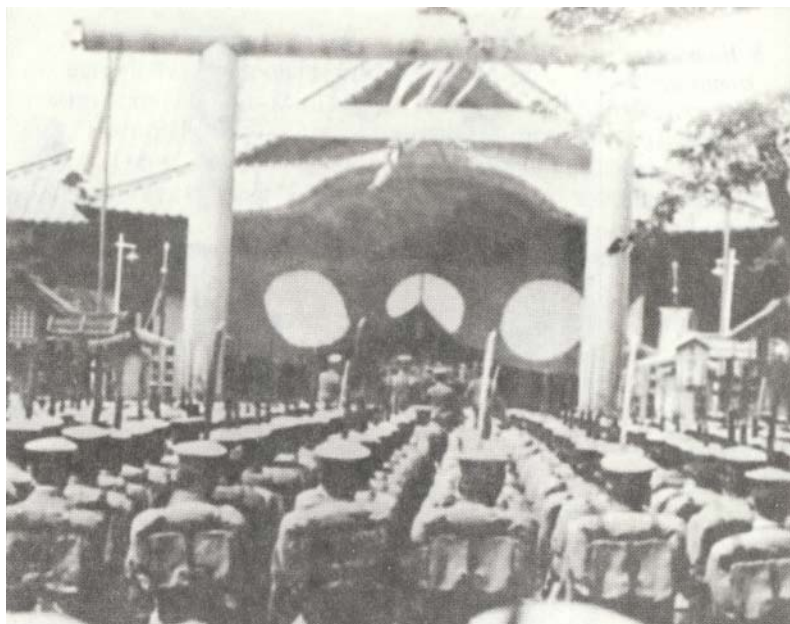
* Подробнее см. главу «Морские самураи». — Прим. авт.

В Нанкине японские захватчики превратили обезглавливание в особый вид спорта. Китай, 1937 год

Отрубленная голова китайского солдата с сигаретой, вставленной между губ. Так забавлялась японская солдатня. Китай, 1937 год

Храм Якусуни-дзиндзя - главный милитаристский пантеон Японии. Высшей честью для японского солдата считалось быть занесенным в списки этого синтоистского святилища

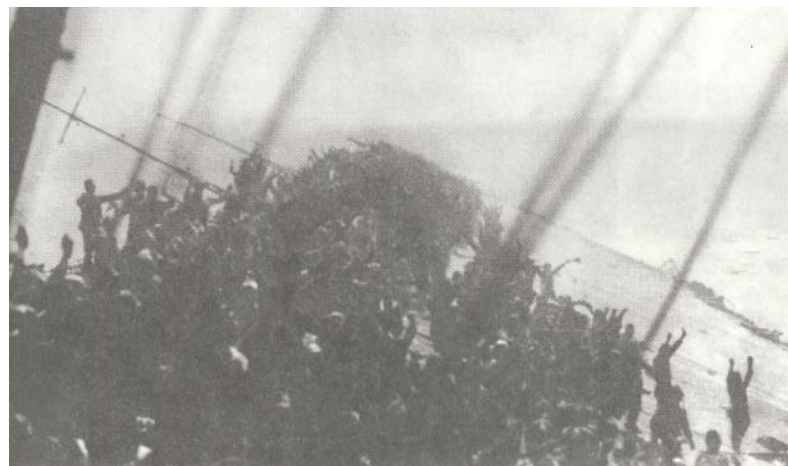

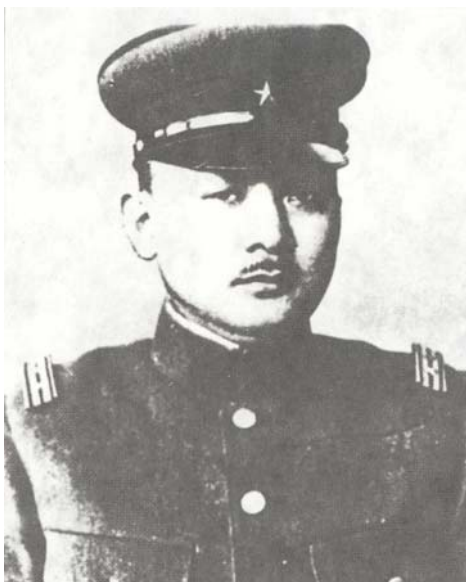
Японский солдат-самоубийца. Тысячи японцев на островах Тихого океана предпочитали смерть позору плена

Врагу не сдается «Ямато» — гордость Императорского флота, самый большой линкор мира. 6 апреля 1945 года он вышел в свой последний поход, пытаясь осуществить самоубийственную акцию у берегов Окинавы

Последние минуты авианосца «Зуйкаку». Моряки вскинули руки и кричат прощальное «банзай». Почти половина команды корабля в 1700 человек ушла под воду вместе с авианосцем, как того требовала самурайская традиция

*Генерал-лейтенант Кури-
баяси Тадамити, коман-
дующий японским гарни-
зоном на острове Иводзи-
ма*

*«Отец» камикадзе
адмирал Ониси Та-
кидзиро*

*«Тигр» Ма-
лайи» генерал
Ямаси-
та сдается
американским
войскам. Ост-
ров Лусон, 2
сентября
1945 года*

*Перед вылетом
летчики повязывают
хатимаки — символ
самурайской храбрости и самообладания*

Летчики-камикадзе перед отправкой на Филиппины у памятника погибшим в боях соотечественникам

В свободное время пилоты любили исполнять патристические, религиозные и детские песни

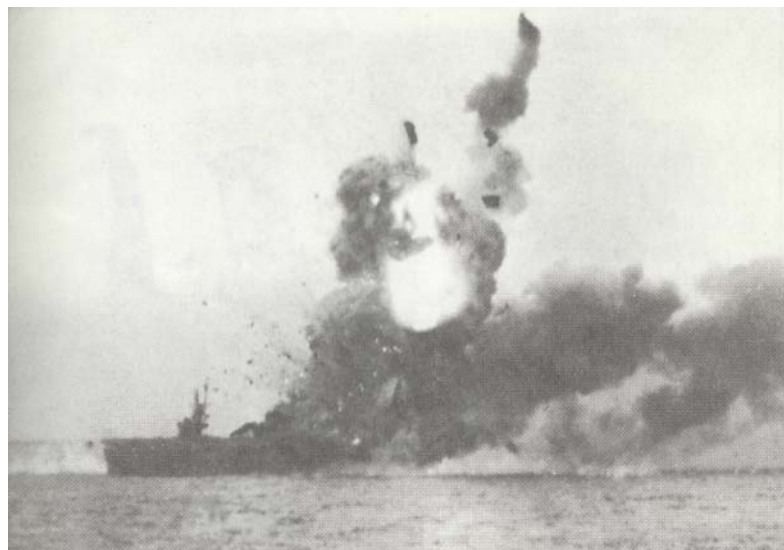
Накануне последнего вылета. Камикадзе внимательно слушают объяснение командира, ставящего боевую задачу

Прощальная церемония прямо на летном поле. Камикадзе предлагается чашечка саке

Пятеро молодых камикадзе группы «Сому» («Святые и храбрые») с прощальной чашечкой саке. В последний полет летчиков отправляет вице-адмирал Фукудоме Сигеру

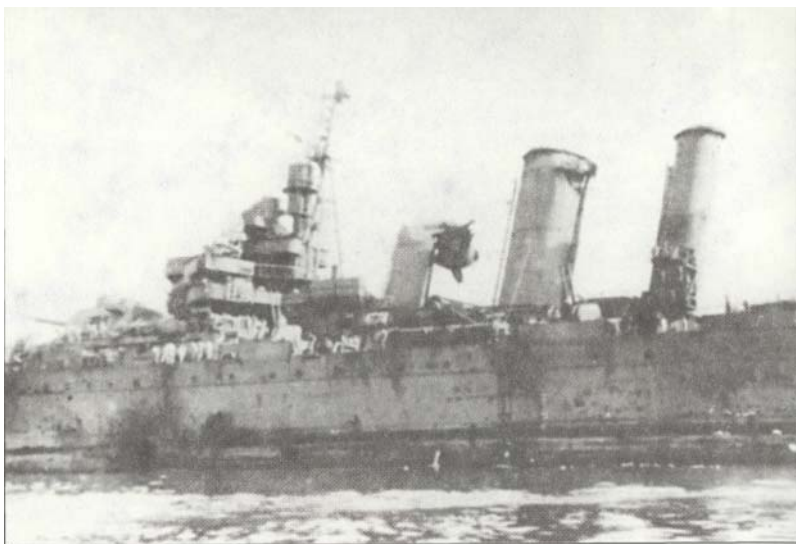
Взрыв на эсортном авианосце «Сент Ло», пораженном самолетом камикадзе. 25 октября 1944 года

Группа летчиков-камикадзе получила последний приказ от своего командира атаковать американские корабли в проливе Суригао. Остров Негрос, 5 декабря 1944 года

Один из вылетов камикадзе. Аэродром в районе города Манилы. Осень 1944 года

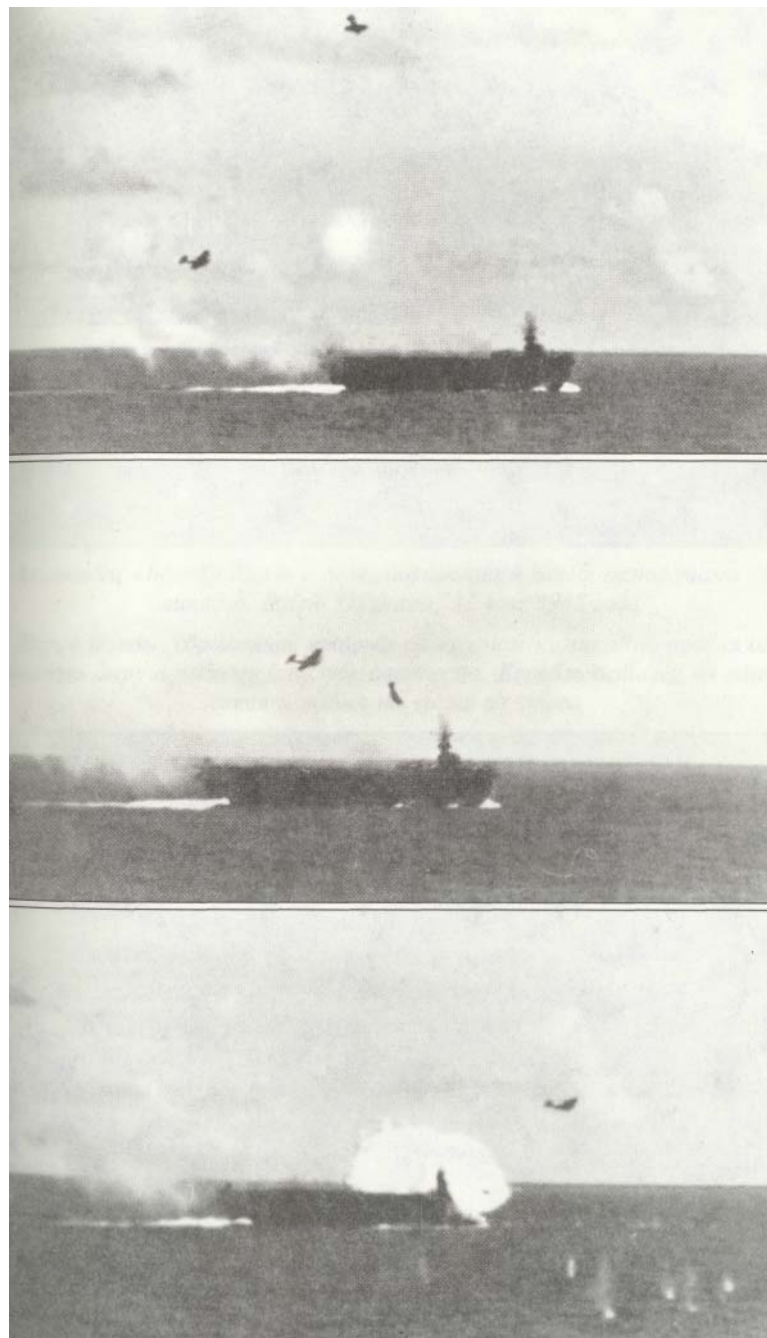

Крейсер «Австралия» неоднократно подвергался атакам камикадзе. 9 января 1945 года он получил тяжелые повреждения в результате тарана пикирующего бомбардировщика Аити D3A («Бэл»)

Серия из трех фотографий. Американский «Хеллкет» (верхнее фото, слева внизу) пытается перехватить самолет-камикадзе, который внезапно «вынырнул» из плотных облаков и врезался в эскортный авианосец «Суванни» в заливе Лейте 25 октября 1944 года

«Боги грома» готовятся к вылету. Экипаж бомбардировщика Мицубиси G4M2 с подвешенным под фюзеляж самолетом «Ока» модель 11» из 721-го кокутай уточняет боевое задание

201-й кокутай. Самолеты А6М2 и А6М5 «Зеро» группы «специальных» атак «Сикисима-Тай», которую возглавлял лейтенант Секи Юкио (номер его самолета — 02-888), отправляются на боевое задание. Самолеты справа — эскорт. Они снабжены сбрасываемыми топливными баками

Летчики-камикадзе салютуют командиру перед тем, как осуществить учебный полет. Пройдет несколько дней, и они отправятся в самоубийственный вылет, атакуя американские корабли у острова Лусон. Осень 1944 года

Авианосец «Банкер Хилл» в огне, пораженный двумя самолетами камикадзе. Район Окинавы, 11 мая 1945 года

Взрыв бомбы, сброшенной вторым самолетом-камикадзе, пробил огромную дыру в полетной палубе авианосца. Корабль остался на плаву, хотя и выбыл на время из строя

Команда авианосца «Банкер Хилл» борется с огнем после того, как корабль поразили два самолета-камикадзе. 11 мая 1945 года

Групповой снимок шести камикадзе в летной форме и с личными подписями. Такие снимки обычно делали накануне последнего вылета

Камикадзе атакует линкор США «Миссури» 8 мая 1945 года. Японский пилот не сумел поразить корабль и упал в море у самого борта. В противном случае мы бы никогда не увидели этой фотографии

40-мм зенитные автоматы обладали скорострельностью 120 выстрелов в минуту и эффективно поражали цели на расстоянии 3,5 километра. Именно они оказались основным средством борьбы американских кораблей с авиацией противника

Самолет-камикадзе атакует эскортный авианосец «Сэнгамон». Май 1945 года

Население Токио слушает обращение императора с призывом «вынести невыносимое» и принять предложение союзников о капитуляции. 15 августа 1945 года

Императорский генеральный штаб испытывал огромное разочарование из-за провала операции «Тан». Вышие военные чины Японии возлагали на нее огромные надежды и рассматривали как возмездие за сожженную американцами в ночь на 9 марта столицу.

18-19 марта, предвзяв высадку на Окинаве, американская палубная авиация предприняла мощные удары по аэродромам на территории собственно Японии. В первый день американского воздушного наступления японцам повезло: обнаружив американские авианосцы, японская авиация поднялась в воздух и направилась к цели, не попав, таким образом, под удар американцев.

Японская атака авианосцев не была самоубийственной, тем не менее бомбардировщик «Бетти», отбомбившись по авианосцу «Энтерпрайз», попытался врезаться в авианосец «Интерпид».

Зенитный огонь поразил самолет, и он упал в море вблизи корабля. Его горящие обломки упали на палубу, убив двоих человек. Сорок три матроса получили ранение. На ангарной палубе вспыхнул пожар.

Атаки камикадзе продолжались и на следующий день. Однако японские смертники не добились 19 марта особых результатов. В то же время американская палубная авиация нанесла шокирующий для японцев удар по целям в провинциях, лежащих вокруг внутреннего Японского моря. Много японских самолетов было сбито в воздухе и сожжено на земле. В полном составе, например, оказалась уничтоженной эскадрилья «Син Рай» и подразделение самоубийственных атак «Черри блоссом».

Адмирал Угаки пребывал в удрученном состоянии: 1-й воздушный флот потерял 308 летчиков в воздухе и на земле. Он считал, что атаки 18—19 марта провалились из-за неопытности пилотов и отсутствия у них должного «самурайского боевого духа».

Лишь к полудню 20 марта японцы смогли снова обнаружить американский флот. Одиночный армейский истребитель устремился на авианосец «Хэнкок», но пилот получил ранение и не сумел точно выдержать курс и попасть в него. Вместо авианосца горящий самолет врезался в эсминец «Хэлси Паувелл». Повреждения по-

лучила также американская подводная лодка «Дэвил-фиш». Подразделение камикадзе в составе 20 бомбардировщиков «Сусей», участвовавшее в атаке, потеряло 7 самолетов.

«БОГИ ГРОМА»

История создания специального воздушного оружия для самоубийственных атак восходит к лету 1944 года. Однако главный морской штаб еще весной отдал приказ приступить к производству различных типов управляемого человеком самоубийственного надводного и подводного оружия. Но тогда вопрос создания подобного авиационного оружия еще не рассматривался.

Одним из самых активных пропагандистов самоубийственных воздушных атак был командир 341-го воздушного корпуса капитан I ранга Окамура Мотохару. Его пилоты участвовали в боях на многих фронтах. Корпус часто называли «Цирк Окамуры» — настолько отчаянно летали его летчики. 19 июня 1944 года Окамура обратился с предложением использовать самоубийственные атаки к командующему 2-м воздушным флотом вице-адмиралу Фукудоме Сйгеру. Последний сообщил об этом заместителю начальника морского генерального штаба адмиралу Ито Сенти. «Время для таких отчаянных мер еще не настало», — ответил Ито. Между тем 18 июля пал Сайпан, вслед за этим отправился в отставку кабинет Тодзио. К этому времени Окамура заразил своей идеей полковника Генда Минору, вице-адмирала Ониси Такидзиро, генерал-лейтенанта Эндо Сабуро. Но никто из высших чиновников и верховного командования не хотел взять на себя реализацию сомнительной идеи. На следующий день после взятия американцами Сайпана Ониси разъяснил свою позицию в газете «Йомури»:

«Если вражеский авианосец будет обнаружен, то мы сможем уничтожить его самоубийственной атакой. Если В-29 будет обнаружен •- мы поразим его таранными ударами. Приняв решение использовать самоубийствен-

ные атаки, мы уверены, что выиграем войну. Численное превосходство исчезнет с применением самоубийственных операций».

Младший лейтенант Ото Сойти уже давно вынашивал идею создания «ракеты, управляемой человеком». Он поступил на службу в военно-морской флот в 1928 году в качестве штурмана. С началом Тихоокеанской войны он около года участвовал в сражениях на южных островах и весной 1944 года был переведен в 1081-й воздушный транспортный корпус на авиабазу Ацуги. Ото хорошо знал о нехватке опытных летчиков, о многократном превосходстве сил союзников, о широком применении тактики самоубийственных атак сухопутными войсками. Он был также осведомлен о реактивном двигателе и работах, которые велись армией по созданию управляемой по радио крылатой бомбы, доставляемой к месту сброса самолетом-носителем. Самая «узкая» часть этого проекта состояла в обеспечении надлежащей степени точности в наведении бомбы. Ото понимал, что в то время разрешить эту проблему инженерной мысли было не под силу. Он пришел к выводу, что эту задачу может выполнить человек, точно так же, как водитель человеко-торпеды кайтен направлял ее на цель.

С чертежами своего детища Ото направился в Отдел авиационных исследований Инженерной школы при Токийском императорском университете, профессор которого Огава Таитиро помог ему воплотить идею в общей схеме. После хождения по различным военно-морским инстанциям проект Ото попал к полковнику Генда, который горячо поддержал его. 16 августа морская исследовательская лаборатория по аэронавтике получила заказ на разработку проекта под кодовым наименованием «Мару Дай» («Мару» означало «изделие О», «Дай» также читалось как «О» — первая буква фамилии изобретателя). К концу октября намечалось построить 100 самолетов. .

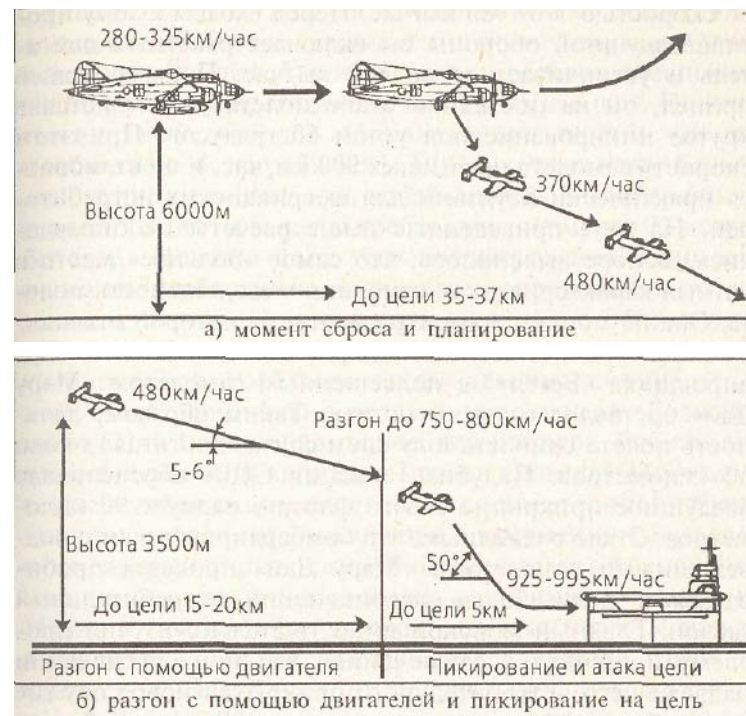
Морская исследовательская лаборатория по аэронавтике представляла собой один из самых современных на то время авиационных центров с двумя тысячами инженеров и ученых и тридцатью двумя тысячами рабочих.

Группы разработчиков проекта возглавил в качестве главного конструктора подполковник Мики Тадано. Проект получил производственное обозначение МХУ-7. Для обеспечения секретности группе инженеров предоставили два помещения на третьем этаже главного здания лаборатории. Одно предназначалось для работы, другое использовалось в качестве общежития. Постороннему персоналу доступ в эти помещения строго воспрещался. По соображениям секретности к реализации проекта частные фирмы не привлекались. Но причина крылась не только в военной тайне. Высшие морские чины боялись негативного отношения населения к такому оружию. При разработке самого опасного в использовании оружия солдату или летчику всегда предоставлялась хотя бы малейшая возможность для спасения. В данном случае шанса покинуть самолет и воспользоваться парашютом не было.

В летных учебных корпусах по всей Японии приступили к отбору пилотов для нового самоубийственного оружия. Не брали тех, у кого остался лишь один из родителей, кто был старшим или единственным сыном в семье. Процедура отбора была проста: каждый должен был написать на своем удостоверении личности или «да», или «нет», и опустить его в специальный ящик. Курсанты были молоды, некоторым едва минуло семнадцать лет. Они писали слово «да» кровью в надежде гарантированно пройти отбор и стать первыми смертниками.

В каждом летном учебном корпусе всех, изъявивших свое желание стать пилотами, распределили по четырем группам («страстно стремящиеся», «желающие», «искренние» (те, кто написал слово «да» кровью) и «податливые»). Каждый из них должен был выдержать проверку на понятливость, рассудительность, способность принимать решения. Недостатка в добровольцах не было, что позволило в короткий срок сформировать специальный учебный корпус летчиков-самоубийц.

В секретном помещении шла напряженная работа. Стояла обычная для японского августа душная жара. Закрытые шторами окна мало спасали от лучей солнца.

Атака бомбардировщика «Бетти» с подвешенным самолетом «Ока»*

Карандашный набросок внешнего вида будущего самолета выполнили быстро. Неделью заняла детальная разработка проекта. К 25 августа, через десять дней после начала работ над самолетом, построили его модель в натуральную величину. Незамедлительно началась ее продувка в аэродинамической трубе. Затем приступили к отработке подвешивания самолета к бомбардировщику-носителю. Первоначально предполагалось, что летчик-камикадзе будет отделять свой самолет от носителя на расстоянии до 80 километров от цели и планировать

* Составлено по: Adams Andrew. The Hagoromo Society of Kamikaze Divine Thunderbolt Corps Survivors: The Cherry Blossom Squadrons Born to Die.- Ohara Publications, 1973, pp. 48-49, 52-53, 78-79. Уинстон Л. Кинг. Дзен и путь меча. Опыт постижения психологии самурая. — СПб, 1999, с. 260-261. - Прим. авт.

со скоростью 370—480 км/час. Перед входом в зону противовоздушной обороны он включает ракетный двигатель и увеличивает ее до 850 км/час. Поймав цель в прицел, он на последнем этапе полета устремляется в крутое пикирование под углом 50 градусов. При этом скорость самолета превышает 900 км/час, и он становится практически неуязвим для американских истребителей. На деле приведенные выше расчеты не оправдались. Вскоре выяснилось, что самое «больное» место в летных характеристиках самолета — его дальность полета. Она не могла превысить высоту, на которой отделялся самолет, более чем в десять раз. Потолок для бомбардировщика «Бетти»* с подвешенным самолетом «Мару Дай» составлял 6 тысяч метров. Таким образом, дальность полета самолета в лучшем случае достигала около 60 километров. Палубная авиация США обеспечивала воздушное прикрытие своего флота в радиусе 90 километров. Стало очевидным, что бомбардировщикам с подвешенными самолетами «Мару Дай» придется пробиваться к цели сквозь американский истребительный заслон. Главный морской штаб тщательно изучил проблему и пришел к заключению, что при обеспечении надлежащего истребительного прикрытия новое оружие может быть эффективно использовано. В тактику боевого применения ударного авиационного комплекса «Бетти»/«Мару Дай» внесли существенные изменения. Прежде всего они сказались на дальности сброса самолета-снаряда от цели, которая теперь была значительно уменьшена.

В начале сентября начались испытания первых двух самолетов, сошедших со сборочной линии. Решено было назвать боевую машину «Ока» («Взрывающийся цветок вишни»). На светло-голубом фюзеляже в передней части самолета в соответствии с названием нарисовали пять розовых вишневых лепестков.

Вскоре выяснилось, что радиус действия «Бетти» с самолетом «Ока» уменьшился на 30 процентов, а его крейсерская скорость — на 10 процентов из-за возросше-

* Здесь и далее приводится американское название бомбардировщика Мицубиси G4M - «Бетти». - *Прим. авт.*

го сопротивления воздуха. Снова возникли сомнения в возможности боевого применения нового оружия. Опять встал вопрос о том, как надлежащим образом обеспечить защиту бомбардировщиков с самолетами «Ока». Подсчеты показали, что для сопровождения одного «Бетти» необходимо 4 истребителя. Так как в каждой боевой операции предполагалось использовать 18 бомбардировщиков, то для их защиты требовалось не менее 72 истребителей. Помимо того, что возникала необходимость изыскать необходимое количество сопровождающих самолетов, важно было доверить проведение боевых операций наиболее опытным пилотам.

1 октября 1944 года подразделение специальных атак было официально создано и получило обозначение «721-й морской авиационный корпус». Его командиром назначили капитана I ранга Окамура Мотохару, с 15 сентября занимавшегося его организацией, убежденного сторонника массового применения специального авиационного самоубийственного оружия. Командиром авиационного полка назначили полковника Иваки Кунихиро. Он прославился тем, что 24 февраля 1938 года, во время нанесения воздушного удара по китайской базе Нанхионг получил ранение, но сумел посадить подбитую машину, в которой насчитали 138 пробоин. Самолет продемонстрировали императору и оставили в Императорской академии военно-морского флота в Этадзиме в качестве экспоната.

Командиром эскадрильи бомбардировщиков «Бетти» назначили подполковника Нонака Горо. Младший брат Нонака Сиро, участника мятежа «молодых офицеров» 26 февраля 1936 года, совершившего самоубийство после его провала, он отличался пренебрежением к рангам и чинам, был безумно храбр и участвовал во многих сражениях.

Корпус временно расположился на авиабазе Хуакуригахара и приступил к тренировкам. Пилоты совершали полеты на истребителе «Зеро», отрабатывали технику пикирования на обозначенные цели. 8 ноября 721-й морской авиационный корпус перебазировался. На главных воротах авиабазы Коноике, куда прибыли летчики,

прикрепили два транспаранта. На одном из них указывалось «721-й морской авиационный корпус», на другом красовалась надпись «Кайгун дзинрай бутай», означавшая «Морской корпус «Боги грома». Такое неофициальное название, согласно традициям, личный состав корпуса выбрал себе сам. К этому времени летчики уже знали, что на Филиппинах идут ожесточенные сражения, в которых гибнут в самоубийственных атаках их товарищи. Сначала опечалившись, что их опередили, «Боги грома» затем успокоили себя тем, что результаты их атак окажутся намного эффективней и именно им предстоит защитить родину.

Из всех подразделений самоубийственных атак корпус «Боги грома» оказался наиболее облаканным вниманием высшего командования и императора. От нового оружия и летчиков ждали чуда -- спасения Японии. Сами пилоты тоже верили, что сумеют повлиять на ход войны. На торжественных построениях и при визитах высокопоставленных лиц они с воодушевлением распевали свою песню:

Небесные самураи, рожденные в облаках,
Зорким оком высматриваем мы добычу на поле брани.
Смотри, как парим мы на распростертых руках,
Как па божественных крыльях, над вами.

Вот мы — дети священной Страны восходящего солнца,
Поднялись по тревоге, чтобы вражеские корабли
Ввергнуть в бездну морей!

В атаку вперед, эскадрильи Цветка Дикой Вишни! Наша
база осталась внизу на далекой земле. И сквозь марево
слез, переполнивших наши сердца, Видим мы, как
товарищи машут нам вслед на прощанье.

Пробил час наш последний; мы смело идем на таран И
готовы пролить свою кровь ярко-алого цвета. Посмотри,
как пикируем мы на суда!

Успокоятся души погибших в холодных волнах,
Но однажды мы вновь возродимся в цветении вишен —
Там, в чудесном саду Ясукупи-дзиндзя*.

* Перевод В. Сухановой.

На новом месте закипела работа по сборке самолетов, доставлявшихся в разобранном виде. 13 ноября во время демонстрационного полета потерпел катастрофу самолет «Ока», управляемый лейтенантом Накао Казуо-си. Похоронив погибшего товарища, пилоты незамедлительно возобновили тренировочные полеты.

15 ноября корпус официально передали в распоряжение Объединенного флота. 24 ноября В-29 нанесли разрушительный удар по Токио. Япония пребывала в шоке. Главный морской штаб увеличил заказ и потребовал, чтобы к концу месяца было произведено не менее 150 самолетов «Ока». Напряженная круглосуточная работа завершилась успешно. 28 ноября 50 самолетов погрузили на новейший авианосец «Синано», который прошел вдоль побережья в виду лаборатории и сотрудников. Все были горды тем, что их оружие, от которого так много ожидали, находится на этом корабле, и сожалели, что его там так мало — всего 50 самолетов. Известие о потоплении «Синано» в ночь на 29 ноября* достигло лаборатории на следующий день.

1 декабря в порт Куре лаборатория отгрузила 88 самолетов «Ока», 30 из них — для Филиппин и 58 — для Формозы.

10 декабря штаб Объединенного флота определил дату отправки корпуса «Богов грома» на фронт -20 декабря. Дата первой атаки была установлена 10 января. Перед подразделением встала сложная задача — как доставить самолеты на театр боевых действий? Решили, что 30 самолетов «Ока» доставит на авиабазу Кларк Филд легкий авианосец «Унрю», 58 самолетов на Формозу — авианосец «Рюхо». 19 декабря американская подводная лодка «Редфиш» поразила двумя торпедами авианосец «Унрю», который скрылся под водой через полчаса. Только теперь штаб Объединенного флота осознал реальную опасность доставки нового оружия морским путем. В конце года главный морской штаб начал изучать возможность доставки самолетов на Филиппины по воздуху, подвешенными под бомбардировщиками «Бетти». Вариант казался приемлемым при условии, что

Подробнее см. главу «Морские самураи». — *Прим. авт.*

1200-килограммовые боеголовки из самолетов-снарядов удалялись. Но таким способом можно было доставить всего 30 самолетов «Ока» (по числу бомбардировщиков). Остальные «Ока» и боеголовки планировалось переправить на грузовом судне в начале января.

7 января до острова Формозы благополучно добрался авианосец «Рюхо», и 58 самолетов «Ока» разместили в укрытиях на аэродроме Такао.

В то время как проблема доставки самолетов «Ока» на Филиппины ждала своего разрешения, пилоты корпуса пребывали в невеселом настроении. Ждать смерти оказалось труднее, чем пойти на саму смерть. Дисциплина среди летчиков падала. В корпус тем временем прибыла большая группа новичков, окончивших 90-дневные учебные курсы офицеров-резервистов. Они получили лишь самую общую летную подготовку, и единственное, чему научились — кое-как совершать горизонтальный полет. Все они по прибытии были причислены к группе «D» корпуса «Богов грома», в котором теперь насчитывалось 190 пилотов категории «А» и 215 категории «О». Летчики, отобранные в корпус из учебных авиачастей и прошедшие специальную подготовку к полетам на самолете «Ока», чувствовали себя ущербно и относились к новичкам с ревностью. Постепенно взаимоотношения между двумя группами накалялись, и вечером 9 января между ними произошла драка. Побойщик сумел прекратить лишь младший лейтенант Ото. Изобретатель самолета для самоубийц пользовался среди «Богов грома» непререкаемым авторитетом. Разбирательство было долгим и тщательным. Отдали под суд военного трибунала дежурного офицера и двух «Богов грома». Один из них был впоследствии помилован, но другой встретил окончание войны в тюрьме.

Ситуация на фронте ухудшалась. Поэтому командование решило максимально рассредоточить «Богов грома». В добавление к 50 самолетам «Ока», уже имевшимся на Формозе, было намечено к концу января перебазировать туда еще 30, 40 доставить в Сингапур, 50 — на Окинаву, по 27 — на авиабазы Каноя и Миязаки (остров Кюсю). В феврале и в марте намечались дальнейшие

пополнения самолетами и летчиками ряда авиабаз в Японии и в Китае.

К 10 февраля, когда главный морской штаб произвел реорганизацию своих авиационных сил, насчитывалось 162 самолета «Ока», 72 самолета-носителя и 108 истребителей «Зеро», которые можно было использовать в самоубийственных атаках.

16 февраля американская палубная авиация нанесла мощный удар по району Токио—Иокогама. В число целей попал аэродром Коноике — главная тренировочная база корпуса «Богов грома». Все 24 самолета «Бетти», находившиеся под командованием подполковника Нонака, были полностью разбиты. Корпус, таким образом, нес одну потерю за другой, сам пока не предприняв ни одной операции.

Утром 21 марта японский разведывательный самолет обнаружил вражеские авианосцы в 320 милях к югу от Кюсю. Ясная погода и отсутствие над ними истребителей прикрытия вселяли уверенность в успешности атаки. Командующий 5-м воздушным флотом вице-адмирал Угаки Матоме пришел к выводу, что существует благоприятная возможность уничтожить авианосцы, используя новое оружие для камикадзе — самолеты-снаряды «Ока».

Все исправные самолеты-истребители должны были обеспечить эскорт и воздушное прикрытие бомбардировщиков С4М «Бетти» с подвешенными самолетами «Ока». Оказалось, что для сопровождения восемнадцати бомбардировщиков (пятнадцати носителей «Ока» и трех командирских самолетов) пригодны всего пятьдесят пять истребителей. Капитан I ранга Окамура Мотохару, командир корпуса «Боги Грома», возражал против этой операции, считая, что медлительные и неуклюжие бомбардировщики с подвешенными самолетами-снарядами представляют собой заманчивую цель и требуют гораздо более серьезной защиты. Окамура хорошо знал замечательные характеристики американского истребителя «Хеллкет» и понимал, что пятьдесят пять японских истребителей, управляемых неопытными пилотами, не смогут защитить бомбардировщики с новым оружием.

Операция представлялась ему безнадежной и бесполезной.

Возглавлял группу самолетов опытный пилот подполковник Нонака Горо. Летчиками-камикадзе, пилотировавшими самолеты-снаряды, командовал лейтенант Мицухаси Кентаро.

Подготовку к вылету быстро завершили. Перед проведением прощального ритуала произошел несчастный случай. Один из летчиков-камикадзе, неся поднос с чашечками саке, проходил рядом с бомбардировщиком «Бетти», когда летчик в его кабине вдруг запустил моторы, проверяя их. Бедняга погиб мгновенно: он был изрублен лопастями пропеллера и отброшен далеко в сторону.

Тело сразу же убрали с полосы, но на аэродроме установилась гнетущая атмосфера. Раздалась дробь барабана, и летчики выстроились перед зданием штаба.

Командир Окамура обратился к пилотам со слезами на глазах:

«...Храбрость и решительность повергнет даже дьявола. С вашим страстным духом мученичества вы сможете преодолеть любые трудности... Сейчас вы уйдете в другой мир. Я молюсь, чтобы вы продолжали оставаться там такими же чистыми, прекрасными, здоровыми и благородными, как в этой жизни...».

Выпито прощальное саке. Блестят на солнце вращающиеся винты бомбардировщиков. Далеко над аэродромом разносится рев моторов. Истребители выкатили из укрытий, и они замерли в ожидании команды на взлет. «Боги грома» кричат прощальные слова и направляются к самолетам. Нонака улыбается и произносит: «Это Минотогава»*.

11-30. Убраны колодки из-под шасси. Взмах белого флага — и, поднимая клубы пыли, самолеты устремились по взлетной полосе. «Боги грома» прильнули к иллюминаторам бомбардировщиков и, прощаясь, махали руками. Провожавшие кричали «банзай!» и размахивали флагами. «Бетти» с тяжелыми самолетами-снарядами «Ока»

* Так называется храм в Кобе, воздвигнутый в честь самурая Кусуноки Масасиге. - *Прим. авт.*

под фюзеляжами медленно набирали высоту. Вслед за ними начали взлет истребители. Один из них, взмыв в воздух, тут же рухнул на землю и взорвался.

Не прошло и получаса, как на аэродром один за другим вернулись, совершив вынужденную посадку, 24 истребителя -- у них вышли из строя топливные насосы, моторы начали давать сбой. Теперь «Богов грома» сопровождало всего 30 истребителей.

В подземной комнате по управлению полетами напряженно ожидали сообщений, но их не было. Все успокаивали себя тем, что Нонака вынужден соблюдать радиомолчание. После 15-00, когда стало ясно, что топливо у самолетов на исходе, Угаки распорядился запросить Нонака. Ответа не последовало. Уже темнело, когда на аэродроме произвел посадку поврежденный «Зеро», за ним еще один. Всего из полета вернулось пять потрепанных истребителей -- жалкие остатки еще недавно грозной силы. Изможденные летчики рассказали следующее.

В 14-00 радары американских кораблей обнаружили на удалении 150 километров приближающиеся самолеты противника. В воздух с авианосцев «Хорнет» и «Бели Вуд» по тревоге были подняты около 150 истребителей «Хеллкет». Не прошло и десяти минут, как 11 бомбардировщиков упали в море, объятые пламенем. Тщетно пытались они сбросить свой тяжелый груз, чтобы улучшить маневренность (пилоты самолетов-снарядов при этом оставались в бомбардировщиках). Американские истребители легко проходили сквозь формацию, поливая «Бетти» смертельными очередями*. Вскоре в небе остался лишь бомбардировщик с подполковником Нонака, а также два других, сбросивших свои самолеты-снаряды. Последнее, что видели уцелевшие японские летчики-истребители — как они скрылись в расстилавшей внизу густой облачности. Больше о них никто и ничего не слышал. Один из летчиков утверждал, что все три бомбардировщика пикировали крыло к крылу и что

* Американский исследователь Эдвин Хоут сравнивает действия истребителей США в этом бою со «стаей волков, которые внезапно напали на индошачью ферму». - *Прим. авт.*

наверняка это была самоубийственная атака. В наблюдательности летчика сомневаться не приходится. Подполковник Нонака скептически относился к самолету «Ока» и к тактике его использования. Больше всего его угнетала мысль о том, что, проводив товарищей и отправив их на смерть, он должен вернуться, чтобы снова и снова выполнять эту обязанность. Для себя он решил, что в первом же боевом полете совершит самоубийственное пикирование на корабль противника. Готовясь к своему последнему полету, он отослал жене личные вещи, в том числе свой любимый набор для чайной церемонии.

Так закончился первый вылет «Богов грома». Полгода интенсивных тренировок оказались напрасными. Всего во время операции погибло 160 «Богов грома», в том числе 15 пилотов самолета-снаряда «Ока».

Печальный рапорт о полном провале операции ушел в Токио. Командующий Объединенным флотом адмирал Тойодабыл шокирован: надежды на новое сверх-оружие мгновенно растаяли. А на него делали ставку, полагая, что оно поможет выиграть войну!

Командование 5-го морского воздушного флота не могло поверить, что первая массированная атака «Богов грома» полностью провалилась. «Бетти» со своим смертоносным оружием не смогли даже приблизиться к американскому флоту.

Срочно была создана комиссия из восемнадцати человек, которая должна была ответить на вопрос: почему такое случилось? В нее вошли заместитель начальника Главного морского штаба вице-адмирал Озава Дзисабуро, заместитель начальника штаба Объединенного флота контр-адмирал Такада Таахитане. Капитан I ранга Окамура, персонально ответственный за подготовку к действиям корпуса «Богов грома», еле сдерживал себя от ярости. Да, он винил себя за то, что согласился осуществить дневную операцию. Но ее вообще не стоило проводить без достаточного количества истребителей прикрытия. Он предупреждал об этом вице-адмирала Угаки, но последний настоял на своем. Окамура подчинился приказу — и вот результат! Потери в людях и в технике были невосполнимы. Теперь оставался лишь

единственный путь примерить новое оружие — проводить самоубийственные атаки одиночными самолетами. Получив одобрение своим выводам, Окамура подверг корпус серьезной структурной перестройке, ликвидировав эскадрилью истребителей и разделив всех летчиков на две группы. В одной остались все пилоты, прошедшие подготовку на самолете «Ока». Другая группа летчиков должна была совершать самоубийственные атаки на истребителях «Зеро» с подвешенными бомбами. Со многих точек зрения использование истребителей представлялось более оправданным и практичным. Потеряв один самолет, корпус лишился и одного летчика. Потеря самолета «Ока» означала также потерю самолета-носителя с восемью членами экипажа.

24 марта вечером Окамура собрал «Богов грома» и объявил им, что отныне массовое применение самолета «Ока» прекращено. Окамура, стоя на специальном подиуме*, вглядывался в растерянные лица своих подчиненных. Он поспешил разъяснить, что в самоубийственных атаках будут также участвовать летчики-истребители на новейших моделях «Зеро» с подвешенными 500-килограммовыми бомбами.

В течение двух следующих дней «Зеро» с 500-килограммовой бомбой прошел испытание, и специальная группа летчиков для полетов на истребителях была сформирована. Она получила название «Эскадрилья Кемму».

25 марта американские войска начали высаживаться на острова Керама Ретто, расположенные в непосредственной близости к Окинаве. На следующий день Императорский генеральный штаб объявил о начале операции «Тен-Го» («Небеса»). Решено было выполнять самоубийственные атаки против американского флота в районе Окинавы с островов Тайвань и Кюсю.

Захваченные американцами острова Керама имели важное значение: на них была создана база морской авиации и материально-технической службы.

На помощь США прибыл английский флот в составе

* Подобный порядок был официально установлен в японской армии. Подиум напоминал обыкновенный деревянный ящик высотой 30-40 сантиметров. — *Прим. авт.*

четырёх авианосцев («Индомитебл», «Викториес», «Илластриес», «Индифэтигейбл») с 218 самолетами на борту, двух линейных кораблей, пяти крейсеров и десяти эсминцев. Английские авианосцы могли обслуживать вдвое меньше самолетов, чем американские, были менее удобны для действий в тропиках. Однако они имели важное преимущество: их стальные полетные палубы были менее уязвимы для атак японских летчиков-самоубийц, чем деревянные полетные палубы американских авианосцев. Врезавшийся в бронированный английский авианосец, самолет камикадзе разбивался, как сырое яйцо, причинив лишь незначительные повреждения на месте падения. Начиная с 26 марта соединение Королевского флота бомбило аэродромы и перехватывало атаки японских самолетов с Формозы.

Для того, чтобы обезопасить свой флот от налетов японской авиации, командование США создало посты радиолокационного дозора на эскадренных миноносцах, которые оказались незаменимым средством борьбы с самолетами камикадзе.

Рано утром 26 марта к островам Керама Ретто направилась группа из шести старых пикирующих бомбардировщиков «Вэл», которую возглавлял лейтенант Секи Тоуюку — уроженец этих островов, горячий приверженец тактики самоубийственных атак. Бомбардировщики сопровождало восемь истребителей. Обнаружив американские авианосцы, камикадзе попытались нанести удар. Однако плотный зенитный огонь и американские истребители в считанные минуты уничтожили нападавших и три самолета эскорта.

В этот же день одиночному японскому самолету удалось достичь главных сил флота. Получив попадание зенитного снаряда, он вспыхнул и упал на палубу линкора «Невада». Погибли 11 и получили ранения 49 американских моряков.

Утром следующего дня в самоубийственный полет отправилась группа из десяти учебных бомбардировщиков «Вэл» во главе с лейтенантом Хиромори. Накануне она совершила дальний перелет из Маньчжурии и, с трудом пробившись сквозь американские истребитель-

ные заслоны, совершила посадку на одном из аэродромов Окинавы.

Сопровождаемые всего двумя истребителями прикрытия, камикадзе не смогли преодолеть мощную противовоздушную оборону противника и нанесли удар по эсминцам, несшим патрульную службу. Эсминец «Гилмер» отделался легко: погибли 4 матроса и получили повреждения надстройки. Хуже пришлось «Кимберли». Показав незаурядное летное мастерство и чудеса воздушной акробатики, японский летчик зашел с кормы и врезался в эсминец. От удара и взрыва погибли и получили ранения 54 человека. Корабль представлял собой жалкое зрелище, хотя и остался на плаву: были разбиты 5 орудий и 2 бомбомета.

Всего за 26—27 марта камикадзе совершили 51 боевой вылет. Помимо эсминцев «Гилмер» и «Кимберли», им удалось повредить легкий крейсер «Билокси», эсминцы «Портерфилд», «О. Брайен», «Каллэген», «Фроемэн», минные заградители «Саузард», «Адаме», «Дорси», минный тральщик «Скирмиш».

Среди удачных атак камикадзе в последние дни месяца выделяется удар по тяжелому крейсеру «Индианаполис». 31 марта пятерка японских самолетов удачно воспользовалась плохой погодой. Две машины были потеряны, но пилоты капитан Сасакава Тсуто, лейтенант Такахаси Сиифуто и капрал Урита Тути смогли выйти к американским кораблям. Плотным огнем еще два самолета «Сусей» были сбиты, но третьему удалось таранить крейсер. Самолет пробил три палубы, убив и ранив 29 человек. Адмирал Раймонд Спрюэнс, командующий американским флотом в районе Окинавы, вынужден был перенести свой флаг на линкор «Нью Мексико».

Следует отметить, что удар по американскому оперативному соединению, нанесенный 27 марта, осуществлялся непосредственно с аэродромов Окинавы. В самоубийственные атаки были брошены все наличные машины, включая тренировочные и связные самолеты. Всего камикадзе совершили с аэродромов Окинавы три атаки. На этом воздушные силы гарнизона иссякли.

НЕБО ОКИНАВЫ

День 1 апреля 1945 года для американцев был весьма значимым, но не только потому, что они любили повеселиться в день Дураков. И не потому, что в это воскресенье праздновали Пасху.

В 8-30 первый контингент американских войск начал высадку на Окинаву. Через час уже свыше 16 тысяч солдат при поддержке танков начали двигаться вглубь острова. В 14-30 практически без боя были захвачены аэродромы Йонтан и Катэна. На последнем в руки американцев попали четыре исправных самолета «Ока». Они были доставлены в США и тщательно обследованы. Американцы презрительно прозвали самолет-убийцу «Бака» («Дурак»).

Атаки камикадзе 1 апреля начались глубокой ночью, задолго до начала высадки американского десанта.

На окутанном плотным туманом аэродроме 6 «Богов грома» и 42 человека экипажей бомбардировщиков молча выслушали прощальную речь Окамуры. Традиционная чашечка саке. 2-21. Стартует первый бомбардировщик. С интервалом две минуты за ним последовали остальные и устремились к Окинаве. Однако и этот вылет «Богов грома» закончился провалом. Один бомбардировщик сбился с курса и вернулся назад. Другой совершил вынужденную посадку в море. Третий разбился в горах через несколько минут после взлета. Четвертый был сбит зенитным огнем. Судьба двух остальных «Бетти» не известна до сих пор.

С началом американской высадки на Окинаве адмирал Угаки начал предпринимать лихорадочные усилия по организации отпора. Прежде всего он отказался от ударов большими формациями и приказал собрать все пригодные для полетов машины, невзирая на их предназначение, возраст и конструкцию. Сформированные таким образом группы неопытных пилотов на устаревших самолетах получили ироничное название «муре» - «стадо». В самоубийственные атаки их вели опытные пилоты «хитсудзи-кай» — пастухи. В 6-й воздушной ар-

мии были подготовлены для специальных атак 23 самолета. Рано утром 1 апреля с армейского аэродрома Сиромы взлетели пять самолетов для нанесения удара по американскому флоту. Изношенные машины, долгое время использовавшиеся в качестве учебных, подвели, и полет продолжил лишь командир капитан Кобасе Итсуме. Он успешно атаковал танко-десантный транспорт LST—884 у южного побережья Окинавы*. Самолет врезался в правый борт корабля, перевозившего 300 морских пехотинцев. Погибли 24 и получил ранения 21 человек. Горящий корабль пришлось отвести в океан, где огонь удалось потушить.

В тот же день после обеда подчиненные Кобасе, отремонтировав свои самолеты, предприняли повторный вылет. Им удалось избежать американских истребителей. Один из самолетов таранил линкор «Уэст Вирджиния», упав на оружейную башню. Корабль не получил значительных повреждений и остался в строю; погибли 4 и получили ранения 2 человека**. Еще один самолет врезался в транспорт «Хинсдейл», проделав в его борту огромную дыру. При взрыве погибли 16 и были ранены 39 человек. Потерявший ход корабль отбуксировали на остров Керама. Два других камикадзе повредили транспорты «Ачернар» и «Альпин».

В этот же день в боевых действиях принял участие британский флот, находившийся к югу от Окинавы в ожидании контратак камикадзе с Формозы. Утром группа японских самолетов, потеряв четыре машины, сумела преодолеть заслон истребителей и атаковала английские корабли. Линкор «Кинг Джон V», авианосцы «Индомитебл» и «Индифэтигебл» были поражены дважды, авианосец «Илластриес», эсминец «Улстер» — по одному разу. Однако бронированный британский флот серьезно не пострадал. Интересно, что один из самолетов-камикадзе упал в море рядом с авианосцем «Илластриес». Взрывом на палубу корабля выбросило массу искорс-

* На южной оконечности Окинавы группа кораблей под командованием контр-адмирала Джеральда Райта имитировала высадку десанта. — *Прим. авт.*

** По другим данным, пострадало около 30 человек. — *Прим. авт.*

женных частей самолета, а также записи пилота о приоритетных целях и другую информацию.

2 апреля атаки камикадзе продолжались с такой же интенсивностью, как и в предыдущие дни. Главной ударной силой являлись армейские самолеты 6-й воздушной армии. В 8-30 удару подверглось быстроходное транспортное судно «Дикерсон». Самолет «Торю» снес капитанский мостик, а его бомба взорвалась под палубой. Погибли 54 человека, 15 получили ранения. Корабль отбуксировали на базу в Керама, но разрушения оказались настолько большими, что 4 апреля его пришлось затопить.

Транспорт «Гудхью» перевозил морскую пехоту, когда его поразил самолет камикадзе. Пламя охватило весь корабль, погибли 24 и получили ранения 114 человек. Судно удалось спасти.

Потерь на другом транспорте «Чилтон» удалось избежать, но шок, который пережили находившиеся на нем выдавшие виды морские пехотинцы, трудно передать. Японский летчик, преследуемый «Хеллкетом», не имел возможности точно спикировать и нанести удар. В результате самолет врезался в воду и от удара разлетелся на мелкие куски. На палубу транспорта упала выброшенная взрывом нога летчика и авиационный пулемет.

Смертельный удар получил еще один транспорт «Хенрико». Самолет врезался в каюту капитана. Взорвались и две его бомбы. Погибли капитан корабля, командир 305-го пехотного полка и еще 47 человек.

Легкие повреждения от ударов камикадзе получили несколько других кораблей.

Эскадрилья «Кемму» корпуса «Богов грома» совершила 2 и 3 апреля два вылета, в которых участвовало в общей сложности двенадцать самолетов «Зеро» с 500-килограммовыми бомбами. Лишь трем из них удалось достичь американских кораблей и нанести удар.

3 апреля после 17-40 два самолета «Сусей» пытались нанести удар по кораблям, но были сбиты один за другим. Они рухнули в море, и их останки догорали на воде в то время, как внезапно появились еще два самолета. На эскортном авианосце «Уэйк Айленд» их заметили в

то время, как они уже находились на расстоянии 400 метров, быстро приближаясь с кормы. Первый камикадзе вошел в крутое пикирование и упал в море в 40 метрах от левой скулы корабля. Спустя несколько секунд второй самолет также врезался в воду, но уже у самого правого борта рядом с надстройкой. Авианосец вздрогнул от мощного взрыва, людей сбило с ног. В борту образовалась гигантская дыра размером 7х18 метров. Корабль стал быстро набирать воду и крениться. Однако пожара не произошло. Авианосец прибыл на базу Керама, а оттуда направился для ремонта на остров Гуам. Никто из команды не пострадал, но корабль оказался выведенным из строя в самый напряженный момент боевых действий.

Таким образом, период с 1 по 5 апреля оказался для американского флота достаточно напряженным. В результате воздушных атак летчиков-смертников получили повреждения линейный корабль, эскортный авианосец, 2 эсминца, 8 транспортов и грузовых судов, тральщик и 2 десантных транспорта. Потери военно-морского флота составили 80 человек убитыми, 294 — ранеными и 60 — пропавшими без вести. Но это было лишь зловещее предзнаменование грядущих жертв.

4 и 5 апреля погода не благоприятствовала полетам, и японская авиация бездействовала. Еще 3 апреля летчиков ознакомили с планом операции «Кикусуй» («Плавающая хризантема»). Адмирал Угаки решил изменить тактику: вместо вылетов небольших групп камикадзе он решил проводить массированные атаки, посылая самолеты волна за волной. В этих целях привлекли все имеющиеся в наличии машины — от современных морских и армейских самолетов до устаревших и тренировочных... Всего авиационные силы армии удалось довести до 125 самолетов камикадзе, а флота — до 230. Но важнее всего было то, что впервые всю авиацию объединили в интересах выполнения стоящей перед ней общей задачи — остановить захват противником Окинавы. Если со сбором самолетов проблему удалось решить, то с подготовкой для них летчиков ситуация оставалась сложной. Летчики-камикадзе погибали по-

стоянно, и с каждой неделей их место занимали еще менее опытные пилоты, чем раньше. Как можно было быстро выправить положение? Выход был только один, чисто японский — укрепить «дух Ямато».

Командующий Объединенным флотом адмирал Тоёда назначил проведение операции «Кикусуй» на 6 апреля. Рано утром разведывательные самолеты доложили о местонахождении кораблей американского 58-го оперативного соединения. Еще не рассвело, когда по приказу Угаки взлетела первая группа самолетов, за ней последовали еще три группы из 27 машин каждая. Их задача состояла в том, чтобы связать боем истребители противника. Свыше сотни японских самолетов устремились в атаку на американские палубные истребители прикрытия.

Вскоре разведка доложила, что четыре группы американских кораблей находятся в водах севернее Окинавы. Немедленно в воздух поднялось 60 морских самолетов, в том числе 18 машин третьей эскадрильи группы «Кемму» корпуса «Богов грома». Лишь 4 из них смогли преодолеть истребительную завесу противника. Но они отвлекли на себя большое число американских самолетов.

Тем временем в полет отправилось еще около 60 армейских и 150 морских самолетов. Эта массированная атака началась в 15-00 и продолжалась около пяти часов.

Первыми приняли на себя удар эсминцы радиолокационного дозора. Изолированные от основных сил флота, они представляли собой заманчивую цель для камикадзе.

Эсминец «Буш» находился в дозоре в 50 километрах к северу от Окинавы. На него устремились до 20 самолетов-камикадзе. Зенитчики корабля сбили 2 «Вэла», но в 15-15 торпедоносец «Тензан», летя на малой высоте, врезался в правый борт, убив всех, кто там находился*. Эсминец потерял ход.

Вскоре еще два самолета поразили беззащитный корабль, у которого заклинило все 125-мм орудия. Погибли раненные в кают-компаниях. «Буш» охватил сильней-

* Возможно, торпедоносец был вооружен бомбой, а не торпедой. В различных изданиях содержится на этот счет противоречивые мнения. - *Прим. авт.*

ший пожар. Взрывом снесло правую часть капитанского мостика. В 18-30 крупная волна накрыла разбитое судно. Она сорвала слабо державшуюся искореженную надстройку и смыла ее на дно. Эсминец переломился пополам и затонул. Погибли 94 человека из его команды.

Пришедший на помощь «Бушу» эсминец «Кэлхаун» атаковала дюжина японских самолетов.

В 17-00 корабль, выполнив маневр, уклонился от атаки камикадзе и выстрелом из 125-мм орудия уничтожил бомбардировщик «Вэл». Истребитель «Зеро» промахнулся и упал в воду в 50 метрах от эсминца. Однако неожиданно появившийся с правого борта еще один «Зеро» врезался в палубу, залил ее горящим бензином и перебив расчеты двух 40-мм автоматов. Его бомба попала в машинное отделение и вывела его из строя. В 17-30 два бомбардировщика «Вэл» и истребитель «Зеро» предприняли еще одну атаку отважного эсминца. Один из самолетов атаковал корабль с правого борта, другой — с левого, а третий начал пикировать прямо на его палубу. Первый и второй камикадзе промахнулись и упали в море, но третий цель поразил. Он повредил корабль, врезавшись в борт и перебив киль.

Команда не успела перевести дух, как в смертельную атаку на «Кэлхаун» устремились еще три самолета. Истребитель «Зеро» удалось сбить, но «Вэл» врезался с левого борта в орудийную башню. Взрыв образовал огромную пробоину. Третий самолет, оставляя за собой шлейф дыма, упал в воду рядом с кораблем.

Всего корабль уничтожил четыре самолета-камикадзе, но и сам получил четыре мощных удара от японских самоубийц. В 18-00 команда покинула эсминец, потеряв погибшими 34 человека. Ночью «Кэлхаун» пришлось затопить, расстреляв из орудий своих же кораблей.

После 17-00 самолеты-камикадзе нанесли удар по главным силам американского флота, во время которого получили повреждения корабли самого различного класса. Тральщик «Родман» поразили три самолета. Один из японских пилотов, как на тренировке, сбросил бомбу на палубу, а затем точно направил свой «Зеро» в образовав-

шуюся пробоину. «Родман» охватило пламя, но корабль сумел выжить. Другой тральщик, «Эммонс», сбил шесть самолетов, пока один за другим в него не врезались шесть камикадзе, в том числе двухмоторный истребитель «Торю», при взрыве которого оторвало корму корабля. Истребитель «Хаябуса» упал прямо на капитанский мостик, другой самолет «Торю» уничтожил башню со 125-мм орудиями. Тральщик представлял собой груды развалин, охваченных огнем. То и дело раздавались взрывы боеприпасов, находившихся на палубе. После очередного удара камикадзе судно раскололось и ушло под воду. На корабле погиб 61 человек.

Потопив «Эммонс», смертники спикировали на корабли в районе островов Керама и отправили на дно танко-десантный транспорт LST-447 и суда для перевозки боеприпасов «Логан Виктори» и «Хоббс Виктори». Гибель последних серьезно сказалась на активности сухопутных сил, лишившихся 81-мм артиллерийских снарядов.

Спасая моряков тонущих кораблей, американцы подобрали тяжело раненного камикадзе, пилота морской авиации Омаити Сата, чудом уцелевшего после того, как его самолет упал в море. Переправленный на авианосец «Хорнет», он сообщил о том, что 11 апреля японское командование готовит очередную массированную атаку смертников.

Одновременно шло ожесточенное сражение между семью эсминцами и камикадзе. Сгущавшиеся сумерки расчерчивали белые трассы 20-мм зенитных автоматов и красные шары 40-мм скорострельных пушек. Перед приближающимися самолетами появились многочисленные темные шапки разрывов 125-мм зенитных снарядов. Самолеты то и дело беспомощно падали в море, оставляя черную полосу дыма.

Но вот один из них сумел непораженным достичь эсминца «Ньюкомб» и тут же устремился в крутое пике. Команда в оцепенении застыла на месте, моля Всевышнего о спасении. За 10-15 секунд нельзя было что-нибудь предпринять, чтобы избежать неизбежного страшного удара. И вот — взрыв. Уцелевшие люди увидели

разбитую заднюю трубу корабля и охваченную огнем надстройку. Раненые и оглушенные моряки, радуясь тому, что живы, изо всех сил бросились тушить пламя и спасать корабль. Еще один камикадзе упал в море рядом с эсминцем. Но третий с 500-килограммовой бомбой попал в среднюю часть поврежденного корабля, проникнув в его сердце — машинное отделение. Корабль потерял ход. Четвертый самолет поразил переднюю трубу, и горящий авиационный бензин растекся по палубе. В небо взмыл факел 30-метровой высоты.

На помощь попавшему в беду собрату поспешил эсmineц «Лейтце», но самолет камикадзе врезался в его корму. Корабль получил пробоину и начал садиться кормой, его руль заклинило.

Находящийся поблизости тральщик «Дефенс» сбил одного смертника, но тут же два других поразили его. Всю ночь кипела напряженная работа по спасению искореженных, но не сдавшихся кораблей. Хотя сделать это удалось, их восстанавливать не стали. Команды двух эсминцев потеряли убитыми 47 человек.

Южнее под удар камикадзе попал английский флот. Силы японцев не были значительными — всего четыре самолета, и кораблям Его Величества повезло. Лишь один камикадзе в 17-00 «поцарапал» палубу «Илластриеса». Самолет сбил одну из антенн и повредил два «Корсара» на полетной палубе. Английских моряков шокировали куски тела японского пилота, найденные висящими на антеннах. Все остальные летчики нашли свою могилу на морском дне.

Вечером камикадзе атаковали эскортные эсминцы «Уиттер», «Моррис» и «Ховорт». Пожары на первых двух судах удалось потушить, и они остались на плаву. Тяжелые испытания выпали на долю «Ховорта». Сначала он отбил атаку двух смертников, уничтожив их метким огнем. Затем на корабль набросились еще восемь японских самолетов. Четыре были сбиты, а один лишь зацепил эсmineц крылом и упал в воду. В конце концов японцам удалось поразить «Ховорт», причинив ему тяжелые повреждения.

Эсmineц «Хуман» сбил три самолета-камикадзе, но

четвертый сумел врезаться в торпедные аппараты, сбросив предварительно бомбу на торпеды. Сильный взрыв разворотил корабль, который, однако, смог своим ходом добраться до базы в Керама.

Атака третьей массовой волны японской авиации закончилась поздно вечером, однако в течение всей ночи американский флот продолжал отбивать внезапные налеты небольших групп камикадзе. Последние корабли получили повреждения уже ранним утром 7 апреля.

Несмотря на сообщения о грандиозных успехах, достигнутых летчиками-самоубийцами, 6 апреля адмирал Угаки пребывал в подавленном настроении. Из 230 японских морских самолетов-камикадзе на базы острова Кюсю возвратились только 12 истребителей эскорта и единственный бомбардировщик «Бетти», спасшийся благодаря густым облакам.

Не лучше обстояло дело и с армейскими смертниками. Самая крупная массированная самоубийственная атака не дала желаемых результатов. Возвратившиеся на базы пилоты доложили о 150 очагах дыма, замеченных в водах вокруг Окинавы. Угаки посчитал их за горящие вражеские корабли. Но все это мало радовало адмирала. Он понимал, что главное — вывести из строя авианосцы. А вот они-то под удар и не попали.

Вечером 6 апреля разведывательный самолет доложил об авианосцах, обнаруженных в 150 километрах от побережья Кюсю. Немедленно были посланы камикадзе и подразделения обычных бомбардировщиков. Но самолеты вернулись, не найдя врага. Утром 7 апреля Угаки опять послал их на поиски американских авианосцев вблизи Кюсю и Окинавы. В первую группу входило 40 морских самолетов, в том числе 12 истребителей эскадрильи «Кемму» корпуса «Богов грома». Вторую группу составили 60 армейских и 10 морских самолетов. Около 11-00 на подлете к Окинаве камикадзе были перехвачены несколькими сотнями американских патрульных истребителей и почти все сбиты. Один-единственный «Зеро» сумел улизнуть и нанес таранный удар по авианосцу «Хэнкок». Он уничтожил 20 самолетов, нахо-

дившихся на палубе, убил 72 и ранил 82 человека*. В полетной палубе образовалась пробоина диаметром 6 метров, вышли из строя обе катапульты. Сильный пожар потушили через час, но корабль пришлось отправить на Улити для ремонта.

Линкор «Мерилэнд» поразили истребители «Хаябуса» и бомбардировщик «Сусей». Погибли и получили ранения 53 моряка. Корабль горел в течение нескольких часов, но остался в районе боевых действий. Жертвами камикадзе стали также эсминцы «Беннет» и «Уэссон».

Примерно в это же время мощному авиационному удару подвергся самый крупный в мире линкор «Ямато», посланный к Окинаве в самоубийственное плавание без воздушного прикрытия*. Угаки не мог обеспечить защиту линкора с воздуха: у него не было для этого опытных пилотов-истребителей. Посылать недавних выпускников летных школ на задание, требующее летного мастерства, означало их погубить. Пусть уж лучше они умрут как камикадзе, пытаясь своей смертью уничтожить врага.

Во время первой и самой массовой двухдневной операции «Кикусуй» Япония выставила против флота союзников значительные силы. Только безвозвратные японские потери составили 355 самолетов-камикадзе, а также 341 обычный самолет. Американские потери были внушительны, но не настолько огромны, как трубила японская пропаганда, утверждавшая, что одержана «бесценная победа». К шести потопленным кораблям США необходимо добавить еще десять, впоследствии разобранных и исключенных из списков по причине сильных повреждений. Семь кораблей вышли из строя на срок более месяца.

На кораблях ВМФ США погибло 466 и получили ранения 568 человек. Подавляющее большинство потерь и в кораблях, и в людях американский флот понес в результате атак камикадзе. В целом потери американцев

* Цифры потерь на «Хэнкоке» значительно расходятся в различных изданиях. Число убитых, например, разнится от 43 до 90 человек. - Прим. авт.

* Подробнее см. главу «Морские самураи». — Прим. авт.

оказались не слишком велики, если учитывать силы, брошенные в бой японцами. Однако массированная атака летчиков-самоубийц оказала сильное психологическое воздействие. Значительное число американских матросов было деморализовано. Панический страх не покидал их в течение всех боев за Окинаву.

В день гибели линкора «Ямато» пошел дождь. Он продолжался три дня и значительно снизил активность авиации. 8 апреля американские корабли атаковали японские взрывающиеся катера, а на следующий день несколько самоубийственных атак совершили камикадзе. Уже вечерело, когда эсминец «Стеретт» подвергся атаке пяти «Вэлов». Ведущий самолет попал под огонь и был сбит. Еще один самолет попытался снизиться, но его также поразил снаряд из 125-мм орудия. В третий «Вэл» зенитчики «Стеретта» попали несколько раз, но он упрямо шел к цели и врезался в борт корабля у ватерлинии. Четвертый бомбардировщик также получил несколько попаданий. У него оторвало крылья, и, несмотря на попытки пилота направить его на цель, самолет упал в море, развалившись на части. Тело летчика выбросило в воздух, и оно упало около орудия № 2.

В этот же день повреждения в результате действий самолетов-камикадзе получил эсминец «Грегори» и грузовой корабль «Старр».

К 11 апреля погода улучшилась, и Угаки немедленно приступил к проведению операции «Кикусуй-2». Атаки японских камикадзе, которых американцы ожидали и к которым готовились, начались в 13-30 и продолжались до 16-00. Формация из 60 морских самолетов, включая 11 истребителей «Зеро» из эскадрильи «Кемму», вооруженных подвешенными 500-килограммовыми бомбами, обнаружила несколько крупных кораблей американского флота. В 14-43 самолет-камикадзе врезался в линкор «Миссури», на палубе которого вспыхнул пожар, потушенный уже через три минуты. Американские моряки с содроганием рассматривали покалеченные останки летчика и искореженные части самолета.

В 14-00 авианосец «Энтерпрайз», недавно вернувшийся из ремонта, был снова атакован японским ками-

кадзе. Корабль начал выполнять зигзаги, пытаясь уклониться от атак. Однако бомбардировщик «Сусей» таранным ударом уничтожил батарею 40-мм автоматов, а сброшенная им бомба взорвалась у днища.

В 15-00 еще один «Сусей» ушел в воду под правой скулой «Энтерпрайза», причинив кораблю ряд повреждений. Горящие обломки самолета вызвали пожар на палубе. Авианосец вышел из строя на двое суток из-за разбитой катапульты.

В 15-07 самолет-камикадзе врезался в воду рядом с бортом авианосца «Эссекс», серьезно повредив топливные цистерны и левую машину. От взрыва погибли 33 человека и столько же получили ранения.

В этот же день камикадзе атаковали и повредили эминцы радиолокационного дозора «Баллард», «Кидд» и «Самуэль С. Милее».

12 апреля операция «Кикусуй-2» продолжилась. У адмирала Угаки возникли серьезные проблемы с формированием очередных самоубийственных подразделений. Он собирал самолеты и пилотов везде, где только было возможно, и смог выставить 380 машин. Среди них насчитывалось 185 самолетов для специальных атак: 125 морских и 60 армейских. Горели желанием нанести удар по врагу также 10 бомбардировщиков «Бетти» с самолетами «Ока». Обеспечение воздушного прикрытия камикадзе возлагалось на 150 истребителей.

Летчики-смертники появились над Окинавой в 13-00. Эминцы радиолокационного дозора «Кассин Янг» и «Парди» первыми обнаружили армаду приближающихся самолетов. Им же первым и пришлось принять бой. Около 30 самолетов-камикадзе атаковали «Кассин Янг». Бомбардировщик «Вэл» врезался в артиллерийский погреб корабля. Искореженный эсминец был направлен на ремонт в Керама Ретто. Повреждения получил и «Парди». Минный тральщик «Гладиатор» также был поражен «Вэлом», а еще один эскортный эсминец — устаревшим самолетом Накадзима Ki-27.

Десантное судно огневой поддержки LSC-33 взорвалось и быстро пошло ко дну после того, как летчик-самоубийца таранным ударом врезался в его пороховые погреба.

(

Линкор «Теннесси» также получил попадание самолета-камикадзе, который упал на капитанский мостик. На корабле начался пожар, погибли 12 и получили ранения 176 человек.

Атака камикадзе продолжалась, и вскоре получили повреждения линкоры «Миссури», «Нью Мексико» и «Айдахо», три эсминца, три эскортных корабля, три минных тральщика, среднее десантное судно, вспыхнул пожар на легком крейсере «Окланд».

В 14-45 подвергся самоубийственной атаке трех истребителей «Зеро» эсминец «Маннерт Л. Абель», находившийся в радиолокационном дозоре к северо-западу от Окинавы.

Один из самолетов врезался в кормовое машинное отделение, а взрыв его бомбы переломил киль и вал. Корабль потерял ход и представлял теперь заманчивую цель.

В это время к месту сражения из облаков вынырнул бомбардировщик «Бетти» с подвешенным самолетом «Ока». Казалось, что 22-летний лейтенант Дохи Сабуро крепко спал, когда командир бомбардировщика Миура Китатаро пробил облака и увидел в бинокль впереди внизу американские корабли. Услышав, что обнаружен противник, Дохи открыл глаза и прильнул к иллюминатору. Без бинокля он ничего не увидел, но понял, что настал его час. Он снял авиационный шлем, спасательный жилет и повязал хатимаки.

Затем протянул пилоту пистолет и попросил передать его другу на память. Прощальный взмах рукой — и Дохи шагнул в свой самолет, закрыв за собой люк бомбардировщика. Через несколько секунд он просигналил о готовности. «Бетти» летел на высоте 6 тысяч метров и находился на расстоянии 18 километров от цели.

Начали рваться зенитные снаряды. Миура нажал кнопку сброса, и «Бетти» вздрогнул — самолет «Ока» отделился и с резким снижением устремился вперед, туда, где на горизонте виднелись маленькие черточки американских кораблей.

«Бетти» взял круто вправо, но маневр не помог самолету избежать зенитного огня. Загорелся один из мото-

ров. Летчик сумел сбить пламя и благополучно посадил машину на аэродроме. Она оказалась единственной — остальные стали жертвой истребителей противника.

После того, как «Абель» поразил «Зеро», прошло не больше минуты. Самолет «Ока» на огромной скорости врезался в правый борт эсминца под передней трубой. Гигантский взрыв разнес всю среднюю часть корабля. Оставшиеся сами по себе нос и корма затонули через пять минут. Среди обломков плавали уцелевшие моряки, оглушенные и ошарашенные. Японские пилоты обстреляли их из пулеметов, но после пережитого для них это было сущим пустяком. Погибли 114 моряков.

В этот же день еще три самолета «Ока» поразили американские суда. Помимо Дохи, попавшего в правый борт неподвижного эсминца, другой самолет выбрал своей целью эскадренный миноносец «Джефферс», спешивший спасти команду «Абея». Пилот-камикадзе не сумел попасть в цель, и самолет упал в 50 метрах от правого борта «Джефферса». Мощный взрыв вызвал гигантскую волну, которая искорежила верхнюю палубу корабля.

Два других самолета «Ока» нанесли удар по эсминцу «Стэнли». При этом зенитным огнем с корабля одному из самолетов оторвало крыло, и он упал в 1800 метрах от цели. Другой «Ока» поразил эсминец в правый борт, прошел его насквозь и взорвался над водой у левого борта. Самолет проделал в корабле огромную дыру. Эсминец удивительным образом избежал гибели только потому, что боеголовка самолета не взорвалась сразу при ударе.

Операция «Кикусуй-2» продолжалась и на следующий день — в пятницу 13 апреля. К счастью для американцев, она пошла на спад и уже не была такой напряженной. Повреждения получил лишь эсминец «Коннолли». Но для моряков США этот день стал одним из памятных — утром пришло сообщение о смерти всеми обожаемого президента Ф. Д. Рузвельта — друга моряков и флота.

Результатом операции «Кикусуй-2» явилось потопление двух кораблей и тяжелое повреждение трех, которые

были затем разобраны и исключены из списков. Шесть кораблей вышли из строя на срок более 30 дней. Большинство кораблей составили эсминцы, что говорит о том, что камикадзе редко могли преодолеть заслоны и наносили удары по второстепенным целям. Флот США потерял еще 124 человека убитыми и 130 пропавшими без вести.

Следующий налет камикадзе на флот союзников у Окинавы состоялся 14 апреля, когда 76 самолетов атаковали корабли радиолокационного дозора, располагавшиеся вокруг авианосцев. Повреждения получили три эскадренных миноносца («Сигсби», «Дэшиелл», «Хант») и линкор «Нью-Йорк».

15-16 апреля Япония провела третью операцию «Кикусуй». Однако 58-е оперативное соединение ВМФ США своевременно выслало несколько групп истребителей и блокировало аэродромы противника в южной части острова Кюсю. Только в первый день американские летчики доложили об уничтожении 29 самолетов, в воздухе и 51 — на земле. Таким образом, они значительно снизили возможности проведения третьей массированной атаки камикадзе. Угаки удалось собрать 165 самолетов-камикадзе: 120 морских и 45 армейских. Прикрытие обеспечивали 150 истребителей.

16 апреля в 8-27 камикадзе атаковали эсминец «Лэффи». Словно стая волков, они окружили корабль и в течение 93 минут 22 раза атаковали его. Развернулось беспрецедентное сражение. В «Лэффи» врезались шесть самолетов и попали четыре бомбы, еще несколько бомб взорвалось у самого борта. Четыре самолета-камикадзе упали в море, не сумев поразить маневрирующий корабль. Команда «Лэффи» мужественно отражала атаки, сбив девять самолетов-камикадзе. Капитан корабля Фредерик Дж. Бектон сумел сбить истребитель «Хаябуса» из обычной винтовки. Эсминец выдержал атаки, хотя и потерял 31 человека убитыми и 72 ранеными.

Эсминец радиолокационного дозора «Прингл» одновременно атаковали три пикирующих бомбардировщика «Вэл». Первый из них был сбит, а другие упали на корабль, причем один из них врезался в эсминец

между дымовыми трубами. Гигантский взрыв разломил «Прингл» пополам, он затонул через шесть минут, потеряв 65 человек убитыми и 110 ранеными.

Тяжелые повреждения получили еще несколько кораблей. На эсминце «Бриант», спешившем на помощь «Лэффи», в результате тарана камикадзе погибли 34 человека. Минные тральщики «Хобсон» и «Хардинг» получили повреждения от бомбардировщиков «Вэл».

В 13-36 два японских самолета сумели прорваться к авианосцу «Интрепид» и немедленно устремились в крутое пике. Первый камикадзе взорвался у борта корабля, второй врезался в полетную палубу возле кормового самолетоподъемника. Образовались дыры размером 4,5х6 метров, и вспыхнул сильный пожар. Авианосец потерял убитыми и ранеными 97 человек. Корабль пришлось отправить на ремонт.

Таким образом, во время третьей операции «Кикусуй» 15—16 апреля камикадзе потопили один американский корабль, четыре повредили до такой степени, что их исключили из списков, и два вышли из строя на срок более месяца.

17 апреля интенсивность налетов камикадзе уменьшилась. Морская авиация совершила всего две атаки, в которых приняло участие 49 самолетов. Повреждения получил эсминец «Бенхэм». Японцы потеряли 19 машин.

Нелетная погода не позволила авиации вести активные действия в течение нескольких дней, и следующий налет камикадзе провели лишь в сумерках 22 апреля, пытаясь уничтожить американские корабли, находившиеся в водах острова Окинава. В нем приняло участие 35 самолетов, которые потопили минный тральщик «Суллоу» и десантное судно огневой поддержки, повредили эсминцы «Хадсон», «Уадсворт» и «Айшервуд», легкий минный заградитель «Шиэ», минные тральщики «Рэнсом» и «Гладиатор»*. Японцы потеряли 54 самолета, флот США — 24 человека убитыми, 36 — пропавшими без вести и 44 — ранеными.

* «Рэнсом» и ранее, 6 апреля, уже был поврежден самолетом-камикадзе. «Гладиатор» также был поврежден повторно. Первый раз — 12 апреля. - *Прим. авт.*

Американцы готовились к следующей массовой атаке камикадзе. И она не заставила себя ждать: 27—28 апреля японцы провели четвертую операцию «Кикусуй». В ней было задействовано 125 самолетов-камикадзе: 75 морских и 50 армейских. Воздушное прикрытие обеспечивали 100 истребителей. Перед восходом солнца 27 апреля камикадзе поразили эсминцы «Ральф Тальбот» и «Ратбурн». Транспорт «Канада Виктори» с амуницией и боеприпасами получил таранный удар самолета в корму и затонул в течение десяти минут. Ко дну пошел и эсминец «Хатчинс».

Решающую атаку камикадзе провели на следующий день, 28 апреля. Всего в ней участвовало 120 морских и 45 армейских самолетов. Из них для самоубийственных атак предназначалось 80 самолетов, в том числе четыре бомбардировщика «Бетти» с самолетами «Ока». Японское командование решило на этот раз провести ночную самоубийственную атаку. Пилоты бомбардировщиков «Бетти» встретили сообщение без восторга. Штаб предполагал, что ночная атака поможет избежать атак вражеских истребителей. Но как пилоты самолета «Ока» найдут цель в темноте?

Опасения подтвердились: лишь два «Бетти» смогли сбросить самолеты «Ока» в районе, где предполагалось нахождение американских кораблей. Летчики самолетов-снарядов «Ока» должны были находить объект атаки по вспышкам зенитных орудий. Не удивительно, что попаданий самолетов-снарядов во время этого вылета зарегистрировано не было.

В то же время другие летчики-самоубийцы сумели повредить четыре эсминца и еще три небольших военных корабля. Несмотря на яркое освещение и знак Красного Креста, как это предусматривалось международным правом, санитарный транспорт «Комфорт» был атакован летчиком-смертником. На нем погибли 36 и получили ранения 52 человека. Еще один госпитальный транспорт «Пинкни» сгорел после того, как самолет-камикадзе упал на его палубу.

29—30 апреля камикадзе проводили редкие атаки, во время которых таранным ударом с воздуха подверглись

и получили повреждения три эсминца и три минных заградителя.

К вечеру 30 апреля погода ухудшилась, и с 1 по 4 мая в районе Окинавы шел непрекращающийся дождь.

Японские газеты в эти дни много внимания уделяли освещению безоговорочной капитуляции Германии, но заканчивались все подобные статьи одним и тем же выводом — немцам не хватило решительности в борьбе с врагами своей страны, но ее хватит у японцев.

Командующий японскими войсками на Окинаве генерал Усидзима запланировал решающее наступление на 4 мая. Днем раньше начались воздушные атаки, которые должны были поддержать контрнаступление. Они проводились с острова Кюсю и с Формозы. После этого предварительного воздушного налета летчики-смертники должны были в пятый раз атаковать корабли 51-го оперативного соединения американцев, как это предусматривалось планом очередной операции «Кикусуй». В ней приняло участие 125 самолетов-камикадзе (75 морских и 50 армейских), прикрываемых ПО истребителями.

3 мая в 18-00 японские самолеты приблизились к Окинаве со стороны Формозы и произвели первую атаку, отчаянную и решительную. Она длилась более двух часов. Японские бомбардировщики Ki-21 сбросили смертоносный груз с большой высоты и потеряли 36 самолетов, не добившись успеха.

Как и во многих других атаках, более заметными оказались результаты действий камикадзе, которые не боялись смерти, преодолевая огневую завесу врага.

Старший лейтенант Мураками Кацуми возглавил группу самолетов «Вэл» морской авиации, которая поставила себе цель во что бы то ни стало уничтожить эсминец радиолокационного дозора «Литл». Корабль успел сбить три японских самолета. Однако четвертый таранил эсминец, а его бомба взорвалась в машинном отделении. Затем последовали другие таранные удары. Взрывами сорвало часть палубы, и в 18-55 «Литл» затонул.

Тяжелые испытания выпали на долю легкого минного заградителя «Аарон Уард». Сначала корабль получил

повреждения от упавшего рядом сбитого самолета, затем в него один за другим врезались два камикадзе. Всего «Уард» таранили шесть смертников, но команда сумела спасти корабль и уйти на ремонт. Потери составили 45 человек убитыми и 49 ранеными.

Рано утром 4 мая летчики-смертники возобновили налеты, приурочив их по времени к контратаке частей японской 32-й армии на Окинаве. С 6-00 до 10-00 камикадзе пытались прорваться к якорной стоянке Хагуси на острове Керама Ретто. Истребитель «Зеро» упал на десантный транспорт LSM-195, который быстро затонул. Из его команды спаслось лишь 25 человек. Бомбардировщик «Сусей» нанес по десантному кораблю LSM-190 удар такой силы, что у последнего оторвало корму, и он затонул. Еще три самолета «Сусей» атаковали легкий крейсер «Бирмингем». Один из них разбился об его орудийную башню. Были убиты 25, ранены 60 и пропали без вести 17 человек.

Значительные потери понесли американские корабли охранения. В 7-40 корабль наведения эсминца «Люс» направил боевой воздушный патруль на перехват самолетов противника. Завязалась жаркая воздушная схватка, во время которой два самолета-камикадзе сумели прорваться к эсминцу и врезаться в него с интервалом в три минуты. Самолет «Хаябуса» ударился о палубу, а «Зеро» протаранил корму. Вспыхнул пожар, через десять минут взорвался котел и цистерна с топливом. Эсmineц медленно затонул, в 8-08 скрывшись под водой. Погибли 148 моряков, 94 получили ранения и ожоги.

Затем был атакован эсmineц «Моррисон», находившийся в дозоре вместе с другим эсминцем «Инграхэм». Корабли и воздушный патруль сбили четырех камикадзе. Однако в воздухе находилось много японских самолетов, и вскоре один из «Зеро» почти вертикально упал на «Моррисон». Средняя часть корабля превратилась в кровавое месиво из людских тел и железа. Оставшиеся в живых моряки продолжали бороться за живучесть судна и сражаться с японскими самолетами. Гидросамолет «Джейк»* удачно сбросил торпеду, и эсmineц быстро

Так американцы называли самолет Аити Е13А. - *Прим. авт.*

пошел ко дну, потеряв погибшими 159 и ранеными 100 человек. «Инграхэм», пораженный камикадзе, вышел из строя до конца войны.

Рано утром 4 мая летчики-смертники нанесли удар по группе эскортных авианосцев 51-го оперативного соединения.

Было облачно, что и смогли использовать камикадзе. На рассвете авианосец «Сангамон» и два эсминца охранения прибыли на базу Керама Ретто, чтобы пополнить запасы боеприпасов и топлива. Погрузка затянулась. Ее трижды срывали сигналы воздушной тревоги. Лишь в 18-30 авианосец наконец покинул базу. В 19-02 был замечен одиночный Ki-61 «Хиен», и корабль, сделав лево руля, открыл огонь из всех стволов правого борта. Сопровождающие «Сангамон» эсминцы «Фуллэм» и «Денис» также присоединились к стрельбе. «Хиен» зашел в атаку с кормы авианосца, но получил попадание снаряда. Казалось, что горящий самолет непременно врежется в корабль. До него оставалось несколько десятков метров, когда пилот потерял управление и самолет отвесно упал в воду в десяти метрах от борта. Авианосец сильно тряхнуло, но ущерб оказался минимальным — сбило одну антенну. Три моряка, видя неизбежный взрыв, бросились в море, но были вскоре подобраны.

В 19-25 с «Фуллэма» заметили японский самолет. Два ночных истребителя не сумели его обнаружить по причине густой облачности. Двухмоторный «Торю» вынырнул из облаков и устремился в крутое пикирование. Зенитный огонь не смог его остановить. Загорелся левый мотор, но самолет уверенно шел к цели. Перед тем как врезаться в авианосец, «Торю» сбросил бомбу. Она пробила палубу и взорвалась в ангаре. Сам самолет протаранил полетную палубу неподалеку от места падения бомбы. Большая его часть также ушла в ангар.

Грандиозный взрыв уничтожил 2! самолет и повредил оба самолетоподъемника. Вспыхнул сильный пожар. Авианосец потерял ход. Развернулась упорная двухчасовая борьба за спасение корабля. Его окружили эсминцы и корабли других классов и поливали из своих гидрантов. Невероятная удача сопутствовала эсминцу «Хад-

сон». С авианосца столкнули горящий самолет, который упал прямо на глубинные бомбы, лежавшие на палубе эсминца. Моряки не мешкая сбросили его в море...

К 22-00 огонь удалось взять под контроль. Погибли 17 человек и многие получили ранения. Повреждения авианосца оказались тяжелыми. Выгорела вся средняя часть корабля, включая надстройку и среднюю часть ангарной палубы. «Сангамон» не стали восстанавливать и исключили из списков.

4 мая в самоубийственной атаке приняли участие семь бомбардировщиков «Бетти» с самолетами «Ока».

Первый из них, пилотируемый старшиной Исивата Масауо, спикировал на минный заградитель «Гауэти», но упал в воду рядом с кораблем, который все же получил повреждения. Несколько моряков получили ранения.

Пилот другого самолета «Ока» младший лейтенант Охаси Сусумо нацелился на эсинец «Уилли». Самолет удалось сбить, и он взорвался в 25 метрах от корабля*.

Другой самолет «Ока», также пытавшийся поразить «Уилли», был сбит огнем 125-мм орудия.

Еще один самолет «Ока» поразил легкий минный заградитель «Шеа». Корабль получил серьезные повреждения и был выведен из строя.

Три оставшихся самолета «Ока» были сбиты вместе со своими носителями, так и не сумев вступить в бой.

Сравнительно легкие повреждения получили 4 мая английские авианосцы «Формидебл» и «Индомитебл», также атакованные камикадзе.

«Индомитебл» в 11-31 поразил внезапно вынырнувший из облаков «Зеро». Несмотря на яростный зенитный огонь, самолет упал на полетную палубу рядом с надстройкой. Палуба удар выдержала. На ней осталась лишь вмятина глубиной 60 сантиметров. Осколками повредило 11 самолетов, 8 человек погибли и 47 получили ранения.

Спустя три минуты еще один «Зеро» упал на «Индомитебл», но не причинил особого вреда, так как сколь-

* Существует иная версия, согласно которой Охаси поразил минный заградитель, убив при этом 118 человек. — *Прим. авт.*

знул по палубе и свалился за борт. Третий самолет-камикадзе был сбит и упал в море в трех метрах от корабля.

Последствия пятой операции «Кикусуй», таким образом, оказались для американцев наиболее тяжелыми. Затонуло 6 кораблей, 4 были списаны и выведены из состава флота. Более чем на 30 дней вышли из строя еще 2 корабля. Американский флот потерял 91 человека убитыми, 283 пропавшими без вести и 280 ранеными.

Атаки летчиков-самоубийц, хотя и ослабленные, продолжались и после завершения операции «Кикусуй-5». Так, 5 мая в районе Окинавы подверглись атакам камикадзе и получили повреждения тендер гидросамолетов «Св. Георг» и спасательное судно «Патфиндер». 6 мая «Зеро» таранил полетную палубу авианосца «Викториес» в районе переднего самолетоподъемника, а другой самолет врезался в корму, уничтожив четыре «Корсара». 9 мая серьезно пострадали от налетов самоубийц эскортные миноносцы «Оберрендер» и «Ингланд» (последний был поврежден уже во второй раз). Вечером этого же дня самолет-камикадзе упал на палубу английского авианосца «Формидебл», уничтожив 7 самолетов. На ангарной палубе вспыхнул пожар, где сгорело еще 12 машин.

10—11 мая японское командование провело шестую массированную операцию «Кикусуй». В ней участвовало 150 самолетов-камикадзе (70 морских и 80 армейских), которых прикрывали 125 истребителей.

В первый день японские летчики-самоубийцы повредили эсминцы «Браун» и «Харри Ф. Бауэр» (последний уже во второй раз). В 8-25 одиночный «Вэл» упал в море и взорвался у самого борта эсминца «Уильям Д. Портер». Мощная взрывная волна разрушила подводную часть корпуса. Корабль начал быстро принимать воду и через три часа затонул.

Основные события развернулись 11 мая. До начала операции летчикам самолетов «Ока» Ямазаки Митсуо и Катсумура Кодзи приказали повредить взлетную полосу северного аэродрома Окинавы. Морально не готовые к тому, чтобы пожертвовать ради этого своими жизнями, пилоты все же были вынуждены подчиниться. Однако

они так и не выполнили задание. Один из бомбардировщиков «Бетти» вернулся из-за неисправностей моторов, другой не сумел обнаружить ночью аэродром, плотно закрытый густой облачностью.

В 5-00 к Окинаве отправилась ударная группа японских самолетов. Она включала 30 морских (и том числе 4 бомбардировщика «Бетти» с самолетами «Ока») и 40 армейских самолетов, а также 26 машин из эскадрильи «Кемму» корпуса «Богов грома».

В 6-30 американские истребители перехватили формацию противника, которая пыталась пробиться к якорным стоянкам Иэ и Хагуси. За считанные минуты большинство самолетов для специальных атак были сбиты, в том числе три носителя самолетов «Ока». Японцы потеряли в общей сложности до 93 машин.

В этом сражении отличился находившийся в дозоре эсминец «Хью У. Хэддли». В течение 1 часа 35 минут он отражал мощную воздушную атаку, в которой уничтожил 23 вражеских самолета, но и сам получил несколько попаданий бомб и самолетов-камикадзе. В отважно сражавшийся корабль с близкой дистанции был запущен самолет-снаряд «Ока», который упал в море и взорвался вблизи него, причинив «Хэддли» тяжелые повреждения. Команда потеряла 28 человек убитыми и 67 ранеными. Судно пришлось отправить на слом.

Эсминец «Эванс», также бывший в дозоре, сбил пятнадцать японских самолетов, но и сам стал жертвой четырех камикадзе. Летчики-смертники серьезно повредили голландское торговое судно «Тьисданэ» и вывели из строя десантное судно огневой поддержки.

11 мая удача сопутствовала группе камикадзе, атаковавшей 58-е авианосное соединение. В 10-05 над флагманским кораблем соединения авианосцем «Банкер Хилл» в разрыве облаков были замечены два японских самолета. Один из них, истребитель «Зеро», сразу же пошел на таран, врезавшись в кормовую часть полетной палубы. Взрыв разбросал стоявшие там самолеты и вызвал пожар. Бомба, предварительно сброшенная «Зеро», пробила полетную палубу и взорвалась на галерейной палубе, нанеся повреждения борту корабля.

Другой самолет (бомбардировщик «Сусей») врезался в полетную палубу у основания «острова», пробил ее и взорвался на галерейной палубе. Мотор самолета поразил помещение флагманского командного пункта, уничтожив большую часть личного состава штаба соединения. Бомба с бомбардировщика вызвала пожар на палубе и в ангаре.

Пламя охватило весь корабль с носа до кормы. Горели три палубы авианосца. Три с половиной часа команда «Банкер Хилла» при помощи других кораблей боролась с пожаром. Авианосец потерял почти все свои самолеты. Он сохранил ход, но был серьезно поврежден и в боевых действиях больше не участвовал, так как отправился на главную базу для ремонта. Потери оказались велики: 391 человек погиб и 264 ранены. Флаг соединения был перенесен на авианосец «Энтерпрайз».

Так закончилась операция «Кикусуй-6». Америка лишилась четырех кораблей, которые получили настолько большие повреждения, что их пришлось исключить из списков.

Сразу после окончания операции главный морской штаб объединил все оставшиеся самолеты, в основном тренировочные и разведывательные, в один воздушный флот, который называли «Божественное воздушное объединение».

В ночь на 13 мая две оперативные авианосные группы 58-го соединения отправились в двухсуточный рейд на север с задачей нанести удары по аэродромам на островах Кюсю и Сикоку. На обратном пути 58-е соединение в полной мере испытало на себе удары камикадзе «Божественного воздушного объединения». На рассвете 14 мая соединение атаковали 28 японских самолетов. Большинство из них сбили американские истребители и зенитная артиллерия. Но один из самолетов сумел прорваться к авианосцу «Энтерпрайз» и таранить его. Существует яркое описание того, как это произошло, оставленное капитаном корабля Стаффордом:

«14 мая в 6-50 на экране радары появился одиночный сигнал, принадлежащий объекту, летящему на высоте 3200 метров и на удалении около 36 километров. Орудия

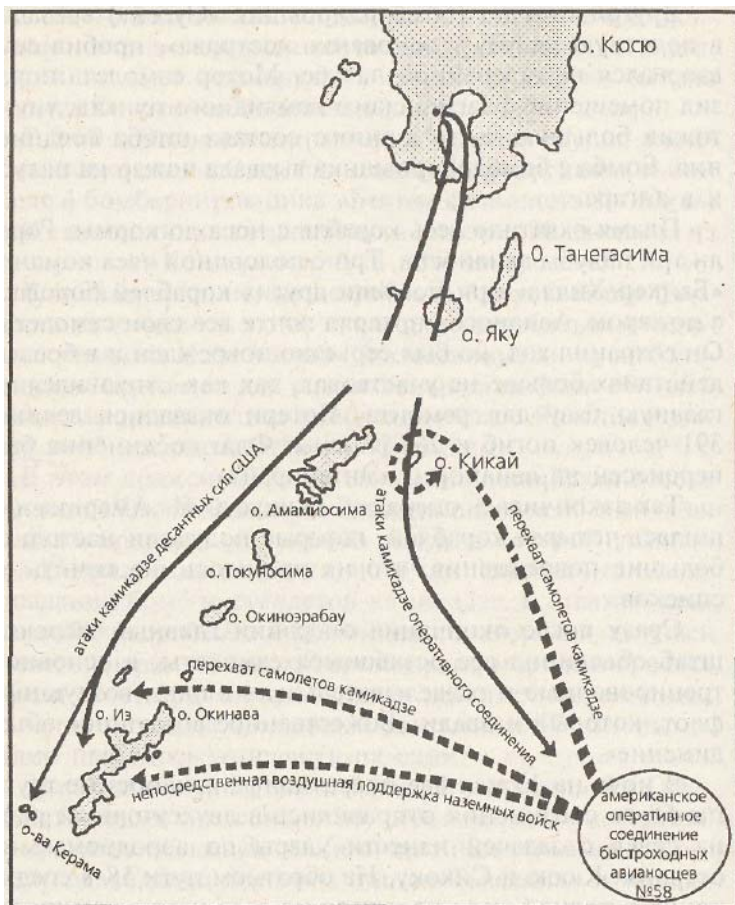

Схема маршрутов камикадзе с острова Кюсю против американских сил в районе острова Окинава

повернули стволы в сторону движения объекта, готовые открыть огонь сразу же, как «фантом» появится.

В 6-54 он стал видимым. Незнакомец летел прямо на авианосец. На мгновение он скрылся в облаках, затем на расстоянии 6 километров появился снова, снижаясь. Это был «Зеро». 125-мм орудия открыли огонь. Японский самолет скрылся в облаках. Зенитные батареи продолжали стрельбу. Летчики были на ногах с четырех часов

утра. Все самолеты, которые не находились в воздухе, стояли заправленными и готовыми к взлету на ангарной палубе.

«Зеро» приближался. Он все еще не был виден, так как прятался в облаках. 125-мм орудия продолжали стрелять, направляемые радаром, вскоре к ним присоединились 40-мм зенитные автоматы. Было страшно наблюдать, как все они безостановочно стреляли в невидимого врага.

Самолет появился из облаков и начал пикировать. Угол снижения не превышал 30 градусов, а скорость приблизительно равнялась 450 км/час. Сомнений не было — это был самолет-камикадзе. Он приближался довольно медленно и настойчиво, маневрируя ровно столько, чтобы не быть сразу сбитым.

Летчик хорошо знал свое дело, и у всех, кто за ним наблюдал, пересохло в горле. Меньше чем через минуту он достигнет своей цели. Было мало сомнений в том, что он сможет обрушить свой самолет на палубу авианосца.

Стреляло все, что могло: 125-мм пушки, 40-мм и 20-мм автоматы и даже ручное стрелковое оружие. Японский самолет неумолимо пикировал сквозь стальной дождь. Он получил несколько попаданий и выпустил шлейф огня и дыма, однако продолжал свой смертельный полет, ясно различимый, с крыльями, напоминающими меч.

Палуба вымерла. Все, за исключением зенитчиков, вмиг распростерлись на ней. С ревом огненный шар прошел перед надстройкой и врезался, произведя страшный взрыв, сразу же за передним самолетоподъемником.

Корабль вздрогнул. Около 16 метров полетной палубы свернулось в трубку подобно банановой кожуре. Огромную часть подъемника, не менее трети платформы, подбросило метров на сто двадцать в воздух. Взрывом убило 14 человек — они уже никогда не засмеются и не порадуются снова. Последнее, что они увидели, был самолет-камикадзе с хвостом огня, увеличивавшийся в размерах с молниеносной быстротой.

Сохранились страшные останки летчика. Их собрали на углу палубы рядом с покрытыми копотью обломками

самолета. Вся команда авианосца прошла мимо, чтобы взглянуть на человека, добровольно принявшего смерть. Людей не так интересовали благородные черты его лица и ничего не видящие глазницы. Их привлекали пуговицы на его униформе — отличный военный сувенир. Черные от гари пуговицы с выбитыми на них тремя вишневыми лепестками, а также нашивка корпуса камикадзе достались нескольким офицерам высшего ранга».

Авианосец не мог производить взлетно-посадочные операции и был отправлен в главную базу для ремонта, который производился в течение двух месяцев. Флаг оперативного объединения пришлось снова переносить на другой авианосец — на этот раз на «Рандолф».

12—13 мая небольшие группы и одиночные летчики-самоубийцы продолжали наносить беспокоящие удары по кораблям союзников в районе острова Окинава. В этот период легкие повреждения получил линкор «Нью Мексико», эсминцы «Дуглас Х. Фокс», «Тэтчер», «Брайт», «Джон Батлер», а также несколько десантных судов. Одиночный камикадзе, спикировав на эсминец «Бэчи», убил 41 моряка.

Седьмая операция «Кикусуй» была намечена на 24—25 мая. В ней адмирал Угаки смог задействовать 165 самолетов-камикадзе: 65 морских и 100 армейских Божественного воздушного объединения. Прикрытие с воздуха обеспечивали 150 истребителей*.

Особенностью операции было то, что ее решили провести ночью. Цели предполагалось освещать посадочными фарами самолетов. В операции приняли участие гидросамолеты и учебные самолеты, а также бомбардировщики «Бетти» с самолетами «Ока».

После непрерывного дождя, продолжавшегося всю ночь, 24 мая установилась ясная погода, что позволило провести массированный воздушный налет.

В ночь на 25 мая японские самолеты, попытавшиеся атаковать американскую якорную стоянку, были встречены стеной огня. Две горящие машины упали на быстротходный транспорт «Бейтс». После мощного взрыва

* Приводятся различные цифры самолетов-камикадзе, принявших участие в операции «Кикусуй-7»: от 110 до 182 машин. — *Прим. авт.*

он перевернулся и затонул. Десантный корабль LST-135 от удара самолета-камикадзе получил такие сильные повреждения, что вынужден был выбраться на берег. Повреждения получили эсминцы-транспорты «Барри» и «Симс». Тяжелее пришлось кораблям радиолокационного дозора.

Полной неудачей закончился вылет двенадцати бомбардировщиков «Бетти» с самолетами «Ока». Три самолета-носителя пропали без следа, остальные вернулись назад, не сумев найти цель из-за плотной облачности.

В итоге операции «Кикусуй-7» было потоплено три корабля, пять пришлось исключить из списков и один вышел из строя на срок более месяца.

Команды поврежденных кораблей, главным образом эскадренных миноносцев, потеряли 38 человек убитыми, 183 — ранеными и 60 — пропавшими без вести. Истребители США и корабельная артиллерия сбили свыше 150 японских самолетов.

Проведение восьмой операции «Кикусуй» против кораблей союзников адмирал Угаки назначил на вечер 27 мая. В ночном рейде должны были принять участие НО самолетов для специальных атак (60 морских и 50 армейских). Прикрытие с воздуха обеспечивали 100 истребителей. В качестве оружия камикадзе использовали значительное число разведывательных самолетов. Впервые отказались от привлечения корпуса «Богов грома». Их берегли для защиты Японских островов. Операция оказалась последней, в которой участвовало свыше ста самолетов-камикадзе.

Начиная с раннего утра 27 мая и вплоть до вечера японские летчики-смертники, а также части бомбардировочной авиации наносили удары по американскому флоту, а также по сухопутным войскам, наступающим на японские оборонительные позиции у Сюри.

Эсминец «Дрекслер», находившийся в радиолокационном дозоре к северу от Окинавы, атаковала группа камикадзе под командованием лейтенанта Кавато Сигеру. Кораблю нанесли удар пять самолетов. В результате серии взрывов загорелось топливо, и после оглушительного взрыва корабль перевернулся и затонул в

течение одной минуты. При этом погибли 158 моряков и 51 получили ранения.

Истребитель «Зеро» сумел поразить эсминец «Брейн». Он упал прямо на артиллерийский погреб. Погибли 56 моряков. Тяжелые повреждения получили эсминцы «Энтони» и «Шабрик», а также ряд транспортных и десантных кораблей. Всего камикадзе потопили 27—28 мая один корабль. Пять кораблей американцам пришлось исключить из списков в результате сильных повреждений. Два корабля вышли из строя на срок более одного месяца. Погибли 290, пропали без вести 52 и получили ранения 207 американских моряков.

Потери японской авиации превысили сто самолетов камикадзе.

Весенний период дождей был в полном разгаре. Адмирал Угаки несколько раз объявлял о начале девятой операции «Кикусуй», но наступало дождливое утро — и операция переносилась. Летчики расхолаживались, дисциплина падала.

Лишь отдельные пилоты выполняли самоубийственные атаки 3—6 июня. В эти дни получили незначительные повреждения транспорт «Алеган», линкор «Миссисипи», тяжелый крейсер «Луисвилл», эскортный авианосец «Натома Бей», легкие минные заградители «Харри Ф. Бауэр», «Уильям Диттер». Лишь 7 июня немного распогодилось, и поступил приказ начать проведение операции «Кику-суй-9». В ней приняло участие 20 морских и 30 армейских самолетов-камикадзе, которые прикрывало 40 истребителей.

Атака началась в 5-20. Тяжелые дождевые облака благоприятствовали японцам. Истребитель «Зеро» нанес таранный удар по эсминцу «Энтони», второй в течение двух недель. Этим успехи японцев ограничились. Внезапно налетел тайфун, который причинил трем линкорам, четырем авианосцам, трем крейсерам, тринадцати эсминцам и пятнадцати кораблям других классов такие повреждения, что многие из них пришлось отправить на ремонт.

Между тем атаки одиночных камикадзе продолжались. 10 июня одиночный «Вэл», отвесно пикируя, вре-

зался в эсминец «Уильям Д. Портер». Корабль быстро затонул после мощного взрыва.

16 июня в 20-30 эсминец «Твиггс» подвергся атаке японского торпедоносца. Сначала сброшенная с самолета торпеда, а потом и сам самолет вызвали взрывы и пожар. Через полчаса сдетонировали артпогреба, что уничтожило корабль. Погибли 126 моряков.

21—22 июня камикадзе провели последнюю, десятую операцию «Кикусуй». В ней приняло участие 30 морских и 15 армейских самолетов. Воздушное прикрытие обеспечивали 40 истребителей.

В первый день ко дну пошли эсминец «Барри» и транспорт LSM-59. В каждый из них врезалось по три самолета.

22 июня, в 3-00 утра в воздух поднялись шесть «Бетти» с самолетами «Ока» и восемь «Зеро» с 250-килограммовыми бомбами. В последний боевой вылет «Богов грома» сопровождали 66 истребителей с авиабазы Казанопара. После неудачного вылета «Богов грома» под командованием Нонака это был второй случай, когда сравнительно небольшую группу камикадзе специально сопровождали истребители в таком большом количестве, что внушало оптимизм пилотам-смертникам. Но не прошло и часа после взлета, как 25 истребителей вернулись на аэродром из-за различных неполадок с мотором. Спустя некоторое время оставшиеся истребители вступили в бой с американскими самолетами, и камикадзе продолжили полет к Окинаве без сопровождения «Зеро». Истребители США, прикрывавшие корабли, сбили четыре бомбардировщика «Бетти» вместе с самолетами «Ока». Два других вернулись на базу, так и не использовав свое оружие. Последний вылет корпуса «Боги грома» закончился полным провалом, так же, как и вся операция «Кикусуй». Японцы потопили 1 корабль, 3 были исключены из списков в результате сильных повреждений и один корабль вышел из строя на срок более месяца.

КАМИКАДЗЕ - «СОЛОМИНКА» /ТОПАЮЩИХ

В водах Окинавы летчики-смертники нанесли американскому флоту весьма серьезный урон. Из 28 кораблей, потопленных авиацией, камикадзе отправили на дно 26. Из 225 поврежденных кораблей камикадзе повредили 164, в том числе 27 авианосцев и несколько линейных кораблей и крейсеров*. Четыре британских авианосца получили пять попаданий самолетов камикадзе.

Около 90 процентов камикадзе не попали в цель или были сбиты. На каждый пораженный корабль в среднем пришлось около 1,25 попадания. Тяжелые потери понес корпус «Боги грома». Из 185 самолетов «Ока», использованных для атак, 118 были уничтожены противником, унеся жизни 438 летчиков, в том числе 56 «богов грома» и 372 членов экипажей самолетов-носителей.

В результате потерь от ударов камикадзе в конце мая американцы вынуждены были отвести свое авианосное соединение из района Окинавы на Филиппины. Кроме того, американскому командованию пришлось пойти на резкое сокращение налетов своей авиации на города Японии и перенацелить воздушные удары на аэродромы противника на острове Кюсю, где базировалась авиация летчиков-самоубийц. Несмотря на то, что эффективность действий камикадзе оказалась гораздо выше, чем обычных бомбардировщиков, без поддержки всех родов войск и видов вооруженных сил использование подразделений смертников не могло оказать решающего влияния на исход операции.

После падения Окинавы подразделениям камикадзе было приказано уничтожать все, что плавало в японских водах. 19 июля в результате самоубийственной атаки получил повреждения эсминец «Тэтчер», 21 июля — транспорт «Маратон», 24 июля - эсминец «Андерхилл», позже американцами затопленный. Однако самой впечатляющей победы камикадзе достигли 29 июля. В районе

* В ряде изданий приводятся несколько иные цифры потерь американского флота от действий камикадзе к району Окинавы. — *Прим. авт.*

Окинавы группа из 12 самолетов атаковала эсминец «Каллагэн»>>. Используя ночную темноту, старый тихоходный учебный биплан Аити D2A с 60-килограммовой бомбой в 0-41 сумел прорваться к «Каллагэну» и таранить его. Удар пришелся в капитанский мостик. Вспыхнул пожар, который привел к взрыву боеприпасов и погребу. Экипаж оставил корабль, затонувший в 2-35. Потери составили 47 моряков, 73 человека получили ранения. «Каллагэн» стал последним кораблем, потерянным США в войне на Тихом океане.

Следующей ночью тяжелые повреждения получил эсминец «Кассин Янг», подвергшийся подобной атаке.

Вылеты камикадзе продолжались до середины августа 1945 года. 9 августа в результате самоубийственной атаки бомбардировщика «Вэл» получил повреждения эсминец «Бори», а 13 августа два истребителя «Зеро» нанесли тяжелые повреждения транспорту «Ла Гранж». Атаки летчиков-смертников происходили и до выступления императора с сообщением о капитуляции, и продолжались после него. В 11-40 15 августа английские моряки сбили над своим авианосцем «Индифэтигбл» японский самолет-камикадзе, пытавшийся произвести таранный удар. В этот же день в 17-00 в самоубийственный полет отправилась группа бомбардировщиков под командованием адмирала Угаки.

Ирония судьбы: всю тяжесть самоубийственных атак японских летчиков приняли на себя американский флот и авиация, однако последнюю точку камикадзе поставили, атакуя советские корабли.

18 августа в 14-43 японский армейский двухмоторный бомбардировщик (предположительно Кавасаки Ki-45 «Торю») попытался в Амурском заливе у Владивостокской нефтяной базы таранить танкер «Таганрог», однако был сбит зенитным огнем. Как следовало из уцелевших документов, пилотировал самолет поручик Иосиро Тиохара*.

В этот же день камикадзе добились своей единственной победы, потопив в районе Шумшу (Куриль-

* Подробнее см. Стрельбицкий К. Б. Август 1945. Советско-японская война на море. Цена победы. - Львов, 1996, стр. 27.

ские острова) катер-тральщик КТ-152*. Бывший сейнер — рыбный разведчик «Нептун», он был построен в 1936 году и имел водоизмещение 62 тонны и команду из 17 моряков. От удара японского самолета катер-тральщик сразу же пошел на дно.

Каково число самоубийственных атак, совершенных камикадзе? Сколько при этом погибло пилотов и было разбито самолетов? Ответить на эти вопросы не так-то просто: в разных источниках приводятся различные цифры, которые значительно разнятся между собой. Существуют японские оценки и американские данные. К тому же не каждый самоубийственный вылет обязательно заканчивался атакой и смертью камикадзе. С приближением конца войны цифра пилотов, вернувшихся назад из самоубийственной атаки, возросла. Неблагоприятная погода, невозможность обнаружить цель — эти две причины являлись основными, препятствовавшими пилотам выполнить свою последнюю миссию. Не следует исключать и такой фактор, как низкое состояние японской авиатехники и некачественное авиационное топливо. Seriously затрудняет подведение итогов самоубийственных атак разделение японской авиации на армейскую и морскую. Если в отношении морских летчиков имеются достаточно подробные описания их действий, то данные армейской авиации бессистемны, отрывочны и не дают полной картины.

Во многих изданиях фигурируют две цифры: 1900 — число атак камикадзе во время боев за Окинаву (из них 1050 — на счету морских летчиков и 850 — армейских) и более 5000 — количество летчиков, погибших в самоубийственных вылетах.

Из 1900 самолетов, отправившихся на Окинаве в самоубийственные атаки, не вернулись назад (были сбиты или сумели поразить цель) 960 машин.

Наито Хатсаро в своей книге* приводит число потерь

* Дата гибели тральщика точно не установлена и в различных изданиях указывается как 18-19 августа. — *Прим. авт.*

*См. Naito Hatsaho. Thunder gods. The Kamikaze Pilots Tell Their Story.- N.Y., 1989, p. 25.

морских и армейских камикадзе с точностью до человека. По его данным, в самоубийственных атаках в 1944-1945 годах погибло 2525 морских и 1388 армейских пилотов. Таким образом, всего погибло 3913 летчиков-камикадзе, причем в это число не вошли камикадзе-одиночки — те, кто принял решение самостоятельно отправиться в самоубийственную атаку. Однако число таких пилотов не могло быть большим. Японцы — дисциплинированная нация, и любой приверженец самоубийственных атак мог найти себе место в официальных подразделениях смертников. Поэтому вряд ли количество одиночек могло превысить две-три сотни человек. Следовательно, утверждение о том, что всего во время самоубийственных атак погибло более 5 тысяч камикадзе, представляется нам завышенным по крайней мере почти на тысячу человек.

ГЛАВА VIII

ОРУЖИЕ КАМИКАДЗЕ

ЯПОНСКАЯ АВИАЦИЯ: ВСКОРМЛЕННАЯ ДЯДЮШКОЙ СЭМОМ

Первый самолет взлетел в японском небе 19 декабря 1910 года, а через шесть лет был построен первый самолет японской конструкции. К концу 1910-х годов авиационным бизнесом занялись гиганты тяжелой индустрии концерны «Мицубиси» и «Кавасаки», а также «Накадзима». Строились исключительно иностранные конструкции, в основном английские, немецкие и французские.

К началу 30-х годов императорское командование осознало ту огромную роль, которую стала играть авиация в военном деле. Военная доктрина Японии отвела ей роль «передового эшелона вторжения», своеобразного авангарда морских и наземных сил. Авиация должна была, используя огромную силу маневра и присущую ей боевую мощь, полностью завоевать господство в воздухе и заложить основы победы.

Японская авиационная индустрия, строившая лишь копии устаревших западных самолетов, не рассматривалась западными стратегами как заслуживающая серьезного внимания. Между тем японские военные руководители отдавали себе отчет в том, что уровень развития авиации в Стране восходящего солнца значительно ниже, чем на западе. Они стремились в кратчайшие сроки ликвидировать научно-техническое отставание Японии в этой области. Но как реально осуществить то, что требовало долгих лет и больших капитальных вложений? Выход был найден в импорте иностранных образцов самолетов и оружия, главным образом из США. На этом вопросе следует остановиться подробнее, чтобы полнее

представлять себе особенности создания японской военной машины.

В 30-е годы объем американского экспорта неуклонно снижался. Но авиационный экспорт рос как на дрожжах: в 1925 году он составлял 800 тысяч долларов, а в 1934 году — уже 17 миллионов 600 тысяч. После 1925 года самолет был признан эффективным оружием. Резко улучшились его характеристики: скорость, дальность, потолок, бомбовая нагрузка. Появился революционный тип боевого самолета — пикирующий бомбардировщик. С ухудшением международного положения, возникновением военных конфликтов, усилением милитаризации авиационный экспорт быстро набирал обороты. Если в 1925 году США поставляли самолеты в 25 стран, то в 1934 году — уже в 73. На первом месте в этот период бесспорно был Китай, закупивший американских самолетов на 8,8 миллиона долларов (13,5 процента всего американского авиационного экспорта). Лишь десятое место заняла Япония (3,5 процента). «Лучше война, чем кризис!» — этим лозунгом руководствовались американские производители оружия. Японо-китайская война была чрезвычайно выгодна для монополий США, которые стремились ослабить обе страны, подчинив их своим интересам.

Американцы умудрялись продавать самолеты двум воюющим сторонам одновременно. В такой практике не было ничего необычного — она уже давно применялась американскими компаниями в Латинской Америке, во время так называемых «банановых войн», причем часто в обход запрета Конгресса. Специальная парламентская комиссия Нея, созданная для изучения деятельности американских фирм-производителей оружия, пришла в ужас, обнаружив, что для последних законы — ничто. В погоне за прибылью американские поставщики оружия легко обходили любые запреты, а моральная сторона дела для них вообще была пустым звуком. Именно американские монополии, обойдя Версальский договор, в значительной мере способствовали быстрому возрождению германской военной машины. Именно корпора-

ции США ответственны за создание мощной авиационной индустрии Японии. Генерал Митчелл, высший американский авторитет в области авиации, удивлялся: почему авиационная индустрия США не развивается так быстро, как в других странах, особенно в Германии и в Японии? Вникнув в суть дела, он был поражен: новые технические разработки, появляющиеся в США, тем не менее внедрялись прежде всего в Японии и Германии!

В 1935—1938 годах первое место по закупкам американских самолетов по-прежнему занимал Китай, затративший свыше 20 миллионов долларов. Но на второе место вышла Япония (15,5 миллиона долларов). Однако в отличие от Китая, в больших количествах приобретаемого американскую авиатехнику, Япония отдавала предпочтение покупке отдельных американских самолетов, оборудования, моторов, лицензий на серийное производство.

В середине 40-х годов по крайней мере свыше полутора десятков американских компаний поставляли свою авиатехнику в Японию. Как это осуществлялось, можно проследить на примере компании «Локхид», интересы которой в этой стране представлял торговый агент фирма «Миранда». В Китае и Манчжоу-Го интересы «Локхид» представляла другая фирма — «Хоускер трейдинг» (хотя государство Манчжоу-Го не было признано американскими властями). В 1935 году «Локхид» продала несколько самолетов новейших типов в Японию при посредничестве фирмы «Миранда», которая, в свою очередь, поставила их японской фирме «Окура», а та — Императорскому флоту.

Но японским специалистам было важно изучить организацию работ непосредственно на месте. Нет проблем: летом 1934 году четверо японских морских офицеров прибыли в Бербанк (Калифорния) и обстоятельно ознакомились с производством самолетов на заводе «Локхид».

Этот визит не был чем-то необычным. Когда в 1930 году Императорский флот обратил внимание на пикирующие бомбардировщики и поручил видному инженеру Нагахато создать подобный самолет, то для него не было «темных

пятен»: он уже побывал в США и изучил в фирмах «Кертисс» и «Чанс-Воут» подобные новейшие американские разработки.

Вопрос о посещении японцами американских авиазаводов всегда включался в лицензионное соглашение и, таким образом, приобретал как бы законную основу. Как итог, значительное число ведущих японских авиационных инженеров прошли учебу на заводах «Кертисс», «Дуглас», «Боинг» и «Локхид», получили ученые степени в Технологическом институте Массачусетса, Стэнфордском университете в Калифорнии,

Но наблюдалось и другое явление: американские монополии посылали своих специалистов в Японию для оказания помощи в налаживании работы. В 1938 году компания «Боинг», например, командировала в Японию одного из своих лучших специалистов, а инженеры фирмы «Пратт и Уитли» помогли переоборудовать завод по производству моторов компании «Мицубиси».

Наибольшего объема продаж в Японии достигла компания «Дуглас», которая подписала ряд лицензионных соглашений с ведущей японской самолетостроительной фирмой «Накадзима» на сумму 80 тысяч долларов. Самолет DC-2 поставлялся на вооружение японской армии, а DC-3 - строился до 1944 года для Императорского флота.

Компания «Сперри гироскоп» продала лицензии на производство различного оборудования крупнейшим японским фирмам «Токио Кейки» и «Мицубиси». Японцы построили около тысячи бомбардировщиков «Нелл» (Мицубиси G3M, или Тип 96). Успеху самолета во многом способствовали два американских прибора — автопилот и радиокompас фирмы «Сперри». Убираемое шасси было скопировано у приобретенного в США легкого бомбардировщика Нортроп ВТ-1. Японские истребители были вооружены вариантами американских авиационных 12,7-мм пулеметов корпорации «Браунинг».

Многие японские авиационные моторы и воздушные винты были изготовлены по американским чертежам, приобретенным по лицензиям в довоенные годы. Как итог, за все время войны на Тихом океане японцы

пользовались двумя основными типами воздушных винтов — старой германской конструкции и довоенной американской «Гамильтон стандарт».

Ловко маскировала поставки своих самолетов в Японию американская компания «Глен Мартин». Их паковали в разобранном виде с надписями «мебель» и «домашняя мебель».

Вклад американских монополий в создание современной мощной японской авиации был огромен. После развязывания Японией в августе 1937 года полномасштабной войны в Китае поставки авиатехники агрессору не только не прекратились, но ещё больше возросли. Провозглашение правительством США так называемого «морального эмбарго» оказалось пустым звуком. За первые десять месяцев 1939 года Япония закупила американской авиатехники на 2,324 миллиона долларов (седьмое место среди всех покупателей). Китай среди импортеров вообще не числился. Американское «моральное эмбарго» было вызвано тем, что еще во время «Шанхайского инцидента» японцы впервые массово применили свою бомбардировочную авиацию против перенаселенного Чапея. Это был первый в истории человечества крупномасштабный воздушный удар по мирному населению. По приказу адмирала Шиозавы Коити самолеты с двух японских авианосцев среди белого дня, не встречая никакого противодействия в воздухе и с земли, буквально забросали город бомбами. Погибли тысячи беззащитных женщин и детей. Так заявил о себе миру осовремененный с помощью США самурайский дух! Чанкайшистский посол в США Ван с горечью был вынужден признать, что именно от американского вооружения гибнет 54 из каждых 100 мирных жителей Китая.

Это — только одна сторона деятельности японской военщины, вооруженной американскими монополиями во имя собственной наживы. Но есть и другая -- не менее поразительная и страшная. Авиапромышленный отдел американской службы стратегических бомбардировщиков писал после войны:

«За помощь (помимо финансовой) японская авиационная промышленность обязана США больше, чем свое-

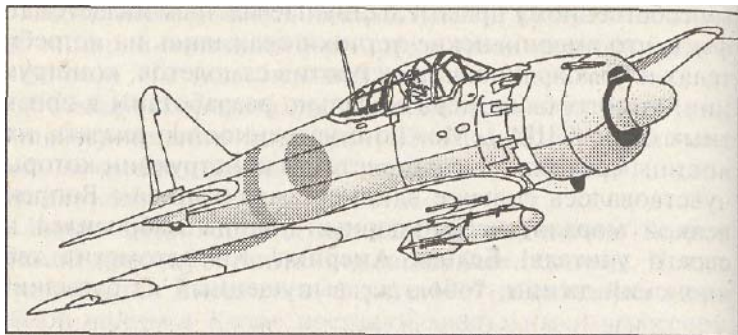
му собственному правительству. Печальным является тот факт, что американские летчики сражались на истребителях и бомбардировщиках против самолетов, конструкции которых были первоначально разработаны в проектных бюро США... Можно с уверенностью сказать, что японцы сражались на самолетах, в конструкции которых чувствовалось сильное влияние американцев». Вопреки всякой морали, неблагодарный ученик набросился на своего учителя! Бедная Америка! Как отомстил тебе японский джинн, тобою же выпущенный из бутылки!

ОРУЖИЕ ОТЧАЯННЫХ И ОТЧАЯВШИХСЯ

Потеряв господство в воздухе, японское командование стало искать новые формы ведения боевых действий. Пытаясь найти выход из создавшегося положения, оно пошло на использование камикадзе, пикировавших вместе со своим самолетом на американские корабли. Инициаторами атак камикадзе выступили морские летчики. Сначала в этих целях применяли истребитель «Зеро» с подвешенной бомбой. Затем стали совершать самоубийственные атаки на тех самолетах, которые были в наличии.

Во время сражения за Окинаву в последний бой бросали все, что могло летать, за исключением разве что летающих лодок: истребители, бомбардировщики, гидросамолеты и даже старые бипланы, доживавшие свой век в летных школах.

«Зеро», «Зеро-Сен», «Хэмп», «Зэк», «Рейзен» - так называли самый грозный японский истребитель - символ всей авиации Страны восходящего солнца; Официальное название самолета - «Флотский авианосный истребитель Тип 0», кодовое японское - «Рей-сен» (от «Рейсики-Сентоки» - «истребитель тип ноль»). Американцы присвоили ему свое название — «Иезекииль», или сокращенно «Зэк». Модернизация А6М3 с новым капотом и крыльями стала у союзников называться «Хэмп».

Мицубиси А6М5

Триумфальный боевой путь «Зеро» начался в Китае, где 13 сентября 1940 года 13 истребителей под командованием лейтенанта Синдо Сабуро во время 10-минутного воздушного боя сбили всю группу китайских истребителей из 27 И-152, И-153 и И-16. Но этот и другие успехи не привлекли внимание американцев, которые не считали японцев по своим физическим данным способными вести маневренный воздушный бой с высокими перегрузками. Сомневались они и в возможности создания в Японии современного боевого истребителя, который превосходил бы западные аналоги.

Однако японские конструкторы не стояли в стороне от мирового авиационно-технического прогресса и жадно впитывали все новейшие научно-технические достижения. В результате и появился «Зеро» — первый палубный самолет, превзошедший по своим показателям многие сухопутные истребители. Самолет обладал хорошей скоростью, высокой маневренностью и исключительно большой дальностью полета - 3100 километров, благодаря чему стал безраздельным властелином Тихого океана по крайней мере до середины лета 1942 года, когда в Японии было достаточно авианосцев. «Буффало», «Хоуки», «Харрикейны» союзников не могли противостоять ставшему легендарным японскому истребителю.

«Зеро» прошел всю войну и оказался самым массовым японским самолетом. Всего построили 11341 машину различных моделей.

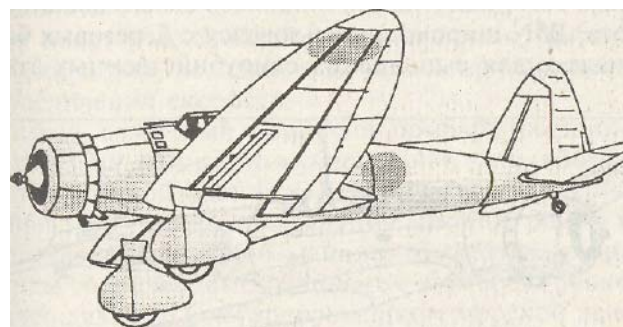
Во время сражения в заливе Лейте в октябре 1944 года

именно «Зеро» впервые были использованы в массовых масштабах для проведения самоубийственных атак. На варианте самолета А6М5 (Тип 0, модель 52) на подфюзеляжном узле вместо бака подвешивали 250-килограммовую бомбу. Для самоубийственных атак привлекались и другие варианты «Зеро», например, тренировочный А6М2-К. Всего во время Филиппинской кампании для атак камикадзе был использован 331 самолет «Зеро» из 447 машин, выделенных для этой цели. Фактически цели поразили 158 «Зеро».

Во время сражения за Окинаву выполнили самоубийственные атаки около 330 самолетов «Зеро».

Всего из 2363 морских самолетов, использовавшихся для смертельных вылетов, 1189 машин составляли «Зеро». Фактически совершили самоубийственную атаку 530. истребителей А6М. Таким образом, «Зеро» не только был основным морским истребителем Японии, но и, безусловно, являлся самым массовым самолетом-камикадзе.

Основным палубным пикирующим бомбардировщиком, с которым Япония вступила в войну, был Айти D3А («Вэл»)*, или «Палубный бомбардировщик Тип 99, модель 11». Самолет производился серийно с декабря 1939 по август 1945 года. Всего было построено 1495 машин.

Палубный пикирующий бомбардировщик
Айти D3А («Вал»)

* Здесь и далее в скобках приводятся названия самолетов, данные им американцами и их союзниками. - *Прим. авт.*

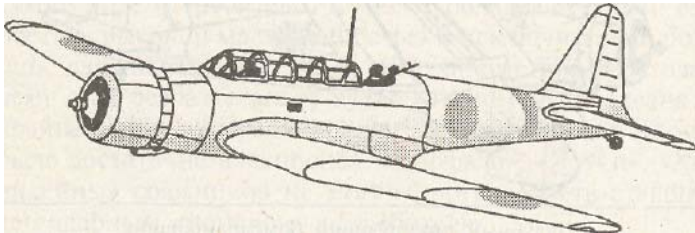
Двухместный бомбардировщик обладал такой же высокой маневренностью, как и печально знаменитый в Европе Ju-87.

«Вэл» оказался первым японским самолетом, сбросившим бомбы на американские корабли в Пёрл-Харборе. Он широко использовался в качестве самолета камикадзе. Фирма-производитель работала над проектом «специального штурмовика Мейо-Кай D3Y2-K» — особого самолета для камикадзе. Самолет должен был нести одну 800-килограммовую бомбу и имел сбрасывающиеся стойки шасси. Планировалось ежемесячно производить 30 подобных «специальных штурмовиков», но война окончилась раньше, чем проект был реализован.

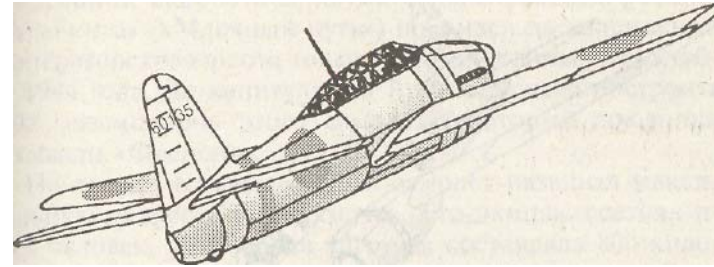
«Палубный бомбардировщик-торпедоносец Тип 97», или Накадзима B5N к началу войны на Тихом океане был передовым японским торпедоносцем и, безусловно, на то время лучшим в мире самолетом этого типа. Эта модель производилась с ноября 1937 по март 1944 года. Всего было выпущено 1149 машин.

Трехместные бомбардировщики-торпедоносцы, которые союзники называли «Кейт», массово использовались во всех сражениях с участием авианосцев. Именно они отправили на дно американские авианосцы «Лексингтон», «Йорктаун» и «Хорнет».

После того, как Япония лишилась своего авианосного флота, B5N широко использовался с береговых баз, в том числе и для выполнения самоубийственных атак.

Палубный бомбардировщик-торпедоносец
Накадзима B5N

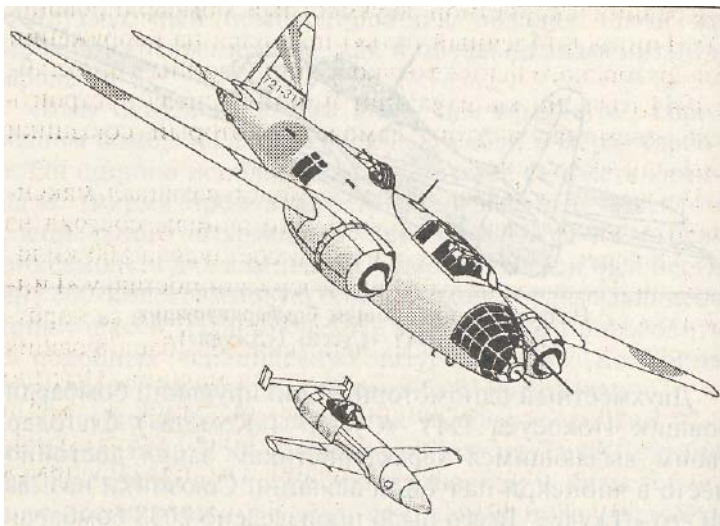

Палубный пикирующий бомбардировщик
Йокосука D4Y «Сусей» («Джуди»)

Двухместный одномоторный пикирующий бомбардировщик Йокосука D4Y «Сусей» («Комета») благодаря своим выдающимся характеристикам занял достойное место в японской палубной авиации. Союзники называли его «Джуди». Всего было произведено 2038 бомбардировщиков. С февраля по август 1945 года завод Аити выпускал вариант самолета для самоубийственных атак под обозначением D4Y4. До окончания войны было поставлено 296 таких машин, представлявших собой одноместный вариант «Сусей»: фонарь над местом радиста заделывался, 800-килограммовая бомба подвешивалась в бомбовом отсеке и находилась в полуутопленном положении.

На некоторых самолетах устанавливали три пороховых ускорителя, которые включались при пикировании для увеличения скорости.

Самый известный японский бомбардировщик Второй мировой войны Мицубиси С4М, или «Бомбардировщик морской Тип 1» («Бетти») строился серийно с декабря 1940 года до капитуляции Японии. За это время было произведено 2446 машин, и «Бетти» побил все рекорды производства японских бомбардировщиков. Являясь дальним бомбардировщиком морской авиации, С4М наилучшим образом соответствовал своему предназначению, обладая уникальной дальностью полета в 5500 километров. Экипаж самолета составлял 7—9 человек (в зависимости от варианта).

Дальний бомбардировщик морской авиации
Мицубиси G4M2e («Бетти») — носитель самолета
«Ока»

Японцы прозвали эту машину «Фитилем»: расположенные в крыльях непротектированные топливные баки оказались весьма уязвимыми для вражеского огня. Фирма-производитель покрыла их листовой резиной и внедрила надув баков отработанными газами выхлопа моторов. Нововведения привели к уменьшению скорости на 18 км/час, но не решили проблему полностью.

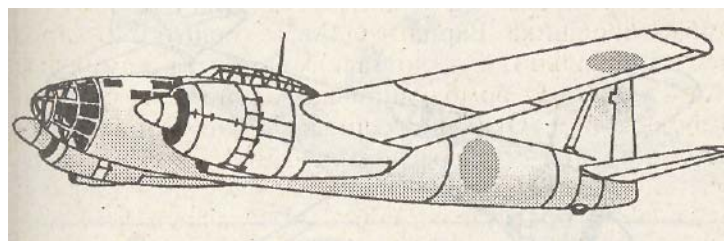
Всего выпускалось с десятков различных моделей бомбардировщика. Вариант G4M2E «модель 24j» строился специально для доставки самолета камикадзе МХУ7 «Ока». С бомбардировщика снимали створки бомболюков, и «Ока» подвешивался в полуутопленном положении под его фюзеляжем. Однако при этом самолет-носитель становился слишком медлительным и неуклюжим, представляя собой легкую цель для американских истребителей. Всего в вариант G4M2E было переоборудовано 65 самолетов. Но кроме того, бомбардировщик G4M использовался (хотя и редко) и непосредственно в самоубийственных атаках.

Средний скоростной двухместный бомбардировщик P1Y «Гинга» («Млечный путь») появился на вооружении Императорского флота только к концу войны — с октября 1944 года. До капитуляции Японии успела построить 1098 экземпляров этого самолета, который союзники называли «Френсис».

На высоте 6 тысяч метров самолет развивал максимальную скорость в 550 км/час. Его экипаж состоял из трех человек, а бомбовая нагрузка составляла 800 килограммов. Ненадежные моторы задержали поставку «Гинга» в боевые части до весны 1945 года. Однако за короткий срок участия в боевых действиях бомбардировщик показал себя как отличная скоростная машина. Именно он участвовал в самоубийственной операции 11 марта 1945 года, когда 24 самолета предприняли попытку нанести удар по американским авианосцам, находившимся на базе атолла Улити.

Среди нескольких вариантов бомбардировщика следует выделить P1Y3 «модель 33» - носитель самолета «Ока». Чтобы приспособить для этого самолет, были увеличены размах крыла и ширина фюзеляжа. Бомбовая нагрузка должна была составить 1600 килограмм. Но проект не успели реализовать.

Для доставки самолета «Ока» «модель 22» планировалось также использовать четырехместный бомбардировщик G8N1 «Реизан», который мог нести сразу два самолета-снаряда.

Скоростной бомбардировщик
Июосука P1Y «Гинга»

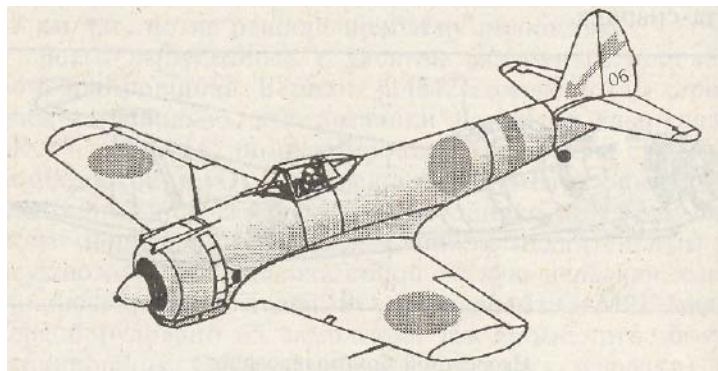
На Филиппинах и Окинаве камикадзе активно использовали в самоубийственных атаках палубные истребители Мицубиси А5М (союзники называли его «Клод») с 250-килограммовой бомбой, подвешенной под фюзеляж, и палубные бомбардировщики-торпедоносцы Накадзима В6Н «Тензан» («Джилл») с 800-килограммовой бомбой.

Разведчик и ночной истребитель J1N «Гекко» не производился в большом количестве и не стал массовым. Однако он также применялся как самолет-камикадзе с двумя подвешенными 250-килограммовыми бомбами.

В качестве оружия самоубийц во время сражения на Окинаве были задействованы поплавковые гидросамолеты Айти Е13 («Джейк»), Айти Е16 («Пол»), Каваниси Е7 («Эльф»).

Армейская авиация в Японии традиционно и качественно, и количественно уступала морской. Но армейские пилоты не менее самоотверженно, чем морские летчики, участвовали в самоубийственных атаках. Они использовали все типы машин, которые стояли у них на вооружении.

Многоцелевой самолет Накадзима Ki-43 «Хаябуса» («Сайпан») являлся самым массовым истребителем Императорской армии. Союзники называли его «Джим» и «Оскар». Всего было построено 5919 машин. Легкий и

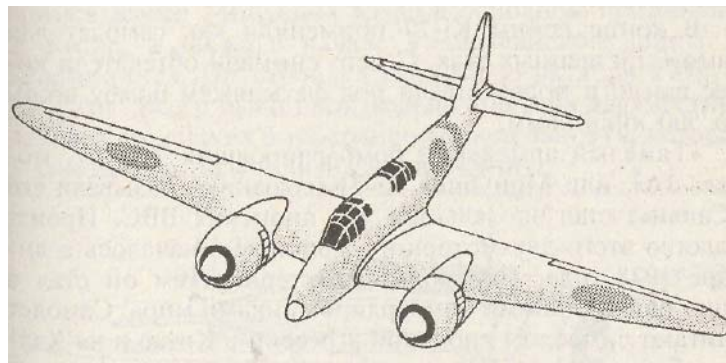
Армейский истребитель Накадзима Ki-43 «Хаябуса»*

удивительно маневренный, Ki-43 стал основным истребителем армейских летчиков, которые добились на нем немалых побед. 7 декабря 1941 года, прикрывая конвой десантных судов, направляющихся в Кота Бару, пропало несколько этих самолетов*.

В конце войны, особенно во время сражения за Окинаву, «Хаябусы» широко применялись в качестве самолетов-камикадзе. Использовались они и против советских войск, наступавших в Маньчжурии.

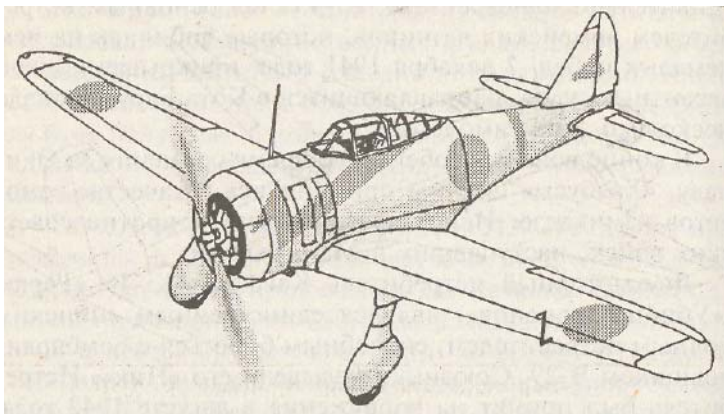
Двухмоторный истребитель Kawasaki Ki-45 «Торю» («Убийца драконов») являлся единственным японским ночным истребителем, способным бороться с бомбардировщиком В-29. Союзники называли его «Ник». Истребитель был принят на вооружение в августе 1942 года. Построили 1698 машин четырех основных серийных модификаций. В конце войны «Торю» использовался в качестве самолета-камикадзе. Именно он потопил таранным ударом советский катер-тральщик КТ-152 - последнюю жертву камикадзе во Второй мировой войне.

«Истребитель армейский Тип 97» (Накадзима Ki-27) представлял собой одноместный самолет с закрытой кабиной и неубирающимся шасси. Союзники называли

Армейский истребитель Kawasaki Ki-45 «Торю»

* См. подробнее главу «Еще не камикадзе, или неорганизованное самопожертвование». — Прим. авт.

Армейский истребитель Накадзима Ki-27

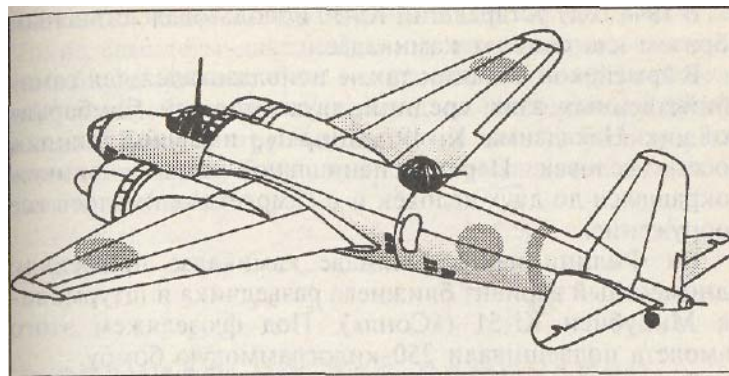
его «Нейт». Он был первым серийным истребителем-монопланом японской армейской авиации. Его серийное производство развернулось с февраля 1938 года и за четыре года составило 3399 машин. Истребитель использовался японской военщиной во время боев на Халхин-Голе, в Китае, Бирме, Малайе, на Филиппинах. В июле 1942 года Ki-27 был снят с производства как устаревший.

В конце войны Ki-27 применяли как самолет для самоубийственных атак. С него снимали обтекатели колес шасси и подвешивали под фюзеляжем бомбу весом до 500 килограмм.

«Тяжелый армейский бомбардировщик Тип 97, модель 1А», или Мицубиси Ki-21 (союзники называли его «Салли») стал эпохальным для японских ВВС. Производство этого двухмоторного моноплана началось в январе 1938 года. По своим характеристикам он стал в один ряд с лучшими бомбардировщиками мира. Самолет считают символом японской агрессии в Китае и на Халкин-Голе.

Несмотря на то, что бомбовая нагрузка была невелика и составляла 750—1000 килограмм, пятиместный средний бомбардировщик Ki-21 производился до сентября 1944 года. Всего было поставлено 2064 самолета.

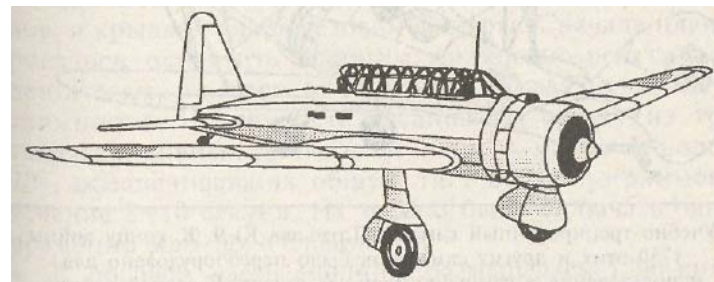
В японской армейской авиации он стоял на вооруже-

Армейский бомбардировщик Мицубиси Ki-21-II

нии дольше, чем какой-либо другой самолет. Широко известен случай использования Ki-21 в самоубийственной операции, которая состоялась 24 мая 1945 года во время боев за Окинаву. Девять Ki-21-II без вооружения, но с двенадцатью десантниками на борту предприняли попытку совершить посадку на аэродроме Иентан. Осуществить задуманное удалось лишь одному бомбардировщику.

Легкий одномоторный бомбардировщик с неубирающимся шасси Мицубиси Ki-30 в основном применялся в Китае, а также в начале Тихоокеанской войны на Филиппинах. Он строился серийно с октября 1937 по 1941 год. Всего было произведено 706 этих двухместных «легких армейских бомбардировщиков Тип 97», которые у союзников получили название «Энн».

Легкий армейский бомбардировщик Мицубиси Ki-30

В 1944 году устаревший Ki-30 использовался главным образом как самолет-камикадзе.

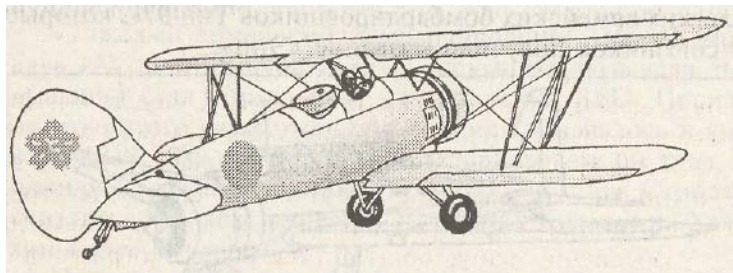
В армейской авиации также использовался для самоубийственных атак средний двухмоторный бомбардировщик Накадзима Ki-49 «Донрю», имевший экипаж восемь человек. Перед «специальной атакой» экипаж сокращался до двух человек и с самолета снималось все вооружение.

На Филиппинах и Окинаве камикадзе применяли одноместный вариант ближнего разведчика и штурмовика Мицубиси Ki-51 («Соня»), Под фюзеляжем этого самолета подвешивали 250-килограммовую бомбу.

Одноместный моноплан с неубирающимися шасси Татикава Ki-36/Ki-55 («Ида») также переоборудовался для подвески одной 250- и 500-килограммовой бомбы с целью увеличения разрушительной силы таранного удара.

На Филиппинах и особенно на Окинаве часто в самоубийственных атаках использовались разведчик Мицубиси Ki-15/C5M («Бэбс»), истребители Kawasaki Ki-61 «Хиен», Накадзима Ki-84 «Хаяте», легкий бомбардировщик Kawasaki Ki-32.

На них монтировали бомбодержатели для подвески бомб весом от 60 до 250 килограммов. На Окинаве для камикадзе стали в кустарных условиях переделывать различные учебные самолеты, такие как Манею Ki-79, и многие другие типы и марки японских машин, порою

Учебно-тренировочный самолет Татикава Ki-9. К концу войны 1750 этих и других самолетов было переоборудовано для использования в самоубийственных атаках. В задней кабине размещали 250-литровую бочку с взрывоопасным составом

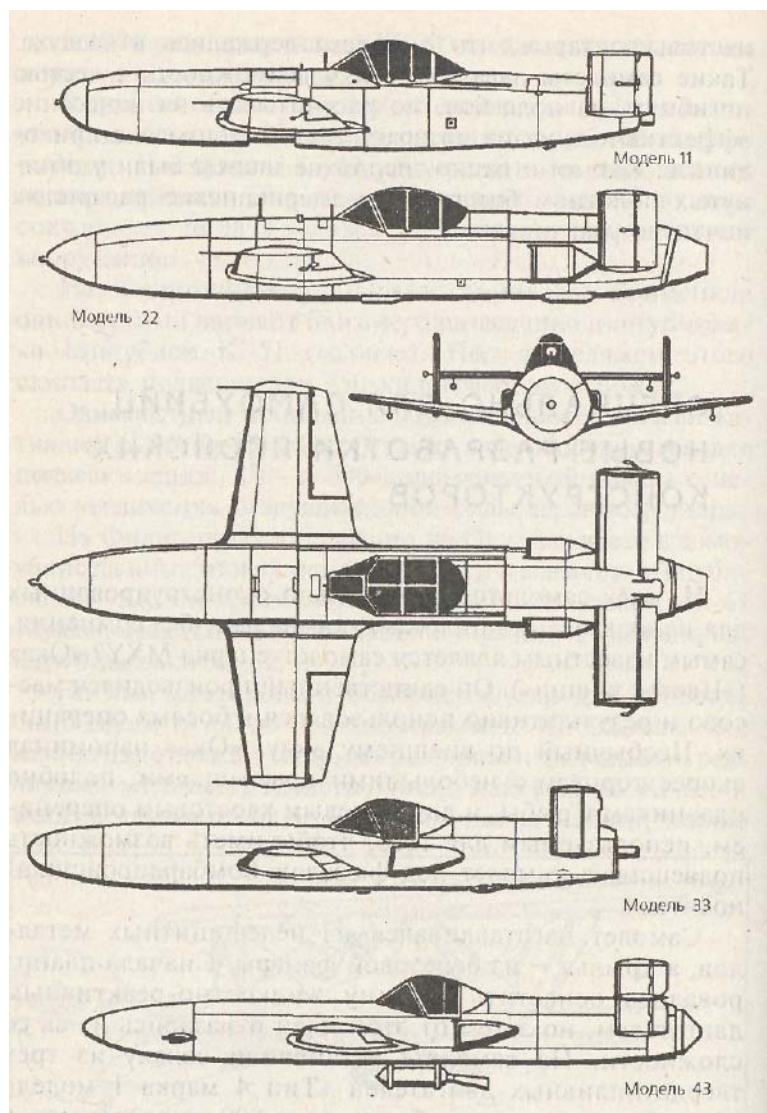
настолько старые, что они едва держались в воздухе. Такие самолеты давали летчику возможность с честью погибнуть на поле боя, но рассчитывать на нанесение эффективного удара по врагу с их помощью не приходилось. Как ни странно, неплохие шансы были у обтянутых полотном бипланов — американские радары их почти не улавливали.

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ САМОУБИЙЦ: НОВЫЕ РАЗРАБОТКИ ЯПОНСКИХ КОНСТРУКТОРОВ

Из всех самолетов, специально сконструированных для использования пилотами-камикадзе, без сомнения, самым известным является самолет-снаряд МХУ7 «Ока» («Цветок вишни»). Он единственный производился массово и результативно использовался в боевых операциях. Необычный по внешнему виду, «Ока» напоминал скорее торпеду с небольшими крылышками, подобно плавникам у рыбы, и двухкилевым хвостовым оперением, используемым для того, чтобы иметь возможность подвешивать самолет под фюзеляж бомбардировщика-носителя.

Самолет изготавливался из недефицитных металлов, а крылья — из березовой фанеры. Сначала планировалось оснастить машину жидкостно-реактивным двигателем, но затем от этой идеи отказались из-за ее сложности. На самолете установили связку из трех твердотопливных двигателей «Тип 4 марка 1 модель 20», обеспечивавших общую тягу 800 килограммов в течение 8—10 секунд. Их можно было включать одновременно или по очереди.

В носовой части машины размещалась 1200-килограммовая боевая часть. Считалось, что одного попадания

Самолет для самоубийственных атак
Йокосука МХУ7 «Ока» и его варианты

ния самолета с такой боеголовкой достаточно, чтобы гарантированно уничтожить или надолго вывести из строя корабль любого класса.

Реактивные двигатели весили 140, а сам самолет — 440 килограммов. Вес готового к выполнению задания самолета «Ока» с боевым зарядом составлял 2140 килограммов.

Он не имел шасси и был лишен возможности самостоятельно осуществить взлет. Поскольку предусматривалось лишь одноразовое его применение, то в кабине пилота был установлен минимальный комплект приборов: указатель скорости, высотомер, компас, указатель угла тангажа. Кроме того, имелась рукоятка для взведения взрывателей, электропереключатель для запуска реактивных двигателей, простой рамочный прицел и телефонная связь с самолетом-носителем.

Не вызывает никаких сомнений тот факт, что «Ока» представлял собой скорее самолет-снаряд, чем самолет именно из-за невозможности самостоятельно осуществлять взлет и горизонтальный полет. Более того, безусловно, это было примитивное оружие. И не только потому, что оно изготавливалось кустарно, на небольших субподрядных предприятиях с использованием неквалифицированной рабочей силы. Им было достаточно сложно управлять даже опытнейшим летчикам-испытателям из-за несовершенной системы управления, необходимости в течение короткого отрезка времени выдерживать заданные углы пикирования и скорость на различных этапах полета, не выпуская при этом из вида цель.

Уязвимость самолета-носителя С4М2е послужила причиной того, что после выпуска к марту 1945 года 755 самолетов «Ока» «модель 11» дальнейшее его производство было прекращено.

Вместо него была разработана «модель 22» с меньшим размахом крыла и боеголовкой в 600 килограммов. Новый вариант самолета для камикадзе должен был транспортировать более скоростной самолет-бомбардировщик Р1У1 «Гинга». Для того, чтобы сбрасывать новый самолет с более дальней дистанции, на нем установили ком-

прессионный реактивный двигатель TSU-11, являвшийся вариантом реактивного двигателя «Кампини». Всего фирма «Айти» построила 50 самолетов. Однако два испытательных полета закончились неудачно. Проект самолета «Ока» «модель 33» представлял собой увеличенный вариант «модели 22» с боевым зарядом в 800 килограммов и турбореактивным двигателем Ne-20. Предполагалось, что носителем его будет морской бомбардировщик G8N1 «Рензан». Но поскольку работы по его созданию велись медленно, то пришлось отказаться от идеи строительства самолета «Ока» «модель 33». Также пришлось прекратить строительство более крупного по габаритам самолета для самоубийственных атак «Ока» «модель 43 Ко»*, предназначавшегося для запуска с помощью катапульты с палубы подводных лодок класса I. Самолет должен был иметь складывающиеся крылья и двигатель Ne-20. Другой вариант «Ока» «модель 43 Отсу»** предназначался для защиты побережья страны в случае высадки противника на Японские острова. Самолет предполагалось запускать с помощью катапульты из пещер. Он мыслился как истребитель, и на нем планировалось установить две 30-мм пушки «Тип 5». Более того, «модель 43 Отсу» снабжалась посадочной лыжей. Таким образом, самолет, в отличие от других моделей, не предполагался для самоубийственных атак. Работавшим над проектом конструкторам морской авиационной исследовательской лаборатории и специалистам фирмы «Айти» было объявлено, что «модель 43» явится ключевым оружием в грядущих решительных сражениях за Японские острова и принесет Империи окончательную победу. Когда противник, думая, что уничтожены все японские самолеты и корабли, приступит к высадке десанта, самолеты «модель 43», упрятанные в подземных укрытиях вдоль побережья, будут одновременно запущены с катапульт, чтобы похоронить врага в морской могиле. Однако и этот проект, считавшийся приоритетным, реализовать не смогли. Единственное, что сделали — построили два экземпляра двухместного учебного варианта «Ока» «модель

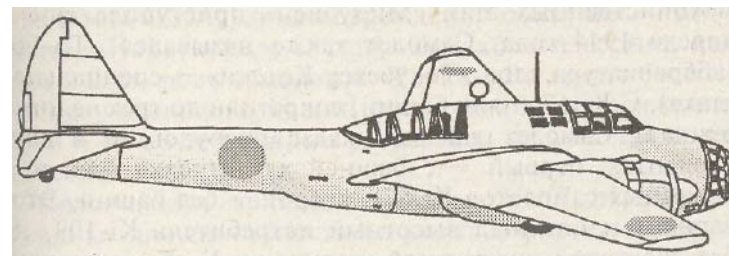
* Его обозначают также «модель 43А». —
Прим. авт. ** Его обозначают также «модель 43В». — Прим. авт.

43» К-1 Кай «Вакасакура» («Свежая вишня»). Кроме того, было построено 45 учебных самолетов «Ока» К-1. Таким образом, всего было построено 852 самолета «Ока» различных вариантов. Существовали и другие варианты («модель 11» со стальным крылом, «модель 21» — планер «модели 22» с двигателем «модели И», «модель 53» с двигателем Ne-20), однако все они так и остались на бумаге.

Бомбардировщик Kawasaki Ki-48 производился для Императорской армии с 1940 по октябрь 1944 года. Официальное его обозначение - «Двухмоторный легкий армейский бомбардировщик тип 99». Союзники называли самолет «Лили». Всего было выпущено 1977 машин. К началу войны на Тихом океане именно он был самым распространенным. Ki-48 быстро устарел и в конце войны использовался в качестве самолета-камикадзе.

На 1-м армейском воздушном арсенале в городе Таникаве приступили к установке на 12 самолетах Ki-48 800-килограммовых бомб, снабженных длинной штангой взрывателя. Штанга выступала на 2 метра прямо из передней кабины. Такой вариант самолета получил обозначение Ki-48-II Отсу Кай.

12 сентября был успешно осуществлен первый испытательный полет новой машины, модернизированной для самоубийственных атак. Выяснилось, что тяжелая бомба привела к ухудшению маневренности, снижению скорости, увеличению на 40 процентов длины разбега. Тем не менее воодушевленное успешным полетом ар-

Армейский бомбардировщик Kawasaki Ki-48-I

меиское командование расширило заказ на модернизацию еще ста Ki-48. Ими предполагалось вооружить три подразделения камикадзе.

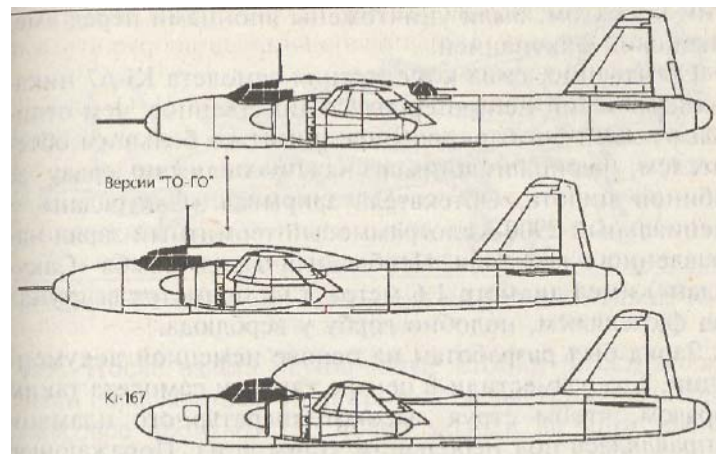
В конце октября 1944 года два Ki-48-П Отсу Кай удалось перебросить на Филиппины, а 5 ноября они вылетели на задание в составе специального подразделения «Банда-Тай» под командованием капитана Ивамото. Истребительного сопровождения не было, а оборонительное вооружение на самолетах отсутствовало.

Оба самолета-камикадзе стали легкой добычей «Хеллкетов». В вариант Ki-48-П Отсу Кай было переоборудовано всего три самолета. Работу над остальными прекратили.

Компания «Кавасаки» планировала дальнейшее развитие самолета Ki-48. Проект армейского двухмоторного штурмового самолета Ki-174 предусматривал установку 800-килограммовой бомбы. Самолет специально разрабатывался для самоубийственных таранных ударов по кораблям противника. В связи с окончанием войны проект так и не был завершен.

Средний двухмоторный бомбардировщик Мицубиси Ki-67 (союзники называли его «Пэгги») считался лучшим в Японии самолетом этого класса. Его официальное обозначение - «Тяжелый армейский бомбардировщик Тип 4 «Хирю» («Летающий дракон»). Серийно производить самолет фирма начала в апреле 1944 года. Всего было построено 698 машин. Экипаж составлял 6—8 человек.

К созданию бомбардировщика Ki-67-I-Кай для самоубийственных атак «Мицубиси» приступила еще в апреле 1944 года. Самолет также назывался «То-Го» (аббревиатура слов «Токубетсу Когеки» — специальная атака). С Ki-67 сняли башни, сократили до трех человек экипаж. Самолет для камикадзе оборудовали в двух вариантах: первый — с башней для стрелка (как и у серийных самолетов Ki-67), второй — без башни. Этот вариант напоминал высотный истребитель Ki-109, но без хвостовой пулеметной установки. У обоих вариантов в носовой части фюзеляжа была установлена двухметровая штанга взрывателя ударного действия, соеди-

Варианты «То-го» для самоубийственных атак, созданные на базе среднего армейского бомбардировщика Мицубиси Ki-67, а также самолет Ki-167

ненная или с обычными морским бомбами типа «80» по 800 килограммов, или со специальным 2900-килограммовым зарядом. Всего были переоборудованы в «То-Го» 15 бомбардировщиков Ki-67.

В начале 1945 года первая партия самолетов «То-Го» была успешно перебросена на Филиппины. Однако 9 января американская авиация уничтожила их еще на земле. Первый боевой вылет самолеты «То-Го» совершили в феврале в составе 7-го сента. Затем в середине марта они участвовали в атаке на авианосцы 5-го флота США, когда повреждения получили «Франклин», «Йорктаун» и «Уосп». Однако неизвестно, какова в этом роль самолетов «То-Го». Во время боев за Окинаву несколько машин поступили в распоряжение 62-го и 98-го сентаев, но результаты их атак также не известны.

Помимо двух вариантов самолетов Ki-67, переоборудованных для самоубийственных атак, фирмы «Кавасаки» и «Татикава» разработали еще один самолет, носивший обозначение Ki-167. Данные о нем скудны и противоречивы, так как все документы, связанные с

этим проектом, были уничтожены японцами перед американской оккупацией.

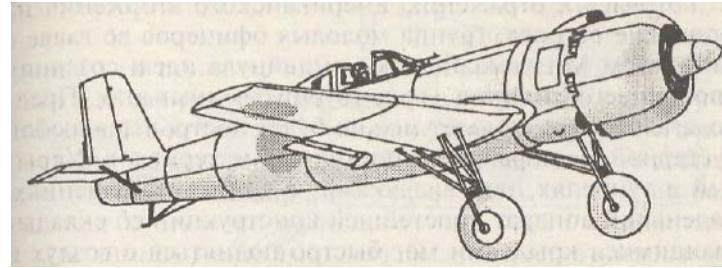
Собственно, сама конструкция самолета Ki-67 никаких изменений не претерпела. Единственное, чем отличался новый бомбардировщик — так это большим обтекателем, располагавшимся над фюзеляжем сразу за кабиной пилота. Обтекатель закрывал «Сакурадан» — специальный 2900-килограммовый термитный заряд направленного действия. Необычный заряд (бомба «Сакурадан») имел диаметр 1,6 метра и на полметра выступал над фюзеляжем, подобно горбу у верблюда.

Заряд был разработан на основе немецкой документации. Его разместили в центре тяжести самолета таким образом, чтобы струя высокотемпературного пламени направлялась под небольшим углом вниз. Поражающее действие заряда было очень сильным: танк можно было уничтожить на расстоянии 300 метров.

В начале февраля 1945 года Ki-167 стали поступать в подразделения камикадзе, но первое их боевое применение состоялось лишь 17 апреля. Три самолета камикадзе, один из которых нес бомбу «Сакурадан», отправились в район Окинавы для нанесения удара по американским авианосцам. Командир бомбардировщика сообщил, что обнаружил корабль и приступает к атаке. Внезапно с других самолетов заметили, что из бомбардировщика вырывается пламя. Он резко ушел вверх в облака, и больше его не видели. Вероятно, бомба «Сакурадан» оказалась повреждена, что и послужило причиной гибели самолета.

27 мая японцы вновь пытались использовать Ki-167 в бою. Все машины погибли, и результат их атак неизвестен.

В начале 1945 года армейское командование приняло решение создать специальный одноместный штурмовой самолет для камикадзе, и 20 января 1945 года поручило фирме «Накадзима» его разработку. Предполагалось, что самолет, получивший название «Цуруги», будет максимально простым в производстве, обслуживании и управлении, что в качестве силовой установки на нем можно будет использовать любые моторы, имеющиеся в нали-

Специальный штурмовой самолет для камикадзе Накадзима Ki-115 «Цуруги»

ции. После взлета неубираемые стойки шасси должны были сбрасываться. Планировалось быстро организовать массовое производство новой модели на многочисленных мелких предприятиях.

Уже в марте в воздух поднялся первый самолет. Результаты испытаний оказались неудовлетворительными. Доводка самолета продолжалась до середины июня, после чего поступил заказ на строительство 104 машин. Предполагалось установить под крыльями два твердотопливных ракетных ускорителя для резкого увеличения скорости на последнем этапе пикирования.

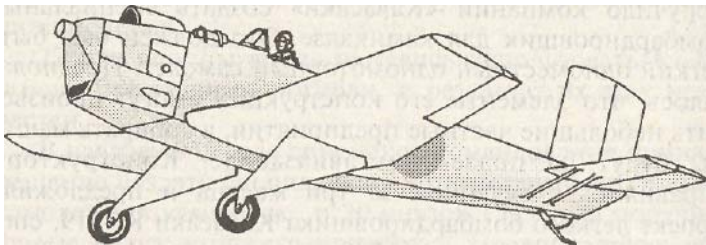
Накадзима работала над дальнейшим развитием самолета — вариантами Ki-115 Оцу и Ki-230. Заказанное количество Ki-115 Ко было построено, но в боевых действиях участия они так и не приняли.

В начале января 1945 года армейское командование поручило компании «Кавасаки» создать специальный бомбардировщик для камикадзе. Это должен был быть легкий одноместный одномоторный самолет. Предполагалось, что элементы его конструкции смогут производить небольшие частные предприятия, а собирать машины будут на подземном авиазаводе. Конструкторы справились с заданием за три месяца и предложили проект легкого бомбардировщика Кавасаки Ki-119, способного доставлять одну 800-килограммовую бомбу на внешней подвеске к фюзеляжу. Вследствие налета авиации противника на завод в Камигахару в июне 1945 года все чертежи самолета оказались уничтоженными, и проект так и не был реализован.

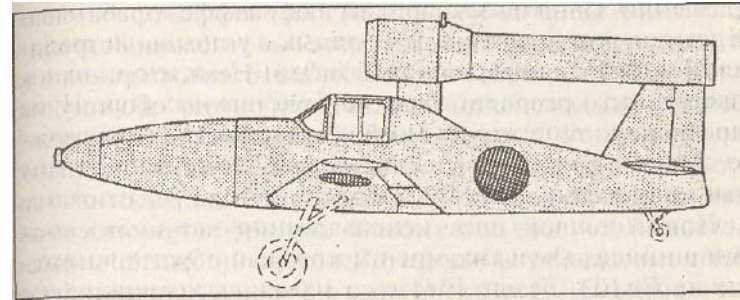
Готовясь к отражению американского вторжения на Японские острова, группа молодых офицеров во главе с капитаном Мизуяма Яшоки выдвинула идею создания простейшего самолета для самоубийственных атак. Предполагалось, что самолет можно будет построить в любой кустарной мастерской из доступных материалов. Укрытый в туннелях, под виадуками, в любых помещениях, маленький аппарат простейшей конструкции со складывающимися крыльями мог быстро подняться в воздух и спикировать на цель вместе со 100-килограммовой бомбой, подвешенной под фюзеляжем.

Летом 1945 года Мизуяма предложил построить такой самолет, получивший название «Та-Го», фирме «Кокусай» в Окубо около Киото. Проектирование самолета осуществлялось без всякого учета аэродинамики и было завершено быстро. Деревянно-металлическая конструкция обтянутого полотном самолета с открытой кабиной и маломощным мотором Хитаси На-47 была упрощена до предела. Первый и единственный прототип самолета-камикадзе был построен и облетан 25 июля. Выявились множество проблем, которые необходимо было решать с тем, чтобы самолет мог выполнять простейшие полеты.

Однако во время налета американской авиации цех, где находился самолет, был разрушен. После капитуляции американцы нашли на заводе еще один подобный самолет. Неясно, был ли это «Та-Го» или другой самолет Ki-128, который построила фирма «Татикава».

Простейший самолет для самоубийственных атак
Кокусай «Та-Го»

Специальный штурмовой самолет Каваниси «Байка»

В начале августа 1945 года компания «Каваниси» получила задание на разработку «Опытного морского специального штурмового самолета «Байка» («Цвет сливы») с пульсирующим воздушно-реактивным двигателем Мару Ка-10. Предполагалось, что это будет самолет для специальных атак, поэтому шасси сбрасывались после взлета. Самолет также планировалось запускать с помощью катапульты. В носовой части фюзеляжа должен был размещаться 250-килограммовый боевой заряд. Конструкторы отказались от бронирования жизненно важных узлов и кабины пилота и в то же время особое внимание уделили обеспечению хорошего обзора для летчика во время пикирования. До конца сентября 1945 года планировалось создать прототип, а в декабре развернуть массовое производство этого самолета для самоубийственных атак.

Здесь следует остановиться на немецких попытках создать оружие для самоубийственных атак. Японские конструкторы при работе над «Байка» во многом использовали опыт создания немцами летающей бомбы Физилер Fi-103R «Райхенберг». В Германии к концу 1943 года стали серьезно задумываться над использованием пилотируемых самолетов-снарядов для атак важных целей, даже если они приведут к смерти летчиков. К марту 1944 года положение на фронтах стало настолько критическим, что Гитлер санкционировал проведение необходимых исследовательских работ в этом на-

правлении. Одна из эскадрилий люфтваффе отрабатывала технику пикирования под большим углом на истребителе Fw-190 с подвешенной бомбой. Немцы пришли к выводу, что преодолеть противовоздушную оборону на перегруженном тяжелой бомбой истребителе невозможно. Мысль создать специально для самоубийственных атак новый самолет Me-328 также не была реализована.

Новый толчок идее использования летчиков-самоубийц придал Отто Скорцени*, который обратил внимание на Fi-103. Летом 1944 года начались испытания по запуску Fi-103R с бомбардировщика He 111, во время которых два летчика-испытателя погибли.

Энтузиастов по применению нового оружия в самоубийственных атаках было немало. Гиммлер предлагал таранить ими армады англо-американских бомбардировщиков. Летчица-испытатель Ханна Рейч считала, что летающая бомба Fi-103R-IV будет эффективным оружием против десантных кораблей противника в Нормандии. Скорцени мечтал нанести с их помощью удар по индустриальным центрам Урала и организовал работу по подбору 250 летчиков-смертников. Среди немецких пилотов было много фанатичных членов нацистской партии, которые во что бы то ни стало мечтали сорвать высадку союзников, остановить победное наступление Советской армии. Клич был брошен, и добровольцы нашлись. Компания DFS переоборудовала в пилотируемый вариант 175 самолетов Fi-103, однако ко времени, когда союзники уже высадились на побережье Франции, а второй фронт стал явью, идея использовать летчиков-самоубийц для нанесения ударов по железнодорожным станциям и мостам не нашла у них отклика. У летчиков уже не было желания жертвовать своими жизнями ради достижения мелких тактических задач.

Объективности ради следует подчеркнуть, что у пилотов Fi-103R-IV был призрачный шанс покинуть ма-

шину с парашютом после наведения ее на цель. Фонарь кабины был сконструирован таким образом, что откидывался пилотом в правую сторону на 45 градусов, после чего сбрасывался. Однако сама возможность покинуть кабину при скорости 700 км/час была неосуществима — мощный воздушный поток не позволил бы это сделать. Пилот по этой причине не мог даже откинуть фонарь. К тому же сразу за кабиной возвышалось сопло пульсирующего воздушно-реактивного двигателя «Аргус» диаметром 40 сантиметров, которое сводило на «нет» все шансы пилота выбраться живым из машины.

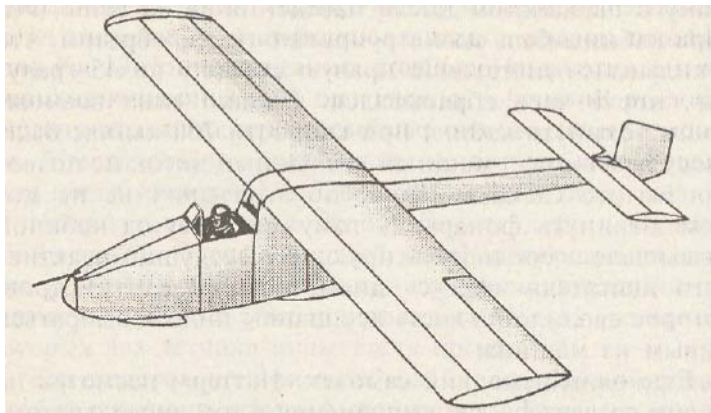
Еще один немецкий самолет «Наттер», несмотря на то, что создавался для выполнения в том числе и таранных ударов по вражеским бомбардировщикам, никогда не считался самоубийственным оружием: его кабина вместе с летчиком отделялась от самолета.

Японцы ничего не знали о немецких попытках разработать самоубийственное оружие. Но доставка из Германии на подводной лодке ракетного двигателя подтолкнула их к мысли создать самолет-снаряд «Байка», предназначенный для летчиков-самоубийц.

Японские конструкторы работали над созданием не только специальных самолетов для самоубийственных атак, но и пытались приспособить для этих целей планеры.

Сведения о специальном планере для самоубийственных атак достаточно скудны и противоречивы. Концепция такого оружия появилась вскоре после начала бомбардировок Японии самолетами В-29. Предполагалось, что планеры будут находиться в туннелях и взлетать при помощи ракетных двигателей, имея 100 килограммов взрывчатки. В случае высадки американцев на Японские острова они должны были использоваться для таранных ударов по кораблям и танкам противника. В 1-м морском арсенале в Йокосуке был образован конструкторский коллектив под руководством Сакакибара Сигеки. Планер получил название «Морской специальный штурмовой планер «Синрю» («Божественный дракон»). Его проектирование развернулось в мае 1945 года. Конструк-

* Скорцени Отто (1908-1975) - один из создателей войск специального назначения Третьего рейха; разрабатывал военные и диверсионные операции и руководил ими, принимал участие в проектировании засекреченного оружия. - *Прим. ред.*

Специальный штурмовой планер Йокосука «Синрю»

торы сразу же столкнулись с концептуальной проблемой: как создать простую конструкцию, обладающую высокими пилотажными качествами? Был необходим аппарат, пригодный для быстрого освоения большим числом добровольцев.

В середине июля 1945 года был построен первый прототип планера. К полетам на нем приступил летчик-испытатель Нарабаяси Тосиити. Выяснилось, что планер не устойчив в полете. Поэтому пришлось установить двухкилевое хвостовое оперение. Тем не менее летчик-испытатель пришел к выводу, что полеты на планере трудны и вряд ли его можно использовать для самоубийственных атак. Предполагалось, что оснащенный шестью ракетными двигателями, работающими 30 секунд, планер будет способен развить скорость в 750 км/час — достаточную для таранных ударов по вражеским кораблям и танкам. Однако ракетные двигатели не были совершенны. Капитуляция Японии положила конец работам над этим утопическим проектом.

Существовал еще более сложный проект планера «Синрю-2». Он представлял собой среднеплан типа «утка» с треугольными крыльями. Взлет со сбрасываемой тележки должны были обеспечить два ракетных

двигателя, и полет — два других таких же двигателя. Планер предполагалось вооружить 6-8 ракетами. Понятно, что для осуществления подобного сложного проекта Япония в то время не имела никаких возможностей, и его можно рассматривать лишь как чистейшее прожектерство.

ГЛАВА IX

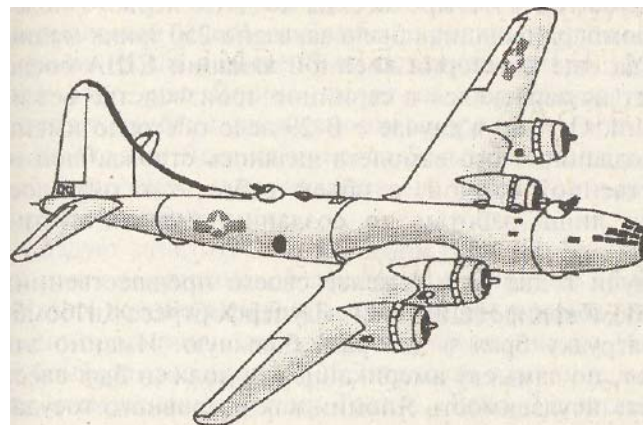
СМЕРТЬ В НЕБЕ И СМЕРТЬ С НЕБА

ДУХ ЯМАТО ПРОТИВ АМЕРИКАНСКОГО СВЕРХОРУЖИЯ

26 апреля 1944 года шестерка японских истребителей, осуществлявшая патрулирование в небе Китая к северу от Гималайских гор, заметила следующий на большой высоте гигантский самолет с опознавательными знаками ВВС США. Никогда прежде японские пилоты не встречались с подобной машиной. Серебристый фюзеляж, четыре мощных мотора, высокий киль — все это отдаленно напоминало В-17. Но размеры! По своим габаритам незнакомец значительно превосходил «Летающую крепость».

Японские истребители с трудом поднялись на высоту полета американского бомбардировщика, окружили его и принялись атаковать со всех сторон. Самолет почему-то огня не открывал. Однако во время очередной атаки неосторожно приблизившийся японский истребитель внезапно получил очередь из хвостового пулемета и рухнул вниз, оставляя за собой шлейф дыма. Увидев это, остальные японские истребители оставили бесполезные попытки сбить чудовищный самолет.

Так японские пилоты впервые познакомились с В-29. О том, что в США ведутся работы над проектом транс-континентального самолета, специально создаваемого для бомбардировок Японии, Императорский генеральный штаб узнал еще летом 1943 года. А осенью японским экспедиционным войскам в Китае был отдан приказ разгромить основные силы гоминьдановской армии и установить взаимодействие между группировками в Китае и Индокитае, после чего захватить американские

Американский бомбардировщик Боинг В-29 «Суперфортресс», на долю которого приходится 96% тоннажа бомб, сброшенных

на Японию

аэродромы в Квейлине и Лючжоу с тем, чтобы предотвратить бомбардировки с них Японии.

Организация мощного воздушного наступления на Японию, подобного наступлению на Германию, была задачей не только военного, но и политического руководства США. Президент Рузвельт держал работу по созданию бомбардировщика под личным контролем и, несмотря на занятость, даже посетил сборочную линию на заводе в Сиэтле.

Разработка самолета началась еще в 1939 году, когда генерал Генри Арнольд поставил задачу перед специальной командой проектировщиков разработать спецификацию бомбардировщика с дальностью полета 8600 километров, высокой скоростью и большой бомбовой нагрузкой. Он предназначался для уничтожения авианосных соединений противника на расстоянии двух дней пути до того места, откуда их палубная авиация могла нанести удар по городам США.

Ключевым элементом конструкции В-29 явилось новое крыло, способное выдерживать нагрузку в два раза большую, чем крыло В-17. Важны были и другие новые технические подходы — герметичная кабина, трехколесные шасси и т. д.

Еще за год и четыре месяца до даты первого полета супербомбардировщика было заказано 250 таких машин. Никогда еще в истории военной авиации США боевой самолет не запускался в серийное производство без испытаний. Однако в случае с В-29 дело обстояло именно так. Создание этого самолета являлось строжайшей государственной тайной, а объем работ, как оказалось, уступал лишь работам по созданию первой атомной бомбы.

Будучи в два раза тяжелее своего предшественника В-17, бомбардировщик В-29 «Суперфортресс» и бомбовую нагрузку брал в два раза большую. Именно этот самолет, по замыслу американцев, и должен был свести на «нет» неуязвимость Японии как островного государства.

А между тем с В-29 не все шло гладко. Забастовки на моторостроительном заводе дополнялись множеством технических проблем, ждавших своего разрешения. Запущенный в производство без всесторонних летных испытаний, самолет не был доведен. Моторы перегревались. Электрическая система управления огнем оказалась ненадежной и часто отказывала. Серьезно осложнила работу катастрофа прототипа самолета 18 февраля 1943 года, повлекшая за собой гибель экипажа, девятнадцати рабочих консервного завода, на крышу которого упала машина, и пяти пожарных.

Первое боевое применение В-29 было неутешительным. Почти сотня бомбардировщиков, взлетев с индийских баз, нанесла удар по железнодорожному узлу близ Бангкока. Фактически бомбы сбросили 77 самолетов. В цель попало всего 18 бомб. Потери составили пять машин, погибли 17 членов экипажа.

Первый рейд на Японию американцы совершили 13 июня 1944 года. Семьдесят пять В-29 из восточного Китая подвергли бомбардировке сталелитейный завод в Явата на острове Кюсю, где производилась четверть всей японской стали. Удар наносился ночью с использованием оптических прицелов. Бомбардировщики возвратились целыми и невредимыми, но и завод не пострадал. Лишь одна из бомб поразила подстанцию приблизительно-

но в километре от точки прицеливания. Таким образом, материальный ущерб от бомбардировки оказался почти нулевым. Куда важнее был психологический фактор: стало ясно, что Япония стоит на пороге воздушного наступления. Миллионы японцев хорошо помнили обещание Тодзио: Япония никогда больше не подвергнется бомбардировкам, американцев не пустят за периметр обороны империи.

Следует заметить, что на самом деле это был не первый налет американской авиации на Японию. 18 апреля 1942 года военно-воздушные силы США провели смелую военно-пропагандистскую акцию. Формация из 16 средних бомбардировщиков В-25, стартовав с авианосца «Хорнет», совершила налет на Токио. «Рейд Дулиттла» (так называли американцы эту операцию по имени ее руководителя подполковника Д. Дулиттла) с военной точки зрения был бесполезен. В то же время моральная встряска для японского населения, пораженного победной эйфорией, оказалась значительной. Неслыханное дело: священную землю Ямато, на которую никогда не ступала нога завоевателя, осквернили эти проклятые американцы! При этом по американским самолетам не выстрелило ни одно зенитное орудие! Газеты захлебывались от ярости. Адмирал Ямамото торжественно обещал впредь пресекать подобные досадные случайности и жестоко покарать Америку. Всю жизнь Ямамото вспоминал неприятный случай, произошедший во время русско-японской войны, когда он был еще молодым офицером. Однажды у входа в Токийский залив неожиданно появились русские корабли. Поднялась невообразимая паника. Жители столицы бросились спасаться в горы. Корабли ушли, не причинив вреда, а токийцы дали волю чувствам. Они забросали камнями дом командующего 2-м флотом вице-адмирала Камимура, который был обязан не допускать подобных случаев.

Главкомандующий Объединенным флотом остро ощущал свою ответственность за безопасность родных берегов. Внезапно напав на Пёрл-Харбор, он боялся, что враги будут следовать его примеру. Как истинный японец, он считал, что вооруженные силы должны исклю-

чить любую возможность нанесения воздушных ударов по Токио — месту пребывания императора.

Но и «рейд Дулиттла» не был первым. В ночь на 20 мая 1938 года с одного из китайских аэродромов около Ханькоу стартовали шесть бомбардировщиков СБ, укомплектованных смешанными советско-китайскими экипажами. Благополучно преодолев почти 4 тысячи километров, самолеты пролетели над городами Сасебо, Нагасаки и Фукуока и произвели «идеологическую бомбардировку» — сбросив миллион листовок антивоенного содержания с обращением к японскому народу, в котором говорилось, что дальнейшая эскалация войны может превратить листовки в бомбы.

Возвращаясь после бомбежки завода в Явато, один из В-29 совершил вынужденную посадку вблизи линии фронта в Китае. Японцы перехватили переданное открытым текстом радиосообщение командира экипажа с указанием места приземления и смогли уничтожить самолет на земле. 3 июля японские газеты опубликовали снимок горящего В-29 как доказательство того, что доблестные защитники неба империи всегда на чеку и не позволят ненавистным американцам бомбить Японию.

А в это время США развернули мощное наступление на Марианские острова. Сайпан, Тиниан и Гуам преподносились японским обывателям как «непотопляемые авианосцы», призванные помочь Императорскому флоту удержать самые южные рубежи империи. Однако оказалось, что яростное морское сражение у Марианских островов японцы проиграли начисто. Три авианосца пошли ко дну, империя потеряла 426 самолетов, а вместе с ними — опытных пилотов. Остатки авианосного флота влачили жалкое существование.

Это было ужасно. Оставалось или скрыть все это от народа, или представить в более выгодном для себя свете. Но как быть с Сайпаном? К сражениям на острове в течение многих дней было приковано внимание всей Японии. Японцы, затаив дыхание, изо дня в день следили за событиями на далеком острове. Теперь он перешел в руки американцев. Кабинет Тодзио замалчивал печальную участь Сайпана до 17 июля. Тянуть дальше было

бессмысленно, и население страны впервые за время Тихоокеанской войны услышало правду*.

Кабинет Тодзио пал. Японию охватило отчаяние. Тогда мало кто подозревал, что потеря Сайпана обернется для японцев не только горечью поражения, но и оплакиванием погибших. Острову вскоре суждено было стать основной базой, с которой авиация США стала наносить по Японии воздушные удары.

20 августа В-29 58-го бомбардировочного авиакрыла подвергли повторной бомбардировке завод в Явато — на этот раз днем. Американцам опять не повезло: сержант Нобе Сигео из 4-го сентая таранил один из бомбардировщиков 794-й эскадрильи. Взрыв двух самолетов смертельно повредил также В-29 капитана Стауффера. Третий В-29 сбили зенитчики: Экипаж попал в плен, а самолет установили в Токио для всеобщего обозрения. «Би-нидзуку» долгое время собирал огромные толпы японцев, которые не могли не оценить по достоинству грозную боевую машину, наводившую на всех страх**. Правительство скромно заявило, что это один из сотни сбитых самолетов. Армейское командование, не мудрствуя лукаво, объявило об уничтожении 23 бомбардировщиков В-29, продолжив практику преувеличений, так хорошо отлаженную командованием флота. Были названы фамилии трех храбрых пилотов, таранивших «Би-саны». Двоим из них, вероятнее всего, не удалось осуществить задуманное: они были сбиты огнем бомбардировщиков. Тем не менее факт остается фактом: летчики стали применять тактику тай-атари - тактику таранных ударов. Подвиг Нобе, сумевшего сбить одним ударом сразу два гигантских самолета, был описан во всех газетах. Его посмертно повысили в чине на два звания. Японская пропагандистская машина без устали прославляла храбреца, идеализируя «телоразрушающий дух на домашнем фронте».

* Разгром императорского флота у Мидуэя 4 июня 1942 года сохранялся в тайне от японского народа до 1951 года, когда в Японии вышла книга Футиды М. и Окумии М. «Сражение у атолла Мидуэй». — *Прим. авт.*

** Часто бомбардировщик также называли «Би-сан»: «Би» — обозначение бомбардировщиков в ВВС США и «сан» - японская частица, подчеркивающая уважительное отношение. - *Прим. авт.*

В октябре сержант Нонака таранил гигантский В-29 своим до предела облегченным в весе истребителем Ki-45. Посмертно летчик был повышен в звании на два ранга.

В полдень 1 ноября 1944 года высоко в небе над Токио был замечен американский бомбардировщик. Это был разведывательный вариант В-29, пилотируемый экипажем капитана Ральфа Стикли. Впервые после «рейда Дулиттла» над столицей кружился американский самолет. На его перехват немедленно были посланы японские истребители. Однако капитан Симидзу Сукао и другие пилоты 47-го отдельного чутая* смогли подняться лишь на высоту 7 километров, в то время как американец безнаказанно фотографировал различные объекты с высоты 10 километров.

Газеты сразу же прокомментировали полет В-29 и обратили внимание читателей на «возможность будущих акций вражеских воздушных сил», которые, вероятно, будут предприниматься с авиабазы на Марианских островах, где американцы спешно расширяют взлетно-посадочные полосы для приема тяжелых бомбардировщиков. 3 ноября, выступая по случаю годовщины со дня рождения императора Мейдзи, император Хирохито заявил, что по воздушным базам на Сайпане и Тиниане были нанесены «ошеломляющие удары». Всего бомбардировкам, полностью выведшим их из строя, подверглись пятнадцать различных аэродромов.

21 ноября в воздушном бою погиб лейтенант Сакамото Микихико. Он врезался на своем истребителе в «сверхкрепость» над городом Сасебо и отдал жизнь, чтобы уничтожить ненавистного врага.

В конце 1944 года никто в Японии не сомневался в том, что массированные бомбардировки страны не за горами. Хотя в каждом налете участвовало пока еще не более сотни американских самолетов, эти воздушные рейды вызывали большое беспокойство. Поэтому в срочном порядке из тринадцати самых больших городов были эвакуированы 400 тысяч детей. В Токио сносили целые кварталы, создавая открытые пространства, препятствующие распространению огня.

* Чутан - эскадрилья самолетов армейской авиации. - *Прим. авт.*

За противовоздушную оборону индустриального района Канто к западу от Токио был ответственен генерал-майор Уосита Киуаро, командир 10-й авиационной дивизии. Генерал приходил в неистовство каждый раз, когда на недостижимой высоте появлялись американские бомбардировщики. У него не было средств, при помощи которых он мог бы сражаться с наглым врагом.

24 ноября формация из 94 «Суперфортрессов» появилась в районе Токио. На перехват вылетел 47-й сентай. К этому времени японские истребители Ki-44 были максимально облегчены. С них сняли все оборудование, без которого летчики могли обойтись, с тем, чтобы они были в состоянии достать американские бомбардировщики. Впервые японские летчики добились ощутимого успеха: пять В-29 было сбито и девять повреждено. Одна машина попала в спутную струю и резко потеряла высоту. Следовавший по пятам за формацией капрал Мита Юсинова не раздумывая направил свой истребитель на вражеский бомбардировщик. Огненный шар взрыва - и на землю падают обломки самолетов. Пожертвовав своей жизнью, отважный капрал, мягкий и спокойный по натуре, уничтожил тяжелую машину с одиннадцатью членами экипажа. Свидетелей воздушного тарана было много. Генерал Уосита понял, что подобный прием воздушного боя поможет повысить эффективность противовоздушной обороны. До этого дня японское командование к тарану относилось настороженно. Примеры Нобе и Мита показали, однако, что пожертвовав жизнью всего одного пилота и самолетом, можно нанести американцам серьезный урон. В-29 являл собой заманчивую цель, предоставляя прекрасную возможность с успехом применить самурайский принцип «одна смерть за десять вражеских».

Ради исторической правды следует отметить тот факт, что таранный удар в воздухе как прием воздушного боя родился в России. Еще в 1914 году штабс-капитан П. Н. Нестеров таранил немецкий «Альбатрос» и сбил его. Есть данные о том, что дважды — 18 июня над Мадридом, а 21 июля над Гвадалахарой - таранил врага советский летчик-доброволец И. Е. Федоров. В ночь на

25 октября 1937 года в Испании лейтенант Е. Н. Степанов уничтожил тараном бомбардировщик «Савойя-Марцетти-81». Вероятно, это был первый в мире ночной воздушный таран*.

В следующем 1938 году тараны в Испании совершили еще три советских летчика. В это же время в Китае таранили японские самолеты летчики В. Е. Шарай и А. А. Губенко. 31 мая 1938 года капитан Антон Губенко в бою над городом Ханькоу израсходовал патроны и винтом своего самолета И-16 рубанул по элерону левого крыла японского истребителя Мицубиси А5М2 («Палубный истребитель Тип 96») и благополучно приземлился. За этот подвиг отважный летчик был награжден Золотым орденом Китайской республики. Что касается японского самолета, то пилот Касимура смог посадить искалеченную машину на своем аэродроме, несмотря на то, что треть левой консоли была обрублена. Унтер-офицера Касимура объявили героем, который великолепным пилотированием спас самолет, протараненный «падающим истребителем». В Японии воздушный бой Губенко был изучен во всех деталях.

Через год во время боев на Халхин-Голе таран впервые применил японский летчик. 22 июня 1939 года истребитель младшего лейтенанта Саито Сего был взят в «клещи» шестеркой И-16. Попав в безвыходное положение, японский летчик резким ударом крыла срубил часть хвостового оперения советского истребителя. Строй рассыпался, и Саито ушел от преследования. Через месяц 21 июля он пытался таранить еще один И-16. В японской армейской авиации Саито Сего, лучший ас 24-го сентая, получил прозвище «короля таранов».

Советские летчики на Халхин-Голе неоднократно сознательно применяли воздушный таран. По крайней мере четверо из них уничтожили вражеские самолеты, пользуясь этим приемом. Например, 20 июня 1939 года во время ожесточенного воздушного боя лейтенант В. Ф. Скобарихин увидел, что на самолет товарища напали два японских истребителя. Времени на раздумья

не оставалось, и отважный летчик пошел в лобовую атаку. Японец не выдержал и в самый последний момент попытался взмыть вверх. Винт И-16 вспорол японский истребитель, который взорвался в воздухе. Скобарихин с трудом сумел посадить свой самолет.

Подлинно массовым явлением воздушный таран стал во время Великой Отечественной войны. По утверждению генерал-майора авиации А. Д. Зайцева, в 1941 — 1945 годах летчиками советских ВВС было совершено 636 воздушных таранов. При этом вражеская авиация лишилась более 1500 лиц летного состава*.

Следует особо подчеркнуть тот факт, что в люфтваффе не нашлось ни одного летчика, который в критическую минуту сознательно пошел бы на воздушный таран, даже в небе Берлина.

Наоборот, в армейской и морской авиации Страны восходящего солнца таран применялся довольно часто. Так, например, 4 июля 1942 года во время воздушного боя «Зеро» лейтенанта Сумицу был подбит. Японский летчик сумел направить машину на американский бомбардировщик и таранным ударом уничтожить его. 26 октября 1942 года во время сражения у острова Санта-Круз энсин Омори Сигетака, увидев, что американский пикирующий бомбардировщик собирается атаковать авианосец «Сеаку», не раздумывая, таранил и уничтожил его.

23 января 1943 года энсин Китахата Сабуро, взлетев с авиабазы на острове Трук и набрав высоту, увидел под собой тройку летевших в плотном строю В-24. Он круто спикировал и погиб, уничтожив один из «Либерейторов».

8 мая 1943 года сержант Ода вылетел со своей эскадрильей с аэродрома на Новой Гвинее для прикрытия конвоя судов. Высоко в небе был замечен самолет-разведчик В-17. Несколько раз Ода пытался атаковать его, но безуспешно. Легкий Ki-43 не мог поддерживать высоту полета В-17. И тогда Ода направил свой истребитель в американский самолет. При столкновении у В-17

* См. Зайцев А. Д. Хроника воздушных таранов. «Военно-исторический журнал», 1989, №5, с. 24-30.

оторвалось крыло, и две машины упали, объятые пламенем.

7 июня 1943 года младший лейтенант Эндо Масуаки, будучи окружен истребителями Р-39 «Эйробра», таранил один из них, погибнув при этом сам и уничтожив американский самолет.

8 октября 1943 года армейский пилот Анабуки Сато-си таранил в Бирме В-24. Уничтожив американский бомбардировщик, Анабуки успешно совершил вынужденную посадку.

Мы гордимся Героем Советского Союза лейтенантом Б. И. Ковзаном, мастером таранных ударов. Четыре раза он бросал свой истребитель на вражеские машины, уничтожая противника, казалось бы, в безвыходных ситуациях.

Столько же таранов на счету японца младшего лейтенанта Кавато Масадзиро. В 18 лет он совершил свой первый таран, сбив В-25 над Рабаулом. Расстреляв в горячке боя весь боезапас, он снизу направил свой «Зеро» в американский бомбардировщик, сумев спастись на парашюте. 11 ноября 1943 года, вылетев на перехват американских бомбардировщиков, он совершил второй таран, но сам при этом получил ранение. 17 декабря Кавато атаковал истребитель Р-39 «Эйробра». В результате его лобовой атаки самолеты взорвались, а японский пилот снова спасся, воспользовавшись парашютом. Кавато долго вынашивал мысль о таране В-24. Наконец, 6 февраля над Рабаулом ему удалось осуществить задуманное. Он нанес таранный удар по хвостовому оперению бомбардировщика, уничтожив его, а сам благополучно спасся на парашюте. 9 марта 1945 года, тяжело раненный, он попал в плен к австралийцам, а после войны вернулся в Японию.

В течение всего августа 1944 года ночная истребительная эскадрилья лейтенанта Минобе Тадаси, вооруженная двухместными самолетами «Гекко» («Ирвинг»), безуспешно пыталась сбить хотя бы один В-24. Американские «Либереиторы» с завидным постоянством почти каждую ночь подвергали бомбардировкам крупный морской порт Давао на острове Минданао (Южные Филип-

пины). Но удача отвернулась от эскадрильи. Неопытные пилоты стыдились своих неудач в противоборстве с четырехмоторными гигантами. Счет победам открыли 5 сентября уоррант-офицер Накагава Йосимаса и его стрелок старший уоррант-офицер Осуми Исаму. Вылетев на перехват сразу же после полуночи и поймав цель, они обнаружили, что пушку заклинило. А между тем В-24, отбомбившись, спокойно уходил.

- Я собираюсь таранить его! — сообщил Накагава, направив истребитель на самолет противника.

— Давай! - сразу же поддержал его Осуми. Винт истребителя вспорол фюзеляж бомбардировщика, который тут же потерял управление и начал падать. Однако истребитель слушался рулей и продолжал лететь. Осколок стекла разбитой кабины ранил глаз Накагавы, но летчик сумел благополучно посадить машину.

Летом 1944 года лейтенант Канно Наоси охотился за «Либереиторами», базируясь со своим сентаем на островах Яп. К этому времени он был искусным летчиком, одержавшим немало побед. Но с В-24 ему не везло: сбить огромный самолет - не такая простая задача. Канно понимал, что лобовой таран неминуемо закончится гибелью и самолета, и летчика. Поэтому он решил уничтожить бомбардировщик, срубив пропеллером один из двухкилевых рулей управления. Самый простой вариант — приблизиться к рулям сзади — отпадал: у истребителя было мало шансов уцелеть при мощном и концентрированном пулеметном огне. Опытный Канно пришел к выводу, что единственная возможность таранить В-24 и уцелеть при этом самому — это все же атака на встречных курсах. Трудность такого маневра заключалась в том, чтобы суметь проскочить под вражеским бомбардировщиком, не попасть под винты его моторов и ухитриться срезать руль.

Первые две попытки успехом не увенчались. Однако Канно теперь хорошо представлял себе «мертвые» зоны вокруг вражеского бомбардировщика. Предприняв третью попытку, японский пилот зашел спереди-снизу и на большой скорости врезался в хвостовое оперение В-24. Придя в себя после удара, он обнаружил, что истреби-

тель вошел в штопор. В-24 упал в море, а Канно удалось перевести свой самолет в горизонтальный полет и благополучно посадить искореженную машину на аэродроме.

В конце августа Канно был переведен на Филиппины. Мужественный летчик с огромным опытом настойчиво просился в первую сформированную группу камикадзе. «Я хотел бы быть первым камикадзе!» — настойчиво убеждал он своих командиров. Даже на персональной сумке написал «Личные вещи будущего старшего лейтенанта Канно Наоси», зная, что получит посмертное повышение в звании после финального полета.

Однако летчики его способностей и опыта в японском флоте были к этому времени настолько редки, что все попытки Канно попасть в отряд смертников оказались безуспешными. Он нужен был как летчик сопровождения и как перехватчик. Канно погиб в июне 1945 года во время сражения за Окинаву.

К концу ноября 1944 года генерал Уосита пришел к выводу, что применение таранных атак в создавшейся ситуации является единственным выходом. Он приступил к созданию в своей 10-й авиационной дивизии нескольких групп летчиков, единственная задача которых состояла в применении самоубийственных таранных ударов по вражеским бомбардировщикам. Тактика таких групп не отличалась сложностью. Они вылетали на перехват В-29 вместе с самолетом сопровождения, который должен был выбрать цель и отдать приказ на ее уничтожение. Если цель обнаружить не удавалось, группа возвращалась на аэродром. Дислоцировавшийся в 80 километрах к западу от Токио на аэродроме Тоуфу 47-й сентай был выбран как «кузница кадров» для формирования специальных подразделений, призванных совершать тараны. Сформированный сравнительно недавно — 3 октября 1943 года на основе отдельного чутая, 47-й сентай гордился высоким уровнем летной и боевой подготовки. Он включал в себя три эскадрильи общей численностью 54 одноместных истребителя КИ-44.

Лейтенант Окута был назначен командиром одного из таких специальных подразделений. В него входило

семь молодых пилотов. Они назвали свою группу «Синтен» («Сотрясатели земли»). Другая группа летчиков специального таранного подразделения получила название «Ран Хана» («Орхидея»).

К концу ноября подготовка групп самоубийц для таранных атак завершилась, и ночью 29 ноября 10-я авиационная дивизия добилась первых успехов с использованием новой тактики. Было сбито шесть В-29, несколько из них — таранными ударами. Однако самолет оказался настолько могучим, что несколько «Суперфортрессов» выдержали тараны, а один даже сумел возвратиться на базу, потеряв в результате атаки японского истребителя один из четырех моторов.

Случались и более удивительные истории. В декабре 1944 года В-29 майора Джона Краузе, носивший прозвище «Хижина дяди Тома», подвергся тарану японского истребителя, который отколол значительный кусок правого крыла. Самолет с трудом слушался рулей. Бравый майор, казалось, все же сумеет довести до аэродрома поврежденную машину, когда другой японский истребитель протаранил бомбардировщик с правой стороны, вырвав оба мотора. Удивительно, но В-29 упрямо продолжал лететь. Теряя высоту, он упорно уходил в сторону моря. В это время третий истребитель протаранил В-29 снизу. Три таранных удара для одной «Сверхкрепости» — это было чересчур: самолет упал в Токийский залив.

Тараны оказались эффективным средством против американских бомбардировщиков. Чем больше авиация США наносила боевых ударов, тем чаще японцы применяли тараны.

В составе 10-й авиационной дивизии к 5 декабря 1944 года было сформировано пять сентаев, задачей которых было таранить В-29. Все они были вооружены максимально облегченными истребителями КИ-44, КИ-84, КИ-61.

7 декабря 1944 года император объявил об учреждении ордена «Букосё» за военные заслуги. Заметим, что в Японии традиционно награждали лишь погибших воинов. «Орден Золотого Сокола», «Орден Священного со-

кровища» и «Орден Восходящего солнца» вручались генералам и офицерам. Что касается рядовых, то солдат, павший геройски в бою, повышался в звании на одну, реже на две ступени.

Логика сражений, однако, неминуемо приводила к тому, что командирам приходилось регистрировать достигнутые в боях успехи и отмечать солдат, их обеспечивших. В отсутствии специальных наград для солдат японское командование сначала не видело ничего странного. Солдаты сражались за императора и считали, согласно привитому им кодексу бусидо, честью для себя сложить за него голову. Все победы, одержанные солдатом в бою, считались достижением коллектива. Это служило еще одним основанием не награждать и не повышать в звании отличившегося. Тем не менее к концу войны на Тихом океане командиры различных японских частей, не имея возможности вручить проявившим героизм солдатам правительственные награды, практиковали устное объявление благодарности перед строем, а также в приказе. Часто отличившемуся воину командир вручал от имени императора бутылку саке или самурайский меч. В 1880-х годах оба самурайских меча — длинный и короткий — были заменены в японской армии прусской саблей и английским морским кортиком. Однако в 30-х годах военный министр Араки снова внедрил самурайские мечи. Старинные, передаваемые по наследству раритетные изделия носили далеко не все. Молодые лейтенанты, заказывая себе меч, вынуждены были отдавать за него половину своего годового жалованья. Поэтому меч считался исключительно ценной наградой.

Таким образом, Хирохито нарушил традицию награждать только погибших. Требовалось во что бы то ни стало поднять боевой дух пилотов, и традиции были принесены в жертву.

Первым орден «Букосё» получили лейтенант Синомия Тору, сержанты Итагаки Масао и Накано Мацуми из 244-го сентая за тараны, совершенные в ночь на 3 декабря 1944 года. Вылетев на перехват 80 «Сверхкрепостей», направлявшихся к Токио, летчики уничтожили 13 из них, в том числе 6 — таранными атаками. Итагаки

спасся на парашюте, а Накано и Синомия сумели посадить поврежденные самолеты.

Необходимо отметить, что ряд японских пилотов совершили по два тарана. Так, 13 и 16 марта 1945 года унтер-офицер Фудзимото Кендзи из 246-го сентая уничтожил этим приемом два В-29 и при этом уцелел. Сержант Итагаки Масао 27-го января таранил свой второй В-29. Как и в первый раз, он сумел выпрыгнуть с парашютом. За этот таран летчик был представлен ко второму ордену «Букосё». Дважды таранил бомбардировщик сержант Нобе Сигео из 4-го сентая.

В конце 1944 года генерал Уосита подвел итоги борьбы с В-29. Американцы совершили на Японию свыше 40 рейдов. В них приняло участие около 650 бомбардировщиков. Японские истребители сбили всего 28 машин, из них 16 — таранным ударом.

Среди японских авиачастей, наиболее активно применявших таран, выделялся 244-й сентай. Многие из его летчиков, среди которых насчитывалось девять кавалеров ордена «Букосё», таранили В-29, в том числе и командир майор Кобаяси Терухико. 27 января он таранным ударом сбил над Фудзиямой В-29, а сам приземлился на парашюте. Всего на счету сентая 73 сбитых и 93 поврежденных «Сверхкрепостей».

Данные об общем количестве бомбардировщиков В-29, сбитых с использованием тарана, отсутствуют. Известно, однако, что из 400 потерянных американскими ВВС машин лишь 147 стали жертвами зенитного огня и авиации противника. Более 3 тысяч членов экипажей погибли, были ранены или пропали без вести.

Время шло, и потери «Сверхкрепостей» росли. 27 января 1945 года японцы объявили об уничтожении над Токио 22 самолетов из 75, участвовавших в налете. На самом деле было сбито 7 и серьезно повреждено 33 бомбардировщика, хотя американцы отметили «беспрецедентную силу» атак истребителей и самоотверженность японских летчиков, «пикировавших на американский строй, пытаясь таранить врага».

«Сверхкрепости» все чаще и чаще появлялись над Японией. Однако к концу 1944 года стало очевидным, что американские рейды малоэффективны. Вершина инженерно-технической мысли США, превосходный В-29 не оправдывал возлагавшихся на него надежд.

С 20 января 1945 года 21-е бомбардировочное командование возглавил генерал-майор Кертис Лемей, известный в США специалист по использованию тяжелых бомбардировщиков. Выяснилось, что сплошная облачность, характерная для этого района земного шара, и свирепые тихоокеанские воздушные потоки, пронесшиеся на больших высотах, исключают возможность прицельного бомбометания с большой высоты. Не оправдал себя радар, часто выходивший из строя. Большой радиус полета на высоте 9 тысяч метров резко снижал бомбовую нагрузку: вместо 9 тонн в ноябре 1944 года самолет брал в среднем по 2,6 тонны бомб.

Лемей пришел к выводу о необходимости изменить тактику и бомбить по площадям, совершать налеты ночью и на сравнительно малой высоте, широко использовать зажигательные бомбы. Генерал знал о применении японцами в свое время зажигательных бомб в Китае, что привело к большим жертвам среди мирного населения. Ему также было хорошо известно, что японские города легко воспламенимы и что каждый завод окружали многочисленные мелкие частные мастерские, работавшие на него.

Лемей назначил время для первого массированного удара по японской столице с использованием зажигательных бомб — ночь с 9 на 10 марта.

В 17-36 9 марта с островов Гуам, Сайпан и Тиниан с интервалом в 50 секунд начали стартовать 334 самолета В-29. Учитывая нехватку у противника опытных летчиков-истребителей, Лемей приказал снять с самолетов вооружение. На каждый бомбардировщик загрузили по 4,8 тонны напалмовых зажигательных бомб.

Уничтожению подлежал огромный район Токио размером 3х4 мили. Он являлся одним из самых густонаселенных. Здесь проживало 750 тысяч человек — главным образом низкооплачиваемые рабочие и их семьи. Они день и ночь трудились на дому в кустарных мастерских, выполняя военные заказы и пытаясь выжить в суровое время. Одной из серьезных проблем города-гиганта являлись частые пожары. К ним настолько привыкли, что считали неотъемлемой частью городской жизни и даже присвоили им поэтическое наименование «Цветы Эдо». Несмотря на постоянную модернизацию столичной противопожарной системы, избавиться от этого бедствия не удавалось. В 1923 году после разрушительного землетрясения огонь уничтожил большую часть города. Через два года Токио снова сгорел почти дотла. В 1932 году столицу опустошил очередной пожар. К марту 1945 года в городе насчитывалось 8100 опытных пожарных и 1117 единиц пожарного оборудования, а также во многих местах стояли емкости с водой. Казалось бы, для огромного города это немного. Однако до сих пор, используя подобное оборудование и имеющиеся в наличии силы, удавалось тушить пожары любой сложности,

К тому же не следует забывать и о системе десятидворок. Называемые «тонари гуми», они являлись низовыми ячейками, в которые объединялось население по месту жительства. Состав десятидворок был почти всегда постоянным, поэтому они строго следили за всеми, кто вызывал подозрение, несли охрану жилых кварталов, боролись с пожарами. А главное — служили проводником националистическо-милитаристской идеологии. Система десятидворок в городе и деревне являлась именно тем механизмом, благодаря которому фанатизм и самопожертвование получили в стране такое широкое распространение.

Благодаря действиям десятидворок долгое время удавалось сводить к минимуму ущерб от налетов американских бомбардировщиков. В октябре 1944 года по радио впервые прозвучала полная оптимизма патриотическая песня:

И как сирены не воют, Что нам до
воздушной тревоги? Врага отразить
готовы Сплоченные десятидворки.

Наша решимость крепка, А
самолеты в небе — Всего лишь
москиты, стрекозы. Победа будет за
нами!

Что нам до воздушной тревоги? Не
ведаем мы поражения! Лети же
сюда, чтоб сбитым Быть в небе над
этой землею!*

Поздно вечером 9 марта у жителей Токио не было оснований для страха. По радио объявили, что вражеские самолеты обнаружены далеко от столицы и что они не представляют непосредственной опасности.

В 00-15 два самолета наведения сбросили над Токио зажигательные бомбы таким образом, что сверху огонь имел вид огромной, на весь город буквы «Х». Многие кварталы города оказались охвачены пожаром. Затем на «букву «Х» сбросили свои бомбы еще десять самолетов. Таким образом, цель была отмечена, и волна за волной бомбардировщики с высоты 2—4 километра безнаказанно обрушили на деревянные строения свой смертоносный груз. Токио вспыхнул как сосновая роща.

Даже американцы не ожидали того, что произойдет. Пламя высотой в несколько десятков метров быстро охватило город. Мощные турбулентные потоки раскаленного воздуха воздействовали на самолеты, подбрасывая их вверх на сотни метров. Некоторые жители, не разобравшись в масштабах трагедии, пытались спасти вещи. Многие при этом погибли, сильно обгорев от напалма. Другие сразу же бросились спасаться в каналах, парках и скверах. Но все было тщетно. Огонь вышел из-под контроля. Его нельзя было остановить. Люди задыхались в дыму. Целые кварталы в одно мгновение превратились в мощный факел, потушить который не было никакой воз-

* Перевод В. Сухановой.

можности. Бороться с напалмом было бесполезно: образовавшийся раскаленный смерч с температурой в 2000°C уничтожал все на своем пути, не встречая преград.

Лемей оказался прав: зенитный огонь был слабым. Японцы сбили, в основном огнем ПВО, 14 самолетов. Пять экипажей спасли в Тихом океане.

Прошла целая неделя, пока развеялся дым над Токио. Японцы официально объявили о смерти в пожаре 83793 человек, 40918 жителей получили сильные ожоги. Подобных потерь в результате одного налета человечество еще никогда не переживало ни до этой страшной ночи, ни позже. Даже при атомных бомбардировках Хиросимы число жертв оказалось меньше*. Сгорела четвертая часть всех домов столицы (267 тысяч). Почти 20 квадратных километров площади самых густонаселенных районов Токио выгорели.

Пока руководство страны колебалось, не зная, склониться ли к миру или продолжать войну, ее города методично превращались в пепел. После налета на Токио авиация США сожгла Нагойю, Осаку, Кобе. Столица пережила еще три ужасных рейда, после которых знакомые при встрече осведомлялись лишь об одном: «Пока не сгорели?» Все другое не имело значения. Люди с тревогой вглядывались в небо, боясь дождя напалмовых бомб, от которых не было спасения. После первого налета на Токио их окрестили «Молотовскими корзинками для хлеба» по аналогии с широко известным в мире «Молотовским коктейлем».

А по радио разносились бравурные слова:

Нам ли бояться воздушных налетов?
Надежна стальная защита небес. Стар и
млад, поднимайся! Нам выпала честь
заслонить эту землю. Летите же,
вражеские самолеты! Летите же снова и
снова!**

* При бомбардировках европейских городов больше всего погибших было при налете английской авиации 13-14 февраля 1945 года на Дрезден. Точное число жертв не известно. По оценкам 1965 года считается, что погибло около 45-50 тысяч мирных жителей. См. Cooper W. Alan Target - Dresden. - Bromley, 1995, p. 202. - *Прим. авт.*

** Перевод В. Сухановой.

Бомбардировщики В-29 успешно применялись также для обеспечения морской блокады Японии. Постановка мин с этих самолетов у Палембанга, Сайгона, Сингапура и Шанхая явилась подготовкой к более обширному минированию вод вблизи японских берегов.

К концу 1944 года морская блокада вынудила японцев направить основной поток морских грузов через Японское море. К марту Япония уже закрыла 35 из 47 регулярных морских линий.

В апреле генерал Лемей основное внимание уделил минированию Симоносекского пролива и портовых районов Японии: Кобэ—Осака, Хиросима—Куре, Токио—Иокогама. В-29 брал на борт около 5,5 тонны магнитных и акустических мин. В результате принятых мер японцы оказались связанными по рукам и ногам, а в мае 1945 года ВВС США еще более увеличили минирование: в отдельные ночи ставилось свыше 500 мин.

На долю В-29 пришлось 9,3 процента общего тоннажа японского флота, уничтоженного вооруженными силами США, что равнялось потерям японского флота от атак подводных лодок.

Японцы были вынуждены отвлекать свою авиацию и усиленно бомбить минные поля, но ее сил не доставало. Выход был найден в использовании небольших тральщиков-смертников. Это чисто японское изобретение было призвано быстро и решительно очистить акватории портов от американских мин. Однако применение техники самоубийственного траления не получило развития: минирование оказалось настолько плотным и масштабным, что в июле японцы вообще прекратили траление, так как не имели достаточных сил для этого. Пытаясь разминировать минные поля, они потеряли громадное количество судов общим водоизмещением около полумиллиона тонн. Наступил паралич морских коммуникаций, приведший к полной изоляции страны.

Тем временем разруха в Японии, вызванная мощными бомбардировками, возрастала с каждым днем. С 16 февраля к нанесению массированных ударов по Японским островам подключилась американская авиа-

носная авиация. 7 апреля впервые В-29 нанесли удар под прикрытием истребителей Р-51, взлетевших с острова Иводзима.

К весне 1945 года японская авиация оказалась обескровленной. За три года боевых действий значительное число опытных пилотов погибло в боях. Многие молодые летчики зачислялись в ряды камикадзе. В этом они видели единственную для себя возможность нанести по врагу серьезный удар. Летом в Японии насчитывалось около 18 тысяч боевых пилотов. Однако налет каждого из них не превышал 100 часов. Критическая ситуация с нехваткой опытных пилотов привела к тому, что в строй пришлось включать списанных по состоянию здоровья летчиков. Но и эта мера не могла изменить положение. По-прежнему в японской авиации преобладали новички с незначительным количеством налетанных часов, не имевшие боевого опыта. К маю число летчиков-истребителей, например, сократилось настолько, что «Сверхкрепости» получили возможность летать где хотели, как хотели и когда хотели.

Для Японии тотальная война оказалась губительной. Страна не имела ресурсов для длительного ведения военных действий. Уже в июле 1944 года японцы ощутили нехватку топлива, которая усиливалась с каждым днем.

В то же время США методично наращивали свои удары. 9 июня военный министр генерал Анами констатировал, что в марте Японию атаковали около 1500 бомбардировщиков В-29, в апреле - 2500, а в мае уже до 3000. Речь при этом шла не о количестве бомбардировщиков В-29, имевшихся у американцев, а о количестве самолетовылетов.

Согласно американским данным, в мае на Японию было произведено 4855 самолетовылетов, а в июле - 20859. Как оказалось, на В-29 пришлось 96 процентов всего тоннажа бомб, сброшенных на Японию.

К концу июля американская авиация сожгла около 90 японских городов. Поскольку из камня было построено лишь 10 процентов зданий, то японские города представляли собой великолепную цель для американских зажигательных бомб. В итоге от бомбардировок в

Японии сгорело 3 миллиона домов — четверть всего жилого фонда. Без крова осталось 9,2 миллиона человек - 12 процентов населения. От авианалетов пострадало 478,6 тысяч человек гражданского населения. Оно испытало на себе воздействие двух атомных взрывов — акции скорее политической, чем военной. Японские империалисты, находившиеся в плену своих амбициозных и авантюрных притязаний на мировое господство, развязали кровавую войну. Более того, они отбросили, как ненужный хлам, моральные нормы ведения войны. Японская военщина впервые использовала авиацию против гражданского населения. Изнасилованный Нанкин и убийства военнопленных — примеров их чудовищной жестокости и варварства предостаточно.

Нарушив законы и обычаи ведения войны, японское высшее военное командование превратило в заложников собственных мирных жителей. Ответом на жестокость и варварство японских милитаристов явилась жестокость и варварство американского напалма и атома.

Следует подчеркнуть, что ставка США на воздушную мощь как решающую силу в победе оказалась, как и в случае с Германией, несостоятельной. Кровь, руины и пепел не смогли поколебать решимости милитаристских кругов «погибнуть, но не дать осквернить священную землю императора». Не помогли Японии и самоубийственные таранные атаки. Во-первых, американцы стали использовать истребительное прикрытие. Во-вторых, самым слабым звеном японской авиации была хроническая нехватка летчиков, особенно опытных. Жертвуя собой и уничтожая при этом врага, японские пилоты не выигрывали, а проигрывали! Метод самоубийственных таранных атак в какой-то мере помогал решить сиюминутную задачу, но одновременно исключал возможность выполнить завтра другие задачи, возможно, еще более важные.

ГЛАВА X

«СТО МИЛЛИОНОВ УМРУТ С ЧЕСТЬЮ...»

Сразу после падения Сайпана японское командование стало задумываться о подготовке к отражению нападения американской армии на территорию собственно Японии.

После утраты Филиппин идея «решительного сражения» была ясно обозначена в «Программе чрезвычайных мер, необходимых для достижения победы». Этот документ, принятый в январе 1945 года, предусматривал создание на территории Японии сорока четырех новых дивизий. Но людские резервы страны были почти полностью исчерпаны. Тогда 29 марта был принят закон о призыве в армию лиц, достигших 17-летнего возраста.

5 апреля в Японии сменилось правительство. К власти пришел кабинет Судзуки. Адмирал в отставке Судзуки Кантаро, восьмидесятилетний старик, полуглухой и полуслепой, герой русско-японской войны 1904—1905 годов, вовсе не хотел быть премьер-министром. Он пытался отказаться, но, услышав просьбу об этом от самого императора (неслыханное дело!), - не сумел устоять.

Военным министром в новом правительстве стал генерал Анами Корешика, военно-морским - адмирал Ионаи Мицумаса, иностранных дел - Того Шигенори. Исключая Анами, они все считались либералами.

Однако в Высшем совете по руководству войной преобладали сторонники жесткой линии: начальник главного морского штаба адмирал Тоёда Соему, его заместитель, инициатор применения тактики камикадзе Ониси Такидзиро.

В это время битва за Окинаву только началась, и, выступая в парламенте 7 апреля, премьер-министр призвал каждого японца напрячь все силы для того, чтобы любой ценой выиграть войну.

Положение Японии в первой половине 1945 года

было трудным, но несмотря на это, она все еще оставалась сильным и опасным противником.

29 марта 1945 года комитет начальников штабов вооруженных сил США утвердил план под кодовым наименованием «Даунфол», согласно которому предусматривалось провести высадку американских войск на Японские острова в два этапа: сначала в южной части острова Кюсю (операция «Олимпик»), а затем на остров Хонсю (операция «Коронет»). Согласно операции «Олимпик», 1 ноября 1945 года планировалось создать плацдарм в южной части Кюсю для дальнейших действий против Японии. Операция «Коронет», назначенная на 1 марта 1946 года, предполагала разгромить противника на главном острове Японии — Хонсю.

Для реализации плана «Даунфол» требовалось 5 миллионов человек. Военные действия намечалось завершить к концу 1946 года.

Серьезное беспокойство американского командования вызывал вопрос о потерях. Результаты десантных операций на островах Тихого океана свидетельствовали, что в среднем на каждую тысячу человек приходилось 4,45 убитыми, ранеными, пропавшими без вести за один день боевых действий. Особенно пугал характер сражений на островах Иводзима и Окинава. На собственно Японских островах ожидалось не менее фанатичное сопротивление противника, который к тому же будет опираться на поддержку населения. Военный министр США Стимсон считал, что будущие американские потери превысят миллион человек.

Американское командование понимало, что завоевание Кюсю и Хонсю будет гораздо более трудным и опасным делом по сравнению с прошлыми кампаниями на Тихом океане и даже по сравнению с высадкой союзников в Нормандии в июне 1944 года. «Мы должны быть готовы к тому, что понесем большие потери при вторжении в Японию, — предупреждал адмирал Нимиц. — Предыдущие успехи в борьбе с истощенными и плохо вооруженными формированиями, уничтоженными нашими превосходящими морскими и воздушными силами, нельзя рассматривать как основу для определения

силы сопротивления, с которой мы встретимся в Японии...»

Но оставалась еще огромная Квантунская армия — «гордость императорской Японии» — и экспедиционные войска в Китае, уничтожить которые, по мнению комитета начальников штабов, могла только одна сила — русские.

Президент США Трумэн, никогда не питавший симпатий к СССР, был вынужден признать, что вступление России в войну означает спасение жизней сотен тысяч американцев.

8 июня 1945 года Высший совет на своем заседании правильно оценил время и место возможной высадки американского десанта. Было принято решение готовиться к затяжным сражениям, бросить все силы на защиту прибрежных районов страны. Основу решающего сражения за Японию составляла стойкая оборона ключевых участков побережья, где располагались важные как в стратегическом, так и в экономическом отношении густонаселенные районы с широкой сетью железных и шоссейных дорог. Здесь же находились и главные японские авиабазы. Все это усложняло оборону островов.

В начале решающего сражения японское командование планировало нанести удары авиацией и малыми подводными лодками. При приближении американских транспортов с десантом на расстояние 300 километров к берегам Японии их ждали массированные атаки камикадзе с воздуха и лодок-малюток из-под воды. Только камикадзе, по оценкам императорского флота, своими ударами потопят от 30 до 50 процентов американского десантного флота. Если же транспорты противника все же достигнут берега, то их встретит огонь дальнобойной береговой артиллерии, установленной на скрытых позициях в прибрежных скалах.

Гористая, сильно пересеченная территория острова Кюсю как нельзя лучше подходила для организации обороны. Четырнадцать дивизий и пять бригад должны были удерживать побережье острова любой ценой. Японское командование считало, что в целом условия для

обороны Кюсю были значительно благоприятнее, чем при обороне Иводзимы или Окинавы.

Японская пехота испытывала большой недостаток противотанковых средств. Эта проблема решалась чисто японски — в каждой роте были созданы специальные группы истребителей танков. Они должны были предпринимать так называемые «близкие атаки», используя взрывные заряды, мины, различные варианты зажигательных смесей.

Поставив своей целью максимально затянуть войну и создать возможности для выхода из нее на основе формального или фактического компромисса, японское командование отдало войскам приказ заставить противника заплатить как можно дороже за каждый квадратный километр территории, отнятой у них. Даже на самых отдаленных островах — Маршалловых, Бугенвиле, Новой Гвинее, а также в центральной Бирме и на других территориях окруженные японские гарнизоны продолжали ожесточенное сопротивление. В Новой Гвинее, например, только 13 мая австралийские войска смогли овладеть гаванью Вейвек, но и после этой даты бои там продолжались.

Командование японского флота в 1945 году было вынуждено сконцентрировать свои усилия лишь на обороне островов собственно Японии. Понеся огромные потери, Императорский флот стал попросту не в состоянии достойно противостоять Значительно более сильному и многочисленному флоту союзников. Более того, он не мог в короткие сроки восполнить потери в корабельном составе из-за блокады метрополии и нарастающих воздушных бомбардировок. Еще 11 января 1945 года японское военное руководство, проанализировав ситуацию, приняло решение использовать все остающиеся ресурсы для производства самоубийственного оружия. К концу этого месяца все предприятия и военные организации обязали направить свои усилия исключительно на обеспечение этим оружием экипажей военных кораблей и на организацию необходимых для этого работ. Вот почему военно-морское командование Японии основной упор сделало на массовом производстве специаль-

ных боевых средств, управляемых смертниками, — взрывающихся катеров, карликовых подводных лодок и человеко-торпед. Всего к концу 1945 года японское командование планировало создать 3,3 тысячи человеко-торпед и взрывающихся катеров.

Замысел главного морского штаба состоял в том, что рассредоточенные вдоль побережья, укрытые и замаскированные человеко-торпеды и катера по приказу свыше совершат самоубийственные атаки против американских кораблей, предпринимающих высадку десанта.

В марте ставкой был принят план под кодовым наименованием «Тэн», согласно которому все военно-воздушные силы армии и флота в пределах империи концентрировались в районе Восточно-Китайского моря: на островах Тайвань и Рюкю, в Восточном Китае и в Корее. Главными целями были определены транспорты с войсками противника. При этом упор делался на массовое использование камикадзе.

С конца мая по приказу ставки стали спешно создаваться новые авиационные самоубийственные подразделения для защиты собственно территории Японии. Были сформированы дополнительно 187 дневных и 43 ночных части. На острове Хонсю размещалась 1000 обычных самолетов и 1600 самолетов смертников. В Корее, Манчжурии и Северном Китае дислоцировались 500 самолетов для камикадзе.

Всего для защиты метрополии к концу июня Япония имела до 8 тысяч самолетов для «специальных» атак с экипажем смертников — значительно больше, чем их было использовано в битве за Окинаву. К концу лета планировалось дополнительно переоборудовать еще 2500 самолетов для камикадзе. К тому же складки гористой местности Кюсю были более благоприятны для внезапных воздушных атак, чем полеты над открытым морем. Они значительно уменьшали эффективность обнаружения японских самолетов радарными американских кораблей. Флот США оценивал, что в предстоящем сражении камикадзе совершат свыше 10 тысяч атак и потопят более чем 300 кораблей союзников.

Принимая чрезвычайные меры по подготовке остро-

вов к «длительной обороне», императорское командование исходило из того, что японцы, проникнутые «духом Ямато», окажут армии всестороннюю поддержку в защите родины. С этой целью была развернута шумная кампания, активизировалась идеологическая обработка населения. Японскому народу настойчиво внушалась мысль о том, что враги стремятся уничтожить страны Юго-Восточной Азии и японскую расу.

Тотальная мобилизация населения перемежалась с превратно подаваемыми новостями с Окинавы. Так, в одной из радиопередач рассказывалось об американских танках, на полном ходу врезавшихся в толпы беженцев и гражданского населения. «Они все равно не сдадутся ни при каких обстоятельствах», — оправдывался танкист.

Передачи рисовали американцев настоящими варварами. Особенно часто комментировались казавшиеся невероятными случаи посылки в Соединенные Штаты в качестве сувениров черепов японских солдат. Всю Японию обошла фотография из майского номера журнала «Лайф» за 1944 год: молодая американка с черепом японского солдата, полученным ею от жениха. Подобные омерзительные случаи, а также «утки» японской пропаганды не могли не шокировать. Газеты и радио представляли американскую армию скопищем извергов. Японская пропаганда называла американцев и англичан не иначе как «дьяволами». Усиленно муссировались сообщения о якобы имевшем месте соглашении между Рузвельтом и Черчиллем, согласно которому все японские мужчины будут оскотены, чтобы не могли иметь детей, и тому подобные измышления. Разумеется, потрясенное гражданское население после таких передач было готово умереть, но не попасть живыми в руки американских выродков. Разрушительные бомбардировки японских городов, пожары и гибель родственников и близких ежедневно подтверждали на практике убежденность гражданского населения в том, что только смерть может избавить их от варваров-американцев.

Борьба за Окинаву преподносилась пропагандой как начало «священной войны» за землю Ямато. Она использовалась как новый стимул для всеобщей усиленной

мобилизации нации, несмотря на то, что под ружьем в Японии уже находилось свыше 5,5 миллионов человек. Правительство решило создать «народный добровольческий корпус», который наделялся функциями трудовой армии, а также территориальной вспомогательной армии на случай, если боевые действия придется вести в самой Японии. В сельских районах страны министерство земледелия и торговли возглавило работу по созданию «крестьянского трудового корпуса», на который возлагались подобные задачи. Премьер-министр Судзюки особо подчеркнул, что «члены корпуса обязаны выполнять свою работу с таким же усердием, с каким части особого назначения (камикадзе и т. п.) выполняют поставленные задачи на фронте. Став боевым формированием, корпуса приобретут функции «боевых соединений». Каким бы кровопролитным ни было сражение, — подчеркивал премьер-министр, — члены отрядов народного добровольческого корпуса не могут оставить свои посты без приказа». Выполняя указы правительства, владельцы промышленных предприятий занялись формированием из рабочих взводов, рот, батальонов, установлением строжайшей военной дисциплины, направив ее прежде всего на повышение производительности труда.

Большая часть «народной армии», особенно молодежь до 18 лет, получила хорошую допризывную подготовку. Воспитанная в духе пропагандистских призывов «погибнуть до единого», но не дать осквернить «священную землю императора», она была нацелена на слепое выполнение приказов командования. Именно из таких молодых людей комплектовались различные отряды смертников.

Члены «корпусов» ускоренно обучались военному делу. Вдали от городов, в глухих местах они строили подземные склады оружия, продовольствия, боеприпасов.

В Японии развернулась невиданная по размаху подготовка к обороне собственной территории. Военные руководители в этой связи утверждали, что им неоценимую помощь оказала самоотверженная борьба защитников Окинавы, благодаря которой они выиграли около трех месяцев, крайне необходимых для завершения всех

мероприятий по превращению страны в военный лагерь. Гражданская администрация была заменена на военную. На территории Японии образовали шесть фронтов (территориальных армий) со своей промышленно-технической базой, запасами продовольствия и военного снаряжения. Фронты были нацелены на автономную борьбу в полном окружении.

Превращенную в «неприступную крепость» метрополию должны были оборонять 3,7 миллиона человек регулярных войск (2,4 миллиона солдат и 1,3 миллиона матросов), 28 миллионов бойцов «народного добровольческого корпуса».

По замыслам японских стратегов, оборона Японии должна была включать в себя материковую тыловую базу - Корею - и оккупированную часть Китая. В Маньчжурии и Корее находились арсеналы, производящие оружие для армии. В Китае и Корее были созданы пять фронтов, которым отводилась важная роль в будущих сражениях. В случае необходимости предусматривалась переброска войск с континента в метрополию.

Сложнейшей проблемой для японского военного верховного командования оказалась необходимость вооружить многомиллионный «добровольческий корпус». Во-первых, к июню 1945 года количество «скептически настроенных лиц» в стране составляло 55 процентов всего населения, и представлялось опасным вооружать ненадежных людей с низким морально-боевым духом. Во-вторых, и это главное, такого количества огнестрельного оружия в Японии попросту не было. Необходимо было в срочном порядке разработать и произвести «народное оружие». Японские идеологи утверждали, что различное «оружие ближнего боя лучше всего подходит национальному темпераменту». В качестве таких средств предлагались бамбуковые пики и ручные гранаты. Предполагалось, что именно с подобным оружием население будет драться, жертвуя своими жизнями в самоубийственных атаках на побережье, отражая высадку союзников.

Таким образом, готовность отъявленных милитаристов «защитить устои национального государственного

строения, ведя войну до победного конца, черпая силы из принципа вечной преданности императору» и их решимость «превратить землю монархов в поле сражений» на деле означали принесение в жертву всего японского народа, использование женщин, детей и стариков в качестве живого щита против вражеского огня. Японское командование считало, что «все пригодные японцы, не взирая на пол, должны быть призваны участвовать в битве... Каждый житель должен быть готов пожертвовать своей жизнью в самоубийственных атаках против вражеских сил вторжения».

Свою лепту в мобилизацию населения стремилась внести и официальная пропаганда. Она выдвинула лозунги: «*Итиоку гёкусаи*», что означало «Сто миллионов вместе погибают славной смертью» и «*Итоку итиган*» — «Сто миллионов как одна пуля». Оба лозунга были восприняты подавляющим большинством японцев со всей серьезностью, что свидетельствует об удивительной сплоченности и единстве нации.

В серии планов «Со-Го», разработанных японским военным руководством еще в октябре 1944 года, основу отчаянных мер по защите Японских островов должно было составлять «сражение до последнего мужчины, женщины, ребенка...».

Позднее Императорский генеральный штаб стал считать, что детей, престарелых и беспомощных не следует использовать в битве. В то же время не существовало никакой возможности эвакуировать их с предполагаемой территории боев. Было выдвинуто, однако, достаточно простое решение проблемы. Командующий военным округом Тюбу в июне 1945 года открыто заявил, что «поскольку в стране не хватает продовольствия и ее территория превращается в поле сражения, необходимо уничтожить всех стариков, детей, больных и слабых. Они не годны для смерти вместе с Японией».

По мысли японских стратегов, основным тактическим приемом «добровольческого корпуса» должно было стать внезапное нападение. Такая тактика объяснялась прежде всего плохой оснащенностью оружием, а также характерным для императорской армии феодальным

духом. Засылка отрядов смертников, которые наносят удар, пользуясь потерей противником бдительности, - свидетельство отсутствия рациональных планов боевых операций, ставка на голый риск и па «небесное провидение и божественную помощь», полное пренебрежение к человеческой жизни. Понятно, что боевые действия, представляющие собой внезапные нападения, не могли быть плановыми, достаточно продуманными и тем более всегда целесообразными.

Не современное оружие в достаточных количествах, а вера в «дух Ямато» и «бамбуковые пики» — вот чем в своей основной массе были вооружены подразделения добровольческого корпуса.

Таким образом, японский план «решительного сражения на территории Японии», предусматривающий оборону собственно империи всеми имеющимися людскими ресурсами и оружием, по сути своей представлял собой не что иное, как финальную общенациональную самоубийственную акцию. Японцы должны были стать нацией-камикадзе. Военные лидеры страны, призывая к войне «до победного конца», готовы были в огне «решающих» сражений пожертвовать многомиллионной армией и флотом. Генерал Анами заявил однажды, что если император прикажет, то весь многомиллионный состав армии и флота, не задумываясь, отдаст за него свою жизнь.

Призывая японский народ «погибнуть, но не сложить оружие», военное руководство страны, таким образом, поставило вопрос о жизни и смерти всей нации. Характерно в этой связи заявление заместителя начальника главного морского штаба адмирала Ониси: «Пожертвовав жизнями 20 миллионов японцев в специальных атаках, мы добьемся безусловной победы».

При этом Ониси считал, что для совершения акции, подобной боевой атаке камикадзе, вовсе не обязательно быть пилотом и иметь самолет. Важно обладать духом камикадзе и быть готовым отдать свою жизнь для того, чтобы нанести по врагу эффективный удар.

В феврале—июне 1945 года подлинным бедствием для Японии стали воздушные налеты и вызываемые ими

пожары в городах. Появляясь с юга, огромные «Би-ни-дзу~ку» наводили ужас и сеяли разрушения.

Призывая к «решительному сражению», правительство и японская военщина сознательно не предпринимали мер для противовоздушной защиты населения. Вместо этого правительство стало проводить «распределение», то есть эвакуацию жителей городов. Стариков, женщин и детей, живших в городах, заставили перебраться к своим родственникам, жившим в сельской местности. Число эвакуированных достигло огромной цифры — почти 10 миллионов человек.

8 мая Германия сдалась союзным войскам. Японские газеты посвятили этой неприятной новости небольшие заметки. Многие высшие японские военные чины поняли, что войну они проиграли. Япония осталась одна против всего мира. Тем не менее даже поражение союзника на другой стороне земного шара преподносилось народу в нужном для военщины свете. Да, Германия потерпела поражение, но она сдалась сплоченной, оказывая сопротивление до последнего солдата! Япония также должна упорно сражаться, уничтожая как можно больше врагов.

Однако с каждым днем военно-политическое положение Японии продолжало ухудшаться. К 21 июня завершился разгром группировки японских войск на Окинаве. Захват Окинавы, как оказалось, стал последней операцией американских вооруженных сил в бассейне Тихого океана. Хотя остров считался завоеванным, множество японских солдат, спрятавшись в пещерах и не веря в капитуляцию Японии, ждали возвращения Императорской армии. Мужественно сопротивлялись гарнизоны изолированных островов.

А в это время в правящих кругах Японии обострились разногласия относительно проводимой политики. Князь Коноэ, ближайший советник императора Кидо и их сторонники все больше склонялись к прекращению войны на определенных условиях. С другой стороны, часть влиятельных членов правительства и военных руководителей требовали продолжать войну с тем, чтобы завершить ее компромиссным миром.

26 июня от имени правительств Великобритании, США и Китая была опубликована Потсдамская декларация, потребовавшая в ультимативной форме безоговорочной капитуляции Японии:

«Для Японии настало время решить, будет ли она по-прежнему контролироваться упрямыми милитаристами, чьи безумные расчеты поставили империю на порог уничтожения, или она последует по пути благоразумия.

Выполните наши условия. Мы не отступим от них. Альтернативы нет. Мы не потерпим отсрочки.

Необходимо исключить на все времена авторитет и влияние тех, кто обманул и ввел в заблуждение японский народ, начав завоевание мира. Мы настаиваем на том, что новый порядок мира, безопасности и справедливости невозможен до тех пор, пока безответственный милитаризм не будет изжит на земле.

Мы не намерены поработать японцев как побежденную нацию, но справедливое возмездие будет направлено против всех военных преступников, включая тех, кто совершал жестокости над военнопленными.

Японское правительство должно устранить все препятствия для возрождения и усиления демократических тенденций среди японского населения. Должна быть установлена свобода слова, вероисповедания, мысли наравне с уважением основополагающих прав человека...

Мы призываем правительство Японии объявить незамедлительно безоговорочную капитуляцию всех японских вооруженных сил и обеспечить твердую и адекватную поддержку своей доброй воли в осуществлении такой акции.

Альтернатива для Японии — ее быстрое и окончательное уничтожение».

Сначала японское правительство намеревалось использовать тактику *мокусату* — игнорировать декларацию молчанием. Однако американские бомбардировщики помимо бомб сбрасывали над территорией страны большое количество листовок, и умолчать о существовании подобного документа было невозможно.

Япония выбрала тактику проволочек, пытаясь тем

временем использовать СССР для подписания мира с союзниками на приемлемых условиях.

6 августа США сбросили атомную бомбу на Хиросиму, 9 августа в Токио узнали о начале войны с Советским Союзом. «Спектакль окончен!» — заявил премьер-министр Судзуки. Поздно ночью на заседании Высшего совета император произнес ставшую знаменитой фразу: «Настало время вынести невыносимое».

Однако сопротивление сторонников курса войны все еще не было сломлено. По радио передали выступление военного министра Анами: «У нас нет выбора. Мы должны сражаться до тех пор, пока выиграем священную войну, чтобы сохранить нашу национальную политику. Мы должны продолжать бороться, даже если мы будем жевать траву, есть землю и жить в полях, так как наша смерть дает шанс выжить стране. Герой Кусуноки Масасигэ предпочитал жить и умереть семь раз, чтобы спасти Японию от несчастья. Мы можем сделать не меньше».

10 августа иностранные радиостанции передали сообщение о том, что Япония примет Потсдамскую декларацию. На следующий день они сообщили о повсеместной капитуляции японских войск.

Это вызвало смятение в японских вооруженных силах. Главнокомандующий войсками в Китае Окамура и главнокомандующий Южным фронтом Тераути незамедлительно выразили свое мнение в телеграмме, посланной военному министру и начальнику генерального штаба:

«Тяжело переживаем возникшую угрозу империи. Вступление в войну Советского Союза значительно ухудшило ситуацию. Однако армия в 7 миллионов человек на территории собственно Японии и экспедиционная армия на материке в 1 миллион человек, обладая высоким боевым духом, готовы к решительному разгрому противника. Сухопутная армия превратилась в главную силу империи. Уверен, что теперь она, несмотря на трудности, с честью погибнет в бою, но достигнет целей войны этой осенью.

Здесь, в Маньчжурии, решается судьба императорской Японии. Горячо преданные родине, осмеливаемся

доложить о своем мнении. Надеемся на твердое решение продолжать войну...»

Министр обороны, один из самых влиятельных людей в империи генерал Анами Корешика считался лидером «партии войны». Он занял свой пост всего лишь несколько месяцев назад. Уроженец префектуры Оита, Анами отличался огромным упрямством и честолюбием. Лишь с четвертого раза поступив в военную академию, он окончил ее в 1906 году. В 1926 году Анами был назначен помощником императора, произведен в генерал-майоры и получил назначение командовать 109-й дивизией в Китае, затем воевал на островах Новая Гвинея и Соломоновых, до тех пор, пока в декабре 1944 не был отозван императором. Всегда чисто одетый, тщательно выбритый и прилизанный, с подстриженными усами, Анами был общительным, доступным человеком. Преданный императору, он считался «самым великолепным образцом идеала самурая».

Генерал предпринимал неоднократные попытки убедить Хирохито отклонить Потсдамскую декларацию и разыграть последнюю карту. Война проиграна — для него это было очевидно. Но почему бы не нанести такой огромный урон противнику, чтобы Япония смогла добиться для себя приемлемых условий заключения мира? Такой точки зрения придерживался Анами, и он сделал все возможное, чтобы ее отстоять. В то же время он отказался присоединиться к заговору своих подчиненных -- молодых офицеров. Молодые «тигры» желали одного: сражаться до полной победы. Будучи реалистом и не разделяя их иллюзий, Анами вместе с тем понимал, что проиграл.

Рано утром в 4-30 15 августа Анами совершил сеппуку. Одев белую рубашку -- подарок императора -- и опоясав живот белой тканью, он расстелил на полу мундир со всеми наградами, поместил на нем фотографию погибшего в боях сына-солдата, письменный указ императора о его назначении военным министром и небольшой текст послания:

«Твердо веря, что наша святая земля никогда не

умрет, я смиренно прошу прощения у императора за свою огромную вину».

Генерал тонко подошел к выбору места совершения сеппуку. Умереть на голой земле означало признать за собой персональную вину за поражение в войне. Смерть -в жилом помещении свидетельствовала об отсутствии всякой вины. Анами нашел компромиссный вариант: он вышел в коридор и повернувшись лицом в сторону резиденции императора, распорол себе живот слева направо и вверх. Несмотря на дикую боль, он безуспешно попытался вонзить меч в шею под правым ухом, чтобы перерезать сонную артерию. Ему хотели помочь избежать мучений. Анами отказался, и лишь через два часа, когда он потерял сознание, подполковник Такесита положил конец агонии министра, перерезав ему сонную артерию.

Годами японская пропаганда запугивала население, убеждая драться с союзниками до смерти, чтобы не превратиться в рабов в случае оккупации. Японцы боялись превращения в *хинин* — нелюдей, таких, как американские военнопленные в концлагерях.

Премьер-министр Судзуки Кантаро, лорд-хранитель печати Кидо Колти и ряд других высших чиновников хорошо понимали психологию населения и были убеждены, что призыв к капитуляции должен исходить с самого высокого уровня. Такого же мнения придерживался и сам император.

В 7-00 15 августа токийское радио сообщило потрясенным японцам: ровно в полдень будет передано выступление самого *тенно-хейка**!

Это казалось невероятным: никогда еще священный голос императора *кое но тсуру* («крик журавля») не звучал перед нацией! Сообщение не укладывалось в головах рациональных японцев: древние традиции беспрецедентно нарушались.

В полдень страна замерла: улицы опустели, остановились заводы, транспорт. На предприятиях, в школах, в домах — всюду, где были радиоприемники, японцы

* Тенно-хейка — император. — *Прим. авт.*

собрались слушать речь императора. Над Токио тишину разрывал лишь рев американских самолетов, с утра барражировавших над столицей.

Миллионы японцев были уверены, что император обратится с призывом защитить страну от иностранной оккупации.

В динамике раздался пронзительный звук, шипение. Затем передали национальный гимн «Кими га ё». Хрипловатым старческим голосом премьер-министр Судзуки объявил о выступлении императора. Слушатели по всей стране встали и поклонились. Зазвучал на удивление мягкий, неторопливый и скорбный, иногда не совсем четкий голос Хирохито. Цветистые архаичные выражения его речи воспринимались с трудом, но одно было совершенно ясно — он объявил о том, что Япония вынуждена принять Потсдамскую декларацию. Император избегал слов «поражение», «сдача», «капитуляция». Воздав должное погибшим и поблагодарив японцев за усилия, затраченные на ведение войны, он предупредил подданных о недопустимости «всплесков эмоций, которые могут повлечь за собой нежелательные осложнения» и даже привести к «братоубийственной смуте». Он призвал всех объединить усилия для строительства будущего, напряженно работать во славу империи с тем, чтобы идти путем прогресса вместе со всем человечеством.

Выступление императора закончилось. Страна пребывала в шоке. Сообщение о капитуляции вызвало небывалое потрясение простых японцев. Их долго и жестоко обманывали. Оболваненные националистическими и великодержавными теориями, военной пропагандой, воспитанные на традициях «божественной» императорской мифологии, они самоотверженно, не покладая рук работали в тылу, славя императора гибли на фронтах, умирали под американскими бомбами. И вот теперь оказалось, что все было напрасно, и более того — впервые за 2600 лет японский парод будет кланяться победителю на своей земле.

Страх, слезы и стыд пришли в каждый дом. Тем не менее большинство японцев встретило речь императора с чувством покорности и верноподданнического трепета.

Они не выражали гнева по поводу огромного количества напрасных жертв, не задавали вопросов о том, кто виноват в катастрофе, постигшей страну. Простые люди просто радовались, что тяжелые испытания позади.

Рано утром 15 августа старшему офицеру 5-го воздушного флота капитану I ранга Миюзакі Такаси было приказано явиться в новый командный пункт адмирала Угаки в Оита, на северо-востоке Кюсю. Прибыв туда, Миюзакі узнал о том, что адмирал отдал приказ приготовить бомбардировщики для специальной атаки, которую намеревался возглавить лично. Миюзакі очень возражал против этой акции и приложил немало сил, чтобы разубедить Угаки. Однако это сделать не смогли ни он, ни начальник штаба, ни близкие друзья адмирала. Угаки оставался непреклонным. «Это мой шанс — умереть по-самурайски. Я должен его использовать. Мой преемник выбран, и он сможет вести дела после того, как я уйду».

Незамедлительно был подготовлен приказ о проведении атаки силами пяти бомбардировщиков. К этому времени обращение императора о капитуляции уже было передано, и Угаки не мог не понимать, что в случае успеха его атака может усложнить процесс достижения мира. Он сознательно, в нарушение указания императора, пошел на этот шаг, оставаясь убежденным противником капитуляции. «Я надеюсь, что не только военные, но и все японцы преодолеют трудности, проникнутся духом Ямато и сделают все возможное, чтобы Япония смогла отомстить в будущем», — такую запись нашли в его дневнике.

Попрощавшись с подчиненными и выпив прощальную чашку саке, адмирал сорвал с мундира знаки отличия и направился на взлетное поле в сопровождении своего штаба. С собой в полет он взял бинокль и самурайский меч — подарок командующего Объединенным флотом адмирала Яомото. На взлетной полосе Угаки увидел одиннадцать пикирующих бомбардировщиков «Сусей» и двадцать два члена экипажа, выстроившихся в шеренгу перед самолетами. У каждого на голове были повязаны хатимаки.

- Командир Накатсуру! Приказ был отдан приготовить пять самолетов.

- Вы собираетесь совершить специальную атаку. Мы не можем стоять в стороне и наблюдать за отправкой всего пяти самолетов. Мы хотим принять участие в атаке всеми нашими силами.

- Вы все последуете со мной? — обратился адмирал к экипажам, встав на помост.

- Да! — дружно прокричали все, вскинув вверх правые руки.

Угаки сошел с помоста, подошел к пилотам, поблагодарил их и попрощался с каждым. После того, как были сделаны снимки, он разместился в кабине в качестве наблюдателя командирской машины. Унтер-офицер Эндо Акиюси, чье место оказалось занято, протиснулся и кое-как уместился позади адмирала. Он наотрез отказался остаться на аэродроме. Прозвучала команда ~ и самолеты взмыли в воздух и скрылись в южном направлении.

В полете у четырех машин возникли неполадки в моторах, и они были вынуждены вернуться назад, Семь бомбардировщиков продолжили полет к Окинаве. В 19-24 от адмирала было получено прощальное сообщение: «Я один несу ответственность за то, что мы не смогли защитить родину и уничтожить надменного врага. Впечатляют доблестные усилия всех офицеров и личного состава, которыми я командовал в последние полгода. Я собираюсь атаковать Окинаву, где мои люди погибали подобно опадавшим цветкам сакуры. Там я спикирую и поражу врага в соответствии с духом бусидо и с твердым убеждением и верой в вечность императорской Японии...»

Принято считать, что после здравницы в честь императора самолет Угаки поразил цель. Однако ни один из американских кораблей 15 августа не зарегистрировал атаки камикадзе*.

* Много лет спустя, в 1983 году американский моряк Денни Розеволл сообщил, что был свидетелем того, как 15 августа 1945 года на северном побережье Окинавы разбились несколько японских самолетов. На следующий день Розеволл обнаружил на месте катастрофы тела трех японских летчиков и украшенный орнаментом самурайский меч. - *Прим. авт.*

Назначенный 29 мая заместителем начальника военно-морского штаба адмирал Ониси Такидзиро в течение нескольких дней тщетно пытался убедить членов правительства отбросить всякие мысли даже о самой возможности капитуляции. После выступления по радио императора его отчаянные попытки оказались бессмысленными.

Поздно вечером, после беседы со своими подчиненными, он совершил сеппуку, одолжив меч у своего помощника. Офицер обнаружил адмирала, красиво, по всем правилам самурайского этикета распоровшего себе живот. Ониси отказался от услуг помощника, который, как и подобает в подобных случаях, предложил ударом меча отсечь ему голову, чтобы избавить от ужасной боли*.

«Отец» камикадзе был в сознании до самой смерти, которая наступила лишь после двенадцати часов мучительной агонии. На рабочем столе адмирала нашли прощальное письмо жене и послание своим молодым последователям. Письмо жене было кратким. Оно содержало небольшое стихотворение на память:

Итак, все сделано. И
я смогу уснуть На
миллион лет.

Послание друзьям-камикадзе было более простран-ным: «Выражаю мое глубокое восхищение храбрыми летчиками-героями. Они сражались и умирали доблестно, с верой в нашу конечную победу. Смертью я хочу искупить мою часть вины в провале по достижению этой победы и извиниться перед душами погибших пилотов и их осиротевшими семьями.

Надеюсь, что молодые японцы извлекут мораль из моей смерти. Быть безрассудным -- только помогать врагу. Стойко выполняйте решение, принятое императором. Не забывайте о своей справедливой гордости быть японцами.

Вы — сокровище нации. С жаром духа самопожерт-

* По-французски такой смертельный удар называется «*изу де грас*». Он наносится из милосердия, так как прекращает страдания. - *Прим. авт.*

вования боритесь за благополучие Японии и за мир во всем мире.

Вице-адмирал Ониси Такидзиро. Возраст — 54 года».

Похоронили «отца» камикадзе скромно. Солдаты наспех сколотили гроб. Под рукой оказались только короткие доски, и тело адмирала с трудом смогли поместить в нем.

После объявления капитуляции в стране царил подавленность, растерянность и неразбериха. Высшие морские чины потеряли всякое присутствие духа. Именно этим, наверное, можно объяснить спешку в организации похорон и отсутствие на них официальных лиц.

Примеру Ониси последовали другие военачальники. Застрелился главнокомандующий 1-й объединенной армией фельдмаршал Сугияма Хадзиме, тот самый, который когда-то хвастался, что «завоюет Китай за три месяца». Совершили сеппуку командующие 10-м, 11-м, 12-м фронтами, бывший командующий Квантунской армией и т. д.

Во второй половине августа самоубийства офицеров императорской армии и флота стали массовым явлением. Таков был страшный результат милитаристского, ультранационалистического воспитания. Обычно решившийся на самоубийство офицер, сопровождаемый родственниками и друзьями, шел на площадь перед императорским дворцом. Отделившись от сопровождающих, он некоторое время молча стоял или сидел по-японски, лицом в сторону дворца. Таких людей боялись и обходили стороной. Находясь в состоянии аффекта, решившийся на самоубийство человек становился крайне неуравновешенным и непредсказуемым. Наконец, после «ухода в себя», самоубийца решительным и резким движением вспарывал живот. Лишь после этого друзья могли облегчить его страдания.

Сложнее обстояло дело с расформированными отрядами камикадзе. Наиболее спокойных и уравновешенных из них отпускали домой, выдав при увольнении большие денежные оклады. Но значительная часть смертников, будучи психологически сломленной и не способной заниматься трудом, не могла реабилитироваться и

уходила из жизни. Массовые сеппуку совершали не только военные. Так, ночью 24 августа покончили с собой 14 сотрудников Института Дальнего Востока. Они и им подобные ультраправые националисты не хотели смириться с поражением Японии и не смогли «вынести невыносимое».

ГЛАВА XI САМУРАИ

НЕБЕС

«БОГИ БЕЗ ЗЕМНЫХ ЖЕЛАНИЙ»

Кто становился камикадзе? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя — слишком калейдоскопичную картину представляют их ряды. Прежде всего это молодые люди 17—24 лет. Неправильно всех их считать какими-то роботами или иступленными фанатиками. Среди камикадзе были люди всех социальных слоев, различных взглядов и темперамента. В одну из групп входили спонтанные герои — молодежь, с детства воспитанная в японских военных традициях. Как правило, она принадлежала к аристократическим семьям, подверженным националистическому угару, или к среднему классу, особенно преданному милитаризму и включавшему в себя многие семьи с самурайскими корнями. Для них идея патриотического долга определяла всю жизнь, а смерть в бою являлась не только возможной, но и желанной. Именно такие люди еще в начале войны заложили основы для появления идеи самоубийственных атак, совершая тараны вражеских целей по собственной инициативе.

Еще одну категорию молодых людей-камикадзе составляли выходцы из различных классов и социальных групп с сильно развитыми религиозными принципами — синтоистскими и буддийскими. Для них мало что значила преданность патриотическому долгу. Однако религиозные убеждения делали их восприимчивыми к идее самопожертвования как способу достижения духовного равновесия и присоединения к сонму священных предков.

Можно выделить и другую группу молодых людей. Они оправдывали самоубийственные атаки прежде всего из-за их эффективности. Они хорошо представляли себе сложившуюся военную ситуацию и безо всякого патри-

тического фанатизма и религиозной экзальтации видели в атаках камикадзе единственную возможность нанесения эффективных ударов по врагу. Такие летчики были уверены, что один пилот-самоубийца может причинить вражескому кораблю большие разрушения, чем целая эскадрилья обычных бомбардировщиков.

Ряды камикадзе пополняли также новобранцы, призванные на воинскую службу из университетов. Они стремились спасти «лицо» страны и сознательно жертвовали собой. Спокойные, серьезные, образованные и воспитанные — они составляли цвет нации и искренне стремились защитить родину от превосходящего в силах врага. Своей энергией, максимализмом, чистотой помыслов они достойны уважения и одновременно жалости, как обולваненные преступной японской военной. Смертниками становились также молодые и бесшабашные «сорви-головы». Будучи не в ладах с законом, они выбирали путь самоубийства во имя страны общества и, таким образом, превращались в героев. Если в начале отряды камикадзе формировались строго на добровольной основе, то позже, когда количество добровольцев резко сократилось, самоубийственными командование стало объявлять целые подразделения. При этом летчики оказывались в таких условиях и обстановке, что у них по существу не было выбора. Подобный подход к созданию «специальных подразделений» был характерен прежде всего для армейской авиации.

В общей массе летчиков-камикадзе выделялись так называемые «*китикай*» — «сумасшедшие», горевшие желанием поскорее совершить самоубийственную атаку, страдавшие «манией» самоубийства, иступленные фанатики. Их ряды не были многочисленными. Тем не менее почти в каждом подразделении «специальных атак» можно было найти своего китикай. Ярким примером камикадзе-китикай может служить лейтенант Фудзии Хадзими. Несколько раз он обращался к командованию с просьбой зачислить его в подразделение специальных атак. Однако всегда получал отказ, так как у него была семья и трое детей на иждивении. После очередного

отказа командования Фудзии пребывал в подавленном состоянии. Тогда жена, видя переживания мужа, покончила с собой, утопившись вместе с маленькими детьми. Фудзии добился своего и стал камикадзе. Он погиб 28 марта 1945 года, накануне битвы за Окинаву, пытаясь поразить американский корабль.

Другая группа смертников, не отличаясь особым рвением выполнить последний полет, получила прозвище «сукейбей» — сладострастники. Их укоряли в том, что они не спешат занять свое место в храме Ясукуни и продолжают жить в комфорте, постоянно посещая бордели.

Летчики, зачисленные в подразделения специальных атак, на первый взгляд продолжали жить по обычному распорядку. На самом деле их служба претерпевала коренные изменения. Теперь они не участвовали в боевых действиях — их готовили для одного-единственного полета. Позже, когда быстро редющие подразделения стали пополняться молодыми, совершенно неопытными пилотами, пришлось доучивать их непосредственно в боевых условиях.

Постоянное ожидание смерти было тяжким испытанием. Оно расшатывало нервы. Молодых пилотов не покидало чувство ужаса и отчаяния. Не случайно летчики избегали общения с дзен-буддийскими священниками — они не желали слушать их размышления об извечных проблемах человечества. В то же время они стремились поскорее уйти в свой последний полет и с нетерпением задавали вопрос «Когда?» своим командирам.

Подготовительный курс летчиков-камикадзе был невелик. В течение недели-двух они должны были совершить несколько полетов по отработке техники пикирования. Остальное время тренировались на простейших, примитивных тренажерах, занимались физической подготовкой — фехтовали на мечях, боролись и т. д.

Как это ни странно, но гнетущее чувство обреченности внешне у летчиков-камикадзе почти не проявлялось. Согласно кодексу бусидо, самурай ни при каких обстоятельствах не должен жаловаться на свои беды. Поэтому

внешне пилоты жили достаточно веселой жизнью. Будучи в увольнениях, они посещали близлежащие города с их гейшами и питейными заведениями. Это было естественно: они старались не отказывать себе ни в чем и таким отношением к жизни достигали эмоциональной разрядки, хотя бы на время снижая бремя обреченности.

Некоторых летчиков-камикадзе посещали родные. Пилоты не посвящали их в свои дела и в специфику боевых действий. На этот счет имелся строжайший приказ командования, запрещающий даже упоминать термин «специальная миссия».

Чтобы поднять дух летчиков корпуса «Боги грома», командование, например, организовало их поездку в Токио. Там они побывали у стен императорского дворца, посетили храмы Мейдзи, Того и Ясукуни.

Как правило, летчикам подразделений «специальных атак» не приходилось ожидать своей очереди слишком долго. Хотя и с разной интенсивностью, но начиная с 25 октября 1944 года камикадзе отправлялись в полеты почти непрерывно, если не мешала погода. Самое долгое ожидание, как правило, не превышало два месяца. Ротация летчиков происходила быстро и постоянно. Исключением из правила явился корпус «Богов грома». Он был создан 1 октября 1944 года. Однако в силу ряда причин его участие в боевых действиях постоянно откладывалось. Это не могло не сказаться на дисциплине пилотов, и вечером 9 января в казарме вспыхнула потасовка — случай, беспрецедентный для японских вооруженных сил. Командование сделало выводы, обратив особое внимание на свободное время пилотов. В середине января для них организовали массовое посещение родственников. 17 января в корпус нанес визит посланник императора, поблагодаривший «Богов грома» за доблестный дух и заверивший, что нация будет молиться за их души.

Рацион питания пилотов-камикадзе обычно не отличался чем-то особенным и тем более изысканным. Тяжелее всего было на Филиппинах, где летчики изо дня в день получали лишь один водянистый картофельный суп.

Установилась традиция, согласно которой вылетающим в последний полет пилотам выдавалась *бенито* - коробочка с едой. Она содержала восемь маленьких шариков из риса, называемых *маки-дзуси*. Такие коробочки первоначально выдавали летчикам, отправлявшимся в длительный полет. Но уже на Филиппинах ими стали снабжать и камикадзе. Во-первых, потому что их последний полет мог стать длительным, и требовалось поддерживать силы. Во-вторых, для летчика, который знал, что из полета не вернется, коробочка с едой служила мощной психологической поддержкой.

Во время праздников, а также вечеров, устраиваемых в связи с визитами высоких военачальников, угощение на столы ставили побогаче. Праздничный новогодний ужин на Филиппинах состоял из традиционного японского супа с рисовыми шариками и небольшой порции сладкого желе из бобов, называемого *йокан*,

На Формозе, Окинаве и собственно Японских островах камикадзе в достатке обеспечивались разнообразной пищей. Во время праздничной церемонии на Формозе, например, летчикам предлагалось соленое говяжье мясо и традиционная японская еда *ика* — сушеная каракатица.

В еще лучших условиях находились подразделения смертников, базировавшиеся на Кюсю. Их рацион включал в себя рыбу, морепродукты, овощи и блюда из них, такие, как, например, тофу — соевый творог — и мисо - ферментированная бобовая паста.

Камикадзе авиабазы Капойя оказывали местным крестьянам большую помощь в уборке урожая. Вскоре благодарные старики стали доставлять в штаб части свои подарки, количество которых оказалось внушительным: тысячи свежих яиц, сотни кур, три поросенка и даже корова.

Все торжества непременно сопровождались употреблением саке. Это национальный японский напиток пьют по-разному — неподогретым из небольших кипарисовых коробочек масу или подогретым из крохотных чашечек сакадзуки. Вскоре среди пилотов установился обычай устраивать вечеринки перед последним вылетом камикадзе. На них полные чашечки с саке, как вспоминал

один из участников, «поднимались вновь и вновь». В этом нет ничего предосудительного — такова культура потребления этого напитка крепостью 15—20% алкоголя. Следует также помнить, что организм многих азиатских народов не содержит в достаточном количестве специальный фермент, способствующий быстрому расщеплению алкоголя. Поэтому товарищи пилотов, отправляемых в последний полет, достаточно быстро хмелели. Что же касается самих камикадзе, то перед вылетом они себе расслабиться не позволяли. Характерен в этой связи случай с Младшим лейтенантом Икарияма Татсуя. 4 мая он прибыл в подразделение специальных атак «Такума», базировавшееся на Сикоку, и узнал, что в нем служат три его друга. Вечером он разыскал их. Радости не было предела, и друзья предложили отметить встречу. Но Икарияма отказался: «Извините, но завтра утром я отправляюсь в самоубийственную атаку и хотел бы быть в хорошей форме...»

—А как насчет консервированных ананасов? У нас есть баночка, припасенная для особого случая.

—Спасибо, нет. Я только что поужинал и не хочу переедать...

Беседа друзей продолжалась до отбоя. В 22-00 Икарияма попрощался и вернулся к себе в казарму. На следующий день он отправился на боевое задание, и никто его больше не увидел...

Капитан I ранга Накадзима Тадаси в этой связи отмечает, что «подобная преданность долгу, однако, не всегда была правилом на последнем, критическом этапе войны. Члены подразделений не были ни святыми, ни дьяволами. Они были людьми со всеми своими эмоциями и чувствами, достоинствами и недостатками, силой и слабостью обычного человека. Они пели песни, смеялись, плакали и пили, совершали хорошие поступки и дурные».

Интересны его наблюдения за новичками. «Казалось, — пишет он, — что у многих вновь прибывших поначалу не хватало энтузиазма. Они в самом деле были разбиты ситуацией, в которой оказались. У одних подобное состояние длилось лишь несколько часов, у других — не-

сколько дней. Это был период меланхолии, который со временем проходил и в конце концов уступал место духовному подъему. Затем, когда новичок стал постоянно сталкиваться с понятиями «смерть» и «бессмертие», подавленность исчезала, и появлялось спокойствие духа».

В качестве примера Накадзима приводит случай с младшим лейтенантом Куно. Прибыв на базу в расположение подразделения камикадзе, он находился в чрезвычайном смятении. Однако через несколько дней его как подменили: угрюмость исчезла, он стал веселым, в глазах появились искорки. Куно обратился за разрешением снять с самолета все лишнее оборудование, утверждая, что было бы расточительно отправляться с ним в самоубийственную атаку, в то время как оно нужно на земле.

Из тысяч молодых пилотов-камикадзе, вероятно, самый необычный поступок совершил лейтенант Нисио Мицутака.

В середине января 1945 года он обратился с просьбой к двум своим друзьям выступить свидетелями его помолвки с Таеко, горничной небольшого постоянного двора. Не получив разрешения командира подразделения на увольнение, он с товарищами поздно вечером самовольно покинул расположение базы и направился в соседний городок Савара. Там и произошла его импровизированная помолвка. Нисио и его возлюбленная обменялись несколькими глотками саке, как в таких случаях предписывал торжественный ритуал. После чего они опустились на расстеленные на полу матрацы и в течение нескольких минут молча лежали обнявшись с закрытыми глазами. Затем Нисио резко встал, оставив содрогающуюся от молчаливых рыданий возлюбленную, и вместе с друзьями вернулся на базу. Доложив командиру о самоволке и нарушении комендантского часа, «Боги грома» потребовали наказать их. 7 апреля Нисио Мицутака погиб в самоубийственной атаке, пикируя на американские корабли у Окинавы.

Для японца не существует мелочей. Тем более для камикадзе, готового уйти в мир иной. С первых шагов создания подразделений «специальных атак» выработался особый ритуал прощания и сформировалась особая

атрибутика. Камикадзе носили ту же форму, что и обычные летчики. Однако на каждой из семи ее пуговиц были выбиты три лепестка сакуры. По предложению Ониси, отличительной частью экипировки камикадзе стали белые повязки на лбу — хатимаки. На них часто изображали красный солнечный диск *хиномару*, а также выводили черные иероглифы с патриотическими, а иногда и мистическими высказываниями. Самой распространенной надписью была «Семь жизней за императора».

Другой традицией стала чашечка саке непосредственно перед стартом. Прямо на летном поле накрывали стол белой скатертью, причем белый цвет не был случаен. По японским поверьям, это символ смерти. На столе наполняли напиток чашечки и предлагали их каждому из выстроившихся в шеренгу летчиков, отправляющихся в полет. Камикадзе принимал чашечку обеими руками, низко кланялся и отпивал глоток. Этот обряд также ввел в практику Ониси. Он не упускал случая поднять свою чашку с уходящими на смерть пилотами и пожать каждому из них руку.

В армейской авиации выработался свой ритуал, но там на прощание пили простую воду, называемую *мизу*. Таковым был древний самурайский обычай, когда воинам предлагалось выпить воды из снятого источника. После чего камикадзе обычно пели старинную воинскую песню «Нихон гун кокоро» («Душа японской армии»).

В последние месяцы войны, когда и саке стало дефицитным, и морским камикадзе в чашечку наливали простую воду. Все смертники оставляли в специальных маленьких деревянных неокрашенных шкатулках обрезки ногтей и пряди своих волос для отсылки родным, как делал каждый из японских солдат. Называемые японцами «волосами ушедшего», они часто оставались в семье единственной памятью о сыне, исчезнувшем на огромных просторах Тихого океана, а также давали родственникам возможность символически похоронить его.

Почти каждый летчик, уходя в полет, повязывал сенин бари харамаки — подарок любимой женщины — матери, сестры, возлюбленной. Многие летчики брали с собой белый японский флаг с различными иерогли-

фическими надписями о силе духа, презрении к смерти и т. п.

Выполняя предписания синтоизма и подражая адмиралу Ямамото, которым восхищались и перед которым преклонялись*, летчики стремились вылететь на задание одетыми с максимальной безукоризненностью. Они сжигали старое обмундирование и надевали совершенно новое, еще не ношенное.

И армейские, и морские летчики-самоубийцы своими покровителями выбрали известных гунсинов, военных божеств древней Японии. Для армейских пилотов таковыми являлись бывший император Одзун, живший в 370—310 годах до н. э. и получивший после смерти имя Хатиман, а также известный военный герой XIX столетия Такамори Сайго. Морские камикадзе почитали Кусуноки Масасигэ, военного героя XIV века.

Приносящие удачу талисманы и охранительные амулеты с давних пор занимают важное место в жизни японцев. Многие японские солдаты постоянно носили их с собой. Почти всегда в свой смертельный полет брали с собой талисманы и летчики-камикадзе, надеясь, что они помогут им выполнить свою миссию. Распространены были деревянные или мягкие, матерчатые *ома-мори* — буддийские талисманы удачи, напоминающие небольших кукол. Некоторые амулеты представляли собой мешочки с написанными на них иероглифами-оберегами или свитки с заклинаниями. Обычно талисманы присылали родные, которые приобретали их в синтоистских и буддийских храмах. Летчики дорожили подобными подарками и всегда брали их с собой.

В японской армии меч являлся не просто оружием. Он воплощал в себе самурайские традиции, а поскольку камикадзе считали себя современными самураями, то меч стал самой отличительной чертой их экипировки. Каждому смертнику торжественно вручали именной самурайский короткий меч в парчовых ножнах. Он имел чисто ритуальное значение. Помимо причисления его владельца к числу самураев, что само по себе в военной

* Ямамото любил носить белоснежный кипель даже в боевой обстановке. — Прим. авт.

Японии было весьма почетно, меч по синтоистским понятиям облегчал переход самурая в мир kami, для чего в момент смерти требовалось держать его в руках*.

Зная, что уходят в другой мир, летчики-камикадзе всегда оставляли в кармане несколько медных монет. Предполагалось, что плата за перенос их душ через Санзу-но-кава, буддийскую реку Стикс, составляет три сэн**.

Нередки были случаи, когда камикадзе брали с собой в самолет пепел погибшего друга, не сумевшего совершить самоубийственную атаку. Так, например, 21 марта 1945 года, отправляясь в полет во главе группы «Богов грома», лейтенант Мицухаси Кентаро повесил на шею белый шелковый мешочек с пеплом Карийя Цутоми, погибшего во время тренировочного полета.

Капитан I ранга Накадзима вспоминает о другом подобном случае, имевшем место на Формозе. Однажды весной в штаб 765-й воздушной группы прибыла Кусанаги Мисао, жена высокопоставленного судьи. Она привезла с собой небольшую коробочку с шарфом и прядью волос погибшего сына. Он стремился стать камикадзе и проходил летную подготовку. И вот теперь, желая осуществить мечту сына, она попросила взять коробочку в самоубийственную атаку. На шарфе госпожа Кусанаги вышила: «Молюсь за прямое попадание. Мисао». Просьба матери была выполнена.

В начале января 1945 года моряки, убиравшие палубу авианосца «Манила Бей» после атак камикадзе, обнаружили среди покореженного металла, бывшего когда-то истребителем «Зеро», бумажник летчика-самоубийцы. В нем хранились фотографии родных, небольшая записная книжка с данными о магнитных поправках к компасу и... колода игральных карт, немало удивившая американцев.

Еще на Филиппинах появилась традиция посылать от имени командования родителям погибших смертни-

* Именно так погиб 18 апреля 1943 года адмирал Ямамото. Он был обнаружен в сбитом самолете с мечом, крепко зажатым в руках. — Прим. авт.

** 100 сэн = 1 йене. - Прим. авт.

ков письма, в которых в самых возвышенных выражениях прославлялся подвиг их сына. Скорбное послание должно было хоть как-то утешить родственников, которые получали также прощальные письма от самих летчиков, написанные накануне смерти. Содержание всех официальных писем командования было стереотипно. Оно оповещало о героической смерти летчика, о том, что он поразил вражеский корабль. При этом запрещалось сообщать, что в действительности он не сумел попасть в цель, что его сбили еще на подлете и т. д. Информация о самоубийственных атаках передавалась в газеты и на радио. Она подвергалась жесткой цензуре, и все погибшие камикадзе представлялись исключительно как «божественные герои», лишенные недостатков.

Самому смертнику и его семье присваивался титул *«хомаре но ие»* — «очень достопочтенные». Родственники получали особые привилегии: им добавочно выделяли продукты, увеличивали пенсии, о них писали в газетах. На всех торжественных мероприятиях им предоставляли почетные места. В обществе, где преобладает группизм, где популярна пословица: «Если гвоздь торчит, то его надо забить», подобные привилегии являлись весьма существенными и значимыми.

Статус летчика, вступившего в подразделение специальных атак, также менялся. Камикадзе считался будущим гунсином и поэтому уже при жизни пользовался определенными льготами. Он получал повышенное денежное содержание, отпуск для прощания с родными и близкими, улучшенное питание.

Как правило, все камикадзе указом императора посмертно повышались в звании на две ступени*. Многие из них посмертно награждались орденами империи — в основном «Орденом Золотого Сокола», а также более высокой наградой — «Орденом Восходящего солнца».

Особое значение для камикадзе имело то, что в храме Ясукуни устанавливалась медная табличка с его фамили-

* Исключение составили летчики, отправившиеся в самоубийственную атаку вместе с адмиралом Угаки. Они были повышены в звании на одну ступень. Угаки не был повышен вовсе. Дело в том, что адмирал и летчики совершили свою акцию несмотря на обращение императора, извещавшее об окончании военных действий. — *Прим. авт.*

ей и именем. Он становился гунсином — военным божеством, и его подвиг не забывался.

По вечерам, после тренировок и подготовки к самоубийственной атаке летчики отдыхали: пели песни, играли в карты, слушали граммофонные записи. В это время они расслаблялись и находились в каком-то отрешенном, даже несколько заторможенном состоянии. Перед вылетом пилоты раздавали личные вещи друзьям и, наконец, собирались для последнего детального обсуждения того, как лучше выполнить предстоящий полет и нанести смертельный удар.

Тактика «специальных атак» предполагала, что в случае необнаружения цели или невозможности нанести удар летчик мог вернуться на аэродром. После боев на Филиппинах выяснилось, что из каждых пяти вылетающих на задание камикадзе двое возвращались назад. Процент вернувшихся из самоубийственной атаки летчиков постоянно возрастал. Трижды уходил в полет старшина Ямамура Кейсукэ, и трижды его самолет «Ока» не был сброшен, так как пилоты не обнаружили врага. Ямамура пережил войну, хотя об этом и не мечтал. Товарищам импонировала выдержка, хладнокровие и спокойствие старшины Фудзита Юкиясу, который не менее семи раз вылетал в самоубийственную атаку.

Летом 1945 года возвращалось, не выполнив задание, более 50 процентов пилотов. Верховное командование знало об этом и пребывало в ярости. С этим надо было что-то делать. Но что?

29 июня с аэродрома на острове Кюсю в очередную самоубийственную атаку вылетела группа камикадзе. Погодные условия были ужасными, и на полпути командир предложил летчикам вернуться назад. Пятеро пилотов не услышали команду, и в конце концов их самолеты упали в море, израсходовав горючее. Назад вернулось одиннадцать машин. На аэродроме летчиков обругали и обвинили в трусости. Им сказали, что они изгнаны из подразделения, «специальных атак», так как не годны умереть за императора. Подобные беспощадные меры со стороны высшего командования свидетельствовали о том, что японская военная машина обречена и агонизирует.

Летчики-камикадзе давно поняли это. Многие из них уже «перегорели» и теперь безвольно плыли по течению, равнодушно ожидая приказа на взлет. Они игнорировали предупреждения о воздушных тревогах и перестали прятаться в укрытиях при налетах авиации противника. Все больше и больше пилотов покидали аэродромы без разрешения, предаваясь попойкам в близлежащих постоянных дворах. Они знали, что война проиграна, и не хотели умирать напрасно. Известен по крайней мере один случай, когда камикадзе, которого заставили вылететь в самоубийственную атаку, в отчаянии и гневě таранил собственный командный пункт.

Помимо жесткого отношения к камикадзе, высшее командование предприняло и другие меры: например, взрыватели авиабомбы устанавливали в таком положении, что летчики уже не могли посадить самолет, не взорвавшись. Из-за нехватки бензина получил распространение другой прием — заправлять самолет только для полета в район нахождения кораблей противника.

О чем думали и что чувствовали летчики-самоубийцы, вступив в подразделение специальных атак, ожидая своей очереди на смерть и уходя в последний полет? Ответ на этот вопрос дают прощальные письма молодых пилотов. Эсин Кайдзитсу Сусуми коротко и четко делится с родными обуревавшими его чувствами:

«...Мои дневные обязанности совершенно обычны. Мое самое большое беспокойство вызывает не смерть, а то, смогу ли я гарантированно потопить вражеский корабль. Эсины Миязаки, Танака и Кимура, которые летят вместе со мной, спокойны и собраны. Их поведение никак не выдает тот факт, что они в любой момент ожидают приказ вылететь в последний самоубийственный полет. Мы проводим время, читая и играя в карты, а также пишем письма.

Я убежден, что мои друзья приведут нашу божественную Японию к победе.

Словами невозможно выразить мою благодарность любящим родителям, которые направляли и заботились обо мне с детства. Я могу лишь немного отплатить за

милость, которую его императорское величество даровал нам.

Пожалуйста, следите за результатами моего посильного дела. Если результаты его окажутся хорошими, вспомните меня по-доброму и считайте, что мне благоволила судьба совершить что-то, достойное похвалы. А самое главное — не плачьте обо мне. Несмотря на то, что мое тело исчезнет, я вернусь домой духовно и останусь с вами навсегда. Мои мысли и наилучшие пожелания остаются с вами, нашими друзьями и соседями. В заключение этого письма я молюсь за благополучие моей дорогой семьи...»

28 октября 1944 года, непосредственно перед вылетом, старшина Матсуо Исао из 701-й воздушной группы отправил с Филиппин письмо, в котором он сумел ярко выразить те чувства, которые его переполняли:

«Дорогие родители! Пожалуйста, поздравьте меня. Мне предоставлена прекрасная возможность умереть. Это мой последний день. Судьба нашего отечества зависит от решительной битвы в южных морях, где я опадю подобно цветкам сияющего белизной вишневого дерева.

Я буду щитом тенно хейка и умру без следа вместе с моим командиром эскадрильи и другими товарищами. Я желал бы родиться семь раз, чтобы каждый раз смеяться над врагом.

Сейчас я радуюсь шансу умереть, как мужчина! До глубины сердца я благодарен моим родителям, которые растили меня с постоянной молитвой и заботливой любовью. Я также благодарен моему командиру эскадрильи и вышестоящим офицерам, которые смотрели за мной, как если бы я был их собственным сыном, и хорошо подготовили меня.

Спасибо вам, мои родители, за 23 года, в течение которых вы заботились обо мне и наставляли. Я надеюсь, что этот мой поступок хоть в какой-то незначительной мере отплатит вам за все, что вы сделали для меня. Вспоминайте по-хорошему обо мне и знайте, что ваш Исао погиб за нашу страну. Это мое последнее желание, и больше нет ничего, что бы я хотел.

Я вернусь как дух и с нетерпением жду вашего визита в храм Ясукуни. Пожалуйста, лучше заботьтесь о себе.

Как славен корпус специальных атак и его подразделение «Гиретсу», чьи бомбардировщики атакуют врага. Наша цель — спикировать на вражеский авианосец. Здесь находится кинооператор. Он снимает. Возможно, что вы сможете увидеть нас в выпуске новостей в театре.

Нас 16 воинов, управляющих бомбардировщиками. Пусть наша смерть будет так внезапна и чиста, как разбитый вдребезги кристалл.

Написано в Маниле накануне нашего вылета. Исао».

Энсин Ямагути Терио родился в 1923 году в префектуре Нагасаки. После окончания университета его зачислили в 12-ю воздушную флотилию, предназначенную для выполнения самоубийственных атак. В прощальном письме он пишет:

«...Меня выбрали (!) совершенно неожиданно в подразделение специальных атак. И сегодня я оправляюсь к Окинаве. Если бы мне был отдан приказ совершить самоубийственный полет, то мое искренне желание - достигнуть успеха, выполняя свой последний долг. И даже сейчас, в таких обстоятельствах, я не перестаю восхищаться прекрасной Японией. Что это, моя слабость?..

Моя жизнь на службе не была наполнена сладкими воспоминаниями. Это жизнь в покорности, смирении и самоотречении, естественно, не комфортная. Не способный к служебной жизни, я могу лишь использовать тот шанс, который она мне дает — умереть за свою страну...»

Энсин Окабе Хейити родился в 1923 года в провинции Фукуока. 22 февраля 1945 года он сделал запись в своем дневнике, которая оказалась одной из последних и во многом пророческой:

«...Вылет планируется в течение следующих десяти дней. Я — человек, и надеюсь, что не буду ни святым, ни подлецом и не дураком — просто человеком.

Как тот, кто провел жизнь в тоскливом стремлении к чему-то и в постоянных поисках, я умру с решительностью и надеждой, что моя жизнь послужит «челове-

ческим документом». В мире, в котором я жил, было слишком много раздоров. Поэтому сообщество рационального человеческого сосуществования должно быть лучше обустроено...

Мы с радостью служим нации в этой жестокой борьбе. Мы будем таранить вражеские корабли, лелея надежду на то, что Япония станет местом, где живут только любящие семьи, храбрые женщины и прекрасная дружба.

В чем сегодня долг? Сражаться. В чем завтра долг? Победить. В чем ежедневный долг? Умереть. Мы умираем в битве без жалоб...

Если по странному стечению обстоятельств Япония вдруг выиграет эту войну — это будет фатальным невезением для будущего нации. Было бы лучше пройти через настоящие тяжелые испытания, что только укрепит ее.

Подобно вишневому цветку
По весне
Пусть мы опадём,
Чистые и сверкающие».

Японцы — нация, тонко чувствующая поэзию, и многие камикадзе, уходя из жизни, оставляли небольшие стихотворения. Это не что иное, как традиция, берущая начало в старой Японии. Обычай слагать перед смертью стихотворение, называемое *дзисэй*, дошел до XX века и был ярко продемонстрирован во время войны на Тихом океане. Показательны предсмертные стихи Ониси и Угаки. Но это пожилые люди, у которых позади бурная жизнь. Гораздо ценнее высказывания юных пилотов — они бесхитростны и простосердечны. «Я погибну, смеясь и распевая песни. Пожалуйста, посетите храм Ясукуни этой весной. Я буду улыбаться там в виде вишневого цветка вместе с моими товарищами», — написал 20-летний «бог грома» старшина Симамура Атару. «Рано или поздно человек умрет. Ценность человека определяется во

время его смерти», — считал 19-летний «бог грома» старшина Камеда Наокити.

«Мы делаем то, что лучше всего защитит отечество», — эта мысль прослеживается во многих письмах молодых камикадзе. Они искренни в своих чувствах и одновременно наивны, но догадываются об этом: «Невинная молодежь, мы мало знаем о делах в мире...»

Тем не менее им не откажешь в умении мыслить и делать правильные выводы: «Нет абсолютно никакой причины тратить мою жизнь», «Все мои друзья погибли напрасно...», «Мы все... подобны заключенным, приговоренным к смерти». Но это именно так. Они идут на смерть и говорят так, как чувствуют и понимают.

У этих мальчишек — заложников собственной волеи — трезвый проницательный ум, и они способны, анализируя происходящее, заявить: «Кто может сказать, что атомная бомба более гуманна?»

ТРАГЕДИЯ ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ

«И сказал Самсон: умри, душа моя, с филистимлянами! И уперся всею силою, и обрушился дом на владельцев и на весь народ, бывший в нем. И было умерших, которых умертвил Самсон при смерти своей, более, нежели сколько умертвил он в жизни своей». — Так рассказывает Библия о подвиге ветхозаветного героя Самсона, вероятно, одного из первых, кто воспользовался самопожертвованием для уничтожения врага.

В анналах военной истории можно встретить немало примеров использования тактики, основанной на презрении к смерти. Вспомним, к примеру, царя Леонида и его спартанцев. В истории Японии особенно много подобных примеров, так как для японцев долг традиционен — выше всего — даже жизни.

И все же самоубийственные атаки камикадзе не имеют аналогов в мировой истории. Самоубийственные поступки прошлого всегда происходили внезапно. Героям, их совершившим, не хватало времени сосредото-

читься и собраться с духом. Совсем другое дело с камикадзе. Их смерть планировалась заранее. Они к ней готовились и даже знали, когда уйдут в последний полет.

После капитуляции страны многие японцы решительно отвергли тактику камикадзе, подвергнув жесткой критике ее инициаторов. Одним из оппонентов стал бывший премьер-министр Японии адмирал Судзюки Кантаро. В японо-китайскую войну при проведении одной из дерзких операций, блестяще воплощавшей традиционное для самураев презрение к смерти, ему довелось командовать группой торпедных катеров. Боевой адмирал, сам смотревший смерти в глаза, так оценивал камикадзе и их тактику:

«Дух и подвиги пилотов-камикадзе, безусловно, вызывают глубокое восхищение. Но эта тактика, рассматриваемая с точки зрения стратегии, является пораженческой».

Способный командир никогда не прибегнет к таким чрезвычайным мерам. Дерзкая попытка блокировать Порт-Артур во время русско-японской войны не была одобрена до тех пор, пока не доказали, что существует реальная возможность спасти матросов. Их единственная задача состояла в том, чтобы затопить старые корабли у входа в залив. Командующий отказывался дать разрешение на проведение операции до тех пор, пока его не заверили, что моряков с кораблей подберут спасательные лодки. Вот пример хорошего командира.

Другой пример — карликовые подводные лодки, атаковавшие Пёрл-Харбор в начале войны. Адмирал Яммото не утвердил бы их участие в операции, если бы ему не доказали, что у подводников был по крайней мере хоть какой-то шанс возвратиться назад.

С другой стороны, атаки камикадзе выполнялись безо всякой надежды на возвращение. Они — яркое свидетельство нашего страха перед неизбежным поражением, когда не было никаких других возможностей изменить ход войны. Воздушные операции, которые мы начали проводить на Филиппинах, не оставляли возможности уцелеть. После гибели опытных летчиков в самоубий-

ственные атаки приходилось бросать менее опытных, и в конце концов тех, кто вообще не имел никакой подготовки».

Еще более резко оценили самоубийственную тактику камикадзе гражданские лица. Один из них, доктор Судзуки Дайсёцу, видный и авторитетный проповедник дзен-буддизма, заявил:

«Недавняя война должна быть рассмотрена с различных углов. Специального отношения требуют определенные ее черты, свойственные только Японии. Одним из проявлений этих особенностей является создание подразделений специальных атак...

Японскую армию вдохновили некоторые германские идеи, в том числе мысль о том, что война — это разрушение. Военный потенциал врага, какой бы он ни был, должен быть разрушен...

Война — это столкновение двух сил. Враждебная сила должна быть уничтожена как можно скорее. Поэтому солдаты не должны рассматриваться с точки зрения своего человеческого существования, но исключительно как средство разрушения...

Камикадзе как раз и появились в результате подобного взгляда!.. В дело были пущены специальные фразы типа «наивысшая цель нашей страны»...

Профессионалы-военные все время старались убедить от специальных атак членов собственных групп, наиболее подготовленных летчиков. Первыми они бросали в жерло битвы не членов своей клики, а гражданских непрофессионалов — недавних выпускников школ и университетов.

Печальнее всего то, что японские военные обычно были атеистами в своих взглядах. Во флоте ли, в армии — они бесконечно повторяли синтоистские высказывания типа «божественная слава его величества», «божественная нация», «священная война» и тому подобные фразы. Однако они игнорировали такие действительно общечеловеческие понятия, как любовь, гуманность и добро, или пренебрегали ими.

Синтоизм наполнен богами войны, но в нем нет места богам или богиням любви. Эти военные боги -

следствие японской замкнутости... Они не дают жизнь, они только забирают ее.

Полагая, что разрушение является единственным методом ведения войны, ставилась цель убивать врага любым способом. Неизменная мысль военных — «смысл жизни состоит в том, чтобы умереть, подобно истинному самураю». Атаки камикадзе, продукт этих двух феодальных концепций, обеспечивали максимальную эффективность действий человека и оружия. А профессиональные милитаристы ловко использовали преимущества сложившейся ситуации».

Доктор Судзуки не только осудил японскую военницу, организовавшую и направлявшую атаки смертников. Он также выступил в целом против японцев, утверждая, что тактика камикадзе является следствием их ненаучного мировоззрения.

Он утверждал, что ненаучное мышление японских военных привело к рождению самоубийственной тактики. «Далекая от того, чтобы ею гордиться, она должна остаться позором японцев», — заявлял Судзуки.

С интересными наблюдениями выступил Ватанабе Казуо из Токийского университета:

«Некоторые из знакомых мне молодых людей были зачислены в подразделения специальных атак... Когда их направили на фронт под звуки медных труб, или когда уже в солдатской форме с ними обращались грубо как с представителями интеллигенции, они лишь говорили себе: «Поживем — увидим!» Или когда их принудили стать добровольцами-камикадзе и они прошли подготовку, чтобы занять место профессионалов — они утешали себя: «Поживем — увидим!»

Все их поведение основывалось на подобном стоическом отношении. Я уважаю их за этот дух и восхищаюсь людьми, которые были способны вынести все это.

Наша молодежь не могла выразить свое возмущение против обстановки, которую мы, старшее поколение, создали. Но они инстинктивно протестовали и отстаивали то, что считали правильным. Если сегодня пережившие войну камикадзе смущены мыслями о том, что путь, по которому они шли, был неверным, то это не что

иное, как суждения, вынесенные исходя из свершившегося позднее. А в то время те, кто имел отношение к камикадзе, руководствовались больше интуицией, чем разумом».

Некоторые японцы отметили тот факт, что духовная сила нации проявляет себя вспышками, но в течение достаточно продолжительного периода она убывает и становится слабой. Характерный пример — атаки камикадзе. Соответственно делался и вывод: духовные основы нации должны быть более прочными, не подверженными кратковременным «приступам» героизма.

Автор одной из книг о японском национальном характере Осима Масанори также не мог обойти тему камикадзе:

«Когда нация переживает кризис, то возникает потребность в незамедлительном действии. В это время ее достоинства и недостатки становятся заметными и явными... проявляется настоящий характер народа. Верность императору и патриотизм — реальные добродетели нашей нации — проявились в полной мере. Эти добродетели воплощены в выдающейся доблести наших пилотов-камикадзе.

Часто утверждают, что японцы превосходят другие нации по своей верности и храбрости. Для них смерть лишена страха и ужаса. Поэтому храбрость японцев на поле боя выступает как свидетельство подобного отношения к смерти. В этом состоит сильная сторона японского характера. Но в этом кроется и его слабость, так как японцы склонны относиться несерьезно к своим жизням и всегда готовы умереть. Храбрость для них очень часто — дело импульса, а не тщательно обдуманного и вызревшего решения.

С другой стороны, уроженцы Запада высоко ценят жизнь человека. Поэтому они не стремятся умереть с такой готовностью, как японцы. Вследствие чего они не могут постичь и философию летчиков-камикадзе, самоубийственные атаки которых — не вопрос храбрости. Ведь уроженцы Запада демонстрируют величайшую отвагу, покоряя природу, охотясь на диких животных, открывая новые земли. Но когда они вовлечены в рис-

кованное предприятие, то относятся к нему с величайшей изобретательностью и рассудительностью. Подобный подход должен послужить хорошим уроком для нас».

Атаками камикадзе восхищались все — и друзья, и враги. Американцев всегда поражал боевой дух, демонстрируемый летчиками-самоубийцами. Они изумлялись самой концепции смерти и разрушительному потенциалу их тактики. Дух камикадзе, берущий начало в глубинах японской истории, иллюстрировал на деле концепцию власти духа над материей. «Было какое-то гипнотизирующее восхищение в этой чуждой Западу философии, — вспоминал вице-адмирал Браун. — Мы заворуженно наблюдали за каждым пикирующим камикадзе — больше как публика на спектакле, чем жертва, которую собираются убить. На какое-то время мы забывали о себе, собравшись группами и беспомощно думая о человеке, который находится там».

Из этого почти патологического восхищения образовался сумбур теорий и слухов: камикадзе вылетают в бой подобно священникам в рваных рясах; они накачаны наркотиками; они прикованы цепями в кабинах; они — элитная группа, подготовленная к самоубийству с детства и т. п.

Некоторые вполне серьезно доказывали, что японцы не ценят жизнь так высоко, как европейцы. Поэтому им легко расставаться с ней, жалкой и никчемной.

Некоторые исследователи не склонны рассматривать атаки камикадзе как героические. Они пытаются объяснить их, ссылаясь на особый «национальный характер», что в какой-то мере умаляет значимость подобных действий, так как героизм превращается в своего рода патологию, извращенность, врожденный фанатизм.

Безусловно, ни один из народов не обладает монополией на героизм. Тем не менее часто отвага врага не оценивается достойно. Более того, доблестные поступки вражеских солдат чернятся или в лучшем случае замалчиваются. Так называемый классовый подход служил «великолепным» методом, позволяющим с легкостью вешать ярлыки на героическое в буржуазном обществе,

оставляя монополию на истинный героизм только за представителями рабочих и крестьян. Тогда получается, что штурмовали Измаил, сражались с войсками Наполеона на Бородинском поле кто угодно, только не герои.

Героизм — качество, присущее всем народам. Древнеримский поэт Гораций считал, что долг каждого солдата своей жизнью защищать государство: *Dulce et decorum est pro patria mori**.

Известно так называемое берсеркерское чувство**: броситься вперед, врезаться в самую гущу врагов, и если умереть, то умереть смертью героя.

В минуту смертельной опасности ум всецело подчиняется инстинкту самосохранения. Обуздать его может лишь нечто более сильное, а именно дух. Последний же укрепляется традицией — как раз тем, чем так славится Япония.

Здесь самоубийство никогда не считалось позором. Более того, бывает, что иногда оно прославляется, так как смысляет с человека позор, «потерю лица». Вот почему идея о том, что каждый солдат обязан предложить свою жизнь стране и императору, могла появиться только в Японии. Ее с готовностью взяла на вооружение японская военщина. Военная традиция, ориентированная на возможность неограниченного жертвования жизнями своих солдат, оказалась для японских империалистов той «палочкой-выручалочкой», с помощью которой они надеялись переломить ход войны, точно так же как нацисты уповали на «чудо-оружие».

Интересна мысль Йохана Хейзинги о том, что культ героического есть сам по себе показатель кризиса. Он свидетельствует о том, что одного выполнения своего долга уже недостаточно, что нужно стимулировать энергию общества...

Можно ли осуждать молодых японцев, готовых на все ради своей родины? Пылкие и горячие ее защитники, они считали для себя единственно верным умереть в бою, уничтожая ненавистных врагов.

* «Приятно и почетно умереть за родину» (лат.). — *Прим. авт.* ** От берсеркер — древнескандинавский витязь, неистовый воин. — *Прим. ред.*

Такое поведение молодых людей, на наш взгляд, не должно осуждаться как вполне естественное. Большое их число, массовый характер порыва вызывают лишь уважение и, несомненно, делают честь Японии, умеющей воспитывать патриотов, мыслящих и действующих именно так. С чисто человеческой точки зрения мораль, взгляды и поступки камикадзе характеризуются как героические, не иначе. С этой точки зрения японская молодежь мало отличалась от молодежи других стран; Вместе с тем трагедия целого поколения японских юношей заключалась в том, что они стали заложниками милитаристских авантюристов, преступно развязавших войну на Тихом океане.

Впрочем, все общество в предвоенной Японии было серьезно поражено националистической «лихорадкой» и идеями экспансионизма. Не удивительно, что молодые люди выражали такие же взгляды, что и подавляющее большинство населения. В конце 1944 года, когда возникла опасность непосредственно метрополии, японскому Молоху войны срочно потребовалось пушечное мясо. Интенсивная идеологическая обработка, в том числе злобный национализм, изощренная система боевой подготовки, обучение жестоким приемам и методам борьбы -- все это быстро превращало молодых людей в слепых исполнителей чужой воли. Часто камикадзе называют фанатиками. В какой-то мере такая их характеристика справедлива, особенно на первых этапах формирования отрядов самопожертвования. Тем не менее думается, что неправильно считать фанатиками всех, кто оказался в рядах камикадзе. У многих из летчиков-самоубийц не было другого выбора, и они вовсе не горели желанием непременно погибнуть. Они понимали, что, отказавшись принять участие в «священной войне», будут опозорены на всю жизнь вместе со своими семьями. Вместе с тем юношей убеждали, что только боевые действия, в которых японские солдаты заранее обрекли себя на смерть, обеспечат Японии победу. Поэтому уходящих воевать в полном соответствии с японской традицией родители и родственники оплакивали как покойников.

Массовые подразделения летчиков-самоубийц были созданы сверху военным командованием. Самоубийственные атаки тщательно планировались. Отдавались приказы на их проведение. Шла напряженная работа по созданию специальных самолетов и других летательных аппаратов камикадзе.

И все же самоубийственная тактика не могла привести Японию к победе. С расширением использования камикадзе японцы по сути отказались от воздушной войны. Летчик-самоубийца мог совершить атаку только один раз. Самопожертвование лишь усугубляло кризис японской военной машины. Да, эффективность ударов камикадзе была выше, чем обычных пилотов. Но как в этом случае компенсировать безвозвратные потери? С этой точки зрения атаки камикадзе были бессмысленны и вредны для японской авиации.

Все это — специфическое уродливое явление, порожденное крайне агрессивным японским империализмом. Это — не что иное, как преступление японской военщины против собственного народа, свидетельство ее авантюризма и ущербности военной мысли, основанной на феодальных представлениях.

ГЛАВА XII

И ВНОВЬ КАМИКАДЗЕ

ЗЛОВЕЩИЕ ГРОЗДЬЯ НЕНАВИСТИ

Прошло уже много лет после окончания войны на Тихом океане, однако термин «камикадзе» не только не позабыт, но все чаще упоминается в средствах массовой информации. Иногда в обиходе этим словом иронично называют человека, неоправданно рискующего жизнью. Но все же термин стал расхожим совсем по другой причине: в мире неимоверно возросла угроза терроризма. Именно террористические организации реанимировали дух самопожертвования и стали в последние десятилетия широко использовать так называемые «живые бомбы» для решения сложных политических, национальных или религиозных проблем.

Кто же такие «камикадзе» наших дней? Приведем несколько примеров.

30 мая 1972 года трое террористов ворвались в зал ожидания израильского аэропорта Лод. Они стали стрелять из автоматов и бросать гранаты. Убив 26 и ранив 72 человека, преступники застрелили друг друга. Как выяснилось, они принадлежали к левой террористической организации «Красная Армия Японии», члены которой часто прибегали к самопожертвованию.

29 сентября 1980 года разразилась ирано-иракская война, продолжавшаяся в течение восьми лет. Нас в ней интересуют иранские добровольцы — «кандидаты в мученики». В белых одеждах-саванах, с кроваво-красными повязками на головах, с металлическими «ключами от неба» на шее и талисманами с надписью «У меня есть разрешение вознестись на небеса», они перед отправкой на фронт целовали Коран, уверенные, что после «мученической» гибели им обеспечено место в раю.

Для добровольцев, желающих умереть за «правое дело

ислама», устраивались праздничные обеды. Им выдавали единовременное пособие.

Прибывшие на фронт «мученики» некоторое время подвергались дополнительной религиозной обработке, призванной «создать обстановку пробуждения». После чего набранные в детских домах мальчишки 10—14 лет, дряхлые старики и даже «добровольческие» подразделения девочек-подростков — все бросалось в наступление. Распространенной была тактика «живой человеческой волны»: выстроившись длинными шеренгами, «мученики» под огнем врага без артиллерийской поддержки бежали на минные поля и собственными телами разминировали их. Бросавшиеся в самоубийственные атаки «солдаты ислама» с алыми повязками на головах если и отличались от японских солдат Второй мировой войны, то лишь цветом повязок.

Подобные наступления достигли кульминации в середине февраля 1984 года, после чего Ирану стало трудно сохранять дух самопожертвования и набирать новых добровольцев.

Война постепенно сошла на «нет». Иран понес тяжелые людские потери. Согласно оценкам, погибло не менее полумиллиона человек. Большую их часть составили подростки-«мученики», продемонстрировавшие миру иступленный религиозный фанатизм и впервые после 1945 года предпринявшие грандиозные самоубийственные атаки невиданного до сих пор размаха.

Наиболее масштабно используют тактику камикадзе в современных условиях исламские религиозные фанатики из Народного фронта освобождения Палестины — Главного командования, международной группировки «Исламский джихад», движения «Хезболлах» («Партия Аллаха»), «Исламского движения сопротивления», или ХАМАС.

В понедельник 18 апреля 1983 года грузовик со взрывчаткой подъехал к американскому посольству в Бейруте и взорвался. Погибли 49 и получили ранения 120 человек. Это был первый пробный самоубийственный акт на Среднем Востоке. Но, к сожалению, не последний и не самый мощный.

23 октября 1983 года в 6-20 со стороны бейрутского международного аэропорта к американскому штабу морской пехоты подъехал грузовик. Внезапно водитель круто повернул машину, и та, пробив ограждение, влетела во двор, где в казармах спали солдаты. Через мгновение водитель привел в действие взрывное устройство. Тонна взрывчатки образовала кратер диаметром 12 и глубиной 9 метров. Американцы потеряли погибшими более 240 солдат морской пехоты, 100 получили ранения.

Через несколько минут другой грузовик со взрывчаткой был взорван террористом-смертником у здания, где находились французские солдаты. Погибли 58 человек.

Рано утром 21 августа 1995 года по улицам Иерусалима двигался переполненный автобус. Студенты спешили на занятия, другие пассажиры — на работу. В 7-55 на одной из остановок вошел молодой араб и сел на заднее сиденье. Внезапно он раскрыл сумку и замкнул цепь взрывного устройства большой мощности, как впоследствии выяснилось, содержавшего не менее четырех килограммов взрывчатого вещества.

Мощнейший взрыв испепелил самого террориста, сидевшего рядом американца и трех израильтян. Разворотило боковую сторону автобуса и сильно повредило другой автобус, шедший рядом. В результате теракта погибли 5 и получили ранения 107 человек.

Основной фигурой подобных акций, переполненных религиозной нетерпимостью, являются так называемые «шакиды» — воины-мученики.

Описанный выше теракт в автобусе совершил, например, Сабиах Джабарин — фанатичный 26-летний палестинец.

Идея мученичества интересна сама по себе. Присущая многим религиям мира, она имеет долгую историю. Яркий пример мученика — Христос. Мученичество считается не только свидетельством степени чьей-то приверженности вере, но также специфическим актом самопожертвования. Подобный ритуал разрушения можно встретить практически в любой религии мира. Интересно, что латинское слово *sacrificium*, означающее самопожертвование, происходит от словосочетания «делать святым».

С точки зрения радикального мусульманства самопожертвование — акт, захватывающий и привлекающий внимание не только тем, что включает в себя убийство, но и тем, что считается облагораживающим своего исполнителя. Убийство, таким образом, рассматривается как позитивное действие.

Каков портрет арабского мученика-самоубийцы? Это молодой, 18—25 лет палестинец, как правило, безработный, малограмотный, из бедной семьи. Он ненавидит Израиль, выступающий против исламской Палестины, и считает, что у человека может быть только одна смерть — поэтому жизнь надо отдать во имя Аллаха. Он готов принять «истисхади» — добровольное мученичество, чтобы внести свою лепту в священную войну джихад.

Тщательно отобранный руководством организации, будущий смертник подвергается интенсивному психологическому воздействию. Он письменно подтверждает свою готовность стать «живой бомбой». Накануне теракта моется и бреет голову, как подобает мученику. Самоубийца знает, что будет вознагражден: на небесах, согласно арабским представлениям, его ждут 70 девственниц и 70 жен. Акт самопожертвования хорошо оплачивается. Семья мученика получит наличными от 12 до 15 тысяч долларов США. Его подвиг всячески прославляется, а портреты вывешиваются в самых людных местах.

Бомбы для смертника изготавливаются двумя способами. Самый простой — установить ее в рюкзаке или чемоданчике. Но при повышенной бдительности населения этот тип бомбы стало трудно применять. Поэтому террористы перешли к изготовлению специальных бомб, представляющих собой подобие жилета, длинные карманы которого набивают взрывчаткой. По возможности каждая шашка взрывчатого вещества снабжена отдельным детонатором; которые объединены в общую систему. Смертник имеет возможность произвести взрыв почти мгновенно, замкнув цепь. Часто бомба снабжается радиодетонатором, позволяющим ее взорвать и без самоубийцы. Это делается на тот случай, если у смертника не выдержат нервы, и он начнет уклоняться от совершения теракта. Поверх жилета со взрывчаткой

смертники надевают еще один, наполненный гвоздями, кусочками металла и т. п. для увеличения поражающего эффекта.

Взрывы террористов-самоубийц то и дело гремят не только в Иерусалиме и Тель-Авиве, но и в Газе, Ароуле, Хедере, Бейтлиде и других городах и населенных пунктах. Их жертвами становятся как военные, так и гражданское население — женщины и дети. Впрочем, для религиозных фанатиков это не имеет значения. Смысл самоубийственных взрывов как раз и состоит в том, чтобы уничтожить как можно больше гяуров — неверных.

Отсутствие этно- и конфессионального равновесия на острове Цейлон привело к длительной вооруженной борьбе. Интересы тамильского меньшинства выражает известная террористическая организация «Тигры освобождения Тамил Элама». Около десяти тысяч ее бойцов — фанатики, ни при каких условиях не сдающиеся в плен. На шее они носят небольшие ладанки с цианистым калием, чтобы покончить с собой при угрозе плена. Среди них много террористов-самоубийц. Для «тигров» нет преград в осуществлении задуманного: их дерзкие террористические акции заставили содрогнуться мир. 21 мая 1991 года жертвой «тигров» стал премьер-министр Индии Раджив Ганди. Две молодые тамильские женщины, спрятав взрывчатку под сари, протиснулись к Ганди с огромным букетом цветов. Вручив его, они произвели взрыв, отомстив премьер-министру за его решение послать на остров индийские войска.

В 1993 году во время первомайской демонстрации террорист-смертник убил президента Шри-Ланки Рана-сингхе Премадаса и еще около двадцати человек из его окружения. Подобные самоубийственные акции смертников не прекращались и в 1994—1998 годах.

Поздно вечером 2 июля 2000 года управляемый смертником-чеченцем грузовик на большой скорости протаранил ворота и врезался в стену общежития в городе Аргун, где находились челябинские милиционеры. Мощный взрыв разрушил здание, погибло более сорока человек. В это же день подобные теракты были совершены

в Урус-Мартане, Гудермесе и населенном пункте Нойбе-ра.

Через пять дней два смертника взорвали себя и машину у селения Алхан-Юрт. Два омовца погибли и пять получили ранения.

Итак, мир вступил в XXI век с феноменом тактики «камикадзе», которая оказалась востребованной многими этническими, религиозными и политическим группами, отстаивающими свои интересы. И пока в отдельных регионах мира сохраняется и нарастает напряженность, там всегда найдется место насилию и совершенно варварскому, самоубийственному способу достижения своих целей. Более того, увеличивается опасность использования в самоубийственных терактах передовых технологий и оружия массового поражения. Пример с газовой атакой, проведенной в токийском метро японской сектой «Аум Синрикё», настораживает. Он заставляет вспомнить замечательные слова, сказанные давно и по другому поводу, но не потерявшие своей актуальности и сегодня: «Люди! Будьте бдительны!» Современному обновленному фанатизму всяких мастей, поднявшему голову во многих странах, можно противопоставить только выдержку, терпение и бдительность. Другого не дано.

КУДА ИДЕШЬ ТЫ, МАЛЕНЬКИЙ ВЕЛИКИЙ СОСЕД?

Парадокс истории состоит в том, что после окончания Второй мировой войны мировое сообщество, осудив японских военных преступников, сочувствовало населению этой страны, ставшему заложником касты милитаристов и жертвой атомной бомбардировки. В то же время развязывание войны японской военщиной, ее дикие вакханалии массовых преступлений — все это оказалось отодвинутым на задний план и даже скрытым от японцев как что-то несущественное и недостойное внимания. В результате «Япония сумела избежать морального наказания цивилизованного мира, подобно Германии», — делает

вывод Айрис Чанг*. И не только морального, так как доля выплат Японии жертвам своих военных преступлений составляет менее одного процента от объема выплат Германии жертвам нацистского холокоста. Более того, японцы постоянно замалчивают трагедию в Нанкине и другие преступления военщины. Из музеев, школьных учебников убрано все, что бросает тень на японский империализм, развязавший многолетнюю кровавую войну на Тихом океане. В них не найти выражений типа «японские преступления» или «японская агрессия» — Япония должна выглядеть благопристойно!

В 1985 году министерство просвещения предложило всем школам использовать флаг «Хиномару» и гимн «Кими га ё» на церемониях по случаю начала и конца учебного года**. Таким образом, символы милитаристского государства-агрессора получили второе рождение!

В 1966 году был восстановлен главный государственный праздник милитаристской Японии — «Кигэн сэцу» (День основания империи). Японцы верят, что 11 февраля 660 года до н. э. на трон взошел первый японский император Дзимму. И хотя 1 января 1946 года Хирохито отрекся от своей «божественной» сущности, восстановление праздника свидетельствует о том, что миф об исключительности расы Ямато, непосредственно связанный с легендой о Дзимму, необыкновенно живуч.

Интересно, как бы отреагировали народы Европы, если бы в Германии, скажем, возвели памятник Гитлеру в центре Берлина? А между тем в Японии память о военных преступниках бережно хранят и всех их причислили к лику военных божеств в храме Ясукуни! В том числе и Тодзио Хидеки по прозвищу «Бритва»! Чтобы помолиться за души 2 миллионов 465 тысяч погибших, занесенных в реестры храма, начиная с 1975 года премьер-министр и члены правительства ежегодно посещают его.

В Японии нет неизвестных героев. Все павшие обо-

* Chang Iris. The Rape of Nanking. The Forgotten Holocaust of World War II. New York, 1997, p. 12.

** Запрет на поднятие флага с солнечным диском, наложенный американскими оккупационными войсками, был снят еще 14 сентября 1948 года. — Прим. авт.

жествлены, а их фамилии вписаны в таблицы храма. Отдавая долг погибшим, японские власти одновременно и реанимируют функции главного милитаристского пантеона Японии, долгие годы служившего орудием мобилизации рекрутов. Это не может не настораживать.

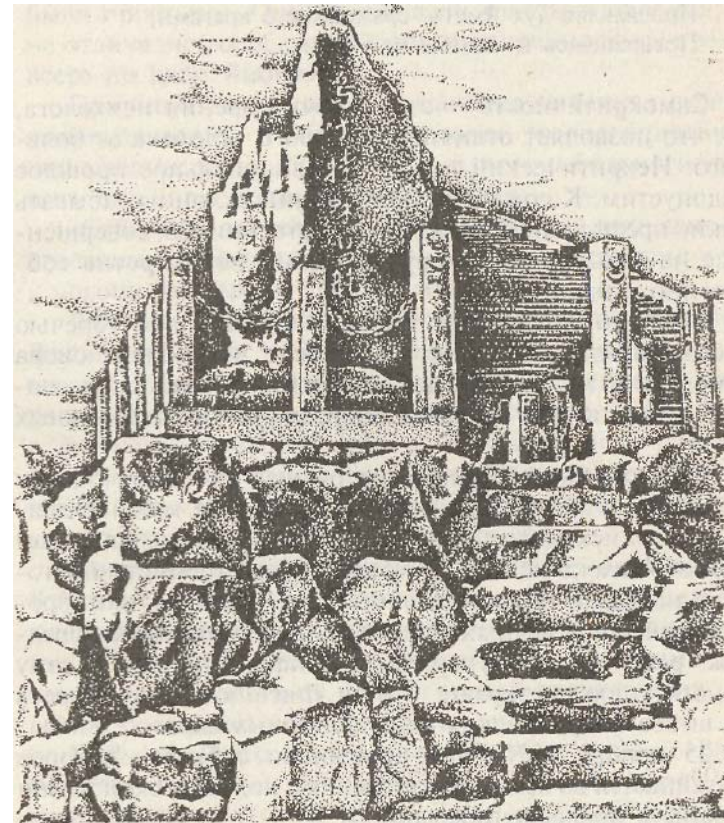
В День памяти предков и в другие праздники в Ясукуни полно посетителей. Ежегодно 21 марта в храме собираются бывшие «Боги грома». Подводники миджетов встречаются раз в год у двух мемориалов погибшим экипажам. Даже на далеком Мадагаскаре установлено два памятника японским подводникам.

Давно отгремели последние бои «Дай Тоа Сэнсо» — Великой Восточно-Азиатской войны, как называют войну на Тихом океане японцы. Однако реликвии кровавых битв бережно хранятся в японских музеях и в других местах.

На острове Этадзима, что во внутреннем Японском море, расположено элитное высшее военно-морское учебное заведение — Морской корпус. У здания музея корпуса установлена на кильблоках человеко-торпеда кайтен.

Не «повезло» другому самоубийственному оружию. Сразу же после окончания войны в Японию и страны, бывшие под ее оккупацией, устремились американские команды по сбору образцов авиатехники. Они разыскивали и доставляли в США японские самолеты. Осенью 1945 года бытовала поговорка: «Немцы сражались за Гитлера, японцы — за императора, а американцы — за сувениры». В итоге в музеях США оказалось семь экземпляров самолета-снаряда «Ока» различных вариантов, в музеях Великобритании — четыре, и в Индии — один самолет «Ока». Кроме того, в Америку доставили один самолет «Цуруги». В ноябре 1963 года США передали Японии экземпляр самолета «Ока», который был установлен на постаменте на авиабазе Ирима в префектуре Сайтама. Музей храма Ясукуни был вынужден заказать создание модели этого самолета в натуральную величину*.

* При освобождении корейского порта Гензан советские войска захватили учебный центр летчиков-камикадзе и самолет-снаряды «Ока», судьба которых неизвестна. Скорее всего, они были уничтожены. — *Прим. авт.*

Памятник подводникам миджетов в Хатами, недалеко от базы, где проходили подготовку экипажи

Все это служит целям возродить героический ореол вокруг камикадзе и других самоубийц - воинов «божественной земли Ямато». Давно уже позабыта горечь поражения и чувство стыда за свою страну, когда в Японии людям в военной форме плевали вслед. В современной Японии чувствуется тоска по военным гунка, прославлявшим самурайскую доблесть солдат. Снова можно услышать старые мелодии с примечательными словами:

Отважные герои-десантники спускаются с небес.
Прославляя дух Ямато, сражаются с врагами,
Превращаясь в «бомбы из плоти»...

Самокритичность — это, с точки зрения психолога, то, что позволяет отличить здорового человека от больного. Некритический взгляд на национальное прошлое недопустим. К сожалению, в Японии склонны забывать дикие преступления своих соотечественников, совершенные не только против других наций, но и против собственного народа.

Когда-то полковник Янокава Норимаса с горечью сделал вывод: «Мы никогда больше не должны снова отправлять на смерть таких прекрасных молодых людей», имея в виду пилотов подразделений специальных атак.

Казалось бы, в Японии, потерявшей в 1939-1945 годах 3 миллиона 238 тысяч человек, отношение к войне должно быть исключительно негативным. Однако на самом деле это далеко не так. Ультраправые экстремисты постоянно нападают на статьи действующей конституции, провозглашающие вечный отказ Японии от войны как средства решения международных конфликтов. Да и саму конституцию презирают, считая «писаниной двух евреев из штаба американских оккупационных сил».

25 ноября 1970 года произошло событие, которое упоминается во всех исследованиях о политической жизни страны в послевоенное время.

Всемирно известный писатель Мисима Юкио и несколько членов его тайного общества «Татэнокай» («Общество чита»), одевшись в форму Императорской армии, явились в штаб восточного корпуса сил самообороны. Мисима призвал солдат «смыть пятно позора страны, проигравшей войну» и вернуться к «духу Ямато». Его пылкая речь, однако, не произвела впечатления. Тогда оратор совершил сеппуку. Этот эпизод, не являясь значительным, тем не менее весьма показателен как свидетельство живучести «духа Ямато» и реакционных традиций в японском обществе.

Япония и Россия — страны-соседи. На протяжении

всего XX века взаимоотношения между ними никогда не были простыми. Они переживали взлеты и падения, но не отличались особой теплотой и искренностью, прежде всего по вине Японии.

Причин этому много. Начало века омрачила русско-японская война, в которой молодой империалистический хищник заставил хищника старого и больного уступить ему свою колониальную добычу.

«Сибирская экспедиция», «Наманганский инцидент»* — это звенья одной цепи враждебного отношения Японии уже к новому государству — Советскому Союзу.

В августе 1945 года СССР вступил в войну с Японией. Японцы считают, что тем самым был нарушен советско-японский пакт о нейтралитете 1941 года, действие которого истекло в апреле 1946 года. Японцам не откажешь в формальной логике. Но в контексте всех событий Второй мировой войны Советский Союз поступил именно так, как должен был поступить согласно взятым на себя перед союзниками обязательствам.

После капитуляции Японии четыре южных острова Курильской гряды были аннексированы Советским Союзом. Прошли годы, и японцы заговорили о проблеме так называемых «северных территорий». Проблема действительно существует. Она серьезно препятствует развитию российско-японских отношений.

В России отсутствуют антияпонские чувства. Здесь любят и стремятся лучше понять японский народ, его историю и культуру. В то же время россияне хотели бы больше доверять Японии и японцам, а это возможно лишь при наличии договора о мире и дружбе между двумя государствами.

История больно наказывает за незнание своих уроков, но наказывает *post factum*. Кто может предсказать, как завтра проявит себя дремлющий в недрах нации свирепый самурайский дух? В стране, где явно не хватает антиимпериалистической культуры, где заметны ростки высокомерия и сверхдержавной надменности по отно-

* «Сибирская экспедиция» — японское название интервенции на российском Дальнем Востоке в 1918-1922 годах. «Наманганский инцидент» — японское название боен на реке Халхин-Гол в 1939) году. — *Прим. ред*

шению к другим народам и где живут с искаженной памятью о прошлой войне, забывая о преступлениях своей военщины, — в такой стране существует благоприятная питательная среда для роста зловещего самурайского духа. «Если мы желаем мира на земле, — писал когда-то капитан 1 ранга Иногути, — то было бы хорошо изучить дух пилотов-камикадзе». Да, это так. Судьба молодого поколения японцев последнего года войны трагична и поучительна.

ЛИТЕРАТУРА

На иностранных языках:

1. Adams Andrew. The Hagoromo Society of Kamikaze Divine Thunderbolt Corps Survivors: The Cherry Blossom Squadrons Born to Die. — Ohara Publications, 1973.
2. Agawa Hiroyuki. The Reluctant Admiral: Yamamoto and the Imperial Navy. — Tokio, 1979.
3. Barker A. J. Suicide weapon. — London, 1972.
4. Bateson Charles. The War with Japan. A concise History. — London, 1968.
5. Belote James, Belote William. Typhoon of steel: The battle for Okinawa. — New York, 1970.
6. Belote James H., Belote William M. Titans of the Seas: The Development and Operations of Japanese and American Carrier Task Forces During World War II. — Harpet & Row, 1975.
7. Bergerud Eric. Touched with Fire. The Land War in the South Pacific. — New York, 1996.
8. Blond George. Le Survivant du Pacifique. — Paris, 1956.
9. Borg Dorothy. The United States and the Far Eastern Crisis of 1933-1938. From the Manchurian incident through the initial stage of the undeclared sino-japanese war. — Cambridge, Massachusetts, 1964.
10. Brereton Lewish. The Brereton Diaries: The War in the Air in the Pacific, Middle East and Europe, 3 october 1941 — 8 may 1945. — William Morow, 1946.
11. Brown Courthey. The Last Banzai. — New York, 1967.
12. Bruce Roy W., Leonard Carles R. Crommelin's Thunderbirds. Air Group 12 Strikes the Heart of Japan. — Annapolis, 1994.
13. Campbell Christi. Air War Pacific. — New York, 1990.
14. Castro Ferdinando. I Kamikaze: Stories of Japanese suicide pilots during the Second World War. — Milan, 1970.
15. Chung Iris The Rape of Nanking. The Forgotten Holocaust of World War II. — New York, 1997.
16. Churchill Winston S. The Second World War, Vols III, IV. — London, 1950.
17. Colegrove K. W. Militarism in Japan. — Boston — New York, 1936.

18. Collier Basil. Lapan at War. An ill. history of the War in the Far East. 1931–1945. London, 1975.
19. Cunningham Frank. Sky Maser. The story of Donald Donglas. — Philadelphia, 1943.
20. DeChant John A. Devilbirds. — New York, 1947.
21. Dull Paul S. A Battle History of the Imperial Japanese Navy (1941–1945). — Annapolis, 1978.
22. Dulles Foster R. Forty Years American-Japanese Relations. — New York — London, 1934.
23. Dunnigan James F. The Pacific War Encyclopedia. Vol. 1–2. — New York, 1998.
24. Eckstein Gustav. In Peace Japan breeds War. — New York — London, 1927.
25. Farrington Karen. Witness to World War II. An illustrated chronicle of the struggle for victory. — Abbeydale Press, 1995.
26. Forty George. Japanese Army handbook 1939–1945. Phoenix Mill, 1999.
27. Foster Simon. Okinawa. 1945. Assault on the Empire. — London, 1994.
28. Francillon Rene. Japanese Aircraft of the Pacific War. — London, 1970.
29. Freudenthal Elsbeth E. The Aviation business. From Kitty Hawk to Wall Street. — New York, 1940.
30. Harries Meirion and Harries Susie. Soldiers of the Sun: The Rise and Fall of the Imperial Japanese Army. — New York, 1991.
31. Hogg Ian V. Secret Weapons of the Second World War. — London, 1999.
32. Hoyt Edwin P. How they won the war in the Pacific. Nimitz and his admirals. — New York, 1970.
33. Hoyt Edwin P. The Battle of Leyte Gulf. — New York, 1972.
34. Hoyt Edwin P. Closing the Circle. The Final days of the Pacific war. — New York, 1982.
35. Hoyt Edwin P. The Kamikazes. — New York, 1983.
36. Hoyt Edwin P. Japan's War. The Great Pacific Conflict. 1853 to 1952. — New York, 1986.
37. Inoguchi Rikihei, Nakajima Tadashi, Pineau Roger. The Divine Wind. — Annapolis, 1958.
38. Ito Nasanori. The End of the Imperial Japanese Navy. — London, 1956.
39. Januszewski Tadeusz. Lotnicy smierci i ich samoloty. — Warszawa, 1994.
40. Japan's Longest Day. — London, 1968.
41. The Japan year book. 1939–1940. — Tokio, 1940.

42. Jarski Adam, Paidocz Waldemar. F6F «Hellcat». — Gdansk, 1994.
43. Juergensmeyer Mark. Terror in the Mind of God. The Global rise of religions violence. — Berkeley — Los Angeles — London, 2000.
44. Kennedy M. D. The Military side of Japanese Life. — Boston & New York, 1936.
45. Kuwahara Yasuo, Allred Gordan T. — Kamikaze. — New York, 1957.
46. Lamont-Brown Raymond. Kamikaze. Japan's Suicide Samurai. — London, 1997.
47. Lee Asher. Air power. — London, 1955.
48. Lord Russel of Liverpool. The Knights of Bushido. — London, 1958.
49. Mikes R. S. Broken wings of the Samurai. The destruction of the Japanese airforce. — Shrewsbury, 1993.
50. Millot Bernard. Divine Thunder. The Life and Death of the Kamikazes. — London, 1971.
51. Morris Ivan. The Nobility of Failure. Tragic Heroes in the History of Japan. — Vermont & Tokyo, 1975.
52. Morison Samuel Eliot. History of United States Naval Operations in World War II:
53. Vol. IV, Coral Sea, Midway and Submarine Actions;
54. Vol. V, The Struggle for Guadalcanal;
55. Vol. VI, Breaking the Bismarcks Barrier;
56. Vol. VII, Aleutians, Gilberts and Marshalls;
57. Vol. VIII, New Guinea and Marianas;
58. Vol. XII, Leyte;
59. Vol. XIII, The Liberation of the Philippines;
60. Vol. XIV, Victory in the Pacific.
61. Boston, 1949–1962.
62. Nagatsuka Ryuji. I was a kamikaze. — New York, 1972.
63. Naito Hatsaho. Thunder gods. The kamikaze Pilots Tell Their Story. — New York, 1989.
64. Novotny Josef. Causa kamikaze. — Praha, 1984.
65. Okumiya Masatake, Horikoshi Jiro with Caidin Martin. «The Zero Fighter». — London, 1958.
66. O'Neill P. Suicide squads. — London, 1974.
67. Orita Zenji with Harrington Josef D. I-Boat Captain. — Canoga Park, 1976.
68. Potter John Deane. The Life and Death of a Japanese General. — New York, 1962.
69. Prange Gordon W. At Dawn We Slept: The Untold Story of Pearl Harbor. — London, 1982.

70. Reimann G. Patents for Hitler. — New York, 1949.
71. Reynolds Clarc G. The Carrier War. — Chicago, 1982.
72. Sakai Saburo, Caidin Martin, Saito Fred. Samurai! — Bautam Books, 1978.
73. Sakaida H. Japanese Army Air Force Aces. 1937–1945. — London, 1997.
74. Sakaida H. Imperial Japanese Army Navy Aces. 1937–1945. — London, 1998.
75. Sakamaki Kazuo. I attacked Pearl Harbor. — New York, 1949.
76. Schiffner Manfred, Dohwen Karl-Heinz, Friedrich Roland. Torpedobewaffnung. — Berlin, 1987.
77. Serling Robert J. The Story of Boeing and It's People. — New York, 1992.
78. Shafritz Jay M., Gebbons E. F., Scott Gregory E. J. Almanac of Modern terrorism. — New York, Oxford, Sydney, 1991.
79. Shores Christopher. Air Aces. — London, 1983.
80. Shores Christopher, Cull Brian, Izawa Yasuho. Bloody Shambles. Vol. 1–2. — London, 1992.
81. Skulski Janucz. Anatomy of the Ship: The Battleship Yamato. — 1988.
82. Smethurst R. J. A Social Basis for Prewar Japanese Militarism. The Army and the Rural Community. — London, 1974.
83. Smith J. R., Kay A. L. German Aircraft of the Second World War. — London, 1972.
84. Sources of the Japanese Tradition. — New York, 1958.
85. Spector Ronald H. Eagle Against the Sun. The American War with Japan. — London, 1984.
86. Spurr Russel. A Glorious Way to Die. — New York, 1982.
87. Steinberg Rafael. Return to the Philippines. — Richmond, 1980.
88. Swinson Arthur. Four Samurai. A Quarter of Japanese Army Commanders in the Second World War. — London, 1968.
89. Toland John. The Rising Sun. The Decline and Fall of the Japanese Empire. — New York, 1970.
90. Truman Harry S. Memoirs. Vol. 1. — New York, 1955.
91. Turner L. C. F., Gordon-Cumming H. R., Betzler J. E. War in the Southern Oceans. — London, 1961.
92. Ugaki Matome. Fading victory: the diary of Admiral Matome Ugaki. 1941–1945. — Pittsburgh, 1991.
93. United States Congress. Munitions indusrtly. Report of the Special committee on ivestigation of the munitions industry. United States Senate report 944, Pt. 3 74-th Congress, 2-d session. — Washington, 1936.

94. Warner Denis, Warner Peggy. The Sacred Warriors. — New York, 1984.
95. Warner Peggy, Seno Sadao. The Coffin Boats. Japanese midget submarine operations in the Second World War. — New York, 1986.
96. Watts A. J., Gordon B. G. The Imperial Japanese Navy. — London, 1971.
97. Woodward C. V. The Battle for Leyte Galf. — New York, 1947.
98. Y'Blood William T. The Little Giants. V.S. Escort Carriers against Japan. — Annapolis, 1987.
99. Yokota Yutaka, Harrington Joseph. Kamikaze Submarine. — New York, 1962.
100. Yoshida Mitsuru. Requiem for Battleship Yamato. — Annapolis, 1985.
101. Zalewski Krzyeztof. Lotniskowce II wojni swiatowej. — Warszawa, 1994.
102. Zalewski Wojciech, Tyminski Pawel. Iwo Jima. — Warszawa, 1993.

На русском языке:

1. Аварин В. Борьба за Тихий океан. — М., 1947.
2. Авиация Японии во Второй мировой войне. В 3-х частях. — М., 1996.
3. Авиация японской Императорской армии в Тихоокеанской войне. Часть 1. Истребители. — Хабаровск, 1997.
4. Авиация японской Императорской армии в Тихоокеанской войне. Часть 2. Бомбардировщики. — Хабаровск, 1997.
5. Агаев С. Л. Иран между прошлым и будущим. События. Люди. Идеи. — М., 1987.
6. Арутюнов С. А., Светлов Г. Е. Старые и новые боги Японии. — М., 1968.
7. Басов А. Р. Самурай. М., 2000.
8. Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. Июнь 1941 — август 1942. — М., 1967.
9. Бедняк И. Я. Японская агрессия в Китае и позиция США. 1937–1939. — М., 1957.
10. Белобородов А. П. Прорыв на Харбин. — М., 1992.
11. Беридт Юрген. Лики Японии. — М., 1988.
12. Боевое использование авианосцев. — М., 1973.
13. Боевые корабли японского флота: линкоры и авианосцы. Справочник. Автор-составитель Ю. В. Апальков. — СПб, 1997.

14. Боевые корабли японского флота: Подводные лодки. 10. 1918 — 8. 1945 гг. Справочник. Автор-составитель Ю. В. Апальков. — СПб, 1999.
15. Бойко В. Р. Большой Хинган — Порт-Артур. — М., 1990.
16. Бородин Б. А. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской борьбе. — М., 1965.
17. Бру В. Подводные диверсанты. — М., 1957.
18. В небе Китая. 1937—1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. — М., 1986.
19. Внотченко Л. Н. Победа на Дальнем Востоке. — М., 1971.
20. Гайсинский П. Б. «Флетчеры» — 50 лет в строю! — Харьков, 2000.
21. Горбунов Е. А. 20 августа 1939 г. — М., 1986.
22. Дейтон Л. Вторая мировая: ошибки, промахи, потери. — М., 2000.
23. Дубинский А. М. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке. — М., 1966.
24. Ефимов М. Б. Японские вертикали. М., 1987.
25. Еремеев Л. М., Шергин А. П. Подводные лодки иностранных флотов во Второй мировой войне. — М., 1962.
26. Жуков Е. М. Япония 1918-1939 годов. — М., 1950.
27. Золотарёв В. А., Козлов И. А. Русско-японская война 1904—1905 гг. Борьба на море. — М., 1990.
28. Иванов М. И. Япония в годы войны. Записки очевидца. — М., 1978.
29. Идеалы самураев. — СПб, 1999.
30. Инадзо Нитобэ. Бусидо: Дух Японии. — Киев, 1997.
31. Инрайт Д. «Синано»: потопление японского секретного суперавианосца. — М., 1991.
32. Искендеров А. А. Тоётоми Хидэёси. — М., 1984.
33. Исаков И. Операция японцев против Циндао в 1914 г. — М., 1936.
34. История войны на Тихом океане. В 5 тт. — М., 1958.
35. История русско-японской войны 1904—1905 гг. — М., 1977.
36. Кампании войны на Тихом океане. Материалы комиссии по изучению стратегических бомбардировок авиации Соединенных Штатов. — М., 1956.
37. Кашеев А. Б. Японские подводные лодки: Вторая мировая война. — Харьков, 1997.
38. Керсновский А. А. История русской армии. В 4-х тт. — М., 1994.

39. Книга самурая. — СПб, 2000.
40. Коеи Дж. Б. Военная экономика Японии. — М., 1951.
41. Кожушко Е. П. Современный терроризм: анализ основных направлений. — Мн., 2000.
42. Короткин И. М. Боевые повреждения авианосцев. 1939—1945. — СПб-М., 1994.
43. Короткин И. М., Слепенков З. Ф., Колызаев Б. А. Авианосцы и вертолетоносцы. — М., 1972.
44. Крейг Уильям. Падение Японии. — Смоленск, 1999.
45. Купчинский Ф. П. В японской неволе. — СПб, 1906.
46. Лейко О. Ю. Камикадзе. — М., 1989.
47. Лорд Уолтер. Невероятная победа. День Позора. — СПб, 1993.
48. Мазуров И. В. Японский фашизм: теоретический анализ политической жизни в Японии накануне Тихоокеанской войны. — М., 1996.
49. Марушкин. Б. И. Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае (1937-1939 гг.). — М., 1957.
50. Мерецков К. А. На службе народу. — М., 1968.
51. Мещеряков А. Н. Герои, творцы и хранители японской старины. — М., 1988.
52. Можейко И. В. «Западный ветер — ясная погода», Юго-Восточная Азия во Второй мировой войне. — М., 1984.
53. Морозов М. Гуадалканал! Одна из переломных битв Второй мировой войны. — М., 1994.
54. Накорчевский А. А. Синто. СПб, 2000.
55. Ненахов Ю. Ю. «Чудо-оружие» Третьего Рейха. — Мн., 1999.
56. Никифоров В. Хасан-38. Как это было. — Владимир, 1990.
57. Николе Ч., Шоу Г. Захват Окинавы. — М., 1959.
58. Нимиц Ч., Поттер Э. Война на море. 1939—1945. — М., 1965.
59. Новиков М. Победа на Халхин-Голе. — М., 1971.
60. Печуконис Н. И. Линейный корабль «Ямато». — СПб, 1994.
61. Покладок М. Япония и ее вооруженные силы. — М., 1933.
62. Полевой устав японской армий. 1938 г. — М., 1939.
63. Пронников В. А., Ладанов И. Д. Японцы (этнопсихологические очерки). — М., 1996.
64. Рагинский М. Ю. Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Харбинского процессов. — М., 1985.
65. Роско Т. Эскадренные миноносцы США во Второй мировой войне. — М., 1962.

66. Савин А. С. Японский милитаризм в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. — М., 1979.
67. Сапожников Б. Г. Китайский фронт во Второй мировой войне. — М., 1971.
68. Сато Хироаки. Самураи: история и легенды. — СПб, 1999.
69. Светлов Г. Е. Путь богов. Синто в истории Японии. — М., 1985.
70. Сверхмалые подводные лодки во Второй мировой войне. — Екатеринбург, 1997.
71. Севостьянов Г. Н. Активная роль США в образовании очага войны на Дальнем Востоке (1931–1939). — М., 1953.
72. Селишев А. С. Японская экспансия: люди и идеи. — Иркутск, 1993.
73. Сила-Новицкая Т. Г. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика. — М., 1988.
74. Симбта Сэйдзи. Японский солдат. — М., 1975.
75. Симонов К. Япония-46. — М., 1977.
76. Сорокин А. И. Оборона Порт-Артура. — М., 1954.
77. Сорокин А. И. Русско-японская война 1904–1905 гг. — М., 1955.
78. Спесивовский А. Б. Религия синто и войны. — Л., 1987.
79. Спесивовский А. Б. Самураи — военное сословие Японии. — М., 1981.
80. Специальное оружие флота. — Екатеринбург, 1998.
81. Стрельбицкий К. Б. Август 1945. Советско-японская война на море. Цена победы. — Львов, 1996.
82. Тавровский Ю. В. Загадки «японского духа». — М., 1989.
83. Танин О., Иоган Е. Военно-фашистское движение в Японии. — М., 1933.
84. Тарас А. Е., Бешанов В. В. Люди-лягушки: история подводных диверсионных сил и средств. — Мн., 2000.
85. Таттори Такусиро. Япония в войне 1941–1945. — М., 1943.
86. Тернбулл Стивен. Самураи: военная история. — СПб, 1999.
87. Толузаков С. Душа японской армии. — СПб, 1908.
88. Тюрк Гарри. Сингапур. Падение цитадели. — М., 1973.
89. Удар Солнца, или Гири — чувство чести. — М., СПб, 1999.
90. Уинстон Л. Кинг. Дзэн и путь меча. Опыт постижения психологии самурая. — СПб, 1999.
91. Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. — М., 1966.
92. Фриснер Ганс. Проигранные сражения. — М., 1966.
93. Футида М., Окумия М. Сражение у атолла Мидуэй. — М., 1958.
94. Фэйн Д., Мур Д. Боевые пловцы. — М., 1958.

95. Хасимото Мотицуру. Потопленные. Японский подводный флот в войне 1941–1945 гг. — М., 1956.
96. Хаф Фрэнк О. Война на островах. — М., 1960.
97. Хаяси С. Японская армия в военных действиях на Тихом океане. — М., 1964.
98. Хейзинга Йохан. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. — М., 1992.
99. Хияйнен Л. П. Развитие зарубежных подводных лодок и их тактики. — М., 1988.
100. Холмс У. Победа под водой. — М., 1968.
101. Хосино Я., Хаяси С. Истинное лицо японской армии. — М., 1965.
102. Цветов В. Пятнадцатый камень сада Рёандзи. — М., 1986.
103. Шерман Ф. Война на Тихом океане. Авианосцы в бою. — М., 1999.
104. Шунков В. Н. Реактивные самолеты люфтваффе. — СПб., 1999.
105. Эйдуз Х. Т. Очерки новой и новейшей истории Японии. — М., 1955.
106. Эйдуз Х. Т. Япония от Первой до Второй мировой войны. — М., 1946.
107. Яковлев Н. Н. Избранные произведения. — М., 1988.
108. Яковлев Н. Н. 3 сентября 1945. — М., 1971.
109. Япония — сейчас (впечатления и факты). — СПб, 1906.
110. Японский милитаризм. Военно-историческое исследование. — М., 1972.

Периодика:

Авиация и космонавтика
 Азия и Африка сегодня
 Военно-исторический журнал
 Вопросы истории
 Крылья Родины
 Нева
 Новое время
 Родина
 Сержант
 Техника — молодежи
 ФлотоМастер
 Эхо планеты
 Япония сегодня

Содержание

От автора.....	3
Глава I. Размышления о японском национальном характере.....	7
Штрихи к японскому портрету.....	7
Корни Бусидо.....	
1 1	
Бусидо — дух Японии.....	15
Глава II. Путь к пропасти.....	23
Шаги японского экспансионизма.....	23
«Дух Ямато» — источник японского национализма и милитаризма.....	40
Глава III. Морские самураи.....	69
Сила самурайских традиций.....	69
Герои в стальных «гробах».....	90
Кайтен - «путь в небо».....	116
Ставка на взрывающиеся катера.....	143
Фукурю — боевые пловцы-смертники.....	154
Глава IV. Острова смерти, или последние «банзай!».....	158
Блицкриг по-японски.....	158
Кровь и кораллы.....	163
«У высоких берегов Амура...».....	203
Последние «банзай!».....	211
Глава V. Еще не камикадзе, или неорганизованное самопожертвование.....	222
Глава VI. Филиппины: «решительная битва».....	242
«Отец» камикадзе.....	242
Камикадзе — божественный ветер.....	255
Первый успех: потопление «Септ Ло».....	258
Охота за авианосцами.....	271
Как лучше поразить врага: тактика камикадзе.....	287
Залив Лейте: новый вид воздушной войны.....	298

Американские контрмеры.....	305
Битва за Миндоро и Лусон: реквием «Оммапи Бей».....	309
Глава VII. Апофеоз смерти.....	336
Трагедия «Бисмарк Си».....	336
«Боги грома».....	354
Небо Окинавы.....	370
Камикадзе — «соломинка» утопающих.....	400
Глава VIII. Оружие камикадзе.....	404
Японская авиация: вскормленная дядюшкой Сэмом.....	404
Оружие отчаянных и отчаявшихся.....	409
Специально для самоубийц: новые разработки японских конструкторов.....	421
Глава IX. Смерть в небе и смерть с неба.....	436
«Дух Ямато» против американского сверхоружия.....	436
Варварством за варварство.....	452
Глава X. «Сто миллионов умрут с честью...».....	459
Глава XI. Самураи небес.....	480
«Боги без земных желаний».....	480
Трагедия одного поколения.....	496
Глава XII. И вновь камикадзе.....	505
Зловещие гроздья ненависти.....	505
Куда идешь ты, маленький великий сосед?.....	510

